

РОМАНОВЫ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Казимир Валишевский (1849–1935) – широко известный ученый: историк, экономист, социолог. Учился в Варшаве и Париже, в 1875–1884 гг. преподавал в Кракове, с 1885 г. постоянно жил и работал во Франции. В 1929 г. «за большой вклад в современную историографию» был отмечен наградой французской Академии наук.

Автор ряда книг по истории России, среди которых наиболее известными являются «Петр Великий» (1897), «Дочь Петра Великого» (1900), «Иван Грозный» (1904), «Сын Екатерины Великой» (1910), «Екатерина Великая» (1934).

Несмотря на то, что многие оценки и выводы Валишевского сегодня могут показаться спорными, «Петр Великий», безусловно, заинтересует всех любителей отечественной истории, в первую очередь благодаря огромному количеству малоизвестного фактического материала, собранного и изложенного в книге.

-
- [Казимир Валишевский](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава 1. Кремль и немецкая слобода](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Казимир Валишевский

Петр Великий

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Соразмеряй силы с предприятием, а не предприятие с силами». Этим смелым советом, данным одним поэтом-соотечественником, мне пришлось руководиться при задаче, взятой на себя, в качестве историка. Как трудно подступиться к человеку, занимающему такое выдающееся место в истории русского народа и оставившему такой неизгладимый след на всем его существовании.

Вот почему я подошел к нему так поздно, поднимаясь от ближайшего времени к более отдаленному, и только после великой наследницы перешел к создателю наследства.

Сумел ли я схватить своим взглядом то, что обнимал своим взором ты – бронзовый гигант, спускающийся иногда – как говорят поэты – в белые петербургские ночи со своего гранитного пьедестала и победоносно скачущий, не зная устали, как при жизни, по заснувшему городу? Великий призрак, двести лет посещающий, как страшный, но всем близкий дух, те места, где ты жил, нашел ли я то заклинание, которое возвращает голос привидениям и из праха прошедших времен воссоздает вокруг них былую жизнь?

Я переживал отошедшие в вечность часы; мне казалось, что вокруг меня оживали все лица и вещи, наполнявшие их. Я осязал чудеса волшебного царствования, воочию видел осуществление сказки о пшеничном зерне, которое моментально прорастает и превращается в растение в горсти индийского йога. И я говорил с человеком, совершившим это чудо – может быть с единственным в своем роде, какого знал мир.

Наполеон всего лишь величайший из французов – или итальянцев, по мнению некоторых историков, – но он не Италия, не Франция. Петр – это вся Россия; ее плоть и дух, характер и гений, воплощение всех ее добродетелей и пороков. При разнообразии своих способностей, громадности усилий и страстности, он кажется существом собирательным. И этим он велик, этим он выделяется из рядов бледных умерших, которых спасают от забвения наши слабые исторические воспоминания. Не приходится употреблять усилий, чтобы вызвать его тень – он всегда тут. Он пережил себя; он вечен; он как бы жив и теперь; облик мира, извлеченного им из ничтожества, мог измениться в некоторых чертах, но принцип остался неизменным. Тут несоизмеримая сила, три века действовавшая вопреки всем расчетам и превратившая ничтожное владение Ивана в наследие Александров и Николаев, в империю, превышающую своим протяжением и численностью населения все государства, когда-либо известные Европе, Африке и Азии, империи Александра и Римскую, империю калифов и современную нам Британскую со всеми ее колониями. И эта сила называлась некогда Петром Великим. Она переменяла имя, но не изменила характера. Это душа великого народа, но также душа великого человека, в котором как бы воплотилась мысль и воля миллионов существ. Эта душа вся в Петре, и он весь в ней; и ее-то я желал заставить затрепетать на этих страницах.

Конечно, не только с помощью одного своего воображения. Я взял у документов – этого единственного ключа, способного открыть нам двери, ежечасно запирающиеся за нами – все, что они могли дать мне. В своей честности я уверен. Может случиться, что она вызовет удивление, разочарование или даже неудовольствие. Но я прошу своих русских читателей взвесить свои впечатления. Надо всегда иметь мужество смотреть прямо в глаза действительности и своему прошлому, а для русских это нетрудно.

Кроме того, я прошу всех своих читателей не заблуждаться относительно цели, которую

я имел в виду. Занятый собиранием материалов для биографии национального героя, Пушкин намеревался воздвигнуть ему памятник, который нельзя было бы перемещать с места на место. Неподвижность образцового произведения Фальконета как будто возбуждала неудовольствие. Забота и стремления поэта, общие большинству моих предшественников, даже вне России, мне были совершенно чужды. Петр, уже и без меня, имеет памятник, по-моему, наиболее достойный его. И воздвигли его не Пушкин и не скульптор-француз. Над тем памятником, о котором я говорю, он сам работал своими мозолистыми руками, и его наследники будут работать еще долго. Сибирская дорога прибавила к нему еще один камень, который послужит к его украшению и укреплению.

Моя цель совершенно иная. Взоры всего мира устремлены, полные симпатий с одной стороны, и недоверия или враждебности – с другой, на это вместилище душевной и физической энергий, неожиданно открытое между старой Европой, уставшей жить, и старой Азией, утомленной своим бездействием. Что это? Пропась, куда суждено кануть обычным судьбам? Или источник вечной юности? Наклонившись над обоими берегами, толпы смотрят в напряженном внимании, вглядываясь в глубину, зондируя ее. Я только даю разъяснение общему любопытству и напряженному ожиданию. Это разъяснение почерпнуто, как я уже сказал, из истории, но также и из современной жизни. Петр Великий не умер. Взгляните! Может быть, настал час? Заря утра, которое принесет нам неизвестно что, появляется на горизонте, на широкой реке клубится туман, как бы окутывающий призраки! Слышите! Не топот ли коня раздастся по мостовой тихих улиц?..

Валишевский.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОСПИТАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ

Глава 1. Кремль и немецкая слобода

I

етр Алексеевич родился 30 мая 1672 года, – в 7180 году по принятому в то время летосчислению. За два с половиной года до этого события старый Кремль был свидетелем странного зрелища: из самых разнообразных мест, дворцов, изб и монастырей было привезено в Кремль несколько сот самых красивых девушек. Там, размещенные в шести комнатах, приготовленных для них, они, как и все московские женщины той эпохи, проводили время однообразно и празднично, коротая его рукоделиями, песнями да сказками. Потом наступал вечер, который заставлял их забывать длинные часы скуки, тоски и нетерпения и переживать приятное волнение ожидания и надежды. На пороге их комнаты, превращавшейся на ночь в спальню, появлялись мужчины; двое из них приближались к узким кроватям, где спали прекрасные девушки, рассматривали их, не стесняясь, обменивались многозначительными взглядами и жестами; один из этих мужчин был царь Алексей Михайлович, другой – доктор, помогавший ему выбирать между этими незнакомками супругу, которая «способна дать усладу государю», которую он сделает на другой день великой княжной, а затем и царицей России, будь она даже дочерью последнего крепостного. Это был старый обычай, заимствованный из Византии по соображениям высшей политики, а отчасти и по необходимости. Иван Васильевич (Великий, 1435–1505) тщетно пытался выбрать невесту для своего сына между иностранными принцессами. Он получил унижительный отказ и от короля датского, и от бранденбургского маркграфа. Царь не хотел породниться с русскими князьями, которые были его соседями и соперниками; поэтому он велел привезти в Москву пятьсот девушек. Великокняжеский венец должен был достаться раз уж не самой знатной, то самой красивой. Век спустя царь Михаил Федорович попытался возобновить сватовство за границей, но также потерпел неудачу. Датский король не хотел даже принять московских посланцев. С тех пор обычай установился окончательно. На бояр и их жен возлагалась обязанность осматривать девушек, отозвавшихся на призыв царя. Осмотр был очень тщательный и строгий, и даже самые интимные части тела не ускользали от него. Вследствие такого подбора, царю представлялись настоящие красавицы.

Иногда, впрочем, этот обычай совершался только для вида, как например в 1670 году. На этот раз красавицы напрасно расточали свое кокетство. Выбор царя был сделан до их прибытия. В 1667 году царю Алексею Михайловичу было 38 лет, когда умерла его первая жена из рода Милославских, подарившая ему шесть сыновей и восемь дочерей. Трое из этих сыновей умерли; оставшееся в живых Федор и Иван были болезненны; царю было необходимо жениться снова. Увидя в доме Артамона Сергеевича Матвеева красивую брюнетку, которую он принял за дочь своего любимого советника, он решил окончательно. Это была воспитанница Матвеева, Наталия Кирилловна Нарышкина, которую отец, бедный и мелкий дворянин, отдал на попечение влиятельного и богатого боярина. Появление красавицы Наталии перед царем не могло бы произойти в обыкновенном московском доме,

хранившем старинные местные обычаи. Там девушка оставалась бы за непроницаемой дверью своего терема. Но дом Матвеева отличался в этом отношении от других. Артамон был женат на иностранке из рода Гамильтон. Английская революция разгромила много семей, приверженных Иакову, и многие из них нашли себе приют в негостеприимных широтах отдаленного варварского государства. Алексей был очень милостив к этим иностранцам, и сам Матвеев приобрел почет при дворе, благодаря дружбе с одним из них. Близость к иностранцам развила его; он много читал, имел библиотеку, физический кабинет и маленькую химическую лабораторию. Наталия садилась за стол вместе со своими приемными родителями и даже с гостями. Алексей объявил, что он берет на себя найти ей жениха, который не посмотрит на то, что она бесприданница, а затем объявил о своем намерении жениться на ней. Артамон Сергеевич больше испугался, чем обрадовался предложению. Его положение, как царского любимца, создало ему немало врагов.

Род Матвеевых не был знатным, но, несмотря на это, Артамон Сергеевич занимал высокое положение, был начальником многочисленных приказов: иностранных дел, финансов и дворцового, командовал стрельцами, стоял во главе управления Малороссии, Казани и Астрахани. Он просил только сохранить внешние приличия, и Наталья должна была появиться в спальне Кремля.

Все обычаи были с точностью соблюдены; даже дяде одной из красавиц пришлось поведаться с царским судом за его старания обманным образом выдвинуть свою племянницу: его подвергли пытке, дыбе и наказали кнутом.

Свадьба состоялась 22 января 1671 года, а 30 мая (12 июня) 1672 года Наталья Кирилловна родила сына. В этот же день Людовик XIV, глядевший на свою армию, переходившую Рейн под предводительством Кондэ и Тюренна, послужил для Буало сюжетом его знаменитого послания; и в тот же день турецкая армия, переходя Днепр, заходила в тыл империи и протягивала руку великому королю. Но Москва не обратила внимания на эти события, занятая празднествами в честь новорожденного царевича. Европейская политика не доходила сюда.

Место, где родился величайший человек России, остается до сих пор неизвестным. В московском ли Кремле? Во дворце ли села Коломенского, названного русским Вифлеемом? Может быть, в Измайлове? На этот счет нет ни одного точного указания. Физически и духовно Петр совсем не походил на своих старших братьев и сестер, слабых и хилых, как Иван и Федор, как и сама царевна Софья. Да мог ли Алексей, подтачиваемый смертельной болезнью, передать сыну такое изобилие сил, богатырский рост и железную мускулатуру? Кто же тогда? Немец-хирург, заменивший своим сыном девочку, родившуюся у Натальи? Придворный – Тихон Никитич Стрешнев, человек скромного происхождения, недавно возвысившийся благодаря женитьбе Михаила Романова на красавице Евдокии?

Как-то, Петр, опьяненный винными парами, захотел доискаться истины. «Этот по крайней мере», воскликнул он, указывая на Ивана Мусина-Пушкина, «знает, что он сын моего отца. Чей сын я? Не твой ли, Тихон Стрешнев? Не бойся, говори, говори, а то удушю тебя...»

«Батюшка, смилуйся. Я не знаю, что отвечать... Я был не один...»

Чего только не рассказывали!

Со смертью Алексея (1674) началось смутное время, создавшее грозное, деспотичное кровавое правление Петра. С первых же дней Петр сделался героем драмы и главой оппозиции. Еще тело Алексея не успело остыть, как уже началась ожесточенная борьба двух

партий, Милославских и Нарышкиных, которых Алексей возвысил своей двукратной женитьбой.

Нарышкины приписывали свое происхождение знамени тому чешскому роду Narisci, владевшему Эгрой. Историк Мюллер предполагает, что родоначальником их был татарин Нарыш, живший при дворе Ивана Васильевича (1463). Последняя версия кажется более правдоподобной. Милославские происходили из старинного литовского рода Корсак, расположенного на территории Польши. Свергнутые и потерявшие свое влияние из-за Нарышкиных, они чувствовали себя вдвойне оскорбленными и униженными. Отец Натальи, Кирилл Полиевктович, в несколько лет сделался самым богатым во всем государстве, имел чин думного дворянина и окольного.

Колокольный звон на похоронах Алексея послужил сигналом для мести. В продолжение 13 лет вся Россия, тесно связанная с судьбой обеих партий, переживала кровавую борьбу за власть.

Матвеев, побежденный в первой же схватке, открыл собою целый ряд жертв. Заключение в тюрьму, перенесший целый ряд пыток, он едет в ссылку в Пустозерск на Ледовитом океане, где едва не умирает с голоду. Наталью одно время намеревались заключить в монастырь; но затем сослали ее и ее сына в Преображенское, около Москвы, где у Алексея был дом.

При таких обстоятельствах Петр покинул Кремль, куда ему пришлось возвратиться на непродолжительное время, чтобы пережить там тяжелые испытания и оскорбления, присутствовать при избиении своих приверженцев, при падении государственной власти, при своем собственном поражении. Петр возненавидел Кремль, и даже победителем и самодержцем он не забыл свою злобу и отвернулся от него. Этот разрыв есть символ всей жизни и дела Петра.

II

Теперешний Кремль с его скученными постройками без определенного стиля и характера мало напоминает жилище Алексея Михайловича конца семнадцатого века. После пожаров 1701 и 1737 года и перестройки 1752 остались лишь следы своеобразного итальянского возрождения, ввезенного в конце пятнадцатого века дочерью одного Палеолога, воспитанной в Риме – следы гения Фьораванти, Солари, Фрязинов, боровшихся с обычным для Москвы византийским стилем. Некоторые церкви, части дворца и наружная стена, с кирпичными башнями, напоминающими часовых, походят скорее на укрепленный лагерь, чем на царское жилище. Только церковь Василия Блаженного, находящаяся за стеной Кремля, на Красной площади, живо напоминает картину исчезнувшего прошлого. Внутри было такое же смешение немецкой, готической, индийской, византийской и итальянской архитектур, такая же запутанность в постройках, как бы втиснутых одна в другую наподобие китайской головоломки. То же изобилие украшений, та же пестрота форм и красок, странных, безумных, как плоды фантастического бреда, как следствие плохо усвоенного пластического идеала. Узкие комнаты с низкими сводами, темные коридоры, мерцание лампад в темноте, расписанные охрой и киноварью стены, железные решетки на всех окнах, вооруженные люди у всех дверей; везде толпа солдат и монахов...

Дворец прилегает к церкви и монастырю и мало от них отличается. Царь на своем

троне походит на мощи, лежащие неподалеку в раке. С одного конца до другого этого странного скопления духовных и светских зданий, из-за толстых стен домов, соборов и монастырей доносятся глухие звуки, сливающиеся в одну общую гармонию; монотонное чтение священников в церквах, песни запертых в теремах женщин, отзвук оргии, тайно совершающейся в какому-нибудь углу дворца, или громкий крик пытаемого в тюрьме заключенного. Но тишина царит над всем; все говорят шепотом, все едят осторожно, все наблюдают друг за другом. Это внутренность гробниц, гарема и тюрьмы. Кремль, таким образом, не представляет собой жилище исключительно царя. Вся Россия концентрируется там – Россия странная, существующая уже десять веков, но все еще наивная, хотя и имеющая за собой долгое историческое прошлое; Россия, отделенная от соседней Европы, которая игнорировала ее, несмотря на то, что в ее жилах текла чистая европейская кровь, что в ее летописях были традиции, а также и одинаковые судьбы, одинаковое счастье и несчастье, победы и поражения. В IX и X веках, когда первые короли Франции, Карл Толстый и Людовик Заика, с трудом защищали свои сокровища от норманнских хищников, другие морские короли высаживались на берег Балтийского моря. Там норманн Хрольф отнимал у Карла побережье, названное именем его народа; тут в обширной равнине, простирающейся от Балтийского моря до Черного, редко населенной финнами и славянами, норманны Рюрик и его товарищи основывали государство.

Полтора века спустя на трех окраинах Европы три другие героя победоносно устанавливают свою власть: в Италии дом Хотвилль, при Роберте Гвискаре, в Англии – Вильгельм, в России – Ярослав.

Но это еще не Московская Русь. Москва еще не существует. Столица Ярослава – в Киеве. Потомки Рюрика поддерживают связь с Грецией, Италией, Польшей и Германией. Византия им дает монахов, ученых и священников. Италия и Германия – архитекторов и ремесленников, купцов и элементарное знание римского права. Приблизительно около 1000 года Владимир – в былинах «Красное Солнышко» – издает закон, по которому все бояре должны были посылать своих детей в школы, устроенные им при церквах; он прокладывает дороги, и устанавливает в церквах меры веса и длины. Его сын Ярослав (1015–1054) чеканит монету, строит дворцы, украшает площади своей столицы греческими и римскими статуями и пишет свод законов. Пять картин, сохранившихся в Ватикане под названием коллекции Каппони, представляют собой образчики своеобразного русского искусства, которое процветало в Киеве в двенадцатом веке,^[1] картины эти нисколько не ниже лучших произведений одного из основных в то время итальянских художников – Andrea Ricodi Candia. Эти начатки культуры не были единичными в Киеве: в 1170 году в Смоленске князь Роман Ростиславович занимается науками, устраивает библиотеки, школы и семинарии, где обучают классическим языкам.

По всей России, от Дона до Карпат, от Волги до Двины, завязываются торговые сношения с югом и с севером Европы. Новгород первенствует на Балтийском море; в Киеве пестрые толпы купцов, норманнов, славян, венгерцев, венецианцев, генуэзцев, немцев, арабов и евреев наполняют улицы своими лавками и всевозможными продуктами. В 1028 году там насчитывают 12 рынков. Киевские князья не принуждены брать себе жен в теремах своих подданных. Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа Ингигерде; он выдал свою сестру за короля Польши Казимира; один из его сыновей, Всеволод, взял себе в жены дочь византийского императора Константина Мономаха, другой, Вячеслав, графиню де Стад, Игорь – Кунегунду, графиню Орламюнде. Его старшая дочь Елизавета вышла замуж за

норвежского короля Гарольда; третья, Анастасия, за венгерского короля Андрея I. В 1048 году три епископа: Готье де Мо, Госселеф де Шалиньяр и Роже де Шалон отправились в Киев просить руки второй дочери царя, Анны, для французского короля Генриха I.

К середине тринадцатого века все это рухнуло, исчезло бесследно. Россия не была тогда прочным государством, которое могло бы выдержать сильные удары судьбы. Хотя владельцы Киева, Новгорода и Смоленска, Рюриковичи, соединяли в себе, наряду с воинственными инстинктами, замечательные организаторские способности, они носили на себе печать своего происхождения: буйный дух беспорядка, только со временем смягчившийся под влиянием нравов просвещенного общества и законов организованного государства. Но они не успели окрепнуть. В 1224 году появление монгольских орд Батые нанесло им непоправимый удар. К этому времени – к началу двенадцатого столетия – после попытки объединить Россию в княжение Владимира Мономаха, среди шестидесяти князей, живших между Волгой и Бугом, происходила непрерывная борьба из-за власти и первенства. Батый и внук Чингиз-хана заставили их объединиться.

Под копытами тысяч коней исчезают три века усиленного труда и попыток к цивилизации. От той древней России, заимствовавшей так много у Европы, но несколько не потерявшей вследствие этого своего национального своеобразия, благодаря быстрому поглощению местным населением малочисленного норманского элемента, не остается почти ничего. В следующем столетии, в 1319 и 1340 годах, Киев и прилегающие к нему страны становятся добычей литовских князей, будущих королей Польши. После Гедимины, Ягелло соединил под своим скипетром все остатки эфемерного государства Мономахов, Червонную Русь, Белую и Малую, – «всея Россию», по выражению, сохранившемуся с того времени. Но он присоединил пустыню. Казалось, что история Рюриковичей прекратилась.

Но она продолжается на востоке того огромного пространства, предназначенного самой судьбой для многочисленного народа и создания неведомого будущего. В верхнем бассейне Волги, на берегах реки Москвы, среди редко населенного финского народа небольшое село становится с двенадцатого века жилищем и уделом одного из потомков Рюрика. Много раз уничтоженное во время беспрестанных войн с соседними князьями, почти стертое с лица земли татарским нашествием, оно поднималось снова, разрасталось и к началу XIV века стало центром торговли между норманнами, славянами и финнами. Смирясь под игом монголов, оно сумело извлечь выгоду из победителя, отдав ему роль внутренней полиции и внешней охраны. Действуя смиренно, терпеливо и ловко, оно брало на себя роль посредника между победителями и побежденными народами, которые соглашались на это: одним это было полезно, другим необходимо. Оно брало на себя унижительную роль сборщика податей для общего повелителя, роль полицейского и, если того требовали обстоятельства, не гнушалось даже быть и палачом. Оно подвигалось таким образом все вперед, расширяясь, укрепляя шаг за шагом завоеванный авторитет и полученное за заслуги главенство, до того долгожданного дня, когда почувствовало себя достаточно сильным, чтобы порвать оскорбительный договор, послуживший ему средством для возвышения.

Это продолжалось около двух веков, в течение которых соседние князья Переяславля, Рязани, Владимира, Углича, Галича, Ростова, Ярославля и Суздаля делались один за другим сперва вассалами, а затем и простыми подданными, боярами, необыкновенно усилившегося московского князя. В это же время монгольская гегемония, благодаря междоусобицам, стала ослабевать.

Наконец, приблизительно в 1480 году, время испытания, казалось, закончилось, и вся Европа, удивленная, узнала, что между ней и Азией существует новое государство, князь которого провозгласил свою независимость. Он прогнал Золотую Орду за пределы огромного пространства, подчиненного его власти, завоевал Новгород и Тверь; женился на греческой княжне, жившей в Риме, и сделал гербом двуглавого орла. Этот князь назывался Иваном, и его народ дал ему имя «Ивана Великого».

Но это была уже не Киевская Русь, и кроме происхождения самого царя, у нее не было ничего общего с могуществом и славой Ярослава и Владимира. Европа ничем не была представлена в этом новом государстве. Хотя московский великий князь и назывался царем «всей России», но на самом деле земли, которые он считал своими, принадлежали еще Польше. Монгольское течение оставило на славянской земле, как толстый слой ила, все, что оно имело в себе прочного: характер правления, нравы и склонности, но не оставило никакой культуры. Кроме традиций византийско-русской церкви, охранявшейся греческими священниками и монахами, государство и общество, которые понемногу соорились под вековой опекой преемников Батыея, были главным образом азиатским и варварским. Феодализм, крестовые походы, рыцарство, учение римского права, – вся та высшая школа, в которой сформировалось умственное и моральное единство Запада, вся та великая борьба между мощью духа и временной властью, из которой родились иные свободы, остались чужды России.

Московская метрополия, основанная в 1325 или 1381 гг., не захотела признать унию с Римом, выработанную на флорентийском соборе, принятую Киевским митрополитом, и порвала таким образом с Западом. Папа сначала проклял ее, но потом, наскучив спорами с этим восточным расколом, предал его полному забвению.

Несмотря на всё, семена культуры произрастали, пробивая, хотя и медленно, толстую, азиатскую кору. Они приносились постоянно из Европы и главным образом через Польшу, через литовских князей, бывших когда-то русскими.

Прежде чем укрыться у своих соседей, Курбский переписывался с Чарторыйскими, оставшимися русскими и православными с головы до ног.

Возвратившись из Польши после удачного похода, Иван привез оттуда первую печатню, которую когда-либо видала Москва. Победа Новгорода (1475) привела в соприкосновение новое московское государство с Ганзой.

В 1553 году англичанами было открыто устье Двины, где в скором времени вырос Архангельск и завязалась торговля в северных морях. Но вот снова надвинулось нашествие, а с ним новая борьба за существование. К счастью оно шло с другой стороны. То был отлив из Европы. Польская армия тащила в своих фургонах все, что имело отношение к папскому Риму: иезуитов и бернардинцев, католическую пропаганду и схоластику. За учеными, красноречивыми и хитрыми иезуитами следовали элегантные и утонченные лже-цари польского происхождения. Двор Димитрия и Марины Мнишек содержался наподобие двора Сигизмунда. Польская светская музыка проникла в православные обряды. Даже в дни национальной победы и возрождения Москвы чувствовалось влияние Польши и Запада. Завладев вновь Киевом, войска царя Алексея не нашли уже там следа прежнего блеска, но все же больше, чем в опустошенной Москве: несколько школ, основанных поляками, печатню, которая могла бы заменить прежнюю, но которую сейчас же предали анафеме и уничтожили; духовную греко-латинскую академию – целую маленькую сокровищницу цивилизации.

С этой эпохи Москве был открыт прямой путь в Европу. Если Петр, изгнанный из Кремля враждебной политической партией, выброшенный, так сказать, на улицу, не пожалел о родном гнезде, то только потому, что нашел в близком соседстве иной, более привлекательный очаг. Присоединяя Новгород, этот республиканский и непокорный город, Иван поставил себе целью искоренить его буйный дух. Он решил переселить десять тысяч семей. В России сохранили секрет административных государственных переворотов, способных расшевелить целые народы. Новгородские изгнанники приехали в Москву, а на их места послали покорных и надежных подданных, наказанных таким образом за свою верность. Между переселенными в Москву находились ганзейцы, которые основали первую иностранную колонию на берегу Москвы. Но народ решил, что присутствие этих иностранцев оскверняло город. В своем патриотизме москвичи, да и вся Россия, считали этот город святым. Поэтому немцам, т. е. людям, не говорящим на местном языке, следовательно немым, было отведено место наподобие еврейского квартала в Риме, за воротами, замыкавшими столицу в северо-восточной ее части, между Басманной и Покровкой, где находится в настоящее время лютеранская церковь, на грязных берегах маленького притока Москвы – Яузы. В XVI веке царь Василий поместил там свою гвардию, состоящую из поляков, литовцев и немцев.

Преемники Василия не довольствовались одними солдатами-иностранцами, они выписывали себе из-за границы ремесленников, художников и учителей. В любопытной книге Аделунга есть гравюра, показывающая вид предместья, где жили все эти эмигранты. Это было селение с деревянными домами, наскоро выстроенными из бревен, покрытых корой, с обширными огородами, окружавшими жилища. Этот вид быстро менялся, также как и само население. При Алексее от Немецкой слободы осталось только ее название в память первых ее обитателей германского происхождения. При нем же первое место занимают англичане и шотландцы. Между последними, вследствие изгнания сторонников Кромвеля из Англии, встречаются люди высокого происхождения: Друммоны, Гамильтоны, Дальзиели, Кроуфорды, Граамы, Лесли, а позднее Гордоны. Французов в то время еще нет. Их боятся, как католиков и янсенистов. Исключение составляют только приверженцы короля Иакова, которые, как изгнанники, кажутся безопасными. Позже, с отменой нантского эдикта, это доверие распространяется и на подданных христианнейшего короля. – Якобиты жили отдельно; они не были ни ремесленниками, ни купцами, но много содействовали процветанию слободы; своим происхождением и воспитанием они внушали уважение москвичам. Профессии купцов, учителей, врачей, аптекарей, ремесленников и художников принадлежали в то время голландцам. Немецкий контингент, примешивавшийся к ним, был самого лучшего качества. Те и другие приносили туда свои национальные добродетели: дух предприимчивости и постоянства, благочестия и семейственности, общее стремление к законности и порядку, домашнему миру и плодотворному труду. Немцы имели двух лютеранских пасторов, голландцы одного пастора-кальвиниста; но в соседстве с варварами все религиозные споры затихли; в слободе царила свобода; только католикам запрещалось иметь священника. Школ было много. Шотландец Патрик Гордон следил за работами лондонского *Royal Society*. Английские дамы выписывали целыми тюками романы и стихотворения национальных писателей, и велась оживленная корреспонденция со всей Европой. В немецких собраниях устраивались скромные развлечения, танец «гросфатер»

считался проявлением самого большого веселия. Был театр, где Алексей слышал в первый раз Орфея. Значительную роль в колонии играла политика; члены дипломатического корпуса: англичане, голландцы, датчане, шведы, – последние тоже входившие в состав слободы, – представляли там интересы протестантских держав. Голландский резидент Ван Келлер, богатый, образованный, осторожный и ловкий, занимал особое положение, перед которым преклонялись сами москвичи. Отправляя сам каждый день огромную корреспонденцию, он получал все новости Запада, заставлявшие трепетать всю слободу при известиях, касавшихся европейской политической жизни.

Немецкий путешественник Таннер, посетивший слободу в 1678 году, вынес оттуда очень хорошее впечатление; о чем свидетельствует также гравюра начала восемнадцатого века: Слобода казалась совсем изменившейся. С ее кирпичными комфортабельными домами, цветниками, прямыми аллеями, фонтанами на площадях, она представляла такой контраст с остальными русскими городами, не исключая и Москвы, что это поражало Петра. Несмотря на влияние и соседство Польши, которая была, так сказать, преддверием Европы, Москва осталась в общем такой же, какой ее сделали три века азиатского рабства. Некоторые признаки указывали все же на начало знакомства с интеллектуальным миром Запада.

Появились люди, снявшие смешной византийско-татарский наряд, имевшие новые идеи, новые намерения, в которых намечалась целая программа реформ, более обширных, чем исполненная впоследствии Петром.^[2] Занималась новая заря. К сожалению, все эти нарождающиеся идеи разделял сравнительно небольшой круг избранного общества. Царь Алексей не выкалывал уже глаз художникам, как его предшественник Иван, чтобы помешать им воспроизводить их создания искусства в другом месте, но когда Михаил вознамерился пригласить к себе на службу знаменитого Олеария, при дворе и в городе поднялся целый бунт. Бунтовщики грозили утопить колдуна. На обеде у одного знатного иностранца русские вельможи, не стесняясь, набивали себе карманы разными яствами, к немалому удивлению хозяина.

Изгнание поляков и лже-царей несколько не изменило Кремль, и Петр перед своим изгнанием оттуда не видел никого, кроме лиц свиты, окружавшей его по дороге в церковь или в баню, куда он шел между двумя рядами карликов, несших занавесы из красной материи, так что домашнее заключение продолжалось и на улице. Ребенок задыхался в такой атмосфере. В Преображенском он вздохнул свободно. Однажды, предоставленный самому себе, он попал на берег Яузы и в первый раз увидел Слободу. Он не хотел больше от нее удаляться, а, наоборот, звал туда всю Россию. Но его ждали еще тяжелые минуты окончательной борьбы с азиатским режимом.

IV

Федор, старший сын и наследник Алексея, умер в 1682 году бездетным. Кто же должен был наследовать ему? Со смерти последнего Рюриковича в 1598 году престол захватывался почти все время силой. Борис Годунов достиг его посредством целого ряда убийств; Димитрий – благодаря польским штыкам; Василий Шуйский был обязан своим избранием одним боярам, и наконец – Михаил Романов – народу. При этом последнем избрании было выработано нечто вроде династического права; но, несмотря на это, при восшествии на

престол Алексею пришлось прибегнуть к всеобщему голосованию.

Один из младших братьев Федора, Иван, сын Милославской, которому в то время исполнилось 15 лет, был почти слепой и наполовину идиот. В письме, адресованном в 1684 году министрам Людовика XIV, говорится о болезни век царевича, благодаря чему он не может видеть, если их не поднимать искусственно. И бояре единогласно высказывались за избрание Петра, сына Нарышкиной, который был моложе своего брата на десять лет. Им противно было, говорили они, превращать свои обязанности в занятия сиделок. Вероятно также, что их привлекал более ранний возраст Петра, благодаря чему предвиделось более продолжительное междуцарствие, и власть должна была сохраниться в руках бояр на более долгое время.

Они привлекли на свою сторону бояр, присутствовавших при последних минутах Алексея, и патриарха Иоакима, соборовавшего его. В России, как в Польше, глава церкви пользовался временной властью во время междуцарствия. В 1598 году, например, патриарх Иов решил победу Годунова. Во всяком случае, на этот раз избрание Петра было незаконно. Речь, сказанная «всяких чинов людям», случайно собравшимся в Кремле; призыв к голосованию, приведший к одобрению; появление импровизированных избирателей на Красном крыльце перед народом, привлеченном туда тревожными событиями; имя, брошенное в эту толпу – и дело было сделано: у России появился царь, которого звали Петром.

Об Иване не было сказано ни слова; оправдания этому нарушению закона и наследственных прав не было никаких. То была просто победа Нарышкиных над Милославскими, застигнутыми врасплох и лишенными возможности защищаться, благодаря быстроте и неожиданности развязки. Но это было кратковременное торжество; оно продолжалось всего месяц. На другой день после своего поражения побежденная сторона снова выходит на сцену, а за ней неожиданно появляются два новых политических фактора, которые изменяют весь внешний вид борьбы: царевна Софья и стрельцы.

Глава 2

Царевна Софья

I

У Алексея осталось пять дочерей, но имя только одной из них, Софьи, сохранилось в истории. Софья была родной сестрой Ивана, и ей шел уже двадцать шестой год. Я упомянул о ее красоте: некоторые историки во главе с Сумароковым и даже иностранцы, такие как Штраленберг и Перри, утверждают, что она была красива, но ни один из них не видел царевны. Свидетельство франко-польского дипломата Ла-Невиля, заслуживает бóльшего доверия. Оно нарушает поэзию; но что делать? «Уродливое тело непомерной толщины, широкая, как котел, голова, покрытое волосами лицо и шишки на ногах». Вот его свидетельство. Историк Костомаров старается смягчить краски: «Некрасивая на взгляд иностранцев, Софья могла казаться привлекательной москвичам того времени, которые не считали тучность недостатком». Монах Медведев, доверенный царевны и преданный ей человек, красноречиво молчит о ее наружности и упорно превозносит ее душевные качества. Но в одном согласны все, не исключая и Ла-Невиля. «Насколько ее тело было

коротко, широко и грубо, настолько же тонок и развит был ее политический ум; не читав никогда Макиавелли и не учившись, она от природы владела всеми его правилами».

До 1682 года жизнь Софьи была такою же, как жизнь всех русских девушек того времени, но усложненная по ее положению еще большими, почти монастырскими строгостями. Кремлевский терем превосходил все остальные в этом отношении: одиночество, строгое и мелочное исполнение обрядов, частые посты. Патриарх и самые ближние родственники были единственными посторонними посетителями терема. Даже врач допускался только в случаях очень серьезной болезни. Когда он входил, ставни затворялись, и он мог щупать пульс больной только через какую-нибудь ткань. Потайные ходы вели из терема в церковь, где царица и царевны скрывались за неизбежными красными занавесями от любопытства остальных молящихся. В 1674 году, сворачивая в один из внутренних дворов дворца, два молодых дворянина, Бутурлин и Дашков, случайно встретили карету, в которой царица отправлялась на богомолье в монастырь. Этот случай чуть не стоил им головы. Последовал строгий допрос в застенке. Место царевен не указывалось ни при одном торжестве, которые нарушали ужасное однообразие подчиненной неизменному и строгому этикету жизни всех остальных членов царской семьи и придворных. Они появлялись только на похоронах, следуя за гробом непременно в непроницаемых фатах. Народ знал о них только по именам, произносимых на ектениях; а они, в свою очередь, ничего не знали, кроме того узкого круга, в котором они были замкнуты судьбой. Не имея возможности выйти замуж ни за простого смертного, благодаря своему высокому положению, ни за иностранного принца, благодаря своей религии, они не должны были знать ни любви, ни брака, ни материнства. Таков был закон. Не нарушая этих строгих правил, Софья не могла бы сыграть роль, в которой она вскоре появляется. Петр был провозглашен царем 27 апреля; 23-го следующего месяца стрельцы уничтожили его единовластие, присоединив к нему Ивана. Все свидетельства истории указывают на Софью, как на непосредственную вдохновительницу, даже как на главное действующее лицо этого государственного переворота.

Кремлевский терем должен был находиться под непосредственным влиянием византийских идей, – смеси аскетизма и интриг, наполнявших жизнь восточной Римской империи.

У изголовья умирающего брата Софья и ее сестры напоминали Пульхерию, дочь Аркадия, захватившую в свои руки власть во время царствования малолетнего Феодосия, а, затем, после его смерти царствовавшую при помощи Марция, начальника императорской гвардии. Софья без сомнения видела в Кремле другие мужские лица, кроме патриарха и своих ближайших родственников Милославских, энергичных, но ограниченных людей. Прикованный надолго к постели Федор нуждался в женском уходе. Среди близких ему лиц находился человек, который посоветовал ему нарушить правила терема и найти себе сиделку, указав при этом на Софью. Это был Василий Голицын, человек интересный во многих отношениях – личность выдающаяся. Он проявляет сильнее, чем Матвеев, в более выдающихся чертах ту нравственную и умственную эволюцию, которую потом может быть преувеличивали, но которая без сомнения предшествовала появлению великого реформатора и подготовила почву для его дела. Он является одним из тех передовых людей (Морозов, Ордынский, Нащокин, патриарх Никон), которые уже в предыдущие царствования предвещали новые времена и эру преобразований. В продолжение нескольких лет, он принимал участие в государственных делах; при его содействии произошла отмена

местничества, – обычая чисто азиатского, согласно которому ни один из подданных царя не мог занимать по отношению к другому места более низкого, чем то, которое занимал хотя бы только несколько дней его предок по отношению к предку другого. Этот обычай был непреодолимым препятствием для целесообразного подбора способных людей и неиссякаемым источником споров, которые делали непроизводительными действия правительства. Голицын задумал учредить постоянную армию. По словам Ла-Невиля, его мечты шли даже дальше попыток Петра: он хотел освободить крестьян и сделать их собственниками, цивилизовать Сибирь и пересечь ее почтовыми дорогами. Отец Аврелий, задержанный в Москве и не допущенный в Китай в эпоху полновластия будущего регента, несмотря на это воздаст должное его либеральному уму. На его решение повлияли остальные бояре из ненависти к католицизму. Голицын бегло говорил и изысканно писал по-латыни; посещал Немецкую слободу, где у него были близкие друзья, принимал у себя шотландца Гордона и лечился у врача-немца Блументроста; грек Спафарий, один из близких ему людей, занимавший благодаря ему видное положение в Посольском приказе, был вполне современным дипломатом и космополитом, объездившим всю Европу и побывавшим даже в Китае. Он составлял планы навигации по большим рекам Азии и переписывался с бургомистром Амстердама Витценом. Голицын жил во дворце, который ничем не отличался от европейских аристократических жилищ; имел ценную мебель, гобелены, картины и большие зеркала. В его библиотеке были латинские, польские и немецкие книги; у него же оказалась рукопись серба Крыжанича, апостола реформ, вдохновившего Петра. Голицын приказал построить в Москве три тысячи домов и первый в Москве каменный мост, построенный по плану польского монаха. Он был страстным поклонником Франции, и сын его носил на себе портрет Людовика XIV. Его падение, последовавшее за воцарением Петра, совершенно искренне принимается Ла-Невилем за гибель культурных начинаний. Но Голицын был еще очень сильно привязан к тому, что он хотел разрушить. Он не был свободен от суеверия. Он пытал крестьянина, который был заподозрен в том, что хотел напустить на него порчу. Его обвиняли впоследствии в том, что, желая угодить Софье, он клал «для прилюбления» в кушанья, подносимые царевне, разные травы и корни, данные ему одним человеком, но велел сжечь этого человека.

Василий Васильевич Голицын родился в 1643 году. Ему было 39 лет, когда болезнь Федора сблизила его с Софьей. Он был женат и имел взрослых детей.

С ним вместе у изголовья умирающего появился и Симеон Полоцкий, человек очень образованный для своего времени, Сильвестр Медведев, ученый монах, библиограф и придворный поэт, и Хованский, военный, – любимец стрельцов. Таким образом формировалась политическая группа, члены которой уже раньше собирались и сговаривались втайне. Медведев был душой этой партии; но Голицын занимал в ней первое место: любовь Софьи давала ему в руки власть. Царевне было тогда 25 лет, но Ла-Невиль давал ей целых сорок. С ее горячей страстной натурой она еще не жила, и ее мысль и сердце, проснувшиеся разом, заставили ее броситься в жизнь без расчета, без страха и всецело отдаться потоку, который должен был унести ее. Влюбившись, она стала честолюбивой и совершенно естественно присоединяла к своим честолюбивым мечтаниям человека, без которого успех ни имел бы прелести. Она влекла его к высокой цели, которую они должны были достигнуть вдвоем. А он, по-видимому, был застенчивым, неуверенным и нерешительным человеком, легко приходившим в уныние. Он отступил бы, может быть, в решительную минуту, если бы не Медведев и не Хованский. Медведев электризовал свою

партию, вдыхал в нее свою страсть, свою боевую лихорадку. Хованский передал в ее руки страшное оружие, в котором она нуждалась для своих целей.

II

Создание Ивана Грозного и его товарища по оружию Адашева, стрельцы, имели за собой недолгое прошлое и уже омраченную славу; свободные люди, потомственные солдаты, они составляли среди всеобщего рабства привилегированную военную касту, приобрели в силу этих привилегий важность, превышавшую их значение и заслуги. Государство давало им помещение, обмундировку и жалованье даже в мирное время, тогда как другие свободные люди были принуждены служить без жалованья и за собственный счет даже во время войны. У них была своя администрация и свой начальник, который всегда назначался из знатных бояр. В мирное время они исполняли обязанности уличной полиции, несли караульную и разведочную службу и служили почетной стражей, а также тушили пожары. Избранный «полк стремянных» сопровождал царя на всех выездах за город. Во время войны они составляли передовой отряд и ядро его войска. В Москве было двадцать таких полков, от 800 – 1000 человек в каждом, отличавшихся цветом своей одежды, красными, синими и зелеными кафтанами с широкими красными поясами, желтыми сапогами и бархатными шапками, опушенными мехом. В провинции также было несколько таких полков. Так как их служба оставляла им много свободного времени, то они занимались ремеслами и торговлей; они легко богатели, потому, что не платили ни пошлин, ни налогов. Случалось нередко, что зажиточные граждане Москвы испрашивали милости быть зачисленными в ряды стрельцов, которые не легко допускали в свою среду посторонних. В свое время Борис Годунов был им обязан своими победами над татарами. В царствовании Михаила они взяли в плен Марину Мнишек и Заруцкого, ее последнего приверженца; в царствование Алексея отняли у поляков Смоленск, при Федоре защищали Чигирин от турок. Во время продолжительных внешних и внутренних неурядиц 17-го столетия они всегда были на стороне законной власти, победили восставшего казака Разина и спасли монархию. Но эта смутная эпоха дурно повлияла на них и внесла в их ряды дух непослушания, а праздная жизнь окончательно испортила их. Естественные защитники порядка, они с некоторых пор стали действовать заодно с мятежниками всякого рода и поднимали восстания, которые были обычным делом для людей низших сословий, возмущенных алчностью чиновников и их злоупотреблениями. Возведение Петра на престол также подготовлялось в этом распущенном обществе расстроенного государства. Стрельцы, вовсе не имевшие причины жаловаться, кричали громче всех. Ближайшее будущее показало, что они были очень посредственными солдатами, но очень опасными крикунами, а тревожное время превратило их в кровожадных бандитов.

Признаки тревоги проявлялись у них еще до кончины Федора. Стрельцы полка Семена Грибоедова восстали против своего начальника, обвиняя его во взяточничестве: он брал себе их жалованье и заставлял работать по воскресеньям на постройке загородной дачи. Благодаря ослабевшей власти, переходившей от умирающего царя к малолетним наследникам, возмущение это широко распространилось. Овладев властью, Нарышкины застали уже шестнадцать возмущившихся полков. Не зная, что делать, они вызвали Матвеева, творца их величия, и в ожидании этого спасителя выдавали начальников. К ним применялся

«правеж», как к несостоятельным должникам. Перед собравшимися войсками обвиненных начальников били батогами по икрам до тех пор, пока они не отдавали все свое имущество, собранное хищениями, действительными или предполагаемыми. пытка продолжалась несколько часов. Дисциплина была убита, и разнузданный зверь, проснувшийся в рядах этих диких преторианцев, ждал только добычи, чтобы броситься на нее и вонзить в нее свои когти. Софья и ее советчики указали им на Нарышкиных.

Восстание было подготовлено и организовано быстро, при барабанном бое и с циничной откровенностью. Дядя царевны Софьи, Иван Милославский, объявленный впоследствии главным зачинщиком и преследуемый до самой смерти неукротимым гневом Петра, усиленно хлопотал, агитируя и передавая ложные известия. Пустили слух, что Нарышкины отравили Федора, что они мучат старшего брата Петра, лишённого престола царевича, что один из них хочет даже завладеть престолом; говорили, будто Нарышкин в сопровождении вооруженных людей преследовал жену одного стрельца. Одна из подруг Софьи, Феодора Родиница, пробиралась в кварталы стрельцов, разнося всюду деньги и обещания.

Все ждали приезда Матвеева: это было условным знаком. Подученные стрельцы радостно встретили своего старого начальника и усыпили его подозрения. 11 мая 1682 года депутация от двадцати полков поднесла ему хлеб-соль, «меду на кончике ножа», как сказал впоследствии сын несчастного старика, приговоренного уже к смерти. Четыре дня спустя во всех кварталах забили тревогу, все двадцать полков взялись за оружие и осадили Кремль. На этот раз стрельцы сняли свои пестрые кафтаны, оделись в красные рубахи, с засученными до локтя рукавами, указывая таким образом на дело, за которое они принимались; это были уже не солдаты, а судьи и палачи. Опынев от водки и готовясь опьянеть еще больше от крови, они кричали и дико размахивали своими саблями.

Они думали или притворялись, что думали, будто Петр и Иван зарезаны, и хотели отомстить за их смерть. Им показали с верха красного крыльца здравых и невредимых царя и царевича; их старались успокоить; но они уже ничего не слышали и никого не узнавали. Они громко кричали: «Смерть убийцам!» Начальник их приказа, старик Долгорукий, вышел на крыльцо, чтобы призвать их к порядку. В ту же минуту несколько человек устремились на старика и сбросили его вниз, а другие, поднимая пики, кричали: «любо! любо!» И резня началась.

Она длилась три дня. Извлекаемые один за другим из дворца, соседних домов и даже церквей, друзья и родственники Натальи, Матвеев и Нарышкины, разделили участь Долгорукого. Некоторых мучили, тащили за волосы по площади, били кнутами, жгли раскаленным железом и рубили на куски саблями. Наталья отчаянно боролась, расставаясь со своим любимым братом Иваном, но ему пришлось-таки выйти к стрельцам, по совету старого князя Одоевского, и спасти остальных своей смертью. Причастившись в одной из церквей Кремля, он вышел к стрельцам с иконой, которая мгновенно была вырвана у него из рук, и он исчез в море ярости и крови, продолжавшем бушевать у стен старого дворца. Оно кипело и разливалось по соседним улицам, охватывая частные дома и общественные здания, везде разыскивая предполагаемых сообщников мнимого преступления, убивая и грабя всех. Мятежники бросились даже на архивы, как бы желая придать движению общенародный характер. Говорят, будто они хотели уничтожить документы, относящиеся к учреждению крепостного права.

Некоторые историки стараются снять всю ответственность с Софьи. Но это

утверждение грешит против очевидности. Никогда еще случай так хорошо не подтверждал изречение: *Is fecit cut prodest!* (Сделал тот, кому было надо.) В эти кровавые дни горя и несчастий, торжествовала одна Софья. Она крепко держала в руках движение и могла остановить его, когда хотела. Одному неизвестному до тех пор лицу, Циклеру, поручено было усмирить стрельцов и остановить резню. Он блестяще выполнил поручение и на другой же день очутился среди самых близких царевне людей. Высокие посты были распределены между вчерашними друзьями и родней: Хаванскими, Милославскими и Василием Голицыным. Начался дележ добычи, и Софья, конечно, взяла свою долю. Петр был покамест оставлен царем, но она была назначена правительницей и не собиралась останавливаться на этом. Стрельцы за свои труды получили по 10 рублей на душу. Они надеялись, что имущество их жертв будет разделено между ними, но действительность не вполне оправдала их надежды: им только было предоставлено преимущество перед другими покупателями во время распродажи конфискованного имущества убитых. Их ласкали, потому что в них еще нуждались. 23 мая они снова появились у стен Кремля, требуя провозглашения царем Ивана. И царская власть была разделена между братьями. В то время говорили много о блестящих примерах фараона и Иосифа, Аркадия и Гонория, Василия и Константина, но забывали Михаила и Филарета, двойное правление которых оставило по себе дурные воспоминания.

Но и этого партии Софье было мало. Она хотела, чтобы Иван, больной идиот, имел первенствующий титул. Новое восстание, новые мнимые выборы. На этот раз Софья окончательно сбросила маску: когда Иван был провозглашен первым царем, она устроила для мятежников пир, и сама угощала их. Их руки еще были красны от крови, а она уж опять давала им вина. И они отблагодарили ее тем, что потребовали для нее титула правительницы.

III

И вот Софья на вершине своей славы. Но стремясь к власти ценой стольких преступлений, она хотела наслаждаться ею только вместе с избранником своего сердца. Все было покорно ей, а она хотела, чтобы он повелевал. Настоящим хозяином России в последовавшие 10 лет и действительным правителем был Василий Голицын.

Как политическая честность царевны, так и ее добродетель нашли себе среди историков горячих защитников. Но влюбленная царевна сама снабжает нас неоспоримыми документами. Прошло пять лет. Она царствовала в Кремле, а он заканчивал в Крыму неудачную кампанию, где по ее мнению, стяжал себе лавры. В ожидании его скорого возвращения она писала ему:

«Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен, что Господь Бог прославил имя свое Святое, также и Матери Своей, пресвятой Богородицы, над вами, свете мой! Чего от века не слыхано, ни отцы наши поведали нам такого милосердия Божия. Не хуже Израильских людей вас Бог извел из земли Египетския: тогда чрез Моисея, угодника Своего, а ныне чрез тебя, душа моя. Слава Богу нашему, помиловавшему нас чрез тебя! Батюшка мой, чем платить за такие твои труды непочетные? Радость моя, свет очей моих? Мне не верится, сердце мое! Чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было,

я бы единым днем тебя поставила перед собой. Письма твои, врученные Богу, к нам все дошли в целости, из-под Перекопу, из Каирки чрез сеунщиков, и с Московки; все приходили в приметные времена. Из-под Перекопу пришли отписки в пяток к 11 числа. Я брела пеша, из Воздвиженского: только подхожу к монастырю Сергия чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла идучи! Не ведаю, чем Его, Света, благодарить, за такую милость Его, и Матерь Его, пресвятую Богородицу и преподобного Сергия, чудотворца милостивого.

Сеунщик Змеов к нам еще не бывал. Что ты, батюшка мой, пишешь о посылке в монастыри, все то исполнила: по всем монастырям бродила сама, пеша. А с отпуском пошлю к вам вскоре Василия Нарбекова. А золотые не поспели, не прикручиньтесь. За тем вас держать жаль. Тотчас поспеют, тотчас пришлю. А деньги собираю; стрельцам готовы; тотчас соберу, тотчас пришлю. Скажи им, будут присланы. А раденье твое, душа моя, делами окажется. Почты от нас свет мой, посланы три, четвертый Шошин. Порадей, батюшка мой, чтоб его окупить или на размену отдать. Что пишешь, батюшка мой, чтоб я помолилась: Бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть, и надеюся на милосердие Божие: велит мне тебя видеть, надежда моя. Как сам пишешь о ратных людях, так и учини? А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами и все мы здоровы. Когда, даст Бог, увижу тебя, свете мой, о всем своем житье скажу. И вы, свет мой, не стойте, подите помалу: и так вы утрудились. Чем вам платить за такую надежную службу, наипаче всех твои света моего, труды? Если бы ты так не трудился, никтоб так не сделал».

По мнению Ла-Невиля, Софья не задумалась бы наградить своего героя так, как он того заслуживал, если бы одно препятствие не сдерживало порывов ее благодарности. Этим препятствием была жена Василия Голицына, с которой он, к сожалению, не хотел расставаться. «Он был честный человек, и у него было большое состояние и дети, бывшие дороже тех, которых ему дарила царевна. Он любил ее только за то, что она возвысила его. „Между тем“, – продолжает хроникер, – „Софья, с чисто женской хитростью, убедил Голицына, чтобы он уговорил жену идти в монастырь, вследствие чего, по религии москвитян, муж, оправдываемый силой своего темперамента, не позволявшего ему вести холостую жизнь, получал разрешение снова жениться. Когда добрая женщина дала на это свое согласие, царевна уже не сомневалась в успехе“.

Но она упустила из виду другое препятствие, которое внезапно встало между ней и осуществлением ее высших желаний.

IV

Среди ужасных волнений, которые не раз колебали на его молодом челе венец Ивана Грозного и мелькали перед его глазами кровавыми призраками, сын Натальи Нарышкиной играл, конечно, только роль пассивной жертвы. Предания говорят нам о его храбрости, удивлявшей свет, о неустрашимости перед убийцами, которых он заставил отступить огнем своего взгляда, о его раннем развитии, далеко оставлявшем за собой удалство Пико делла Мирандолы. Рассказывают, будто бы он трех лет командовал полком и отдавал рапорт отцу; в 11 лет под руководством шотландца Мензиеса углублялся в тайны военного искусства и высказывал новые и оригинальные мысли и взгляды. Я придаю большое значение преданиям, но оставляю за собой право опровергать те из них, которые кажутся мне

неверными.

Поэтому, я утверждаю, напротив, что физическое и умственное развитие великого человека совершалось очень медленно. Этот колосс с трудом становился на ноги. В три года у него была еще кормилица, а в 11 лет он не умел ни читать, ни писать. Его детская стратегия и его «Петров полк», о которых историк говорит в довольно интересном этюде, наивны и притом недостоверны. Даже в более позднем возрасте Петр не проявлял никакой храбрости. Он был для этого слишком нервным и впечатлительным. Его первые дебюты на жизненном поприще, которое ему суждено было наполнить шумом своей славы, вовсе не были геройскими. Смелость и знание пришли к нему позже: он добился их своей волей, закаленной в испытаниях. Ужас и отчаяние, которые он пережил в детстве, наложили на его характер неизгладимую печать, сделав его склонным к нарушению умственного и физического равновесия под влиянием малейшего удара, инстинктивно отступающим перед опасностью, способным теряться и легко приходящим в уныние. Воля впоследствии оказалась победительницей, и укрощенная натура стала повиноваться ей. Но в сущности Петр был именно таким. Он всю жизнь носил на себе эту уродливую печать, вьевшуюся в его тело, сжимавшую болезненной судорогой его гордое и суровое лицо, подчеркивая грозное выражение последнего. Возможно, что это было следствием попытки отравить его, но тот духовный яд, который стрельцы влили в сердце несчастного ребенка, кажется мне более вероятной причиной.

Он был напуган, как всякий другой ребенок был бы напуган на его месте; он наверное прижимался к матери, прятался за ней, и без сожаления покинул дворец, населенный ужасными кошмарами. Торжество Софьи обрекло его на одиночество и поставило если не вне закона, то вне общих правил, и это послужило к его благу. Изгнание для десятилетнего царя, – ребенка чрезвычайно подвижного и любознательного, было простором и чистым воздухом, которые вернули здоровье его телу и уму. Изгнание это – было свободой.

И он воспользовался ей. Он приезжал в Кремль только в самых торжественных случаях и садился на двойной престол, заказанный нарочно в Голландии и хранящийся теперь в Московской Оружейной палате. Все остальное время он проводил в Преображенском, избавленный от скучных обязанностей этикета и власти. Со стороны матери он принадлежал к среде сравнительно независимой. Въезжая в Кремль, Наталья Нарышкина привела всех в негодование своими полушотландскими манерами: она осмелилась поднять угол занавесок своей кареты. Происхождение связывало Петра с европейски-культурным обществом, но судьба оставила в стороне от греко-латинской и польской школы, влияние которой до сих пор преобладает в России. Представители этой школы, с Матвеевым во главе, принадлежали к партии Софьи. Воспитатель Петра, Зотов, принужден был бежать и не был никем заменен. Предоставленный самому себе, ребенок выбирает себе других руководителей по своему вкусу, проявляя инстинктивную склонность к иностранцам. Он узнает от них многое, но вряд ли что-нибудь, касающееся военного ремесла. Петр никогда не был великим полководцем: для этого он был слишком буржуазно-практичен. Он действительно опустошал Оружейную палату; но этот московский арсенал 17-го века только по имени был военным; он скорее походил на восточный базар. Петр посылал туда за часами, забавляясь разбиранием их механизма, но брал оттуда и садовые инструменты.

Преувеличивали и его детскую любознательность. Представим себе любого ребенка, способного и любознательного, избавленного от обычной процедуры систематического обучения, свободного в удовлетворении всех потребностей ума и воображения: его жажда

знаний непременно обратится к тысяче разнообразных предметов. Петр был «автодидактом» – самоучкой, как назвал его в своем письме к Лейбницу один из дипломатов, состоявший впоследствии на его службе.

Но из этого вовсе не следует, что он был развит не по летам. Из сохранившихся тетрадей видно, что он в шестнадцать лет писал очень неумело и изучал только два первых правила арифметики. Его преподаватель, Франц Тиммерман, сам с трудом производил умножение четырехзначных чисел. Правда, на этих уроках арифметические задачи чередовались с теоремами начертательной геометрии.

Нам, привыкшим к приемам систематичной и последовательной школьной тренировки, странно видеть перевернутый таким образом порядок умственного развития; хотя может быть этот порядок и не основателен.

Своей склонностью к наукам, редко захватывающей юные умы, Петр обязан случаю. В 1686 году его внимание случайно привлек рассказ о каком-то удивительном инструменте, привезенном из-за границы князем Яковом Долгоруким. Этим инструментом можно было измерять расстояние, не сдвигаясь с места! Ничего подобного не было в Оружейной палате. И Петр потребовал, чтобы ему принесли астролябию. Но Долгорукий вернулся с пустыми руками: чудесный инструмент был украден. К счастью, князь скоро собирался опять в страну чудес: Софья и Голицын посылали его ко двору Людовика XIV с поручением просить помощи против турецкого султана. Христианнейший король оказал послу прием, которого можно было ожидать, но астролябия была все-таки куплена. Когда она очутилась в руках Петра, он был в большом недоумении, и никто не умел научить его пользоваться ею. Кто-то рассказал ему про Тиммермана, и голландец, строивший дома в Немецкой Слободе, был сделан преподавателем математики в Преображенском.

Но у Петра не было ни времени, ни желания, ни возможности делать успехи в этой науке с подобным преподавателем. Астролябия была просто проявлением детского любопытства, бросающегося с жадностью на все новое. Но род этого любопытства с одной стороны указывает на особенности характера, на склонность к серьезным знаниям, а с другой стороны – на среду, которая влияла на юного царя. Судьбе было угодно, чтобы предметы, которые главным образом привлекали его внимание, оказались и самыми полезными для него.

Неверно было бы предполагать, что в 10 или даже в 16 лет юный царь и будущий реформатор понимал, насколько будет полезно России иметь царя, владеющего 14-ю ремеслами. (Священное число!) Да Петр вовсе и не изучил их: он занимался некоторыми из них, например, токарным и зубоучебным, без всякой пользы для кого бы то ни было. Как бы ни был велик размах его ума, разбрасываясь таким образом, он сделался поверхностным. Впоследствии, обратившись к серьезным знаниям, он убедился, что пример его лучше всяких увещаний послужит его подданным, этому ленивому, невежественному и неловкому народу. И тогда он уже из принципа, хотя и следуя своей природной склонности, начал неутомимо работать, собирая всякие сведения и изыскивая всякие способы применения своих десяти пальцев. Те же самые побудительные причины толкнули его на единственный путь, где он мог сделаться если и не мастером, то хорошим работником, где он нашел неиссякаемый источник наслаждений, если не положительной пользы для себя и своей родины.

Кто не знает изукрашенной вымыслами истории о старом английском боте, найденном среди хлама, принадлежавшего деду молодого героя, Никите Ивановичу Романову?

Изобретательное предание говорит, что Петр ребенком имел такое отвращение к воде, что дрожал при виде малейшего ручейка. Это, может быть, не более как символическое выражение той трудности, с которой обитатель суши, далекий от берегов какого бы то ни было моря, вступает в общение с далекой, неизвестной, почти недостижимой для него стихией. Петр дал России флот прежде, чем дал ей море. Весь характер его великой деятельности, с его стремительностью и парадоксальностью, сказывается в этом. Старая шляпка, найденная в Измайлове, побеждает будто бы его отвращение к воде и делает настоящим моряком.

Каким образом этот бот очутился в Измайлове, вдали от всякой воды? Когда впоследствии Петр устроил на Переяславском озере верфь, он и тут шел по следам, проложенным до него. Он создал эту странную вещь, морской флот, без моря, но не он выдумал ее. Из того, что он исполнил, он вообще ничего не выдумал сам. Все эти попытки уже делались до него: при Алексее Михайловича, в Дединове, на берегу Оки, была построена яхта «Орел» иностранными мастерами, приглашенными специально для этого. Струис говорит об этом в своих путешествиях.

Итак, идея уже до Петра носилась в воздухе, еще неясная, но направленная к видимой цели.

Как и астролыбия, измайловская лодка показалась Петру предметом загадочным. Крестьяне рассказывали, что бот ходил когда-то против ветра. Новое чудо! Его немедленно спустили на воду в одном из соседних прудов. Но как заставить его идти? Тиммерман ничего не понимал в этом деле. К счастью, мастера, работавшие в Дединове, не все исчезли. И вот у Петра оказалось два новых учителя: Карштен-Бранд и Корт, плотники. Они посоветовали перевезти бот на Переяславское озеро, где было больше простора. Петр последовал их совету и с жаром принялся учиться у них.

Но много времени уходило у него и на пустыки. Приобретая кое-какие полезные сведения, он вырабатывал в себе привычки, однако, нередко очень печальные. Но все же он запасался здоровьем и силой, вырабатывал себе стальные мускулы и стойкий темперамент. Его ум был удивительно гибок и предприимчив.

Он приобретал и друзей, выбранных наудачу среди многочисленной прислуги, например, конюших, скакавших вместе с ним на неоседланных лошадях. Он играл с ними в солдаты и, конечно, командовал ими. Таким образом создалось потешное войско, и другое огромное дело родилось из этой забавы – русская армия.

Псевдоморская забава на Переяславском озере и псевдovoенная на полях Преображенского привели к двум великим результатам: завоеванию Балтийского моря и Полтавской победе.

Но для того чтобы осуществить их, для того чтобы заполнить эти два расстояния от исходных точек до их завершения, нужно было многое. Не только нужен был переход от детского возраста к зрелому, как бы исключительно одарен ни был человек; не только необходимо развитие, в границах возможного, человеческого гения; понадобилась помощь огромных сил, присоединившихся к его усилию, подготовленных заранее, но неподвижных в ожидании благоприятной минуты и появления человека, способного применить их. Но пробил желанный час и явился желанный человек, который сумел воспользоваться ими, направить их и возбудить. Человек сам был продуктом этих скрытых сил, поэтому встреча их и была плодотворна. Он вышел из них и вырос вместе с ними и благодаря им.

Не только армия и флот, целое новое общество создавалось в этих бурных забавах

пылкою юноши. Вся старая аристократия, вся обветшавшая иерархия Москвы скоро рушились под ногами его дерзких товарищей, выскочивших из кухонь и конюшен и превращенных им в князей и графов, министров и маршалов. Но и в этом он только следовал порвавшейся нити национальных традиций: он не выдумал этого сам, он только подражал своим предкам домонгольской эпохи; он делается, подобно русским князьям, начальником дружины, работает наравне с ними, пьет с ними по окончании работы и не хочет переходить в магометанство, потому что «Руси есть веселие пити».

Петр навсегда остался хорошим товарищем и веселым собутыльником; он навсегда сохранил на себе отпечаток, вынесенный им из общения с людьми низших классов; он передал этот отпечаток и своему делу и русской жизни, измененной им на свой лад.

Народный быт эпохи, предшествовавшей Петру, находил себе ревностных поклонников. Но в таком случае похвала должна будет простираться и на интимную жизнь Петра, а это рискованно. Дурные привычки, грубые манеры, пороки и циничный кабацкий дух, – все, что в нем было отталкивающего, Петр впитал в себя с улицы, из ежедневной жизни своей дореформенной родины. Но, к сожалению, он сохранил свою привязанность к этим привычкам и хотел видеть то же и у своего народа.

V

Царица Наталья, по-видимому, поздно спохватилась о том, какой вред могло принести сыну подобное общество. У нее было свое, которое поглощало ее всецело и вряд ли было лучше подобрано. Происхождение потешных полков вероятнее всего относится к 1682 году, а это является вполне достаточным аргументом против того серьезного характера, который пытаются им придать. Петру было тогда всего 10 лет.

Но через 5 лет игры молодого царя начали принимать такие размеры, которые привлекали на них всеобщее внимание.

На берегу Яузы, в Преображенском, была построена крепость, в которой стреляли из пушек. В следующем году был открыт английский бот, и, разрываясь между водой и огнем, Петр ускользал от всякого надзора матери. Говорят, он не раз подвергал свою жизнь опасности, так как всевозможные несчастливые случайности были не редкостью. Чтобы положить этому конец, Наталья прибегла к средству, которое она считала самым действительным. «Женится – переменится», говорит русская пословица. И царица стала подыскивать сыну невесту. В противоположность своему будущему сопернику, суровому Карлу XII, Петр не чувствовал к прекрасному полу ни равнодушия, ни презрения. 27 января 1689 года он вел к алтарю Евдокию Лопухину, дочь одного знатного боярина. Но Петр не оправдал пословицы. Через три месяца молодые расстались: он вернулся к Переяславскому озеру, а она приучалась к вдовству, которое продолжалось всю ее жизнь.

Катанье по воде сделалось любимым делом молодого царя, его ревнивой исключительной страстью. Темный пережиток, наследие древних варягов шевелилось в его душе. Он никогда не видел моря и целые дни мечтал о нем. Обратимся к истории: уже два века тому назад предпринимались войны, целью которых было завладеть морем – отнять его у Швеции или Турции.

Не расставаясь со своими «конюхами», Петр углублялся в стратегические соображения и строил планы, в которых играли роль сухопутные и морские силы. Эти силы выросли

вместе с юношей, который тем временем стал великаном. Игрушка понемногу превращалась в оружие. В сентябре 1688 года Петр потребовал для своей военной забавы все барабаны и трубы лучшего стрелецкого полка. В ноябре, к великому неудовольствию князя Василия Голицына, он отнял у другого полка две трети его наличного состава и взял из складов Конюшенного приказа упряжь для своей потешной артиллерии. В Преображенском появляется настоящее рекрутское присутствие, куда приходят записываться уже не одни конюхи и повара. Среди рекрутов 1688 года записаны два представителя самых знатных московских фамилий: Бутурлин и Голицын.

Присутствие этих двух аристократов является впрочем абсурдом, одной из тех неожиданных ироний, которыми богата история. Бессознательный еще работник большого политического и общественного обновления, Петр, думая только о своем удовольствии, сделался орудием партии, преследовавшей совершенно иные цели. Его труд конфисковался в пользу диаметрально противоположных тенденций. Среди этих новых пришельцев, которые вскоре заставили молодого царя требовать возвращения отнятых у них прав, оказались впоследствии самые горячие противники реформ.

Средства, которыми пользовались Милославские и Софья для захвата власти (уничтожение местничества и призыв к народному восстанию), сблизили их интересы с интересами низших классов. Задетая в своих прерогативах, в своих вековых привычках, высшая аристократия, – по крайней мере наиболее ретроградная часть ее, – стремилась сгруппироваться сначала вокруг Матвеева и Натальи, потом вокруг Петра. И оружие, которым играл Петр, являлось в мыслях тех, кто помогал ему отточить его, оружием мести за попрание консервативных антиевропейских идей, против наиболее культурного человека, которого когда-либо видела Москва.

«Долой Василия Голицына!» было их военным кличем.

Преображенское стало служить местом сближения недовольных всякого рода, среди которых реакционеры, как самые знатные, занимали первое место. Обиженный сам тем временным правительством, конца которого они с нетерпением ожидали, Петр является их естественным предводителем и будущим отмстителем общих обид. Вот на что надеялись люди старого порядка.

Но Петр и не думал об этом; он продолжал играть на озере своими парусными лодками.

Между тихим Кремлем и шумным лагерем Преображенского завязывается битва, но юношеский ум Петра еще не мог понять того, что будет результатом победы. Пройдет еще несколько лет, прежде чем он найдет свой настоящий путь; пока еще он же не ищет его сам и идет туда, куда ведут его эти случайные наставники. В назначенный ими день он возьмет приступом власть и предоставит им наслаждаться плодами победы.

Он входит в историю как бы пятясь задом, повернувшись спиной к своей судьбе и своей славе.

Переворот произошел в июле 1689 года.

Глава 3

Троицкий монастырь

В 1689 году Петр был еще несовершеннолетним, и регентство Софьи могло продолжаться на законном основании еще несколько лет. Петру шел восемнадцатый год, а политическая зрелость русских царей наступала не раньше, чем в остальных государствах, не раньше, чем во Франции при Карле V. Нетерпение и честолюбие союзников Петра ускорили события. Но Петр еще надолго остался безучастным. Правление Софьи, открывающее собой «царство женщин», продолжавшееся около века, не кажется мне заслуживающим той критики и тех похвал, которые о нем написаны. Ни Вольтер, сравнивающий ее с Лукрецией Борджиа, ни Карамзин, провозглашающий ее одной из величайших женщин мира, неправы.

Миллер в своей критике взглядов Вольтера, Болтин, один из старых русских историков, в своих «Заметках к истории Леклерка», Эмин, Аристов пробовали согласовать эти противоречивые крайности.

Я думаю, что ее правление носило византийский характер. В нем есть все: дворцовые интриги, борьба партий, бунт стрельцов, религиозные споры о том, как складывать пальцы, когда креститься, сколько раз повторять слово аллилуйя, не следовало ли бы святой Троице состоять из четырех лиц с отдельным престолом для Спасителя, и т. д. Но ко всему этому примешивались элементы, приподнимавшие уровень жизни. Экономические нововведения, начатые при Алексее, продолжались и при Софье; начиналось интеллектуальное развитие общества.

Голицын строил дома, а Софья писала пьесы для театра, которые ставились в Кремле. Говорят, будто она сама принимала в них участие. Политика регентства отличалась энергией и ловкостью. Оно смело боролось с раскольниками и бунтовщиками, которые, как и стрельцы, шли во дворец, чтобы говорить с патриархом. Никита, глава раскольников, был казнен. Правительство Софьи энергично стояло за охрану порядка, и стрельцы, желавшие его нарушить, нашли в Софье, своей бывшей союзнице, неустрашимого врага. Она призывала народ против взбунтовавшихся войск и, почувствовав себя небезопасной в Кремле, искала защиты в Троицке-Сергиевом монастыре, куда прибыла с Голицыным в 1682 году.

Троицкий монастырь – это традиционное убежище царской семьи во время опасности, – сохранял в то время характер больших русских обителей: маленьких укрепленных городов с населением из монахов, послушников и прислужников, которых насчитывались тысячи. Тут были многочисленные церкви и мастерские различного рода. Там же нашел себе приют и Борис Годунов. До настоящего времени в Троице с гордостью показывают следы польских пуль, бессильных против стен святого города. В свое время Петр тоже придет туда просить помощи и покровительства. Призыв временного правительства был услышан, и армия стала на его сторону. Вовлеченный в ловушку в Воздвиженском, на полдороге из Москвы в Троицу, Хованский, враждебный теперь вождь стрельцов, сложил там свою голову. Сына его постигла та же участь, и восстание должно было положить оружие. Во внешней политике, по крайней мере на дипломатическом поприще, Голицын явился представителем традиционной политики территориального расширения, которая отодвинула на юг и на запад границы Московского царства.

Ловко пользуясь затруднительным положением, в которое продолжительная война с Турцией поставила поляков, несмотря на победы Собесского, он отнял у них Киев. В июне 1685 года новый митрополит, водворившийся в древней столице, согласился принять свой сан от московского патриарха: это был решительный шаг по дороге, которая должна была

привести к возвращению малорусских земель и разделу республики. Эти успехи, к несчастью, встретили противодействие со стороны регентства. Подавляя сторонников беспорядка и анархии, Софья и Голицын восстали против зачинщиков. Между разочарованием, которое они вызвали с одной стороны и озлоблением с другой, их политика ничего не достигала. Недовольные бояре, казалось, подняли головы; на Лубянке, людной площади столицы, собралась толпа. Было поднято подметное письмо, в котором предлагалось народу бежать толпой в Казанский собор, где за иконой Божьей Матери было спрятано другое письмо, которое скажет, что надо делать. В бумаге нашли тетрадь с непристойными словами про Софью и воззвание к народу, требовавшее ее смерти. Это была провокация, автором которой был Шакловитый, новый советник, выбранный Софьей, представитель старой Москвы, – чисто византийский тип, жестокий и коварный интриган. Царевна притворилась испуганной, и народ приветствовал ее радостными криками, предлагая избавить ее от врагов.

Но вот счастье изменяет ей. Обещав Польше, взамен Киева, содействие московских войск против турок, регент два раза ходил в Крым. Это тоже была традиционная дорога. Между Москвой и Константинополем крымские татары были барьером, преодолеть который Россия не могла целый век. Но Голицын не имел настоящих качеств воина; при каждой кампании он оставлял в степи армию, массу снарядов и остаток своей репутации. Когда он отправлялся во второй поход, он нашел перед дверью своего дворца гроб с угрожающей надписью: «Старайся быть счастливее». Когда он опять появился в Москве в июне 1689 года, его встретили ропотом, свистками и угрозами смерти, публично обвиняя в том, что он был подкуплен. Кто-то видел, как в его палатку ввозили бочки, наполненные французскими луидорами. Лагерь Преображенского увеличивался с каждым днем под наплывом новых рекрутов, и Софья видела, что ряды ее приверженцев пустеют. Она храбро шла навстречу грозе. Ее честолюбие, как и любовь, достигли в это время апогея. Она воспользовалась заключением мира с Польшей, чтобы объявить себя Самодержицей, наравне с братьями. Этот титул фигурировал во всех официальных документах, и в публичных церемониях Софья занимала место рядом со своими братьями, или вернее, рядом со старшим братом, так как Петр на этих церемониях не появлялся. Она заказала в Голландии свой портрет с шапкой Мономаха на голове. В то же время (если верить показаниям свидетелей), она хоть и заменила отсутствовавшего Голицына Шакловитым, однако все-таки горячо преследовала конечную цель своей первой мечты: замужество с регентом и занятие трона вместе с ним. Чтобы достигнуть этого, она разрабатывала очень сложный план, в котором сам папа был призван играть роль. Должны были женить Ивана и дать любовника его жене, чтобы у нее были дети. Петр был бы таким образом устранен. Потом посредством хотя бы только проектированного соединения православной церкви с Римом, папе предложили бы объявить незаконность детей Ивана, и тогда Софье и Голицыну оставалось бы только взять освободившееся таким образом место. Пока же царевна хотела брать храбростью.

В то время как Шакловитый, после возвращения регента занявший второстепенную роль същика и полицейского, преследовал редких сторонников Петра, осмелившихся снять маски, и истреблял их в отдаленном уголке леса в окрестностях Москвы, Софья завоевывала симпатии, назначив раздачу наград соратникам Голицына, которого она упорно называла «победителем».

Она писала ему:

«Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многия лета! И паки

здравствуй, Божией и пресвятой Богородицы милостию и твоим разумом и счастьем победив Агарян! Подай тебе Господи и впредь врагов побеждать! А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я верно грешна пред Богом и недостойна; однакож, хотя и грешная, дерзаю надеяться на Его благоутробие. Ей! всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки несчетные!»

По доброму совету окружающих, Петр на этот раз отказал в своей санкции. Софья обошлась без него: это был открытый конфликт. Осыпанные почестями и наградами начальники отправились в Преображенское благодарить царя; он отказался их принять: это уже был разрыв.

II

Наступила историческая ночь с 7 на 8 августа 1689 года, светлая летняя ночь, которую затемнили к несчастью противоречия истории и предания. Петр был внезапно разбужен перебежчиками из Кремля, которые предупредили его, что царевна собрала вооруженное войско, чтобы напасть и убить его в Преображенском. Существование этого покушения ничем не доказано, оно даже, пожалуй, невероятно. Из документов, собранных одним из наиболее осведомленных русских историков, Устряловым, кажется очевидным, что Софья не думала и не могла даже думать в это время о нападении на Преображенский лагерь. Она знала, что он хорошо охраняется, держится на военном положении, наготове ко всяким неожиданностям. Она боялась, или вернее делала вид, что боялась наступления Потешных полков, очень преданных, очень пылких, горящих желанием отличиться в смелой схватке. У нее была привычка делать вид, что она боится, чтобы возбудить в стрельцах и в населении Москвы желание защищать ее. Она так мало была подготовлена к действию, что до утра не знала о последствиях того, что брат был предупрежден. С давних пор Преображенское и Кремль был настороже один против другого, наблюдая один за другим, подозревая и обвиняя друг друга в воображаемых покушениях. За месяц перед тем, когда Софья приехала к Петру в лагерь по случаю водоосвящения в Яузе, ее сопровождали триста стрельцов; через несколько дней, когда Петр приехал в Кремль поздравить с праздником свою тетку, Анну Михайловну, Шакловитый поставил на Красном крыльце для наблюдений пятьдесят верных солдат.

В эту роковую ночь вооруженное войско было собрано в Кремле. С какой целью? – «Чтобы сопровождать царевну утром на богомолье», объясняла потом Софья. В рядах нескольких сот солдат, самых преданных царевне, нашлось человек 5, которые произносили угрозы против Петра и его матери. Два другие, имена которых передались потомкам, Мельнов и Ладогин, воспользовались случаем, чтобы перебежать в Преображенский лагерь и поднять тревогу. Некоторые историки угадали в них подстрекателей, которые послушались приказания партии, побуждавшей Петра к действию. Это вполне возможно. Перейдем к неоспоримому результату.

Петр бежит. Не думая проверять опасность, которая ему угрожает, он соскакивает с постели, бежит прямо в конюшню, не одетый, вскакивает на лошадь и прячется в соседнем лесу. Несколько конюхов догоняют его, приносят ему одежду, за ними следуют несколько начальников и солдат. Как только он увидел себя окруженным достаточным эскортом, не дав

знать матери, жене и другим своим друзьям, он поскакал по направлению к Троице. Он приехал туда в шесть часов утра с разбитым телом и истомленной душой. Ему предлагали лечь, но он не способен был отдыхать. Он залился слезами и, не переставая, спрашивал архимандрита Викентия, может ли он рассчитывать на его покровительство. Этот монах с давних пор был его преданным приверженцем, и даже в критические моменты, которые ему приходилось переживать из-за бережливости Софьи. Его ласковые и твердые слова успокоили молодого царя. Борис Голицын, двоюродный брат регента, Бутурлин и другие начальники Преображенского лагеря, присоединившись к беглецам в Троице, объявили, что ими были заранее приняты меры к борьбе, которая теперь началась; но Петр был неспособен взять на себя инициативу управления; он положился в этом на своих друзей и думал главным образом о своем Переяславском озере и о лодках, которые он спустит туда, спрашивая себя, когда будет в состоянии строить их вволю. Он оставлял своих врагов еще господами положения, созданного ими же.

Царицы Наталья и Евдокия, потешные и стрельцы Сухаревского полка, склонившиеся давно на сторону младшего царевича, прибывали один за другим в Троицкий монастырь. Очевидно все они заранее были подготовлены к этому. Как будто все исполнялось и комбинировалось по заранее обдуманному плану, и даже внезапное бегство царя кажется как бы предвиденным обстоятельством (а следовательно, может быть и подготовленным), сигналом, который должен показать открытие враждебных действий между обоими лагерями. О предмете борьбы никто не говорил; всякий знал, за что сражается.

Сначала велись переговоры между Петром и Софьей. Петр спрашивал о причине ночных вооружений Кремля, и царица дала ему двусмысленный ответ. И с той и с другой стороны старались выиграть время. В этой борьбе не принимала участия ни армия местная, ни иностранная, ни большая часть стрельцов и полков Гордона и Лефорта. Кто же привлечет их на свою сторону? 16-го августа Петр выступил первый: царская грамота призывала на следующий день отряды из всех этих войск, по десяти человек от полка. В ответ на это, эмиссары Софьи перехватили царских послов; в то же время другая грамота, подписанная правительницей, запрещала начальникам и солдатам покидать их слободы под страхом смерти. Сначала казалось, что мера подействовала: призываемые отряды не отвечали на призыв; прошел слух, что грамота Петра была подложная. Но между тем, медленно, незаметно слободы пустели, и в то же время прилив солдат и офицеров всех родов оружия увеличивался в Троице. Даже у самых преданных царице замечались признаки упадка духа. Василий Голицын первый подал пример. Думают, что он хотел пробраться в Польшу, чтобы вернуться с войском поляков, татар и казаков и предупредить таким образом события, но что Софья его отговорила от этого проекта, который разлучил бы ее с любовником. Тогда он покинул ее на произвол судьбы и сам удалился в свое имение Медведково в трех верстах от Москвы, не желая ни во что вмешиваться. Иностранцами офицерам, которые приходили за приказаниями, он давал уклончивые ответы. Это было признаком неминуемого поражения. Но правительница не уступала еще поля сражения брату. Она знала, чего ей ждать от него. Уже восставшие раскольники кричали ей, наводняя Кремль: «Пора в монастырь!» Но это казалось ей хуже смерти, и она торопилась отправить в Троицу мирных послов, даже самого патриарха. Почтенный парламентарий воспользовался случаем перейти на сторону царя и появился рядом с ним на торжественном приеме дезертировавших офицеров и солдат, число которых увеличивалось с каждым днем. Софья решилась на последний шаг и отправилась в Троицу сама. На полдороге, в селе Воздвиженском, где семь лет тому назад упала голова Хованского, ее остановил Бутурлин, запрещая идти дальше. У вооруженной армии, следовавшей за боярином, ружья были наготове. Софья отступила, но еще держалась, расточая ласки стрельцам, большую часть которых удерживало прошлое сообщничество, боязнь наказания и соблазн новых наград, и которые оставались верны ей. Они клялись умереть за нее, но, всегда легко возбуждаемые, не дисциплинированные, 6-го сентября появились перед Кремлем, требуя выдачи Шакловитого, доверенного, правую руку и заместителя любовника царицы. Они хотели сделать его козлом отпущения, искупительной жертвой, казнь которой утолит гнев царя и водворит общее согласие. После упорного сопротивления Софья уступила – и признала, что ей больше не на кого и не на что рассчитывать. Шакловитый в руках Петра оказался страшным оружием. Допрошенный под кнутом, он дал желательные показания, которые нужны были сторонникам Петра против Софьи и ее приверженцев. Отголосок его показаний заставил самого Василия Голицына покинуть свое убежище и привел его в Троицу, покорного и раскаявшегося. Это конец. Петр отказался видеть его; но благодаря заступничеству Бориса он согласился не быть слишком строгим. Бывшего регента сослали в Каргополь, по дороге в Архангельск, потом в Яренск, дальше на восток, в глухую деревню, где, после конфискации имущества, он получал 1 рубль в день на жизнь с семьей, состоявшей из пяти человек. Там он протянул до 1715 года. Но полуснисхождение царя остановилось только на нем. Шакловитый же и его сообщники,

настоящие и предполагаемые, были осуждены на смерть. Медведев, заключенный сначала в монастырь и испытывавший жесточайшие пытки, кончил тем же.

Софья, как она и предполагала, была отправлена в монастырь с некоторыми мерами предосторожности, которая увеличивали строгость наказания. Петр установил отношения со своим братом. Он написал ему следующее письмо:

«Братец, государь царь Иоанн Алексеевич, с невестушкою, а с своею супругою, и с рождением своим в милости Божией, здравствуйте! Известно тебе, государю, чиню, купно же и соизволения твоего прошу о сем: что милостию Божиею вручен нам, двум особам, скипетр правления прародительского нашего Российского царствия, якоже о сем свидетельствует матери наши восточные церкви соборное действо 190 году: также и братием нашим окрестным государем о государствовании нашем известно; а о третьей особе, чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учала владеть своею волею, и в том владении что явилось особам нашим противное, и на роду тягость и наше терпение о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удовольясь милостию нашею, преступя обещание свое, умышляли с иными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винулись. А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есьми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей (ц. С. А.) с нашими двумя мужескими особами в титулах и в росправе дел быти не изволяем; на то б и твоя б, государя моего брата, воля склонилась, потому, что учала она в дела вступать и в титулах писаться собою без нашего изволения; к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас? Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: поволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государь, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. И как, государь братец, случимся вместе и тогда поставим все на мере, а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов. А о ином к тебе, государю, приказано словесно донести верному нашему боярину, князю Петру Ивановичу Прозоровскому. И против сего моего писания и словесного приказу учинить мне отповедь. – Писавый в печалех брат ваш царь Петр здравия вашего желаю и челом бью».

Ивану Проскурову поручено было предложить царевне поскорее выбрать себе монастырь. После недолгого колебания она подчинилась и назначила недавно построенный Новодевичий монастырь около Москвы.

Но это было лишь временное правление. От Ивана, молча принимающего совершившиеся факты и выступающего только в парадных церемониях, и Петра, который по окончании кризиса возвратился к своим развлечениям и затем стусевался, власть попадала к настоящим героям момента. Большую часть ее получил сначала Борис Голицын, коренной москвич, живая противоположность своему двоюродному брату Василию; потом, когда скомпрометировавшая его помощь виновному родственнику возбудила гнев Нарышкиных, власть перешла к самим Нарышкиным и другим родственникам царицы-матери. Но для будущего великого человека еще не пробил час. Серьезная борьба, в которую его временно вовлекли, еще не заставила его выйти из юношеского возраста. Но эта борьба все-таки имела большое влияние на его судьбу, на развитие его характера и наклонностей. Молодой царь

оставляет своих прежних товарищей, находит себе других, которые быстро занимают в его сердце место старых и которые призваны если не создать вместе с ним историю великого царствования, то по крайней мере указать ему дорогу и направить его шаги.

КНИГА ВТОРАЯ

В ШКОЛЕ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА

Глава 1

В походе. Школа войны. Создание флота. Взятие Азова

I

О товарищах иностранного происхождения, которые появились теперь среди окружающих Петра, говорили различно, путая числа и факты так, что Патрика Гордона считали задолго до падения Софьи одним из доверенных и воспитателей молодого царя, а Лефорта главным организатором и творцом переворота 1689 г. В действительности и тот и другой познакомились с Петром только во время его пребывания в Троице и значительно позже стали его близкими друзьями. Гордон принадлежал к обществу Василия Голицына, Лефорт не имел никакого значения.

Родившись в 1635 году в семье мелких лордов, роялистов и католиков, Патрик Гордон прозябал уже 30 лет в России, занимая мелкие должности, которые ему совсем не нравились. Прежде чем приехать сюда, он служил уже императору, шведам против поляков и полякам против шведов «*He was dearly a genuine Dugald Dolgetty*», говорят его английские биографы. Его познания сводились к воспоминаниям о сельской школе, которую он посещал на родине, около Эбердина; его военное прошлое – к командованию драгунским полком в Германии и Польше. Алексей в 1665 и Софья в 1685 г. поручали ему дипломатические миссии; он ездил два раза в Англию с поручениями относительно привилегий английских купцов, с честью исполнил их, но получил только чарку водки, которую Петр, тогда четырнадцатилетний мальчик, поднес ему по возвращении из второго путешествия. Он счел себя обиженным, просил отставки, но, не получив ее, примкнул к недовольным. Между тем, он принимал участие в опустошительной крымской войне и получил чин генерала. От природы умный и деятельный, с хорошими связями на родине, он думал, что имеет право на более высокое положение. Лично известный королям Карлу и Иакову английским, двоюродный брат графа Гордона, бывшего губернатором Эдинбурга в 1686 г., он был признанным представителем роялистской шотландской колонии Слободы. Говоря по-русски и любя выпить, он пользовался определенной популярностью между самими москвичами. Своим живым умом, внешностью цивилизованного человека и энергичной наружностью он должен был привлечь внимание Петра. Петр всегда отдавал предпочтение людям с сильным темпераментом. Патрик Гордон страдал от болезни желудка, от которой и умер; но в 1697 г., на 64 году, он кончил свой дневник словами: «На этих днях я заметил в первый раз уменьшение здоровья и сил».

Франц Лефорт приехал в Москву в 1675 году с пятнадцатью иностранными офицерами искать счастья. Швейцарец по происхождению, он принадлежал к семье, которая во время реформации покинула город Кони, – где она называлась Лифорти, – чтобы поселиться в Женеве. Отец его был аптекарем, следовательно, принадлежал к высшему купечеству. Около 1649 г. женщины этого класса получили от реформаторской камеры право «носить платья из двойной тафты с цветочками». Восемнадцати лет Франц уехал в Голландию с 60 флоринами

и рекомендательным письмом от принца Карла Курляндского к его брату Казимиру. Карл жил в Женеве, Казимир с корпусом войска служил в Голландии. Он сделал молодого человека своим секретарем, давая ему вместо жалованья свое старое платье, стоившее 300 червонных, и деньги на карты. Вознаграждение было большое, но мало обеспеченное. Два года спустя Лефорт отправился в Архангельск. Первою его мыслью было уехать. Но в то время нельзя было уехать из России когда и как хотелось: за иностранцами строго следили, и отъезжающие считались шпионами. Лефорт оставался два года в Москве, думая, что умрет с голоду. Он старался попасть в свиту кого-либо из видных членов дипломатического корпуса, обивал пороги швейцарской датского посла и кухни английского. Но нигде он не мог пристроиться, мало-помалу однако приобрел друзей между жителями Слободы, влиятельных покровителей и даже хорошенькую покровительницу, вдову иностранного полковника, женщину очень богатую. В 1678 г. он окончательно решил основаться в России и начал с того, что женился. Это было необходимое условие. Надо было иметь семью и дом, чтобы рассеять недоверие. Он женился на Елизавете Сухей, дочери уроженца города Метца, католичке, с довольно хорошим приданым и великолепными связями. Два брата г-жи Сухей, два Бокховена, голландцы родом, имели важное положение в армии; Патрик Гордон был зятем одного из них. Лефорт таким образом избрал военную карьеру, к которой, впрочем, у него не было ни любви, ни призвания.

Конечно, не в школе этих двух иностранцев Петр Великий и его армия выучились тому, что им надо было узнать, чтобы достигнуть Полтавы. Как я уже рассказывал раньше, влияния того и другого на великое дело прогресса, реформ и цивилизации, с которыми связано имя сына Натальи Нарышкиной, было только очень косвенное. В то время, когда дело это лишь зарождалось, они один за другим сошли в могилу. В данный момент у Петра были другие заботы в голове, он брал у старого шотландца и молодого женева другие уроки, которые не имели ничего общего с наукой Вобана и Кольбера.

Лефорт был уже собственником большого, хорошо меблированного во французском вкусе дома на берегу Яузы, уже несколько лет служившего любимым местом собраний жителей Слободы. Даже в отсутствии хозяина было принято заходить туда, чтобы выпить и покурить.

Закон Алексея запрещал табак, но и в этом отношении, как во многих других, Слобода представляла исключение. Как организатор всяких развлечений, Лефорт не имел себе равных. Веселый, с постоянно работающим воображением и не знающими усталости чувствами, он в высшей степени обладал искусством всех сблизать. Банкеты, на которые он приглашал своих друзей, продолжались обыкновенно три дня и три ночи. Гордон чувствовал себя каждый раз после них больным, а на Лефорта они не оказывали никакого влияния. Во время первого путешествия Петра за границу он удивлял немцев и голландцев своей способностью пить. В 1699 году, выпив больше обыкновения, он выдумывает закончить празднество под открытым небом в феврале месяце! Это безумие ему стоит жизни; но когда пришел пастор с последним напутствием, он выпроводил его, спрашивая еще вина и музыкантов, и тихо умер под звуки оркестра. Это выдержанный тип широкой натуры – тип, теперь почти исчезнувший, но очень долго державшийся в России. Почти такого же высокого роста, как Петр, еще более мощный, Лефорт отличался во всех телесных упражнениях. Хороший наездник, чудесный стрелок даже из лука, неутомимый охотник, он был красив лицом и имел грациозные манеры. Образование он получил лишь элементарное, но владел всеми языками, говорил по-итальянски, по-голландски, по-английски, по-

немецки и по-славянски. Лейбниц, который заискивал к нему во время его пребывания в Германии, говорит, что он пьет, как герой, но прибавляет, что он очень умен. Его дом не только служит местом свиданий веселой компании; там собирались также и дамы: шотландки с тонким профилем, немки с мечтательными глазами и полные голландки. Ни те, ни другие ничем не были похожи на московских затворниц, недоступных за железными прутьями окон или за фатой. Иностранки появлялись с открытыми лицами, двигались, разговаривали, смеялись, пели песни своих стран и танцевали с кавалерами. В более простых костюмах, лучше обрисовывавших фигуру, они казались более красивыми. Некоторые из них не отличались чересчур строгими нравами. Все это сначала привлекало и пленяло будущего преобразователя.

В течение семи лет регентства, несмотря на тенденции Софьи и Василия Голицына, история цивилизации России отмечает мало светлых дней. Правительство чувствовало себя плохо, находилось в положении неуверенном и беспокойном, боролось с первого до последнего дня за свое существование и заботилось только о самосохранении. Но после переворота 1689 г. и в продолжение семи следующих лет было еще хуже. Это была откровенно ретроградная реакция против прогресса. Петр здесь был ни при чем, но он ничему не мешал. Он не виновен ни в указе, изгонявшем иезуитов, ни в приговоре, благодаря которому мистик Кульман был сожжен живым на Красной площади; все это делалось по приказанию патриарха Иоакима, авторитет которого преобладал до марта 1690 года, года его смерти. В своем завещании этот духовный пастырь советует молодому царю не доверять командования армией еретикам и уничтожить протестантские церкви в Слободе.^[3] Но Петр не хотел слушаться его, он даже желал назначить ему более либерального преемника в лице псковского митрополита Маркела. Но он еще не был хозяином. Маркел не был утвержден по трем причинам: 1) потому, что он говорил на варварских языках (латинском и французском); 2) потому что у него борода не желаемых размеров; 3) потому что он сажал своего кучера на козлы повозки, вместо того чтобы сажать его на одну из упряжных лошадей. В июле 1690 года Гордон пишет одному из своих друзей в Лондоне: «Я еще при дворе, что причиняет мне много расходов и беспокойства. Мне обещают хорошую награду, но до сих пор я еще ничего не получил. Когда молодой царь возьмет управление в свои руки, я не сомневаюсь, что буду удовлетворен». Но молодой царь не торопится, его никогда не было там, где интересы управления требовали его присутствия. Где же он? Очень часто в Слободе в доме Лефорта. Он там обедал до двух или трех раз в неделю. Часто также, проводя целый день у своего нового друга, он оставался там до следующего дня. Мало-помалу он вводил туда и других своих товарищей. Вскоре все они там стали чувствовать себя как дома, и тогда кирпичный дворец заменил деревянный дом фаворита. Во дворце устроен был бальный зал на 500 человек, столовая, обтянутая кордовской кожей, спальня желтого дамà «с кроватью вышиною в три локтя и великолепным красным гарнитуром», картинная галерея...

Вся эта роскошь была не только не для Лефорта, но даже не для Петра, который очень мало об этом заботился. Молодой царь вводил систему, которой он остался верен на всю жизнь. Позднее в Петербурге, живя в маленьком домике, он пожелал, чтобы у Меншикова был еще более роскошный дворец, но он свалил на него и его жилище все приемы и дворцовые празднества. Дворец Лефорта сделался таким образом отделением недостаточно обширного помещения в Преображенском и в то же время чем-то вроде казино. Последние сады Слободы соприкасались с селом, где вырос Петр. В Слободе у Лефорта танцевали; в Преображенском устраивали фейерверки – новую страсть царя. Впоследствии он старался

оправдать крайности, до которых доходил в этом развлечении, вдохновителем которого был Гордон, знакомый с пиротехникой. Он говорил, что хочет приучить русских к шуму и запаху пороха. После Полтавы эта забота стала излишней, но Петр с тем же рвением пускал ракеты и составлял эмблематические фигуры. Он всегда находил в этом огромное удовольствие. Это есть и будет его любимым спортом. Он не любил охоту. В 1690 году любимый загородный дом его предков в Сокольниках пришел в упадок. Петр любил шум, как и его внук, несчастный муж Екатерины II. Он во всем доходил до крайности. Но новый спорт, благодаря неустрашимости Петра, сделался опасным для него и для его товарищей. 26 февраля 1690 года Гордон извещал в своей газете о смерти одного вельможи, убитого пятифунтовой ракетой. Еще один несчастный случай произошел 27 января следующего года.

Фейерверки сменялись маневрами Потешных, которыми предводительствовал Гордон и которые также были сопряжены с серьезной опасностью. 2 июня 1690 года во время примерного сражения Петру обожгло гранатой лицо; некоторые офицеры около него получили серьезные раны. Некоторое время спустя Гордон сам был ранен в ногу. В октябре 1691 года Петр с обнаженной шпагой лично повел отряд; офицеры и солдаты, возбужденные этим зрелищем, бросились в рукопашный бой. Князь Иван Долгорукий был убит в суматохе.

Сами по себе суровость и жестокость этих военных игр вовсе не были чем-нибудь особенным; они вполне соответствовали нравам того времени. Карл XII, готовясь к карьере великого завоевателя, превосходит в этом отношении своего будущего противника. Особенная и очень характерная черта проявляется в потешных войнах Петра: комизм и юмор постоянно примешиваются к ним. Крепость, выстроенная на берегу Яузы, сделалась потом маленьким укрепленным городом. Там находился постоянный гарнизон, судебная палата, приказы и митрополит, бывший наставник молодого царя, произведенный потом в папы или патриархи шутов. Там был даже король. Роль эту играл Ромодановский, принявший титул короля Пресбурга (имя, данное этому городу) и в качестве его ведущий войну с польским королем, которого изображал Бутурлин. В 1694 году польский король должен был защищать площадь, приведенную в оборонительное положение, от осаждающей армии, предводительствуемой Гордоном. При первой атаке, не ожидая результата, но предрешив его заранее, гарнизон и его начальник сдают оружие и бегут. Рассерженный Петр приказывает беглецам вернуться в крепость и защищаться там до последней крайности. Производится масса выстрелов, ранящих и даже убивающих людей. В конце концов «польский король» взят в плен и отведен со связанными за спиной руками в лагерь победителя.

Не надо забывать, что в это время Россия была в мире с Польшей и даже в союзе, и настоящий король этой дружеской нации, приветствуемый всей Европой, был Ян Собесский. В маневрах 1692 года принимал участие эскадрон карликов. В 1694 году церковные певчие под командой дворцового шута Тургенева сражались с военными писарями.

Петр забавлялся. Вечный праздник, какая-то оргия движений и шума, сопровождаемая некоторыми образовательными упражнениями, переходящими в ребячество и распущенность, – вот все, что мы видим из жизни будущего героя в этот переходный период, продолжавшийся около шести лет. Он то учился бросать бомбы и взбираться на верхушки мачт, то пел в церкви глубоким низким голосом, а потом, после богослужения, пировал в веселой компании до следующего дня.

Шведский посол фон Кохен рассказывает о яхте, построенной до последнего винта самим учеником Карштен-Бранта, а другой иностранец говорит о записке, в которой царь

напрашивается к нему в гости, предупреждая, что он будет пить всю ночь. В списке вещей, которые царь требовал из Москвы в Преображенское, находятся mortarы, инженерные инструменты, артиллерийские снаряды и клетки для попугаев. В крепости Пресбурга гениальные офицеры, пиротехники и знающие все ремесла мастера находились рядом с дураками, придворными шутами, которые в виде развлечения убивали солдат и оставались безнаказанными. Полки уже давно утратили, или должны были утратить, шуточный характер. В 1690 году гвардейский Преображенский полк превращен был в настоящий полк под командой курляндца Георгия фон Менгдена. Вслед за ним и Семеновский полк – оба с наличным составом на целую треть из французских протестантов. Но следующая азовская кампания показала молодому царю, чего стоило это с виду храброе войско и что значит относиться несерьезно к серьезным вещам.

На Переяславльском озере Петр очень старался построить флотилию, но не работал усидчиво. Местность кругом так красива; холмистая лесная дорога ведет туда из Москвы. Светловодная Вика, вытекая из восточного конца озера, пересекает соседнее Сомино озеро и впадает в Волгу. На западе город Переяславль-Залесский блестит золотыми куполами своих 24 церквей, сгруппированных вокруг большого Преображенского собора. Петр выстроил себе там деревянный одноэтажный дом. Помещавшийся над входной дверью двуглавый орел с деревянной позолоченной короной составлял все украшение этого скромного жилища. Но там умели весело проводить время. Верфь находилась в нескольких шагах, но сомнительно, чтобы Петр работал там во время частых своих пребываний зимою на берегах своего «маленького моря». В феврале 1692 года его еле-еле удалось уговорить приехать оттуда, чтобы дать аудиенцию посланнику персидского шаха. Благодаря тому, что это было укромное место, защищенное от материнского надзора и любопытных глаз посторонних, Петр чувствовал себя там гораздо лучше, чем в Москве. Много приглашенных из Москвы часто бывало там. Их повозки встречали по дороге целые караваны, везшие бочки вина, пива, меда или водки. Приезжали также и дамы. Весною, когда на озере начиналась навигация, возобновлялись работы и упражнения, но все еще несерьезные. За год до азовской кампании Петр еще не знал, где он использует свой военный флот, на каком море и против какого врага; но он уже знал, что Лефорт, не бывший никогда моряком, будет его адмиралом, что корабль, на котором он воздвигнет свой флаг, будет называться «Слон», что на этом корабле будет много позолоты, отличные голландские матросы и капитан в лице самого Петра.

Последнее путешествие молодого царя в Переяславль было в мае 1693 года. Он увидит опять свое озеро и свою верфь только через 30 лет, в 1722 году по дороге в Персию. Речная флотилия, которая доставила ему так много горя и радости и которая никогда ни на что не пригодилась, была тогда в совершенном упадке, с гнилыми снастями и деревом, негодным к употреблению. Он рассердился: это ведь реликвии! Он отдал строгие приказания о сохранении их, но это было напрасно. В 1803 году на месте осталась только одна лодка, защищенная сараем, которая тоже разрушилась. Никакого следа не осталось от домика, где прежде жил Петр. Все исчезло, даже березы, под тенью которых отдыхал ученик-плотник от своих трудов.

В 1693 году, как прежде на Преображенских прудах, он почувствовал, что ему тесно на Переяславльском озере; он добился позволения долго не соглашавшейся матери и отправился в Архангельск. Наконец он увидит настоящее море! Ему пришлось пообещать не пускаться в море и только с берега смотреть на корабли. Но, конечно, он быстро забыл свои

обещания и рисковал утонуть, пускаясь в море на плохой яхте навстречу купленному в Амстердаме кораблю. Это военный корабль, но на нем были, кроме пушек, прекрасная мебель, французские вина, обезьяны и болонки. Входя на корабль, Петр был в восторге:

«Ты будешь его командиром», писал он Лефорту, «а я на нем простым солдатом». Затем Андрею Андреевичу Винуису, 21 июля 1694, из Архангельска:

«Min Her!

Ничто иное ныне мне писать, только, что давно желали, ныне в 21 д. совершилось: Ян Флам в целости приехал; на котором корабле 44 пушки и 40 матросов. Пожалуй, поклонись всем нашим, пространнее писать буду в настоящей почте; а ныне, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя: понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, который своими листьями заслоняет очи хотящим пространно писати.

«От Иорода июля 21 д.»

«Schi Per Fonshi Psantus Pro Fet ities.»

(Schiper von ship santus Profeties)

Т. е. шкипер корабля «Святое пророчество». Это означало: Капитан...

Петру уже было 21 год, но он продолжал ребячески относиться ко всему. Он играл в моряка, как прежде играл в солдата или европейца. У Лефорта он одевался по-французски; в Архангельске – в костюме голландского моряка. Он всецело был поглощен Голландией: принял ее морской флаг: красный, синий и белый, изменив только порядок цветов, и пил в кабаках с соотечественниками Тромжа и Рюйтера.

В январе 1694 года Петр вернулся в Москву к умирающей матери. Он выказал много горя, плакал, но через три дня уже кутил у Лефорта. Что это, бессердечие, неспособность к любви? Не вполне. Он до конца сохранил лучшие чувства по отношению к своему старшему брату; Екатерина нашла в нем впоследствии нежного мужа, не вполне безупречного, но верного в несчастиях и крепко привязанного. Но пока он еще был молод и не поддавался горю. Он утешился так же быстро после потери матери, стеснявшей его свободу, как забыл о существовании жены.

1-го мая Петр возвратился в Архангельск и стал заниматься по-прежнему своими морскими забавами. Он раздавал чины: Ромодановский, Бутурлин и Гордон становятся адмиралом, вице-адмиралом и контр-адмиралом, никогда не видевши моря. Петр остается простым капитаном, как он был простым бомбардиром в полку.

В этой скромности, проявляемой также впоследствии и возведенной в систему, историки старались найти глубокий смысл. По-моему же: время возникновения, сопровождавшие обстоятельства, самое происхождение и первые проявления этой скромности ясно указывают, что мы имеем дело только с отклонением воображения, логическое объяснение которому – как вообще всем уклонениям – можно искать в какой-либо черте характера. Таким образом всегда выражается прирожденная застенчивость личности, выдающая себя замаскированной, преображенной, идеализированной противоречивым внешними проявлениями характера сильного, властного, и призрачным блеском удачной карьеры.

Нет, во всем, что составляет в этот период жизнь будущего великого человека, во всех его удовольствиях, учении, поездках за границу, в посещениях Слободы, и кабаков Архангельска, в Преображенском лагере, в дружбе с Лефортом, Гордоном и голландскими матросами, не было ничего глубокого, но все это выбило его из обычной колеи предков на дорогу, по которой он пришел к своей великой цели.

А что же делала Россия, в то время как ее хозяин разгуливал, гонимый своим капризным, непоседливым духом? Россия, насколько она понимала и могла рассуждать о том, что с ней происходит, начинала думать, что она ничего не выиграла от переворота 1689 года. Народ без особенного страха и недовольства смотрел на знакомства, которые молодой царь заводил с немцами, и на его постоянное пребывание в Слободе. Алексей приучил его к этому. Но склонность покойного царя к Западу проявлялась в достижении более заманчивых результатов: в развитии промышленности, законодательных реформах и действительном прогрессе, приносившем плоды.

Фейерверки и воинственные игры Петра причинили несколько смертей и много увечий – это был весь видимый результат его забав. Если новый царь в своих играх приближался к Европе, бояре, которые правили вместо него, в серьезных вещах шли назад. Они управляли отвратительно. Голицын потерпел неудачу в борьбе с татарами; они разбили стан далеко за пределами страны, в Перекопских степях, и захватили несколько областей святой Руси! Тревожные известия, просьбы о помощи, извещения о поражениях приходили со всех сторон. Мазепа сообщал о том, что Украине угрожали враги. Досифей, патриарх Константинопольский, передавал тревожные сведения; французский посол встретился в Адрианополе с Крымским ханом и великим визирем и передал первому 10000 дукатов и 70000 визирю за то, чтобы они уступили Франции охрану Святой Земли. Договор был уже отчасти приведен в исполнение: католические священники отняли у православных монахов Святую Могилу, часть Голгофы, Вифлеемскую церковь и Святой грот. Они разрушили иконы, и русское имя стало для султана и его подданных презренным. Вступая на престол, султан не считал нужным известить об этом русских царей. Из Вены пришло известие, что министры императора, посланник польского царя и посланник султана поддерживали постоянные сношения, о которых Россия ничего не знала. Она была как бы отстранена и рисковала остаться одна лицом к лицу с турками и татарами. И симптомы тревоги и недовольства становились все сильнее, а Петру тем временем начинали надоедать его забавы. Архангельский рейд и воды Белого моря, недоступные в продолжение 7 месяцев из двенадцати, имели очень небольшое значение. Петр пытался найти через Ледовитый океан путь в Китай и Индию, но средств на это огромное предприятие не было никаких. Со стороны Балтийского моря тоже ничего нельзя было сделать: шведы сидели там крепко и не собирались уходить. Лефорт предлагал другой проект. Во время этого переворота в жизни молодого царя он приобрел на него особенно сильное влияние. За последние несколько лет у него не было соперника. Он открыл собою серию иностранных проходимцев (Остерман, Бирон, Миних), которые целый век распоряжались Россией. Двенадцать человек стояли на страже у его дворца, и самые знатные вельможи страны толпились в его прихожей. Петр относился к нему не как царь к подданному; он публично наказывал собственноручно своего зятя Абрама Федоровича Лопухина несколькими пощечинами за то, что тот, поссорившись с фаворитом, испортил ему парик. Расставшись с ним, Петр писал ему письма подозрительной нежности и получал равнодушные и бесцеремонные ответы. Вот например образчик письма Лефорта к Петру.^[4]

«Господин Коммандер

Письма твоё, которой писано 7 марта, достал иво с велики радуть. Дай, Богу, тебе здорова на многи леты и веселить да своей воли. А я, по милось твоя, здесь по-маленьку

живу не без кручина; а как, Бог изволить, увижу твоя милось с добрем здорова, забуду несчастливе дни, которы я здесь потираю. Товарис моё Феодер Алексевич кочет мене пакидать и у Англеска земли быть по указе твоя. Как ты изволишь люди наши отпускать стану скоро, а дазидать буду милось твоя. Весте с Польски земли, слава Богу, получше. Кароль в Данцих изволить быть. С Москва потста ни бевала: сия петница ана будет. Чало бью милось твоя, что ты изволишь арапов достать. Прости надёже моё. Дай Бог тебе видатсь с велики радусь. Твоё верной слуга

Лефорт ген. ад.

Амстер. 25 м. 1698.

Пужалесте ад мене скажи солобит (челобитную) ваша Компанья и не забевати про наша пити... воистяне не кали (николи) забеваём; коль питья здешнее не добро. Вчерась я уженал у Туртон. Девице добре про твоя здорова пили великой стакан: ани рады твоя милось видатсь».

В 1695 году Лефорту приходит в голову показать своим землякам и друзьям свое удивительное счастье. Петру уже давно хотелось послать некоторых из своих друзей за границу. Отчего ему не поехать с ними самому и не посмотреть вблизи на те чудеса, о которых Тиммерман и Карштен-Бранд дали ему лишь туманное понятие. Какая радость, какое развлечение от начинающейся скуки, какое поучительное зрелище и какая прелесть новизны! Но встретилось препятствие: какую роль будет играть в Европе всероссийский император? – Он явится с неизвестным именем, омраченным давнишними и недавними неудачами, ничего не успев совершить, чтобы его поднять. Это заставило Петра оглянуться назад и посмотреть на все, что он сделал, на свои занятия и развлечения, которые поглощали все его время: и он пришел к убеждению, что не сделал ничего.

Его осенила мысль: раньше, чем показаться этим людям Запада, которых он представлял себе такими великими, не нужно ли было бы ему подняться до их уровня. Но как достичь этого? В этом случае работающее воображение молодого царя встретилось с пришедшими в отчаяние боярами, которым он до сих пор предоставлял заботу о правлении. Они сами чувствовали необходимость сделать что-нибудь, чтобы выйти из того неприятного положения, в которое их поставила небрежность и неловкость их политики, предоставленной случайностям минутного вдохновения. Вероятно под давлением этих различных мотивов была решена первая попытка завоевания Азова.

Интуитивный гений будущего полтавского победителя, которому доверили выработанный по этому случаю план, кажется был тут ни при чем. Впрочем, ему и не надо было очень трудиться: план был начертан заранее, традиционный и классический в истории отношений России со своими страшными южными соседями. Баторий, знаменитый полководец, указывал его царю Ивану в 1579 г. Древний, дохристианский Танаис, Тано в средние века, торговая колония генуэзцев, завоеванная в 1475 г. турками, превращенная в крепость Азов, в пятнадцати верстах, от устья Дона, был с давних пор причиной раздора двух народов, как ключ к устью большой реки с одной стороны и ключ к Черному морю с другой.

Впрочем, не там должны были сосредоточиться главные усилия московской армии. Ведя с собой главные силы, бывшие в их распоряжении, – всю старую армию государства и ту армию, которая ходила с Голицыным в неудачные предприятия против татар, – бояре просто пошли бы по его стопам и вернулись бы с тем же успехом. Азовская попытка была единичным случаем, на котором должна была выработаться инициатива молодого царя. В

огромном лагере были довольны присутствием царя и предоставляли ему свободу. Он же не утруждал себя приготовлениями. По его мысли, ясно выраженной в письме, написанном в начале экспедиции,^[5] она должна была сделаться продолжением больших маневров, центром которых была крепость Пресбург. Петр рассчитывал взять Азов внезапно. Но во всяком случае, он воздерживался доверять свои «потешные» полки импровизированным начальникам, которых прежде им назначал во время шуточных сражений на берегах Яузы. Эти сражения его видимо убедили в том, что в войсках, принимавших в них участие, он приобрел большую военную силу, способную вступить в настоящую войну; но видимо он сознавал также, что предприятие на этот раз другое, и что оно требует других мер. Он дал отпуск «Пресбургскому и польскому королям», но в то же время, верный старым приемам, давно отвергнутым военной наукой Запада, он хотел разделить верховное командование. Его армейский корпус, где фигурировали все полки новой формации: гвардейские полки, полк Лефорта с несколькими отрядами ополченцев, городской и дворцовой милиции, стрельцы и царедворцы, – всего 31 000 человек, – имел трех главнокомандующих: Головина, Гордона и Лефорта.

Организованная таким образом экспедиция еще походила на прогулку. Генералы, из которых по крайней мере один, Лефорт, не имел никакого понятия о войне, начинают свое дело морем; а молодой царь, продолжая потешаться, вмешивается во все, давая советы вкривь и вкось и принимает псевдоним Петра Алексеева и чин капитана, пародируя во главе своего отряда бомбардиров. Он отнял у Ромодановского его ведомство, но сохранил ему титул и пишет ему, собираясь в поход:

Генералиссимусу князю Федору Юрьевичу 19 июня из Нижнего Новгорода^[6] 1695 года.
«Min Her Kenich.

Письмо вашего превосходительства, государя моего милостивого, в стольном граде Прешпурге мая в 14 день писанное, мне в 18 день отдано; за которую вашу государскую милость должны до последней капли крови своей пролить; для чего и ныне посланы, и чаем за ваши многие и теплые к Богу молитвы, вашим посланием, а нашим трудами и кровью, оно совершить. А о здешнем возвецаю, что холопы ваши, генералы Автон Михайлович и Франц Яковлевич, со всеми войски дал Бог здорово, и намерены завтрешнего дня иттить в путь, а мешкали для того, что иные суда в три дни на силу пришли, и из тех многие небрежением глупых кормщиков, которых была бõльшая половина в короване, также и суды, которые делали гости, гораздо худы, иные на силу и пришли. А казну здесь перегрузили в пауски; а служивых людей по се число умерло небольшое число; а из того числа иные больные с Москвы поехали. За сим отдаюсь в покров щедрот ваших.

Из Нижнего Всегдашний раб пресветлейшого
мая в 19 д. вашего величества Бомбардир
Piter».

Конец был таков, какого можно было ожидать. Петр принужден был, подобно Софье и Голицыну, присылать известия о вымышленных победах. В Москве отслужили молебен по поводу взятия двух незначительных фортов, но все знали, что две атаки на самую крепость были бесплодны и причинили много потерь. Было произведено испытание новой армии и ее молодому творцу, и оно было решающим. Семь лет юношеских импровизаций привели к самому жалкому и самому унижительному результату. Вот где начинается история Петра Великого.

Петр был не только великим человеком. Он является вместе с тем самым полным, самым понятным и самым многосторонним олицетворением великого народа.

Никогда народ не отражался так точно, со своими недостатками и своими достоинствами, с высотами и глубинами своего нравственного уровня, со всеми чертами своей физиономии, в одной единственной личности, бывшей его представителем в истории. Те скрытые источники ума и души, которые Петр обнаруживает в эту минуту; то, что он делает, и то, благодаря чему он достигает своего полного развития, Россия будет проявлять изо дня в день, из года в год, на протяжении двух веков, и она возвеличится так же, как он. Разбитая турками и шведами, захваченная Европой, как прежде Азией, после 20-ти поражений, 20-ти мирных договоров, продиктованных ее победителями, она будет раздвигать свои границы за их счет, расчленив Турцию, Швецию и Польшу и будет диктовать свои законы европейскому континенту, благодаря своей настойчивости.

Упорно преследовать свою цель, – недостижимую на первый взгляд, – по избранному ею опасному пути, пользуясь, иногда, неудачными средствами, удваивать, утраивать усилия, учащать удары и терпеливо выжидать часа, – в этом весь ее секрет. Все дело в одной ее душе, твердом металле, закаленном веками рабства и искупительного труда. Величие Петра, величие России подготовлено монгольским завоеванием и терпеливым духом московских князей, закаленном на наковальне, о которую разбился молот завоевателя.

На другой день после этого неудачного похода московская оппозиция со злорадством вспоминала пророческие слова патриарха Иоакима, его проклятие иностранных солдат и еретических начальников. Но Петр, напротив, еще усиленнее призывал иностранную науку и промышленность, просил инженеров у Австрии и Пруссии, матросов и плотников у Голландии и Англии. Флот Переяславльского озера никуда не годился; царь решил построить другой в Воронеже, в Донском бассейне, но натолкнулся на затруднения, которые другому могли бы показаться непреодолимыми. Рабочие, набранные за границей, собирались медленно и сплошь и рядом возвращались на родину при виде страны, в которую их вызвали и где им предстояло жить и работать. Местные рабочие только портили, ничего не понимали и также убегали массами от дурного обращения. Леса, из которых привозили строительный материал, выгорали целыми десятинами; более образованные сотрудники, офицеры, инженеры, врачи подражали хозяину, превосходя его недостатки. Происходили бесконечные оргии, ссоры, драки. Лефорт, извещенный курьером, принужден был давать отчет о всем, что происходило в вверенной ему отрасли. И он начинает: «Сего числа князь Борис Алексеевич у меня будет кушать и про ваше здоровье станем пить; а с Москвы мой первый наслег (ночлег) будет в Дубровицах, и там мы вашу милость не забудем. Что я, что у вашей милости пива доброва нет на Воронеже: я к милости твоей привезу с собою и мушкатель-вейн и пива доброва».^[7]

Работы были начаты осенью 1696 года; на следующий год 3 мая на воду было спущено двадцать три галеры и четыре брандера, которые тотчас же были отправлены к Азовскому морю. Во главе этой флотилии на галере *Principium*, построенной почти целиком им самим, находился капитан Петр Алексеев. На борте других судов за ним следовали: адмирал Лефорт, вице-адмирал Лима, венецианец, и контр-адмирал Валтазар де Лозиер, француз. На этот раз русский флот был создан не на шутку.

Нельзя сказать, чтобы он покрыл себя славой, так же, как сухопутное войско под

командой боярина Шеина, вместе с которым он должен был совершить новую попытку взятия Азова. Потешные полки слишком привыкли «потешаться»; стрельцы годились только на осаду дворцов; пушечные выстрелы приводили их в смятение. Под стенами неприступной крепости Петр решал уже их участь.

Вид и приемы всего этого лагеря до прибытия настоящих мастеров своего дела напоминали осаду Трои. Генералы теряли головы, Гордон, самый ловкий из них, тщетно пытавшись пробить брешь, собрал всех офицеров и солдат на военный совет. Один из стрельцов предлагал насыпать холм выше стен крепости и затем засыпать ее оттуда. Владимир Великий прибегал будто бы к этому способу при взятии Херсона. Стратегия Владимира Великого принята была с энтузиазмом, но она лишь слегка напугала турок и вызвала улыбку сожаления на лицах немецких инженеров, приехавших наконец. Петр был очарователен в своем увлечении, своей веселости и юношеской дерзости. Он писал своей сестре Наталье, обеспокоенной опасностями, которым он подвергал себя:

«По письму твоему я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако хотя и ходят, только по ся поры вежливо. Турки на помощь пришли, да к нам нейдут и чаю, что желают нас к себе».

Но стойкий в своих решениях, Петр все так же был подвержен унынию, так же легко выходил из равновесия. 20 мая, отправившись на рекогносцировку с целью помешать турецким судам подвозить съестные припасы к крепости, Петр при виде их многочисленности быстро отступил со своими галерами. На другой день в 10 часов утра он явился к Гордону мрачный, унылый, ожидающий всяких неудач, но в 3 часа возвратился сияющий: не получив никаких распоряжений, повинувшись только своей храбрости, козаки на своих чайках (легких челноках, сделанных из кожи), летающих по воде как птицы, имя которых они носили, атаковали накануне вечером большие корабли султана и обратили их в бегство, причинив им большие потери. Это был для артиллерии Гордона удобный случай отличиться. Не попав ни одним ядром в неприятеля, она выпалила огромное количество пороха на воздух в честь победы. Вообще палили при всяком удобном и неудобном случае: будь то прибытие нового отряда, взятие редута или неприятельской шлюпки.

Усилие на этот раз было так велико, желание победить так сильно, что при помощи казаков и немецких инженеров предприятие было наконец приведено к вожделенному концу. 16 июля батареи, воздвигнутые наконец артиллеристами иностранным, открыли губительный огонь; 17-го смелая помощь запорожцев (днепровских казаков), действовавших на суше и на море с одинаковой храбростью, передала в их руки часть крепостных сооружений, а 18-го Петр писал Ромодановскому:

Государю генералиссимусу князю Федору Юрьевичу 20 июля 1896 года.

«Min Her Kenich.

Известно вам, государь, буде, что благословил Господь Бог оружия ваша государское; понеже вчерашнего дня, молитвою и счастьем вашим государским, Азовцы, видя конечную тесноту, сдались, а каким поведением и что чего взято, буду писать в будущем письме. Изменника Якушку отдали живо. С галеры Принципиум июля 20 дня».

Молодому царю после этой победы не стыдно было показаться своим западным соседям. Он горьким опытом убедился, что должен многому поучиться у них. Его ум расширился и просветился новым светом. Замышляя обширный план морской политики, он видел, что широкое участие придется уделить в нем иностранцам. Собираясь соединить Дон и Волгу целой системой каналов, он больше не решался действовать по-прежнему наобум.

Недостаточно привезти строителей из Венеции, Голландии, Дании и Швеции; недостаточно послать своих офицеров за границу – 28 в Италию и 22 в Голландию и Англию; надо самому поехать с ними, самому серьезно поучиться, и поработать в поте лица. В этой жажде знаний и в этом усердии было еще немало ребячества; будущему ученику саардамских плотников суждено проявить еще немало чисто-детских черт; но цель была намечена, размах сделан. Большим путешествием по Европе начнется одна из самых удивительных карьер в истории.

Глава 2

Путешествие. Германия. Голландия. Англия. Возвращение

I

Чтобы найти в истории России пример подобного путешествия, следует вернуться к одиннадцатому веку. В 1075 г. великий князь киевский Изяслав посетил в Майнце Генриха IV. Снова старая традиция, возобновленная Петром, конечно, бессознательно. Со времен Иоанна Грозного, уже одно только желание посетить иноземные края считалось со стороны царских подданных величайшей изменой. В царствование Михаила по этому поводу князь Хворостин подвергся жестокому преследованию. Он в присутствии друзей завел разговор о путешествии в Польшу и Рим, очень для него желательном, «чтобы найти людей, с которыми можно бы было поговорить». Немного позднее, когда сын наиболее приближенного советчика Алексея, Ордын-Нащокин, тайным образом переехал через границу, возник вопрос об убийстве его в чужих краях.

Сам Петр не решался идти настолько в разрез с общественным мнением, чтобы придать своему отъезду официальный характер. Он позволил себе путешествие почти украдкой, и какой-то примитивной наивностью отзываются предосторожности, принятые им, чтобы обеспечить себе удобства инкогнито, тайну которого он постоянно сам первый нарушал со своей природной горячностью. Снаряжается великое посольство, с поручением, посетив поочередно императора римского, королей английского и датского, папу, Голландию, курфюрста бранденбургского и венецианскую республику – всю Европу, за исключением Франции и Испании, – «выразить там желание о возобновлении старинных уз дружбы, имея в виду ослабление врагов рода христианского». Посланников было всего трое: Лефорт в качестве первого представителя стоял во главе своих союзников, Головина и Возницына. В их свите значилось пятьдесят пять дворян и добровольцев, и в числе их «унтер-офицер Преображенского полка, по имени Петр Михайлов» – сам царь. За все время путешествия на письмах, адресованных государю, должна была стоять краткая надпись: «передать Петру Михайлову». Все это ребячество; но вот трогательная подробность: печать, предназначенная для пользования самозванным унтер-офицером во время переписки, представляла молодого плотника, окруженного инструментами, необходимыми при постройке кораблей, кругом – надпись: «Мое звание – ученик, и мне нужны учителя».

В Москве существовали иные предположения относительно действительной цели путешествия. Большинство думало, что царь, отправляясь за границу, намеревается заниматься там тем же, чем до сих пор занимался в Слободе, т. е. едет для забавы. Сам Петр предвидел ли в то время обширные горизонты, раскрывшиеся благодаря его поездке? Сомнительно. Проезжая по Лифляндии, он, правда, уже поговаривал о намерении обрезать

бороды и укоротить полы одежды своих подданных, но судя по лицам и платью его спутников можно было думать, что это пустые слова. Лефорт одевался по-татарски, а рядом с ним молодой князь Имеретинский щеголял в великолепном персидском наряде.

Вообще, с самого начала, ни с русской, ни с европейской точки зрения, путешествие не имело той важности, какую впоследствии придали ему события. Оно не обратило на себя особого внимания. В этом отношении мне, к сожалению, приходится разрушить еще одну лишнюю легенду, любовно взлелеянную народным тщеславием. В России уже привыкли к мысли о скитаниях государя или, вернее, отвыкли совсем его видеть; в Европе умы были заняты в другом направлении. Час, выбранный Петром, чтобы завязать знакомство со своими западными соседями и представить себя их любопытствующим взорам, был для них полон торжественности. Предстоял конгресс Росвикского мира. Все внимание дипломатии, торговли, умственных интересов было направлено в ту сторону. Приведу лишь одно доказательство: во французских архивах хранится восемь томов, заключающих переписку Людовика XIV с уполномоченными, обязанными в 1697 г. защищать его интересы пред лицом великого дипломатического собрания. Ручаюсь, что имя Петра упоминается там не более одного раза, да и то мимоходом. Прервав свои труды и научные работы, царь из Амстердама отправился в Гаагу, где для него готовилась официальная встреча. Уполномоченные сообщают об этом факте, и тем дело кончается. Долгие месяцы они были его близкими соседями, – они, заседая в Дельфте, он, работая в Амстердаме, – и по видимому не подозревали о его существовании. Известно ли им было по крайней мере, как его зовут? Даже по поводу польских дел, которыми им часто приходилось заниматься, они не обмолвливаются о нем ни словом. Очевидно, они не предчувствовали ту роль, которую будущий союзник Августа II собирался себе в этом отношении присвоить.

Появление московского государя, за пределами своей страны вообще было мало известного, возбуждало интерес только в очень узкой сфере. В следующем году оно послужило темой для публичного диспута в Торнском университете. Ученые уже с некоторых пор начали заниматься Москвией. В Англии Мильтон написал книгу о великом северном государстве и породил целую литературу, посвященную тому же вопросу. В Германии Лейбниц недавно выразил мнение, что только русские в состоянии избавить Европу от оттоманского ига. Но именно с научным миром Петр Михайлов всего более стремился в данную минуту вступить в общение, и с этой точки зрения, – после великого кризиса, поставившего Людовика XIV лицом к лицу с могущественнейшей коалицией, и перед близким кризисом испанского наследства, в краткий промежуток затишья и успокоения, дарованного Европе истощением Франции, – минута была наиболее подходящая для путешествия по старому европейскому континенту с научной целью и для развлечения.

Назначенный на февраль 1697 г. отъезд оказался отсроченным раскрытием заговора на жизнь царя. Во главе злоумышленников мы встречаем старого знакомого, Циклера, прежнего сторонника Софьи, из которого пренебрежение Петра создало недовольного. Что же касается его сообщников, их легко угадать: опять все те же стрельцы! Петру предстояло, следовательно, постоянно видеть их перед собой, дышащими ненавистью и угрозами! Впрочем, инцидент был быстро исчерпан; отсечено несколько голов, и отъезд, наконец, состоялся 10 марта. Но тень уже омрачила радость путешествия и оставила в душе молодого государя осадок мрачного злопамятства. Опять те же бесконечные галлюцинации кровавых призраков, витавших вокруг его колыбели.

Так что ж, пусть будет объявлена война, раз они того желали! При первом удобном

случае счета будут сведены. А пока следовало держаться настороже, меч отражать мечом, постоянным заговорам противопоставить вечный розыск, кинжалу, всегда занесенному из-за угла – Лобное место, надолго воздвигнутое на Красной площади. Временно этой обязанностью должны были заняться друзья и наиболее надежные сотрудники царя, пока, вернувшись, он не возьмется за дело сам. Но издали он поощрял рвение Ромодановского. В Германии, в Голландии, в Англии, повсюду, среди невиданных зрелищ, изумления, ослепления, ожидавших его, за ним неотступно следовал тревожный призрачный призрак, гнетущий кошмар смертельных опасностей, по-видимому, неразлучных с его судьбой. Таким образом возродился и развился в нем мрачный, дикий и неумолимый дух его предков, сливая блеск распространения цивилизации с кровавой тенью ужасной резни. Вместе с секирой он взял в руки топор: он дровосек и палач.

Посольство медленно подвигалось вперед. Поезд состоял из двухсот пятидесяти человек. В свите одного только Лефорта значилось одиннадцать дворян, семь пажей, пятнадцать камердинеров, два ювелира, шесть музыкантов и четыре шута. В Риге, на шведской территории, прием был оказан любезный, но холодный. Губернатор Дальберг, сказавшись больным, не появился. Петр впоследствии воспользовался этим обстоятельством и превратил его в *casus belli*, указывая на личные оскорбления. В ссылаях на западную цивилизацию не доставало искренности. Официальным образом его особа не могла быть затронута. В Риге, как и везде, послы получили приказ принимать за смешную выдумку указание на присутствие среди посольства молодого государя. Все должны были думать, что он находится в Воронеже и занят постройкой своего флота. Дальберг, может быть, проявил некоторую насмешливость, делая вид, что вполне верит такому утверждению; а русские, следуя склонности, – к сожалению, кажется, сделавшейся наследственной, – слишком бесцеремонно предъявляли свои права на чересчур широкое гостеприимство. Петр собственной рукой собирался набросать план крепости! Его остановили. По-видимому, на это были основания: его отец осаждал город! Обиды, если они существовали, были по крайней мере обоюдными.

Дурное настроение путешественников рассеялось в Митаве. Правивший в то время герцог, Фридрих-Казимир, был для Лефорта старинным знакомым. Он приготовил посольству сердечный и торжественный прием. Петр позабыл свое инкогнито и поражал любезных хозяев неожиданностью своих речей, высмеивая нравы, предрассудки и варварские законы своей страны. Запад уже начинал его захватывать. Но он оставался еще прежним причудливым и сумасбродным юношей. В Либаве он увидел в первый раз Балтийское море, море варягов, и, не имея возможности, благодаря дурной погоде, продолжать свой путь, проводил время в винных погребах в обществе портовых матросов, чокаясь и болтая с ними, упорно выдавая себя на этот раз за простого капитана, на которого возложено поручение вооружить капер для царской службы. Вот он в Кенигсберге, опередив свое посольство, предоставив ему совершать переезд сушей, а для себя сократив дорогу и поплыв напрямик на торговом судне. Он отказывается выйти к принцу Голштейн-Бекскому, высланному ему навстречу курфюрстом бранденбургским; заставляет судового шкипера поклясться, что на его судне нет никакого знатного пассажира, засиживается там до ночи и только в десять часов вечера решается переехать в приготовленное для него помещение. Там встречает его придворный церемониймейстер, Иаков фон Бессер, утонченный царедворец, кроме того поэт и ученый. Петр подсакивает к нему, срывает с него парик и отбрасывает в сторону.

– Кто это? – спрашивает он у спутников. Ему объясняют по мере возможности обязанности Бессера.

– Хорошо, пускай приведет ко мне девку.

Сознаюсь, что анекдот, хотя приведенный историком серьезным и вовсе не недоброжелательным, может показаться подозрительным. Многочисленность подобных выходов, повторяемых легендой, не оставляет никакого сомнения относительно общего получаемого отсюда впечатления. Ясно, что будущий преобразователь оставался пока еще молодым дикарем. На следующий день он виделся с курфюрстом, беседовал с ним на плохом немецком языке, усиленно пил венгерское вино, но отказывался от посещения курфюрста: он снова превратился в Петра Михайлова. Потом спохватился и приготовил прием, по его мнению великолепный, сопровождаемый фейерверком собственного изготовления. В последнюю минуту курфюрст прислал свое извинение. Горе вестникам, сообщившим такую досадную новость, двум знатным сановникам, графу фон Крейзену и судье фон Шлакену! Петр сидел за столом в обществе Лефорта и одного из шутов. Лефорт держал трубку в зубах. Царь, по-видимому, пьяный, в порыве нежности, по временам наклонялся к своему любимцу и обнимал его. Он пригласил посланных сесть рядом с собою за стол, потом вдруг, ударив кулаком по столу: «Курфюрст славный, но его советники черти. Gehe! Gehe! (Пошли вон...)» Он вскочил, схватил одного из бранденбуржцев за шиворот и вытолкнул за дверь: „Gehe! Gehe!“

Когда он выходил на прогулку в Кенигсберге в качестве простого туриста, все разбегались в разные стороны, чтобы не испытать на себе его остроумия, богатого не особенно приятными выходками. Повстречавшись с придворной дамой, он остановил ее резким движением руки и раскатом своего громового голоса: «Halt!» Он взял часы, замеченные у нее на корсаже, посмотрел который час, и пошел дальше.

Курфюрст высказывал полную готовность радушно встретить своего гостя и приготовить ему пышный прием; его любви к церемониалу и блеску льстило присутствие такого необычайного посольства, и он имел надежду на заключение оборонительного союза против Швеции. Стоило ему это полтора-два тысяч талеров: зря выброшенные деньги! Петр уклонялся от разговоров, выслушивая их рассеянно, далеко блуждая мыслями. В вопросах политических его внимание, или вернее, внимание его советников, было поглощено делами польскими, где смерть Собесского выдвинула две соперничавшие кандидатуры: курфюрста Саксонского и принца де Конти. Петр держал сторону Августа, против его конкурента, т. е. против Франции, союзницы Турции. Переписываясь из Кенигсберга с польскими вельможами, он выражал решительное намерение принять участие в борьбе. Армия под предводительством Ромодановского двинется к границам Лифляндии. Он уже грозил!

Посольство задержалось в Кенигсберге в ожидании событий, чем Петр воспользовался, чтобы удовлетворить свое настойчивое любопытство, ненасытную потребность знаний. Иногда ему приходили очень странные фантазии, вроде желания присутствовать при казни посредством колесования, какую он мечтал, по-видимому, включить в уголовное судопроизводство своей страны, чтобы внести разнообразие в его репертуар. Перед ним извинились отсутствием в настоящую минуту преступника, заслужившего подобную кару. Он удивился: что за нежность с осужденным на смерть! Почему не хотят воспользоваться кем-нибудь из его свиты? Однако в то же время он занимался с фельдцейхмейстером Штернфельдом и через несколько недель получил от него формальный диплом, которому однако напрасно придавали слишком большое значение. Три года спустя во время

пребывания Петра в замке Бирзэ, в Лифляндии, вместе с королем польским, оба государя, одинаковые поклонники оригинальности, развлекались стрельбой в цель из пушек. Август попал два раза, а Петр ни одного.

Молодой царь в это время уже был тем странным человеком, с которым два года спустя предстояло познакомиться европейскому миру, где он надолго оставил по себе удивление и страх: невероятно деятельным, подвижным, предприимчивым, обыкновенно веселым, полным неистощимой живости и шутливости, даже добродушия, с неожиданными припадками раздражения, внезапными взрывами гнева, приступами ярости или тоски; гениальным и причудливым, беспокойным и беспокоящим других. Однажды во время ужина у курфюрста в низкой зале с мраморным полом один из слуг уронил тарелку. Моментально Петр с диким видом, свирепым лицом, обнажает шпагу и принимается наносить удары, которые по счастью никого не ранят. Успокоившись, он настойчиво требует наказания виновного. От него удастся отделаться только приказав отстегать плетью в его присутствии какого-то беднягу, провинившегося в другом проступке.

В первых числах июля, когда Август по-видимому окончательно взял верх в Польше, посольство двинулось в дальнейший путь. Вена была его заранее намеченной целью, так как имелось в виду начало переговоров о союзном договоре; но царский посланник Нефимов пожелал взять инициативу на себя или по крайней мере поддержать такую видимость. Союз оборонительный и наступательный, по его словам, был готов. С другой стороны, Лефорт настаивал на путешествии прямо в Голландию, хотя его весьма умеренное рвение кальвиниста тут было не при чем, как то предполагали. Вообще случай гораздо более руководил планом путешествия, чем это принято думать, и даже общим направлением, приданном ему обстоятельствами.

Странно, что по пути в Голландию Петр не остановился в Берлине. Он только проехал через город. Будущая столица великого Фридриха показалась ему не заслуживающей особого внимания. Ему удалось в другом месте встретиться со всем, что целая Пруссия могла бы ему представить наиболее привлекательного, – познакомиться в то же время с Германией просвещенной и образованной в ее самом пленительном проявлении. Курфюрстина Бранденбургская, будущая королева, София-Шарлотта Прусская, не сопровождала мужа в Кенигсберг, она воспользовалась его отсутствием, чтобы посетить свою мать, курфюрстину Софию Ганноверскую. Однако прибытие еще несколько сказочного государя из таинственной Московии не оставило ее вполне равнодушной. Мать и дочь считались одними из наиболее образованных женщин своей эпохи. Предназначавшаяся прежде в невесты принцу французского королевского дома, София-Шарлотта два года провела в Версале. Она сохранила характер француженки. Двадцати девяти лет от роду, в данную минуту она считалась самой красивой и остроумной женщиной своей страны. Ее интимный кружок являлся умственным центром. Лейбниц принадлежал к нему и передал ей тот горячий интерес, какой возбудило лично в нем событие, взволновавшее Кенигсберг, открывая перед ее подвижным умом новые горизонты, целую программу занятий по этнографии, лингвистике, археологии, – целый план обширных научных исследований, для исполнения которого, при помощи московского государя, роль величайшего ученого Германии казалась уже предначертанной. Он уже изучал язык и историю страны. Раньше он указывал на Польшу, как на природный оплот христианства против варваров всякого происхождения, турок или русских. Теперь эти слова были позабыты. Петр, может быть, и оставался варваром, но варваром с великим будущим, и Лейбниц радовался тому, хотя и причислял его

к одному разряду с Кам-Ки-Амалогдо-Ганом, китайским императором, и с Ясок-Аджам-Нугбадом, королем абиссинским, его современниками, тоже по-видимому замышлявшими великие дела. София-Шарлотта приказала присылать себе подробные отчеты относительно пребывания царя в Кенигсберге. Они не внушили ей особенно выгодного представления о степени культурности и воспитанности, какие можно было ожидать встретить у высочайшего путешественника; но не уменьшили ее желания его увидеть. По этому поводу она вела деятельную переписку с министром Фуксом; в мае 1697 г. она писала ему: «Мне бы хотелось, чтобы его убедили проехать здесь, не для того чтобы посмотреть, а чтобы показаться, и мы с удовольствием употребили бы то, что тратится на редких зверей, для такого случая». И месяц спустя: «Хотя я враг нечистоплотности, но на этот раз любопытство берет верх.

Заинтересованный в свою очередь, увлекаемый без сомнения воспоминаниями, оставшимися от любезных слободских немок, Петр охотно согласился на встречу, состоявшуюся в Коппенбрюгге, в великом герцогстве Целль, резиденции герцога брауншвейгского. Молодой государь сначала испугался множества встретивших его здесь лиц, так как обе курфюрстины забыли его предупредить, что пригласили всех членов своего семейства. Он сделал вид, что хочет избежать свидания, поспешно покинул селение, и пришлось целый час его уговаривать, чтобы убедить вернуться. Наконец он появился в замке, но на приветствие, с каким обратились к нему курфюрстины, отвечал только жестами, закрывая себе лицо руками и повторяя: «Ich kann nicht sprechen»...^[8] – дикость, а также природная застенчивость, в чем я убежден и что подтверждается дальнейшим свиданием, так как молодой государь вскоре стряхнул с себя смущение и довольно быстро приручился. За ужином он еще проявлял некоторую неловкость, сделал несколько промахов, не знал, куда девать салфетку, употребление которой ему было неизвестно, и ел неопрятно. Он заставил все общество просидеть четыре часа за столом и пить, каждый раз вставая, бесконечное количество тостов за его здоровье; но несмотря на это, все-таки не произвел дурного впечатления. Он казался простым; при ясном природном уме, быстро отвечал на предлагаемые ему вопросы и без затруднения поддерживал какой угодно длинный завязавшийся разговор. У него спрашивали, любит ли он охоту, и он отвечал, показывая свои руки рабочего, покрытия мозолями, что ему некогда охотиться! После ужина он согласился танцевать, попросив предварительно обеих принцесс показать ему пример. Он хотел надеть перчатки, но их не оказалось в его багаже. Его спутники принимали корсеты со вставленными костями своих дам за их природное тело и громко делали замечания, что у немецких женщин чертовски жесткие спины. Он призвал одного из шутов, но видя, что обществу не нравятся его нелепые дурачества, вооружился огромной метлой и выгнал его вон. Но опять-таки, в общем, он очаровывал больше, чем поражал. Это был любезный дикарь. Даже более того. «Это», пишет курфюрстина-мать, «человек совершенно необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить себе какое-нибудь представление о нем, не выдав его». Четыре часа, проведенные за ужином, не показались долгими ни матери, ни дочери; обе просидели бы еще дольше, «не испытывая ни минуты скуки». Отдавая отчет Фуксу в своих впечатлениях, дочь заканчивает свое письмо фразой, недоговоренной и весьма многозначительной: «Ну, довольно вам надоедать; но право не знаю, что делать; мне доставляет удовольствие говорить про царя, и если бы я верила самой себе, я бы вам сказала еще больше, я... Остаюсь расположенной к вам и готовой к услугам».

К сожалению, Лейбниц не присутствовал на празднике. Он рассчитывал на проезд

посольства через Минден и наскоро набросал план работ и преобразований, намереваясь представить его царю. Ему удалось увидаться только с племянником Лефорта, вежливо от него отделившись. Петр остался недоступным: ученые, не строившие кораблей и ничего не понимавшие в изготовлении фейерверков, его еще не интересовали. Он торопился увидеть родину Карштен-Брандта и Корта. По дороге в Амстердам, в Шенкеншене, голландском пограничном городе, какая-то женщина спросила путешественников, христиане ли они. Разнесся слух, что русские намереваются креститься в Клеве.

II

Саардам, или Заандам, и дом царя-плотника, теперешняя достопримечательность прелестного нидерландского городка, приобрели известность только в конце восемнадцатого столетия. Посвящая пять страниц описанию этого уголка в своих «Мемуарах», написанных в 1726 г., барон Пёльльниц ни словом не упоминает о знатном госте, которому городок обязан теперь своею славою.

Рассказывая о пребывании Петра в Голландии, знаменитый Вагенер умалчивает о Саардаме. Эта страничка истории являет собой любопытный пример дополнительной работы народного воображения. С исторической точки зрения, как это удостоверено, большинство подробностей, относящихся к пребыванию Петра в окрестностях Амстердама, не имеют под собой действительной почвы. Нельзя сказать с уверенностью, что он в самом деле выстроил домик, бережно охраняющийся в настоящее время. По Шельтему, ссылающемуся на еще неизданные записки Нумена, жилище принадлежало кузнецу по имени Геррит Кисту; ведомость местной лютеранской общины называет другого собственника – Бой-Тийсена. Все домики рабочих, окаймляющие маленький канал, впадающий в залив, похожи друг на друга, как две капли воды; тут легко могла произойти путаница. Вольтер и его конкуренты, правда, шаг за шагом и час за часом, проследили жизнь славного ученика на протяжении его легендарных походов; они видели его стелящим себе постель в убогой хижине, собственноручно готовящим себе обед, устраивающим модель корабля, затем ветряной мельницы, обе величиной в четыре фута. Он добавляет мачту к судну, предназначенному для его прогулок, целые дни проводит на верфях, с топором или рубанком в руках, и, не довольствуясь такими разнообразными занятиями, посещает лесопилни, прядильни, мастерские компасов, слесарни; является на бумажную фабрику, берет инструменты для изготовления листов и превосходно справляется с этой тонкой работой. Сколько времени потребовалось бы ему, чтобы все это действительно проделать? Около двух лет, отвечает Вольтер.^[9] Петр же пробыл в Саардаме неделю!

Как он туда попал? Отчасти по игре случая, а главным образом, благодаря наивному невежеству, не покидавшему его за все время этого первого путешествия по Европе. Саардам был тогда довольно значительным центром корабельных построек; там насчитывалось до пятидесяти верфей; но с точки зрения важности или совершенства работ эти мастерские не выдерживали никакого сравнения с Амстердамом. Расставшись в Коппенбрюгге с большей частью своих спутников, в сопровождении лишь десятка «добровольцев», Петр, минуя большую резиденцию, направился прямо к соседнему маленькому городку. Почему? Потому что среди голландских плотников, конечно, второстепенных, с какими он работал в Преображенском, Переяславле и Воронеже, лучшими оказались уроженцы Саардама. Из

этого он вывел заключение, что следует отправиться прямо туда, а не в какое-либо иное место, чтобы увидеть хорошие корабли и научиться их строить.

Он остановился в харчевне; следуя своей любви к переодеваниям, велел поскорее принести для себя и для своих спутников платье местных судовщиков – красные камзолы с крупными пуговицами, короткую жилетку и широкие штаны, – и отправился в таком наряде странствовать по улицам, заходя на верфи, заглядывая в домики рабочих, к великому изумлению жителей.

Дома эти были вполне похожи на те, в каких Петр привык жить у себя на родине; он облюбовал себе один из них и в нем поселился; купил *бойер*, маленькое парусное судно, приладил складную мачту – в то время новое изобретение, – и проводил время в испытаниях своего судна в заливе. В неделю ему это надоело. Корабли, виденные ими в водах или в верфях, представляли собой только торговые суда, небольшой вместимости, и его присутствие внесло смуту в мирное население городка, поставив местные власти в затруднительное положение и причиняя немало досады ему самому. Переодевание очевидно никого не обмануло, приезд его был возвещен заранее и приметы сообщены одному из городских жителей его родственником, работавшим в России. «Высокого роста; голова трясется; постоянно машет правой рукой; бородавка на лице».

Ребятишки, которых он толкнул, стали бросать в него камнями; он рассердился и сейчас же позабыл инкогнито, весьма громко заявляя о своем высоком сане. Ему дали понять, что его отъезд доставил бы большое удовольствие, а так как в это время его посольство прибыло в Амстердам, то он решился также направиться туда.

Неделю провел он в Саардаме; катался там на лодке и ухаживал за трактирной служанкой, которой подарил пятьдесят дукатов; но он поразил умы своими эксцентричными манерами, а своим маскарадным переодеваньем оставил в гнезде, этом тихом уголке, выводок живописных анекдотов, из которых впоследствии развилась легенда. Иосиф II, Густав III, Великий князь Павел, в конце восемнадцатого столетия, Наполеон и Мария-Луиза в начале девятнадцатого, посетили жилище, – подлинное или нет, – средоточие посмертного культа, запоздавшего преклонения. Наполеон, по-видимому, заглянул сюда лишь мимоходом, а Мария-Луиза разразилась смехом, увидав убожество домика; но Александр I в 1814 г. приказал прибить на доме белую мраморную доску в память прошлого. Сопровождавший будущего императора Александра II поэт Жуковский написал карандашом на стене восторженные стихи, приветствующие колыбель России под убогой кровлей рабочего, и рядом с портретом великого человека, туристы читают следующее двустишие:

Nichts is den grooten
man te Klein.

(Ничто не мало для великого человека).

Расположенный на Кримпе, в восточной части залива, довольно удаленной от города, домик – деревянный на кирпичном фундаменте. Геррит Кист или Бой-Тийсен владел им в 1697 г. сообща с одной вдовой, а последняя уступила свою часть жилища Петру за плату семь флоринов, которую тот забыл уплатить. В этом отношении у него была плохая память. Все помещение состоит из единственной комнаты, снабженной очагом под навесом, на фундаменте с деревянными наличниками, и двустворчатой дверью, и решеткой из медных прутьев. В стене углубление с занавеской – место для матраца. *Betstelle*. Лестница ведет на чердак. Не сохранилось никакой мебели, возможно служившей жильцу 1697 года – императрица Елизавета купила ее и перевезла в Россию. Домик, в котором после того жило

несколько поколений ремесленников, долгое время находился в забвении. Возможно, что удалось его узнать. Сводчатый навес, устроенный голландским королем, окружает и предохраняет теперь то, что осталось от этого жилища: левое крыло с двумя комнатами и чердаком над ними, наполовину разрушившееся под развалившейся крышей. Правое крыло исчезло, так же, как очаг. Голландское правительство недавно уступило эти реликвии русскому правительству, принявшему для их охранения новые меры, довольно обидные для любителей старины, но может быть необходимые. Там даже устроено духовое отопление.

Во дворце Монплеизир в Петергофе есть картина голландской школы, изображающая человека в красном камзоле, крепко обнимающего толстую девушку, которая долгое время считалась отголоском воспоминаний, оставленных великим мужем в Саардаме. Полотно находится теперь в Эрмитаже и без сомнения не могло быть написано с натуры, так как художник Л. И. Хореманс родился в 1715 г. Нартов, впоследствии один из приближенных Петра, упоминает о девушке, согласившейся принять царя любовь, только убедившись взглядом, брошенным в кошелек чужеземца, что имеет дело не с простым судовщиком; а в отрывке письма, приведенном Лейбницом без указания его происхождения, мы читаем от 27 ноября 1697 г. следующие строки: «Царь встретил в Саардаме поселянку, пришедшую к нему по вкусу, и к ней он отправляется один на лодке, чтобы отдаваться любви в дни отдыха по примеру Геркулеса».

Гораздо больше пользы извлек Петр в Амстердаме. Там ожидал его друг, почти сотрудник, городской бургомистр, Николай Витсен. Посетив Россию в царствование Алексея Михайловича, автор знаменитой книги о восточной и южной Татарии, переписывавшийся с Лефортом и служивший посредником для его повелителя при заказах кораблей и других покупках, производимых в Голландии, он не мог не принять путешественника с распростертыми объятиями. Витсен поспешил устроить Петру доступ в большие верфи Ост-индской компании. Отсюда начинается серьезная работа и полезное путешествие для Петра.

Правда, он оставался все таким же, с теми же причудами и странностями, гримасами и подергиваниями, продолжал скрываться под именем «Peter bas», мастера Петра – или «плотника Петра из Саардама», не откликаясь, если его называли иначе и тем еще более выставляя себя напоказ. Когда его посольство отправилось в Гаагу, где его ожидал торжественный прием, он отказался присоединиться к нему, но изъявил желание присутствовать на аудиенции, находясь в смежном зале. Так как там собрался народ, он хотел уйти, но для этого надо было пройти через приемный зал, поэтому он просил представителей правительства отвернуться к стене, чтобы его не видеть. В город он прибыл в одиннадцать часов вечера; в гостинице «Амстердам», куда его привезли сначала, он отказался от прекрасной постели, устроенной для него в лучшей комнате, и собрался лезть под крышу, чтобы выбрать себе там маленькую каморку; затем, передумав, решил искать ночлега в другом месте. Таким образом гостиница «Старый Делен» получила честь приютить его у себя. Там уже находился один из его слуг, спавший в углу, подостлав себе медвежью шкуру. Петр разбудил его пинком ноги: «Пусти меня на свое место».

Между Амстердамом и Гаагой он двадцать раз останавливал экипаж, чтобы измерить ширину моста на сваях, заглянуть на мельницу, перейдя через залитый луг, где вода доходила ему до колен, зайти в домик горожанина, откуда предварительно выводили всех жильцов. Таким образом повсюду проявлял он свое ненасытное любопытство и причуды. Он чуть не искалечился, пытаясь остановить лесопилку; вешался на маховое колесо ткацкой фабрики,

рискуя, что его зацепит одно из вспомогательных колес; изучал архитектуру с Симоном Шиновутом из Лейдена; механику с ван дер Гейденом; фортификацию с Гохорном, которого старался переманить к себе на службу; книгопечатанье с одним из братьев Тессинг; анатомию с Рюншем, естественную историю с Левенгуком. Он повел своих спутников в знаменитый анатомический музей Бурхаава, и, видя их отвращение перед выставленными там препаратами, заставил их укусить зубами труп, приготовленный для вивисекции. Он научился владеть циркулем, пилой, рубанком, а также щипцами для дерганья зубов, увидав, как эта операция производится под открытым небом, среди площади. Он построил фрегат, смастерил себе кровать, устроил для собственного употребления русскую баню и сам готовил себе пищу. Он также брал урок рисования и гравирования по меди; посещал мастерскую Иоанны Кёртен Блок, позировал для портрета, который она с него написала, расписался в ее альбоме и сам исполнил гравюру на доске, изображающую торжество христианской религии над верой Магомета.

Во всем этом, очевидно, было больше лихорадочной торопливости, чем обдуманного прилежания, много причуд и даже некоторая доля безумия. Познания в науках и искусствах, приобретенные Петром таким образом, оказались весьма смутны: «Когда похочешь делать корабль», читаем мы в одной из его учебных тетрадей, относящихся к тому времени, «перво надобен длину овершптевня взяв, сделать по концам прямые углы». При всей разносторонности своего гения, наиболее обширного и всеобъемлющего из известных современному миру, Наполеон никогда не претендовал на роль великого доктора или гравировщика; он специализировался в своих практических знаниях. Однако, поступая таким образом, Петр подчинялся инстинкту, его не обманывавшему: он удивительно подготовился к действительной обязанности, ожидавшей его и заключающейся не в постройке кораблей, мастерских или дворцов – это всегда могут исполнить иноземные специалисты – но в водворении цивилизации в своей стране. В общем, он только продолжал дело, начатое им при первых попытках разобраться среди иноземных сокровищ Оружейной Палаты, когда составлял спешную, и поэтому краткую, опись всего, что он собирался позаимствовать у западной культуры касательно ремесл, наук и искусств. Только поле его любознательности расширилось, а сообразно с этим расширился также его ум, и вместо беззаботного ребенка, еще недавно легкомысленного юноши, все резче выступали черты государя. В Переяславле и Архангельске ему частенько случалось забывать Москву, да и всю остальную свою империю. Уже не то было теперь. Как ни далеко он находился от столицы и границы своей страны, однако требовал, чтобы ему сообщали о мельчайших подробностях, касавшихся общественной жизни, которая еще недавно находилась у него в полном пренебрежении. Он желал знать изо дня в день все происходившее на родине. А там творилось многое. Применение, хотя краткое, его энергичной деятельности, уже принесло свои плоды. Близ Азова строились крепости Алексея и Петра; в Таганроге – крепость во имя Св. Троицы и Апостола Павла. Там же устраивалась гавань. На Днепре были победоносно отбиты нападения турок на Казикермен и Тавань. Постройка кораблей двигалась вперед быстрыми шагами. Шведский король прислал триста пушек для их вооружения. Он не воображал еще, что они могут служить против него самого, или, при своей храбрости, этим не тревожился. Август укреплялся в Польше. Петр был в курсе всех дел. Он вел деятельную переписку с лицами, заступавшими его место, во главе правительства на время его отсутствия. Ромодановский сообщал ему известия относительно стрельцов, а Виниус просил у него голландских оружейных мастеров. Петр не только их выслав, но набрал целый

персонал, – чрезвычайно многочисленный и разнообразный, – помощников в деле преобразования, план которого все яснее складывался у него в голове. Он завербовал искусного боцмана, норвежца Корнелиуса Крюйса, которого назначил адмиралом, несколько капитанов кораблей, двадцать три командира, тридцать пять лейтенантов, семьдесят два лоцмана, пятьдесят докторов, триста сорок пять матросов, четырех поваров. Для этих людей нужен был соответствующий материал; он взял на себя труд его достать и переправить: двести шестьдесят ящиков, помеченных буквами П. М. (Петр Михайлов), были отосланы в Москву с грузом из ружей, пистолетов, пушек, парусов, циркулей, пил, красного дерева, китового уса, пробкового дерева, якорей. В одной из посылок заключалось восемь глыб мрамора, предназначенных очевидно для поощрения и вдохновения будущих ваятелей. То готовилась академия изящных искусств. В одном из ящиков находилось чучело крокодила. Это был зачаток зоологического музея. Конечно иногда случались остановки в этой удивительной деятельности; в переписке государя с его сотрудниками происходили задержки; иногда Петр медлил с ответом, но тотчас в этом извинялся, не без смущения, почти пристыженно; «в том вина Хмельницкого», русского Бахуса. Ученик Лефорта еще не бросил, в этом отношении, прежних привычек ежедневного сотрапезника пирушек, устраивавшихся в Слободе. Но в общем, в течение четырех месяцев, пока длилось его пребывание в Голландии, он выполнил громаднейший труд.

Для этого у него имелась полная возможность. Вспокоив на целую неделю городок Саардам, в Амстердаме, после первых минут удивления, его присутствие осталось почти незамеченным. Лишь позднее великая роль, выпавшая на его долю, и частые посещения Европы привлекли общественное внимание к этим первым шагам, сравнительно мало известным. И тогда, застигнутая врасплох, не находя следов своего героя в сутолоке большого морского порта, легенда перекочевала, ища точки опоры, в более укромный уголок и основалась в Саардаме. Непосредственное впечатление, произведенное там появлением Петра Михайлова и его шумных спутников, точно передается в следующих двух выдержках из хроники того времени.

Ведомости Лютеранской общины Саардама пишут:

«Он приехал инкогнито в сопровождении малочисленной свиты, прожил восемь дней в Кримпенбурге, у кузнеца по имени Бой-Тийсен, потом отправился в Амстердам, куда прибыло все его посольство. Ростом он семи футов, носил платье саардамского крестьянина, работал на адмиралтейских верфях. Он любитель корабельных сооружений».

Нумен заносит в свои записки:

«Таким образом государство и наш маленький городок Вестсаардам освободились и вздохнули свободно после этого посещения, столь знаменитого, многочисленного, почетного, необыкновенного и разорительного»...

Одна из «резолуций» Голландских Штатов, помеченная 15 августа 1698 г. нам сообщает, что на прием посольства истрачено было сто тысяч флоринов. Ни в этом документе, ни в остальных резолюциях, относящихся к пребыванию посольства в Амстердаме, нигде не упоминается имени Петра.

III

Амстердамские судостроители пользовались в семнадцатом столетии заслуженной

славой; но это была скорее практика, нежели ученье. Употребляемые ими приемы менялись сообразно с верфями, без всякой теоретической последовательности, без всякого осмысленного оправдания размеров и преемственно передаваемой методы. Совершенствуясь в изучении ремесла, Петр заметил это и огорчился. Причина вещей от него ускользала, а следовательно, и возможность усвоить себе их принцип. Англичанин, с которым он встретился на даче купца суконщика Иоанна Тессинга, расхвалил ему в этом отношении однородные учреждения своей родины: теория там стояла на одном уровне с практикой. Таким образом в январе 1698 г. у молодого царя зародилась мысль предпринять путешествие через Ла-Манш.

Он уже встречался с Вильгельмом III в Утрехте и Гааге и обеспечил себе любезный прием. Королевская яхта явилась за ним в Амстердам в сопровождении трех линейных кораблей. Вице-адмирал Митчел и маркиз Кермартен – последний большой оригинал и любитель брэнди почти в такой же степени, как Лефорт, – были прикомандированы к особе царя. Неизвестен достоверно дом, где жил в Лондоне Петр: одни указывают на № 15 в Бэкингем-стрит, или Странде, где в настоящее время красуется надпись, гласящая об этом событии; другие на Норфолк-Стрит. Войдя в комнату, выбранную Петром для себя, где он ночевал в обществе трех или четырех слуг, король едва не почувствовал себя дурно: воздух там был невозможный. Пришлось открыть все окна, несмотря на холод. Однако в Кенсингтонском дворце, отдавая визит Вильгельму, Петр обнаружил значительные успехи в смысле умения держать себя в обществе; он долго беседовал на голландском языке с королем, высказывал большую предупредительность относительно принцессы Анны, наследницы престола, и пришел в такой восторг от разговора с ней, что в письме к одному из своих друзей, называл ее: «Истинной дочерью нашей церкви». В кабинете короля он заинтересовался прибором, указывавшим направление ветра, но бросил лишь мимолетный взор на сокровища искусства, наполнявшие дворец, и в конце концов остался не в выигрыше: впечатление, произведенное им здесь, нельзя назвать благоприятным. В этой культурной и утонченно-изящной среде к нему предъявлялись бóльшие требования, чем в Коппенбрюгге. Немного позднее Бернет в своих воспоминаниях даже как будто извиняется перед читателями за беседу с ними о такой незначительной личности. «Это человек, способный управлять обширной империей? Сомнительно. Будущий хороший плотник? Может быть. Его никто не видал занятым другим делом, да и тут он разменивался на мелочи». Великий историк-виг указывает таким образом верно на слабые струнки поразительного гения, не подозревая о его сильных сторонах, которые я постараюсь осветить впоследствии. Кроме того, Бернс передает не непосредственные впечатления; а на расстоянии они оказываются у него претерпевшими влияние той же иллюзии перспективы, с какой нам уже пришлось встретиться в Голландии. Петр провел в Англии почти столько же времени, как и там. Так же занимался он здесь разнообразными вещами: со своей обычной любознательностью, точностью и практическим умом, он посетил все общественные учреждения, где надеялся почерпнуть полезные сведения для своих будущих творений – монетный двор, обсерваторию, научное Королевское общество. Хотя он и не растаял от восхищения перед картинами Кенсингтонского дворца, однако позволил сделать свой портрет Кнеллеру, ученику Рембрандта и Фердинанда Бооля. Портрет, сохраняющийся в Хэмптон-Корте, один из лучших, дошедших до нас. Наконец, он развлекался, отдавая дань своим двадцати пяти годам и на практике знакомясь с местными нравами. Служанку из саардамской харчевни заменила актриса Гросс, по-видимому оставшаяся недовольной его скупостью. Но он резко отчитал

тех, кто вздумал читать ему наставления по этому поводу: «За пятьсот пенни я нахожу людей, готовых преданно служить мне умом и сердцем; эта же особа лишь посредственно служила мне тем, что может дать, и что такой цены не стоит». Он вернул свои пятьсот пенни благодаря пари, которое держал у герцога Лейдского за одного гренадера из своей свиты, против знаменитого английского боксера. Из трех месяцев, проведенных таким образом, он употребил шесть недель, отдавшись в Дептфорде, – пригородном селении, теперь вошедшем в черту столицы, – занятиям, какие не мог довести до совершенства в верфях Амстердама. Он опять разыгрывал там роль ученика-рабочего, проходя по улицам с топором на плече и отправляясь пить пиво и курить свою короткую голландскую трубку в кабачок, сохранявший до 1808 г. название «Царской таверны» и портрет царя вместо вывески. Таким образом создалась для легенды новая пища, которой та не преминула воспользоваться; и благодаря этому Бернет утратил свою обыкновенно столь ясную точку зрения и точную память.

Что касается жилища, где Петр помещался в Дептфорде, то оно случайным образом не подлежит сомнению: его подлинность удостоверена судебным порядком. Вернувшись в свой дом, уступленный московскому государю, владелец, адмирал Джон Эвелин, нашел его в таком виде, словно тут сам Батый войной прошел: дверь и окна были выбиты или сожжены, обои ободраны или испачканы, ценные картины бесследно исчезли, а рамы поломаны на куски. Он потребовал и получил от казны вознаграждение за понесенные убытки. Теперь наполовину разрушенный, окруженный доками, занятый полицией и счетным бюро дом, называемый Сеис-корт, тем не менее сохранил воспоминание о славном госте, которому служил приютом. Ведущая к нему улица носит название Czars Street.

Петр серьезно работал в Дептфорде под руководством знаменитого Антона Дина, отца которого осуждали за то, что он отправился во Францию для изучения там кораблестроительного искусства. В письме от 4 марта 1698 г. по поводу буйства, произведенного в Москве одним из его временных заместителей в состоянии опьянения, Петр говорит с ноткой грустного сожаления: «Здесь мы не рискуем натворить что-либо подобное, без отдыха предаваясь занятиям». Но даже в Дептфорде царь не погрузился всецело в плотничье ремесло и не отдался исключительно своей страсти к навигации; он, как ранее в Голландии, разнообразил свои труды и заботы и продолжал вербовку своих будущих сотрудников: рабочих и мастеров для уральских рудников, инженеров для прорытия соединительного канала между Каспийским и Черным морем, через Волгу и Дон; вел переговоры с маркизом Кермартемом относительно предоставления группе английских капиталистов монополии на русский табак за довольно умеренную сумму в сорок восемь тысяч рублей, которая понадобилась царю для восстановления шаткого бюджета своего посольства. Обо всем этом Бернет позабыл. Зато легенда вспоминает о необработанном бриллианте, завернутом в грязную бумагу, будто бы подаренном Петром при отъезде своему августейшему хозяину. Уже в Кенигсберге, если верить собирателями анекдотов, был случай с громадным рубином, брошенным за столом за корсаж курфюрстины, там не присутствовавшей.

В конце апреля Петр возвратился в Голландию, а оттуда отправился в Вену. Просьба о помощи против Турции, представленная Голландии его послами, не встретила сочувствия. Напротив, Генеральные Штаты намеревались предложить Англии посредничество между Оттоманской Портой и Австрией, чтобы дать последней возможность собраться со всеми силами и оказать отпор Франции в новой борьбе, угрожающе нависшей на горизонте. Здоровье Карла II испанского слабело с каждым часом. Следовало отразить удар. К сожалению, чересчур многочисленное посольство московского государя двигалось черепашим шагом; ему понадобилось три недели, чтобы добраться до столицы Священной Империи. По немецким официальным источникам состав поезда был следующий: 1 гофмейстер, 1 шталмейстер, 1 мажордом, 4 камергера, 4 шута, 6 пажей, 6 трубачей, 1 мундшенк, 1 повар, 1 гоффурьер, 12 лакеев, 6 кучеров и фореиторов, 24 камердинера, 32 гайдука, 22 упряжных лошади, 32 экипажа на четверку; 4 фургона на шестерку для клади, 12 верховых лошадей. Зато Петр выразил желание совершить свой въезд в столицу Леопольда только в одиннадцать часов вечера и в четвертой карете, чтобы остаться совершенно незамеченным. В последнюю минуту однако весь план был разрушен, и дело приняло досадный оборот: все посольство и его бесконечный поезд потеряли целый день в предместьях города, не имея возможности в него проникнуть: проезд был загорожен проходящими войсками, не соглашавшимися приостановиться из-за таких пустяков. Петр не выдержал и, вскочив в почтовую тележку в сопровождении одного слуги, уехал вперед. Однако происшествие это привело его в дурное расположение духа и лишило самообладания. Он чувствовал себя в неловком положении, а все, что он видел в императорской столице еще усиливало это ощущение. Город очевидно производил на него подавляющее впечатление, полный таящейся в нем несокрушимой смеси высокомерного этикета и неприступного величия. Уже вошедшие в соглашение с Голландией и Англией, министры императора подыскивали всевозможные предлоги, чтобы отсрочить аудиенцию, просимую послами Петра. Царь решил положить этому конец, потребовал личного свидания с императором и встретил сухой отказ: «По какому праву?» «Петр Михайлов» получил тут первый урок дипломатии и начал понимать неудобства маскарада. Три раза он предлагал тот же вопрос. Наконец к нему прислали богемского вице-канцлера, графа Чернина: «Что вам угодно?» – «Видеть императора, чтобы переговорить с ним о неотложных делах». – «Каких дел? Для чего же здесь послы вашего государства?» Бедный переряженный царь вынужден был взять свои слова обратно и обещать не поднимать разговора о делах. Ему назначили свидание в замке «Фавориты», где он должен был подняться по внутренней маленькой винтовой лестнице, выходящей в парк. Он согласился на все условия. Принятый Леопольдом, он потерялся настолько, что хотел поцеловать руку императора, перед которым очевидно чувствовал себя таким маленьким и незначительным. Нервным жестом он снимал, надевал и опять снимал свою шляпу, не решаясь оставить ее на голове, несмотря на повторные настояния императора. Разговор длился с четверть часа и не выходил за пределы повседневности, причем Лефорт служил переводчиком, так как Петр не решался воспользоваться своим плохим немецким языком. Только по окончании аудиенции он пришел в себя и, сразу очнувшись, проявил обычную веселую порывистость характера. Заметив в парке челнок, причаленный на маленьком пруду, он вскочил в него и начал грести, насколько хватало духу. Словно как школьник, отделившийся от трудного экзамена.

Повторного свидания не произошло. Император твердо решил уважать инкогнито Петра Михайлова. На банкете, следовавшем за аудиенцией, наконец дарованной его послам, молодой государь, вернувшись к своей мании, пожелал стоять за креслом Лефорта. Ему предоставили свободу действий. Его предложения шли совершенно в разрез с окончательно установившимися намерениями двора, который решил во что бы то ни стало добиваться мира с Турцией. Однако Петр употреблял громадные усилия, чтобы достигнуть успеха на этом новом поприще. Он был очень осторожен в своих поступках, посетил снова в замке Фаворит, и почти украдкой, императрицу и принцесс царской семьи, и прилагал все старания, чтобы казаться любезным. Он даже решился сделать шаг в сторону господствующей церкви, подавая надежду католикам, как, впрочем, подавал ее и протестантам. В Петров день он присутствовал со всей своей свитой на торжественном богослужении в церкви иезуитов; выслушал проповедь, сказанную по-славянски отцом Вольфом со знаменательными словами, что «ключи будут второй раз вручены другому Петру, чтобы отворить иную дверь». Он сам устраивал и зажигал фейерверк на празднестве, данном в этот самый день его посольством высшему венскому обществу и, по свидетельству царя, закончившемся отчасти наподобие пирушек в Слободе. «На день святых Апостолов», писал он Виниусу, «было у нас гостей мужского и женского пола больше 100 человек, и были до света, и беспрестанно употребляли и тарара, тарара кругом, из которых иные и свадьбы сыграли в саду».

В свою очередь, император пригласил послов на костюмированный бал, где Петр оделся в костюм фрисландского крестьянина. Император и императрица нарядились трактирщиком и трактирщицей. *Wirtschaft* (трактир) в это время был в большой моде, как впоследствии пастораль. Но маскарад не носил никакого официального характера. За ужином Петр сидел между фрейлиной фон Турн, составлявшей с ним пару в костюме фрисландской крестьянки, и супругой маршала фон Штаренберга, наряженной швабской поселянкой. Через несколько дней последовал отъезд. Дипломатическая цель путешествия не удалась окончательно, и в смысле научных источников в Вене для Петра не нашлось ничего, что было бы в состоянии загладить этот недочет. Он предполагал отправиться в Венецию для изучения нового для него вида кораблестроения: весельных галер, которым суждено было играть такую роль в будущем русского мореходства. Но увы! уже закончив приготовления к путешествию, он принужден был неожиданно отказаться от него: из России получились тревожные известия.

«Семя Милославских росло», как выражался Петр на своем образном языке. Стрельцы опять подняли бунт. Быстро приняв решение, он направил свой путь не на юг, а на восток. Несколько дней спустя он был уже в Кракове. «Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела», писал он Ромодановскому, «однако, сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете» – и относительно того, что «семя Милославских растет», говорил, что «только крепостию можно угасить сей огонь». Однако в древней польской столице его ожидали более успокоительные донесения: главнокомандующий Шеин разбил мятежников; Москва была вне опасности. Петр несколько умерил свою стремительность, остановился в Раве и провел там три дня с Августом II. История этого свидания, породившего Северную войну, принадлежит другой главе. Путешествие Петра с научной целью закончилось в Вене; но прежде чем приступить к описанию его последствий, немедленных или отдаленных, т. е. созданию на границах старой Европы нового могущества политического, социального, экономического, и преобразования политического, социального, экономического части старого европейского континента, я хочу пролить свет на орудие такого переворота. Работа

начинается, постараюсь сначала обрисовать ее творца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧЕЛОВЕК

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЛОТЬ И ДУХ

Глава 1

Внешний облик. Черты характера

I

Красивого юношу изобразил в 1698 году в Лондоне Кнеллер: приятное, мужественное лицо, с чертами тонкими и правильными, выражением благородным и гордым, с блеском ума и красоты в больших глазах, улыбкой на, пожалуй, слишком крупных губах. Слегка обозначенная на правой щеке бородавка – одна из примет, присланных в Саардам – заставляет верить изображению художника. Однако это свидетельство встречает сильные противоречия. Не говоря об ужасной восковой фигуре, безобразящей галерею С.-Петербургского Зимнего дворца, Леруа и Каравак льстят ему гораздо меньше, так же, как Даннхауер и сам Карл фон Моор, работой которого Петр остался настолько доволен, что в 1717 г. выслал гаагский портрет в Париж, для изображения его на гобелене. Портреты, исполненные в это же время на месте кистью Наттье и Риго, понравились царю не настолько. Действительно, они отличаются некоторой поверхностностью и не передают дикое величие оригинала, так резко подчеркнутое Моором, но какими сгущенными красками! Между Кнеллером и Моором, надо сказать, двадцать лет, – и какой жизни! – пронесли над этим лицом. Но Нумен видел великого человека раньше Кнеллера, и в его записках мы находим следующий силуэт, очевидно, вполне искренний: «Высокий и крепкий, телосложения обыкновенного, подвижной, живой и ловкий во всех движениях; лицо круглое с несколько суровым выражением, темные брови и волосы, коротко остриженные и курчавые... Ходит большими шагами, размахивая руками и держась рукой за рукоятку нового топора». Облик героя исчез. Читаем дальше под тем же числом: «В его личности, внешности и манерах нет ничего выдающегося, указывающего в нем царское происхождение». Это отзыв кардинала Коллоница, примаса венгерского, находившегося в Вене во время пребывания там царя в 1698 г., очевидца скорее благожелательного. Портрет Сен-Симона известен; по-моему, из всех портретов следует выбрать середину, потому что все собранные мною документы того времени сходственны в главных чертах. Вот два отрывка из архива Министерства иностранных дел Франции, относящиеся к пребыванию царя в Париже в 1717 г.:

«Черты лица у него довольно красивые, в них даже просвечивает доброта, и, глядя на него, трудно поверить, что он срубает головы своим подданным, вызвавшим его неудовольствие. Он был бы очень хорошо сложен, если бы не так плохо держался; он горбится на ходу хуже голландских матросов, которым, кажется, старается подражать по внешности. У него большие глаза, хорошо очерченные нос и рот, приятное, хотя несколько бледное лицо, светло-каштановые, довольно короткие волосы. Он часто делает гримасы. Привычное его движение – смотреть на свою шпагу, стараясь склонить голову через плечо, и поднимать и вытягивать назад ногу. Иногда он ворочает головой, словно желая углубить лицо в плечи. Его приближенные уверяют, что это судорожное подергивание является у него при

усиленной сосредоточенности мыслей.

И еще:

«Царь очень высокого роста, слегка горбится, голова обыкновенно опущена. Он брюнет, и на лице у него печать суровости; обладает по-видимому быстрым умом и сообразительностью; в манерах есть некоторая величавость, но не хватает выдержанности».

Разногласие относительно цвета волос ложится на ответственность парикмахеров, так как Петр принял обычай носить парик, – неотъемлемое дополнение костюма того времени. Нет противоречия в отзывах относительно гримас, судорожных подергиваний, дрожащей головы, сгорбленной спины, замеченной министрами императора в 1698 г. – когда Петру было двадцать четыре года! – и выражения жестокости во взгляде. Допущенный к целованию руки Ивана и Петра во время дуумвирата обоих братьев, архиепископ Новгородский, Яновский, не испытал никакого смущения, приближаясь к старшему из государей; но, встретившись взглядом с младшим, почувствовал, что колени под ним подгибаются. С тех пор его угнетало постоянное предчувствие, что смерть ему грозит от этой руки, до которой он едва коснулся помертвелыми губами.

«Известно», сообщает Штахлин, «что монарх этот с молодости и до самой смерти был подвержен частым и коротким приступам довольно сильных мозговых припадков. Подобные припадки конвульсий приводили его на некоторое время, иногда на целые часы, в такое тяжелое состояние, что он не мог выносить не только присутствия посторонних, но даже лучших друзей. Пароксизм этот всегда предвещался сильной судорогой шеи с левой стороны и неистовым подергиваньем лицевых мускулов. Вследствие того – постоянное употребление лекарств, иногда странных, вроде порошка, приготовленного из желудка и крыльев сороки. Вследствие этого же – привычка спать, положив обе руки на плечи ординарца». В этом хотели найти источник недоброжелательных предположений относительно интимных нравов государя. Но объяснение, к сожалению, недостаточно убедительно.

В 1718 г., сидя за столом с королевой прусской, Петр принимается выдвигать одной рукой, в которой держит нож, – такие резкие движения, что на Софию-Шарлотту нападает страх, и она хочет встать. Чтобы успокоить, он схватывает королеву за руку, но так ее стискивает, что королева вскрикивает. Он пожимает плечами: «У Екатерины не такие нежные кости». Замечание это делается им во всеулышание.

Подобные черты болезненной нервности встречаются также у Иоанна Грозного и, пожалуй, одинакового происхождения: причина их – слишком сильные потрясения, испытанные в детстве. Старая Русь, в лице ее представителей стрельцов, осужденная на смерть, передает это наследие своему преобразователю. Но одновременно с ядом, к счастью, она дает ему и противоядие: великое дело, ожидающее его трудов, где очистится его кровь и закалятся нервы. У Иоанна не было столь благоприятной судьбы.

Тем не менее Петр по внешности был красивый мужчина очень высокого роста – ровно 2,045 метра, – смуглый – «такой смуглый, словно родился в Африке», утверждает один из современников, крепкого телосложения, величавой наружности, с некоторыми недостатками в манере держаться и досадной болезненностью, портящей общее впечатление. Одевался он плохо, неаккуратно, поражал небрежностью в одежде и часто менял платье, военное и штатское, иногда выбирая чрезвычайно странный костюм. Он совершенно был лишен чувства благопристойности. В Копенгагене, в 1716 г. он показывался датчанам в зеленой шапке, с черным солдатским галстуком на шее, с воротником рубашки, застегнутым крупной серебряной запонкой, украшенной поддельными камнями, как носили

его офицеры. Коричневый сюртук с розовыми пуговицами, шерстяной жилет, очень узкие коричневые штаны, толстые, заштопанные шерстяные чулки и очень грязные башмаки дополняли костюм. Он соглашался носить парик, но требовал, чтобы он был совсем коротким – и его можно было прятать в карман, а собственные волосы, которые он забывал стричь, виднелись из-под низу. Волосы у него были очень длинные и густые. В 1722 г., во время похода в Персию, почувствовав, что они ему мешают, он велел себя остричь; но чтобы ничего даром не пропадало, будучи весьма бережливым, он приказал сделать из них новый парик: тот самый, что красуется на манекене Зимнего дворца. Подлинного в нем только эти волосы. Восковое лицо со стеклянными глазами слеplено по маске, снятой после смерти, и давление гипса на разлагающееся тело дало несообразные выпуклости и впадины. У Петра были круглые и полные щеки. Только один раз надевал он светло-голубой гродетуровый кафтан, вышитый серебром, в котором здесь увековечен, так же как вышитый пояс и пунцовые чулки с серебряными строками: в Москве в 1724 г., в день коронации Екатерины. Она собственными руками сделала великолепную вышивку этого костюма, и Петр согласился в него нарядиться по такому случаю. Но он остался в своих обычных башмаках, старых и заплатах. Остальные части его одеяния, подлинные и из его действительного обихода, находятся в двух шкафах по сторонам трона – также поддельного, – на котором сидит манекен: поношенное платье из толстого сукна, шляпа без галуна, продырявленная пулей под Полтавой, сильно заштопанные серые шерстяные чулки. В углу – знаменитая дубинка, – довольно толстая палка с набалдашником из слоновой кости; с ней нам еще предстоит более близкое знакомство.

Приближенные государя, часто видали его не одетым: если ему было жарко, он, нисколько не стесняясь, снимал верхнее платье. Вообще он не признавал стеснений.

II

The souls joy lies in doing!^[10] Величайший поэт севера разгадал героя великой эпохи, образ которого я стараюсь воскресить, и в нескольких словах выразил весь его темперамент, характер и даже гений. «*In Thatendrange war sein wahres Genie*»,^[11] – сказал также Поссельт. Да, его силой, его величием, его успехом была эта неиссякаемая энергия, делавшая из него и в физическом, и в духовном отношении самого подвижного, неутомимого, полного «жажды деятельности» человека, из когда-либо существовавших на земле. Нет ничего удивительного, что легенда задумала превратить его в подкидыша, сына родителей-иностранцев: настолько сильно и во всех отношениях не подходит он к той среде, в которой родился! Он был свободен от всяких предрассудков, а его москвичи были полны ими; они были религиозны до фанатизма, он – почти вольнодумец; они опасались всякого новшества, он неустанно стремился к всевозможным нововведениям; они были фаталисты, он – человек инициативы; они стойко держались за внешность и обрядность, он доводил в этом отношении свое пренебрежение до цинизма; и наконец, и в особенности, они – вялые, ленивые, неподвижные, словно застывшие от зимнего холода, или заснувшие нескончаемым сном, он – сгорающий, как мы видели, лихорадкой деятельности и движения, насильственным образом заставляющий их очнуться от их оцепенения и спячки ударами палки и топора.

Любопытно проследить, хотя бы в течение нескольких месяцев, за графической линией его непрерывных передвижений и путешествий.

Достаточно взглянуть на оглавление его переписки с Екатериной, в числе двухсот двадцати трех писем, изданных в 1861 г. Министерством иностранных дел, и на их пометки: Лемберг в Галиции, Мариенвердер в Пруссии, Царицын на Волге, Вологда, Берлин, Париж, Копенгаген... Может закружиться голова. То он в глуши Финляндии осматривает леса, то на Урале забирается в рудники; то в Померании принимает участие в осаде или на Украине занимается разведением овец; то при блестящем дворе немецкого государя, где сам является собственным послом, то вдруг в Богемских горах, в качестве простого туриста. 6 июля мы застаем его в Петербурге, уходящим в море со своим флотом; 9-го он возвращается обратно в столицу и пишет соблезновательное письмо черногорцам по поводу зверств, учиненных в их стране турками, подписывает договор с прусским посланником, дает указания Меншикову относительно сохранения строевого леса в окрестностях города; 12-го он в Ревеле; 20-го нагоняет свой флот в Кронштадте и снова отплывает с ним. И так из года в год, с начала жизни до конца. Он постоянно спешил. В экипаже он летел в галоп; пешком он не ходил, а бегал.

Когда, в какие часы он отдыхал? Довольно трудно себе это представить. Со стаканом в руках ему нередко случалось засиживаться далеко за полночь, но и тут он спорил, толковал, испытывал своих собеседников резкими переходами от веселья к запальчивости, шутками, выходками плохого тона и взрывами гнева, и назначал аудиенции в четыре часа утра! В 1721 г. после заключения мира со Швецией именно в этот час он вызвал к себе своих двух послов, Остермана и Бутурлина, перед их отправлением в Стокгольм. Он принял их в коротком халате, не прикрывавшем голые ноги, в толстом ночном колпаке, обшитым внутри полотенцем (потому что Петр сильно потел), в чулках, опустившихся на туфли. По словам ординарца, он уже давно прогуливался в таком наряде, ожидая своих уполномоченных, и сейчас же набросился на них, закидывая их вопросами, щупая их во всех направлениях, чтобы убедиться, что они твердо знают свое дело; потом отпустил их, быстро оделся, выпил стакан водки и поспешил на верфи.

Даже устраиваемые им развлечения, банкеты, иллюминации, маскарады только прибавляли ему лишней работы, доставляли больше труда, чем отдыха, потому что он сам зажигал фейерверки, управлял шествиями, играя на барабане в качестве тамбур-мажора, дирижировал танцами, – так как изучал и хореографию. В 1722 г. в Москве на свадьбе графа Головина с дочерью князя Ромодановского он исполнял обязанности метрдотеля; а когда стало душно, приказал принести себе слесарные инструменты, чтобы выставить окно, и с полчаса возился над этой работой. Он расхаживал, важно держа жезл, эмблему своей обязанности, расшаркивался перед молодой, стоял во время обеда, присматривая за прислугой, и ел сам после. Арабченок, состоящий при нем в качестве пажа, страдал солитером; Петр взялся сам его вытащить и работал собственными пальцами. [\[12\]](#)

Вообще его любимым развлечением в часы досуга являлась опять-таки работа. Вот почему он занимался гравированием по меди и резьбой из слоновой кости. В мае 1711 г. французский посол Балюз, явившись на назначенный ему прием в Яворове, в Польше, застал его в саду в интересном обществе: он ухаживал за любезной полькой, г-жей Сенявской, и, вместе с ней держа в руках пилу и рубанок, строил лодку.

Заставить его приостановиться или по крайней мере согласиться побереечь себя в такой непомерной трате сил могла только болезнь, лишившая его возможности двигаться. И как он тогда охал и огорчался и извинялся перед своими сотрудниками! Пусть они не думают, «что это лень с его стороны, он право не в состоянии, чувствует себя слишком слабым?» И,

жалуясь и раздражаясь на свое вынужденное бездействие, в 1708 г., например, в жесточайшем приступе цинготной лихорадки, он лично распоряжается усмирением возмущения казаков на Дону, снабжением провиантом армии, построениями, воздвигающимися в столице, бесконечным количеством мелочей.

Ни одна мелочь от него не ускользала. В Архангельске, на Двине, он умудрялся осматривать каждую барку, привозившую на базар грубую глиняную посуду, изготовляемую в окрестностях; заглядывал везде и повсюду, пока не провалился, наконец, в трюм, где разбил вдребезги своею тяжестью целый груз хрупкого товара. В январе 1722 г. в Москве, после разгульной ночи, проведенной в скитании в санях из дому в дом, славя Христа по местному обычаю, собирая мелкие подачки и выпивая немало стаканов вина, пива и водки, он вдруг узнал утром, что в отдаленной части города вспыхнул пожар. Он немедленно полетел туда и в продолжение двух часов работал как пожарный, а затем опять мчался в санях, как бы намереваясь загнать лошадей. Надо заметить, что в это время он был занят важными преобразованиями в высшей администрации государства; он работал над учреждением Сената, но тут же делал распоряжения относительно похорон полкового майора.

В 1721 г., взявшись за редактирование своего «Морского регламента», он выработал сам для себя расписание своего времяпрепровождения и точно его придерживался. По его запискам, письменным занятиям отводилось четыре раза в неделю по четырнадцати часов ежедневно; с пяти часов утра до полудня и с четырех часов дня до одиннадцати вечера. И так продолжалось с января по декабрь 1721 г. Рукопись «Регламента», вся написанная его рукой и покрытая помарками, хранится в Московском Архиве. Там же находятся собственноручные черновики, доказывающие, что наиболее существенная часть многочисленных политических документов, относящихся к Северной войне и носящих подпись канцлера Головина, принадлежит непосредственно перу и вдохновению Петра. То же надо сказать относительно большинства докладных записок и важных депеш, подписанных его обычными политическими сподвижниками: Головиным, Шереметьевым, генералом Вейде, и всех законодательных и административных работ его царствования: создания армии и флота, развития торговли и промышленности, учреждения фабрик и заводов, организации юстиции, искоренения взяточничества среди чиновничества, основания государственного казначейства. Он писал черновики, иногда помногу раз их переделывая, составлял проекты, часто в нескольких видоизменениях, что не мешало ему следить за столовой росписью своего дома и даже своих родственников и назначать, например, количество и качество водок, доставляемых его невестке, царице Прасковье.

И однако при всем том, и даже именно благодаря этому, Петр был истинный сын своей родины и своего народа, и нетрудно поручиться за подлинность его метрического свидетельства. Он являлся воплощением фазиса национальной жизни, в этих широтах, кажется, находящейся в зависимости от особых условий физической жизни. После долгой, суровой зимы неожиданно и поздно наступает весна, могучим притоком растительных соков мгновенно покрывающая зеленью проснувшуюся землю. Душа русского народа переживает такие же весенние пробуждения и взрывы жизнедеятельности. Осуждая на безделие, продолжительные студеные зимы делают его ленивым, не изнеживая, однако, как жар Востока, напротив, закаляя его дух и тело в неизбежной борьбе с безжалостной и неблагоприятной природой. С возвращением солнца необходимо спешить, чтобы поспевать за торопливой работой стихии и в несколько недель справиться с делом нескольких месяцев. Отсюда проистекают физические и духовные привычки народа, а также и способности его.

Петр является только его необыкновенно могучим олицетворением, и исключительное в нем – только пережиток диких, стихийных сил, проявляющихся в эпических героях русских былин, – сверхъестественных богатырей, несущих, словно тяжелое бремя, избыток мощи, которую не знают к чему применить, тяготясь своею силою! После Петра появляются раскольники, которые, чтобы облегчить себя от этого бремени, отправляются боссяком, раздетые, странствовать в холодные январские ночи и катаются в снегу.

III

Стояла ли у Петра храбрость на одной высоте с энергией и предприимчивостью, даже склонным к аванюре гением? Он не искал опасности, как его противник – швед; не находил в том удовольствия. Сначала он обнаруживал даже все признаки малодушной трусливости. Всем памятно его поспешное бегство в ночь на 8 августа 1689 г. и совсем не геройское появление в Троице. То же повторилось в 1700 г. под стенами Нарвы. Несмотря на все объяснения и самые хитроумные восхваления, факт остается налицо. При известии о неожиданном приближении шведского короля он покинул свои войска, предоставляя начальствование еще неиспытанному, только что принятому на службу вождю, снабдив его указаниями, свидетельствованными, по мнению всех компетентных судей, столько же о растерянности, сколько о невежестве. «Это не солдат», грубо говорит саксонский генерал Халлар, увидав его в эту минуту в палатке нового вождя, принца де Круа, «удрученным и чуть не полоумным», горько сетующим и пьющим стаканами водку, чтобы успокоиться, забывая пометить числом свои распоряжения и приказать приложить печать своей канцелярии. В своих записках Петр дает понять, что ему неизвестно было быстрое приближение Карла XII, а такая заведомая ложь равносильна признанию.

Однако при Полтаве он мужественно исполнял свой долг, не щадя себя в самом разгаре битвы. К этому он заранее подготовился, как к тяжелому и ужасному испытанию, без воодушевления, но и без слабости – холодно, почти печально. Не было в нем ни малейшего признака рыцарского духа, и в этом отношении он был так же истинный русский. Больной, лежа в постели в начале года, невеселым тоном просил он Меншикова предупредить себя, когда явится уверенность в близости решительного сражения, так как «эта чаша не должна его миновать». Придя к известному решению, он не отделял личной опасности, грозящей ему, от жизни всех окружающих, взвешивал ее с одинаковым хладнокровием и в случае надобности принимал с тем же душевным величием. В 1713 г. вице-адмирал Крюйс выразил желание, чтобы он не подвергал себя риску опасной крейсеровки, указывая на недавнюю катастрофу, – пример шведского адмирала, пошедшего ко дну вместе со своим судном. Петр написал на полях рапорта: «Окольный Засекин подавился поросычьим ухом... Я никому не советую и не приказываю рисковать зря; но получать деньги и уклоняться от службы стыдно». Им всегда руководило чувство обязательного исполнения долга, оно заставляло его совершать крупные мужественные добродетели и героические жертвы. Но никогда сразу ему не удавалось взобраться на вершину, и этот человек, со временем один из самых неустрашимых, решительных и настойчивых, подвержен был быстрым припадкам отчаяния и растерянности, наступавшими в некоторые критические минуты. Наполеону, тоже неврастенику, также был знаком этот мимолетный и внезапный упадок духа под влиянием неудачи и подъем его, возвращавший, вместе с самообладанием, полное господство над

напряженными силами и удесятеренной изворотливостью. Но у Петра такие явления имели еще ярче выраженный характер. Узнав о поражении своих войск под стенами Нарвы, он переделся крестьянином, – конечно, чтобы легче убежать от врага, которого уже воображал преследующим себя по пятам, – проливал потоки слез и впал в такое состояние уныния, что никто более не решался упоминать при нем о войне. Он готов был принять самые унижительные условия мира. Два года спустя мы встречаем его под Нотебургом, небольшой крепостцой, которую он осаждал со всей своей армией. Приступом руководит он лично, и не видя быстрого, заранее обещанного себе успеха, приказывает отступить.

– Передайте царю, что сейчас я во власти не Петра, а Бога, – отвечает подполковник Михаил Голицын, командир отряда семеновцев. По другим свидетельствам, приказ, отданный царем, не был передан по назначению; но по приказу, или вопреки ему и, может быть, без геройских слов, повторяемых легендой, Голицын продолжал штурм и взял крепость.

Много позднее, даже после Полтавы, Петр оставался неизменным в этом отношении, доказательством чему служат события у Прута, к которым мне еще предстоит возвратиться. В Петре было почти невероятное сочетание силы и слабости, смешение основных качеств совершенно несовместимых. Неразрывно связанный с великой стезей жизни и творения, являющих своим единством и последовательностью одно из чудес истории, в частности он был олицетворением непостоянства и неустойчивости. Его мысли и решения менялись в зависимости от настроения духа, быстро, как вихрь. Он был по преимуществу человеком минутного впечатления. Во время его путешествия во Францию в 1717 г. все окружающие единогласно жаловались на беспрестанные перемены в его намерениях. Невозможно было сказать, что он думает делать завтра или через час, куда он пожелает отправиться и как. Нельзя было заранее предсказать продолжительности его пребывания где бы то ни было, составить план времяпрепровождения завтрашнего дня. Такая черта свойственна славянскому характеру, – сложному результату взаимодействия происхождений, культур и влияний различных и противоречивых, азиатских и европейских. Ей, пожалуй, отчасти обязан народ выносливостью, необыкновенным запасом сил, обнаруживаемых им при труде, требующем продолжительного напряжения. Частое разряжение отпускает пружину и препятствует ее порче. Но это смешение гибкости и стойкости может быть также индивидуальным; оно встречается еще у некоторых исторических соперников великого Преобразователя, точно свыше предназначенное для сбережения их сил. Петру оно оказывало свои услуги до области наиболее важных интересов включительно. Отсюда без сомнения проистекала легкость, с какою он менял свой фронт, обращаясь спиной к Турции, чтобы повернуться лицом к Швеции; отказываясь от проектов на Азовском море, чтобы перенестись на Балтийское, но всегда и везде увлекаясь до глубины души и никогда не разбрасываясь в своих усилиях. А также большая легкость в признании, – всегда в мелочах, – ошибок личного суждения, сделанной опрометчивости. В 1722 г., отменяя указ, которым он ввел в Сенат, – собрание законодательное, – представителей коллегий административных, он без дальних околичностей называл указ «мерой неосмотрительной». Но это не мешало ему в других случаях твердо стоять на своем, против всеобщего мнения и чьего-либо влияния, наперекор всем и всему. Никто не умел так настойчиво хотеть и заставлять себе повиноваться. Надпись: «*Facta puto quaecumque jubeo*», сделанная одним из читателей Овидия на медали в память великих событий его царствования, могла бы служить для него наиболее подходящим девизом.

Надо заметить, что как в ошибках, так и в минуты слабости работал исключительно ум Петра; сердце же тут совершенно не причем. В Петре не было ни малейшей сентиментальности. Его самое зазорное пристрастие к Меншикову и другим любимцам кажется просто следствием, может быть, неверно сделанного расчета. Он ставил очень высоко умственный уровень некоторых из своих сподвижников и очень низко нравственный уровень всех их. Меншиков в его глазах был мошенником, но мошенником гениальным. С другими, не обладавшими достаточным гением для возмещения своих погрешностей, он проявлял, – даже если они находились в числе самых близких друзей его – большую твердость, доходившую до жестокости. Спокойно объявил он одному из них, Андрею Виниусу, что лишает его заведования почтой, так как «она у вас была ни в какую пользу, но только вам». Но это не означало лишения благосклонности. «Буде же помнишь, что по доносу прельстися – слава Богу, как вы о себе, так мы о вас ведаем, и дядьки нет, кто бы ведь за нос» – утверждал он по этому случаю. «Пишите: нет ли какого гнева за нечаемое будто отнятие почты, – и тут не сама ли вас совесть обличить? Другая же, которая к году на некоторое время оставлена у вас. Сие не в печаль вашей милости, но вразумления ради пишу».

Вообще трудно найти другой пример, такой полной бесчувственности. Во время процесса над сыном Алексеем, перипетии которого не раз должны бы взволновать Петра, он сохранял присутствие духа, досуг и охоту, чтобы отдаваться без помех и другим делам, требовавшим полного хладнокровия, а также своим обычным развлечениям. Большое количество указов относительно охранения лесов, управления монетным двором, организация различных промышленных предприятий, таможни, раскола, агрономии носят пометки, совпадающие с числами самых мрачных эпизодов ужасной судебной драмы. И в то же время не была забыта или пропущена ни одна из годовщин, по обычаю шумно и торжественно справляемых царем. Банкеты, маскарады, фейерверки шли своим обычным чередом.

В Петре таился неистощимый запас веселости, а также широкой общительности. По некоторым свойствам характера и темперамента он до зрелого возраста оставался ребенком с наивной жизнерадостностью, потребностью в излишествах и простотой молодости. При каждом казавшемся ему счастливым происшествии он не мог удержаться, чтобы не поделиться своей радостью со всеми, кого, по его мнению, это могло интересовать. Таким образом писал он сразу до пятидесяти писем, сообщая о победах далеко не первой важности, например о взятии Штеттина в 1713 г. Он был нетребователен к удовольствиям, и мы видим его в 1711 г. в Дрездене катающимся на деревянных лошадях, покрикивающим: «Живей! Живей!» и смеющимся до слез, когда быстрота вращения выбивает из седла некоторых его спутников. В 1721 г. среди народных увеселений, сопровождавших заключение Ништадского мира, он имел вид отпущенного на свободу школьника, прыгал и жестикулировал в толпе, вскакивал на столы и распевал во все горло. Он до последних лет своей жизни любил шутить и поддразнивать, увлекаясь грубыми проказами, всегда готовый к шалостям. В 1723 г. он приказывал бить набат среди ночи, поднимал с постелей всех жителей Петербурга – пожары там были частые и опустошительные, – и не помнил себя от радости, когда они летели в ужасе по направлению предполагаемого несчастья, а, прибежав на площадь, видели солдат, разложивших костер по приказанию царя и встречавших их со смехом словами: «Первое Апреля!». Однажды, сидя за столом с герцогом Голштинским, Петр расхваливал целебные свойства Олонецких вод, которыми пользовался уже несколько

лет. Бассевиц, министр герцога, выразил желание тоже их испробовать. Его прервал удар кулаком по толстой и круглой спине: «Ну, вот еще, наливать воду в бочку!» Но Бассевиц настаивал, говоря, что: «Венера заставляет его предпочитать воду вину». И Петр разразился смехом.

Каким же образом при такой простоте обращения он скорее внушал страх, чем привязанность? Почему смерть его явилась освобождением для окружающих, концом томительного кошмара, режима ужаса и принуждения? Прежде всего, это зависело от его привычек, носивших отпечаток общества, среди которого он вращался с детства, и занятий, которым всегда предавался с наибольшим удовольствием. К строгости русского «барина» он присоединил грубость голландского матроса. Но кроме того он был вспыльчив и часто выходил из себя, также как поддавался малодушию, – все по той же причине, благодаря тому же главному недостатку своего душевного строя: отсутствию самообладания. Энергия воли часто оказывалась у него бессильной против стремительного натиска темперамента. Всегда встречая себе должное повиновение среди окружающих, случалось, что она являлась бессильной против внутренней неурядицы его наклонностей и страстей. Слишком рабская угодливость приближенных еще более способствовала развитию в Петре этой природной черты. «Он никогда не отличался особенно вежливым нравом», замечает саксонский посланник. Лефорт заносит в свои записки в мае 1721 г.: «Но день ото дня он становится невыносимее; счастлив тот, кому не приходится быть около него». «Разница небольшая. В сентябре 1698 г. среди банкета, устроенного в честь посла императора Гуариента, царь вспылил на генералиссимуса Шеина по поводу некоторых повышений в армии, по его мнению несправедливых; он застучал обнаженной шпагой по столу и закричал: „Изрублю так на куски весь твой полк, а с тебя прикажу содрать шкуру!“ Ромодановский и Зотов пытались вступиться, он накинулся на них; у одного пальцы на руке оказались наполовину отрублены, другой получил несколько ран в голову. Только Лефорту – Меншикову, по свидетельству других – удалось успокоить царя. Но вскоре, ужиная у полковника Чемберса, он опрокинул того же Лефорта на пол и топтал его ногами, а увидав на одном празднике Меншикова, танцующего со шпагой на боку, дал ему такую пощечину, что у того носом пошла кровь. В 1703 г. Петр остался недоволен словами, обращенными к нему публично голландским резидентом, и сейчас же выразил свое раздражение ударом кулака и несколькими ударами шпаги плашмя. Дело последствий не имело; дипломатический корпус привык уже давно к нравам царской столицы. В доме баронов Рааб в Эстляндии сохраняется трость, которой Петр, не найдя подставных лошадей на соседней с замком почтовой станции, выместил свой гнев на спине замковладельца. Доказав свою невинность, барон получил позволение сохранить трость в виде вознаграждения за напрасную обиду. Бывало и лучше. Иван Саввич Брыкин, предок знаменитого археолога Снегирева, рассказывал, что в его присутствии царь убил ударами трости слугу, провинившегося в том, что слишком медленно снял перед ним шапку.

Даже с пером в руках государю случалось в раздражении терять чувство меры; например, обрушиваясь на несчастного соперника Августа II, короля Лещинского, и, обозвав его изменником и «сыном воровки», в письме, от которого трудно было ожидать, чтобы оно осталось конфиденциальным.

Злоупотребление спиртными напитками, к которым Петр был пристрастен, во многом содействовало частому повторению подобных выходов. «Он не пропускает ни одного дня, чтобы не напиться», утверждает барон Пёльльниц, рассказывая о пребывании государя в Берлине в 1717 г. Утром 11 июля 1705 г., посетив базильянский монастырь в Полоцке, Петр остановился перед статуей прославленного мученика ордена, блаженного Иосафата. Он изображен с топором, вонзившимся в череп. Царь спросил объяснения: «Кто замучил этого святого?» – «Схизматики». Этого слова достаточно было, чтобы вывести царя из себя. Он ударил шпагой отца Козиковского, настоятеля, и убил его; офицеры его свиты бросились на остальных монахов; трое также были заколоты насмерть; два других – серьезно раненные, – умерли через несколько дней; монастырь был отдан на разграбление; разоренная церковь служила кладовой для царских войск. Рассказ, немедленно посланный из Полоцка в Рим и оповещенный в униатских церквях, сообщал еще новые, ужасные и возмутительных подробности. Царь был изображен там призывающим свою английскую собаку, чтобы загрызть первую жертву; он якобы приказывал отрезать груди у женщин, не имевших за собой другой вины кроме несчастья, что присутствовали и при резне и были не в силах скрыть своего волнения. В этом была определенная доля преувеличения. Но факты, приведенные выше, удостоверены. В «Истории Шведской войны» в первоначальной редакции царского секретаря Макарова находилось следующее лаконичное сообщение: «30 июня (11 июля) был в униатской церкви в Полоцке и убил пять униатов, обозвавших наших генералов еретиками». Петр подтвердил признание, собственноручно вычеркнув его. И все сведения относительно происшествия тождественны в одном отношении: отправляясь в монастырь, Петр был пьян: он только что вернулся с ночной оргии.

Впрочем, вытрезвившись, он всегда сожалел о причиненном зле и старался его загладить. В этом отношении он был так же скор на раскаянье, как быстр на гнев. В феврале 1703 г. из-под его пера выливаются в записке, адресованной Федору Апраксину, следующие многозначительные строки: «Я как поехал от вас не знаю: понеже был зело доволен Бахусовым даром; того для всех прошу, если какую кому нанес досаду, прошения, а паче от тех, которые при прощании были, и да непамятует всяк сей случай».

Он часто пил не в меру и требовал того же от присутствовавших, имевших честь находиться с ним за столом. В Москве, а позднее в Петербурге, дипломатический корпус постоянно высказывал свои жалобы по этому поводу: приходилось рисковать жизнью! Среди приближенных царя даже женщины должны были подчиняться общему правилу, и, чтобы побудить их не отставать от него со стаканом в руках, Петр не задумывался в выборе поощрений. Дочь вице-канцлера Шафирова, крещенного еврея, отказалась от чарки водки; он закричал ей: «скверное еврейское отродье, я научу тебя слушаться!» И подтвердил свое восклицание двумя увесистыми пощечинами.

Петр всегда подавал сам пример; но таково было его богатырское сложение, что, подтачивая постепенно здоровье, эти излишества часто не отражались ни на его внешности, ни на рассудке, тогда как вокруг него ноги не слушались и умы мутились. И этим обстоятельством воспользовалась легенда; в таких вечных оргиях, доходивших до некоторой систематичности, великий муж видел только орудие к управлению государством, средство проникнуть в сокровеннейшие мысли своих сотрапезников. Опасный прием, если допустить его возможность. Во всякой другой стране государь рисковал бы в такой игре своим авторитетом и престижем. И даже в России извлекаемая политическая выгода не вознаградила бы нравственного урона: распущенности всего общества! Местные нравы до

сих пор сохранили этот отпечаток. Известна история тоста: «За твоё здоровье, Франция!» провозглашенного в присутствии Людовика XV, чересчур увлекшегося непринужденностью затянувшейся трапезы. – «Господа, вот король!» – возразил монарх, к которому вернулось сознание его достоинства. И больше он не увлекался. Петр всегда позволял обращаться к себе на «ты» в подобных сборищах, с постоянно менявшимся составом. Если дело заходило слишком далеко и ему вздумывалось обратить на это внимание, единственная мера наказания, к какой он прибегал, был громадный кубок водки, который виновный должен был залпом осушить до дна. После чего с уверенностью можно было предсказать конец его выходкам, так как обыкновенно он скатывался под стол.

Слишком трудно допустить во всем этом след глубокой мысли и обдуманного намерения. Нет для того никаких доказательств. Напротив, можно заметить, в особенности к концу царствования, что частое повторение длительных и необузданных оргий, каким предавался царь, вредно отражалось на общем ходе дела. «Царь уже шесть дней не выходит из своей комнаты», сообщает саксонский посланник Лефорт от 22 августа 1724 г., «чувствуя себя нездоровым вследствие оргий, происходивших в Царской мызе (теперешнее Царское Село) по поводу закладки церкви, крещенной тремя тысячами бутылок вина, благодаря чему задерживается поездка в Кронштадт. „В январе 1725 г. переговоры, завязавшиеся относительно заключения первого франко-русского союза, неожиданно приостановились; французский посол Кампредон, обеспокоенный, обратился к Остерману и наконец вырвал у него многозначительное признание: «В настоящее время невозможно беседовать с царем о серьезных вещах; он всецело поглощен развлечениями, заключающимися в ежедневных скитаниях из дому в дом по знатнейшим семьям столицы в сопровождении двухсот человек, музыкантов и тому подобное, распеваящих на всякие лады и угощающихся едой и питьем за счет тех, кого посещают“. Даже в эпоху более раннюю, в наиболее деятельный и главный период своей жизни, у Петра бывали такие мимолетные задержки, в чем сказывались недостатки его первоначального воспитания. В декабре 1707 г., когда Карл XII подготавливался к решительному походу, – завоеванию сердца России, – оборона страны оставалась в беспомощном состоянии, потому что царь находился в Москве и там веселился. Меншиков слал ему курьера за курьером, убеждая прибыть в армию; он оставлял пакеты нераспечатанными и продолжал празднества. Надо сказать, что он быстро приходил в себя и умел наверстать потраченное время. Но очевидно не с целью самовоспитания забывал он на долгие недели о грозящей войне со своим страшным противником.

V

Грубые нравы, естественно, шли рука об руку с кабацкими привычками. В обществе женщин, которое Петр любил, он, кажется, больше всего ценил вульгарный разврат и в особенности удовольствие видеть пьяными своих избранниц. Сама Екатерина – «перворазрядная пьяница», по свидетельству Бассевица, и этому качеству обязана значительной долей своего успеха. В торжественные дни полы обыкновенно разделялись, но Петр сохранял за собой привилегию входить в дамский зал, где царица председательствовала за пиршеством и употребляла все усилия, чтобы развеселить повелителя любимым зрелищем. Но на собраниях более тесных трапеза бывала совместная и заканчивалась совершенно в сарданапаловском духе. Духовенство также занимало видное место на этих

банкетах и не получало пощадь. Напротив, Петр очень любил соседство представителей духовенства, чередуя самые обильные возлияния с самыми неожиданными богословскими спорами и применяя в виде наказания обычный кубок водки за нетвердость в догматах, если ему удавалось в том изловить своего собеседника. После чего прения часто заканчивались дракой, к его большому удовольствию. Его любимые собутыльники, капитаны кораблей и голландские купцы, еще не составляли низших слоев общества, с которыми он пировал и выпивал запросто. В Дрездене в 1711 г. в гостинице «Goldener Ring» его излюбленное местопребывание было в лакейской; он завтракал с прислугой на дворе.

Не было в нем ничего утонченного, изысканного. В Амстердаме, во время своего первого путешествия, он приходил в восторг от знаменитого клоуна Тестье-Руна, дававшего свои представления на площадях и плоскими шутками забавлявшего низы населения. Петр хотел взять его с собой в Россию.

У него были мужицкие вкусы. В некоторых отношениях он до самого конца не терял своей природной дикости. Был ли он жестокий дикарь? Так говорили. И действительно, по внешности, кажется, что вопрос этот не подлежит сомнению. Однако об этом можно еще поспорить. Он часто присутствовал при пытках, где работали кнут и дыба, и на площадях во время казней, где красовались орудия самых возмутительных мучений. Говорят даже, что не всегда при этом он играл роль простого зрителя. Мне придется еще возвращаться к этому обстоятельству по поводу ужасных сцен, ознаменовавших собой конец стрельцов. Но споры, возникшие по этому поводу, мне кажутся праздными. Если Петр иногда исполнял обязанности палача, что же такого? Ведь брался же он за работу матроса, или столяра, и не чувствовал, не мог чувствовать разницы. Он был человек, совмещавший в себе больше всего обязанностей в стране, где совместительство в порядке вещей, и его петербургский палач значится также в списке придворных дураков. Итак, Петр срубал головы? Возможно, и находил в том удовольствие? Допустимо, как вообще во всякой работе, удовольствие дела. Но вот и все. Я не верю ни одному слову из анекдота, рассказанного Фридрихом Великим Вольтеру относительно обеда, во время которого, в присутствии барона фон Принцена, прусского посланника, царь будто бы развлекался тем, что срубил головы двадцати стрельцам, осушив столько же стаканов водки, и предлагал пруссаку последовать своему примеру. Таким образом вокруг каждой черты этого характера и каждой главы этой истории существует множество изложений, которые следует отбросить *à priori*, только по причине их явной неправдоподобности. Тут могут возникнуть сомнения. Я уже ссылался на свой обычный путеводный огонек: согласование данных, хотя и рознящихся в подробностях, но дающих общую картину, точную и определенную. Вообще я не вижу ничего, что указывало бы в характере Петра на признак истинного зверства: жестокого наслаждения причиняемыми страданиями, страсти крови. В нем не замечалось ни малейшего признака садизма, ни даже обыкновенных проявлений кровожадности. Он суров, жесток и бесчувствен. Страдание в его глазах такое же явление, как болезнь или здоровье, и несколько его не трогало. Поэтому его нетрудно себе представить, по словам легенды, преследующим осужденных вплоть до эшафота упреками и ругательствами, издевающимся над их агонией и смертью. Но если он не был доступен жалости, когда сознавал свою правоту, он был далеко не чужд ее, когда, по его мнению, дело не затрагивало государственных интересов. Знаменитая аксиома уголовного права, поставленная в такую заслугу Екатерине II: «Лучше помиловать десять виновных, чем осудить на смерть одного невинного», не принадлежит к наследию, оставленному историей великой государыней.

Петр сам начертал ее собственноручно, да еще в воинском регламенте.

Правда, современники пришли к убеждению, что невозможно объяснить себе большинство поступков Петра иначе, как удовольствием, какое он испытывал, доставляя окружающим неприятности и даже причиняя им зло. Указывают на пример адмирала Головина – бывшего, однако, любимцем, – отказавшегося есть салат, потому что не любил и не переносил уксуса. Петр сейчас же влил ему в рот большой флакон уксуса, рискуя его задушить. Анекдот мне кажется правдоподобным потому, что приходится слышать много других, в таком же роде. Нежные молодые девушки вынуждены были выпивать гренадерские порции водки, дряхлые старики – кривляться на улицах в костюмах скоморохов. Такие сцены повторяются ежедневно в продолжение всего царствования. Но возможно и другое истолкование для них. Петр принял определенную манеру одеваться, есть и развлекаться, признанную им удобной и, потому что она была самой подходящей для него, она должна была подходить всем. Это его способ толкования его обязанности самодержца, его роль Преобразователя. Он твердо на том стоит. Отказавшись от уксуса, Головин нарушил смысл государственного закона, и что произошло из-за этого с Головиным, повторялось с другими из-за сыра, устриц, прованского масла. Петр не упускал случая пичкать ими всех, у кого замечал отвращение к этим гастрономическим новшествам. Точно также, выбрав для своей столицы место на болоте и называя ее «своим раем», он требовал, чтобы все строили тут дома и восторгались, или по крайней мере делали бы вид, что восторгаются, как он.

Очевидно, Петр не отличался большой нежностью чувств. В январе 1694 г., видя мать опасно, даже смертельно больной, он досадовал на задержку в Москве, терял терпение и объявил о своем отъезде. Она лежала в агонии в день, назначенный им для отъезда, и когда она умерла, то он спешил поскорее ее похоронить. Нельзя также не упомянуть о кровавом призраке Алексея, печальной тени Евдокии. Но все-таки надо принимать во внимание обстоятельства, неразрывно связанные с нравственной точкой зрения человека и остальными чертами его облика, т. е. неизбежные роковые последствия революционного периода, и характер царя, не выносивший никакого противоречия, не говоря уже о нетерпимости его политики, безгранично произвольной и самовластной. Он обожал своего второго сына, и его переписка с Екатериной, такая нежная в том, что ее касается, полна выражений, свидетельствующих о постоянной заботливости о здоровье и благополучии двух его дочерей, Анны и Елизаветы, которых он в шутку называл «воровками», потому что они отнимали у него время, но также величал «своим нутром» (Eingeweide). Каждый день он заходил к ним в классную комнату и следил за их занятиями.

Он не боялся войти в келью заключенного, вчерашнего любимца, чтобы объявить ему, что к своему большому сожалению, принужден приказать его завтра казнить. Так было с Монсом в 1724 г. Но пока друзья казались ему достойными дружбы, он не только был внимателен к ним, но ласков и приветлив, даже чересчур. В августе 1723 г. на празднике годовщины основания флота, в присутствии «дедушки» флота – английской шлюпки, найденной в 1688 г. в сарае, – правда, подвыпив, он целовал герцога Голштинского в шею, в лоб, в голову, – сняв с него парик, – и даже, «в конце концов», сообщает Бергхольц, «в рот и губы».

Все эти черты не позволяют видеть в нем, даже с точки зрения, занимающей нас в эту минуту, простую разновидность азиатского деспота. И как государь, и как частный человек, Петр стоит выше; во всяком случае он представляет собой нечто иное, во многих отношениях выделяясь из уровня среднего человечества, к лучшему или к худшему, но ни в

каком случае не отличаясь бесчеловечностью по наклонностям или обдуманно. Целый ряд указов за его подписью доказывают ум, если не сердце, доступное мыслям, – если не чувствам, – благожелательным. В одном из указов он принимает титул покровителя вдов, сирот и людей беззащитных. Также со стороны рассудка следует искать центр нравственной тяжести у этого большого бессознательного идеалиста и в то же время большого чувственника – случай не единственный, – умевшего однако, при всей необузданности своего темперамента, в общем и чаще всего подчинять свои чувства всенародному закону, первым рабом которого он себя объявил, думая таким образом приобрести право покорить ему все воли, все умы, все страсти, незаметно, но неуклонно.

Глава 2

Черты интеллектуальные. Нравственный облик

Мозг Петра обладал строением по истине феноменальным. Характер и сила его блеска невольно вызывают теперь сравнение с Наполеоном I. Та же неутомимость в работе без видимых признаков усталости. Та же мощь, эластичная и гибкая. То же умение охватывать сразу бесконечное множество вопросов, самых разнообразных, самых неподходящих по существу, без заметного рассеивания мыслительных способностей, без всякого ослабления их относительно каждого вопроса в частности. В 1698 г. в Штокерау, в окрестностях Вены, пока его послы спорили с императорскими сановниками, обсуждая подробности своего торжественного въезда в столицу, Петр Михайлов, постоянно вмешиваясь в эти раздражавшие его пререкания, занимался перепиской с Винусом о постройке русской церкви в Пекине! В одном из писем к адмиралу Апраксину, помеченном сентябрем 1706 г., мы находим рядом с приказом относительно текущей кампании, указания для перевода некоторых латинских книг, советы по воспитанию пары щенят с подробным перечислением всего, что они должны изучить: I) «носить поноску, II) снимать шляпу, III) делать на караул, IV) прыгать через палку; V) служить и просить есть». 15 ноября 1720 г. в письме к Ягужинскому, посланному с поручением в Вену, Петр беседует с ним о возвращении Шлезвига герцогу Голштинскому; о портрете девушки «со свиным рылом», привезенной из путешествия Петром Алексеевичем Толстым: где находится эта девушка и нельзя ли ее увидеть? О двух или трех дюжинах бутылок хорошего токайского, которое ему хотелось бы получить; но он желает знать цену и стоимость пересылки.

Это был умственный очаг, открытый для всех отраслей понятия с развитой до крайних пределов способностью чисто славянской, определенной Герненом названием «восприимчивости». Вероятно Петр ничего раньше не слышал о квакерах и их учении до своего приезда в Лондон; игрой случая он поместился в том самом доме, где знаменитый Вильям Пенн проживал в критическую минуту своего бурного существования, когда его преследовали как заговорщика и изменника. Этого было достаточно, чтобы царь вступил в очень близкие сношения с тем же Пенном и другими его единоверцами, Фомой Стори, Жильбертом Моллисоном, принимая от них брошюры и набожно выслушивая их проповеди. Девятнадцать лет спустя, прибыв в Фридрихштад, в Голштинии, с отрядом войск для оказания помощи Дании против Швеции, он первым делом справился, имеются ли в городе квакеры. Ему указали место их собраний, и он туда отправился. Он не придавал большого значения системе Ло и даже вообще финансам; однако изобретатель, его система и судьба, как только он с ними познакомился, его сильно заинтересовали. Он переписывался с предприимчивым банкиром, следил за ним любопытным взором, сначала восхищенным, позднее сострадательным, но всегда благосклонным, даже во время неудач, постигших Ло.

Как только речь шла о том, чтобы что-нибудь увидеть или узнать, Петр горел таким нетерпением, что Наполеон может показаться выдержанным человеком в сравнении с ним. Прибыв в Дрезден после целого дня путешествия, совершенно измучившего всех его спутников, едва успев поужинать, он потребовал, чтобы его свели в «Кунсткамеру», местный музей; пришел туда в час ночи, и провел всю ночь, удовлетворяя свою любознательность, при свете факелов. Вообще эта любознательность, как уже сказано, была настолько же всеобъемлюща и неутомима, насколько лишена чувства выбора и меры. Царица Марфа Апраксина, вдова Феодора, умерла в 1715 г. пятидесяти одного года от роду; Петр пожелал проверить справедливость мнения, распространенного в обществе, о болезненном

состоянии покойного и строгих нравах покойницы. С этой целью он задумал сам произвести вскрытие трупа, и, кажется, вынес благоприятное заключение относительно добродетели своей невестки.

Таким образом, постоянно увеличиваясь, его запас познаний и сведений при удивительном разнообразии сохранял некоторую непоследовательность и рудиментарность. Он хорошо говорил только по-русски, а по-голландски мог беседовать лишь с моряками и о море. В ноябре 1721 г., имея надобность переговорить по секрету с Кампредоном, проживавшим в Голландии и усвоившим местный язык, он принужден был прибегнуть к переводчику, причем выбор оказался весьма неудачным. Действительно, Петр совершенно не был знаком с приемами, общеупотребительными в западной дипломатии; в мае 1719 г. французский резидент в С.-Петербурге ла Ви заметил, что он затеял аландские переговоры, не потребовав «предварительных пунктов», что позволило шведам отвечать ему подобными же переговорами, весьма компрометирующими и приведшими лишь к разрыву с союзниками. Он применял к своей иностранной политике собственные ухищрения и ухищрения своей страны, – славянское лукавство, усугубленное азиатским коварством, – выбивая своих иностранных партнеров из колеи свойственными ему уловками, неожиданными фамильярностями, резкостями и ласками, прерывая их поцелуями в лоб, отвечая речами, в которых они не понимали ни слова и которые были рассчитанными на зрителей, потом отпуская их, предупредив всякие объяснения.

Он считался, да и до сих пор считается некоторыми военными историками, великим полководцем. Ему приписывались новые и удачные мысли относительно роли резервов кавалерии, взаимопомощи разбросанных частей, простоты построений, пользования импровизованными укреплениями. Полтавская битва, как утверждают, служит единственным примером «пользования редутами при наступлении», – приводившим в восторг Морица Саксонского. – Эти редуты приписывали изобретению Петра. Он сам руководил большинством осадных работ, весьма многочисленных во время Северной войны, и всегда его непосредственное вмешательство способствовало успеху. Мы не считаем себя достаточно компетентными, чтобы вступать в рассуждения по этому поводу, и вполне склонны довериться в этом отношении восторженному отзыву Морица Саксонского. Нас останавливает только красноречивое свидетельство «Истории Северной войны», на которую нам уже приходилось ссылаться. Петр, заведовавший ее редакцией, не блещет в этом ни как историк, ни как стратег. Описания битв, там помещенные, – а больше там и нет ничего, – или поразительно ничтожны, как, например, описание битвы под Нарвой, или когда вдаются в подробности, изобилуют явными неточностями. Трудно спорить. Может быть, великий человек и действительно изобрел редуты, оказавшиеся так кстати при Полтаве; но всем известно, что сам он там удовлетворился командованием полком, предоставляя, как всегда, общее начальство своим генералам. Он приложил определенное старание к изучению военно-инженерного искусства и заботился об укреплении новых приобретений на Балтийском побережье; но Петропавловская крепость никоим образом не может считаться чудом искусства, и из всех однородных сооружений, предпринятых под руководством Петра, ни одно, даже по свидетельству его величайших поклонников, не доведено до конца. – Что касается осад, обязанных ему своим удачным исходом, мы видим, что все они неизменно оканчивались приступом, свидетельствующим только о блестящих качествах новой русской армии, ее храбрости и дисциплине. Эти качества, по нашему мнению, единственные неоспоримые данные, содействовавшие в этом направлении

усилению славы великого преобразователя. Он умел почти из всякого материала, – как будет указано ниже, – создавать превосходнейшее орудие, созидавшее могущество и престиж его родины; он был несравненным организатором, и нельзя не согласиться с некоторыми его почитателями, что он опередил свое время: в вопросе о рекрутском наборе, в применении некоторых принципов, теоретически подтвержденных и провозглашенных гораздо раньше его на Западе, но отстраненных рутиной из области практического пользования.

Для достижения действительного совершенства в какой-либо отрасли знания у Петра не хватало не только чувства меры, но этому мешал еще другой недостаток, не покидавший его всю жизнь, – именно серьезное отношение к пустякам и легкомыслие в вопросах серьезных. Достаточно привести в пример его занятия и претензии в области хирургии или зубоврачебного искусства. По возвращении из Голландии он всегда носил при себе набор инструментов и не упускал случая применить их к делу. Служащим петербургских госпиталей было вменено в обязанность предупреждать его каждый раз, когда имелся интересный оперативный больной: он почти всегда присутствовал на операциях и нередко сам брал в руки хирургический нож. Однажды он выпустил двадцать фунтов воды женщине, страдавшей водянкой и умершей от этого через несколько дней. Несчастливая всеми силами, как могла, отбивалась, если не от операции, то от оператора. Он присутствовал на ее похоронах. В художественном музее в Петербурге сохраняется полный мешок зубов, вырванных августейшим учеником странствующего амстердамского зубодера. Лучшим способом угодить государю считалось обратиться к его помощи, чтобы вырвать себе коренной зуб. Ему случалось вырывать и совершенно здоровые. Его лакей Полубояров пожаловался ему, что жена, под предлогом зубной боли, уже давно уклоняется от своих супружеских обязанностей. Петр призвал непокорную, немедленно приступил к операции, несмотря на ее слезы и крики, и предупреждал, что ей придется лишиться обеих челюстей в случае повторения проступка. Однако не следует забывать, что Москва ему обязана с 1706 г. своим первым военным госпиталем, к которому последовательно были добавлены хирургическая школа, анатомический кабинет, ботанический сад, где царь сам сажал некоторые растения. В том же году его заботами основаны были аптеки в Петербурге, Казани, Глухове и Ревеле.

Но занятия или создание научных и художественных учреждений для него не составляли вопроса личного удовольствия или природной склонности. Мы видели в нем ясное отсутствие всякого художественного чутья и малейшей любви не только к живописи, но даже к архитектуре. Деревянный домик в Преображенском, такой низенький и вросший в землю, что Петр рукой мог доставать до крыши, вполне соответствовал его личным потребностям. Долгое время царь не желал признавать ничего иного даже в Петербурге. Однако он считал уместным требовать возведения там дворцов, будущих жилищ для своих сподвижников. Но постройки медленно подвигались вперед; он понял необходимость лишний раз подать пример и решил выстроить для себя дворцы Зимний и Летний. В них мы видим довольно неискusstvenное подражание западным образцам, так как Петр пожелал быть сам архитектором. Главные части зданий не соответствовали флигелям и образовывали неуклюжие углы, и он распорядился сделать двойные потолки в предназначенных для себя покоях, чтобы получалась иллюзия деревянного домика. Но начало было положено, и со временем французскому архитектору Леблон, приглашенному на громадное жалованье, сорок тысяч ливров ежегодно, удалось исправить прежние ошибки, придав новой столице приличествовавший ей величественный и нарядный вид. Петр заботился также о

расширении маленького художественного музея, заложенного во время первого путешествия в Голландию. Посетив Амстердам в 1717 г., он сумел придать себе вид просвещенного знатока; добился приобретения картин Рубенса, Ван-Дейка, Рембрандта, Жана Стрена, Ван-дер-Верфа, Лингельбаха, Берхема, Миериса, Вувермана, Брегейля, Остада, Ван-Хунссена. Он подобрал несколько морских видов для Летнего дворца и целую галерею для Петергофского. Опытный рисовальщик и гравировщик Пикар и смотритель, швейцарец Гзелль, бывший в Голландии антикварием, были приставлены к этим коллекциям, никогда не виданным в России.

И все это делалось без всякого личного интереса. Сомнительно, чтобы Петр находил его и в переписке с аббатом Биньоном, королевским библиотекарем и членом парижской Академии наук, почетным членом которой царь сам состоял со времени своего посещения Парижа в 1717 г. В 1720 г. он послал к аббату своего библиотекаря – он завел у себя также и библиотеку – немца Шумахера, вручив ему рукопись золотыми буквами по пергаменту, найденную в Семипалатинске, в Сибири, в склепе разрушенного храма. Следовало разобрать ее и прежде всего определить, на каком языке она написана, и Петр был по-видимому в восторге, когда аббат, прибегнув к содействию собственного переводчика короля, Фурмона, объявил, что таинственный документ написан на наречии тунгусов, старинного калмыцкого племени. Только после его смерти двое русских, отправленных им в Пекин для изучения китайского языка и пробывших там шестнадцать лет, решились приняться за пересмотр этого научного заключения и пришли к открытию, нелестному для репутации парижских ориенталистов: рукопись была манджурского происхождения, и текст ее совершенно иной, чем указал Фурмон. Но Петр умер в убеждении, что содействовал освещению важного вопроса народной палеографии и этнографии, добросовестно исполнив свою обязанность государя.

Среди редкостей, собранных им в музее искусств и естественных наук, современники упоминают о нескольких живых представителях человеческого рода: ужасном, отвратительном калеке, уродцах детях. В выставлении таких образцов великий человек видел также служение науке.

II

Это был ум светлый, ясный, точный, идущий прямо к цели, без колебаний и уклонений, как орудие, управляемое твердой рукой. В этом отношении характерна переписка Петра. Он не писал длинных писем, как его преемница Екатерина II. У него на это не хватало времени. В письмах нет лишних слов, риторики, а тем более каллиграфии или орфографии. Например, вот как начинается записка, адресованная Меншикову: «*Mei hez brude in Katara*», что должно значить: «*Mein Herzbruder und Kamarad*» (Сердечный брат мой и товарищ). Он чаще всего подписывался «Пер» по-русски, пропуская букву *m*. Но говорил он быстро и хорошо; находя сразу и без усилий нужное выражение, слово, метко передающее его мысль. Но больше всего он любил шутливые обращения, и возможно, что великая Екатерина просто подражала ему в этом отношении. Он писал, например, Меншикову на имя дога, в особенности любимого фаворитом. Часто встречаются шутки, остроты до крайности бесцеремонные по содержанию и форме, но еще чаще колкости и резкости. Вице-адмирал Крюйс подал ему рапорт, где жаловался на своих офицеров, заканчивая

восхвалением царя: «Бесподобный моряк, Петр лучше, чем кто-либо, знает, насколько дисциплина необходима во флоте». Петр отвечал: «О неискусных офицерах виною сам вице-адмирал, ибо едва не всех он сам нанимал, в том не на кого пенять, что же принадлежит о моем искусстве (что здесь помянуто) и сей комплимент есть не на крепких ногах: ибо здесь являет искусными, а в прошедшем времени, когда мы по видании неприятельских кораблей с моей гинау, по обычаю стреляли, которую стрельбу в гулянье младенцев или про здоровье за подпиток почтено было. И когда я сам на борт прибыл к г. вице-адмиралу, тогда не точию сам (т. е. Крюйс) не сказал, но и не хотел верить, дондеже с его машты матрос увидал. И таким образом прошу г. вице-адмирала или из искусных, по своему рассуждению выписать, или, ежели достоин, впредь от сей, издевки престать».

Восточный отпечаток сказывается на непринужденно образных и пластичных оборотах его слога. По поводу союза с Данией и испытанных от него разочарований из-под его пера выливается следующее размышление: «Двум медведям в одной берлоге не уживется», и далее: «Словно о здешнем объявляем, что болтаемся туне: ибо что молодые лошади в карете, так наши соединенные, а наипаче коренные, сволочь хотят, да коренные ни думают». Когда речь идет о Польше, где умы находятся в постоянном брожении, он говорит: «Дела там играют словно молодая брага». Человек, говорящий необдуманные вещи, сравнивается с «медведем, заявляющим, что зарежет кобылу». Даже как законодателю, ему случалось говорить таким языком. Создавая пост обер-прокурора при Сенате, он говорит: «Ничто так ко управлению государства нужно иметь, как крепкое хранение прав гражданских, понеже все законы писать, когда их не хранить или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти». Прокурор будет «его оком».

Никуда негодный историк с точки зрения искусства, он не был лишен исторического чутья. Он плохо описывал события, но прекрасно понимал их значение и важность. И здраво судил о них даже в письменных беседах с Екатериной, где, по-видимому, несколько не следил за собой. Ясно, что он отдавал себе вполне точный отчет в своих действиях и в переживаемых событиях.

Петр обладал воображением с природной склонностью к великому и даже огромному, и в этом отношении сказывается печать Востока. В последние годы он мечтал возобновить колосса Родосского между Кронштадтом и Кроншлотом, – поставить громадный маяк над проливом, под аркой которого могли бы проходить самые большие корабли, а наверху его возвышалась бы крепость и маячный огонь. Закладка его уже совершилась в 1724 г. Петр часто находился в приподнятом настроении, эпическом или трагическом, с порывами эксцентричности и проявлениями грубости, сбивавшими с толку очень хороших судей. В некоторых его выдумках оказываются шекспировские черты. В 1697 г., когда его отъезд в первое путешествие по Европе задержался вследствие раскрытия заговора Циклера, он, чувствуя связь преступной солидарности между настоящим и прошлым, приказал вырыть труп Ивана Милославского, погребенного двенадцать лет тому назад, уже изглоданный червями. Его останки привезли в Преображенское на санях, запряженных двенадцатью свиньями, и поместили в открытом гробу на эшафот, где Циклеру и его сообщникам, стрельцам, предстояло умирать медленной смертью, разрубленным, разрезанным на мелкие куски. При каждом взмахе топора кровь казнимых фонтаном лилась на прах ненавистного врага, вырванного из смертного покоя, чтобы присутствовать при ужасной отплате своего победителя. В 1723 г. Преображенское сделалось свидетелем другого зрелища, не столь ужасного, но не менее странного. Петр приказал сжечь свой деревянный дом, водворенный

по его приказанию на старом пепелище, так как он тогда путешествовал. В то время жилища строились переносными: настолько еще свежа была в народе память о кочевой жизни. Пожар символический и знаменательный! В этом домике – как сообщил Петр герцогу Голштинскому, – он задумал план грозного поединка со шведом, наконец оконченного, и теперь, весь отдавшись радости завоеванного мира, Петр хотел изгладить последние воспоминания о пережитых ужасах. Но для придания большей торжественности мирной демонстрации, он придумал соединить ее с фейерверком; он поджег наполовину сгнившие бревна своей хижины римскими свечами, с крыши пускал снопы разноцветных ракет; и сам бил в барабан в течение всего аутодафе.

Иногда, даже в области понятий и чувств гораздо более возвышенных, Петр, по-видимому, без всяких усилий, возносится и парит на одном уровне с прекраснейшими историческими избранниками, обладавшими душой высокой и благородной. В 1712 г. Стефан Яворский, монах-малоросс, вызванный Петром из Киева для возведения в епископский сан, публично сделал ему порицание в проповеди, обрушиваясь на мужей, расходящихся с женами, и на людей, не соблюдающих посты. В этом заключалось преступление оскорбления Величества, и в таком смысле был сделан доклад государю. Петр удовольствовался замечанием на полях: «Перво одному, потом с свидетели», желая показать этим, что не считал проповедника обязанным щадить слабости и пороки сильных, но замечая, что и Стефан не соблюл евангельского правила, повелевающего «сначала обличить наедине, потом со свидетелями и наконец уже в церкви». Но Яворский выразил желание удалиться в монастырь; Петр этому воспротивился и получил от Константинопольского патриарха разрешение не подчиняться требованиям православного поста. Фанатик покушался на убийство царя, произведя в него два выстрела из пистолета во время его сна. Оба раза произошла осечка, и злоумышленник, охваченный ужасом, разбудил царя, чтобы сообщить ему о случившемся. «Видно Бог послал его, чтобы дать государю чудесное знаменье своего заступничества». «Теперь убей меня, государь», добавил он. «Посланников не убивают», спокойно ответил Петр и отпустил убийцу. Анекдот, пожалуй, не слишком достоверный, и трудно себе представить Петра, упускающего такой прекрасный случай судебного разбирательства, с пытками, розысками сообщников и работой в застенке. Остановимся только на Яворском, происшествие с которым является неоспоримым. Но во всяком случае, изобретенное ли целиком или только переиначенное, приключение вполне соответствует облику государя. Очень часто и при самых различных обстоятельствах проявлял он ум великодушный, величаво-философское отношение к собственной особе. По возвращении в Варшаву после неудачного Прутского похода его поздравляли со счастливым прибытием. «Мое счастье», отвечал он, «заключается в том, что вместо ста палок я получил только пятьдесят». Потом, словно говоря сам с собой: «Пришел, увидел, победил...» но тотчас же поправился: «Не так уж много! не так много!» Неплюев, один из его любимых учеников, запоздал на утреннюю аудиенцию, назначенную ему на доках. Царь уже ждал. Неплюев извинялся: «Засиделся ночью с друзьями». – «Хорошо; прощаю тебе за то, что сказал правду», и к тому... Тут Петр по-видимому намекнул на самого себя, прибегая к народной поговорке: «Кто бабе не внук?»

Естественны ли, присущи ли ему были такие мысли, слова, поступки? Действительно ли они соответствовали природным качествам ума и характера? Не являлись ли они просто рисовкой, которой он щеголял, но которую, случалось, и нарушал по оплошности, прихоти или невыдержанности? Сомнение возможно – столько мы видим отклонений и

противоречий. Вступая в Дербент в 1723 г., он сказал: «Александр построил этот город, а Петр его взял». На одной из триумфальных арок, растущих в Москве, как грибы, задолго до Полтавы, возвращаясь из персидского похода, он следующим образом возвещал об этой нетрудной победе:

Struxerat fortis, sed fortior hanc cepit urbem.

В тот день Петр очевидно забыл о скромности. При взятии Нарвы в 1704 г. он позабыл о великодушии, дав пощечину коменданту Горну, виновному только в слишком упорной обороне, и приказав бросить в воду труп его жены, убитой во время осады.

При взятии Выборга в 1710 г. он согласился на условие, что осажденные выйдут из крепости с оружием в руках, но затем, после подписания сдачи, оставил гарнизон в плену. То же повторилось в Дерпте и в Риге. Этот же человек, после битвы при Твеермюнде (июль 1714) обнимал капитана фрегата Эреншедьда и объявил, что гордится победой над таким противником. Он честно исполнял в 1721 г. условия мира, заключенного со Швецией, но начало войны может служить поразительным образцом коварства. В мае 1700 г., вернувшись из Воронежа в Москву, он дружески упрекал шведского резидента Книперкрона за тревогу, высказанную его дочерью, проживавшей в Воронеже, по поводу казавшегося ей неизбежным столкновения обоих государств. Он старался ее успокоить: «Глупое дитя», сказал он ей, «неужели ты допускаешь, что я начну неправую войну и нарушу мир, в вечность которого поклялся?» Он обнял при свидетелях Книперкрона и тоже рассыпался перед ним в успокоительных уверениях: «Если король польский возьмет Ригу, он, Петр, отобьет ее, чтобы вернуть Швеции». А в это время он уже вступил в союз с Августом против Швеции, составил план совместного нападения и наметил дележ предстоящей добычи. 8 августа, получив от Украинцева, своего посла в Константинополе, уведомление о заключении мира с Портой, чего дожидался, чтобы сбросить с себя маску, он отдал приказ о выступлении войск в поход для осады Нарвы; но в то же время его другой посланник, князь Хилков, получив аудиенцию у Карла XII, продолжал уверять того в миролюбивых намерениях.

Главным образом практическое направление его ума не мешало ему иногда обнаруживать определенную узость и мелочность. Когда Лейбниц ему предложил устроить на всем протяжении государства сеть магнитных обсерваторий, он чуть не изменил своего мнения, составленного о великом ученом. Это не мешало ему позаботиться об открытии пролива, получившего название Берингова: тут предвиделся новый торговый путь и очевидная выгода. Он был бережлив до скупости; пользовался математическими инструментами, которые всегда носил при себе, для измерения ежедневно количества съеденного сыра от подаваемого ему куска, а для увеличения скудного жалованья, получаемого его поваром Фельтеном, придумал обратить в пикники, по червонцу с человека, пирушки, на которые приглашал своих друзей. Он охотно шел в крестные отцы по своей страсти мешаться во все на свете, но подарок, который он делал родильнице, лобызая ее по обычаю того времени, никогда не превышал червонца, положенного под подушку, если то была жена офицера, и рубля, если то была жена простого солдата. Лоцману Антону Тимофееву, спасшему ему жизнь в 1694 г. во время бури, застигшей его на Белом море, он дал тридцать рублей, и с его стороны это было большое проявление щедрости.

Но все-таки он производит впечатление полной искренности и непосредственности при всех своих противоречиях. Он полон природных противоположностей в силу обстоятельств, к которым нам еще предстоит вернуться, а его склад и духовное воспитание слишком сильно разнились ото всего, к чему мы привыкли. Не следует забывать о стране,

где он родился, народности, к которой принадлежал, традициях, на него воздействовавших. Рюрик, Олег, Св. Владимир, Святополк и Мономах, – эти герои русской истории и предания, конечно, великие люди, но их никак не следует смешивать с историческими и легендарными образами старого европейского мира. От него они отличались своим характером не меньше, чем именами. Ничто в них не напоминало Баярда или Франциска I. Своими патриархальными нравами они скорее подходили к духовному облику библейских царей. Современная Россия не должна видеть в этом утверждении безосновательного оскорбления, а также незаслуженного отрицания рыцарского духа в том, что ее касается. Это было бы равносильно не признанию широкого образования и превосходного воспитания многих из ее представителей. Но тем не менее нельзя оспаривать, что во времена Петра большинство не умело читать и, никогда не видав в глаза ни одного рыцаря, прожило средние века, не получив никакого представления о рыцарстве, как позднее обе эпохе возрождения, и почти не ведало греческого или римского искусства. Впоследствии явилась возможность наверстать потерянное время, но еще долго Русь бесспорно оставалась совершенно чуждой блестящей и великодушной школе, сделавшей, от Роланда до Баярда, на Западе слово «честь» синонимом верности данному слову; зато, наоборот, она находилась под влиянием греческой империи, заимствуя от нее науки, искусства, нравы, религию и политику с ее коварными и недобросовестными уловками. Даже легендарный тип женщины не имеет ничего героически идеального. Это не Жанна д'Арк Франции, вдохновенная девственница, ведущая народ к победе порывом своей веры, или Ванда, кроткая мученица, предпочитающая смерть союзу с чужеземным принцем, оскорбляющим ее национальное чувство – это Ольга, разбитная вдова, которая охотится, сражается, торгует, торжествует над своими врагами столько же благодаря хитрости, как и силе, а когда греческий император задумал жениться на ней, против ее воли, превосходно спроваживает такого жениха. Петр принадлежал к тому же разряду, как Александр Невский, этот «Улисс среди святых», как его назвал Кюстин – князь более умный, чем храбрый, олицетворение благоразумия, но не великодушия или добросовестности. Вот почему французский посланник Кампредон, говоря об одном из сподвижников царя, мог написать в 1725 г.: «Он не прямодушен, и это обстоятельство снискало ему доверие покойного государя».

Те же видимые противоречия встречаются у Петра в вопросах расхожей морали и религии. Был ли он верующим? Даже в этом можно усомниться, с такой бесцеремонностью он иногда относился к обрядам и служителям веры, требованиям которой в другое время ревностно подчинялся. Мы видим, как он прогоняет от постели сестры Марии, лежащей в агонии, монахов, намеревающихся исполнить освященный преданием обрядности. Они приносят умирающей разнообразные кушанья и напитки и спрашивают жалобным тоном: неужели она хочет расстаться с жизнью, потому что ей не хватает пищи. «К черту с глупостями!»

Может быть Петр придерживался простой веры и осуждал суеверия? Но известна его привычка запоминать сны. В депеше от 25 марта 1712 г. английский посланник Витворт говорит о победе, одержанной над тигром во сне, что укрепило царя в его воинственном настроении. В то же время приличия, дурные или хорошие нравы, благопристойность или вежливость, – все было для него пустыми звуками. В 1723 г. Ягужинский, один из выскочек, какими себя окружил Петр, вздумал бросить жену, безупречную женщину, имевшую от него взрослых детей, чтобы жениться на дочери канцлера Головкина. Видя сопротивление жены Ягужинского с одной стороны и канцлера с другой, Петр, которому такой план был на руку,

потому что содействовал унижению старой аристократии ради новой, немедленно вмешался в дело: жену постригли в монахини, отца принудили дать свое согласие; царь объявил первый брак расторгнутым и взял на свой счет расходы по второму. Вот каковы были его отношения к семейным устоям; легко себе представить, чего можно ожидать во всем остальном. В Берлине в 1718 г., при осмотре коллекции медалей и античных статуй, его внимание привлек божок в неприличной позе, – один из тех, какими римляне любили украшать брачные комнаты. Он позвал императрицу и пригласил ее поцеловать фигурку; когда Екатерина сделала вид, что хочет от этого уклониться, он грубо крикнул ей: «Кораб!» (голову долой!) давая ей понять, чем она рискует в случае неповиновения. Потом он обратился к королю, оказавшему ему гостеприимство, с просьбой уступить эту редкость, а также некоторые другие диковинки, и, между прочим, янтарный поставец, стоивший баснословных денег, по словам маркграфини Байрейтской. В Копенгагене, облюбовав таким же образом мумию в естественноисторическом музее, он выразил желание ее присвоить. Королевский инспектор доложил о том своему повелителю и последний ответил вежливым отказом: «Мумия отличается особенной красотой и величиной; второй подобной нет в Германии». Петр снова отправился в музей, схватил мумию, оторвал у нее нос, всячески уродовал, затем ушел, говоря: «Пусть теперь она у вас остается». В Дрездене в 1711 г., покидая гостиницу «Золотого кольца», он собственными руками снял, намереваясь увезти, несмотря на возражения прислуги, ценные драпировки, присланные саксонским двором для украшения его апартаментов. В Данциге в 1716 г., находясь в церкви, и почувствовав, что дует холодный сквозной ветер, он ни слова не говоря, протянул руку, снял парик с головы рядом сидевшего бургомистра и надел его на себя.

Но трудно поверить, что барону фон Принцену пришлось взбираться на верхушку мачты, чтобы вручить свои верительные грамоты русскому государю, занятому укреплением снасти и ни за что не соглашавшемуся прервать свою работу. Этот анекдот, которым великий Фридрих угощал Вольтера, нам кажется прямо созданным, чтобы уличить одного из рассказчиков – трудно сказать, которого – в заведомой лжи. Прибытие фон Принцена в Россию состоялось в 1700 г. В то время еще не существовало Петербурга, где бы послу мог быть оказан подобный прием: к корабельным сооружениям там было приступлено только в 1704 г., когда место фон Принцена уже занимал его преемник, граф Кейзерлинг. Кроме того, покинув Берлин 12 октября, посланник курфюрста бранденбургского, впоследствии первого короля прусского, мог прибыть на свой пост только в самый разгар зимы, т. е. в такое время года, когда в России поневоле приостанавливаются работы самых рьяных оснастчиков. Наоборот, по-видимому, полного доверия заслуживает Кампредон, когда, отдавая отчет в аудиенции, просимой у царя по поводу переговоров о мире со Швецией, он утверждает, что на прием к нему Петр пришел из адмиралтейства в матросской куртке.

Такая бесцеремонность, пренебрежение общепринятыми правилами приличия, постоянное нарушение благопристойности уживались в том же человеке с глубоким чувством долга и безусловным уважением закона и дисциплины. Каким образом и почему? Без сомнения потому, что тут следует видеть нечто иное, чем необдуманное отрицание необходимых основ всякого социального здания. При известной доли взбалмошности и причудливости, от чего зависела большая часть проявляемой непоследовательности, существовала еще более уважительная причина. Петр взялся за преобразование жизни народа, у которого обрядности и предрассудки на добрую половину заменяли собой и религию, и нравственность. Довольно справедливо он видел в них главное препятствие

движению вперед по пути прогресса и весьма логично старался не упустить ни одного случая, чтобы с ними расправиться. В 1699 г., плывая по Дону со своей флотилией галер, он увидел голландского моряка, который лакомился фрикасе из черепах, пойманных в реке. Петр рассказал об этом своим спутникам, которые испустили крики ужаса: подобная пища в их глазах составляла предмет отвращения и соблазна. Сейчас же Петр отдал повару приказание и под видом цыплят велел подать на стол мерзкое кушанье. С Шеином и Салтыковым, присутствовавшими на обеде, сделалось дурно, когда по приказу государя им показали оперение птицы, которой их угостили.

Петр чувствовал себя призванным освободить народную совесть от шлаков, копившихся в ней веками. Но для того чтобы сознательно произвести необходимую расчистку, он приступил к предпринятой задаче слишком стремительно, внося слишком много личной грубости и, главное, слишком много страсти. И поэтому, исправляя, он разрушал, и таким образом этот великий воспитатель является так же одним из величайших деморализаторов человеческого рода. При всей теперешней мощи, современная Россия ему обязана большей частью своих пороков.

III

Его неоспоримый гений, при всей обширности поприща, где он парит, не производит впечатления всеобъемлющего взора, окидывающего широкие пространства и сложные картины. Скорее, принимая во внимание его пристрастие и сметливость в мелочах, можно бы сравнить его с тысячью мелких взглядов устремленных постепенно на столько же мелких точек. Так же его общие представления, когда они у него имеются, всегда оказываются несколько смутными и непоследовательными; в его намерениях и предположениях чаще всего не хватает определенности и ясности, и когда он смотрит вдаль, его взор затуманивается. Он страдает умственной близорукостью. Создание Петербурга может служить тому красноречивым доказательством. Там прямо принимаются за дело, планы создадутся после, и получаются в результате кварталы без улиц, улицы в виде тупиков, и гавань без воды. Скорее приступать к действиям, обдумывая их потом, не теряя времени на обсуждения планов, если они кажутся заманчивыми, не задумываясь над средствами, если они находятся под рукой, – такова обычная манера этого блистательного ума. Умение давать оценку выбранным им сподвижникам, доходившее до прозорливости по уверению панегиристов, было одной из наиболее ценных способностей Петра. Приемы, употребляемые им с этой целью, как, например, обыкновение, схватив за волосы субъекта, остановившего на себе его внимание, приподнимать ему голову и на минуту заглядывать в глаза, хотя и приводят по своей несложности в восторге судью настолько серьезного, как Соловьев, но в сущности только лишней раз доказывают ту же поверхностность, о которой мы уже упоминали, как о самой сущности всех познаний и способностей Петра. Он был совершенно лишен психологического чутья. Встретив у школьного учителя служанку, которая ему понравилась, он взял ее в любовницы, чтобы сделать из нее впоследствии императрицу, и решил сейчас же превратить школьного учителя в основателя народного образования. Такова история Екатерины и Глюка. Екатерина скиталась до того по лагерям, переходя из рук в руки солдат и офицеров своего будущего супруга. Глюк, скромный пастор лифляндского городка, принимается обучать вверенных ему маленьких москвичей пению

лютеранских псалмов. Когда царь о том спохватывается, он закрывает школу и отсылает учителя, и дело народного обучения вперед не двигается.

Однажды, присутствуя на спуске нового корабля, – зрелище, всегда действовавшем на него возбуждающим образом, – Петр пустился в историческую философию. Припоминая путь, пройденный в Европе просветительной культурой, ее греческую колыбель, потом ее итальянский расцвет, он закончил выражением убеждения, что теперь настал черед России. «Будем надеяться», говорил он, «что через несколько лет мы будем в состоянии унижить соседние страны, доведя свою родину до высочайшей точки славы». Самое его представление о цивилизации вылилось в этих словах: это просто конкуренция одного фабриканта с другим, соседним. Петр был слишком некультурен, чтобы анализировать и понять свойства, из каких складывалось превосходство иноземных соперников, которым он завидовал, мечтая их обогнать. Он видел только внешнюю сторону этого превосходства и потому не умел ценить его по достоинству. Его разум, такой всеобъемлющий и всеусваивающий, кажется, был вообще ограниченным и невосприимчивым с одной стороны: был совершенно недоступен для отвлеченных понятий. Вот почему он так неискусен в суждениях об определенном сцеплении обстоятельств, в умении выводить последствия из данной точки отправления, или по результатам доискиваться до причины. Он быстро схватывал практические преимущества цивилизации, но даже не подозревал необходимой подготовке ко всякой культурной работе. С ним случалось, что он хотел начинать постройку с крыши или трудиться сразу над фундаментом и коньком кровли здания. Умения быть хорошим плотником или даже посредственным корабельным инженером оказалось недостаточным, чтобы привести в органическое движение духовные силы народа.

Одним словом, Петр кажется более изобретательным, чем гениальным. Его способ править страной тоже скорее напоминает ремесленника, чем художника; деятельного чиновника, чем государственного мужа. Обладая чрезвычайным влиянием на людей и обстоятельства, он проявлял необыкновенное искусство в умении держать их в руках, а также поразительную переимчивость, какую и сейчас, конечно, в меньшей степени, приходится наблюдать у каждого русского человека, который, покинув, например, берега Дона, где он в глаза не видал никакой машины, ни фабрики, а после нескольких недель, проведенных в каком-нибудь промышленном центре Запада, настолько усваивает себе последние усовершенствования производства того времени, что в состоянии применить их у себя на родине. Но у Петра нет ни одной безусловно собственной мысли, и он не высоко ценит оригинальность в других. Он не пытается даже придать некоторой своеобразности работе в применении пластических материалов, извлеченных им извне и изнутри, которыми пользуется для своих опытов строительства политического и социального. Он довольствуется наклейками и мозаикой. Даже подражание за границе – не его изобретение для России, потому что оно пустило прочные корни со времен Иоанна Грозного. Только ручеек ввоза польского происхождения, тонкую струйку воды, медленно просачивавшуюся в бесплодную почву страны, он заменил потоком, водопадом, лавиной производств немецких, голландских, английских, французских, итальянских. Работа механическая, чисто поверхностная, иногда совершенно неразумная, преследующая исключительно внешние стороны, без всякой заботы относительно внутренней потребности; работа, предпринятая с таким незнанием сущности и действительной ценности обрабатываемых материалов, что смысл и цель ее не могли не ускользнуть от разума и сознания народа, которому она была навязана; работа разнородная, несогласованная и недружная, во многих отношениях

бесполезная, в других даже вредная: голландский флот, немецкая армия, шведское правительство, версальские нравы и амстердамские каналы спутаны в общей смеси заимствования; ни малейшего понимания с идеальной стороны затеянного дела, но постоянное порабощение деспотизму готовых мыслей. Ему говорят, что каналы, прорытые им на Васильевском Острове, – единственном уголке суши, имеющемся в его новой столице – непригодны, слишком узки, чтобы служить путями сообщения. Его первая мысль – бежать к голландскому резиденту, чтобы спросить у него план Амстердама и с циркулем в руках проверить размеры.

Однако мы называли его идеалистом, и теперь не отказываемся от своих слов; он действительно был идеалистом в том уголке своей души, который недоступен для случайностей и непоследовательностей его ежедневно менявшегося настроения; он был идеалистом по-своему, в общем подчинении своей мысли и постоянном самоотречении ради цели, лишенной всякого материализма и непосредственной осязаемости: грандиозного будущего, предназначенного, по его мнению, его родине. Нельзя сказать, чтобы при стремительности и вечной суете его деятельности и ограниченности его поля зрения эта цель принимала когда-либо совершенно определенные очертания. Знаменитое завещание, давшее такую задачу изобретательности политиков, является, – как будет нами впоследствии указано, – простой мистификацией, к которой он совершенно непричастен. Далекий горизонт, куда Петр устремлял свой бег, именно благодаря такой отдаленности, сохраняет в его глазах неясность контуров, неопределенность линий, что-то смутное, не то походный лагерь, наполненный бряцанием оружия, не то улей, кипящий плодотворной деятельностью: очаг жизни промышленной, умственной, даже художественной. Итак, он грезит, но с широко раскрытыми глазами; давая удовлетворение даже с этой точки своему положительному разуму. Доходит почти до обладания этими грезами, этим призраком могущества и славы, мощью своего усилия и энергией своей веры. Он делает больше: внушая эту галлюцинацию далекого, чудесного будущего своим подданным, он обеспечивает ей жизнь. Беспремерный деспот, он ударами дубины и взмахами топора вгоняет ее в их плоть и кровь. Народ грубый он превращает в народ фанатичный. После него остаются не только легенды, но религия, которая, в противоположность остальным религиям, одухотворяется, вместо того чтобы материализоваться в наивных сознаниях, куда заложены ее начала. Современная Святая Русь, практичная и грубая, как он, да еще вдобавок мистически настроенная, стремящаяся, как многоголовая провозвестница нового учения, преобразовать старую Европу, наводнив ее, – это его наследие.

Да, он был, подобно Наполеону, идеалистом, мечтателем, великим поэтом действий, этот дровосек с мозолистыми руками, этот солдат-математик, одаренный меньшей взбалмошностью фантазий, более здравым сознанием возможностей и более реальными планами будущего.

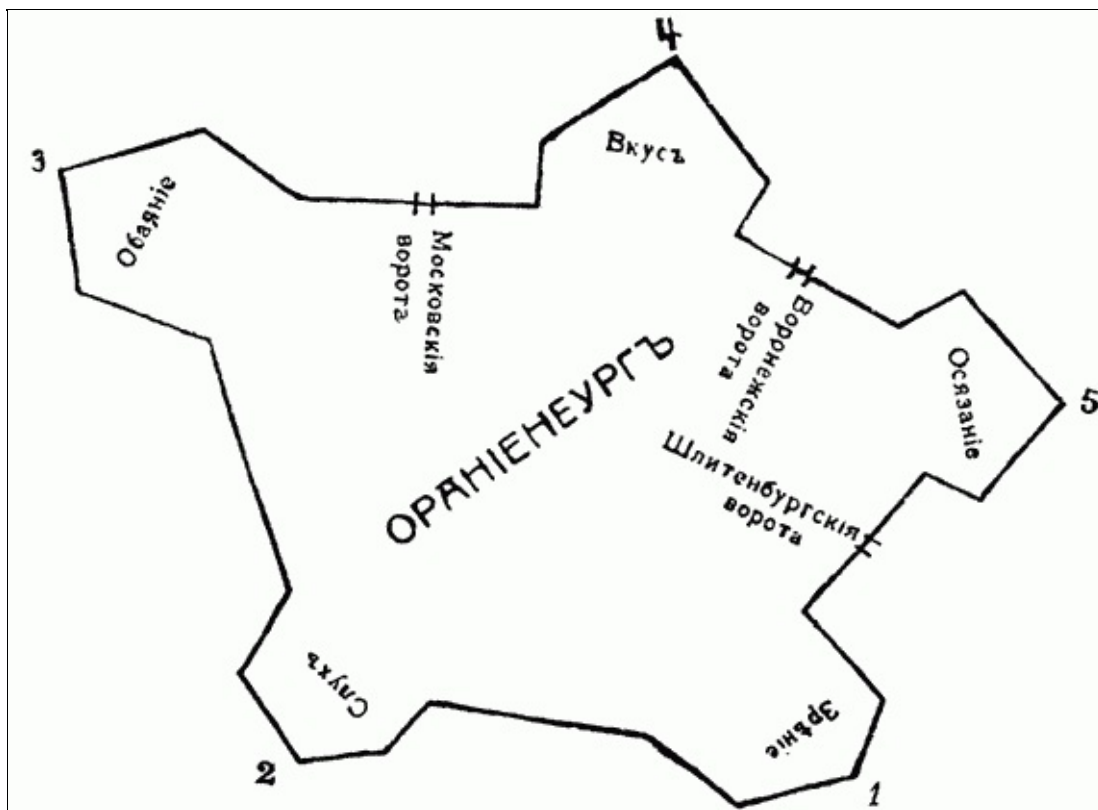
IV

Особенно характерной и выдающейся чертой в этом облике, почти уродливом в некоторых отношениях, благодаря обилию контрастов, является постоянное, бесконечное шутовство, надевающее колпак скомороха на эту царскую голову, придающее клоунскую улыбку суровому лицу и всегда и везде, среди превратностей судьбы, полной великих

событий и великих деяний, перемешивающее забавное с серьезным, фарс с драмой. Начинается это очень рано, еще на заре царствования. Переряживаясь, сам молодой государь вменял то же в обязанность своим друзьям и первоначальным сподвижникам. Уже в 1695 г. князь Федор Ромодановский кроме звания генералиссимуса носил еще титул «кесаря», и в письмах к нему по поводу наиболее важных вопросов Петр не упускает случая называть его «Min Her Kenih». И подписывается: Нижайший услужник пресветлого величества Петрушка Алексеев или *Knecht Piter Komandor* или «*Ir Daheleix Kneh*», что имело смысл, понятный только ему одному. Он высказывал по всякому поводу готовность пролить всю кровь свою до последней капли на службе этого, созданного воображением, государя. В то же время Зотов, его бывший воспитатель, был объявлен «князем-папою», патриархом берегов Яузы и всего «Кукуя» (прозвище неизвестного происхождения, данное Немецкой слободе); Тихон Никитич Стрешнев был возведен в сан папы; Петр писал ему: «Святейший отец» или «Ваше святейшество», и требовал, чтобы и ответы были в том же духе, носили ли они характер деловых писем или официальных донесений. Ромодановский адресовал свои письма «г-ну Бомбардиру Петру Алексееву» и заканчивал, как государь подданному, простым выражением благосклонности. В мае 1703 г., после взятия Ниеншанца, служа секретарем фельдмаршалу Шереметьеву, Петр собственноручно составил донесение «королю», т. е. Ромодановскому, чтобы известить его, что он и Меншиков, с изволения «Его Величества» удостоились получить от фельдмаршала орден Св. Андрея Первозванного. И принятые прозвища настолько укоренились, что пережили участников комедии. В 1719 г., когда умер Федор Ромодановский, титул и привилегии его воображаемого королевства перешли к сыну его Ивану, и, поздравляя собственноручно капитана Сенявина с морской победой, Петр выражал уверенность в удовольствии, какое доставить это известие Его Величеству.

3 февраля 1703 он писал Меншикову, называя его «сердце мое» и сообщая об освящении крепости, выстроенной в недавно подаренном ему поместье и получавшей название Ораниенбурга. Это теперешний Раннебург, в Рязанской губернии. Митрополит Киевский совершал богослужение. Этот самозванный митрополит был только один из веселых друзей настоящего государя и притом один из самых развратных – Мусин-Пушкин. К письму приложен план с указанием имен, данных бастионом (см. ниже).

При освящении на бастионе номер первый служила водка, на номере втором – лимонад, на номере третьем рейнвейн, на номере четвертом – пиво, на номере пятом мед. Присутствующие, в числе двадцати человек, и среди них посланники прусский и польский, Кейзерлинг и Кёнигдек, английский купец Стиль и несколько знатных москвичей, подписали это письмо, заменяя свои имена шутливыми прозвищами, а Меншиков ответил в очень серьезном тоне, потому что шведы на носу и нельзя всегда только смеяться. Но вместе с тем он не забыл поблагодарить своего августейшего друга, удостоившего его чести напиться в его имении.

В 1709 г. при праздновании в Москве Полтавской победы, громадный деревянный дворец был выстроен на Царицыном лугу. В зале для приемов Ромодановский заседал на троне, окруженный главнейшими придворными сановниками, и приглашал вождей победоносной армии представить ему донесение о ходе и счастливом окончании битвы. Шереметьев подошел первым: «По милости Божьей и счастьем вашего Кесарского Величества я уничтожил шведскую армию». – «По милости Божьей и счастьем Вашего Кесарского Величества», повторил в свою очередь Меншиков, «я взял в плен при Переволочной генерала Лёвенгаупта с его армией». Петр подошел последним: «По милости Божьей и счастьем Вашего Кесарского Величества я победоносно сражался при Полтаве со своим полком». Все трое вручили ложному кесарю установленные рапорты и удалились с поклонами, после чего ввели и представили ему изумленных шведских пленников. Церемония закончилась банкетом, на котором этот странный самозванный государь присутствовал, восседая под балдахином, на эстраде, куда вели несколько ступеней. Он удостоил пригласить к себе за стол «полковника» Петра Алексеевича.

Для оправдания подобных выходок, заключающих в себе что-то оскорбительное в такую минуту и при таких торжественных обстоятельствах, им пытались дать различные толкования: «Петр хотел внушить собственным примером своим подданным чувство дисциплины; он старался уничтожить местничество подобным смешением всех чинов и положений. „Возможно, что он действительно об этом думал. В нем замечается глубокое сознание того, что составляет основу всякой дисциплины: повиноваться, чтобы самому тебе повиновались, служить, чтобы самому служили. „Я служу“... «С тех пор, как на службе“ – постоянно употребляемые им выражения. И столь же явственной и постоянной была его забота приучить своих подданных к тому же, влить в их представление и души высший идеал, которому он отдавал всю свою жизнь и которому все должно быть принесено в жертву, требовавший все и от всех, – идеал, перед которым никто ничего не значил – даже царь! Такие мысли по всем вероятностям положены в основу представлений, вроде только что описанных, но способы, какими пользовался Петр для проведения их в жизнь, зависели

всецело и единственно от его фантазии и любви к маскарадам, фарсу, мистификациям, наконец, распущенности воображения, не сдерживаемого никаким чувством благопристойности и даже уважения к самому себе. Не надо забывать, что маскарады находились в это время в большой чести у западных соседей Петра и в России давно уже приобрели права гражданства: Иоанн Грозный приходил от них в восторг. Петр в этом отношении только следовал за господствовавшим увлечением, доводя его до крайних пределов, как того требовал широкий размах, присущий его гению. И в таком преувеличенном виде средства очевидно заходили дальше намерений, обращаясь против них. Только при условии чрезвычайной кротости народного характера, привычного ко всевозможным проявлениям деспотизма, самая идея самодержавия не пошатнулась в сознании его подданных от подобных испытаний; в особенности, когда переряживания самого государя, наиболее неожиданные, не имеющие никакого оправдания, низводили даже его человеческое достоинство до самого постыдного унижения. В 1698 г. мы видим его по возвращении из первого путешествия за границу участвующими в шествии, где самозванный патриарх Зотов, в митре с изображением непристойного Бахуса, предводительствовал толпой растерзанных вакханок, с пачками зажженного табаку вместо виноградных лоз на головах. В этом можно усмотреть намек на монополию, приобретенную маркизом де Кермартемом, следовательно политическую подкладку. Но способ, выбранный для его осуществления, не может не показаться неудобным. В том же году, на другой день после казни полтораэта стрельцов, погибших в ужасных мучениях, Петр, находясь в веселом настроении, оставил обедать бранденбургского посла, явившегося на прощальную аудиенцию, а во время десерта угостил его шутовской сценой, когда, раздав свои благословения присутствующим двумя крестом сложенными трубками, ложный патриарх подал сигнал к танцам. Царевич Алексей и его сестра Наталья присутствовали при этом представлении, находясь за занавеской, которую приоткрыли, чтобы дать им полюбоваться зрелищем.

Двадцать лет спустя повторилось то же самое. На масленице 1724 г. толпа от шестидесяти до семидесяти человек, дворян, офицеров и духовенства, – в том числе царский духовник Надежинский, – горожан и простолюдины – среди них матрос, идущий на руках головой вниз, отчаянно кривляясь, – сопровождала царя по улицам. Эти люди, набранные из числа самых горьких пьяниц и низких распутников, составляли настоящее братство, собиравшееся по установленным дням под названием «беспечального собора», и предававшееся оргиям, часто затягивавшимся на целые сутки. Иногда в такие собрания приглашались также дамы, и высшим сановникам, министрам, генералам, людям с весом и в летах часто приходилось принимать участие в развлечениях «собора». В январе 1725 г. восьмидесятилетний старец из родовитой семьи, Матвей Головин, должен был по приказу царя участвовать в шествии, наряженный чертом. Он отказался. Тогда по знаку Петра на него бросились, раздели донага, нахлобучили шапку с картонными рогами и в таком виде выдержали целый час на льду, на Неве. Он схватил горячку и умер.

Нет ни одного происшествия в продолжение всего царствования, не послужившего бы предлогом для повторения подобных сцен. Ништадский мир наравне со свадьбой любимого шута. Когда шут умирает, Петр приказывает за его гробом идти маскарадам, как окружил ими его брачное ложе. В 1724 г. все петербургские шуты присутствовали на похоронах одного из своих товарищей, одетые в черное, следуя за маленьким катафалком, запряженным шестеркой испанских пони. В том же году, во время маскарада, длившегося восемь дней,

было отдано строжайшее приказание сенаторам не снимать масок даже в зале заседаний и в часы, посвященные рассмотрению дел.

У Петра было значительное количество придворных дураков, Штраленберг приводит список, где значатся имена, известные по другим должностям: Зотова, Тургенева, Шанского, Панина, Шаховского, Тараканова, Кирсантьевича и Ушакова, наиболее ценимого. Эти имена имеют свое объяснение: Флогель в истории придворных дураков разделяет их на четыре категории: I дураки по природному слабоумию, служащие для развлечения царя; II – дураки в виде наказания, осужденные дурачиться за недостаток сообразительности, проявленный на прежней службе; примером этому служит Ушаков, капитан гвардейского полка, посланный из Смоленска в Киев со срочными депешами. Прибыв к городу ночью и застав ворота запертыми, он долго не мог достучаться и повернул обратно, снова проскакал тысячу верст и спешил пожаловаться на свою неудачу; III – дураки притворщики, симулирующие безумие, чтобы спастись от смерти, будучи замешанными в какой-нибудь заговор; Петр иногда замечал обман, но считал достаточным наказание, избранное для себя несчастным; IV – дураки по недостатку образования. Посылая за границу многих молодых, людей Петр, по возвращении, спрашивал у них отчет в приобретенных знаниях; тем, кому судьба не благоприятствовала на таком экзамене, оставалось только надеть дурацкий колпак, чтобы избежать наказания более сурового. В эпоху великого царствования эти придворные шуты имели также, надо сказать, политическое значение: они пополняли царскую полицию. За столом они громко и безнаказанно рассказывали о злоупотреблениях его сановников, их воровстве и лихоимстве. Петр иногда даже возлагал на них поручение: воздать должное наказание. Тогда они старались напоить виновного во время пирушки, затевали с ним ссору, видя его достаточно пьяным, и награждали побоями. В списке Штраленберга пропущены два имени, наиболее знаменитые из шутовской команды: русского Балакирева, и португальца д'Акоста, вероятно родственника известного перекрещенца Уриеля. Второго Петр назначил на должность директора-распорядителя шутовских представлений и начальника над участниками в них. В 1713 г. царь произвел его, кроме того, в графы и сделал самоедским ханом. Это последнее назначение дало повод к целому ряду шутовских церемоний, на которых присутствовало несколько семей настоящих самоедов, привезенных по такому случаю из глубины Сибири. Наряженный самоедом, с развесистыми оленьими рогами на голове, опоясанный желтой лентой, на которой висела медаль с именем Актеона, выгравированным на одной из сторон, среди инородцев фигурировал также один из поваров императрицы. Петр иногда делал из него соперника Ушакову и Балакиреву и очень часто свое излюбленное посмешище. Жена бедняги пользовалась репутацией легкомысленной женщины, и царь никогда не упускал случая, видя его при свидетелях, приставить ему символическим жестом два пальца ко лбу.

Сама по себе такая манера развлекаться, как ни груба она кажется, в особенности в настоящее время, не подлежит критике: это естественный и необходимый противовес существования, посвященного неустанной работе, перешедшей бы, не будь такого отдыха, границы сил человеческих даже у такой исключительно могучей натуры, как Петр. Великий муж инстинктивно искал в подобных развлечениях отдыха напряженным нервам, и, хватая во всем через край, не сумел и тут избежать недостойных излишеств. Даже можно сказать, что он выкупал нехорошую, циничную или бесчеловечную сторону своей веселой непринужденностью и широким добродушием, проявляемыми им в таких случаях. Спустя столетия Христиан VII, датский, отдал под суд и приговорил к смертной казни графа

Брандта за то, что тот не мог стерпеть насмешек по поводу своих супружеских злоключений и забылся настолько, что поднял руку на самого государя. Петр, не поморщившись, переносил удары кулаком повара Екатерины, если последний случайно оказывался не в настроении переносить поддразнивания. Напрашивается возражение, что царь мог бы искать себе объектов для шуток не по кухням. Но такова уж была его привычка. Он не был аристократом. Наоборот, он весьма близко стоял к народу по известным чертам грубости юмористического задора и ребяческой веселости, характеризующих чернь всех стран, хотя общее направление ума и характера его и отличают его резко от местного простонародья. Благодаря своим первым сотоварищам, конюхам, Петр хорошо знал народные нравы и обычаи, и отчасти обязан этому знакомству своим знанием толпы и умением ею управлять. Мы уже видели его на Рождестве славящим Христа по местному простонародному обычаю, распеваям славословие Господне у дверей домов и требующим установленной подачи. Однажды самый богатый московский купец Филатьев отказался проявить при таких обстоятельствах надлежащую щедрость; Петр сейчас же собрал перед его домом целый квартал и требовал выкупа по рублю на каждую голову. Часть его гения сказывается в этом умении возбуждать толпу – действуя на ее самые низменные инстинкты.

Действительно неудобная сторона этих увеселений и развлечений заключалась в добровольном смешении, какого придерживался Петр, безумия с рассудком, маскарада с серьезной жизнью. Смехотворные графы и патриархи, шуты и гаеры совмещали и перемешивали постоянно свои шутовские должности и атрибуты с другими званиями и обязанностями, которые создавали из них, или должны были создать, важных сановников. Зотов был хранителем печатей! Иван Головин, ничего не понимавший в мореплавании, хотя сопровождал Петра в Голландию, на этом основании был назначен генерал-адмиралом. Для государя и его друзей тем создавался лишний источник забавных шуток, но флот, который принято было между ними называть семьей Ивана Михайловича, чокаясь за его здоровье, от того ничего не выигрывал.

Для таких заблуждений не существует ни оправданий, ни извинений; они ясно обнаруживают слабую сторону недюжинного ума, выбитого из обычной колеи, лишенного противовеса, какой воспитание, традиции, общественная среда обыкновенно составляют для наиболее самостоятельных натур, поддерживая равновесие в пространстве, где эти натуры действуют и сами пробивают себе дорогу.

V

Публичное официальное учреждение шутовского патриаршества, о котором мы уже упоминали, имело ли оно целью, – как утверждают многие, – подготовить уничтожение настоящего? Пожалуй, что так; но как опасен был, опять-таки, подобный окольный путь!.. Ведь Петр рисковал разбить там на каком-нибудь ухабе все достоинство духовенства и даже самое понятие о религии! Говорят, что имелось в виду создать только пародию на папство. Сомнительно. Мы видим, что Зотов поочередно называется то князем-папой, то патриархом. Ну, а выставив рядом с ним самозванного кесаря Ромодановского, какой титул, какое звание, какие обязанности старался высмеять и унижить Петр? Скорее можно предположить, что он преследовал главным образом цель увеселения ума, предрасположенного к причудливости и эксцентричности вследствие некоторого атавистического проявления восточного

деспотизма, определенных недостатков духовного склада и определенных пробелов первоначального воспитания. Может быть самые серьезные намерения примешивались или даже служили точкой отправления этой шутовской и непристойной распущенности воображения, но они быстро исчезали, сметаемые и уничтожаемые ее бурным и мутным потоком.

Не таково мнение одного из недавних апологетов Петра, настолько убежденного, что он удивляется, как никто раньше него не догадался о действительной и неизменной глубине намерений и расчетов, таким образом осуществленных великим государем. Как это никто не понял, что целью царя было скрыть от врагов тайну своих сил, втихомолку против них подготовлявшихся, и работу своей мысли, замышлявшей их уничтожение? Пьяные днем, или притворяясь ими, князь-папа и его конклав употребляли ночь на неустанный труд. Переписка лже-первосвященника с его дьяконом (сам Петр носил такое звание) при всем видимом пустословии и непристойных шутках представляла собой только уловку тайнописания. Так, в письме Зотова к царю, с пометкой 25 февраля 1697 г., «Масленица» со своими спутниками «Ивашкой» (пьянство) и «Еремкой» (разгул), которых Петр должен остерегаться, означали собой коварную и раболепную Польшу с ее союзниками: казачьим атаманом и татарским ханом. Такое толкование не отличается остроумием. Можно ли представить себе Петра и его сподвижников, прибегающих в 1697 году к таким ухищрениям, чтобы уверить Польшу или Швецию в своей бессилии? Последнее в данную минуту было слишком очевидным, и в интересах России было бы достичь совершенно иного оптического обмана. Так же трудно вообразить себе ночи, проведенные Зотовым в неустанном труде. Мы читаем в депеше французского посланника Кампредона от 14 марта 1721 г. «Вышеупомянутый мною „патриарх“, прозванный здесь „князем-папой“, – записной пьяница, избранный царем чтобы выставить на посмешище свое духовенство». Вот справедливая оценка, по крайней мере в том, что касается нравственной подлинности упомянутого лица, хотя речь идет здесь уже о преемнике Зотова. Во всем остальном спор остается открытым. Думал ли действительно Петр выставить на посмешище свое духовенство? Унизить патриаршество, как власть, соперничавшую с ним? Да, пожалуй. Обычай требовал до того времени, чтобы в Вербное воскресенье в Москве царь участвовал в торжественной процессии, ведя под уздцы ослицу патриарха. Главенство духовной власти, освященное первенствующим положением патриарха Филарета наряду с первым из Романовых, таким образом укреплялось из года в год. Петр заменил процессию шутовским шествием князя-папы, верхом на быке в сопровождении целого ряда повозок, запряженных свиньями, медведями и козлами. Здесь ясно просвечивает политическая цель. Но так же очевидно она быстро ступшевается и уничтожается, благодаря беспрестанным перевоплощениям, бесконечной непристойной пародии, в которой такой опытный свидетель, как Вокерод, не видит ничего, кроме разгула души и тела.

Однако явление требует себе иного объяснения. Оно слишком обширно, глубоко и продолжительно, чтобы его можно было отнести только на счет личного фантазерства, как бы причудливо и распущенно оно ни было. И действительно, оказывается ирония, сатира, изображение в комическом или карикатурном виде всех важнейших жизненных условий, составляют отличительную черту эпохи, непосредственно предшествовавшей воцарению Петра. Может быть, в этом следует видеть противовес указанному нами аскетическому направлению, приводившему, как сказано выше, к отрицанию всяких проявлений общественной жизни. Что же касается особенностей формы, какую Петр придавал этому

стремлению – или какую только содействовал развитию уже существующего – то не имела ли она родственной связи с эксцессами, каким в другое время – но тут приходится оглянуться на целое столетие назад – под влиянием мнимых демонических влияний, предавалось народное воображение и страсти в других странах? Стоит только припомнить оргии ночных шабашей и черных месс, так распространенных во Франции в начале семнадцатого столетия, слабым отражением которых являются мистификаторские изобретения современных оккультистов. Аналогия причин в этом отношении по-видимому подтверждает аналогию фактов. И там и тут – возмущение духа и плоти, одинаково угнетаемых и стесненных обычным укладом жизни и, в погоне за минутным облегчением, устремляющихся, рвущихся за пределы действительности, за пределы закона, религии и общества. Странность заключается в том, что Петр председательствовал на таких сатурналиях. Но разве он не имел одинаковых потребностей, не подчинялся общему закону, подавая первый пример, и добровольно соглашаясь замкнуться ужасным железным кольцом, созданным его указами?

Впрочем, прежде всего, необходимо привести факты, которые могут оказаться достаточно убедительными.

Происхождение оскорбительных комедий, в каких участвовали папа или патриарх Зотов и его преемники, относится, как сказано выше, к первым годам царствования; но подробности развивались постепенно. Создав первосвященника, Петр понемногу добавлял к нему кардиналов, конклав. Это «*всешутейший*» или «*всепьянейший собор*» – конклав или собрание «*всех шутов*» и «*всех пьяниц*» – учреждение постоянное, почти официальное. И Петр из года в год совершенствовал его устав, изобретая, дополняя собственноручно статуты и регламенты, работая над ним даже накануне Полтавской битвы. Членами этого учреждения состояли самые беспутные из его собутыльников, к которым царь присоединял несколько человек, отличавшихся серьезностью ума и строгими нравами, может быть по жестокому капризу деспота, а, может быть, чтобы, унизив, крепче держать их в руках. Избранные прежде всего отправлялись в дом князя-папы, прозванный «*Ватиканом*», чтобы представиться и выразить свою благодарность. Четверо заик, под предводительством царского камердинера, служили им толмачами во время этой церемонии, когда их одевали в красное платье, в котором впредь им предстояло щеголять. В таком наряде они отправлялись в зал «*Консistorии*», где вся обстановка состояла из кресел, расставленных по стенам. В глубине, на груди эмблематических предметов, бочонков, стаканов и бутылок возвышался трон князя-папы. Кардиналы проходили перед ним один за другим, получали стакан водки и выслушивали установленную формулу: «*Преосвященный отец, раскрой рот, проглоти, что тебе дают, и ты нам скажешь спасибо*». После чего все усаживались в кресла, заседание считалось открытым и затягивалось на долгие часы, причем возлияния чередовались с шутовскими выходками. Конклав помещался в соседнем доме, куда направлялась процессия во главе с князем-папой, ехавшим верхом на бочке, запряженной четырьмя волами. Его окружали шутовские монахи, якобинцы, кордельеры. Ряса отца Калльо, француза, кордельера, проживавшего в Москве, послужила образцом для их костюмов. Петр даже настаивал на участии самого монаха в шествии и уступил только перед энергичным протестом французского посланника. Одетый голландским матросом, царь обыкновенно сам руководил шествием. Обширная галерея, обставленная узкими диванчиками, ожидала членов конклава. В проходах опять-таки бочки, распиленные пополам и предназначенные частью для съестных припасов, частью для отправления естественных нужд. Шутовским

кардиналам строго воспрещалось покидать свои места до окончания конклава. Прислужникам, приставленным к каждому из них, поручалось их напоивать, побуждать к самым сумасбродным выходкам, непристойным дурачествам, а также, говорят, развязывать им языки и вызывать на откровенность. Царь присутствовал, прислушиваясь и делая заметки в записной книжке. Конклав продолжался трое суток. Когда не предстояло избрания нового папы, время проходило в спорах, например, относительно качества вина, непонравившегося одному из кардиналов.

В 1714 г., чтобы внести разнообразие в программу, Петр затеял женить князя-папу, Зотова, восьмидесятичетырехлетнего старца, отца сыновей, занимавших видное положение в армии. Один из них тщетно умолял царя избавить седины отца от такого позора. Невестой была выбрана Анна Пашкова, из хорошей семьи, около шестидесяти лет от роду. Начались грандиозные приготовления к празднованию беспрецедентной свадьбы. Надо заметить, что Северная война все еще свирепствовала в данную минуту со своей злобной свитой общего траура и жертв, изнурительных для народа. И вот, за четыре месяца до события, всем придворным чинам и дамам был разослан приказ подготовиться к участию в предстоящем торжестве и прислать канцлеру, графу Головкину, подробное описание выбранного костюма, чтобы не могло случиться более трех похожих. Участники и костюмы два раза подвергались самоличному осмотру Петра, 2 декабря 1714 г. и 15 января 1715 г. Он собственноручно писал все указания и распоряжения, относящиеся к церемониалу, придуманному для этого случая. В назначенный день, по сигналу пушки с Петропавловской крепости, все мужчины и женщины, принимавшие участие в маскараде, собрались, первые – в доме канцлера, вторые – у «княгини-игуменьи». Теперь имелась уже и «княгиня-игуменья», г-жа Ржевская, «ловкая и льстивая, но всегда пьяная баба», по отзыву одного из современников. После смерти заместительницей ее сделалась княгиня Анастасия Голицына, дочь князя Прозоровского, большой друг Петра, с которой он обращался как с сестрой – пока не велел публично отстегать плетью на дворе Преображенского приказа. Она обвинялась в сообщничестве с Алексеем, за которым ей было поручено следить и подсматривать. Она вернула себе царскую милость, согласившись занять место г-жи Ржевской.

Шествие началось от царского дворца и, перейдя по льду через Неву, направилось на другом берегу к церкви Петра и Павла, где девяностолетний священник, разысканный в Москве, ожидал у алтаря жениха и невесту. Шествие открывал Ромодановский, лже-кесарь, наряженный царем Давидом, с лирой в руках, прикрытый медвежьей шкурой. Он ехал в санях, запряженных четырьмя медведями, пятый стоял на запятках вместо лакея. Награждаемые ударами кнута всю дорогу, звери испускали оглушительный рев. Сзади следовали на очень высоких санях новобрачные, окруженные купидонами, с оленем, украшенным огромными рогами, впереди, на месте кучера, и козлом на запятках. Лже-патриарх нарядился в свое папское облачение. Вся столичная знать, представители правительства, аристократии, дипломатического корпуса, князь Меншиков, адмирал граф Апраксин, генерал Брюс, граф Витутум, посланник Августа II, в костюмах гамбургского бургомистра играли на рьях; канцлер, князя Яков и Григорий Долгорукие, князя Петр и Дмитрий Голицыны, наряженные китайцами, играли на свирелях; императорский резидент Плейер, ганноверский посланник Вебер, голландский резидент де Би, одетые немецкими пасторами, играли на волынках. Все были налицо, многие смущенные и недовольные, но Петр не обращал на это внимания. Некоторые сановники, Михаил Глебов, Петр и Никита Хитровы были избавлены от необходимости играть на музыкальных инструментах, «потому

что их дряхлая старость мешает им владеть руками». Но все-таки им было приказано присутствовать. Царевич, в костюме охотника, трубил в рог. Екатерина в финском наряде с восемью придворными дамами; старая царица Марфа, вдова царя Федора, в польском костюме; принцесса Ост-Фрисландская в древнегерманском костюме, все играя на свирелях. Петр, по обыкновению наряженный матросом, бил в барабан. Венецианцы, извлекавшие пронзительные звуки из своих свистков, дикари из Гондураса, потрясавшие копьями, поляки, пиликавшие на скрипках, калмыки, тренькавшие на балалайках, норвежские поселяне, лютеранские пасторы, католические монахи, епископы с оленьими рогами на голове, раскольники, китобои, армяне, японцы, лапландцы, тунгусы окружали его пестрой шумной толпой. Музыка, рев медведей, звон колоколов, раздававшийся из всех церквей, восклицания тысяч зрителей смешивались в адской какофонии. И толпа кричала: «Патриарх женится! Ура патриарху с супругой»!.. Банкет, закончившийся оргией, как нетрудно себе представить, завершил церемонию. Восьмидесятилетние старцы, нетвердо державшиеся на ногах, исправляли обязанности кравчих. Празднество продолжалось на другой день и длилось до февраля.

Нельзя умолчать о следующей подробности: в самый день свадьбы, между маскарадом и банкетом, Петр, не снимая матросского костюма, ухитрился дать аудиенцию графу Вицтуму и, переговорив с ним о делах весьма серьезных, вручил письмо к его государю, помеченное тем же числом и касающееся польских дел. Он принимал также Бассевица и толковал с ним о делах герцога Голштинского. Конечно, такое обстоятельство достойно удивления, но тем не менее обстановка, среди которой оно промелькнуло, не может не показаться возмутительной. В 1717 г. Зотов умер, Петр составил для выборов его преемника новый регламент, целое сочинение, где изощряется в смешных и непристойных изобретениях, настаивая в особенности на удостоверении пола кандидата по обычаю, установленному в Риме после знаменитой папессы Иоанны. Не забудем, что в это время Петр ожидал возвращения сына Алексея и готовился приступить к ужасному процессу, набросившему такую печальную тень на последние годы его жизни. По нему этого совершенно незаметно. Кандидата звали Петром Ивановичем Бутурлиным. До сих пор он носил звание архиепископа Петербургского в епархии пьяниц, прожор и дураков. Принадлежал он к одной из знатнейших фамилий страны. Петр предназначил себе на этот раз роль протодьякона конклава, члены которого получали свои избирательные записки из рук «княгини-игуменьи», целуя при этом ее груди. Записки эти изображаются яйцами... Пропускаем неподдающиеся передаче подробности. Спустя несколько месяцев несчастный Алексей изнемогал под кнутом в допросной камере, а его отец тем временем пировал с новым князем-папой, «патриархом или скорее издевательством над патриархом», как выражается Вакерод, и присутствовал при сценах безобразного, омерзительного разгула: «Переполнив, наконец, себе желудок, патриарх облегчил его, обдав с высоты трона вонючей струей парики и одежды сидевших у подножия его стола, что доставило обществу громаднейшее удовольствие».

В 1720 г. Петр придумал женить Бутурлина на вдове Зотова, и вот снова затеваются дурачества, непристойности и невыразимые профанации. Устраивается постель в пирамиде, воздвигнутой перед Сенатом в память счастливой битвы со шведами. Нет пощады даже победе, крови пролитой на защиту отечества, собственной славе! Молодых укладывают, напоив их мертвецки пьяными, и заставляют их пить еще из стаканов, одна форма которых – оскорбление для нравственности; потом через отверстия, устроенные в стенах пирамиды,

толпе дают насладиться зрелищем, каким, говорят, любовался Людовик XV на свадьбах своих детей. На следующий день князь-папа вступает в исполнение своих папских обязанностей, раздавая благословения «по обряду русских священников» процессии масок, собравшихся в его жилище.

Это папство было непродолжительным, и 10 сентября 1723 г. мы читаем в депеше Кампредона: «Церемония провозглашения нового патриарха будет происходить в Москве. Местом конклава выбран маленький островок по соседству с Преображенским, где находится крестьянская изба. Самозванные кардиналы соберутся там в назначенный день; их заставят целые сутки пить вино и водку, не давая им спать, и после такой блестящей подготовки они выберут себе патриарха».

Не может быть двух мнений о подобных мерзостях и гнусностях. Можно только расходиться во взгляде на их толкование. Мы придерживаемся уже высказанного нами мнения. Петр является представителем общества еще только формирующегося, куда исторические посылки и его личная инициатива внесли и привили различные, противоположные ферменты; где нет ничего прочного, заветного, а следовательно и священного. Со времен Иоанна Грозного все выдающиеся люди в этом обществе были оригиналами, «самодурами», по выразительному народному названию, что объясняется отсутствием общей почвы национальной культуры. Таков и Петр – мастодонт в образе человека. Он духовно сохранил колоссальные, грандиозные размеры допотопной флоры и фауны; в нем бушуют стихийные силы и инстинкты. Он человек первобытный, полный зарослей, как девственный лес, изобилующий жизненными соками и разнообразный до бесконечности; непохожий ни на кого и вызывающий сравнения самые разноречивые, мощный и причудливый, трагичный и шутливый, родственник Людовику XI и недалекий от Фальстафа. Весьма близко стоявший к народу, как уже было говорено, не чуждавшийся трясины, откуда медленно поднимался вокруг него общественный отбор, он избирал себе сподвижников и друзей в среде простонародья, заботился о своем хозяйстве, точно лавочник, бил жену как мужик, и искал удовольствий там, где привыкла их искать толпа. Если добавим к этому постоянное столкновение в его уме мыслей и планов, часто противоречивых, но имевших обыкновенно предвзятую цель всеобщего переворота и уравнивания; если припомним, что в его воле всегда жило сознание безграничной власти над людьми и обстоятельствами, когда-либо выпадавшей на долю человека, а в душе, как мы уже говорили, – страстное стремление за пределы действительности, становившейся наконец невыносимой даже для такого человека, как он, – то и на эту сторону его духовного облика, по нашему мнению, прольется достаточно ясный свет.

Глава 3

Планы, принципы и приемы управления

I

Говоря об умственных дарованиях великого преобразователя, мы уже постарались обрисовать их проявление на деле, потому что он – олицетворение дела. Однако следует еще изобразить их в непосредственном столкновении с жизненной действительностью и способами управления. У Петра ежедневно зарождались новые планы. Об их изобилии

свидетельствуют мнемонические приемы, к которым ему приходилось прибегать, чтобы не подвергать риску случайной забывчивости ежедневный результат такой мозговой плодovitости. Петр всегда носил при себе и постоянно вынимал из кармана записную книжку, куда заносил быстрые заметки. В записных книжках места не хватало; он пользовался первым попавшимся клочком бумаги, малейшим пустым промежутком в деловых бумагах, находившихся у него под рукой, хотя бы содержание их не имело никакого отношения к предмету, озабочивавшему его в данную минуту. Таким образом на полях донесения, касающегося предполагаемого основания С.-Петербургской Академии, дополняя собой заметки, относящиеся к этому учреждению, находятся следующие строки, начертанные так же рукой Петра: «Надо послать Румянцеву, на Украину, приказ обменять быков, каких можно вывести из этой местности, на овец и баранов и отправить кого-либо за границу, чтобы научиться уходу за этой породой животных, как их стригут и как обрабатывать их шерсть».

Эти соображения, если их хорошенько рассмотреть, скорее простые заимствования извне, почти не подвергнувшиеся внутренней мыслительной переработке, и качество их не соответствует количеству. Петр думал, как и видел, останавливаясь главным образом на подробностях, и ум его по преимуществу – превосходнейший рефлексор. Но при том зеркало его кажется состоящим из чересчур многосложных и причудливо расположенных граней: часть окружающих предметов не захватывается его полем зрения, и часто эти предметы наиболее близкие. Живя рядом с Посошковым, Петр не подозревал о существовании этого своеобразного и глубокого мыслителя. Вероятно, неудача бедного философа заключалась в том, что он не родился англичанином или немцем. Напрасно он посылал государю некоторые из своих сочинений: «Рассуждение о богатстве и бедности», обширную и поразительную политическую энциклопедию; даже старался привлечь внимание царя в области практических применений, столь им ценимой. Не он ли был основателем первого в России производства селитры? Князь Борис Голицын заплатил ему четырнадцать рублей за изобретение, и тем ограничилась вся его награда. Когда наконец, уже после смерти Петра, его сочинения были прочитаны, то автора их засадили в тюрьму, где он и умер. Издатель же для них нашелся только полстолетия спустя, в 1799 г. Петру не нужны были его знания и таланты: во время своего пребывания в Гааге он обратился к государственному секретарю Штатов, Фажелю, с просьбой указать человека, способного учредить и управлять у него государственной канцелярией, т. е. еще одного голландского подмастерья, который мог бы установить и пустить в ход новую машину. Затем в Лондоне он по тому же поводу советовался с протестантским священником. В «Аполейпомена» Франциска Ли находим следы такого совещания, и наряду с глубокомысленными рассуждениям о плане Ноева ковчега там находим принцип будущих административных коллегий, положенных великим мужем в основу правительства. Фокус его зеркала неизменно обращен был к Западу. Мемуары Остермана, еще неизданные, говорят, содержат следующее признание, приписываемое великому мужу: «Европа нам нужна на несколько десятков лет; потом мы обернемся к ней спиной». Я не имел возможности удостовериться в этой цитате, но даже в случае ее точной передачи, в ее подлинность трудно поверить. Без проверки, легче предположить, что она носить печать современного славянофила.

Действие у этого человека, находящегося в постоянном движении, часто предшествовало мысли или по крайней мере непосредственно за ней следовало; у него было больше самостоятельных поступков, чем мнений. При этом наблюдается полнейшее

отсутствие некоторых основных понятий, например в области правосудия. В 1715 г. несколько голландских кораблей были сожжены его моряками, принявшими их за шведские суда. Он заявил, что убытки должна заплатить Швеция, потому что событие произошло близ Гельсингфорса, а Гельсингфорс принадлежит Швеции. И считал себя безусловно правым. Чтобы получить нужную сумму, он заставил канцлера Пиппера, своего пленника со времен Полтавской битвы, подписать вексель на Стокгольм, а когда шведское правительство отказалось от уплаты, приказал посадить Пиппера в тюрьму, – где семидесятилетний больной старец умер в следующем году. Нам уже приходилось указывать на непоследовательность поступков Петра, обнаруживавших хаос, царивший в его уме в области религии. «Запись исповедников», впоследствии скрываемаемая Екатериной от Вольтера, – его изобретение, а также и карательные меры для ослушников. Он пел на клиросе в церквах, и каждая его победа сопровождалась богослужением, длившимся не менее пяти часов. После Полтавской битвы служба продолжалась семь часов, чтобы возблагодарить в достаточной степени Бога-воителя. В церквах, обыкновенно посещаемых Петром, были выставлены кружки, куда опускались пожертвования, в виде штрафа, налагаемого им на присутствующих, уличенных в неподобающем поведении, болтливости или дремоте, а в Александро-Невской лавре сохраняется железный ошейник, предназначавшийся суровым государем для рецидивистов. В следующее воскресенье им приходилось выстаивать обедню прикованными за шею к стене храма.

А иногда его слова и даже поступки обнаруживали в нем склонность к протестантизму. Он окружал себя лютеранами и кальвинистами, затевал с ними догматические диспуты, где его православие сильно хромало, и благоговейно выслушивал проповеди заведомо еретические. Указ, изданный в 1706 г. по его повелению, разрешал всем протестантам свободу богослужения. Но Тейнер обнаружил целый ряд документов, свидетельствующих о надеждах, возлагавшихся Римом в это самое время и даже после такого распоряжения, на возможность соединения обеих церквей, и бывали случаи, когда государь выказывать поощрение даже иезуитам. Собственно говоря, он приступил к их изгнанию в 1689 г., и в 1698 году в Вене высказывал о них мнение далеко не лестное: «Император не может не знать», говорил он, «что эти люди богаче него; однако, в последнюю войну с Турцией он не попользовался от них ни одной копейкой, ни одним человеком!» Однако это не помешало отцам, восемь лет спустя, основать коллегия не только в Москве, но еще в Петербурге и Архангельске. Здесь они оставались до 1719 года. Вдруг неожиданно новое гонение. Что случилось? Разрыв с Венским двором, покровителем последователей Лойолы. Не будучи в силах поразить императора, Петр обрушился со своим гневом на его верноподданных. Вот ясное отражение его воззрений, религиозных и политических.

А евреи? Относительно них у Петра, по-видимому, была предвзятая мысль. Он их терпеть не мог и ни под каким видом не желал дозволить им пребывания в своем государстве. Но что же? Мы видим среди его приближенных некоего Мейера, происхождению которого не вызывает сомнений, который вместе с зятем Лупеом служит ему посредником в различных финансовых операциях и при продовольствии армии. Мы встречаем этого откупщика даже во время заседаний сената, восседающим по правую руку от императора и окруженным почтительностью и предупредительностью.

Прежде всего и во всем Петр «материалист», и благодаря этому в вопросах нравственности его мнения, как и общее направление поступков, граничат обыкновенно с практическим цинизмом. Детоубийство наказуется смертью в его законодательстве, но

законодатель удивляется, что Карл V применял ту же кару за прелюбодеяние: «Разве у него было слишком много подданных?» Прибыв однажды в Вышний Волочек, Новгородской губернии, для наблюдения за прорытием каналов, он заметил в толпе молодую девушку, сразу бросившуюся ему в глаза своей красотой и смущенным видом. Он подозвал ее к себе; она подошла, но сгорая стыдом и закрыв лицо руками. Царь выразил намерение выдать ее замуж; остальные молодые девушки, присутствовавшие при этом, разразились смехом. В чем же дело? Ему объяснили, что бедняжка забылась с немецким офицером, покинувшим ее с ребенком на руках. Большая беда! Он строго отчитал насмешниц, приказал показать себе ребенка и радовался, видя в нем будущего хорошего солдата. На прощанье поцеловал мать и наградил ее пригоршней серебряной монеты с обещанием еще раз навесить.

Петр дает десять тысяч червонцев председателю своей торговой коллегии Толстому, желая помочь ему избавиться от итальянской куртизанки, и приказ о выселении ее, но чтобы деньги не пропадали совершенно даром, он затаивает секретные переговоры, возложив на красавицу поручение соблазнить ими Вену и Рим.

II

Как уже было сказано, Петр имел общее представление о своей роли и обязанностях, а также о сопряженных с ними правах; но совершенно бессознательно он совмещал при том, нисколько об этом не беспокоясь и даже того не подозревая, два принципа, положительно непримиримые. Исходя из полнейшего отрицания личности ради общественных интересов, он кончает положительным поглощением общественности неограниченным я. Оставив далеко позади Людовика XIV, он желал отождествлять собой не только «Государство» с «государем», но всю народную жизнь, прошлую, настоящую и будущую. Он твердо верил, что умственное и экономическое возрождение, которыми он руководил, но которые зависели от причин предшествовавших и отчасти находились вне сферы его влияния, – всецело его личное дело, его создание, творение его рук, лишённое без него всякого смысла и даже возможности осуществления. Без сомнения, он верил также в продолжение этого дела за пределами своего вероятного земного существования; он даже работал исключительно для этого будущего, но в глубине души не представлял себе его без собственного участия. Отсюда проистекало его равнодушие к вопросу престолонаследия. Не потоп видел он после себя, а почти небытие.

Его права и обязанности, как он их понимал, являлись для России новостью. Весь уклад, государства, не исключая и политической жизни, покоился до него на семейных устоях. Царь Алексей Михайлович, его отец, был только главой народа и семьи. Никакого общества; ни малейшего намека на права и взаимные обязанности. Это нравы и обычаи востока. Петр вернулся из-за границы с усвоенным им новым принципом «общественности», который стал проводить в жизнь, впадая по обыкновению в крайности. Объявляя себя первым слугой родины, он доводил эту мысль до странных, уродливых преувеличений. В 1709 г. он писал фельдмаршалу Шереметьеву, прося его поддержки у «государя», т. е. Ромодановского, ходатайствуя о получении чина контр-адмирала, приниженно излагая свою просьбу и перечисляя свои заслуги перед отечеством. В 1714 г. он получил и безропотно принял отрицательный ответ адмиралтейства, к которому обращался с ходатайством о повышении в чине. В 1723 году во время стоянки в Ревеле со своим флотом

он заручился докторским свидетельством, чтобы получить от генерал-адмирала разрешение ночевать в городе. Выстроив себе дачу близ Ревеля, Екатериненталь, Петр удивился при первом своем посещении, не видя никого в парке. Не для себя же одного он заставлял работать столько народу и потратил столько денег? На следующий день глашатай возвестил жителям Ревеля, что парк находится в их распоряжении и что они могут разгуливать там без стеснений. Сейчас же после восшествия на престол царь разделил на две части весьма значительные богатства, накопленным его отцом и дедом. Благодаря привилегиям и монополиям, присвоенным государю, царь Алексей владел 10 734 десятинами пахотной земли и 5000 домами с доходом в двести тысяч. Петр не пожелал ничего оставить себе; он предоставил в государственное пользование все эти поместья и сохранил за собой только скромное наследие Романовых: восемьсот душ в Новгородской губернии. К доходам со своего имени он прибавлял только обычное жалованье, соответствовавшее чинам, постепенно им проходимым в армии или во флоте. Сохранились квитанции с его подписью, свидетельствующие о получении им ежегодного вознаграждения в размере 366 руб. в качестве тиммермана. Имеется также его счетная книга, ведущаяся не особенно аккуратно, но изобилующая любопытными подробностями. «В 1705 г. получил 366 рублей за работы на Воронежских верфях и 40 рублей за службу в чине капитана. В 1706 г. всего 156 рублей, полученных в Киеве. В 1707 г. жалованье полковника, полученное в Гродно: 460 руб. – Расходы: в 1707 г. пожертвовано в Вильне в монастырь 150 руб.; за материи, купленные в том же городе 39 руб.; Анисье Кирилловне на платье 26 руб.; князю Григорию Шаховскому на платье 41 руб.; адъютанту Бартеньеву для крайне нужной поездки 50 руб.» Посетив однажды завод в Истьи, Рязанской губернии, он смешался с рабочими, трудился несколько часов с молотом в руках, потом сделал подсчет: оказалось, что он заработал восемнадцать алтын (алтын – 3 коп.) за такое количество пудов чугуна, над которыми упражнял силу своих мускулов. Получив деньги, он с гордостью заявил, что по возвращении в Москву отправится в ряды и употребит свой заработок на покупку новых башмаков, потому что бывшие на нем совершенно развалились.

В этом много трогательного, также как и величавого; но у медали была и своя обратная сторона. Прежде всего тут была большая доля причуд, что хорошо сознавал сам великий муж. В 1713 г. он писал из Гельсингфорса Екатерине: «6-го месяца адмирал возвел меня в генеральский чин, с чем поздравляю и генеральшу. Странное дело! чин контр-адмирала я получил во время кампании в степях, а вот теперь сделался генералом, плавая по морю». История, сообщаемая Нартовым, встреча Петра с Ромодановским по пути в Преображенское забавно освещает настоящую двойственность, какую ему нравилось создавать между действительностью и своим воображаемым чином и положением. Петр в скромной одноколке, по своему обыкновению, приветствовал самозванного государя, величая его полным титулом: «Mein gnodiger Her Kaiser», но забыл обнажить голову. Ромодановский в роскошном экипаже, окруженный многочисленной свитой, предшествуемый курьером, разгонявшим толпу ударами бича и громким криком: «Сторонись! шапки долой!» пролетел словно вихрь, окинув настоящего государя гневным взором. Час спустя, он вызвал к себе «Петра Михайлова». И, не вставая и не предлагая тому сесть, на него накинулся: «С каких это пор он осмеливается не снимать шапки, приветствуя его?» – «Я не узнал ваше величество в татарском одеянии», возразил Петр. И его величество этим удовлетворился. Он вероятно вспомнил об одном письме, полученном от «Петра Михайлова», вследствие жалобы Якова Брюса и начинавшемся следующими словами: «Зверь! долго ль тебе людей

жечь? – И сюда (Петр находился тогда в Голландии) раненые от вас приехали (Брюс, изувеченный Ромодановским). Перестань знаться с Ивашкой (Хмельницким). Быть от него роже драной».

Но вот что гораздо важнее: все это ложное унижение и действительное самоотречение, тут проявившиеся, не мешали тому же самому человеку быть относительно народа, которому он, по своему заявлению, служил, ради которого отказывался от всего, которому посвящал всю свою жизнь, быть, не только самым требовательным, – чему еще можно бы найти оправдание, – но и самым безграничным деспотом. Очевидно, служба жертвы приурочивались им к этому высшему идеалу, бесконечно требовательному, обязательному для всех; между тем как ему следовало бы считаться с отсутствием способностей, со слабостями, личным недостатком развития. Но у Петра не было ни для кого снисхождения. Кто не занимал в общем ряду указанного места, не исполнял возложенных на него обязанностей, был изменником, отступником и как таковой лишался защиты закона. Если он владел имуществом, оно отбиралось у него потому, что человеку, никуда негодному, не надо ничего иметь. Из доходов ему выдавалась незначительная доля, а остальное переходило к родственникам, и простого ходатайства последних, представленного в Сенат и им засвидетельствованного, было достаточно, чтобы совершить передачу. Если он находился в возрасте, пригодном для вступления в брак, ему запрещалось жениться, потому что дети, без сомнения, будут походить на него, а «государству таких подданных не надо». В декабре 1704 г. в Москве Петр сам произвел смотр своему штату, боярам, стольникам, дворянам и всем служащим, имеющим какой-либо чин. Рядом с каждым именем, он собственноручно записывал предназначаемую лицу должность. Если человек не соответствовал требованиям выбранного для него места или уклонялся от них, его ожидала гражданская смерть, если удавалось избежать иной.

Был ли свободен по крайней мере человек, поступивший на службу, если исполнял свои обязанности? Вовсе нет! Потому что принцип, во имя которого он призван, требует его всего без остатка: его душу и тела, всех его мыслей и времяпрепровождения до развлечений включительно. И здесь – проявляется во всем объеме, со всеми последствиями сбивчивость представления об идее и человеке, ее олицетворяющем. Существует только одна цель и одна дорога, к ней ведущая; царь идет впереди, надо следовать за ним. Надо делать то, что он делает, думать, как он думает, и веселиться, как он и когда он веселится. Надо обходиться без мостов, чтобы переправиться на другой берег Невы, потому что царь любит совершать этот переезд на лодке. Надо брить себе бороду, потому что у него плохая борода. Надо напиваться, когда он пьян, наряжаться кардиналом или обезьяной, если ему это нравится, богохульствовать, если ему так вздумается, и проводить на следующий день по семи часов в молитвы. В случае сопротивления, ослушания или просто недостатка понимания, если силы не отвечают стараниям, если отвращение берет верх над желанием повиноваться или просто ум не в состоянии усвоить приказания – виновного ждут палка, кнут или плаха. Объявивший себя «слугой» заносит руку на своего властелина, бьет его или убивает. В марте 1704 г. князь Алексей Баратынский подвергается на торговой площади наказанию кнутом за то, что скрыл несколько рекрутов, которых обязан был доставить; но в том же году Григорий Камынин присуждается к такому же наказанию за отказ принять участие в «славении».

Противоречие поразительное, но объяснимое. Петр – преобразователь силою; его преобразования носят характер революции, вследствие чего его правление соответствует условиям существования и деятельности, неразрывно связанным во всех странах и во все времена с политическим и социальным положением, определяемым таким образом. С другой стороны, это правление до известной степени еще оставалось данником заветов прошлого: истории, обычаев, нравов. Сам Петр это признавал. На одной из триумфальных арок, воздвигнутых в Москве в 1721 г. по случаю мира со Швецией, изображение царствующего государя соединено с изображением Иоанна Грозного. Это мысль герцога Голштинского. Дядя одобрил племянника и воспользовался удобным случаем, чтобы подчеркнуть историческую общность, которую его поступки и действия бесспорно ежеминутно подтверждали. Пусть в принципах нет никакого сходства, практика на каждом шагу опровергала теорию. Теория иногда граничила с крайним либерализмом; практика почти всегда оставалась деспотизмом, произволом, розыском, террором. Да, это было правление террористическое, как впоследствии правление Робеспьера, а раньше Кромвеля, только еще с особым отпечатком жестокости, свидетельствующим о его азиатском происхождении. В 1691 г. несчастный политический сообщник Софьи, Василий Голицын, в своем далеком и ужасном изгнании подвергся новому преследованию. Чернец слышал, как бывший правитель предсказывал близкую смерть царя; допрошенный несколько раз, он упорно стоял на своем доносе. По-видимому, доказательства были налицо, однако следствия установили, что послушник никогда не видал изгнанника, не бывал в Яренске, где тот находился в заточении; он выдумал «от безумия», – сумасшествия, часто встречавшегося как во времена Иоанна Грозного, так и в царствование Петра, – умственного потрясения вследствие постоянного страха перед тайным приказом и застенком. Такая система соответствовала народным обычаям. Народная поговорка ее освящает и одобряет: «Кнут не ангел, а язык развяжет!» Петр в этом был убежден; он был страстный поклонник розыска, любитель ужасного искусства, и собственноручно записывал ход допроса, часто вмешиваясь в него сам. Тогда он входил в мельчайшие подробности, подчеркивая каждое слово, следя за каждым движением. Он призвал к себе во дворец для допроса простого ювелира, подозреваемого в краже драгоценностей, подверг его дважды, и каждый раз по часу, пытке дыбой и кнутом, а вечером весело рассказывал герцогу Голштинскому о своем утреннем времяпрепровождении. Имея к своим услугам целую армию сыщиков и шпионов, он поощрял их усердие, подслушивая под дверями, прогуливаясь между столами во время пирушек, когда обязательные возлияния разгорячали головы и развязывали языки. Около должностных лиц или военачальников, по отдаленности расстояния ускользавших от его непосредственного наблюдения, он назначил комиссаров, контрольных агентов, находившихся с ним в переписке и пользовавшихся весьма широкими полномочиями. Посланному для усмирения бунта в Астрахани фельдмаршалу Шереметьеву приставлен был с этой целью простой сержант гвардии Щепотьев; за бароном Шлейницом, посланником в Париже, следил его канцелярский писец, Юрин. Прием знакомый. Столетие спустя та же история повторяется с Бельгардом, Дюбуа и Дельми, представителями Конвента в лагере Дюмурье.

Революции следуют своей чередой, вполне походя друг на друга. Для одного из современников, автора «Записок», история года великого царствования почти ограничивалась перечнем казней. Арест одного обвиняемого влек за собой десятки, сотни других. Прежде всего виновного подвергали пытке, чтобы заставить выдать своих

сообщников; он называл имена, по большей части случайно подвернувшиеся; когда запас иссякал, ему надевали на голову мешок из дерюги и водили по улицам, разыскивая прохожих, которых он мог бы указать палачу. Отчаянный крик раздавался повсюду, звуча грознее, чем «Пожар!» и обращая в пустыни людные улицы. «Язык? язык?» Так окрестил народ невольного соучастника, по большей части покорного, погони за ослушниками. И все бежали врассыпную. Доносы размножались в невероятном количестве; целый ряд указов тому способствовал, одобряя и поощряя доносчиков и грозя строжайшим наказанием тем, кто, имея сведения, касающиеся безопасности царя или государства, не поспешил их сообщить. Обыкновенно в виде награды выдавалось десять рублей, но при исключительных обстоятельствах размер вознаграждения значительно увеличивался. В 1722 г. на одной из московских площадей около фонаря было положено десять мешков, в каждом по сто рублей, предназначавшихся тому, кто укажет автора памфлета против государя, подброшенного в одной из кремлевских церквей. Кроме того доносчику были обещаны земельные угодья и место. Первый встречный, произнеся роковой возглас: «Слово и Дело» и заявляя таким образом о том, что знает и подозревает деяние, подведомственное тайной полиции, мог возбудить уголовное преследование. И не требовалось больших улик для привлечения к суду: достаточно было неосторожного слова, даже того менее. Один крестьянин был подвергнут пытке, а затем осужден на вечные каторжные работы за то, что, пьяный, приветствовал царя «необычным образом». Другой подвергся той же участи за незнание, что царь принял теперь титул императора. Священник говорил о болезни государя и как будто допускал возможность его смерти – его сослали в Сибирь, на каторгу. Женщина увидела у себя в погребке на бочонке с пивом буквы, начертанные неизвестной рукой, на неведомом языке; на допросе она не сумела объяснить их значение и умерла под кнутом. Другая женщина, находясь в церкви, нарушила богослужение криками и беспорядочными движениями; она была слепая и вероятно одержима падучей болезнью, а может быть просто хотела устроить скандал. Ее подвергли допросу. Студент в состоянии опьянения произнес непристойные слова: тридцать ударов кнута, вырванные ноздри и вечные каторжные работы. Это выдержки из официальных документов, протоколов тайной канцелярии, и, не будь кнута, их легко было бы смешать с постановлениями судилищ под председательством Кутона или Сен-Жюста.

Петра нельзя назвать совершенно чуждым чувству милосердия. В этом отношении он стоял выше уровня обыкновенных революционеров, и тем еще раз подтверждает составленное нами представление о его характере. В 1708 г. он предлагал Долгорукому относиться снисходительно к участникам Булавинского бунта, изъявившим покорность. Долгорукий был поражен, царь продолжал настаивать: необходимо уметь отличать случай, где суровость необходима, от случая, когда можно обойтись без нее. Но изумление Долгорукого доказывает, насколько суровые меры составляли неотъемлемую принадлежность режима.

Режим этот длился во время царствования Петра. Каким образом его так долго терпели? Терпели потому, что он вполне соответствовал народным нравам. Все в нем соучастники. В обществе не было ни малейшего чувства осуждения к поступку и личности доносчика. Полтора века спустя такое душевное настроение не подверглось почти никакому изменению. Самые, пожалуй, популярные стихи самого популярного из национальных поэтов рассказывают о скачке по степи казака, везущего донос царю!

Характерной чертой образа действий великого преобразователя была постоянная угроза у него на устах. Неплюев, отправляемый резидентом в Константинополь, прощаясь, называет его «отцом»; Петр перебивает: «Я буду тебе отцом, коли поведешь себя хорошо, а не то неумолимым судьей». Он дает приказание генералу Репнину воспрепятствовать ввозу в Ригу леса из Польши: «Если туда попадет хоть одно полено, клянусь Богом, снесу голову долой». И эта угроза, не пустая слова. Когда в 1696 г. он писал своему другу Вiniusу относительно небрежности одного своего корреспондента: «Скажи ему, что он не допишет на бумаге, то я допишу ему на спине», – то всякий понимает, что это не простая метаморфоза. Весьма часто он призывал к себе в кабинет чиновников, которыми бывал недоволен, начиная от самых высокопоставленных до самых мелких, и выражал им свое неудовольствие побоями дубинкой. Но это считалось милостивым обращением. Государь в таких случаях не желал придавать огласке ни вину, ни наказания. При нем присутствовали только доверенные слуги, вроде Нартова, а провинившиеся старались, уходя, придать себе такой вид, будто с ними ничего не случилось. Обыкновенно их даже приглашали в тот же день к обеду. Но случалось также, что дубинка работала всенародно в канцелярии какой-нибудь административной коллегии или даже на улице. Иногда Петр возлагал на кого-либо другого обязанность возмездия частным образом; для исполнителя такого поручения оно служило величайшим доказательством уважения и дружбы. Капитан Сенявин взял в плен два шведских корабля, первые доставшиеся русским и, благодаря такой удаче, сразу сделался любимцем. Петр призвал его к себе и сказал: «Завтра ты будешь обедать с таким-то, затеешь с ним ссору за столом и дашь ему в моем присутствии пятьдесят хороших ударов палки». И вот один наказан, а другой получает награду в виде участия в царской расправе, что, по-видимому, государь ценит очень высоко. Во время персидского похода на Вольнского, тоже любимца в данную минуту, проходившего вечером мимо царской палатки, внезапно без всяких предупреждений обрушился град ударов. Вдруг царь остановился: темнота и отдаленное сходство ввели его в заблуждение; вышло недоразумение. Но он ограничился спокойным замечанием: «Ничего, не сегодня, завтра ты заслужишь то, что получил сегодня; тогда напони только, что я с тобой уже рассчитался». И случай для сведения счетов действительно не замедлил представиться.

Вспыльчивость властелина и его обычная несдержанность, конечно, играли роль в такой короткой расправе, но тут была и доля определенной системы и сознательной воли. Зайдя неожиданно в каюту капитана корабля, Петр увидал у него в руках раскрытую книгу, которую тот напрасно старался скрыть от зоркого взгляда царя; он взял книгу и громко прочитал следующий афоризм: «Русский человек, как вобла, если его не побить, никуда не годится». Он улыбнулся и ушел со словами: «Занимаешься полезным чтением, отлично, получишь повышение».

Дубинка, как уже сказано, предназначалась только для тех, кого царь любил и щадил. Остальным же приходилось испытать на себе карательное правосудие в ином виде. Однообразие наказаний – одна из отличительных черт уголовного законодательства того времени. Законодатель не соразмерял свою строгость со степенью виновности, подлежащего наказанию, но исключительно основывался на идее возмездия. И так как в этой идее, с точки зрения интересов государства, не существовало подразделений, то не было их и в наказаниях. Указы и уставы гражданского уложения не уступали в суровости военным регламентам. Смерть солдату, идущему на приступ «с воем» или остановившемуся, чтобы подобрать раненого, «хотя бы то был его родной отец», и смерть канцелярскому служителю,

не отправившему бумагу в срок, законом установленный. Смерть, смерть почти во всех случаях!

К концу царствования среди приближенных государя создавалась атмосфера взаимного опасения и недоверия, делавшая жизнь положительно невыносимой. Как он следил за всеми, так все следили за ним и друг за другом тем же подозрительным и беспокойным взором. Царь скрывал каждое свое намерение, и все ему подражали. Не было ни одного дела, дипломатических переговоров или иных, которые не старались бы окружить непроницаемой тайной. Друг с другом перешептывались только на ухо; переписывались только на условном языке. В феврале 1723 г. на собрании у князя Долгорукого Остерман подошел к Кампредону и увлек его незаметно, с тысячью предосторожностей в нишу окна: ему надо было переговорить с ним по поручению царя. Кампредон весь обратился в слух, но вдруг нетерпеливо ожидаемое сообщение замерло на устах у канцлера. Слишком близко стоял кто-нибудь посторонний, думал он. Подошел сам царь. Дружески посадил он рядом с собой французского посланника, рассыпался перед ним в любезностях, но когда посол пытался заговорить об интересующем его вопросе, сделал вид, что не слышит, заглушил его голос шумными восклицаниями и затем отошел, кинув шепотом: «Я прикажу, чтобы с вами переговорили». Дело шло о браке цесаревны Елизаветы с герцогом Шартрским, и первое свидание, назначенное для переговоров по этому поводу Остерманом Кампредону, происходило в шесть часов утра, когда скорее можно было надеяться укрыться от нескромных взоров.

За два года до того, среди переговоров, начавшихся в декабре 1721 г. относительно гарантии престолонаследия, свидания царя с Кампредоном происходили у Ягужинского без ведома Остермана. И для начала Петр потребовал объяснения обстоятельства, для него чрезвычайно важного, хотя к настоящему делу не имеющего никакого отношения. Во время своего пребывания в Париже он самолично начал и вел некоторые переговоры; вдруг тайна их оказалась обнаруженной. Он желал знать: каким образом и кем? Кампредону пришлось отправить к регенту курьера, чтобы как можно скорее получить ответ по этому поводу. Согласно своему обыкновению, регент поспешил сообщить депешу своего посланника королю Англии, и тот, не смущаясь, написал на полях: «Все это меня убеждает в том, что приближенные царя, стремящиеся погубить друг друга, нашли возможность внушить ему подозрение на кого-либо из своей среды, и он стораец желанием посадить его поскорее на кол. Вот по моему мнению единственная причина его любопытства». И далее: «Меня это убеждает в том, что царь кого-то хочет посадить на кол».

Странное дело, при всей суровости кар, применявшихся неумолимым судьей, чтобы обеспечить эту всеобщность «службы», какую царь хотел вменить в обязанность своим подданным, ему не удавалось прекратить все разраставшегося дезертирства. Напрасно он отвечал усилением строгостей. Для военной службы устав военной коллегии ввел в 1712 г. обычай клеймить рекрутов наподобие каторжников. По этому поводу даже создавалась целая легенда, по словам которой царь, попиравший старые верования, стал налагать на своих солдат печать Антихриста. Действительно, установленное клеймо изображало собой крест, начертанный на левой руке посредством татуировки: рисунок накальвался на коже, натирался порохом и поджигался. Любопытно заметить, что письмо Петра, где упоминается об этой варварской мере, полно, с другой стороны, предписаниями, доказывающими величайшую заботливость, о благосостоянии бедных заклеянных во время их пути до места сбора. Практический гений преобразователя сказывается в этом противоречии. Он

внушал ему для наилучшего пользования человеческими силами, находившимися в его распоряжении, применение способов самых надежных и обеспечивавших ему наивысшую производительность; только ум его, не знавший границ благоразумия, доводил его и тут до злоупотребления. Что касается гражданской службы, уклонение от нее, как было уже нами сказано, наказывалось бесчестием и лишением защиты закона. «Если», говорит указ 1722 года, «кто-либо ограбит такого дезертира, ранит его или убьет, за то не подвергается никакому преследованию». Фамилии создававшихся таким образом «стоявших вне закона» сообщались народу посредством объявлений, прибитых к виселицам. Половина их имущества обещалась тому, кто их захватит живьем, хотя бы «поймавший был рабом пойманного», другая половина отбиралась в казну. А все-таки бегство не уменьшалось.

«Близко к царю, близко от смерти», говорит народная пословица. И все спешили укрыться, куда возможно. Близость к царю такого количества выскочек из престолярства, Меншикова, Лукина, Проскурова, Владимирова, Поспелова объясняется также, кроме его личного выбора, повальным бегством родовитых фамилий. И роль этих лиц в политической системе, часть которой они составляли, в значительной степени содействовала усилению ее гнета. Личное правление Петра – иногда самая суровая, тягостная, тревожная действительность; но часто оно превращается в простую фикцию, и от такой замены никто не выигрывает. Царь не был в состоянии, какую бы необыкновенную производительность работы и энергии он ни проявлял при всей своей невероятной подвижности, все видеть собственными глазами, всем заведовать самолично. Во время его отсутствий, пребывания в армии, путешествий за границу или странствований по своим необозримым владениям власть переходила к Меншикову и другим. Они пользовались ею по-своему, но большей частью злоупотребляя, и время от времени призывались к отдаче отчета, завершение которого часто возлагалось на палача; но, живя как все, изо дня в день, в общем страхе и неуверенности, они широко пользовались выпавшими на их долю короткими часами произвола, и тем самым еще усиливали гнет, и без того тяжелый, сжимали еще сильнее тиски, и без того невыносимые, ужасной машины, которая рано или поздно и их сметала с дороги. Фаворитизм, стоивший России столько денег, слез и крови, конечно, не создание Петра, но наследие прошлого, им не отвергнутое, а, наоборот, признанное и получившее при нем более широкое развитие.

Преемник и продолжатель завещанных отцами традиций, Петр не отступал от них, в определенных отношениях, даже в области экономической, где, по-видимому, им не оставлено было камня на камне. Правда, он отказался от системы монополий и царских привилегий, превращавших его предшественников в первых купцов государства. Но в сентябре 1713 г., имея надобность в доставке для себя денег из Петербурга в Любек, он советовал нагрузить галиот, отправляемый за деньгами, разными товарами, которые можно с прибылью продать в Петербурге. Это совершенно в духе древних кремлевских владык, великих стяжателей всяческих барышей, не брезгавших и мелкой выгодой. На маскараде, происходившем во время празднования мира в 1722 г. в Москве, мы видим бородатого Нептуна в совершенно необыкновенной роли: верноподданные царя приглашаются привешивать червонцы к волосам этой символической бороды, ожидающей ножниц цирюльника, – самого Петра. Капитан гвардии в сопровождении писца следует за морским богом при шествии по улицам, ведет счет подаренным червонцам и отмечает имена жертвователей.

Даже необыкновенное искусство Петра выставить всякий пустяк напоказ отчасти

отзывается духом прошлого. «После каждой, малейшей удачи», замечает в 1700 г. голландский резидент Ван дер Хульст, «здесь поднимается такой шум, что кажется, будто удалось перевернуть весь мир». Пальба из пушек, фейерверки, неурочные производства офицеров, раздача наград идут непрерывной чередой в самый бедственный период шведской войны. Без сомнения таким образом Петр пытался, с похвальной целью, отвлечь общественное мнение, удержать его от отчаяния, а может быть поднять и общественный дух; но во всяком случае это совершенно манера Софьи, полное подражание обычаям востока. Приглашенному в 1705 г. к царскому столу английскому посланнику Витворту показывали русского солдата, изувеченного, по его словам, шведами, вместе с сорока четырьмя товарищами, пленниками, подобно ему. Петр пользовался случаем и пускался в пространные рассуждения о варварстве своих противников, оставляющем далеко за собой жестокость, приписываемую ими подвластному ему народу. Ни один шведский пленник не потерпел подобной участи в России! Царь высказал намерение разместить сорок пять калек по разным полкам, чтобы они служили предостережением товарищам, доказывая, что можно ожидать от вероломного врага. Заряд пропал даром, так как Витворт остался в убеждении, что над ним посмеялись, тем более что он, конечно, ничего не понял из рассказа солдата, говорившего по-русски; но самое событие совершенно в духе византийской школы.

И все это вместе взятое, близкая и сильная связь с духом и плотью своего народа, его прошлым и настоящим, позволила Петру так глубоко и прочно внедриться в его жизнь. Его деспотизм, будь он более логичен, но менее проникнут народным духом, не отличался бы такой долговечностью. Противоречивость в характере преобразователя отчасти содействовала успеху его преобразований.

В ноябре 1703 г. первый купеческий корабль, голландский «флибот», пришедший из Фрисланда с грузом соли и вина, вошел в устье Невы. Капитану был предложен банкет в доме петербургского губернатора, его и его людей осыпали подарками; но раньше ему пришлось воспользоваться гостеприимством лоцмана, вводившего корабль в гавань. Он пообедал с ним и его женой в невзрачном домике на самом берегу реки, был угощен национальными кушаньями, дополнениями некоторыми лакомствами, заимствованными из его родной страны, и в заключение не пожелал остаться в долгу по вежливости и щедрости: вынул из дорожной сумки кусок маслянистого сыра, штуку полотна и предложил их хозяйке, попросив разрешения ее поцеловать.

– Не упрямясь, Катя, – сказал лоцман, – полотно славное, и у тебя выйдут такие рубашки, о каких ты в молодости и не мечтала.

В эту минуту голландец услышал позади себя шум отворенной двери, обернулся и чуть не упал в обморок: на пороге стоял человек, очевидно знатный сановник, расшитый золотом, увешенный орденами, и кланявшийся до земли, отвечая на приветственные слова, обращенные к нему супругом Кати.

Пожалуй анекдот этот может показаться сомнительным; во всяком случае он должен быть отнесен ко времени позднейшему: в 1703 г. Екатерина, по-видимому, еще не занимала места у очага своего будущего супруга. Но за исключением этого, рассказ вполне правдоподобен; он рисует Петра в его излюбленном обществе. Являться в качестве лоцмана на голландские и другие корабли, угощать их капитанов у себя за столом, мистифицировать их простотой своей обстановки и своего обращения, – всегда было в привычках Петра. Что касается домика на набережной Невы, он существует и сейчас. Он был выстроен голландскими рабочими по образцу виденных путешественником 1697 года в Саардаме. Сруб из грубо обтесанных бревен поддерживает низкую крышу, где гонт смолистого дерева заменил собой красивую красную черепицу. В нижнем этаже, над которым находится чердак, помещаются две комнаты, разделенные узким коридором, и кухня. Всего семь окон. С наружной стороны домик расписан в голландском вкусе красной и зеленой краской. На конце крыши и на двух углах украшения в воинственном духе: мортира и разрывающаяся бомбы, все деревянное; внутри белое полотно на стенах, а оконные дверные рамы разрисованы букетами цветов. Комната направо служила рабочим кабинетом и приемной залой, налево – столовой и спальней.

Теперь на месте последней устроена часовня, куда народ приходит помолиться и поставить свечу перед образом Спасителя; под которым Елизавета начертала первые слова молитвы «Отче наш». В этой часовне всегда толпятся многочисленные богомольцы. В другой комнате собраны некоторые воспоминания: деревянная мебель, сработанная великим мужем и – увы! – *отделанная* в 1850 г., шкаф, два комода, стол, скамейка, на которой Петр обыкновенно садился перед дверью, чтобы подышать свежим воздухом и полюбоваться на свой флаг, развевавшийся напротив на бастионах Петропавловской крепости; также утварь и инструменты, какими он пользовался.

Домик площадью едва восемнадцать метров на шесть, не отличавшийся ни поместительностью, ни роскошью, был дорог своему хозяину. Когда царю пришлось с ним расстаться, чтобы переехать во дворец, тоже весьма скромный, как уже было сказано, он о нем очень сожалел. Вообще, хотя Петр любил воздвигать города, но не находил никакого удовольствия в них жить. В 1708 г. он решил устроить для себя резиденцию более сельскую в малопривлекательных окрестностях своей излюбленной столицы. В начале он остановил свой выбор на отдаленном уголке на берегах Стрельны – маленькой речки, быстроводной и холодной. Здесь он выстроил себе в одно лето, сам принимая участие в работе, дом, уже более удобный, с двумя залами и восемью комнатами: теперь при нем уже была Екатерина и появились дети. От дома не осталось никаких следов. Но рядом сохранилась громадная липа, в ветвях которой была устроена беседка, куда поднимались по лестнице. Петр забирался туда курить и пить чай из голландских чашек, слушая напев самовара, тоже вывезенного из Голландии, потому что эта утварь, с тех пор сделавшаяся народным достоянием на Руси и распространенная в Европе под этим новым названием, также голландского происхождения. В России его только разогревают углями, более дешевым способом, вместо того чтобы разогревать спиртом, как принято на его родине. По соседству с липой высятся величественные дубы под названием: «Петровский питомник». Они посажены собственноручно царем. Неподалеку от них красуются сосны, выращенные им из семян, собранных в горах Гарусских и осеняющие подъезд ко дворцу, появившемуся впоследствии в этом укромном уголке, получившем название Стрельны. После коронации Екатерины, уже императрицей ей приходилось считаться с новыми требованиями ее положения и подумать о размещении двора. Но тогда Петру его дача сразу надоела. Она становилась слишком многолюдной и шумной. Он поспешил от нее отделаться, подарив цесаревне Анне (1722), а сам переселился в Петергоф. Увы! императорская свита и царедворцы последовали за ним и туда. И в Петергофе в свою очередь возник дворец, все более и более роскошный, с парком на французский лад и фонтанами, подражанием Версалью. Петр отказался жить сам в этом дворце; для него поблизости был выстроен голландский домик, до сих пор носящий это имя, все-таки очень простой, хотя уже далекий от первоначальной незатейливости, с легким отпечатком фламандской роскоши. Стены спальни, очень узкой, имеют облицовку из изразцов, чисто оглазуренных; пол покрыт клеенкой с цветами, а камин украшен прелестными образцами дельфтского фарфора. С кровати Петр мог видеть Кронслоот и любоваться судами своего флота. В нескольких шагах находилась маленькая бухта, откуда на шлюпке, через канал, царь доплывал до устья Невы.

Благодаря привычкам Петра к кочевой жизни, число его загородных домов разрасталось. Был выстроен дом в Царском Селе, деревянный, как все остальные, в шесть комнат, занимаемых им иногда вместе с Екатериной. Легенда, довольно сомнительная, производит название этой местности, впоследствии столь знаменитой, от имени некоей Сарры, к которой будто бы иногда Петр приходил пить молоко. «Saari-mojs», финское название местечка, означающее «верхнее селение», или «возвышенное», по-видимому, указывает на более достоверную этимологию слова. В Ревеле опять-таки деревянный домик предшествовал тяжелому и неуклюжему дворцу, выстроенному под конец царствования. Петр по возможности избегал дворца. Домик, сохранившийся до сих пор, состоит из спальни, бани, столовой и кухни. В спальне стоит двуспальная кровать, довольно узкая, с площадкой у подножия. На этой площадке укладывалось трое денщиков, оберегавших сон государя.

Петр, как известно, не любил долго спать. Обыкновенно в пять часов утра мы уже застаем его на ногах, на час или на два раньше, если имелись срочные дела; тайное совещание, спешная отправка курьера или снабжение уезжающего посланника дополнительными указаниями. Встав с постели, царь с полчаса ходил по комнате, в коротком халате, не прикрывавшем голые ноги, в белом вязаном колпаке, с отделкой из зеленых лент. В это время он, без сомнения, обсуждал и распределял в голове работу дня. Когда он кончал, входил его секретарь Макаров и прочитывал ежедневные донесения, представляемый начальниками учреждений. Потом Петр наскоро, однако плотно, завтракал и уходил пешком, если была хорошая погода, или уезжал в одноколке, весьма скромно запряженной одной лошадью. Он отправлялся на доки осматривать строящиеся корабли, затем неизменно заканчивал свой путь посещением адмиралтейства. Там выпивал стакан водки, закусывал баранкой и снова работал до часу, т. е. до обеда. В маленьком дворце, окруженном теперь с. – петербургским летним садом, кухня находилась рядом со столовой, и кушанья подавались через форточку в стене. Петр не выносил присутствия за столом многочисленных слуг, и эта черта тоже чисто голландская. Когда он обедал вдвоем с Екатериной, что случалось чаще всего, прислуга состояла из одного пажа, выбранного из числа самых молодых, и горничной, наиболее преданной императрице. Если за столом присутствовало несколько приглашенных, главный повар, Фельтен, сам подавал блюда при помощи одного или двух денщиков. Наконец, когда бывал подан десерт и перед каждым гостем поставлена бутылка вина, всем прислуживавшим отдавалось приказание удалиться.

Таковы обеды запросто. Других не бывало в доме царя. Во дни торжеств обедали у Меншикова, председательствовавшего за роскошными трапезами, где подавали до двухсот перемен кушаний, изготовленных французскими поварами, с избытком посуды золотой и из ценного фарфора. В большом летнем дворце было две столовых: одна в нижнем этаже, другая во втором; обе с прилегающими к ним кухнями. Петр удосужился в 1714 г. заняться с мелочной заботливостью оборудованием этих кухонь. Он приказал их устроить, сравнительно, довольно обширными и выложенными по стенам изразцами, «чтобы», говорил он, «хозяйке там было приятно следить за стряпней и при случае стряпать собственноручно». Не будучи синим чулком – в доме своих бывших хозяев она, говорят, больше занималась стиркой – Екатерина обладала кулинарными талантами.

Петр ел очень много. В октябре 1712 г. В Берлине он ужинал у наследного принца, поужинав уже у своего канцлера, Головкина, и в обоих местах ел с большим аппетитом. Рассказывая о последнем пиршестве, посланник короля польского, Мантейфель, восхваляет царя, который «превзошел самого себя», потому что «не рычал, не п..... ни ковырял себе в зубах; по крайней мере я того не видал и не слышал»... И, чтобы подать руку королеве, даже надел «довольно грязные перчатки».

Царь носил с собой свой прибор: деревянную ложку с отделкой из слоновой кости, вилку и железный нож с зеленой костяной ручкой. Любил он больше всего национальные простые кушанья: щи, кашу, черный хлеб, никогда не ел сладких блюд и рыбы, которых его желудок не переваривал; в великом посте питался фруктами и пирогами. Последние три года своей жизни, уступая настоянию врачей, он иногда отказывался совсем от вина или сокращал употребление его. Отсюда возникла репутация воздержанности, прославленной некоторыми путешественниками, посетившими Россию в это время, между прочим Лангом,

сопровождая царя во время Персидской кампании. Тогда он пил кислые щи, сдобренные английским бальзамом, но не мог устоять против искушения выпивать по несколько стаканчиков водки. Впрочем такие промежутки умеренности были непродолжительны; он быстро возвращался к прежним привычкам, избегая только смещения спиртных напитков и придерживаясь Медока и Кагора. Напоследок, по совету шотландского врача Эрескинса, пользовавшего его от попок, он остановился на вине «Эрмитаж».

Царские конюшни были обставлены несложно. В каретных сараях дворца мы видим две четырехместные кареты для императрицы и уже знакомую нам одноколку для императора – вот и все. Одноколка эта была красного цвета, очень низкая. Зимой ее заменяли маленькие сани. Никогда Петр не ездил в карете, разве только чтобы почтить какого-нибудь знатного гостя, и в таком случае пользовался экипажами Меншикова. У временщика выезд был великолепный. Даже когда он выезжал один, шестерка лошадей в сбруе малинового бархата с золотыми и серебряными украшениями влекла его золоченую карету в форме веера; на дверцах красовался его герб; княжеская корона венчала верхушку; скороходы и лакеи в роскошных ливреях шли впереди, пажи и музыканты следовали позади, одетые в бархатные расшитые золотом ливреи; шесть камер-юнкеров ехали около дверей кареты, и взвод драгун довершал процессию.

Петру было совершенно чужда подобная роскошь. Его обычный костюм, когда он не надевал мундира, мало отличался от крестьянского платья. Летом он состоял из кафтана толстого темного сукна Сердюковской фабрики, находившейся под покровительством царя, жилета из тафты, шерстяных чулков, как известно, заштопанных, грубых башмаков на толстых подошвах и очень высоких каблуках, с пряжками стальными или кожаными; на голове – треугольная войлочная или бархатная шляпа. Зимой шляпа заменялась барашковой шапкой, башмаки – мягкими сапогами из оленьей кожи; кафтан делался на меху – соболем на полах, беличем на спине и в рукавах. Только во время походов царь носил мундир капитана гвардейского Преображенского полка: кафтан зеленого толстого голландского сукна, на подкладке без тафты того же цвета (теперь голубого оттенка), с узким золотым галуном и большими медными пуговицами; жилетка из очень толстой замши. Шляпа из галуна, шпага с медным эфесом без позолоты в черных ножнах, воротник из простой черной кожи. Однако Петр любил белое, тонкое белье, изготовлявшееся в Голландии, и только в этом отношении решился изменить своему пристрастию к простоте, зависевшему отчасти от бережливости, проистекавшей, как можно себе представить, из высших соображений. Когда Екатерина развешивала перед ним великолепное коронационное платье, о котором мы уже упоминали, он, вспыхнув, гневным движением схватил и потряс расшитую серебром одежду так, что несколько блесток упало на землю.

– Посмотри, Катя, – сказал он тогда, – все это выметут, а ведь это почти жалованье одного из моих гренадеров?

Голландии не удалось привить Петру своей любви и привычки к чистоте и домашнему порядку. В Берлине в 1718 г. королева приказала вывезти обстановку из дома Монбизу, предназначенного для Петра, и предосторожность не оказалась излишней. Самое жилище пришлось ремонтировать после его отъезда. «Там царил иерусалимское разорение», говорила макграфиня Байрейская. Только в одном отношении инстинктивное отвращение не вяжется с нечистоплотными привычками, в которых близость Востока отражалась на домашней обстановке царя: он не мог выносить насекомых, которыми тогда, – как, увы! и теперь, – слишком часто кишели русские жилища. При виде таракана Петр чуть не падал в

обморок. Офицер, к которому он пришел обедать, показал ему таракана, которого он, думая сделать удовольствие гостю, пригвоздил на видном месте. Петр выскочил из-за стола, обрушился на беднягу ударами дубинки и ушел.

III

Развлечения Петра соответствовали вкусам. В них было мало изящества. Он не любил охоты, в противоположность своим предкам, истребителям медведей и волков, страстными любителям соколиной охоты. Это подобие войны оскорбляло его практический ум. Он не любил и настоящей войны и покорялся необходимости только ради ожидаемой от того пользы. Однако один раз в начале царствования его увлекли на охоту с борзыми; но он поставил свои условия: чтоб не было ни доезжачих, ни псарей. Требование было исполнено, и он разыграл злую шутку со своими друзьями, доставив себе удовольствие дать им почувствовать условную сторону таких развлечений. Без доезжачих и псарей собаки не слушались, бросались под ноги лошадей, рвались на сворах, стаскивая с седел всадников. Через минуту половина охотников лежала на земле, и охота закончилась в общем смятении. На следующий день уже сам Петр предложил возобновить вчерашнее удовольствие, но попавшиеся в ловушку охотники отказались. Большинство их сильно пострадало и принуждено было лежать в постели.

Петр ненавидел карты – «удовольствие шулеров», по его словам. Для морских и сухопутных войск существовал строгий приказ, под угрозой самых суровых наказаний, не проигрывать больше рубля в вечер. Иногда чтобы доставить удовольствие иностранным морякам, своим гостям, он соглашался сыграть партию голландского «гравиас». Он играл охотно и хорошо в шахматы. Курил и нюхал табак. В Коппенбрюгге в 1647 г. он обменялся табакерками с курфюрстиной Бранденбургской. Но его главное удовольствие и преобладающую страсть составляла вода. В Петербурге, когда Нева уже на три четверти затянулась льдом и оставалось не больше сажени незамерзшего пространства, он упорно продолжал плавать на первой попавшейся лодке. Часто также в самый разгар зимы, он приказывал прорубать во льду узкий канал и предавался своему любимому спорту. В 1706 г., прибыв в свою столицу и застав улицы наводненными, а пол комнаты, для него предназначенной, на два фута залитым водой, он захопал в ладоши, как ребенок. Он чувствовал себя вполне в своей тарелке только на борте какого угодно корабля. Заставить его ночевать на берегу, когда поблизости находилась гавань, могла лишь серьезная болезнь. Но и в таком случае он настаивал, что лечение пойдет более успешно во время плавания, и в Риге в 1723 г., страдая приступом жестокой лихорадки, заставившей его было покинуть судно, приказал перенести свою кровать на фрегат. Пролежав здесь все время своей болезни, он приписывал свое выздоровление такому способу лечения. Под конец своей жизни даже для послеобеденного отдыха он растягивался на дне лодки, которую обыкновенно везде находил к своим услугам.

Впрочем, все жители Петербурга по примеру и его стараниями были снабжены средствами для передвижения по воде. Высокопоставленным сановникам он назначил яхты с двумя двенадцати или четырьмя восьмивесельными шлюпками, остальным лодки попроще, смотря по чину. Он собственноручно написал устав пользования этими судами. В назначенные заранее дни, когда царский флаг взвивался на всех четырех углах столицы, вся

флотилия должна была, под страхом крупного штрафа для отсутствующих, собираться близ крепости. По сигналу, данному пушечным залпом, двигались в путь: адмирал Апраксин – во главе на яхте, выкрашенной в белый и красный цвет; за ним – царская шлюпка, где Петр, в белом матросском костюме, сидел на руле. Екатерина обыкновенно сопровождала его. На некоторых судах, богато разукрашенных, сидели музыканты. Таким образом отправлялись в Стрельну, Петергоф, Ораниенбаум, где мореплавателей ожидал банкет.

Как впоследствии Великая Екатерина, Петр очень любил животных, в особенности собак. В 1708 г. бедный сельский священник по имени Козлов подвергся пыткам в Преображенском приказе за непристойные речи об особе царя; свидетели слышали его рассказ, как он видел в Москве государя, целовавшегося с собакой. А случай такой действительно был: бедняга поп имел несчастье проходить по улице в ту минуту, когда любимая собачка царя, Финетта, бросилась в экипаж своего хозяина и стала тереться мордой об его усы, не встречая сопротивления с его стороны. Финетта, называемая Лизеттой некоторыми современниками, очевидно смешивавшими ее с любимой кобылой царя, имела соперника в лице большого датского дога, чучело которого находится среди вещей, бережно сохраняемых в галерее Зимнего дворца, подарок шаха Персидского. Кобыла, небольшого роста, но со стальными мускулами, разделяла с догом эту честь. Она служила Петру под Полтавой. Передают, что на долю Финетты однажды выпала политическая роль. Под страхом смерти воспрещалось подавать прошения царю. И вот друзья одного чиновника, приговоренного к наказанию кнутом за преступления по должности, ухитрились привязать к ошейнику прелестного животного остроумно написанное воззвание к милосердию государя. Выдумка увенчалась успехом, пример возбудил подражание, но Петр живо отучил подражателей.

IV

Великий муж часто находил удовольствие и развлечение в довольно дурной компании; надо, впрочем, сознаться, что он совершенно не привык к хорошему обществу. Маркграфиня Байретская – ужасная сплетница и самый злой язычок восемнадцатого столетия; однако должна быть доля правды в ее довольно забавном рассказе о встрече с царем, во время пребывания последнего в Берлине в 1718 году. Петр, уже имевший случай познакомиться с маркграфиней пять лет тому назад, узнав ее, бросился к ней, схватил в охапку, покрывая ее лицо бешеными поцелуями. Она отбивалась, ударяла его по лицу, а он все ее не выпускал. Она жаловалась, ей советовали запастись терпением, она покорилась, но мстила за себя, насмехаясь над супругой невоспитанного монарха и ее свитой. При царице находилось четыреста так называемых «дам». Это были по большей части немецкие служанки, исполнявшие обязанность дам, горничных, кухарок и прачек. Почти все эти особы держали на руках богато разряженных детей, и на вопрос, чьи это дети, отвечали, кланяясь по-русски в пояс: «Царь почтил меня»...

Привычки и обхождение, усвоенные Петром в Немецкой слободе, несколько высшего порядка, сравнительно с социальным уровнем старой Московии, мало подходили к тону дворов утонченного общества Запада. А Петр никогда не прерывал своих старых знакомств. В январе 1723 года, проживая в Москве, он делил свои вечера между старой приятельницей, женой почтмейстера Фаденбрехта, к которой приказывал приносить себе кушанье и питье,

доктором Бидлау, аптекарем Грегори, купцами Томсенем, Конау и Мейером, не забывая также девицы Аммон, которой пошел шестнадцатый год, и у которой танцевали до пяти часов утра. И это еще избранное общество!

29 марта 1706 года, в первый день Пасхи, Петр писал Меншикову и заставлял приложить к письму руку друзей, собравшихся вокруг него в такой большой праздник. И мы находим среди членов этого тесного кружка простого солдата, двух денщиков, наконец крестьянина, который по безграмотности заменяет свою подпись крестом, прося сделать добавление «что получил разрешение напиваться три дня».

Петр никогда не спал один; обыкновенно Екатерина разделяла его ложе; редко он приводил туда любовницу. Петр ложился в постель, чтобы спать. Он отличался чувственностью, но не сладострастием, и отдавался любви, как и всем остальным делам, наспех. Мы уже указывали выше, что он терпеть не мог спать один. За отсутствием жены, он клал с собой первого попавшегося денщика, которому вменялось в обязанность лежать очень смиренно, под страхом побоев. Петр, вообще, просыпался не в духе. На даче для послеобеденного отдыха он приказывал ложиться на землю одному из денщиков и пользовался его животом вместо подушки; человек не должен был перед тем есть или иметь медленное пищеварение, потому что при малейшем движении царь вскакивал и принимался его нещадно колотить.

Это не мешает ему быть, в сущности, очень снисходительным к своей личной прислуге. Нартов рассказывает историю о шкафах, изобретенных государем, чтобы запирали там вместе с постелями денщиков, которые, несмотря на повторные приказания и угрозы, упорно продолжали проводить ночь вне дома, странствуя по притонам. Ключи Петр прятал у себя под подушкой и вставал ночью, чтобы в сопровождении Нартова осмотреть спальные кельи своего изобретения. В одну прекрасную ночь все кельи оказались пустыми. Изумление и страшный гнев: «Так у негодяев крылья выросли. Завтра обломаю их дубинкой». Настало утро, виновные явились к государю, однако он удовольствовался обещанием, в случае повторения, засадить их в тюрьму, лучше охраняемую и менее удобную.

Личный штат царя состоял из шести денщиков, в числе которых были: Татищев, Орлов, Бутурлин, Суворов; двух курьеров для дальних посылок, камердинера Полубояринова, секретаря Макарова и двух помощников секретаря: Черкасова и Памятина. Нартов тоже входил в этот штат в качестве помощника царя в резьбе из слоновой кости и выпиливанию из дерева, чему Петр нередко посвящал по несколько часов в день. Все эти люди составляли исключение из общего правила, по которому все, кому приходилось иметь дело с государем, его ненавидели столько же, как боялись; но близкие слуги Петра Великого обожали его, как и впоследствии слуги Великой Екатерины.

Иначе обстояло дело с его сподвижниками, в то же время обыкновенно его любимцами: за исключением Меншикова, недолго сохранявшими за собой такое звание. Для них временная снисходительность, даже слабость, доходившая до крайних пределов, неизменно заканчивалась резкой переменой настроения и ужасными превратностями судьбы. Пока все шло хорошо, — это были его балованные дети; Петр заботился об их здоровье и благосостоянии с неусыпным вниманием; брал даже на себя хлопоты об их женитьбе. Когда катастрофа с несчастным Алексеем сделала любимцем одного из сыщиков, участвовавших в захвате царевича, Александра Румянцева, один боярин предложил ему в жены свою дочь, пообещав за ней значительное приданое. Сын мелкопоместного дворянина Костромской губернии, Румянцев был беден.

– Ты видел невесту? – спросил Петр.

– Нет, говорят, она неглупа.

– Это кое-что значит, все-таки я хочу ее сам посмотреть. – Он отправился в тот же день на вечер, куда должна была приехать молодая девушка, велел ее себе сейчас же указать, пожал плечами и сказал про себя, но очень громко: «Ничему не бывать!» Повернулся и ушел. На другой день, увидав Румянцева, он опять повторил: «Ничему не бывать!» Потом добавил: «Найду тебе другую, и не позднее сегодняшнего вечера, приходи к пяти часам». Явившись аккуратно на свидание и усевшись по приказанию царя рядом с ним в одноколке, Румянцев был немало изумлен, увидав, что экипаж остановился перед домом графа Матвеева, одного из самых знатных и богатых лиц государства. Петр дружески поздоровался с графом, целуя его, и сразу заявил:

– У тебя есть невеста; а вот жених.

Без дальних разговоров Матвеева вышла замуж за Румянцева. По уверениям некоторых современников, она уже была – в девятнадцать лет – любовницей государя, и любовницей ветреной! Уличив ее незадолго до того в неверности, Петр избрал такое средство, чтобы приставить сторожа к ее слишком хрупкой добродетели, не пощадив предварительно красавицу от изрядного наказания «тапи ргоргіа».

Но последующие главы лучше объяснят читателю, сколько достоверности или допустимости, с исторической точки зрения, заключается в этой темной области интимной жизни Петра.

КНИГА ВТОРАЯ

ПРИБЛИЖЕННЫЕ

Глава 1

Сподвижники, друзья и любимцы

I

«Наш монарх на гору еще сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут»... Описывая так своим образным языком одиночество Петра и трудности, встречаемые им на пути проведения в жизнь своих преобразований, Посошков допускает некоторое преувеличение. Самое восшествие на престол великого преобразователя было, как мы доказывали, торжеством определенной партии; его первые попытки преобразований были ему также внушены окружающими, и впоследствии навряд ли бы он оказался в силах исполнить в двадцать лет работу нескольких столетий, если бы не имел поддержки в довольно значительном числе умных и энергичных сотрудников. Почва, попираемая его властной стопой и орошаемая потом его чела, напротив, оказалась плодотворной нужными силами, конечно грубыми, но могучими. После работников первого времени, Лефорта, Нарышкина, появились другие, местные и чужеземные, бесспорно не великие вожди, не глубокие политики, но, подобно царю, люди деятельные, подобно ему, обладавшие несложным, поверхностным образованием, но способные развить в самых разнообразных направлениях мощную инициативу, большую находчивость и поразительную настойчивость. Когда не хватало сотрудников, среди родовитой аристократии – что наступило очень быстро (испугавшись резкости мероприятий Петра, задыхаясь от грубости обращения, растерявшись от головокружительной быстроты поступков, старая аристократия держалась в стороне или совсем притаилась), – царь опускается ниже, до самых глубин слоев простонародья, и взамен Матвеева или Трубецкого находит там Демидова или Ягужинского. Таким образом вокруг него собирается школа государственных людей, носящих особый отпечаток, – прототип «деятелей» более недавнего времени, – поочередно солдат, дипломатов и экономистов, людей без определенной специальности, отчасти дилетантов, людей без предрассудков и без сомнений, без страха, если и не всегда без упрека, идущих прямо вперед не оборачиваясь назад, всегда готовых на решительные меры, удивительно приспособленных для быстрого исполнения всяких обязанностей, для смелого принятия на себя всякой ответственности. Именно такие люди нужны были Петру для выполнения совместного с ним дела. Он не требовал от них, да и справедливо, чтобы они являли собой образец добродетели.

В 1722 г. Кампредон извещал кардинала Дюбуа: «Имею честь сообщить Вашему Высокопреосвященству, что если Вам не угодно прибавить к полномочиям денежную сумму для раздачи русским сановникам, то следует отказаться от надежды на успех. Какую бы пользу царь ни находил в союзе с Францией, если его министры не увидят в том личной выгоды для себя, то их интриги и тайные происки разрушат переговоры самые полезные и клонящиеся к наибольшей славе их государя. Мне приходится видеть ежедневно подтверждения этой истины». Этих министров звали Брюс и Остерман, и «подтверждения»,

может быть весьма существенные, известные французскому посланнику, не помешали им год тому назад превзойти самого Петра в защите его интересов и добиться условий мира, казавшихся ему недостижимыми.

Трое из числа всех сподвижников великого царствования занимают совершенно особое место: Ромодановский, Шереметьев и Меншиков. Первые два пользовались исключительным правом, – не дарованным даже Екатерине – входить к государю во всякое время дня или ночи без доклада. И, отпуская, Петр провожал их до дверей своего кабинета.

Ни одна из княжеских фамилий потомков Рюрика в первые годы восемнадцатого столетия не могла сравниться по влиянию и занимаемому положению с Ромодановскими. Однако в предыдущем веке они далеко не имели такого первенствующего значения, считаясь ниже Черкасских, Трубецких, Голицыных, Репниных, Урусовых, Шереметьевых, Салтыковых и наравне с Куракиными, Долгорукими, Волконскими, Лобановыми. Младшее ответвление одной из младших ветвей обширной семьи варяжского вождя, князей Стародубских, они получили в пятнадцатом столетии свое имя от поместья Ромодановское во Владимирской губернии. Затем они выдвинулись вперед, занимая преемственно должность, превратившуюся для них как бы в наследственную, хотя и не содействовавшую вящему их прославлению. После учреждения царем Алексеем Михайловичем приказа тайной полиции, с подземными тюрьмами и застенками в Преображенском, заведование им было поручено князю Георгию (или Юрию) Ивановичу Ромодановскому. Сын, после смерти отца, занял ту же должность и, в свою очередь, передал ее своему наследнику.

Этот сын Юрия Ивановича и был известный «князь-кесарь».

В 1694 г. в виде награды за победу, одержанную над лже-королем польским в лице Бутурлина, Петр вздумал даровать Ромодановскому такой титул. То была простая шутка, но мы уже видели, насколько забава и серьезное дело смешивались в причудах великого мужа. Труднее себе представить, каким образом человек с нравом Федора Юрьевича мог всю жизнь подчиняться такой комедии. В нем не было ни тени шутовства, склонности к дурачествам, долготерпения. Может быть с наивностью дикаря он не замечал оскорбительной и унижительной действительности, столь очевидной однако в осмеянии его «величества». В глазах Петра он, по-видимому, представлял примирение с режимом, осужденным им на гибель. Поэтому преобразователь терпел его усы и татарское или польское одеяние; но, воздвигая и посвящая культу прошлого такое подобие кумира, искупительного и будившего воспоминания, он позорил и унижал в нем это ненавистное прошлое, все связанные с ним представления и воспоминания: старый московский Кремль, полуазиатскую пышность царей, бывших данников великого хана, тяжелым гнетом придавившую его юные годы; старый замок в Вене и величие римских цезарей, гнет которых он тоже испытал на себе в незабвенный час первого выступления на общественную арену. Вот какие воспоминания стремился Петр обратить в посмешище и низвергнуть в бездну небытия.

Лицо, избранное для такой двусмысленной роли, имело свои достоинства. Поставленный, по крайней мере по виду, выше всякого соблазна, Ромодановский действительно вне всяких подозрений. Он был неподкупен, прямодушен, честен и неумолим, – каменное сердце и железная рука. Среди всевозможных интриг, низостей, алчностей, кипевших вокруг государя, он оставался прямым, надменным, чистым, и когда в Москве вспыхнул мятеж, он быстро с ним справился по-своему: двести мятежников были выхвачены из толпы и повешены за бок на железных крюках среди Красной площади, –

площади древней столицы, так метко названной. Тюрьмы и орудия для пыток находились у Ромодановского даже в его собственном доме, и когда Петр, бывший в то время в Голландии, упрекал его в злоупотреблении своей ужасной властью, совершенном в состоянии опьянения, Ромодановский резко отвечал: «Пусть те, у кого много досуга и кто его убивает по чужим краям, ведут знакомство с Ивашкой, у нас же дело поважнее, чем напиваться вином; мы что ни день, купаемся в крови».

Однако и характер Ромодановского все-таки не был лишен определенной гибкости: слишком сильно влияние востока. Правда, ему приходилось иногда противоречить государю, даже открыто порицать его, и в 1713 г., в письме к адмиралу Апраксину, добровольный тиран по-видимому недоумевал, что ему делать «с этим воплощенным чертом, поступающим всегда по-своему». Ромодановский видимо относился очень серьезно к своему кесарству и не терпел насмешки по этому поводу. Шереметьев, докладывая ему о Полтавской победе, величает его «Государем» и «Ваше Величество». Во двор его дворца входили пешком и обнажив голову; сам Петр оставлял свою одноколку у ворот. Подходя к «кесарю», делали земной поклон. Его окружала роскошь азиатского владыки, проявляющего соответственные причуды. Его свита при поездках на охоту состояла из пятисот человек, и посетители всех сословий, являвшиеся к нему, должны были выпивать при входе огромный стакан водки, сдобренной перцем, которую им подавал ворчащий медведь. Если посетитель делал вид, что хочет отказаться, медведь бросал поднос и облапывал жертву. Но тот же человек прекрасно помнил, что Меншиков большой любитель рыбы, и заботился об отправке ему лучших запасов из своих садков, вместе с бочонком вина и меда для денщика Пospelова, горького пьяницы и большого любимца царя.

Шереметьев тоже был, в своем роде, представителем прошлого. Под Нарвой он растерялся, подобно всем; под Полтавой мужественно исполнял свой долг, как и все; в завещании, составленном в 1718 г., он вверяет свою грешную душу царю, и это выражение рисует его целиком. Он прост, скромн и невежествен.

– Какой чин был у тебя раньше? – спрашивает он у унтер-офицера, прибывшего из Германии.

– Каптенармус.

– «Арт», – значит по-немецки бедный? Ты был у себя на родине бедным капитаном, а у нас будешь капитаном, да вдобавок богатым.

Но он был превосходный солдат; всегда первый в огне, сохранявший полное спокойствие под пулями, обожаемый своими подчиненными. На улицах Москвы, заметив какого-нибудь офицера, служившего под его начальством, он обязательно вылезал из кареты, такой же раззолоченной, как у Меншикова, чтобы пожать руку старому товарищу. Искренний, великодушный и гостеприимный – он кормил целое полчище нищих и держал всегда открытый стол на пятьдесят приборов, являя собой одного из последних представителей старых московских бояр, в его симпатичном воплощении.

Александр Данилович Меншиков олицетворял тип совершенно другого характера. Он открывает собою в России целый ряд выскочек – созданий царского каприза. Предание рассказывает, что в молодости Меншиков был мальчишкой-пирожником. Княжеская грамота Меншикова ведет его происхождение от старинного литовского рода. В крайнем случае можно согласовать обе версии. Сын мелкопоместного дворянчика из-под Смоленска мог продавать пирожки на улицах Москвы; ведь торговал же ими кавалер ордена Св. Людовика в Версале во времена Стерна. Во всяком случае, его отец не пошел дальше чина капрала

Преображенского полка, куда он сам поступил сержантом около 1698 года. Может быть в то время он совмещал эту должность с торговлей пирожками. Даже во вновь образованных полках, основанных Петром, долго держался весьма любопытный дух промышленности, благодаря традициям, завещанным стрельцами. Но уже тогда юноша пользовался большой благосклонностью царя, называвшего его уменьшительным именем «Алексашка» и осыпавшего всенародно проявлениями почти страстной нежности. Известна роль, какую некоторые свидетельства, – положим, спорные, – приписывают Меншикову во время взрыва гнева на генерала Шеина, когда Петра надо было заставить опомниться. Происхождение фавора Меншикова относится по другим рассказам к иному вмешательству, благотворному и важному, в судьбе государя. Отправляясь на обед к одному боярину, Петр встретил пирожника, его физиономия ему понравилась, и он взял его с собой. За столом он должен был стоять позади его стула. Только что царь протянул руку, чтобы взять себе какое-то кушанье с блюда, пирожник сделал быстрое движение, сказал что-то на ухо царю и остановил его. За несколько часов перед тем пирожник проник в кухню боярина и успел подметить там приготовленную отраву. Отвергнутое царем блюдо было отдано, по его приказанию, собаке, и на ней доказана несомненность покушения. Боярин и его сообщники были арестованы, а Алексашка таким образом начал свою необыкновенную карьеру.

Он родился в 1673 году и был на год моложе Петра. Высокого роста и хорошо сложенный, с приятным лицом, он отличался от царя и от окружающей его среды большою чистоплотностью и даже особенною, свойственною ему одному, элегантностью. Роль представителя, которая ему впоследствии выпала на долю, зависела в некоторой степени от этой особенности. Между тем он не получил никакого образования. Он и впоследствии не выучился грамоте и был лишь в состоянии подписать свое имя. Если верить Екатерине II, имевшей возможность быть вполне осведомленной на этот счет, Меншиков точно так же, будто бы, не достиг и того, чтобы иметь «ясное представление о чем бы то ни было».

Но, по примеру Петра, хотя далеко уступая ему в этом отношении, он приобрел краткие познания обо всем, в том числе и о великосветских приемах и манерах, во всем подражая монарху и делаясь как бы отражением его. Он сопровождал царя под стенами Азова и жил с ним в одной палатке; он следовал за ним всюду и за границую и брал с ним вместе уроки; он участвовал также в подавлении бунта стрельцов и хвалился, говорят, тем, что собственноручно срубил двадцать непокорных голов. Предоставив самому Петру сбрить себе бороду, он сделался его придворным брадобреем и, избавив всех членов московской ратуши от излишнего украшения, приводил их бритыми к царю, символически изображая таким образом свою будущую деятельность в великом царствовании. С 1700 года он, по-видимому, исполнял при царе обязанности мажордома и занимал в сердце его совсем особое место. Петр называл его в письме «mein Herzenskind (дитя сердца моего), mein bester Firnt (лучший друг мой), или даже mein Bruder (брат мой), – имена, которые он никогда не давал никому другому. Ответы фаворита в таком же фамильярном тоне, и замечательно то, что он не прибавляет к подписи никаких выражений почтительности, тогда как сам Шереметьев подписывается „Наиподданнейший раб твой“.

Однако фаворит имел двух любовниц-сестер Арсеньевых, Дарию и Варвару, фрейлин царевны Наталии любимой сестры государя, которым он писал обеим зараз: они не ревновали его одна к другой. Наконец, он женился на старшей, к которой у Петра, по-видимому были личные отношения загадочного свойства. Женившись на Дарье, Меншиков, по-видимому, повиновался воле своего августейшего друга, которым руководили как бы

загадочные, необычайные угрызения совести.

По общему мнению современников, эта связь между ними не была простой дружбой, и сам Петр выказывал странное равнодушие к подобного рода обвинениям. В 1702 году один капитан Преображенского полка, уличенный в слишком смелых речах на эту скабрёзную тему, был только выслан в отдаленный гарнизон, и подобные факты повторялись несколько раз.

В 1703 году оба друга в один и тот же день получили орден Св. Андрея, «хотя и недостойны этого», как утверждал Петр в письме к Апраксину. После этого начинается вся феерия *Алексашкина* возвышения. В 1706 году он получает титул князя Св. Империи, на следующий год, одержав победу над шведским генералом Мардефельдом (при Калише, 18 октября 1706 г.), он становится владетельным русским князем с титулом Ижорского герцога всей Ингерманландии как наследственного владения; он делается также графом в Дубровне, Горках и Потчепе, наследственным владетелем Ораниенбаума и Батурина, генералиссимусом, членом высшего совета, маршалом империи, председателем военной школы, адмиралом «красного флага». Петербургский генерал-губернатор, подполковник Преображенского полка, подполковник трех отрядов лейб-гвардии, капитан роты бомбардиров, кавалер ордена Св. Андрея, Св. Александра, Слона, Белого и Черного Орла... Этого недостаточно. В 1711 году он пытается выкупить у вдовствующей герцогини Курляндской титул ее и герцогство; через год считает себя близким к достижению этой цели и заставляет уже присягать себе чиновников страны. Принужденный отложить до более благоприятного времени окончательное вступление во владение, которое оскорбляет Польшу, он от него не отказывается и вымещает неудачу на польских панах, вынуждая их уступать ему обширные владения за ничтожную цену. Таким образом он прибавляет к своему блеску огромное богатство. В Украине он покупает у Мазепы весь Почепский уезд и захватывает земли, принадлежащие казацким офицерам. Водруженный его армией столб в какой-либо деревне означает его право на владение ею; в случае сопротивления он прибегает к виселице. Он прибегает и к спекуляциям, которые, будучи основаны на его могуществе почти абсолютном, могли быть только прибыльными. Вместе с Толстым и евреем Шафировым, он создает фабрики, которым дает произвольные привилегии. Его могущество ограничивалось только периодическими раскаяниями монарха, сопровождавшимися репрессивными мерами против совершенных им злоупотреблений; а если бы не это, то диктатура, которой он пользовался, предоставила бы ему более полную свободу действий, чем самому Петру, потому что он не ограничивал ее никакими соображениями высшего порядка. Сверх того, если верить императорскому резиденту Плейеру, он доходил до того, что отменял приказания царя; при нем же грубо обращался с царевичем, хватал его за волосы и кидал об пол; цесаревны били ему челом.

Каковы же были достоинства этого человека и какими мерами он достиг всех этих преимуществ?

С точки зрения военных доблестей, нечего ожидать от него ни познаний, ни даже храбрости. «Ни опыты, ни знания, ни храбрости», говорил о нем Витворт. Но он обладал стойкостью при неудачах, стремительностью во время успеха и большой постоянной энергией. «Он деятельный, предприимчивый», отзывался о нем Кампредон, прибавляя: «но скрытен, склонен ко лжи, за деньги готов на все». Странная смесь серьезного ума и ребячества, проявлявшаяся в действиях и манере держать себя у Петра, проявлялась одинаково и у его alter ego (двойника) в чертах почти таких же ярких. В августе 1708 года

при переходе через Березину и накануне встречи, которой искали шведы и которой Меншиков старался избежать, мы застаем его занятым новой ливреею для немецкого лакея, которую он посылает жене. Можно подумать, что он придавал огромное значение этому занятию. Пока он измерял галуны и чертил полы, Карл XII маневрировал так, чтобы сделать сражение неизбежным. Между тем исход битвы не оказался таким губительным для русского войска, как этого можно было ожидать. Русские выдержали столкновение со стойкостью, которая служила предзнаменованием будущих побед. Фаворит вновь овладел собою. Впоследствии Потемкин будет этой же школы.

В Полтаве целые сутки были потеряны Меншиковым перед преследованием, которое, последуй оно тот же час за поражением шведов, неминуемо отдало бы в руки русских Карла с остатками побежденной армии. Когда ему удалось нагнать Лёвенгаупта на берегу Днепра, король уже успел перейти на другой берег, и фаворит, имея с собой только большой отряд кавалеристов, оказался в довольно затруднительном положении. Только счастливая звезда его и дерзость помогли ему выпутаться из беды: он сделал вид, что вслед за ним идет вся победоносная армия; в рядах побежденных произошло смятение, они поддались обману, и Лёвенгаупт пошел на капитуляцию.

Административные способности Меншикова служили ему главным образом для того, чтобы разбогатеть. Он почти все время нагло, безнаказанно воровал. Правда, в 1714 году чрезмерные его грабежи повлекли за собою расследование дела, которое длилось бесконечно. Но фаворит был изворотлив: он предъявлял старые счета, по которым в свою очередь являлся кредитором казны на суммы, гораздо большие, чем те, которых от него требовали, а когда через четыре года новый донос застал его врасплох, он обратился к Петру приблизительно со следующими разъяснениями:

«Разведчики и доносчики сами не знают, что говорят и что делают. Они запутались в мелочах. Если они хотят называть воровством присвоение тех сумм, которыми я мог располагать по своему усмотрению, они очень ошибаются в количестве. Да, присвоил себе те сто тысяч, о которых говорит Негановский; да и мало ли, что я еще брал себе! Я даже и счесть не в состоянии. После Полтавской битвы я нашел в шведском лагере значительные суммы и выделил себе из них двадцать тысяч червонных с лишним, и ваш управитель, Курбатов, честный человек, в несколько приемов доставил мне другие суммы из вашей кассы, монетами и слитками; в Любеке я велел выдать мне пять тысяч дукатов; в Гамбурге вдвое больше; в Мекленбурге и в Германских владениях, в Швеции двенадцать тысяч талеров, в Данциге двадцать тысяч. Всего не вспомнишь! Я по-своему воспользовался данною мне властью. Я в крупном виде действовал так, как другие в мелочах. Если я был неправ, надо было давно остановить меня»...

Петр был обезоружен. Он чувствовал себя соумышленником. Он еще раз закрыл глаза на все. Но доносы преумножились. Кредит в 21 000 рублей, ассигнованный в 1706 году на ремонт войсковых лошадей, вдруг исчез. Вор был все тот же самый. Дело на этот раз подлежало военному суду; тот осудил виновного на лишение прав и состояния. Петр помиловал его. Следствие продолжалось; оно влекло за собою другие расследования; присоединилось обвинение нарушений прав в Польше, в Померании, в Петербургской губернии. Всюду царский диктатор налагал свою руку; не было ни одной губернии, ни одного административного округа, которое миновало бы его рук. Царю это начинало надоедать. Ненасытная алчность его друга угрожала создать монарху дипломатические недоразумения. Голландский посол обвинял ревельского губернатора Зотова в

вымогательстве у голландских купцов денег, которые он делил с Меншиковым. Расположение монарха к фавориту с каждым годом охлаждалось; отношения их становились мало-помалу отдаленнее. Наконец дошло до того, что Петр однажды так рассердился, что пригрозил неисправимому грабителю вернуть его к прежней должности. В тот же вечер царь увидел его в поварской одежде с лотком на голове, выкликающего: «Пироги горячие»! Царь рассмеялся. У этого мошенника была не одна зацепка. Он имел всегда верную, неизменную поддержку в Екатерине. Она была когда-то его любовницей и не забывала этого. Он пользовался также страстной любовью Петра к сыну от второй жены, маленькому Петру Петровичу, чтобы расположить к себе царя; в отсутствие Петра он часто писал ему, сообщая ему все новости о его «бесценном сокровище», рассказывая, как тот играет в солдаты, изображая его лепет, восхищаясь его проказами.^[13] Но главное, он всегда оставался человеком, на которого можно было положиться во всем, кроме честности, на которого всегда можно было рассчитывать, что он сумеет помочь царю, заменить его, благодаря своей энергии, решимости, предприимчивости, находчивости, которые никогда его не покидали. Посланный в Финляндию с отрядом войска, Апраксин рисковал умереть с голоду. Петр был в отлучке. Совет, созванный на помощь, ничего не решил; купцы отказывались выдавать что бы то ни было в кредит; казна была опустошена. Меншиков сделал распоряжение выломать двери магазинов, забрал все, что ему нужно из провианта, и отослал в Або. Поднялся крик о насилии; сенаторы, заинтересованные в продаже ржи, сделали вид, что хотят арестовать фаворита. Но он выдержал бурю и, по возвращении царя, на этот раз без труда оправдался. Его решительная мера спасла финляндскую армию.

В его пользу говорило и то, что те, которые уличали его, сами не стояли на должной высоте. Один из них, Курбатов, сам должен был сознаться в покраже в 1721 году и присужден был к уплате штрафа.

Таким образом, Меншиков отстаивал себя до конца, все более и более подвергаясь нападениям, но все же держался. В 1723 году Екатерина в двадцатый раз пыталась защитить своего протеже, но Петр резко оборвал ее: «Меншиков на свет явился таким же, каким живет век свой: в беззаконии зачат, в гресех родила мать его и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, то быть ему без головы»! Прежняя привязанность отжила. Даже остроумие Данилыча, которое столько раз, рассмешив царя, вызывало его снисходительность, перестало его выручать. Войдя однажды в дом счастливого выскочки, так любившего пышность, Петр к изумлению своему увидел голые стены, без мебели. Что за разорение?

– Пришлось продать обои и мебель, чтобы выплачивать наложенный на меня штраф.

– Так сейчас же выкупи все, что продал, а не то я увеличу вдвое штраф.

Очарование разрушено. Меншиков лишился председательства в военной школе; у него отняли 15 000 душ, украденных из бывших владений Мазепы. Смерть Петра застала его наполовину разжалованным. Но при вступлении на престол Екатерины ему все было возвращено с лихвою: он сделался еще могущественнее и уже видел дочь вступающую на престол. Но накануне этого высшего торжества все рушилось, и он дожил век в изгнании, с несколькими копейками в день на пропитание.

Эта вторая половина его жизни не входит в намеченную мною программу настоящей работы; может быть, позднее я возвращусь к ней.

Что бы ни возражали и ни утверждали, этот сотрудник Петра не был слишком умен, но эта сила, которую нельзя не признать. Попавши в руки Петра, призванная служить самой

могущественной воле, которая только известна в современной истории до Наполеона, эта сила, брошенная могучим толчком на обширную необработанную степь, какую была в то время Россия, для обработки ее, имела свою ценность. Она побеждала все препятствия, разбивала все преграды; это был могущественный поток, несущий в своем водовороте плодотворные семена, запутанные в тине.

Высокомерный, грубый, корыстолюбивый и жестокий, человек этот не умел любить и не был любим. Когда в 1706 году дом его в Москве загорелся, весь народ радовался. Петр этим не смущался. Он всегда оказывал тайное предпочтение тем слугам, которые помимо его не могли рассчитывать ни на что и ни на кого.

II

Я подхожу к сподвижникам второстепенным. Некоторые из них принадлежали к старинным дворянским родам, но они не самые интересные. Призванный после смерти Лефорта управлять адмиралтейством и польским приказом, министр иностранных дел этой эпохи, Федор Алексеевич Головин, не был ни моряком, ни дипломатом. Он женил своего брата, Алексея, на одной из сестер Меншикова; за него все делал Ягужинский, которого Петр в свою очередь оценивал по достоинству. Головин с важностью носил компас, как отличительный знак занимаемого им положения: в этом вся его заслуга. Генерал адмирал Апраксин, сменивший его в 1706 году, несколько значительнее, но опять-таки обязан большею частью своего превосходства и успехов присутствию в адмиралтействе норвежца Крюйса. Поэтому он завидовал этому, подчиненному ему, сопернику и с постыдной поспешностью воспользовался случаем от него избавиться. Вследствие гибели одного судна, происшедшей благодаря неправильно истолкованному сигналу, военный совет под председательством генерал-адмирала приговорил чужеземца к смертной казни. Нерыцарский поступок со стороны потомка семьи, претензия которой на аристократичность, впрочем, оспаривается некоторыми генеалогами!

Петр заменил смертный приговор вечной ссылкой, из которой Крюйс скоро возвратился, так как с его отъездом в адмиралтействе все пошло вверх дном.

Управление посольским приказом с титулом канцлера перешло после Головина к Гавриилу Ивановичу Головкину, представлявшему собой еще одно декоративное ничтожество. Положив начало системе, которой Екатерина II дала еще большее развитие, Петр часто отделял титул от исполнения возлагаемых им обязанностей, что позволяло ему легче удовлетворять своему вкусу в выборе фаворитов более низкого происхождения. Низводя титулованного министра до фигуральной роли, он находил для действительной службы своей внешней политике Остерманов и Ягужинских. Друг детства государя, позднее самый обычный товарищ его удовольствий и дебошей, и кроме того родственник его со стороны Нарышкиных, Гавриил Иванович имел привычку держаться со своим государем тона наставника, и в одном из официальных писем он пишет ему в таком тоне: «Ваше Величество сооблагодарили приписать мою подагру злоупотреблению удовольствиями Венеры, я считаю своим долгом сообщить Вашему Величеству по этому поводу истину, которая заключается в том, что болезнь происходит скорее от злоупотребления напитками». По честности Головина можно отнести к низшему рангу. Ходили слухи, что он пользовался определенным содержанием от Мазепы. В декабре 1714 года Петр его упрекал при полном

составе сената в казнокрадстве; он вынужден был сознаться, что пошел на это при фуражировке армии сообща с Меншиковым.

Но среди старой аристократии были люди и получше этих, по крайней мере в отношении ума. Толстой, например, оправдывал слова Петра: «Когда имеешь дело с ним, держи камень за пазухой, чтобы успеть вовремя выбить ему зубы». Или некто другой, к которому относятся слова царя: «Не знай я, что это за голова, я бы давно приказал ее снести».

Дипломат в Вене, в Константинополе, полицейский агент, преследовавший несчастного Алексея, Толстой пользовался услугами часто постыдными, но всегда выдвигавшими на вид его замечательные способности, и добивался отличия – голубой ленты, места в Сенате и обширных владений. Его значение пало только после смерти Петра. В 1722 году, вовлеченный в конфликт с Меншиковым, он познакомился с горестями ссылки и с негостеприимными берегами Белого моря.

В начале семнадцатого века из рядов аристократии выделяется Борис Иванович Куракин, являющийся первым и в то же время самым привлекательным воплощением русского дипломата, не лишённого и хитрости, как все восточные люди. Обладая гибким умом славянина, влюбленный в литературу, как завсегда отеля Рамбуйе и страстный любитель изящного искусства, как истинный версалец, он, войдя в царскую семью, благодаря браку с Ксенией Лопухиной, сестрою первой жены Петра, умел, пока было можно, извлекать выгоду из этого родства и заставить забыть о нем впоследствии. Являясь представителем России сперва в Лондоне при королеве Анне, потом в Ганновере при будущей королеве Англии, и наконец в Париже при регентстве и в первые годы царствования Людовика XV, очень еще молодой и неопытный, он подчас чувствовал себя в весьма затруднительном положении как дипломат, но всегда умел извернуться и поддержать свой престиж и честь своей страны. Умение держать себя с достоинством и неиссякаемым благодушием искупало все его неловкости.

Я должен быть умерен в своем перечислении. Самой интересной личностью этой группы является Василий Никитич Татищев, первый из целого ряда подобных ему деятелей. Род его ведется от Рюрика князьями Смоленскими. Лучший ученик Петра, по окончании школы, которою заведовал в Москве один француз, он вступил, вместе с Неплюевым, в группу молодых людей, посланных Петром за границу для окончания образования. Некоторые из числа этих молодых людей, в том числе и сам Неплюев, были уже женаты. Через Ревель, Копенгаген, Гамбург, они достигли Амстердама и нашли там целую группу русских студентов. Двадцать семь из них были отправлены в Венецию, где должны были вступить на службу республиканского флота. Неплюев принял таким образом участие в экспедиции на остров Корфу. По всем берегам Средиземного моря и даже Атлантического океана можно было встретить эту учащуюся московскую молодежь. Специальные агенты, Беклемишев на юге Франции, князь Иван Львов – в Голландии, и один из Зотовых – во Франции – должны были направлять работы молодежи, руководить ее путешествиями и наблюдать за нею.

Когда они вернулись на родину, Петр ожидал их в своем кабинете, и в шесть часов утра, со свечою в руках (так как зимою солнце еще не восходит в этот час), он проверял по карте их познания в географии, делая им строгий выговор, если испытание не было в их пользу и, указывая на свои мозолистые руки, «которые захотел сделать такими в пример всем прочим».

Неплюев подготовился таким образом к служению своей стране то в качестве дипломата в Турции, то как правитель Малороссии, то как горный чиновник на Урале. Татищев превосходил Неплюева разнообразием способностей, умением быстро осваиваться со всяким делом и неутомимой деятельностью. Бывши всегда примерным учеником, он как будто всю свою жизнь отвечал хорошо заученный урок. Вечно в движении, по примеру своего учителя, он брался за все: военное искусство, дипломатия, финансы, администрация, наука – сменяют друг друга; он был горяч в работе и проникнут чувством ответственности в ней; постоянно что-нибудь делал и привлекал к делу других; не заботясь о прошлом, создавал будущее, так же, как и Петр. Татищев ко всему проявлял интерес, но поверхностный и мелочный. Еще связанный с Востоком крепкими узами, он уже смело направлял взгляд и ум в противоположную сторону.

В 1704 году он присутствовал при взятии Нарвы, также сопровождал Петра по роковой дороге, которая привела к берегам Прута, и пускался в археологические изыскания и раскопки, чтобы найти могилу Игоря, этого легендарного сына Рюрика. Затем, снова отправившись за границу, он провел несколько лет в Берлине, Бреславле и Дрездене, отдаваясь новым изучениям, занятый составлением библиотеки. Немного позже мы находим его занимающим пост дипломата на конгрессе на Аландских островах. Потом мы видим его картографом, занятым обширным делом составления общего атласа России. А несколько времени спустя, отправляясь в Персидскую кампанию, Петр получил книгу-путеводитель «Хроника Мурома», написанную «деятелем».

Татищев является историком. Но этого еще недостаточно. В нем нуждались на Урале, где изыскание залежей меди не приводило к желательным результатам. Он отправился туда, констатировал вопиющие ошибки местного управления, донес об угнетении местного населения агентами центрального управления, основал город Екатеринбург, которому суждено было в будущем играть такую видную роль в развитии горной промышленности; положил начало народным школам и успел изучить французский язык с помощью грамматики, которую он себе достал во время пребывания на Аландских островах. После смерти Петра он, еще молодой, продолжал свою разнообразную деятельность и, умирая, оставил большую литературную работу, которую издал Мюллер: три тома «Истории России», дополненные впоследствии, благодаря трудам Погодина, и энциклопедический словарь, доведенный до буквы Л, – работу, возбуждавшую сильные нападки со стороны историков восемнадцатого века со Шлецером во главе, но вполне реабилитированную впоследствии. Татищев не избег общей участи, познакомившись с дубинкой своего монарха в 1722 году, благодаря жалобе на хищения, поданной Никитой Демидовым. Он умер в изгнании, как и другие, но выносил свою участь более стойко. В семьдесят лет, чувствуя приближение конца, он сел на коня, отправился в приходскую церковь и слушал обедню. Потом проехал на кладбище, указал место для своей могилы и заказал священнику на завтра заупокойную обедню. Он испустил последний вздох в час, который предвидел, во время соборования. Слава и особенная удача Петра, что он среди своих приближенных встретил человека подобного достоинства и нравственной силы, рядом с Зотовым и Надежинским, этим исповедником, которому царь целовал руку выходя от обедни, а минуту спустя давал щелчки и заставлял состязаться в пьянстве с секретарем в сутане, состоявшем при Дюбуа, известным пьяницей. Через час аббат валялся под столом, а Петр бросался на шею победителю, поздравлял его со спасением чести России. Этот Надежинский оставил после себя большое состояние; но чтобы положить основание богатству России, у Петра, к

счастью, нашлись другие помощники.

III

По своему характеру и происхождению Татищев занимал особое место среди современных ему «деятелей» великого царствования. Ягужинский же, сын учителя школы органистов на службе у лютеранского общества в Москве, начал свою карьеру с роли чистильщика сапог, причем иногда присоединял к этому занятию другие, по поводу которых чувство «приличия», как говорит Вебер, «запрещает ему распространяться». Одному из его покровителей, Головину, пришлось в голову приблизить его к Петру, чтобы уменьшить силу Меншикова. Новый пришлец имел одно превосходство над этим фаворитом: такой же грабитель, как и тот, он не делал тайны из своих хищений и знал более меру. Когда царь заговорил при нем о том, чтобы повесить всех казнокрадов, он ответил знаменитой фразой: «Стало быть, ваше величество хочет остаться без подданных!» Верный по-своему, он не изменял делу, ради которого его выдвинул вперед его покровитель: он упорно боролся с Меншиковым и не боялся вступить в открытую борьбу с самой Екатериной, как покровительницей этого фаворита. Его храбрость превосходила его таланты, которые по-видимому были незначительны, и только благодаря ей он достиг поста генерал-прокурора, на котором выказал столько же энергии и строгости к слабостям других, как снисходительности к собственным порокам. Но фаворит, под всемогущество которого Ягужинский подкапывался, со временем отмстил ему. Когда Петр умер, Ягужинский пьяный – потому что он предавался всяким порокам – лежал на заколоченном гробу, раздирая ногтями покров и призывая мстительную тень великого мертвеца.

Как и Ягужинский, Петр Павлович Шафиров происхождения польско-литовского, но род его восходит к более отдаленному времени, и он имеет более сложную родословную. Живший в Орше, Смоленской губернии, его дедушка назывался Шафир и имел прозвище Шайки или Шаюшки, очень употребительное еще и теперь среди его соплеменников. Шафир был фактором, – лицом необходимым для большинства помещиков в их обычной деятельности. Он носил длинный грязный кожан, указывавший на его происхождение. Петр Павлович его уже не носил, но сохранил все отличительные черты своего племени. Царь нашел Шафирова в лавке одного мелкого торговца и дал его в помощники Головину для корреспонденции на польском и других языках, так как молодой человек владел несколькими языками. Когда, после полтавской битвы, Головин стал канцлером, то и помощник его пошел в гору, и бывший торговец суконным товаром стал подканцлером. На самом деле он управлял всеми делами и вел их блестящим образом. Талант его особенно сказался во время неудач при Пруте. Тут он делал чудеса и приложил все старания спасти отечество и царя. Заняв видное положение, он, разумеется, разбогател, стал бароном и выдал пятерых дочерей своих замуж за самых высокопоставленных людей того времени: за Долгорукова, Головина, Гагарина, Новинского и Салтыкова. Но внезапно ветер подул в другую сторону, и все разрушилось. Меншиков, у которого Шафиров из-под носа вырвал большой казенный куш, и Головин, которого он слишком явно желал заместить, а также другой выскочка, Остерман, которому хотелось попасть на его место, воспользовались долгой отлучкой Петра, чтобы его погубить.

Пятнадцатого февраля 1723 года мы видим его на эшафоте, с головой уже лежащей на

плахе, и «помощники палача уже тащили его за ноги, так что он касался своим толстым животом земли», как явился секретарь Петра с вестью, что Шафиров помилован, и казнь заменена вечной ссылкой. Он был привезен в Сенат для утверждения грамоты и, по рассказам очевидцев, «еще дрожащим голосом от только что перенесенного ужаса и померкшим взором» отвечал на поздравления членов собрания, только что приговоривших его к смерти. Ему удалось уладить дело так, что вместо Сибири, он попал в Новгород, и там, живя под строгим караулом, терпеливо дожидался смерти Петра, чтобы снова стать свободным, приняться за прежние дела и вернуть конфискованное имущество с помощью новых хищений. Одна из его теток, сестра отца, вышла замуж за крещеного еврея, и из этой семьи вышли также очень видные дипломатические деятели, Веселовские.

Особую категорию деятелей, окружавших реформатора, составляли «прибыльщики», специальные агенты фиска, изобретатели новых ресурсов для пополнения государственной казны. Курбатов самый видный их представитель. Еще новый не только для России, но даже для Европы, подобный тип уже вполне подходит к типу современного финансиста; он не упускает из глаз выгоды, но вместе с тем радеет о справедливом распределении налогов. Самому Петру не всегда было под силу тягаться с этим представителем научной политической экономии, и в один прекрасный день он предоставил его жестокости мстительного, кровожадного инквизитора Ромодановского. Конечно, никто не без греха, и сосланному в Архангельскую губернию Курбатову случалось на невидном посту вице-губернатора подчас оправдывать свою опалу; но все же он является жертвой этой борьбы двух различных миров, двух понятий о государстве, двух совестей общественной жизни, в которых не всегда под силу было разобраться даже великому царю.

В еще более резком и драматичном виде обрисовывается эта борьба в судьбе несчастного Иосифа Алексеевича Соловьева, сына архангельского купца. Петр назначил его сперва директором таможни, а потом своим коммерческим агентом и банкиром в Голландии. Денежные операции Соловьева быстро расширились и развились, но он подвергся преследованию вместе с одним из братьев своих, занимавшим скромное место в доме Меншикова, и был выдан русскому правительству. В тайной канцелярии он был допрошен и подвергнут пыткам, однако оправдан; но во время пытки ему раздробили кости на ногах и на руках; миллионный же капитал его куда-то исчез.

Соловьев вышел из крестьян. Забавно и вместе с тем печально описывает Посошков, сам вышедший из той же среды, общие условия жизни людей низшего сословия и отношение к ним сильных временщиков. Вот как он рассказывает о своих расправах с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, у которого в 1719 году просил разрешения на постройку винокуренного завода. В этот момент этот русский Монтескье уже пользовался определенным положением в обществе, довольно обеспеченным имуществом, имел некоторые влиятельные связи и вместе с Курбатовым пускался в различные промышленные предприятия. Ответ на прошение Курбатова получился самый невероятный: без всяких объяснений его схватили и швырнули в тюрьму. Он плакался на свою судьбу, охал, горевал, но ничего не мог поделать. Через неделю он решил напомнить о себе рассеянному боярину: «За что я заточен в темницу?» – Князь Голицын спросил: «Как, черт возьми, попал этот человек в тюрьму»? Ему не знали, что ответить, и князь подписал приказ о его немедленном освобождении. При таких расправах без суда, при высокомерном презрении к правам личности, в старой Руси уже начал зарождаться, – как я уже показал выше, – и развиваться иной дух: тенденция к преобразованию. И сам Посошков не избег такого духовного

раздвоения: он ярый приверженец петровских реформ и, вместе с тем, насильственных мер, применявшихся преобразователем для успешного проведения этих реформ. Теоретик экономической школы, которой «прибыльщики», с Курбатовым во главе, являются практическими применителями, он служит своим идеям с непримиримостью, стремительностью, крайностью, отличающими всех сектантов. На его долю выпала обычная участь подобных ему людей.

Родная почва, покрытая терниями, находится под паром и требует, по его мнению, корчевки и огня, за что он и принимается, но и сам мимоходом, попадает в эту же неумолимую обработку. Но почему же не удастся ему, хотя бы на время, приблизиться к Петру, раз он идет по одному с ним пути с начала до конца своей карьеры, и обязан этим направлением единственно только усилию своей мысли, почерпнутой, как видно, из тех же источников вдохновений? Но тут у него особая судьба: он держит лавочку идей, а Петр решил покупать этот товар не у него. В других же случаях общая тенденция царствования – равенство, и великий реформатор не побрезгал бы сделать себе из мужика сотрудника и даже товарища.

Счастливая судьба современника Посошкова, Демидова, служит тому доказательством.

Известно легендарное начало этой удачи, – анекдот о попорченном пистолете системы знаменитого в то время Кюхенрейтера, попавшем в руки тульского рабочего, который берется его исправить, и диалог царя с оружейником:

Царь: «Вот бы нам научиться делать такие оружия!»

Оружейник: «Эка штука! Это не трудно».

Царь ударил рабочего по щеке и выругал:

«Сперва сделай дело, а потом уж и хвастай!»

Оружейник спокойно отвечал:

«Да ты, мой батюшка, сперва рассмотри хорошенько; ведь пистолет-то моей работы; и вот тебе такой же другой!»

Оружейник этот был крестьянин Тульской губернии, Александровского уезда, деревни Паршино, сын кузнеца, Никита Антуфеев. Отец его жил в городе с 1650 года. Никите было уже под сорок лет, когда он впервые встретился с царем в 1694 году. Говорят, что с тех пор возникло баснословное богатство Демидовых и к тому времени относится начало современного развития горной промышленности в России. Никита был женат, и Петр, извинившись, как говорят, напросился к нему на обед. Обед прошел весело, и пожалованье земли под Тулой для обработки железной руды было платой за это угощение. Это было только началом. Со временем уральские рудники открылись для деятельности и предприимчивого ума Никиты и его сына Акинфа. В 1707 году Никита получил личное дворянство с фамилией Демидова. Потом в 1720 году он получил потомственное дворянство; но он не снял своей крестьянской одежды и, относясь к нему с большим уважением, Петр продолжал называть его фамильярным крестьянским прозвищем «Демидыч».

Демидов не только прославился как бесподобный промышленник и пивовар, но и как основатель двадцати оружейных заводов: в Чуралинске, Верхне-Тагильске, Нижне-Тагильске. Веселый, шутливый характер, природный юмор и сатирический ум сделали его соперником Лефорта. Он умер в Туле в 1725 г. шестидесяти двух лет и оставил огромное состояние и еще более необычайную в то время вещь: репутацию неподкупной честности. Русская промышленность может хвалиться таким предком более, чем флот Головиным,

которого Петру вздумалось поставить во главе первого русского флота.

Памятно имя еще одного простого крестьянина, – имя одного из самых крупных лиц русской истории того времени, оспариваемое наукою у литературы – имя Ломоносова. Выразившись о Ломоносове, что, будучи механиком, химиком, минералогом, риториком, художником и поэтом, он был *«первым русским университетом»*, Пушкин не сказал еще всего.

Родившись в 1711 году, Ломоносова по деятельному периоду своей жизни не принадлежит ко времени великого царствования, но он все-таки к нему причастен – он его прямое наследие и прекрасный плод; он олицетворяет в себе цивилизаторскую гениальность этого царствования, вместе со свойственными ему пробелами и противоречиями.

Ломоносов никогда не забывал о своем происхождении; наоборот, он гордился им, но это не препятствовало ему восхвалять все реформы великого царя, вплоть до закона о крепостничестве, жестокость которого Петр усилил; это не помешало ему, крестьянину, просить себе вотчину с двумястами душ крестьян в вечное владение для работы на основанном им заводе. Сын народа, он вспоминает о народных песнях, обычаях и преданиях как о чем-то отдаленном, интересном исключительно с исторической точки зрения. Одна из наиболее глубоких, выразительных форм русской поэзии – русские былины, остатки которых еще и теперь можно услышать в северных губерниях, совершенно не коснулась этого поэта. Он весь устремился к западной литературе, со свойственными ей скоро устаревшими формами. Он увлекался одами, панегириками, историческими поэмами, трагедиями, дидактическими посвящениями. Как литератор и человек науки, Ломоносов был близок к тому, чтобы рассматривать свою двойную деятельность как царскую службу, как обязанность чиновника; как нечто вроде рекрутского набора и всеобщего привлечения к службе в области умственной и личной. Эта система, введенная Петром, сказалась и на Ломоносове.

Несмотря на это, Ломоносов сыграл важную роль в деле общего быстрого преобразования, которое создало современную Россию. Он дал мощный, решительный толчок колоссальному движению, которое спаяло вновь звенья разбитой в тринадцатом веке цепи и поставило таким образом Россию на один уровень с другими цивилизованными странами.

Иностранцы сподвижники Петра большею частью были подчиненные, по крайней мере формально. Они часто исполняли все дело, но сами оставались на втором плане. Петр не способен был на ошибку, подобную той, за которую императрица Анна понесла впоследствии такую тяжелую ответственность, отдав свою страну всецело в распоряжение Бирона. В царствование Петра швед Огилви бесславно чертил план кампании, которая в конце концов сокрушила могущество Карла XII; победу одержал Шереметьев. Немцы, голландцы и шведы сживались с местной средой и русели необыкновенно быстро.

Эта в высшей степени подвижная и все впитывающая в себя почва быстро поглощала все, что они приносили оригинального с собой из своей родины.

Рожденный в России сын голландского эмигранта, Андрей Виниус отличался от окружающих его москвичей только высоким образованием; он был православным и говорил на местном языке. Виниус даже усвоил правила своей новой родины. Он умел лучше Меншикова отливать пушки и делать порох, но по уменью набивать карманы стоял наравне с Меншиковым. И другие его соперники в этом шумном нашествии иноземных авантюристов, которым Петр радушно открыл двери, принадлежали большею частью к той же школе. У них профессиональные недостатки. Семена лихоимства и унижения, брошенные татарским игмом в национальную совесть, еще сильнее развились под влиянием этих авантюристов.

Швед Яков Брюс, которого при дворе считали химиком, астрологом и инженером, а в народе колдуном, ничего не имел общего ни с Ньютоном, ни с Лавуазье, но скорее смахивал на простого плута. Бесчисленные процессы по поводу злоупотреблений властью, казнокрадства, мошенничества при поставках в свое ведомство – он был начальник артиллерии – предавали его не раз царскому правосудию. Царь всегда прощал его в конце концов. Знания этого мошенника, хотя были знаниями самоучки и дилетанта, имели однако в глазах царя неотразимую притягательность и по отношению к данной среде представляли собой определенную ценность. Сложилось предание о свете, который горел всю ночь в окнах его лаборатории на Сухаревой башне. Астрономические открытия, которые Брюс делал, касались главным образом астрологии, и его знаменитый календарь, напечатанный в 1711 году, напоминает волшебные сказки. Брюс организовал морские артиллерийские и инженерные школы и был их начальником; он был председателем комиссии мануфактурной и горнопромышленной; был вдохновителем научной корреспонденции, которую Петр поддерживал из тщеславия с Лейбницем, а в Ништадтском договоре проявил себя очень изворотливым дипломатом.

Таковы почти все эти иностранцы, годные ко всему, делающие немало полезного, но главным образом блещущие хитростью и энергией.

В Ништадте Брюс, получивший за свои успехи титул графа и чин маршала, имел товарищем Остермана, вестфальца, которому два года пребывания в Йенском университете доставили репутацию ученого. Кампредон в 1725 г. определяет следующим образом уровень его способностей и достоинств: «Знает немецкий, итальянский и французский языки и этим делает себя необходимым; кроме того необыкновенно ловок в каверзах, хитростях и притворстве». Ему и не надо было большего, чтобы наследовать Шафирову и в 1723 году сделаться вице-канцлером в стране, которой канцлером был Головкин. Однако Кампредон забывает о замечательной работоспособности, которую можно поставить в заслугу этому корыстолюбцу. Чтобы польстить инстинкту недоверчивости своего властелина, Остерман

сам шифровал и расшифровывал телеграммы, проводя за этой работой дни и ночи не отрываясь и не снимая своего легендарного красного бархатного халата, в котором он 15 января 1844 гордо взошел на эшафот, подобно своему предшественнику, и подобно ему, помилованный, провел свои последние дни в изгнании.

Рядом с польским евреем Шафировым мы видим забавного плута, португальского еврея Девьера. Петр подобрал Девьера в Голландии, где встретил его в 1697 году на борту торгового судна. В 1705 году он уже гвардейский офицер; в 1709 г. генерал. В 1711 году, думая выгодно жениться, он остановил свой выбор на одной из сестер Меншикова, старой и некрасивой. Но его предложение приняли за насмешку; Меншиков ответил, отдав своим слугам приказание высечь оскорбителя. Неизвестно, как Девьер спасся. Конечно он сильно пострадал, но остался жив и отправился с жалобой к царю, который восстановил справедливость. Три дня спустя Девьер повел к алтарю избранную им невесту. Его природное коварство, подострастие, шутовство и изворотливость все же не защитили его от новых немилостей.

У него как бы предназначенная для того судьбой кожа. В 1718 году мы встречаем его первым заведующим почтою, только что созданной в Петербурге, а также начальником над всей полицией. В качестве такового он сопровождал Петра в одной из его инспектирующих поездок по улицам столицы. Один из мостов, которыми Петр избородил город для переправы многочисленных пушек, оказался испорченным, и экипаж царя остановился. Царь, выйдя из экипажа, послал за материалом для исправления порчи, и сам принялся за дело, потом, окончив работу, ни слова не говоря, бросил свои инструменты, взял дубинку и нещадно отколотил своего начальника полиции. Окончив, он снова сел в экипаж и, пригласив Девьера сесть с собой: «Садись, брат», спокойно возвратился к прерванному приключением разговору. Еще другие удары ожидали эту изборожденную спину. В 1727 году, после смерти Петра, Меншиков начертил на ней кровавыми штрихами свою месть вынужденному шуину. Под указом о ссылке начальника полиции он сделал приписку: «Бить кнутом».

Бросается в глаза однообразный конец блестящей судьбы всех этих деятелей: конечное падение их неизбежно; как будто над мелкой злобой и личной мстительностью замечается еще какой-то исторический закон возмездия. Все похожие друг на друга, не знающие ни веры, ни совести, без других правил, кроме своего честолюбия и личной выгоды, все эти люди, какого бы происхождения они ни были и по какой бы дороге не шли, доходят до гибели.

Они приходили отовсюду. Уроженец Ольденбурга, Миних, начинающий свою блестящую карьеру с того, что проводит Ладожский канал, стоит в этой толпе авантюристов наряду с дворянином из нижней Бретани, Франциском Вильгельмом де Вильбуа, начавшим свою карьеру контрабандистом во Франции. Мемуары этого последнего, наполненные заведомой ложью, представляют собой очень сомнительный источник как для истории Петра, так и для собственной биографии автора. Спасши – по его словам – от крушения корабль, везший царя из Голландии в Англию, побудивши таким образом московского властелина, который любил необыкновенных людей, пригласить его к себе на службу, Вильбуа из низшего офицера, каким он был раньше, сделался адъютантом и капитаном. Я не возьму на себя труда повторять за ним, с теми же подробностями, приключение, которое два года спустя повлекло за собой его ссылку. Будучи послан в холодное время из Стрельны в Кронштадт с письмом Петра к жене, он выпил по дороге много водки, чтобы согреться.

Очутившись в спальне императрицы и увидав раскрытую постель, а на ней полунагую красивую, как ему показалось, женщину, он под влиянием резкой перемены температуры, которая подействовала на его голову, потерял самообладание и способность рассуждать. Я не буду описывать, каковы были последствия этого опьянения, несмотря на крики императрицы и присутствие в соседней комнате фрейлины. Рассказывают, будто бы Екатерина при этом пострадала, не только от насилия, но еще и от эксцесса, который тут будто бы имел место, благодаря физиологическим особенностям Вильбуа, общим у этого контрабандиста с одним галантным королем, нашим современником. Что касается Петра, то, несмотря на то, что потребовалась помощь хирурга для исправления повреждений, он взглянул на катастрофу достаточно философски: «Это животное действовало бессознательно, значит оно невинно, но для примера, пусть его закуют в кандалы на два года». «Кандалы» единственное, что мы можем считать достоверным во всем этом рассказе. Но кажется Вильбуа носил эти цепи не более шести месяцев. Помилованный к этому времени, он женился, заботами царя, на девице Глюк, дочери бывшего пастора в Мариенбурге, и оказался таким образом связанным близкими узами с царем и царицей. В царствование Елизаветы мы видим его контр-адмиралом и комендантом Кронштадтского порта. Два других француза из хорошей семьи, Андрей и Андриан де Бриньи, фигурировали в армии царя рядом с этим искателем приключений; но настолько же храбрые, насколько лишенные способности к интригам, необходимым для того чтобы выдвинуться, они прозябали на низших ступенях. Очень требовательные, мало приспособляющиеся, лишенные изворотливости англичане составляли незначительное меньшинство в этой разношерстной толпе иностранцев, которых Петр, по своему усмотрению, избирал, чтобы привить своему народу западную культуру. Знаменитый Перри, приглашенный в качестве инженера, скоро разочаровался и только несколько лет стоял наряду с товарищем по несчастью, Фергуарсоном. Этот последний был приглашен для наблюдений за математической школой, и ему не удалось получить ни копейки за свою службу.

Родившись в 1696 г., Ибрагим, увезенный из своей страны шести лет и привезенный в Константинополь, где в 1705 году царский посланник граф Толстой, купил этого уроженца африканского побережья, которого ждало такое деятельное существование, он на всю свою жизнь сохранил в памяти грустную картину: его горячо любимая сестра Лачану бросилась в море и долго-долго следовала вплавь за кораблем, его увозившим. На берегу Босфора он получил прозвище Ибрагима; в 1707 году во время пребывания царя в Вильне его крестили, Петр был его крестным отцом, а королева польская – крестною матерью, и с тех пор его стали звать Абрам Петрович Ганибал.

Негритенок начал свою службу с должности пажа государя и во время этой должности близко познакомился с дубинкой, но приобрел любовь государя, как милым характером своим, так и своим умом. В 1716 году Петр решил послать его в Париж для пополнения образования. Ганибал много работал раньше и, принятый тотчас же на службу в французской армии, обратил на себя внимание.

Во время кампании 1710 года он получил чин поручика и рану в голову, и уже был окружен некоторой славой; в салонах он был желанным гостем и, по-видимому, одерживал там победы. Но его серьезные вкусы удаляли его от легкомысленной жизни; он поступил в инженерную школу и вышел из нее в 1720 году со званием капитана. После того он вернулся в Россию и занял здесь место капитана в бомбардирском полку, которого Петр был шефом. Ганибал женился. Жена его, дочь греческого негоцианта, очень красивая собою, произвела

на свет белокурую дочь. Он заставил жену постричься в монахини, но дал отличное воспитание маленькой Поликсене, выдал ее замуж, назначил ей приданое, но никогда не желал ее видеть.

Ганибал был ревнив, вспыльчив, прям, честен и скуп. По смерти Петра он поссорился с Меншиковым и попал, как все, в ссылку, в Сибирь, откуда вернулся в царствование Елизаветы. Впоследствии он был главнокомандующим и умер в 1781 году, девяноста трех лет.

V

В сущности все эти приближенные иностранцы не что иное, как только полезности и фигуранты; ни одного действительно великого имени и ни одной великой личности не выделилось из них. Личность главного актера и его роль, может быть, занимала слишком много места на сцене для того, чтобы было по-иному. Подтверждение этого мнения я вижу в отношении самодержца к единственно равному ему по величине человеку, с которым ему случилось сойтись среди современного ему европейского мира. Я уже имел случай упомянуть о первых попытках Лейбница сблизиться с самодержцем и надежды, которые на это возлагало воображение ученого энтузиаста. Эта связь, когда ему удалось ее установить, не послужила на пользу ни тому, ни другому: оба кажутся, благодаря ей, умаленными. С того дня, как Петр, проездом через Германию, показал себя Европе, Лейбниц, по-видимому, подпал власти настоящей мании. Он только и говорил о России и о ее царе, волновался и строил бесконечные планы, один другого несбыточнее, стремившиеся все к одной цели: обратить внимание монарха на себя, возбудить желание познакомиться и добиться признания своих достоинств. Этой горячки есть естественное объяснение. Известно, что великий ученый считал себя славянского происхождения, общего с древним именитым родом польской фамилии графов Любенецких. В автобиографической заметке встречаются следующие строки: «*Leibnitorum sive Lubeneziorum, nomen slavonicum, familia in Polonia*». Не поладив с городом Лейпцигом, Лейбниц напечатал по его адресу протест: «Пусть Германия не слишком гордится мною: моя гениальность не исключительно немецкого происхождения; в стране схоластиков во мне проснулся гений славянской расы». По его словам, он, обращаясь в 1711 г. к Петру в Торгау, ссылался на эти узы отдаленного племенного родства со стороны отца: «У нас общее происхождение, Ваше Величество», говорил он будто бы царю: «оба мы славяне, мы оба принадлежим к той расе, судьбы которой никто еще не может предугадать, и оба мы инициаторы поколений будущего века».

К сожалению, разговор этот оборвался, и отношения, таким образом начавшиеся, приняли совершенно иной оборот, гораздо менее возвышенный. В 1697 году, обдумывая план путешествия с научной целью на север, Лейбниц еще стоял на должной высоте; он спустился с нее в 1711 году, поглощенный в то время главным образом старанием получить назначение царского представителя при ганноверском дворе. Склонность к занятиям дипломатическим была, как известно, его слабостью, и она усиливалась с годами. И вот он принялся за хлопоты и интриги: надоедал русскому министру барону Урбиху в Вене, осаждал герцога Антона Ульриха Вольфенбютельского, внука которого только что была просватана за царевича Алексея. Этими хлопотами он добился только обещания чина и пенсии. Так как осуществление этого обещания заставляло себя ждать, то он возобновил

попытки, и в 1712 году в Карлсбаде предложил одновременно устроить по одному делу соглашение между Россией и Австрией и изготовить в пользу русского царя магнетический всемирный глобус и инструмент для проектирования укреплений. На этот раз он добился чина тайного советника и подарка в пятьсот червонных и довольствовался этим до 1714 года, когда вакантный дипломатический пост в Вене снова взволновал его. В 1716 году мы видим его на Пирмонтских водах, где он поднес московскому монарху тетрадь мемуаров полунаучных, полуполитических одной рукой, а другой – лубочную повязку на руку царя, страдавшего припадками местного паралича. Он напомнил монарху о пенсии, назначенной ему, но не выплачиваемой, хотя «слух о ней распространился по всей Европе», и, преумножая выражения восхищения и преданности, сделался невыносимо навязчив и невероятно жалок. Петр, между тем, почти всегда оставался равнодушным к сиянию этого обширного ума, и, по-видимому, никак не мог найти с ним точки соприкосновения. Спустя несколько месяцев Лейбниц умер.

Предание приписывает ему большое влияние в деле устроения и направления школ в России. Письмо, содержание которого действительно послужило основанием этой организации, долго приписывалось его перу. Но оригинал, сохранившийся в московском архиве, написан не его почерком, и это доказывает всю неосновательность такого предположения. В других подлинных письмах его об этом не упоминается. Он также не автор еще трех документов по этому вопросу. Что бы ни говорили, он точно также был непричастен к основанию Академии наук в Петербурге. Для организации и руководства этим учреждением Петр наметил другого немца – Христиана Вольфа, но натолкнулся на отказ. Этот соперник Лейбница нашел петербургский климат слишком холодным, а обязанности директора Академии недостаточно хорошо оплачиваемыми. К тому же, он высказывался за замену академии университетом. «В Берлине есть своя Академия наук», говорил он, «но ученых мало». Отказываясь сам, он удовольствовался тем, что порекомендовал царю некоторых из своих друзей: Бернулли, Бюльфингера, Мартини, – ряд избранных, если не выдающихся, то по крайней мере трудолюбивых работников, которыми Россия с большою пользою для себя окружила колыбель русской науки.

Докладная записка Фика (темной личности, бывшего секретаря одного немецкого князя) послужила основанием плана, окончательно принятого Петром для Академии. Проекты Лейбница были для него слишком сложны, превышали горизонт его развития и вероятно были тогда неосуществимы применительно к данному времени и данной среде. На самом деле Петр не одобрил ни одного из слишком широких планов великого ученого. Поглощенный до 1716 года заботой о своей борьбе со Швецией, он рассеянно слушал все предложения Лейбница. Ему достаточно было подобия умственного общения и ученой переписки с Брюсом. Может быть также не понравилось царю и восстановило против себя в этом соотруднике то, что Петр заметил двусмысленность и недостаток благородства в нем. Лъстец и проситель затмили в глазах царя человека гениального.

Однако великий сеятель идей, каким был все-таки Лейбниц, не мог пройти бесследно по борозде, проложенной плугом великого преобразователя; семена, обильно бросаемые его щедрою рукою, казались унесенными ветром и затерявшимися в пространстве; но они взошли со временем на подходящей почве. В трудах для изучения славянских языков, выполненных гораздо позднее, под покровительством русского правительства, мы узнаем плодотворные следы этого посева. В своих изысканиях законов магнетизма на земле, произведенных по всей России и даже до центральной Азии, Александр Гумбольдт

ссылается также на этого знаменитого предшественника. Дело гениального размаха людей подобных Лейбницу или Петру Великому не измеряется пределами их земной жизни.

Глава 2 Женщины

I

Король. – Я слышал, брат мой, что у вас тоже есть любовница?

Царь. – Брат мой, мои любовницы обходятся мне недорого, а на вашу вы тратите тысячи талеров, которые могли бы употребить с большею пользою.

Сцена эта происходила в 1716 году в Копенгагена, куда Петр приехал навестить своего доброго союзника, датского короля. Разговор сообщен нам в важном дипломатическом документе. На первый взгляд, он, по-видимому, даст верное представление о том, какое место занимал вечный женский вопрос в жизни великого преобразователя. Петр был слишком занят, слишком груб, чтобы заслуживать название любовника или даже просто быть хорошим семьянином. Он ценил на деньги женские ласки, и ценил их очень дешево: *по одной копейке за три объятия*, которые петербургские красавицы расточали его солдатам. Будущей императрице Екатерине он дал один дукат за первое свидание. Нельзя сказать, чтобы он совсем не был способен ценить *в обществе прекрасного пола* обаяние женщины. Надо помнить, что *женское общество* в России – его создание. Присутствие женщин более всего привлекало его в собрания Слободы. Когда в 1693 году на пиршестве у Лефорта две из приглашенных красавиц задумали незаметно скрыться, Петр приказал солдатам вернуть их силою. В 1701 году, когда заботы о нарождающемся русском флоте задержали его в Воронеже, большое общество дам съехало к нему на Пасху, и он принял их самым любезным образом. Некоторые из них захворали, и он из любезности отсрочил возвращение в Москву. Если бы, впрочем, эти факты имели историческое значение только как воспоминание о подобных любезностях Петра, я бы, не колеблясь, выкинул их, из уважения к женщине и к истории. Но тут есть нечто другое. В такой личности, какою был Петр, с таким сложным характером, каждая, самая незначительная черта его становится источником изумительных открытий. Внешний вид этих фактов хотя и доказывает обходительность Петра, но вместе с тем служит также доказательством его мужиковатости и циничного разврата. В любовных похождениях его не было заботы о том, чтобы не уронить достоинство женщины, ни достаточного уважения к себе; он даже не умел себя держать в границах приличия.

Обратите внимание, например, на анекдот, рассказанный Пёлльницем о пребывании монарха в Магдебурге в 1717 году. «Так как король (пруссский) приказал оказывать ему всевозможные почести, то различные государственные учреждения явились приветствовать его *in corpore*, и их президенты держали речи. Фон Кокцей, брат государственного канцлера, во главе депутации от регентства, явившись приветствовать царя, застал его среди двух русских дам, груди которых он ласкал. Он не прервал своего занятия и во все время произнесения речей.

Или вот еще анекдот, описывающий его встречу в Берлине с племянницею его, герцогиней Мекленбургской.

«Царь поспешно пошел навстречу принцессе, нежно обнял ее и отвел в комнату, где уложил на диван, а затем, не затворяя двери и не обращая внимания на оставшихся в приемной, предался, не стесняясь, выражению своей необузданной страсти».

Пёлльниц, уверяющий, что почерпнул эти сведения от двух очевидцев и от самого царя, добавляет к этому не менее красноречивые подробности по поводу обычного обращения великого человека с придворными дамами: «Княгиня Голицына служила ему дурой или шутихой. Все взапуски дразнили ее. За обедом царь выкидывал объедки со своей тарелки ей на голову, заставлял подходить к себе, чтобы получать от него щелчки». По рассказам других свидетелей выходит, что княгиня отчасти заслуживала такое обращение своей распутной жизнью.

Описание прусского посланника Мардефельда в любопытном свете выставляет *французских герцогинь* и их пажей, которыми они забавлялись, поздравляя их с тем, что они довольствовались такими кавалерами. У княгини не было пажа, и я не осмелюсь повторить слов Мардефельда, каким образом она заменяла его себе.

По описанию Нартова, обыкновенно довольно достоверно приводящего факты из интимной жизни царя, Петр был большой любитель женщин, но никогда не увлекался ими больше, как на полчаса. Добиваться насильно благосклонности женщины не было в его обыкновении, но так как его выбор часто останавливался на простых служанках, то он мало встречал сопротивления. Нартов, например, называет, между прочими его любовницами, какую-то прачку. Но Брюс приводит более драматичную сцену с дочерью иностранного купца в Москве, которая, чтобы избавиться от любовных преследований Петра, принуждена была бежать из родительского дома и скрываться в лесу. Один из документов, изданных князем Голицыным, описывает драку царя с садовником, которому пришлось отгонять монарха граблями от крестьянки, которой он мешал работать. Говорят даже, что эти небрежливые ухаживания довели Петра до болезни, которая была плохо вылечена и ускорила его кончину. Но к ответственности по этому поводу была также привлечена г-жа Чернышева, и депеша Кампредона прямо возлагает на нее вину заболевания Екатерины в 1725 году после проведенной с мужем ночи. Еще подробности, которые, надеюсь, читатель мне простит, – ибо я обязан ничего не умалчивать. Мы спустимся еще ниже с Меншиковым, и не с одним им. Берггольц без обиняков говорит об одном лейтенанте, красивом юноше, которого царь держал при себе «для своего личного удовольствия».

В 1722 году саксонскому художнику Данненгауеру было поручено снять портрет с одного из денщиков монарха и изобразить его совершенно голым. Вильбуа распространяется по поводу «припадков бешеной страсти» Петра, во время которых «для него не было различия пола». В своей депеше от 6 марта 1710 г. датский посланник Юэль спрашивает производства в дворяне одного из находившихся при Меншикове датских подданных, который красив собою и мог бы оказать царю некоторые услуги. Из всего этого видно, что и эта черта характера несомненна. «У его величества должен быть целый легион демонов сладострастия в крови», говорит о монархе врач, который лечил его во время его последней болезни.

Но есть и *нечто другое* в этой натуре, такой различной в своих проявлениях, подчас столь противоположных, что на их внешний вид нельзя полагаться для определения характера: надо стать выше этого; надо исследовать душу и плоть, рассмотреть все их мельчайшие изгибы, и для этого, не останавливаясь более на слишком скабрзных подробностях, проследить за личностью даже и в этих непривлекательных любовных

похождениях, хотя бы это омрачало иногда наше восхищение и вызывало подчас отвращение. Быть может, даже в этих самых неожиданных изгибах его грубого, животного донжуанизма Петру случится возбудить наше удивление.

II

Начало самое обыкновенное: ранний брак, несколько лет довольно счастливой супружеской жизни, потом постепенное охлаждение к брачному гнезду. Едва прошел медовый месяц, свидания стали все реже и реже, так как царь постоянно отлучался и проводил большую часть времени в путешествиях, но переписка продолжалась довольно нежная, пересыпанная ласкательными прозвищами, дорогими для влюбленных. Чаще всего жена называла Петра «Лапушка», но не к нему одному она обращалась так. Появилось двое детей: Александр, умерший младенцем, и Алексей, рожденный под несчастной звездой. После смерти Натальи Кирилловны отношения ухудшились. Это было в 1694 году. За эти пять лет супружеской жизни нельзя сказать, чтобы у Петра не было кое-каких любовных походов в *Слободе*, или еще где-нибудь, но за ним зорко следила мать, и, как почтительный сын, он несколько сдерживался. Это влияние заменил после нее Лефорт, и в то же время из группы не слишком строгих красавиц, которыми молодой монарх окружил себя в *Слободе*, выделились две восходящие звезды на горизонте нового царствования, – две простолюдинки: дочь сребреника Беттихера и дочь винного торговца Монс. Разногласие в политических взглядах супругов также способствовало разрыву: Евдокия была взята из семьи ярких консерваторов; она была против всех нововведений, которые уже начали появляться, и родные ее, Лопухины, впали в немилость, теряли должности и подвергались различным неприятностям. Один из них, родной брат царицы, осмелился оскорбить царского любимца и был публично избит палкою самим царем; другой был подвергнут пытке, о которой рассказывают ужасные подробности: будто бы Петр облил его винным спиртом и потом при себе велел поджечь. Достоверно только то, что он умер в тюрьме.

Когда царь впервые отправился путешествовать по Европе, отец Евдокии и два ее брата были посланы в отдаленные губернии с назначением губернаторами, но в сущности в ссылку. Во время путешествия Петр перестал писать жене; и вдруг из Лондона он прислал двум своим наперсникам, Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрешневу, приказ, объяснивший его молчание: он велел им предложить Евдокии постричься в монахини. Это был обычный прием того времени для разрыва неудачных браков, и Петр, по-видимому, окончательно решил остановиться на нем. Союз, который он заключил с Западом, решил участь несчастной покинутой царицы. Она принадлежала к иному миру, осужденному на исчезновение. Между тем она не была лишена приятности, хотя, по-видимому, не была красива. Теперь трудно судить об этом. По тогдашним портретам, например, можно было счесть даже ее будущую соперницу, Екатерину, за урода, хотя известно, что художники всегда стараются прикрасить оригинал, и она, очевидно, производила на Петра совсем иное впечатление. Евдокия была не глупа. Когда, после смерти мужа, она вновь появляется при дворе, то кажется милой старушкой, умеющей разобраться в том, что могло ее интересовать и не совсем чуждой даже делам правления. Из писем ее к Глебову, которые будут приведены ниже, можно угадать нежную, страстную душу, способную отдаться любви. Воспитанная в тереме, Евдокия по развитию походила на всех московских женщин того времени: была

мало сведуща, проста и суеверна. В этом также был камень преткновения, о который должна была разбиться ее жизнь. Очевидно, она не могла разделять с Петром всех его интересов, не могла быть настоящим его другом.

Вернувшись после долгого путешествия в Москву 26 августа 1698 года вечером, Петр спешил навестить некоторых друзей, между прочими Гордона, а потом посетил и семейство Монс. С женою он не виделся, и только несколько дней спустя согласился встретиться с нею на нейтральной почве у третьих лиц, в доме почтового смотрителя Виниуса, и то только для того, чтобы подтвердить свое решение, переданное Нарышкину и Стрешневу. Ответ Евдокии можно было предвидеть: решительный отказ. Чем заслужила она заточение? В чем провинилась? Никто не мог даже подозревать, чтобы она могла участвовать в политических интригах, в которых были замешаны одно время царевна Софья и ее сестры. К восстанию стрельцов, которое Петр намеревался потопить в море крови, она была непричастна. Но Петр был непоколебим в своем решении. Правда, у него не хватало улики для обвинения Евдокии в чем бы то ни было, но он обошелся и без них. С гневом отталкивает он вмешательство патриарха в пользу законного брака, и после трехнедельных переговоров разрушает узел: к крыльцу подают крытую повозку, запряженную парой лошадей (хроника особенно настаивает на этой подробности, так оскорбительно усугубившей всю жестокость и несправедливость поступка в стране, где всякий мало-мальски зажиточный барин выезжал не иначе, как шестеркой), и «ямщик», как сказали бы мы теперь, увозит бедную Евдокию в Суздаль, за крепкие ворота Покровского девичьего монастыря. С невинной обошлись строже, чем с провинившимися.

Сестрам царя, участие в бунте которых было почти вполне доказано и которые также были заточены, было по крайней мере предоставлено приличное содержание и привычная обстановка. Но жена царя была забыта. Она уже не жена его, не царица; она теряет все, даже свое светское имя. Она монахиня Елена; ей оставлена только одна служанка, и, чтобы не умереть с голоду, она принуждена обращаться за помощью к родным. Она пишет брату Аврааму: «Хоть сама не пью, так было бы, чем людей жаловать: ведь мне нечем больше. Рыбы с духами пришли и всячины присылай, здесь ведь ничего нет: все гнилое. Хоть я вам и прескушна, да что же делать? Покаместь жива, пожалуйста поите да кормите, да одевайте нищую». Любопытна поразительная черта древнерусской патриархальной жизни. Лишения во всем еще только полгоря, но невозможность подавать милостыню – тяжелее всего.

Евдокии было всего двадцать шесть лет, и долго еще мрачные стены уединенной кельи служили склепом для молодой жизни, полной страстных желаний; а когда она, наконец, спустя двадцать лет, покинула их, утратив молодость, с разбитым сердцем, то не на радость растворился для нее этот склеп, а только на еще более тяжкое горе.

Двадцать лет спустя, в 1718 году, дело царевича Алексея вдохновило инквизиторский гений Петра. В числе влияний, которые могли наталкивать непокорного сына на путь бунтовщика, ему казалось несомненным влияние изгнанной матери. Начались следствия и обыски в монастыре. Все розыски высшей полиции оказались тщетными, но вознаградились иным открытием: по-прежнему не причастная ни к какому политическому движению, Евдокия уличена была в преступной связи. Она не вынесла своего одиночества: в опале, в нищете, она невольно искала утешения и беззаветно отдалась первому пожалевшему ее человеку. Это был майор Глебов. Он был прислан в Суздаль для производства рекрутского набора. Узнав, что царица мерзнет и голодает в келье, он принял участие в ее горькой участи и послал ей меховую одежду; это вызвало с ее стороны горячую благодарность, выраженную

сначала письменно, а потом и устно. Свидания повторялись и мало-помалу привели к опасной близости, охватившей все существо Евдокии горячею любовью и, вызвав в Глебове более сдержанное чувство, быть может, не лишённое и задней мысли с честолюбивыми надеждами в могущем измениться будущем. Пока Глебову также приходилось бороться с безденежьем; и кроме того он был связан женою. Евдокии хотелось помочь ему; она отдала бы все, чтобы он ни в чем не нуждался и принадлежал всецело ей одной. У нее у самой ничего не было, но она делилась с ним последним, отказывая себе во всем. Как же можно отказать ему? Ему нужны деньги? Она добудет их во что бы то ни стало. «Где твои мысли, батюшко мой, там и мои, где твои желания, там и мои; я вся в твоей воле».

Но посещения *батюшки* становились реже: его задерживали служебные дела, а может быть и жена; может быть прискучила ему уже новая любовь. Он глух к страстным призывам Евдокии: «Ужели она уже забыта? Как скоро! Значит, не сумела она привязать его к себе? Мало забивала себя для него, мало орошала слезами лицо его, и руки, и все суставы его пальцев». С горьким лиризмом оплакивает она свою утрату, и в этом плаче так надрывается душа в несвязных причитаниях, в бесконечно повторяющихся ласках слышится такая безысходная тоска, сказывается чисто восточная страсть, и такая беззаветная любовь, на которую способны только русские женщины.

«Свет мой, батюшка мой, душа моя, радость моя! Знать уж зло проклятый час приходит, что мне с тобой расставаться! Лучше бы мне душа моя с телом рассталась. Как, ох, свет мой! мне на свете быть без тебя, как живой быть? Уже мое проклятое сердце, за много послышало нечто тошное, давно мне все плакало. Аж мне с тобою знать будет расставаться. Ей, ей, сокрушаюся. И так, Бог весть, каков мил ты мне. Уж мне нет тебя милее, ей Богу! Ох, любезный друг мой! За что ты мне таков мил? Уж мне ни жизнь моя на свете! За что ты, душа моя, на меня был гневен? Что ты ко мне не писал? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя, а я себе такой же сделала; то-то у тебя я его брала. Знать, ты друг мой, сам этого пожелал, что тебе здесь не быть. И давно уж мне твоя любовь, знать изменилась. Все ты слышал слух, что я к тебе пришло, то и ты отпишешь ко мне. Вот уж не какво будет и сердитовать. Для чего, *батюшко мой*, не ходишь ко мне? Что тебе сделалось? Кто тебе на меня что намутил. Что ты не ходишь! Не дал мне на свою персону насмотреться! То ли твоя любовь ко мне? Я же тебя до смерти не покину; никогда ты из разума не выйдешь. Ох, друг мой, свет ты мой, *любонька* моя! Ох, коли ты едешь, коли меня, батюшка мой, покинешь? Пожалуй, сударь, мой, изволь ты ко мне приехать завтра к обедне переговорить кое какое дело нужное. Ох, свет мой, любезный мой друг, *лапушка* моя (вспомните, как звала она лапушкой другого)! Отпиши ко мне, порадуй свет мой, хоть мало, что как тебе быть? Где тебе жить, во Володимире ли, аль к Москве ехать? Скажи, пожалуйста, не дай умереть с печали. Послала я тебе галздук, носи душа моя. Ничего моего не носишь, что тебе ни дам я. Знать я тебе не мила! То-то ты моего не носишь. То ли твоя любовь ко мне? Ох, свет мой, ох душа моя, ох, сердце мое надселось по тебе! Как мне будет твою любовь забыть, будет как не знаю я; как жить мне без тебя. Ей тошно, свет мой, как нам тебя будет забывать. Ох, свет мой, что ты не прикажешь ни про что, что тебе годно покушать. Скажи сердце, будет досуг, приедь хоть к вечерне».

Но не тронулось сердце *батюшки*. Еще горше плачется и сетует в безысходной тоске и бьется как подстроенная птичка Евдокия.

«Ах, друг мой! Что ты меня покинул? Чем я тебе досадила? Лучше бы у меня душа моя с телом разлучилась, нежели мне было с тобою разлучаться. Кто мое сокровище украде? Кто

свет от очию моею отыме! Кому ты меня покидаешь? Кто меня бедную с тобой разлучил? Что я твоей жене сделала? Какое ей зло учинила? Кому ты меня покидаешь? Как надо мной не умилился? Чем я вас прогневала? Что ты душа моя, мне не скажешь, чем я жене твоей досадила, а ты жены своей слушал. Для чего, друг мой, меня оставил, ведь я тебя у жены твоей не отняла; а ты ее слушаешь. Ох, свет мой! Как мне быть без тебя? Как на свете жить? Как ты меня сокрушил? Изтиха? Что я тебе сделала, чем сделала, чем тебе досадила, что ты мне мою винность не сказал, хоть бы ты меня за мою вину прибил, хоть бы ты меня, не вем как, наказал за мою вину. Что твое это чечение, что тебе надобно стало жить со мной. Ради Господа Бога, не покинь ты меня; сюда добивайся. Ей! Сокрушаюсь по тебе».

Спустя несколько дней она опять писала свои горькие сетования:

«Ох, лучше бы умерла, лучше бы ты меня своими руками схоронил. Ох, то ли было у нас говорено? Что я тебе злобствовала, как ты меня покинул? Ей сокрушу сама себя. Не покинь ты меня, ради Христа, ради Бога! Целую тебя во все члены твоя. Не дай мне умереть. Ей сокрушуся!»

Девять таких писем Евдокии сохранились в секретном архиве министерства иностранных дел. Они написаны не ее рукою. Монахиня-царица диктовала их своей поверенной, другой монахине, Каптелиной, которая и от себя делала приписки, пытаясь пробудить совесть изменника и заставить его сжалиться над страданиями *матушки*. Но неосторожный Глебов собственной рукою засвидетельствовал происхождение каждого листка надписью: «Письмо от царицы Евдокии». Оба одинаковые перстня были также найдены у виновных. Множество монахинь и монастырских слуг, приведенных к допросу, дали показания, вполне подтверждавшие обвинение: Глебов приходил к Евдокии днем и ночью; они целовались при всех, а потом подолгу оставались вдвоем. Наконец Евдокия сама созналась во всем.

А Глебов? Легенда создала из него героя: среди самых ужасных пыток, добровольно принимая на себя всякого рода преступления, он дошел в своей исповеди до того, что взвалил на себя вину в каких-то небывалых убийствах, и двадцать раз подставляя голову палачу на отсечение, он, будто бы, до конца отстаивал честь своей сообщницы. Увы! Протокол допроса, сохранившийся в московском архиве,^[14] свидетельствует как раз обратное: оставляя без ответа все другие пункты обвинения, Глебов именно в этом только и сознался, – в этой любовной связи, начавшейся восемь лет тому назад. Евдокии было тогда тридцать восемь лет.

Но я спешу оговориться: признание или отрицание вины здесь ровно ничего не доказывает. Гвардии поручик Скорняков-Писарев, посланный Петром в Суздаль, велел пытать пятьдесят монахинь, из которых некоторые умерли под кнутом. Они все подтвердили то, чего от них добивались. Глебов и Евдокия точно так же были допрошены, и Евдокия созналась в связи с Глебовым.^[15] Пытки, которым подвергался несчастный офицер, были так ужасны, что смертный приговор его был назначен к исполнению на 16 марта 1718 г. ввиду опасения докторов, что им не удастся протянуть его жизнь более суток. Рассказывают, между прочим, о темнице, вымощенной острыми кольями, по которым несчастный должен был ступать босыми ногами. Для смертной казни Петр избрал кол. Так как был мороз в тридцать градусов, то, чтобы продлить муки несчастного, его укутали в теплую меховую шубу и такие же сапоги и шапку. Казнь началась в 3 ч. по полудни и кончилась смертью только на другой день в 7 ч. вечера. Повествование, будто бы Петр подошел к казненному, уже несколько часов сидевшему на колу, пытаясь добиться от него нового признания, и

получил вместо ответа плевков в лицо, не имеет никакого основания.

Евдокии была дарована жизнь; но ее сослали в еще более глухой монастырь на берегу Ладожского озера, где за нею был установлен строжайший надзор. Согласно одному показанию, на нее будто бы было наложено, судом епископов, архимандритов и других духовных лиц, предварительное наказание кнутом и неукоснительно выполнено двумя монахами.

Какому чувству поддался Петр, подвергая ее такому жестокому суду? Без сомнения, им не могла руководить ревность к отвергнутой, забытой жене, состарившейся под монашеским клобуком. Всем известно также, как он снисходительно относился к подобным проступкам и вообще ко всему, не касавшемуся его политических интересов. Проступок же Евдокии был совершенно чужд всякого политического характера. *Переписка* Евдокии с ее возлюбленным могла только подтвердить их невинность в этом отношении, так как в письмах говорится только о любви. Бывшая царица легко поддавалась соблазну облечься в свои прежние светские одежды и убеждениям окружающих, высказывавших надежду, что в более или менее непродолжительном времени она вернется к прежней роскоши. Но все это не шло дальше мечтаний. Быть может Евдокия была жертвою ревности и ненависти другого лица. Посмотрим, что было спустя семь лет: Петр умер, и это событие, которое, казалось, можно бы считать счастливым для изгнанницы, превратилось в сигнал к новым невзгодам: ее увозят из монастыря и везут в Шлиссельбургскую крепость, где заточают в подземной темнице, переполненной крысами. Она лежит больная, и за нею ходит только горбатая старушка, которая сама нуждается в уходе. Так держат ее два года. От кого же исходило такое распоряжение? От царствующей теперь Екатерины Первой. И вот, может быть, ответ на предположение, поставленное мною выше. Через два года новая перемена: внезапно, точно во сне, растворяются двери темницы, на пороге появляются разодетые люди, кланяются до земли и просят изгнанницу следовать за ними; в сопровождении их она входит в роскошно убранные хоромы, нарочно приготовленные для нее у коменданта крепости. Неужели эта постель с тонким бельем голландского полотна постлана для нее, уже привыкшей спать на сырой соломе? И неужели для нее эта роскошная палата с золоченой посудой, ларчик с тысячью рублями, экипажи у крыльца, толпа слуг, покорно ожидающих ее приказаний? Неужели же все это для нее?.. Но что же там произошло? Какая перемена?.. Екатерина Первая умерла, и на престол вступил Петр II, сын Алексея и внук Евдокии... И вот несчастную бабушку, дожившую до седых волос в заточении, везут в Москву на коронацию нового монарха; она появляется впереди всех, окруженная роскошью, заботами. Слишком поздно! Жизнь ее разбита; она возвращается, теперь уже по своей воле, в Новодевичий монастырь, где кончит свою жизнь в 1731 году. Монастырь этот служил местом пребывания многих несчастных; здесь жила Софья после крушения всех ее честолюбивых замыслов. Предание говорит еще, что Евдокия гостила в имении Лопухиных, в Серебряном бору, но и оттуда была проведена галерея в соседний Георгиевский монастырь. Могила Евдокии в Московском монастыре, и память о царице-инокине осталась живою в рассказах и народных песнях. После всех лишений и немилостей, которые она перенесла, она приобрела сердечную любовь простого народа, который умеет ценить великие страдания.

Тотчас после высылки Евдокии в монастырь у Петра появилась первая титулованная фаворитка: Анна Монс, или Монст, или Мунст, *domicella Monsiana*, как называет ее Корб. До переселения в Москву отец ее занимался в Миндене винною торговлей, или, по другим сообщениям, картежною игрою. Очевидно, семейство это вестфальского происхождения, как ни старались они разыскать свою родословную во Фландрии, прибавляя к своей фамилии частицу *de* и называя себя вместо Монс – Моэнс де ла Кроа. Сначала Анна была любовницей Лефорта, но променяла фаворита на его властелина и быстро пошла в гору. Она всюду сопровождала царя, даже в торжественных общественных собраниях. Они как бы нарочно выставляли свою связь напоказ. Однажды он крестил у датского посланника и пожелал, чтобы ее просили быть крестной матерью младенца. Он приказал выстроить для нее в Слободе роскошный дворец, и в скорбных архивах Преображенского Приказа зарегистрировано слишком громко высказанное удивление немецкого портного Фланка при виде роскошного убранства опочивальни, которая была красотою всего дворца и в которой, как всем было известно, часто пребывал царь. Не без некоторого сожаления и угрызений совести царь в 1703 году подписал в дар Монс большое поместье Дудино в Козельском уезде. Монс была большая попрошайка. Пользуясь великодушием царя, часто вынужденным, она то и дело что-нибудь выпрашивала у него через своего секретаря, которому диктовала записочки и полубезграмотно подписывалась под ними по-немецки. Чтобы вернее выманить что-нибудь, она прибегала к самым неожиданным приемам; писала например: «Умилостивись, государь царь Петр Алексеевич? Для многолетнего здравия цесаревича Алексея Петровича, свой милостивый указ учини – выписать мне из дворцовых сел волость». Вы помните, конечно, что Алексей был сыном Евдокии. К записке она прилагала скромные подарки, вроде четырех лимонов или апельсина, которые посылала в Азов во время осады. Петр серьезно помышлял жениться на ней, не переставая в то же время поддерживать двусмысленные отношения с ее подругой, Еленой Фадемрех, от которой он также получал письма с призывами вроде: «Свету, моему любезнейшему сыночку, черноглазинкому, востречку дорогому! Поздравляю я тебя, прелюбезнейшему моему сыночку, за нынешнюю тебе от Бога дарованную викторию, юже тебе Бог даровал твоим счастьем, а моею маткиною молитвою». Самый обыкновенный, роман этот длился до 1703 года и окончился также самым обыкновенным образом: в кармане саксонского посланника Кенигзека, только что вступившего в царскую службу и случайно утонувшего в начале кампании, нашли записочки, автора которых Петр без труда угадал по стилю и по почерку. Царь наивно пришел в ярость, и *domicella Monsiana* заключена была в тюрьму. Благодаря своей настойчивости и различным хитростям, она скоро освободилась, но только для того, чтобы вступить в новую связь с прусским посланником Кейзерлингом, который впоследствии на ней женился. Она интересовалась политикой, и так неосторожно, что снова попала в тюрьму. От прежних милостей монарха у нее сохранились только жалкие обрывки, в том числе его портрет, который она яростно отстаивала, как полагают, – *из-за бриллиантов*. Петр долго мстил ей: розыск по случаю этой грязной истории продолжался до 1707 года, и Ромодановский все еще держал в тюрьме тридцать узников, не знавших, как и за что они туда попали, да и сам Ромодановский хорошенько этого не знал. Спустя год Кейзерлинг, уже женатый, воспользовался хорошим настроением царя и попытался ходатайствовать перед ним о брате его бывшей фаворитки, который хлопотал о месте. Но это вышло невпопад; Петр резко оборвал посла и, как всегда, без обиняков крикнул: «Я держал твою Монс при себе, чтобы жениться на ней, а коли ты ее взял себе, так и держи ее, и не

смей никогда соваться ко мне с нею или с ее родными».

Пруссак вздумал настаивать. Тогда вмешался Меншиков: «Знаю я вашу Монс! Хаживала она и ко мне, да и ко всякому пойдет. Уже молчите вы, лучше, с нею». Надо сказать, что это было после ужина на пиру у польского пана в окрестностях Люблина. Кончилось это плохо для Кейзерлинга. Меншиков и Петр вытолкали его за дверь и спустили с лестницы. Он подал жалобу, но обвинили его, и его же заставили извиниться.

В 1711 году г-жа Кейзерлинг овдовела и, одержав еще одну победу над шведским офицером, Миллером, пережила мужа только несколькими годами.

Петр был злопамятный, но не безутешный любовник. Меншиков, заменивший ему Лефорту, так же ловко умел находить ему утехи и забавы. Подобно Лефорту, он тоже окружил царя женским обществом: во-первых, обе сестры его, Мария и Анна, благодаря его стараниям, были приняты при дворе любимой сестры Петра, Наталии; потом две сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара, были также при дворе царевны, очень походившем на гарем. Эту группу дополняла Толстая, а с 1703 года появилась новая личность, которой суждено было сыграть особую роль в жизни монарха и дать совершенно другой оборот его, до тех пор столь низким, увлечениям молодости. Имя этой девушки окружено такою же тайною, как и происхождение ее. Первые документы, осветившие несколько эту загадочную личность, называют ее то Екатериной Трубачевой, то Екатериной Василевской, то Екатериной Михайловой. Сначала она была любовницей Меншикова, одновременно с Дарьей Арсеньевой. Петр в это время избрал другую сестру Арсеньеву, Варвару, которую Меншиков надеялся сделать царицею, чтобы стать зятем царя. С этою целью он заботился об образовании новой фаворитки: «Для Бога Дарья Михайловна», – писал он Дарье Арсеньевой, – «принуждай сестру, чтобы она училась непрестанно, как русскому, так и немецкому учению, чтобы даром время не проходило». Вильбуа описывает Варвару дурнушкой, но очень умной и злой. Вот что он рассказывает о первых шагах ее победы: «Петр любил все необыкновенное. За обедом он сказал Варваре: „Не думаю, чтобы кто-нибудь пленился тобою, бедная Варя, ты слишком дурна; но я не дам тебе умереть, не испытавши любви“. И тут же при всех повалил ее на диван и исполнил свое обещание». Нравы тогдашнего общества допускали правдоподобие этого рассказа. Я уже указывал на странные отношения того времени между любовниками; на дикое извращение чувств и смешение связей. Петр и Меншиков, по-видимому, то и дело сменяли друг друга или делили права, которые должны бы исключать всякий дележ. В их отсутствие им отправляли послания, переполненные общими воспоминаниями и нежными призывами, то с той, то с другой стороны, нередко сопровождаемые подарками вроде галстуков, сорочек или халатов своей работы. Дарья Арсеньева подписывается: «глупая», Анна Меншикова: «лядящая». Что касается Екатерины, то она с 1705 года прибавляет к своей подписи: «сама-третья», что объясняется припискою в общем письме: «Петр и Павел благословения твоего прося, челом бьют». Петр и Павел – ее дети от Петра.

В 1705 году Петр собрал все это общество в Нарве, где они встречали Пасху, потом повез всех в Петербург, откуда писал Меншикову, что он чувствует себя, «как в раю». Но Меншиков, задержанный армией на юге, смертельно скучал и тоже не прочь бы был побыть в раю: он писал царю: «Я не сомневаюсь, что ваша милость к нам быть изволит: того ради, как сами ваша милость изволите подняться, изволь тогда приказать и девицам нашим ехать в Смоленск... Путь нам надлежит на Киев; пойдём на Быхов, чтоб нам стать на квартирах между Киевом и Смоленском, дабы ежели когда случай позволит и в оба те места способнее

поход править». Петр рассудил иначе; правда, он, потащил с собою всю компанию в Смоленск, из Смоленска в Киев, но назначил Меншикову свидание в Киеве только в августе, приготовив другу сюрприз: Меншиков обещал жениться на Дарье Арсеньевой и должен был, не откладывая, исполнить обещание, как и Петр намеревался исполнить, когда-нибудь, свое решение относительно матери «маленьких». Очередь была за Меншиковым, и царь писал, что они не выедут из Киева, пока дело не будет сделано. После свадьбы поделили общее достояние: Петр вернулся в Петербург с Екатериной Василевской и Анисьей Толстой; Меншиков остался в Киеве с женой, сестрою Анной и свояченицей Варварою.

IV

История Екатерины Василевской заслуживает отдельной главы в этой книге; на меня пеняли бы, если бы я не выделил ее из легиона мимолетных увлечений великого человека. Даже и после брака и восшествия на престол избраннице приходилось каждый час бороться с соперницами и даже дрожать за корону. Так было в 1706 году, во время пребывания царя в Гамбурге: лютеранский пастор не допустил дочь до падения, и тогда ей был обещан брак и развод с Екатериной. Шафиров уже получил предписание приготовить брачный контракт. Но слишком доверчивая невеста сделала оплошность: она согласилась выдать в кредит часть радостей Гименя, и, наградив ее тысячью дукатами, ее тотчас же удалили. Так же было и с героиней более продолжительного романа, которая, как говорят, почти добилась окончательной победы и высокого положения. Это была дочь одного из первых приверженцев Петра, хотя и из семьи старинного, знаменитого рода Татищевых, преданной Софье, – Евдокия Ржевская. Петр совратил ее, когда ей еще не было пятнадцати лет. Шестнадцати лет Петр отдал ее замуж за Чернышева, и, откупившись деньгами, держал ее при себе. Она родила ему четырех дочерей и трех сыновей; по крайней мере его считали их отцом, но слава маркитантки, упрочившаяся за этой особой, заставляла сильно сомневаться в истине этого предположения и подрывала успехи фаворитки. Если верить скандальной хронике, она привела ее только к знаменитому приказу «высечь Евдокию», полученному мужем от заболевшего любовника, подозревавшего ее в причине этой болезни. Петр говаривал про нее: «*Авдотья бой-баба*». Мать ее была знаменитая княгиня-игуменья.

Случай этот не представлял бы никакого интереса сам по себе, если бы он был единственным. К несчастью, интерес этой печальной страницы русской истории состоит именно в том, что легендарная личность эта в высшей степени типична; это изображение известного общества и известной эпохи.

Почти то же было и с Марией Матвеевой, дочерью одного из именитых бояр того времени. Я уже описал, каким образом она стала женою Румянцева. Она была такая же красавица, как и Евдокия, но привлекательнее, очень умна и прелестна во всех отношениях. Как и Евдокия, Мария была фрейлиной при дворе императрицы. Эта столь почетная должность была в то время почти призывом к бесчестью. Придворные Екатерины заменили царю придворных Натальи. При дворе не было более терема, но гарем сохранился, как остаток прошлого влияния Востока. Добродушные мужья сменяли услужливых отцов. После смерти Петра, Мария Румянцева осталась беременна сыном, будущим героем великого царствования, знаменитым полководцем при Екатерине II, в котором все невольно признавали наследственные черты великого царя.

Незаконное потомство Петра соответствует по количеству такому же потомству Людвига XIV. Может быть, предание передает нам все это в несколько преувеличенном виде. Незаконнорожденность трех сыновей Строгановой, например, не доказана исторически; скорее можно предположить, что мать их, урожденная Новосильцева, была просто веселой собеседницей и собутыльницей Петра.

Вернемся к известной истории придворной девицы Марии Гамильтон. Само собой разумеется, что сентиментальный роман, в котором некоторые писатели дали полный простор своему воображению, не что иное, как вымысел. Мария Гамильтон была, по-видимому, самое обыкновенное создание, и Петр не ошибся, говоря с нею о любви соответственным образом. Вы уже знаете, что ветвь известного шотландского рода, соперники Дугласа, поселилась в России в предыдущую эпоху, вероятно во время великого переселения семнадцатого века, восходя таким образом к времени Иоанна Грозного. Породнившись со многими знатными русскими семьями, Гамильтон, по-видимому, порядочно обрусели задолго до появления царя-преобразователя. Внучка Артамона Матвеева, приемного отца Натальи Нарышкиной, Мария Гамильтон, как и ее предшественницы, была принята при дворе и, так как она была недурна собою, то и разделяла общую участь. Но она внушила Петру только самую кратковременную страсть. Застигнутая между двумя дверями и тотчас же брошенная, она нашла утешителя в царском денщике, произвела на свет несколько человек детей, которые, один за другим, исчезли. Для того чтобы удержать при себе одного из своих то и дело сменявшихся любовников, – довольно ничтожного молодого человека, Орлова, – она украла для него деньги и бриллианты у императрицы. Все эти мелкие и крупные ее преступления случайно раскрылись. Довольно важный документ нечаянно был обронен в царском кабинете; подозрение пало на Орлова, который знал о нем и провел ночь вне дома. Призванный к царю для допроса, он смутился, воображая, что кто-нибудь подкапывается под него, чтобы порвать его отношения с Марией Гамильтон, упал царю в ноги с криком: «*Виноват!*» и сознался во всем: в краже, которою он пользовался, и в детоубийстве, которое ему было известно. Начался розыск и допросы. Несчастную Марию обвиняли еще и в том, что она дурно отзывалась о царице, поднимая на смех ее слишком цветущий вид. Это большое преступление! Но, как бы там ни было, Екатерина на этот раз выказала великодушие. Она ходатайствовала о помиловании виновной и вовлекла в хлопоты о ней даже царицу Прасковью, вмешательство которой было тем более веско, что она славилась своею строгостью. В старое время детоубийство в России не слишком строго судилось, а Прасковья была русская старого закала. Но монарх оказался неумолим. «Он не может нарушать высшие законы, не хочет быть ни Ахавом, ни Саулом». Было ли у него вообще такое уважение к закону? Вряд ли! Но он говорил, что, убивая детей, его лишили нескольких будущих солдат, а это была вина непростительная в его глазах. Приведенная несколько раз к допросу в присутствии царя, Мария Гамильтон упорно отказывалась назвать имя своего сообщника, а он, – жалкий предок будущих любимцев Екатерины Великой, – только и думал о том, как бы взвалить всю вину на нее. Наконец 14 марта 1719 года Мария Гамильтон взошла на эшафот «в белом шелковом платье с черными лентами», как рассказывает Штелин. Петр был большой любитель театральных эффектов и, конечно, не мог не оценить этого последнего проблеска предсмертного кокетства. У него хватило духу смотреть на казнь и, так как он по натуре своей нигде не мог оставаться безучастным зрителем, то он и тут играл роль. У подножья эшафота он подарил приговоренную последним поцелуем, уговаривал ее

молиться, поддерживал ее в своих объятиях, когда она изнемогала, потом отошел, и это послужило сигналом: когда она подняла голову, перед нею стоял уже не царь, а палач. Шерер добавляет к этой картине отвратительные подробности: когда топор окончил свое дело, царь снова подошел к эшафоту, поднял окровавленную голову, которая скатилась в грязь, и спокойно начал читать лекцию по анатомии, указывая присутствующим на значение и функции органов, которых коснулось железо, уделяя особенное внимание разрезу позвоночного столба. Окончив лекцию, он прикоснулся губами к поблекшим устам, принимавшим от него когда-то иные поцелуи, потом уронил голову, и, перекрестившись, ушел».

Я очень сомневаюсь в истине того, будто бы Меншиков настаивал на розыске и приговоре несчастной, отстаивая интересы Екатерины. Эта соперница совсем не была опасна. У коронованной ливонки незадолго перед тем была более серьезная тревога. В депеше Кампредона от 8 июня 1722 года сказано: «В случае рождения сына у княгини, царица опасается развода с нею и брака с любовницею, по наущению Валахского князя».

Это говорилось о Марии Кантемир. Союзник Петра по неудачной турецкой кампании 1711 года, князь Дмитрий Кантемир по прутскому договору лишился своих владений и томился в Петербурге, ожидая обещанного вознаграждения. Довольно долго он надеялся получить его через дочь. Перед отбытием Петра в персидскую кампанию, в 1722 году, эта новая любовная интрига, тянувшаяся уже несколько лет, казалось, близилась к концу, неблагоприятному для Екатерины. Обе женщины сопровождали царя. Но Марии пришлось остановиться в Астрахани, так как она была беременна. Это обстоятельство подкрепляло надежды ее сообщников. После смерти маленького Петра Петровича (в 1719 году) у Екатерины не оставалось сына, который мог бы наследовать престол, и все были уверены, что если по возвращении экспедиции княжна Кантемир подарит Петру сына, то он, не колеблясь, поспежит избавиться от второй жены так же точно, как избавился от первой. Если верить Шереру, друзья Екатерины ухитрились оградить ее от этой опасности: по возвращении из кампании Петр застал любовницу в постели, в опасном положении после выкидыша. Екатерина торжествовала: роман, который угрожал ей гибелью, теперь легко мог окончиться обыною в таких случаях развязкою. Незадолго до смерти монарха нашелся услужливый подражатель Чернышковых и Румянцевых, предлагавший «для проформы» иступить в брак с княжною, еще не покинутой, но уже потерявшей все свои тщеславные надежды. Победа осталась на стороне ливонки: торжественная коронация избавила ее от всякой опасности. Честь ее была восстановлена браком; она пользовалась всеми почестями высшей власти и бдительно охраняла свой семейный очаг; теперь она, наконец, стояла над той толпой, где простые служанки держали себя на равной ноге с дочерью шотландского лорда и княжною молдо-валахскою.

И вот в это время появляется новая, нежданная звезда, непохожая на прежние: целомудренная подруга, пользующаяся уважением. Да, – нежный цветок, распутившийся в мутном болоте!

В этой роли является женщина, принадлежавшая к народу, где женщины обаятельны. Это была знатная полька, славянка по крови, с европейским образованием. Я уже вам рассказывал, как гулял Петр в садах Яворова в обществе Синявской, сколько долгих часов провели они вместе над постройкой барки, в беседах и катаньях в лодке! Это идиллия. Жена коронного генерала, стойкого союзника Августа против Лещинского, Елизавета Синявская, урожденная княжна Любомирская, разделяла мятежную жизнь грубого победителя, не

вызывая злословия. Петр восхищался не столько ее красотой, сколько редким умом. Ему было хорошо с нею. Он слушал ее советы, хотя они подчас и не были по вкусу ему, потому что она стояла за Лещинского против царского любимца и даже против своего мужа. Петр сообщил ей о своем намерении уволить всех иностранных офицеров, состоящих у него на службе, а она осмелилась ему противоречить и на деле доказала ему его заблуждение, отослав немца-дирижера оркестра польских музыкантов. Тотчас же в оркестре послышались такие нестройные звуки, что даже мало чувствительное ухо царя было неприятно поражено. В другой раз он говорил о своем намерении опустошить русские или польские провинции, через которые Карл XII должен был пройти для того чтобы добраться до Москвы, а она его перебила и рассказала, как один муж, чтобы проучить жену, вздумал сделаться евнухом. Она была прелестна, и Петр невольно поддавался ее обаянию, облагораживался и весь преображался в присутствии этой чистой, тонкой, нежной, но вместе с тем твердой натуры.

V

Итак, мы видим, что женщины играли в жизни Петра большую роль; но и он, хотя в другом отношении, сыграл немалую роль в участи русской женщины. Чтобы сделать настоящую оценку всей деятельности великого человека, надо хоть вкратце рассмотреть и эту сторону дела.

В своем Коломенском дворце, в окрестностях Москвы, царь Алексей имел однажды пышную аудиенцию с важным иностранным посланником. Внимание дипломата было привлечено шелестом шелкового платья и звуком нежного голоса за полуоткрытой дверью. Оказалось, что аудиенция имела невидимых свидетельниц – обитательниц таинственного *терема*, любопытство которых вовлекло их в некоторое нарушение запрета. Вдруг дверь с шумом распахнулась, и появилась, краснея и конфузясь, красивая брюнетка в сопровождении мальчика, прятавшегося в ее юбку, но тотчас же скрылась среди общего смятения царедворцев. Красивая брюнетка была царица Наталья, а трехлетний мальчик с властными движениями, с которыми он распахнул дверь – тот, кому предназначено было впоследствии разрушить самые стены *терема*. Позднее в этой картинной сцене усматривалось предсказание.

В семнадцатом веке появилось в русском обществе какое-то недоверие и почти ненависть к женщине. Доказательством тому служат многие русские пословицы, например: «У бабы волос долог, да ум короток... Ум бабий, что дом без крыши. Бегай от женской красы, как Ной бежал от потопа. Коня сдерживай уздой, а жену угрозой. Не видавши женщины, думаешь, что она золотая, а увидавши узнаешь, что медная».

Современные русские историки склонны приписывать эту черту влиянию извне, чуждому русскому характеру. По природе своей русский человек скорее склонен признавать равенство обоих полов. В сущности русским действующим законам, также как и духу русскому и нравам, противен тот род подчинения женщины, который установился в законах и обычаях Запада. Если нет особого договора, то замужняя женщина в России владеет всем своим имуществом. Понятия, бывшие до петровского преобразования, а также учреждения и обычаи, соответствующие этому времени, в том числе и жизнь в *тереме*, занесены были в Россию с Востока и проистекали из охватившего Россию религиозно-аскетического течения со стремлением к монашеству, оставившего глубокий след на духовном и нравственном

развитии страны. *Терем не гарем*. Уединенная жизнь русской женщины в этой темнице исходила из совершенно иных побуждений.

Женщина скрывалась в тереме не из-за ревности мужчины, а из страха перед грехом и соблазнами мира, из религиозного стремления создать условия жизни, наиболее похожей на монашескую, более угодной Богу. По *форме* терем не взят целиком с Востока, но *идея* его, конечно, навеяна Византией. Это несомненно.

Но каково бы ни было наше понятие о тереме, он все-таки представлял собою строго оберегаемую темницу. Женщина, и особенно девушка, была в нем пленница. Она прозябала, лишенная воздуха и света в хоромах, похожих с виду на келию или темницу: над крошечными окошками спущены плотные занавески, а на дверях висят тяжелые замки. На всякий выход из терема необходимо было дозволение главы семьи, мужа или отца, и ключи от терема хранились у них в кармане или под подушкой. Во время пира, когда гости сидели за столом и на стол подавались пироги и кулебяки, жена хозяина показывалась на пороге своего терема. Тогда гости вставали из-за стола, отвешивали низкий поклон и целовались с хозяйкой. После того она тотчас же уходила. Но на девушку не должен был упасть ни один мужской взгляд до замужества; даже жених не видал своей невесты. Женились, не выдав жены и не показав ей себя. Сватовство происходило заочно через сваху и родственницу жениха, которая *высматривала* для него невесту и докладывала о своем осмотре родителям жениха. Но сваха действовала в пользу жениха. Невесте же осведомляться о качествах жениха считалось неприличным. Объявляя ей, что она просватана, отец указывал на плетку в знак того, что он передает власть мужу. Больше она ничего не видала, пока ее не вели к венцу. Обычай требовал, чтобы глава семьи при проводах употребил плетку в последний раз, а жених в первый – при встрече. Невесту отправляли в церковь под густым покрывалом. Она входила и стояла в церкви молча, и только отвечала на вопросы священника. Тогда только жених впервые слышал ее голос. За столом, после венца, молодых разделяла занавеска, и только когда вставали из-за стола, начиналась брачная жизнь обвенчанных. Тогда подруги вели невесту в брачную опочивальню, раздевали, укладывали в постель и ждали, пока жениха напоят пьяным. Тогда дружки приводили его в опочивальню, ставили зажженные свечи вокруг брачной постели в кадки с овсом, пшеницею и ячменем; постель стлали на ржаных снопах. Наступала торжественная минута. Тут-то, наконец, муж видел жену с непокрытым лицом. Она должна была приветствовать нового властелина. Укутавшись в длинную шубейку на куньем меху, она поднималась с постели, низко кланялась ему и откидывала покрывало...

Невеста могла оказаться горбатой, хилой, или лицом непригожа, а он ждал увидеть красавицу. Даже если сваха-смотрильница добросовестно исполнила свою обязанность, ее саму могли провести, показав другую девушку. Это нередко случалось. Обманутому мужу тогда оставался один исход: молить жену постричься в монахини и тем избавить его от неудачного выбора. Но затемненный виновными парами, он мог и не сразу разглядеть все недостатки жены, и для этого-то его и напавляли в достаточной мере. Он спохватывался только когда уже оказывалось поздно, и отступить уже было нельзя.

Можно себе представить, что за жизнь начиналась. Скандальная и судебная хроника того времени переполнены сведениями подобного рода: мужья, покидающие семейный очаг, сами ищут прибежища в тишине монашеской жизни; жены, доведенные до исступления варварским обращением недовольных мужей, хватаются за нож или яд, чтобы свергнуть с себя невыносимое иго.

Как ни ужасно наказание, которое налагалось на преступницу, оно не в силах было предотвратить такие случаи, и картины той эпохи переполнены подобными ужасами: мужеубийцу заживо закапывали в землю, но только до половины, и оставляли так на съедение червям и мукам голода и жажды, пока смерть-избавительница не сжалится над нею. Смерть же приходила иногда только на десятый день.

Если же брак оказывался без обмана, и муж оставался доволен, то на другой день брачная сорочка отсылалась к родителям и показывалась всем родственникам и близким людям. У простонародья это делалось даже при всех гостях, и сваха расстилала сорочку на полу и на ней отплясывала русскую под веселые свадебные песни. Но если сорочка оказывалась не в должном виде, то возмущенные дружки жениха клеймили дегтем дверь брачной горницы, потом выводили молодых на улицу, запрягали их в тележку и долго водили по улице, осыпая их бранью и насмешками.

Все это составляло часть общественного строя, описанного в «Домострое» при Иоанне Грозном советчиком его, попом Сильвестром, если не составившим это уложение, то по крайней мере собравшим его воедино. Обычаи эти частью занесены были в Россию татарами или Византией, частью же чисто туземного происхождения и носили на себе один общий характер: отпечаток варварства. Жена являлась жертвою, вполне подвластной мужу. Женщины высшего класса, в своем заточении в *теремах*, находили себе развлечение в нарядах и прическах, белились, румянились и даже нередко напивались допьяна. Когда в 1630 году русское посольство прибыло в Копенгаген, чтобы просватать дочь Михаила Феодоровича, царевну Ирину, за датского принца, то послы ставили в особую заслугу царевне, что она *в рот не берет ни водки, ни вина*. Простонародью не на что было рядиться, поэтому здесь преобладала выпивка. На таких-то жен возлагалась обязанность растить детей! Это зло хотел искоренить Петр Великий. И этого одного было бы достаточно, чтобы составить ему славу.

Правда, и до него уже пошатнулась непроницаемая стена этих темных, застарелых обычаев и понемногу расшатывалась все более и более. Несколько романический брак Алексея указывает на новое течение в нравах и обычаях того времени. Наталия привлекла к себе мужа личными достоинствами и уже не была окружена той неприступной стеной, которая держала ее предшественниц, хотя и в пышных хоробах, но в невыносимо скучном одиночестве. В известной мере Наталия уже принимала участие во внешней жизни мужа, иногда она сопровождала его на охоте, посещала вместе с ним спектакли, даваемые выписанными Матвеевым иностранными актерами, в стенах старого, изумленного Кремля. Она нередко даже выезжала с мужем в открытом экипаже, а это уже почти революция! В царствование слабого, хилого преемника Алексея освободительное движение женщин еще более выразилось. Царевны, сестры Феодора, не замедлили воспользоваться ослаблением власти и общею неурядицею. Наконец Софья захватила власть в свои руки, и восстановила права женщины в этой стране женского рабства.

Петр пошел еще дальше. По крайней мере прилагал все силы идти дальше. Указы его о браке проникают в народ и разбивают веками установившиеся предрассудки. Свадьба обыкновенно игралась тотчас же после сватовства, через несколько дней, нередко даже через несколько часов. Петр издал указ делать промежутки не менее шести недель, чтобы дать время жениху и невесте узнать друг друга. Конечно это средство не сразу и не вполне достигло цели. Недавний роман Мельникова «В лесах» показывает пережиток древних обычаев, продолжающих упорно держаться в определенной среде. Но все-таки несомненно

произошел огромный переворот. До Петра закон признавал полную, неограниченную власть мужчины, мужа над женою, отца над дочерью. Княгиня Салтыкова, урожденная Долгорукая, невестка царицы Прасковьи, за попытки избавиться от этого ига была замучена до полусмерти и бежала к отцу, избитая, покрытая ранами. Муж-изувер требовал ее к себе обратно, и ей еле-еле удалось добиться позволения похоронить свою молодость в монашеской келье. Можно себе представить, как дело обстояло в низших слоях. Именно в этом-то отношении общество особенно упорно сопротивлялось нововведениям. Деспотизм мужчины так прочно укоренился в нравах и обычаях страны, что сам Петр не посмел сразу разрушить его; он даже, как будто, поддерживал его (указами от марта – октября 1716 г.); но дух обновления, руководивший им, так противился такому порядку, что мало-помалу несправедливая власть уничтожилась, отжила и была окончательно предана забвению. В новом «Своде Законов» ее уже нет и в помине, и, наконец, Кассационный суд решительным постановлением объявил ее уничтоженной навсегда.

В высших слоях общества Петр как бы выводит за руку женщину из ее рабского положения, вводит ее в круг общественной жизни, светской и семейной и указывает место, которое она должна в ней занять. Она должна участвовать во всех собраниях, блистать красотой и очаровывать всех умною беседой и изящными манерами в танцах, услаждать слух общества музыкой. С декабря 1704 года по улицам Москвы стали появляться небывалые зрелища: молодые девушки участвовали в народных празднествах, катаясь по проспекту в открытых экипажах, и, бросая в толпу цветы, пели кантаты.

Преобразователь помышлял даже отправить боярских дочерей, вслед за братьями, доканчивать образование за границей. Но родители восстали, и ему пришлось отступить от этой мысли. Тогда он стал радеть о домашнем воспитании девиц и, в пример всем, выписал к дочерям своим, Анне и Елизавете, француженку; он сам присутствовал иногда на их уроках, следил за тем, чтобы им был придан европейский лоск и даже за тем, чтобы прически их и наряды были по последней парижской моде. За то, что невестка его, Прасковья, восставала против этих новшеств, он называл ее дом «убежищем дураков и недоумков» и своими поддразниваниями добился-таки того, что и ее вовлек в свои нововведения. Вдова царя Иоанна, таким образом, тоже олицетворила в себе тип русской женщины переходного времени, созданный великою реформой. Она наняла дочерям учителей-французов и сама брала уроки у немецкого преподавателя, но не могла расстаться с русским нарядом и сохранила многие дикие инстинкты. Она была, например, своих придворных девушек и, добиваясь признания в погрешности слуги, обливала ему голову водкой, которую всегда возила с собою, поджигала ее и ударяла палкой по образовавшимся обжогам.

Петр наметил так много преобразований, что, конечно, не мог один привести их в исполнение. На это потребовалось много времени. И, по правде сказать, по своей грубости и развращенности, он не мог быть вполне желательным вождем. Он часто останавливался на полпути, забывал к чему стремился, и эти остановки имели роковые последствия. Создав для женщины общественные собрания и отворив ей двери терема, он слишком часто знакомил ее с нравами солдатской жизни. Нравственный облик русской женщины надолго сохранит в себе следы такого приобщения к общественной жизни, которым она всецело обязана преобразователю.

Хотя вся деятельность этого великого человека заслуживает того же упрека, который несомненно умаляет его заслуги и славу, но даже и теперь, и не в одной России, женщина не

может не признавать в нем одного из самых сильных поборников в пользу восстановления ее прав, так же, как и цивилизация вообще не может не ставить его в ряды самых могущественных двигателей ее возвышения.

Этот грубый циник подметил в женщине не одно ее прекрасное тело для плотских наслаждений; он признал в ней нечто высшее. Он выдвинул ее в обществе и в семье и приблизил к новейшему идеалу.

Этого одного достаточно, чтобы искупить многие ошибки, хотя бы среди окружающих царя женщин и не было той, о которой я сейчас буду говорить.

Глава 3 Екатерина

I

В июль 1702 г., в начале шведской войны, генерал Шереметьев, которому поручено было занять Лифляндию и прочно основаться в ней, осадил Мариенбург. После нескольких недель мужественной обороны город был доведен до крайности, и комендант решил взорвать крепость и погибнуть вместе с ней. Он призвал к себе нескольких жителей, сообщил им по секрету о своем решении и предложил возможно скорее покинуть крепость, если они не хотят разделить участь его и его отряда. В числе предупрежденных лиц был местный лютеранский пастор. Он выехал с женой, детьми и служанкой, не захватив с собою ничего, кроме славянской библии, которая могла послужить ему, как он надеялся, пропуском у осаждавших город. Когда его остановили на аванпосте, он стал махать своей книгой, сказал тут же несколько мест из нее наизусть, чтобы показать свое блестящее знание языков, и предложил взять на себя роль переводчика. Решено было послать его в Москву с семьей. Но что делать с этой девушкой? Шереметьев взглянул на служанку и нашел, что эта цветущая блондинка очень недурна. Он улыбнулся. Пусть она остается в лагере; полки не будут этим недовольны. Петр еще не думал тогда об изгнании прекрасного пола из среды своих войск, как он это сделал впоследствии. Приступ назначен был на завтра, а пока можно поразвлечься. Девушка очутилась за столом со своими новыми товарищами. Она была весела, не дичилась, и ее приняли очень приветливо. Музыканты заиграли на гобое. Собрались танцевать. Вдруг страшный взрыв прервал ригурнель, танцующие еле устояли на ногах, а служанка, вне себя от ужаса, очутилась в объятиях драгуна. Комендант Мариенбурга сдержал свое слово, и при этом громовом ударе и в объятиях солдата Екатерина Первая вступила, так сказать, в историю России.

Эта служанка была именно она.

В то время она не носила еще имени Екатерины, и нет определенных сведений о том, как ее звали, откуда она была родом и как очутилась в Мариенбурге. В истории, как и в легенде, ей дают несколько фамилий и называют несколько мест ее рождены. Все более или менее достоверные документы и все предания, более или менее заслуживающая доверия, единогласно утверждают только то, что такой удивительной судьбы не выпадало на долю никакой другой женщины. Это уже не «роман Императрицы», а сказка из «тысячи и одной ночи». Попытаюсь передать не то, что достоверно, – достоверного нет почти ничего, – но то, что по крайней мере правдоподобно в этой совершенно исключительной судьбе.

Она родилась в каком-то местечке в Лифляндии. Была ли это польская Лифляндия или шведская – неизвестно; было ли это местечко Вышки-Озеро в окрестностях Риги, или местечко Ринген в Дерптском, теперешнем Юрьевском, округе, тоже подлежит сомнению. 11 октября 1718 г., в день годовщины взятия шведского города Нотебурга, Петр писал той, которая в то время сделалась уже его женой: «Катеринушка, друг мой сердешницей, здравствуй! Поздравляю вас сим счастливым днем. Нога в ваших землях фут взяла, и сим ключом много замков отперто». Сама она, кажется, очень дорожила Польшей. Ее сестры и братья, разысканные впоследствии, назывались Скворощенко или Скворотские, что переделали, вероятно, для благозвучия, в Скавронских. Быть может, это была семья эмигрантов, – во всяком случае простых крестьян, – бежавших, вероятно, от слишком сурового крепостного права на родине, в надежде найти менее тяжелое существование. Екатерине было 17 лет, и она была сирота. Предполагают, что мать ее принадлежала ливонскому дворянину фон Альвендалю, сделавшему ее своей любовницей. Екатерина была плодом этой связи, быть может, кратковременной. Так как ее законные отец и мать умерли, а незаконный отец ее бросил, то пастор Глюк приютил ее у себя еще ребенком. Она учила катехизис, но не училась азбуке. Впоследствии она умела только подписывать свое имя. Она выросла в этом приютившем ее доме и с годами старалась быть полезной, помогала в хозяйстве, смотрела за детьми. У Глюка жили посторонние ученики, и она также помогала прислуживать им. Двое из них рассказывали впоследствии, что она готовила им слишком маленькие бутерброды. Она всегда любила экономить. Но есть свидетельства, что в другом отношении она рано стала проявлять большую щедрость. Один литовский дворянин Тизенгаузен и другие пансионеры пастора пользовались, как говорят, ее милостями. Говорят даже, будто у нее родилась в это время дочь, умершая через несколько месяцев. Незадолго до осады пастор решил было положить конец распущенности ее поведения, выдав ее замуж. Но ее муж или жених – в точности неизвестно – шведский драгун по фамилии Крузе, исчез после взятия города. Он был взят в плен русскими и отправлен далеко от своей родины, или по другой версии, более достоверной, его отправили во время перемещения войск, с его полком в сторону Риги, что и спасло его от катастрофы. Это случилось или до, или после совершения брака. Сделавшись императрицей, Екатерина нашла со временем на его след и назначила ему пенсию.

Пленница служила утешением отряду русской армии, стоявшему в Лифляндии, была сначала любовницей унтер-офицера, который ее бил, а потом самого главнокомандующего, которому она скоро надоела. Как она попала в дом Меншикова, на этом свидетельства опять расходятся. Одни говорят, что временщик взял ее сначала к себе в услужение, чтобы стирать его рубашки. В одном из своих писем к Петру, написанном уже в то время, когда она стала его женой, она как бы намекает на этот факт из своего прошлого: «Хотя и есть, чаю, у вас новые портамои (прачки), однакож и старая вас не забывает». Но Петр возразил любезно: «А что пишешь, что у нас хотя и есть портамои, однакож вы послали рубашки, и то друг мой, ты, чаю описалась, понеже у Шафирова то есть, а не у меня; сама знаешь, что я не таковский да и стар».

Верно то, что вначале Екатерина занимала довольно низкое положение у своего нового покровителя. В марте 1706 г. Меншиков писал своей сестре Анне и двум девицам Арсеньевым, прося их приехать в Витебск на праздник Пасхи; при этом он высказывал предположение, что они побоятся ехать по дурной дороге, и просил в таком случае: «Буде того не желаете, или опасаясь распутицы, ехать не изволите, и вы пришлите ко мне

Катерину Трубачеву да с нею других девок немедленно. Фамилия „Трубачева“, происходящая от корня „труба“, является, может быть, намеком на мужа или жениха красавицы.

Между тем важное событие вкралось уже в жизнь той, которой все так свободно распоряжались до сих пор: Петр ее заметил и не остался равнодушным к ее прелестям. Об этой первой встрече рассказывают также различно. Зайдя к Меншикову после взятия Нарвы, царь был удивлен чистотой всей обстановки временщика и его собственной особы. Как он достигает того, чтобы иметь такой порядок в доме и такое свежее белье? Вместо ответа Меншиков открыл дверь, и государь увидал красивую девушку, в фартуке, которая перескакивала с одного стула на другой и от одного окна к другому, усердно вытирая губкой оконные стекла. Картина пикантная; одна беда: Нарва была взята в августе 1704 г., а в это время Екатерина была беременна, по крайней мере в первый раз от Петра. В марте месяце следующего года у нее был уже от него сын, маленький «Петрушка», о котором Петр говорит в одном из своих писем. Через 8 месяцев у нее было уже двое сыновей.

Эти дети были, очевидно, дороги великому человеку, так как он думает о них среди ужасных забот, поглощавших его в эту минуту. К матери он как будто относился довольно равнодушно. Обстоятельства, при которых совершился ее переход из дома временщика в дом царя, перетолковывались на все лады, получая в иных передачах драматический оттенок. После того как между двумя друзьями состоялось соглашение и формальная передача прав, Екатерина поселилась в своем новом доме и тут увидела, как рассказывают, великолепные драгоценные вещи. Тогда она будто бы залилась слезами и спросила своего нового покровителя: «Откуда эти украшения? Если они присланы „тем“, я возьму только это маленькое колечко; если вы их положили, то как вы могли подумать, что они мне нужны, чтобы понравиться вам?»

По всей вероятности, дело обстояло гораздо проще. Мне трудно себе представить, чтобы Екатерина могла быть так бескорыстна, а Петр так расточителен. К тому же эта сцена относится, конечно, к тому времени, когда прекрасная уроженка Лифляндии и ее державный покровитель были уже связаны двойными семейными узами. А между тем и в последующие годы я не вижу никакой заметной перемены в скромном и двусмысленном положении, которое Екатерина продолжала занимать среди своих товарок в общем женском тереме, где Петр и Меншиков развлекались по очереди или оба вместе. Екатерина то с царем, то с временщиком. В Петербурге она жила со всеми этими дамами в доме Меншикова, оставаясь неизвестной и снисходительной любовницей. У Петра были в это время еще другие любовницы, но Екатерина не осмеливалась упрекать его за это. Она даже охотно занималась сводничеством, ухитряясь извинять недостатки и даже неверности своих соперниц и вознаграждая за неровности их настроения своим неиссякаемым весельем. Таким образом, она незаметно, шаг за шагом входила все больше и больше в душу государя и во все его привычки, внедрялась в них все крепче и крепче и становилась ему необходимой. Была минута в 1706 г., когда он боялся, казалось, чтобы она не ускользнула от него, как Монс. Его начинали заботить те неудобства, которые могут возникнуть из совместного с Меншиковым пользования своими правами и удовольствиями. Он чувствовал как бы упреки совести, которые были, может быть, только бессознательными проблесками ревности. До сих пор он долго осмеивал данное временщиком Анне Арсеньевой обещание на ней жениться и считал его невыполнимым; теперь оно представлялось ему законным и священным, и он писал своему «второму я»: «Еще вас о едином прошу: ни для чего, только для Бога и души моей, держи пароль».

Меншиков покорился, и Петр последовал его примеру, но гораздо позднее. Правда, с этих пор Екатерина считалась уже соединенной с ним тайным браком. С 1709 г. она не покидала царя. Когда она сопровождала его в Польше и в Германии, с ней обращались почти, как с государыней. Рождение еще двоих детей – двух девочек, – связало ее еще теснее с ее покровителем. Но официально она оставалась все еще его фавориткой. Уезжая из Москвы в январе 1708 года, чтобы присоединиться к армии и выступить вместе с ней в поход, считавшийся решительным, Петр оставил следующую записку: «Ежели что случится волею Божию, тогда три тысячи рублей, которые ныне во дворе господина князя Меншикова, отдать Катерине Васильевной и с девочкой». – Piter.^[16]

Они еще недалеко теперь оба от дуката первой ночи. Когда и как возникло это окончательное решение, – решение, по-видимому, невозможное, экстравагантное, безумное, – сделать из этой девушки более или менее законную супругу и императрицу? Говорят, это случилось в 1711 г., после похода на Прут. Своей постоянной преданностью, храбростью, присутствием духа в критические минуты, Екатерина победила последние колебания Петра. Он был покорен, и в то же время он уже усматривал возможность сделать извинительным в глазах народа выбор такой подруги и такой государыни. Русская армия и ее глава были избавлены от непоправимого бедствия и неизгладимого позора вмешательством бывшей служанки. Если царь поведет ее к алтарю и увенчает ее чело императорской короной, он только уплатит общественный долг. Впоследствии Петр высказал это открыто в манифесте, обращенном к его подданным и к Европе.

Но это, увы! опять-таки не более как остроумная гипотеза, противоречащая фактам и числам. Освободительная роль Екатерины на берегах молдавской реки, где русская армия была окружена турками и татарами, – роль, которую не раз оспаривали и которую можно оспаривать, – относится к июню месяцу 1711 года. Между тем как Петр уже *шесть месяцев тому назад* признал уроженку Лифляндии своей женой. Его сын Алексей, живший тогда в Германии, получил известие об этом в самом начале мая месяца и написал своей мачехе поздравительное письмо.^[17]

Великий реформатор был не из таких, чтобы подыскивать более или менее законные оправдания своим решениям и своим поступкам. Правда, *десять лет спустя*, в минуту коронования прежней служанки, он нашел уместным напомнить о той опасности, которая была отвращена в 1711 году благодаря ее содействию. Но тогда, надо думать, ему необходимо было указать на смысл и важность этой необычной церемонии, в которой он, за отсутствием наследника престола, хотел как бы показать инвестицию своего наследства; надо было обеспечить «после своей смерти» исполнение воли, в которой, пока он был жив, он никому не давал отчета. К этому же времени относится опубликование манифеста, о котором я упоминал выше. Петр как будто хотел отдать в нем отчет в своих действиях тем, кто переживет его.

Я должен добавить, что самый факт брака отрицался. Но мы имеем достаточно убедительное доказательство в депеше английского посланника Витворта, писавшего из Москвы 20 февр. (2 марта) 1712 года: «Вчера царь всенародно праздновал брак со своей женой Екатериной Алексеевной. Прошлой зимой, за 2 часа до отъезда из Москвы, он призвал к себе вдовствующую царицу свою сестру, царевну Наталью, и еще двух сводных сестер и объявил им, что эта дама его супруга и что они должны уважать ее, как таковую. Они должны были также, в случае если бы его постигло какое-нибудь несчастье в предстоящем походе, признать за ней звание, преимущества и доходы, принадлежащие

обыкновенно вдовствующим царицам, так как она его настоящая жена и, хотя он не успел совершить обряда сообразно обычаям страны, но сделает это в самом ближайшем будущем... Теперь приготовления заняли 4 или 5 дней, после чего, 18-го текущего месяца г. Кикин, один из начальников адмиралтейства, и генерал-лейтенант Ягужинский, – два лица, находящиеся в большой милости у государя, – посланы были пригласить гостей на „прежнее“ бракосочетание Его Величества (им был дан приказ употреблять именно это выражение). Царь женился в звании контр-адмирала, и поэтому офицеры его флота должны были исполнять первые роли в церемонии, за исключением министров и представителей дворянства. Вице-адмирал Крюйс и один контр-адмирал были посаженными отцами, а вдовствующая царица и жена вице-адмирала – посаженными матерями. Собственные дочери Екатерины, 5 и 3-х лет, исполняли обязанности фрейлин... Бракосочетание было совершено частным образом, в 7 часов утра, в маленькой часовне, принадлежащей князю Меншикову. Присутствовали только те лица, которые были обязаны явиться по своим должностям».

Впрочем, по словам Витворта, в этот день был большой прием во дворце, парадный обед; был и фейерверк. Голландский резидент де Би говорит, со своей стороны, о празднестве, данном по этому поводу князем Меншиковым. Таким образом, церемония получила в достаточной степени публичный характер. Мотивы, которыми руководился Петр, и постепенный ход его мыслей и чувств, приведших к необыкновенной развязке его романа, кажутся мне достаточно выясненными в английском документе, если сравнить его с вышеприведенными. Петр заботился явно об обеспечении будущего своей подруги и ее детей и год от года все больше и больше стремился к этому по мере того, как росла его привязанность к ним, нежность и уважение к ней. Перед походом 1708 года, равно как и перед походом 1711 года, он просто хотел исполнить требование своей совести, не заботясь о том, какое впечатление это произведет. В первый раз дар в 3000 р. показался ему достаточным; во второй раз он счел нужным доставить Екатерине все преимущества мнимого брака. Затем, считая себя, конечно, к тому обязанным (он пропустил еще год и, по всей вероятности, выдержал за это время какой-нибудь натиск, как от самой Екатерины, так и от каких-нибудь лиц, знакомых с этой внутренней драмой, так как Екатерина умела находить себе друзей), он сдержал свое слово, не придавая, однако, особого блеска этому событию. Так как никакая духовная власть не расторгла первого брака Петра с Евдокией, и эта последняя была еще жива, то существовало мнение, будто этот второй брак был совершенно недействителен. Я согласен с этим, но тем не менее считалось, что Екатерина была повенчана должным образом. Посмотрим, что думали и говорили о новой царице ее современники.

Вот как рисует ее портрет барон Пёльлиц, который видел ее в 1717 году.

«Царица была в цвете лет, и ничто в ней не указывало на то, чтобы она могла быть когда-нибудь красива. Она была высока ростом, и полна, очень смугла, и казалась бы еще смуглее, если бы слой румян и белил не скрадывал несколько смуглый цвет ее лица. В ее манерах не было ничего неприятного, и можно бы даже назвать их хорошими, если принять во внимание происхождение этой государыни. Если бы подле нее было какое-нибудь разумное лицо, то она наверное развилась бы, так как у нее было много доброй воли, но трудно было найти кого-нибудь смешнее, чем дамы ее свиты. Говорили, что царь, государь необыкновенный во всех отношениях, находил удовольствие в том, чтобы выбирать именно таких, с целью унижить других придворных дам, более заслуживавших первенства... Можно сказать, что, если эта государыня не обладала всеми прелестями своего пола, она обладала его кротостью... Во время своего пребывания в Берлине она выказывала большое уважение королеве, и показала, что ее высокое положение не заставило ее забыть разницы между этой государыней и ею».

Маркграфиня Байрейтская, воспоминания которой относятся к событиям, происходившим на год позже, выказывает, как и надо было ожидать, меньше снисходительности:

«Царица была небольшого роста, плотная, очень смуглая и не отличалась ни красотой, но грацией. Достаточно было увидеть ее, чтобы угадать ее низкое происхождение. По странному наряду ее можно было принять за немецкую актрису. Ее платье, очевидно, куплено на толкучке; оно было старомодное и все покрыто серебром и грязью. Весь перед ее платья был убран драгоценными камнями. Они составляли странный рисунок: это был двуглавый орел, все перья которого были зашиты самыми мелкими алмазами в оправе. Вдоль отворотов ее платья была нашита дюжина орденов и столько же образов святых и мощей, так что, когда она шла, можно было думать, что идет навьюченный мул».

Но маркграфиня была ехидна. Кампредон, сам не бывший образцом снисходительности, признает, однако, за царицей проницательность и политический ум. Если она и не спасла армии во время Прутского похода, то эта заслуга осталась за ней во время похода на Персию. По рассказам Кампредона, Петр является здесь не в очень лестном свете. В сильную жару Петр дал своим войскам приказ выступить в поход, а сам заснул. Просыпаясь, он увидел, что ни один человек не двинулся, и на вопрос его: «Какой же генерал отменил мое приказание?» государыня отвечала: «Это сделала я, потому что иначе ваши люди издохли бы от жары и жажды».

Я уже сказал, что портреты лифляндки, сохранившиеся в галерее Романовых в Зимнем Дворце, не дают никакого понятия о тех прелестях, которым она обязана своей счастливой судьбой. В этих портретах нет ни красоты, ни изящества. Очень полное лицо, круглое и вульгарное, некрасиво вздернутый нос, глаза на выкате, полная шея, общий вид служанки из немецкой гостиницы. Вид ее башмаков, благоговейно хранящихся в Петергофе, навел графиню Шуазель-Гуфье на мысль, что царица жила *на широкую ногу*. История должна искать иного объяснения судьбы Екатерины. Эта неуклюжая женщина мало соблазнительной наружности по силе и выносливости своего физического темперамента почти не уступала самому Петру, а в нравственном отношении была гораздо уравновешеннее его. В период времени от 1704 г. по 1723 год она принесла своему любовнику, ставшему

потом ее мужем, одиннадцать детей, большинство которых умерло в раннем возрасте, и частая беременность проходила для нее почти незаметно, не мешая ей сопровождать государя во всех его странствованиях. Она была настоящей женой офицера, «походной офицерской женой», по местному выражению, способной совершать походы, спать на жесткой постели, жить в палатке и делать верхом на лошади двойные и тройные переходы. Во время Персидского похода она обрила себе голову и носила гренадерскую фуражку. Она делала смотр войскам, проезжала по рядам перед сражением, ободряя словами солдат и раздавая им стаканы водки. Пуля, сразившая одного из людей, бывших в ее свите, не смутила ее. Когда после смерти Петра соединенные эскадры Англии и Дании угрожали Ревелю, она собиралась сесть на один из кораблей своего флота и отправиться сама, чтобы отразить врагов.

Екатерина не лишена была некоторого кокетства: свои белокурые волосы она красила в черный цвет, чтобы свежий цвет лица выделялся еще ярче, запрещала придворным дамам подражать ее туалетам, танцевала чудесно и выполняла артистически самые сложные пируэты, в особенности когда сам царь был ее партнером. С другими танцорами она обыкновенно только делала па. В ее характере самая нежная женственность соединялась с чисто мужской энергией. Она умела быть любезной с окружающими и сдерживать самые дикие вспышки Петра. Ее низкое происхождение совсем не смущало ее; она о нем помнила и говорила о нем охотно с людьми, знавшими ее до ее возвышения – с немцем-учителем, занимавшимся у Глюка, когда она еще служила в его доме, с Витвортом, который может быть, хвастается, давая понять, что он был с ней очень близок, и которого она пригласила раз на танец, спрашивая, «не забыл ли он прежней Катеринушки».

Очень большое влияние, которое Екатерина имела на мужа, зависело отчасти, по свидетельству современников, от ее умения успокаивать его в минуты нервного возбуждения, которое сопровождалось нестерпимыми головными болями. Переходя от полного угнетения к неистовству, он, казалось, был близок к безумию, и все бежали от него. Она подходила к нему без всякого страха, заговаривала с ним своим особым языком, полным ласки и в то же время твердости, и самый ее голос уже действовал на него успокоительно. Потом она брала его за голову и тихонько ласкала, проводя рукой по его волосам. Скоро он засыпал, положив голову ей на грудь. Тогда она сидела неподвижно два или три часа, дожидаясь благодетельного действия сна, и просыпаясь, Петр был опять свеж и бодр.

Она старалась также сдерживать всякого рода излишества, которым он предавался: ночные оргии, пьянство. В сентябре 1724 года под предлогом спуска нового корабля состоялся пир, затянувшийся, по обыкновению, до бесконечности. Тогда Екатерина подошла к двери каюты, где Петр заперся с ближайшими друзьями, чтобы пить вволю, и крикнула ему: «Пора домой, батюшка». Он послушался и ушел вместе с ней.

Екатерина кажется действительно любящей и преданной, хотя несколько театральное проявление горя после смерти великого человека набрасывает некоторую тень на искренность ее чувств. Вильбуа говорит о двух англичанах, которые, в течение 6-ти недель наслаждались ежедневно этим зрелищем в часовне, где стояло тело почившего, и заявляет, что сам он испытывал при этом такое же волнение, как при представлении «Андромахи». Однако это не мешало царице требовать в то же время наследства после царя с большой энергией и полным присутствием духа. Привязанность Петра была менее подозрительна; она была несколько грубовата, но прочна. Письма, которые он писал Екатерине в редкие моменты разлуки, выражают с очевидной искренностью глубокую привязанность «старика»,

как он любит называть себя, к своей «Катеринушке», к «другу сердечному», к матери дорогого «шишеньки» (маленького Петра). Эти письма носят обыкновенно веселый и шутливый характер. Никаких громких фраз; простые слова, идущие от сердца. Страсти нет, но много нежности. Письма не пылают огнем, но светятся тихим и ровным светом. Ни одной резкой ноты, и всегда выражается желание увидеть возможно скорее любимую женщину и еще того более подругу, товарища, с которым чувствуешь себя хорошо. Он «ждет не дождется, когда ее увидит», пишет царь в 1708 году, «потому что скучно без нее, и некому посмотреть за его бельем». В своем ответе она высказывает предположение, что он наверное плохо причесан в ее отсутствие. Он отвечает, что она угадала, но пусть она приезжает, тогда найдется старый гребень, чтобы привести дело в порядок. А пока он посылает ей свои волосы.^[18]

Как и прежде, письма часто сопровождалась подарками: в 1711 году Петр посылает часы, купленные в Дрездене, в 1717 году мехельнские кружева, лисицу и пару голубей с Финляндского залива.^[19] В 1723 году он пишет Екатерине из Кронштадта и извиняется, что ничего не посылает ей, за неимением денег. Проезжая через Антверпен, он отправляет ей пакет, покрытый печатями с его гербом и адресованный «Ее Величеству царице Екатерине Алексеевне». Открыв ящичек, мать «шишеньки» нашла там только клочок бумаги с надписью большими буквами: «1-ое апреля 1717 года».^[20] Екатерина тоже посылала небольшие подарки, всего чаще напитки, фрукты, теплую жилетку.^[21] В 1719 году, Петр заканчивает одно из своих писем выражением надежды, что они в последний раз проводят лето вдали друг от друга.^[22] Через несколько времени он послал Екатерине букет сухих цветов с вырезкой из газет, где рассказывается о чете стариков, достигших – муж 126 лет, а жена 125-ти.^[23] 26 июня 1724 года, приехав в С.-Петербург и не застав там Екатерины, которая находилась в одной из дачных резиденций, в Петергофе или Ревеле, он тотчас же посылает за ней яхту и пишет ей:

«Вчера с помощью Божию сюды прибыли благополучно. Большую хозяйку и внучат нашел в добром здоровьи, также и все – как дитя в красоте растущее, и в огороде повеселились: только в палаты как войдешь, так бежать хочется – все пусто без тебя: одна медведица ходит... и ежели бы не праздники, уехал бы в Кронштадт и Питергоф. Для приезда вашего сюды послал я яхту Наталью да два дамшхойта для людей; также послал венгерского, пива, помаранцоф, лимоноф, и агурцоф соленых новых, которых здесь есть уж и по партикулярным домам».

Екатерина тоже, кажется, была очень опечалена его отсутствием. В июле 1714 года княгиня Голицына, находившаяся с ней в Ревеле, пишет государю следующую выразительную записку: «Всемилоостивейший государь, дорогой мой батюшка! Желаем пришествия твоего к себе вскоре и, ежели Ваше Величество изволишь замедлить, воистину, государь, проживание мое стало трудно. Царица государыня всегда не изволит опочивать за полночь. Три часа я при Ее Величестве безотступно сижу, а Кирилловна, у кровати стоя, дремлет. Царица государыня изволит говорить: – „Тетушка, дремлешь?“ – Она говорит: – „Нет, не дремлю, а на туфли гляжу“. А Марья по палате с постелью ходит и среди палаты стелет, а Матрена по палатам ходит и со всеми бранится, а Крестьяновна за стулом стоит да и глядит на Царицу государыню. Пришествием твоим себе от спальни получу свободу».

От первого времени их связи сохранились только письма, адресованные государем вместе Екатерине и Анисии Кирилловне Толстой, которую он называл «теткой». Екатерина называлась «мать». Он писал: *Muder*, по-голландски, русскими буквами. Это прозвище

остается за ней до 1711 года; с этих пор Петр начинает называть ее более близкими, ласковыми и личными именами: «Катеринушка», «сердечный друг» и т. д. Но она сама только много позже, с 1718 года, решилась подражать ему в этом отношении, тогда как прежде называла его только: «Ваше Величество»; начиная с 1718 г. он уже становится ее «сердечным другом», ее «батюшкой», или же она называет его просто: «мой друг». Раз она решилась даже подделаться под его шуточный тон и адресовала письмо так: «Его превосходительству, знаменитейшему и высочайшему князю-генералу, генерал-инспектору, кавалеру компаса и увенчанного топора» (письмо по-немецки). Эта переписка никогда не была, да и не могла быть, напечатана целиком; она включает в себе большую долю слишком грубого эротизма, так как сам Петр, а вслед за ним и Екатерина со спокойной совестью доходят до такого цинизма мысли и выражений, который и показался бы вызовом, брошенным печати:

«И я чаю, что ежелиб мой старик был здесь, то-б и другая шишечка на будущий год поспела», – пишет Екатерина в минуту разлуки. Таков тон, а самые выражения часто еще менее сдержаны.

В 1724 г., в годовщину своего бракосочетания, которая праздновалась в Москве, Петр сам приготавливал фейерверк, который должен был быть пущен под окнами императрицы. Их инициалы переплетались в сердце; над этим сердцем помещалась корона, а по бокам эмблемы любви. Крылатая фигура, изображавшая купидона, несущего факел и все свои другие атрибуты, кроме повязки, летела по воздуху и зажигала ракеты. Купидон, обыкновенно бывающий третьим лицом между любящими, не имел крыльев, но хотя нежность Петра и Екатерины не очень возвышенного характера и местами даже грязновата, все же она представляет привлекательное и трогательное зрелище. Она проникнута безыскусственным и здоровым добродушием. После Ништадского мира Петр подсмеивался над женой по поводу ее ливонского происхождения: «Как договором постановлено всех пленных возвратить, то не знаю, что с тобой будет». Она целует ему руку и отвечает: «Я ваша служанка: делайте, что угодно. Не думаю однакож, чтоб вы меня отдали: мне хочется здесь остаться». – Царь отвечал: – «Всех пленных отпущу: о тебе же условлюсь с королем шведским». Этот анекдот, может быть, вымышлен, но он правдиво рисует отношения Петра и Екатерины. Но Екатерина, со своей стороны, проявляла как будто больше лукавства и женской хитрости. Говорят, что во время совместного пребывания в Риге она нашла случай показать государю на старом пергаменте, взятом из архива этого города, пророчество, по которому русские должны были завладеть страной только после события, казавшегося неправдоподобным: «Царь должен был жениться на ливонке». Часто она указывала ему на то, что ничто ему не удавалось, пока он ее не знал, тогда как после того один успех сменялся другим. Тут уже начиналась историческая действительность, и факты, больше чем пророчество, способны были производить впечатление на ум сурового воина.

Нет, конечно, он никому не отдал бы приобретения, сделанного в Мариенбурге. Екатерина обладала тысячею приемов быть ему приятной, полезной, необходимой. Как и прежде, она следила неревнивым, но зорким глазом за любовными прихотями своего супруга, заботясь только о предупреждении слишком серьезных последствий,^[24] вступаясь всегда в удачную минуту. Нартов рассказывает случай с одной прачкой, родом из Нарвы – землячкой Екатерины – ухаживание за которой со стороны государя стало принимать одно время довольно тревожный характер. Петр был очень удивлен, найдя однажды эту девушку в покоях государыни. Он сделал вид, что не знает ее. Откуда она явилась? Екатерина спокойно

ответила: «Мне так хвалили ее ум и красоту, что я решилась взять ее к себе в услужение, не посоветовавшись с вами». Он не ответил ни слова и стал искать в другом месте новых развлечений.

Вместе с тем Екатерина не проявляла никаких претензий на вмешательство в дела государства, никакого духа интриги. «Что касается царицы», пишет Кампредон в марте 1721 г., «то хотя царь и очень ласков с ней и очень нежен с княжнами, ее дочерьми, но она не имеет никакого влияния на дела и не вмешивается в них. Она полагает всю свою заботу в том, чтобы сохранить расположение царя, отвращать его по мере сил от излишеств в употреблении вина и от других невоздержанностей, очень ослабивших его здоровье, и умерять его гнев, когда он готов разразиться на кого-либо».

Ее вмешательство при прутской катастрофе, – если предположить, что оно действительно имело место, – было единичным фактом. Ее переписка с мужем показывает, что она была в курсе заботивших его вопросов, но только в общих чертах. Он обращается к ней с маловажными поручениями, покупкой вина и сыра для предположенных им подарков, наймом художников и мастеровых для работы за границей. Он часто говорил с ней доверчивым тоном, но всегда касался только общих идей, не входя в подробности. В 1712 г. он писал ей: «Мы, слава Богу, здоровы, только зело тяжело жить, ибо я левшею не умею владеть, а в одной правой руке принужден держать шпагу и перо; а помочников сколько, сама знаешь».

Екатерина сумела определить свою роль и взять на себя такую обязанность, выбор которой указывает на изумительное для этой крестьянки понимание своего положения. Французский дипломат намекает на это в только что приведенном тексте. Она понимала, что рядом с великим преобразователем, игравшим до крайности свою роль неумолимого судьи, существовала другая необходимая роль, – проявления сострадания и милосердия, что эта роль была как раз по ней, смиренной служанке, познавшей все горести жизни; что, взяв на себя эту роль, испрашивая возможно больше прощения другим, она должна была заставить простить и ей ее возвышение, и что, наконец, среди злобы и ненависти, окружавших государя из-за насильственного дела преобразования, круг лиц, расположенных к государыне и благодарных ей может когда-нибудь, в случае поворота судьбы, послужить ей защитой и прибежищем.

Он оказался ей действительно нужным и послужил ей больше чем прибежищем после смерти Петра. Как некогда Лефорт, но с гораздо большим тактом и последовательностью, она постоянно вступалась в тот кровавый конфликт, который дело, преследуемое царем, создавало между ним и его подданными, и который топор, виселица и кнут обостряли со дня на день. Петр иногда скрывал от нее назначаемые наказания. К несчастью, она не сумела, кажется, удовлетвориться теми прочными преимуществами, которые сулил ей этот образ действий. Со временем она захотела извлекать из него более непосредственную выгоду. Она вообразила себе, или ей дали понять, что ей нужно было основать свою судьбу на прочном денежном фундаменте. Она думала, или другие убеждали ее в том, что со временем ей нужны будут деньги, много денег, чтобы платить за необходимое содействие и предотвращать возможные неудачи. И она начала собирать деньги со своих клиентов. Чтобы постучаться к ней в дверь, в надежде избежать ссылки или смерти, надо было явиться с мешком в руке. Она скопила таким образом большие капиталы, которые поместила по примеру и, конечно, по совету Меншикова в Амстердаме и в Гамбурге на вымышленные фамилии. Этот прием недолго ускользал от пронизательности Петра, и это открытие было,

вероятно, поводом к образованию тех туч, которые омрачили под конец ясность супружеского горизонта царя и царицы. В 1718 г. Екатерина взялась спасти от виселицы князя Гагарина, виновного в громадных взятках, в бытность его генерал-губернатором Сибири. Екатерина получила с него значительные суммы и часть их употребила на подкуп князя Волконского, которому поручено было расследование дела. Это был старый, изувеченный солдат, но его славное прошлое не спасло его от искушения. Арестованный в свою очередь, Волконский представил в свое оправдание, что он боялся, отвергая предложения царицы, поссорить ее с царем. Возражение, которое приписывается Петру, вполне соответствует его характеру и его стилю:

«Дурак, нас ты бы не поссорил; я только бы хорошенько жену поучил, что и сделаю, а тебе виселица».

III

Трагический конец ссоры царя со старшим сыном явился для мачехи несчастного Алексея высшей победой, резким толчком к той головокружительной высоте, которой достигла ее судьба. Естественно, что ей приписывается некоторое более или менее прямое участие в подготовке этой развязки. Я еще вернусь к этому вопросу. После того ее собственный сын стал наследником престола, и это является новой связью между нею и отцом этого ребенка. Она даже навязывала мужу до некоторой степени свою семью, державшуюся до сих пор в стороне, неизвестную семью лифляндских крепостных. В этом отношении ей помогла, кажется, простая случайность. На дороге из Петербурга в Ригу один ямщик протестовал против дурного обращения со стороны одного из путешественников, ссылаясь при этом на августейшее родство. Его арестовали, сообщили об этом царю; тот назначил расследование и очутился совершенно неожиданно обладателем целой многочисленной семьи шурьев и своячениц, племянников и племянниц. Екатерина слишком легко их позабыла. Ямщик Федор Скавронский был ее старшим братом. Он был женат на крестьянке, и имел трех сыновей и трех дочерей. Другой брат, еще холостой, занимался полевыми работами. Старшую из сестер звали Екатериной, младшую, возведенную теперь на трон под тем же именем, прежде звали Мартой. Екатерина старшая занималась, как говорят, в Ревеле позорным ремеслом. Третья сестра, Анна, была замужем за честным крепостным, Михаилом-Иоахимом; четвертая вышла замуж за крестьянина, освобожденного от крепостной зависимости, Симона-Генриха, который поселился в Ревеле и занялся сапожным ремеслом.

Петр призвал ямщика в Петербург, устроил ему свидание с сестрой, в доме денщика Шапилова и, когда подлинность его была установлена, отослал его в деревню, назначив ему пенсию. Он принял меры, чтобы обеспечить всем этим родственникам скромное существование, и устроил так, чтобы больше ничего о них не слышать. Ревельскую свояченицу, слишком компрометирующую, заперли под ключ. Чтобы сделать для родни больше, Екатерине пришлось ждать смерти царя. Прежний ямщик, прежний сапожник, крестьяне и крестьянки явились тогда в Петербург, неузнаваемые в своих пышных именах, титулах и костюмах. Симон-Генрих обратился в графа Семена Леонтьевича Гендрикова, Михаил-Иоахим стал называться графом Михаилом Ефимовичем Ефимовским и т. д. Все были щедро одарены. Один граф Скавронский занимал блестящее положение в

царствование Елизаветы и выдал свою дочь за князя Сапегу, из знаменитой польской фамилии, очень известной во Франции.

Между тем судьба Екатерины по-прежнему шла в гору. 23 декабря 1721 года Сенат и Синод признали за ней единогласно титул императрицы. Два года спустя совершилась коронация бывшей служанки по определению самого Петра. Эта церемония была новостью в России, а обстоятельства придали ей кроме того важное значение. Во всей истории страны был только один подобный пример: коронация Марины Мнишек перед ее бракосочетанием с Димитрием. Но тогда надо было освятить предварительно права гордой дочери польского магната, которую, победоносная политика дома Вазы предполагала навязать России. Поддерживаемый оружием республики только потому, что он был супругом Марины, сам Димитрий играл второстепенную роль. А вообще царицы были только супругами царей, без всякой политической инвеституры и преимуществ. Но смерть единственного наследника престола подняла в 1719 году вопрос о наследии. Этот вопрос был на очереди все последующие годы. После Ништадтского мира (в 1721 году), давшего государю возможность отдохнуть, вопрос о наследии занял на время первое место среди других забот. По его приказанию, Шафиров и Остерман вели несколько раз тайные переговоры с Кампредоном, которому они предлагали союз с Францией, на основании гарантии, данной последней державой по вопросу о престолонаследии. В пользу кого? Кампредон думал, что Петр имел в виду свою старшую дочь, которую он желал выдать за кого-нибудь из своих подданных и родственников, как например за Нарышкина. Шафиров поддерживал его в этом мнении. В обществе по этому поводу делались самые разнообразные предположения, до самого коронавания. В эту минуту в глазах большинства самая новизна события решала, казалось, вопрос в пользу Екатерины. Кампредон также разделял это мнение.

Корона, заказанная по этому поводу, превосходила своим великолепием все те, которые употреблялись при прежних царях. Украшенная бриллиантами и жемчугом, с огромным рубином наверху, она весила 4 фунта и оценивалась в полтора миллиона руб. Она была сделана русским ювелиром в С.-Петербурге. Платье императрицы не могло быть сделано в новой столице. Оно было привезено из Парижа и стоило 4000 руб. Петр сам возложил корону на голову своей жены. Стоя на коленях перед алтарем, Екатерина плакала и хотела обнять колена царя. Он поднял ее, улыбаясь, и передал ей державу, эмблему царского достоинства, но оставил себе скипетр, знак власти. По выходе из церкви императрица села в карету, привезенную из Парижа – также как и платье, – всю позолоченную и раскрашенную, с императорской короной наверху.

Церемония была совершена 7/19 мая 1724 года. Полгода спустя в Зимнем дворце разыгралась драма, которая поставила на краю бездны миропомазанную и коронаванную государыню. По возвращении из поездки в Ревель Петр был предупрежден, что между Екатериной и одним из его камергеров установилась с некоторого времени подозрительная дружба. Странно, что его не известили об этом раньше, так как, по словам свидетелей, заслуживающих доверия, связь императрицы с молодым и красивым Вильямом Монсом была давным-давно известна. Чтобы знать, чего держаться, Петру достаточно было бы справиться, при посредстве черного кабинета, в переписке камергера. Он увидал бы там письма, подписанные самыми высокопоставленными лицами страны, министрами, посланниками, епископами. Все эти лица писали молодому человеку в таком тоне, который ясно показывала, какое место они отводили ему в доме государя. Но инквизиторская

политика великого человека уже приносила в это время свои последние плоды: всеобщее шпионство заставило всех быть настороже против шпионов. Всякий, зная, что за ним следят, следил за собой, и Петр, желавший знать все, что происходило у других, в конце концов, не знал того, что творилось в его собственном доме.

Этот Монс был братом прежней фаворитки. Он принадлежал к тому разряду авантюристов высшего круга и высокого полета, историческим предком которых можно считать Лефорта. Монс был малообразован, но умен, ловок, веселый товарищ и поэт в свободные минуты. Будучи очень суеверным, он носил на пальцах 4 кольца: золотое, свинцовое, железное и медное: они служили ему талисманами; золотое кольцо означало любовь. Одна из его сестер, Модеста (по-русски «Матрена») была замужем за Федором Николаевичем Балк, отпрыском старинного лифляндского рода Балкен, поселившегося в России с 1650 года. Этот Балк имел чин генерал-майора и был губернатором в Риге, а жена его пользовалась тоже большим расположением Екатерины и со временем стала ближайшей наперсницей государыни. Она заботилась о судьбе своего брата и устраивала свидания. Но этим ее роль не ограничивалась. Вместе с Анной Федоровной Юшковой, также большой фавориткой императрицы, герцогиней Анной Курляндской и еще несколькими дамами она создала нечто вроде камарильи, стягивая мало-помалу вокруг государя сеть клеуз, интриг, тайных влияний и темных козней, и в этом море зыбучего песка его энергия, ослабленная подтачивавшей его болезнью, обессиленная неустанным давлением окружающих, увязала, казалось, все глубже и глубже. Вильям Монс был душой этой партии и под женским именем переписывался с Салтыковой, принадлежавшей также к ней.

Уже начиналось «царство женщины». Петр был равно сбит с толка, как инквизитор и как судья. Он долго не знал того, что ему так важно было знать, и даже тогда, когда его предупредили, он не сумел отомстить за себя и покарать самое непростительное из всех оскорблений. Он получил анонимное предупреждение. Устроена была ловушка, подготовлявшаяся уже давно: Петр застал врасплох Екатерину лунною ночью в парке, в беседке, перед которой г-жа Балк стояла на часах. Жаль только, что эта обстановка не сходится с календарем, т. к. по историческим данным сцена должна была происходить в ноябре, градусах при десяти мороза. По официальным документам тайной канцелярии, Петр был поставлен в известность о происшедшем факте 5 ноября. Он велел арестовать доносчика, которого быстро разыскали среди лиц, подчиненных Монсу, сам произвел быстрое расследование в застенке Петропавловской крепости, но против всеобщих ожиданий, не стал действовать с обычной ему молниеносной быстротой. Его честь и даже жизнь были в опасности, потому что в доносе говорилось о готовившемся заговоре и покушении, но он как будто колебался и скрывал свой гнев; можно подумать, что он при своем исключительном нетерпении, и порывистости старался выиграть время! 20 ноября он вернулся во дворец, ничем не выдавая того, что у него было на душе, ужинал по обыкновению с императрицей, беседовал долго и запросто с Монсом и в конце концов успокоил его и всех. Но довольно рано, говоря, что устал, он справился который час. Екатерина посмотрела на свои часы с репетицией, присланные ей в подарок из Дрездена, и ответила: «Девять часов». Тогда он в первый раз сделал резкое движение, взял часы, открыл крышку, повернул три раза стрелку и сказал своим прежним тоном, не допускающим возражений: «Ошибаетесь, 12 часов, и всем пора идти спать».

Это был снова лев, с его ревом и крепкими когтями, – повелитель, которому и самое время, и все и вся должны покоряться.

Все разошлись, и через несколько минут Монса арестовали в его комнате, причем сам Петр взял на себя, как говорят, роль тюремщика и судебного следователя. Но, ведя допрос, он не произносит имени Екатерины. Он решительно не впутывал ее в дело. Расследование дало возможность выставить против подсудимого другие обвинительные пункты: злоупотребление своим влиянием и преступные козни, в которых и Матрена Балк была замешана. Два дня сряду, 13-го и 14-го ноября, глашатай ходил по улицам С.-Петербурга, призывая всех кабатчиков, под угрозой строжайших наказаний, дать свои показания. Но сам Монс дополнял эти показания. Говорили после, что он, подобно Глебову, стоически оберегал честь своей любовницы, принося признания другого рода. Но едва ли этот героизм, если он и проявлял его, был особенно высокой пробы: даже в царствование Петра было менее рискованно прослыть взяточником, чем соперником царя. Жестокая смерть Глебова служила этому доказательством. И красавец Вильям, кажется, не похож был на героя. Судя по протоколам его допросов, он при первой встрече с царем после своего ареста начал с того, что упал в обморок, а затем признался, в чем угодно. Надо думать, что действительно было нетрудно добиваться его признаний, так как его не подвергали пытке, а это – подробность многозначительная. Что касается г-жи Балк, то она оказала сначала некоторое сопротивление, но ослабела при первом ударе кнута.

Монс был обезглавлен 28 ноября 1724 года. Саксонский посланник докладывал своему двору, что Петр заходил к нему перед казнью, чтобы выразить ему свое сожаление по поводу разлуки с ним. Молодой человек сумел по крайней мере сохранить бодрый вид на эшафоте. Подобно другому позднему террористическому правлению, великое царствование научило людей умирать. Рассказ о том, будто Монс попросил палача вынуть из его кармана портрет в рамке, украшенной бриллиантами, с тем, чтобы оставить рамку себе, а портрет, – портрет Екатерины, – уничтожить, придуман, очевидно, неудачно. Заключенных наверное обыскивали в тогдашних тюрьмах. Г-жа Балк получила 11 ударов кнута, осталась жива, – что доказывает ее живучесть, – была и сослана пожизненно в Сибирь, но вернулась оттуда после смерти Петра. Ничего постоянного в то время не было. С той минуты, как удавалось сохранить жизнь, можно было питать надежду на возможность выкарабкаться со дна самой глубокой пропасти. На столбах, окружавших место казни, были прибиты объявления с перечнем всех лиц, имевших дело с Монсом и его сестрой. Тут были представители всей иерархии чинов, с великим канцлером Головкиным во главе. Фигурировали здесь и князь Меншиков, герцог Голштинский и царица Прасковья Федоровна!

Екатерина выказала при этом испытании мужество, в котором было что-то ужасающее. В день казни она казалась необыкновенно веселой. Вечером она позвала к себе княжен с их учителем танцев и изучала вместе с ними па менуэта. Но Кампредон сообщает в депеше: «Хотя государыня и скрываешь по мере возможности свое горе, но оно написано у нее на лице... так что все внимательно следят за ней, ожидая, что с ней будет».

В тот же день ее ожидала довольно тяжелая неожиданность: собственноручным указом царя, обращенным ко всем коллегиям, предписывалось, на основании злоупотребления, совершенного «без ведома государыни», не принимать от нее впредь никаких приказаний и рекомендаций. В то же время было наложено запрещение на конторы, заведовавшие ее личными средствами, они были опечатаны под предлогом предстоявшей правительственной ревизии, и императрица оказалась в таком стесненном положении, что для уплаты 1000 дукатов денщику Василию Петровичу, пользовавшемуся в это время большим доверием царя, она должна была прибегнуть к помощи придворных дам.

На другой день – новая неприятность. Говорят, что царь выехал в санях с женой и что царская чета проехала мимо эшафота, где было еще выставлено тело Монса. Платье Императрицы коснулось его. Но Екатерина не отвернулась и продолжала улыбаться. Тогда Петр приказал положить голову казненного в сосуд со спиртом и выставить на обозрение в покоях императрицы. Она примирилась с этим ужасным соседством и сохранила прежнее спокойствие. Петр напрасно выходил из себя. Говорят, что он разбил в ее присутствии одним ударом кулака великолепное венецианское зеркало с возгласом:

– Так будет и с тобой, и с твоими близкими!

Она возразила, не выказывая ни малейшего волнения:

– Вы уничтожили одно из лучших украшений вашего жилища; разве оно стало от этого лучше?

Действуя таким образом, она укрощала царя и властвовала над ним, но отношения оставались крайне натянутыми. 19 декабря 1724 года Лефорт писал в своей депеше: «Они почти не говорят друг с другом, не обедают и не спят больше вместе». В то же время Мария Кантемир снова выступила на сцену, возбуждая уже всеобщее внимание. Петр бывал у нее каждый день. И по всей вероятности, он узнал именно в это время правду о том, что произошло в Астрахани, когда, как известно, надежды княжны, а может быть и ее любовника, рушились вследствие подозрительного аборта. Врач, лечивший молодую девушку, грек Поликала, был подкуплен. Кем? Ответ был ясен оскорбленному супругу.

Все считали Екатерину погибшей. По словам Вильбуа, Петр готовился к процессу «наподобие Генриха VIII». Он медлил только чтобы обеспечить предварительно участь детей, родившихся от неверной супруги. Он старался ускорить брак своей старшей дочери Анны с герцогом Голштинским. Делались также попытки выдать вторую дочь, Елизавету, за французского принца или даже за самого французского короля. Но именно этот проект, который, по-видимому, налаживался и представлял собою неодолимый соблазн, являлся всемогущим доводом в пользу Екатерины. Толстой и Остерман в разговоре с Кампредоном признавали за ним большую важность: едва ли король Франции мог согласиться на брак с дочерью второй Анны Болейн!

Счастливая звезда лифляндки в конце концов одержала верх. 16 января 1725 года состоялось начало примирения между супругами; Петр был еще угрюм и, быть может, примирение было притворное, но во всяком случае многозначительное. Лефорт писал так: «Царица долго стояла на коленях перед царем, испрашивая прощения всех своих проступков; разговор длился больше 3-х часов, после чего они поужинали вместе и разошлись».

Не прошло месяца, как Петра не стало; он унес с собой в могилу затаенную злобу и, быть может, разработанный втихомолку план мести. Нечего говорить о том, насколько Екатерина сумела извлечь пользу из этого события с политической точки зрения. Ее частная жизнь вполне оправдала со временем ревнивые опасения, отравившие последние дни жизни великого человека. Двадцать лет шла она с непрерывными усилиями, с неустанным напряжением всех своих сил, ни разу почти не ослабевая, к одной единственной цели, и теперь, когда эта цель была достигнута, ее нравственные пружины как бы сразу ослабели, и в то же время пробудились долго сдерживаемые инстинкты – грубая чувственность, стремление к низкому разврату, измененные наклонности ума и плоти. Когда-то она сама усердно оберегала мужа от ночных оргий, а теперь увековечивает память о них, предаваясь пьянству целые ночи напролет до 9 часов утра со своими избранниками, сменяющимися каждую ночь: Левенвольдом, Девюром, графом Сапегой. Ее царствование, которое к

счастьем для России, продолжалось только 16 месяцев, свелось к размену верховной власти в пользу Меншикова и других временщиков, оспаривавших друг у друга падавшие крошки. И, таким образом, преданная подруга великого царя, всегда готовая придти ему на помощь, доходившая иной раз до героизма, превратилась теперь в опереточную героиню, крестьянку, поставленную волею невероятной судьбы на высоту трона, где она развлекалась сообразно своим вкусам.

ЧАСТЬ ТРЕТья
ДЕЛО

КНИГА ПЕРВАЯ

ВНЕШНЯЯ БОРЬБА. ВОЙНА И ДИПЛОМАТИЯ

Глава 1

От Нарвы до Полтавы (от 1700 до 1709 г.)

I

Хотя Петр, несмотря на некоторые свои несовершенства, был несравненно выше своих предшественников, заслуги которых уже слишком позабыты, он все же был продолжателем их дела и унаследовал от них двойную программу: программу внутренних реформ и внешних завоеваний. Он начал с выполнения последней. Тем не менее, при распределении материала, принятом в этой части моей книги, я руководствовался не одной только заботой о соблюдении хронологического порядка. Большая часть великих реформ, давших России XVIII века новый вид с точки зрения политической, экономической и общественной, совпадает с последними годами царствования Петра; тем не менее в глазах историка они имеют более важное значение, чем Полтавская победа или даже завоевание Балтийского моря, и точность хронологических данных имеет здесь мало значения. Я исходил из совершенно других соображений. Я никак не думаю, чтобы длинный ряд битв и переговоров, поглотивших до 1721 года почти всецело деятельность Преобразователя, были, как утверждали многие, необходимым предварительным условием его реформ; я думаю наоборот и постараюсь доказать то, что реформы были только хотя и не прямым, но роковым их последствием, – последствием, ниспосланным, так сказать, провидением. Иначе сказать, реформы не требовали войны для своего осуществления, но для войны потребовались реформы. Поэтому просто-напросто начну с них. Именно с начала.

С 1693 по 1698 год в Голландии и в Англии, равно как в Архангельске или в Воронеже, Петр прежде всего поставил себе целью стать превосходным моряком, лоцманом, плотником и артиллеристом. Почему? Потому что, прежде всего, это его забавляло. Это очевидно. Он играл в моряка и в солдата. Мало-помалу к этому развлечению присоединились более серьезные мысли: сознание обязанностей, налагаемых традициями предков; и, в конце концов, действительность взяла верх над фантазией. Но эта действительность нашла себе выражение в войне. С 1700 по 1709 год надо было во что бы то ни стало победить или умереть, сражаясь с Карлом XII; и ни о чем другом не могло быть речи. С 1709 по 1721 год Петр снова должен был сражаться, не зная ни отдыха, ни срока, как для завоевания выгодного мира, так и ради выхода из затруднений и избежания новых опасностей, в которые повергли его излишняя самонадеянность и доверчивость. Но вот что из того произошло: вступив на этот путь слишком необдуманно, государь принужден был просить у своей страны помощи, значительно превосходившей те средства, которыми она располагала и которые могла доставить при существовавшем политическом, экономическом и общественном устройстве. Будучи не в силах выдержать такой громадной тяжести и тех невероятных усилий, которые от них требовались, старые основы московского здания ломались и рушились. Образовалась пустота, которую тем или иным способом необходимо было заполнить немедленно, так как война не ждет. И вот воин превратился в организатора,

преобразователя, почти бессознательно и почти против своей воли. Его реформы представляли собой импровизированные боевые припасы, которыми он заряжал свои пушки, после того как артиллерийский парк уже был истощен.

Далее я буду настаивать на этой точке зрения, крайне важной для понимания дела Петра. Не считая себя совершенно компетентным судьей в военном искусстве, я не берусь рисовать полную картину или высказывать критику тех походов, вследствие которых в период от 1700 до 1721 года Швеция потеряла, а Россия упрочила свое положение в Европе. Да это и не входит в рамки моего труда. Я постараюсь только выделить исторический смысл общеизвестных событий, отметивших эту эпоху, и воспользоваться ими для выяснения главного предмета моей статьи: личности великого человека, набросанной на предыдущих страницах, и картина его царствования, к разбору которого я теперь приступлю.

Мысль напасть на Швецию явилась, кажется, у Петра только в 1698 году, во время пребывания его в Вене. До тех пор его воинственные замыслы влекли его скорее на юг. Он по-прежнему был сердит только на турецкого султана; но когда в бытность его в Вене император, на помощь которого он рассчитывал, уклонился исполнить обещание, подвижный ум молодого царя принял тотчас же иное направление. Ведь ему нужна была хотя бы какая-нибудь война, где бы то ни было, чтобы приложить к делу свою молодую армию. Впрочем, и воинственные стремления его предшественников постоянно колебались между югом и севером, прельщаемые то Черным морем, то Балтийским или провинциями, пограничными с Польшей. Это стремление к расширению было вполне естественно в молодом и сильном народе; но его совершенно напрасно идеализировали и догматизировали впоследствии, называя «делом объединения». Правда, все народы во все времена заявляли притязания на расширение пределов родной страны на счет своих соседей, и Петр только благодаря своей счастливой звезде сохранил еще в этом отношении известную меру справедливости, логики и правды. Война на севере требовала громадных усилий, поглощавших всецело Петра и изнурявших его; поэтому ему приходилось на юге и даже на западе оставлять без внимания значительную долю завоевательных стремлений, завещанных ему Алексеем; и, сохраняя за собой позиции, уже отвоеванные у Польши, отступая от Турции, чтобы заняться Северо-Западом, в целях обратного отвоевания взятых у него земель, Петр пошел путем, который скорее всего может найти оправдание.

На северо-западе все морское побережье от устья Нарвы (Наровы) до устья Сестры, орошаемое Вуоксой, Невой, Ижорой, Лугой, когда-то на самом деле входило в состав русских владений. Оно образовало один из пяти округов (пятин) Новгородской области; города его продолжали носить славянские названия: Корела, Орешек, Ладога, Копорье, Яма, Иван-город. Только в 1616 году царь Михаил Федорович, сражаясь с Густавом Адольфом, окончательно покинул морской берег, чтобы сохранить Новгород. Но надежда вернуть утраченные владения пустила такие глубокие корни, что в царствование Алексея Михайловича, после неудачной попытки покорения Лифляндии, боярин Ордын-Нащокин занялся в Кокенхузене на Двине постройкой военных судов, предназначенных для осады Риги. От таких исторических прецедентов у Петра сохранилось чувство смутное, но могучее. Он доказывает это направление своего оружия после того, как бросил перчатку Швеции. Ему предстояло неоднократно сбиваться с пути, поддаваться необдуманному увлечению и снова возвращаться к цели, завещанной преданием: искать доступа к морю, к порту на Балтийском море, к «окну, прорубленному в Европу».

Свидание в Раве с Августом II окончательно установило магнит в компасе царя,

временно потерявшем свое направление. «Pacta conventa» – пункты, подписанные королем польским при восшествии на престол, заставили также и его требовать от Швеции возвращения областей, некогда принадлежавших республике. Можно было почти с уверенностью рассчитывать на сочувствие Дании: Рёсшильдский договор (1658 г.), навязанный Фридриху III, тяготил его преемников, а герцогство Голштинское – приманка для возбуждения вожделиний после смерти Христиана Альберта (1694 г.) – грозило превратиться в яблоко раздора между соседями. Бранденбург также подавал надежду на возможность союза; соединившись с Францией Людовика XIV и m-те де Ментенон, Швеция отказалась в пользу Пруссии от своей исторической роли в Германии, но сохранила там влияние, осталась соперницей; а в Кенигсберг уже вступал курфюрст. Кроме того, личность Августа произвела на Петра чарующее впечатление, достаточное само по себе, чтобы доказать, сколько сохранилось в едва отшлифованном уме плотника наивной неопытности и легковерия. Высокий, красивый, сильный, искусный во всех физических упражнениях, неутомимый охотник, кутила и волокита, развратный до мозга костей, Август нравился Петру и имел на него сильное влияние. Не задумываясь, Петр признал его гением и был склонен связать свою судьбу с его участью. За четыре дня, проведенных в непрерывных кутежах, они поделили между собой разгромленную Швецию, а пока обменялись оружием и одеждой. Несколько недель спустя царь появился в Москве в камзоле и со шпагой короля польского на боку. Однако пока не было еще составлено никакого определенного плана союза и кампании: оба друга и будущих союзника были слишком заняты в данную минуту своими домашними делами, чтобы пускаться в предприятия за пределами своих государств. Непокорные поляки причиняли немало хлопот Августу, еще не справившемуся со сторонниками принца де Конти, а Петру предстояло рубить головы: стрельцы снова взбунтовались.

Окончательный призыв к оружию не выпал на долю ни того, ни другого; нельзя приписать заслугам ни того, ни другого возникновение тройной и четверной коалиции, выставившей два года спустя свою грозную силу против шпаги Карла XII. Это дело рук шведа, по крайней мере, шведского подданного. Свидание в Рава происходило в августе; в октябре 1698 года на сцену вступил Иоанн Рейнгольд Паткуль, родившийся в 1660 году в тюрьме. После сдачи Вольмара Польше его отец и мать были арестованы и заключены в тюрьму в Стокгольме по обвинению в государственной измене. Этот лифляндский дворянин с самой колыбели казался предназначенным для трагической судьбы. При уме смелом и честолюбивом, при натуре пылкой и страстной, он обладал вообще всеми качествами драматического героя. Соперничество в любви с ранних пор вооружило его против шведского губернатора области Хельмерсена. Вскоре затем, вероятно по личному озлоблению, он превратился в борца лифляндской аристократии против посягательств Карла XI. Паткуль принадлежал к числу людей, скрывающих свои страсти и верящих в искренность своего лицемерия. Преследуемый и приговоренный заочно к смерти в 1696 году, он нашел себе убежище в Швейцарии, в Пранжене, откуда Флемминг, любимый министр Августа, привлек его в Варшаву. Паткуль прибыл туда с готовым планом коалиции, выставив против Швеции Бранденбург, Данию, Россию и Польшу и предлагая последней в награду за соучастие Лифляндию. На долю России должны были достаться остальные области побережья, и лифляндец постарался тщательно определить эту долю. Он опасался теперь и всегда этой союзницы, советуя хорошенько «связать ей руки, чтобы не дать проглотить кусок, приготовленный для Польши».

Август легко пошел на приманку; Фридрих IV датский, не отрывавший взоров от герцогства Голштинского, ждал только одобрения. Примаса польского Радзиежовского подкупили ста тысячами червонных, и дело закипело. Секретный пункт договора, подписанного Паткулем от имени дворянства своей страны, обеспечивал Августу и его наследникам обладание Лифляндией даже в случае, если они лишатся польского престола. Радзиежовскому этот пункт был неизвестен. В Москву послали саксонского генерала Карловича, чтобы заключить окончательный союз с царем, и Паткуль сопровождал его под вымышленным именем. Они встретились с послами нового короля шведского Карла XII, прибывшими для утверждения Кардисского мира (1660). Петр оказал послам любезный прием, выказывая, однако, в первый раз официально некоторое неудовольствие по поводу плохого обращения с его послами при их проезде через Ригу. Очевидно, он искал только предлога к разрыву и ожидал, для того чтобы сбросить с себя маску, заключения мира с Турцией. Подписанный 26 января 1699 года, несмотря на усилия французского посланника Шатонёфа, Карловицкий договор, примирив Порту с империей и Польшей, для России обеспечил только двухлетнее перемирие. На царского уполномоченного Украинцева возложено было поручение добиться в Константинополе прочного мира. 11 ноября 1699 года Петр, уверенный в благоприятном исходе этих переговоров, пригласил послов польского и датского в свой маленький домик в Преображенском и подписал с ними секретный договор о союзе оборонительном и наступательном, где, впрочем, Август значился лишь в качестве курфюрста Саксонского. Но в то же время царь продолжал ласкать шведов. Украинцев еще не мог достигнуть желанного успеха. В начале 1700 года, верные взятым на себя обязательствам, Август и Фридрих начали кампанию; Петр, обязавшийся действовать заодно, не обращал на то никакого внимания и не двигался. Фридрих был разбит; опасность угрожала его столице. Тем хуже для него! Август, взяв Динамюнде, потерпел неудачу под Ригой. Тем лучше! Рига достанется России. Другой саксонский генерал, Ланген, поспешил в Москву; царь спокойно выслушал его сетования и обещал приступить к действиям сейчас же, как то позволят известия из Константинополя. Переговоры шли успешно, и он вскоре надеялся получить возможность напасть на шведов со стороны Пскова, как было им обещано. Паткуль сильно настаивал на этом последнем обстоятельстве, и Петр осмотрительно удержался от всяких возражений. Вопрос был решен: Лифляндии Петр не должен был касаться.

Наконец 8 августа 1700 года прибыл курьер от Украинцева с давножданной депешей: мир был подписан, и в тот же день царские войска получили приказ выступить в поход. Только направились они не к Пскову, а двинулись на Нарву, прямо в сердце Лифляндии!

В манифесте о войне Петр распространяется с бесподобной беззастенчивостью об обидах, нанесенных ему при проезде через Ригу. Три недели спустя его посланник в Голландии Матвеев, еще не получивший предупреждения, продолжал уверять Штаты в миролюбивом настроении царя, «отнюдь не намеревающегося обнажать шпагу из-за обид, нанесенных его послам». Теперь оказывалось, что сам царь был оскорблен, несмотря на свое инкогнито, и царь начал войну, чтобы отомстить за пренебрежение, выказанное Петру Михайлову.

Армия, предназначенная для осады Нарвы, состояла из трех вновь сформированных дивизий под начальством генералов Головина, Вейде и Репнина, из 10 500 казаков и нескольких отрядов иррегулярных войск, всего 3520 человек. Дивизия Репнина, 10 835 человек и казаки остались в дороге, так что весь наличный состав равнялся приблизительно

40 000 человек. Но Карл XII, со своей стороны, мог выслать на помощь крепости не более 6300 пехотинцев и 3130 человек конницы. Кроме того, ему предстояло от самого Везеберга, куда предполагалось выдвинуть кавалерию Шереметева, идти, отделенному от лагеря, летучей колонной по опустошенному краю. Ему приходилось поэтому везти за собой все свои запасы и боевые снаряды, и отряд этот, встретившись после целого ряда форсированных маршей с неприятелем, в пять раз сильнее, оказался в состоянии полного изнеможения.

Петр не ожидал застать шведского короля в Лифляндии. Он предполагал его еще занятым далеко с королем датским, не зная о Травендальском мире, уже заключенном этим союзником и подписанном в день выступления в поход русской армии. Весело двинулся царь вперед во главе своей роты бомбардиров, рассчитывая на легкий успех. Подойдя к городу 23 сентября, он был крайне удивлен, увидев, что тот как будто собирается упорно защищаться. Предстояла, очевидно, настоящая осада, и когда после месяца приготовлений русские батареи наконец открыли огонь, результата от того не получилось никакого. Орудия оказались плохи и еще хуже обслуживались. Прошло два месяца в ожидании какой-нибудь счастливой случайности: предложения сдачи, прибытия Репнина. В ночь с 17 на 18 ноября было получено известие о приближении короля шведского, находившегося на расстоянии суток пути.

В ту же ночь Петр покинул свой лагерь, предоставляя начальствование принцу де Круа.

Аргументы, приводимые самим государем и его защитниками для оправдания такого беспримерного бегства, не выдерживают критики. Необходимость свидания с королем польским, желание поторопить отряд Репнина, – как все это жалко! Получившие от Августа приказание следить за военными действиями в Лифляндии, генералы Ланген и Халларт серьезно объясняют в своих донесениях, что царю пришлось поспешить в Москву для приема турецкого посла... ожидавшегося через четыре месяца!

Посол императора Плейель относится к делу более серьезно, объясняя, что государь покорился настояниям своих приближенных, находивших, что его пребывание под Нарвой было сопряжено с чересчур большой опасностью. И, говоря об этих приближенных, министрах и генералах, сам Халларт, не стесняясь, заявлял на своем грубом языке солдата: «У них столько же храбрости, как шерсти на брюхе у лягушки». Смущенная оказанным ей неожиданным сопротивлением, плохо снабженная средствами для его преодоления, под плохим начальством, плохо расположенная, плохо накормленная, – русская армия находилась в это время в состоянии сильной деморализации. Приближение Карла вызвало панику, что сейчас же отразилось на столь восприимчивой впечатлительности Петра. Приказания, оставленные им принцу де Круа, достаточно ясно указывают на смятение, обуявшее ум царя. Он сделал два распоряжения: одно – ожидать, чтобы приступить к штурму, подвоза недостающих артиллерийских снарядов; другое – попытаться взять город «до прибытия короля Швеции». Ему очень хорошо было известно, что значит это приближение, раз оно заставило его бежать.

Как полководец, принц Карл Евгений де Круа был не новичок. Прослужив пятнадцать лет в войсках германского императора, получив чин генерал-фельдмаршала под начальством Карла Лотарингского, участвовав в 1683 году в освобождении Вены Собеским, он обладал опытом и авторитетом; но, прибыв в русский лагерь по поручению короля польского, он не имел никакого понятия о предоставленной в его распоряжение армии, не знал ее начальников, не говорил на их языке. Ему можно поставить в вину только согласие на

принятие на себя такого командования. Он искупил ее через два года своею смертью в Ревеле, узником, лишенным всего.

Молниеносная быстрота, с какой Карл справился под стенами Копенгагена со слабейшим из своих трех противников, меньше поразила бы молодого государя, если бы Петр лучше взвесил те условия, при которых он и его союзники начали борьбу, по-видимому, столь невыгодную для них. Король Фридрих не принял в расчет союзных государств, недавно подписавших Альтонский договор и взявших под свою защиту герцогство Голштинское, а также войск Люнебурга и Ганновера, сейчас же поспешивших на помощь Тёнингену, и флота англо-голландского, принудившего датский флот укрыться под стенами Копенгагена, что позволило королю шведскому спокойно переправиться через Зундский пролив и высадиться в Зеландии. Он также не принял в расчет, что, впрочем, простительно, обстоятельства, вскоре поразившего всю Европу изумлением и ужасом: счастья и военного гения Карла XII.

Карл, родившийся в 1682 году, на десять лет позже Петра, убивавший медведей на шестнадцатом году, сделавшийся солдатом на восемнадцатом, грезивший о славе, битвах, резне, является последним представителем поколения людей, державших с XVI до XVII века всю Центральную Европу в своих железных тисках. Он принадлежит к дикому полчищу рубак, заливших Германию и Италию кровью и огнем, влачивших саблю из города в город, из села в село, сражаясь без отдыха, живя для войны и войной, старея и умирая в латах, среди воздуха, насыщенного убийством, с телом, покрытым ранами, с руками, запятнанными ужаснейшими злодеяниями, но с душой чистой и гордой. На пороге новой эпохи он олицетворяет собой и прославляет прошлую, исчезнувшую для счастья человечества вместе с ним. Граф Гюискар, сопровождавший Карла в первой кампании в качестве посланника короля Франции, рисует следующий портрет шведского короля:

«Король шведский высокого роста, выше меня почти на голову. Он очень красив, с прекрасными глазами, хорошим цветом овального лица; немного пришепetyвает. Носит небольшой парик с волосами, сзади связанными в кошелек. Он носит подгалстучник, очень узкое полукафтаные из гладкого сукна с рукавами узкими, как у наших камзолов, поверх полукафтаныя небольшую портупею со шпагой необычайной длины и толщины; башмаки почти плоские, что составляет одеяние довольно странное для государя в его возрасте». Как видно, описание весьма краткое и чисто внешнее. Отзыв английского посла Степнея, данный спустя несколько лет, гораздо выразительнее: – «Это высокого роста, хорошо сложенный государь, но довольно неряшливый. Манеры его грубее, чем их можно бы ожидать от молодого человека. Чтобы внешность его стоянок не отличалась от внутренних порядков в них, он выбрал самое грязное место в Саксонии и один из самых плохих домов. Самое чистое и опрятное место – это двор перед домом, где все обязаны слезать с лошадей и где ноги вязнут в грязи по колено. Тут стоят его собственные лошади в недоуздках и с торбами, без попон, без кормушек, без яслей. У них взъерошенная шерсть, круглые животы, широкие крупы, плохо содержимые хвосты, косматые гривы. Конюха, за ними ухаживающие, по-видимому, пользуются не лучшим приютом и едой, чем лошади. Для государя всегда имеется наготове оседланный конь. Карл вскакивает на него и несется вперед один, не дожидаясь, пока кто-нибудь успеет последовать за ним. Он иногда делает в день до десяти, двенадцати немецких миль, что равняется сорока восьми, пятидесяти английским, и это даже зимой, и бывает весь покрыт грязью, словно почталъон. Одежда его голубого цвета с желтыми медными пуговицами, полы полукафтаныя отвернуты спереди и сзади, открывая

камзол и кожаные штаны, часто очень сальные... Он носит черный креп вместо галстука, но ворот его сюртука застегнут так высоко, что из-под него все равно ничего не видно. Рубашка и рукава обыкновенно очень грязны, манжеты и перчатки он надевает только, когда едет верхом. Руки такого же цвета, как обшлага, так что их с трудом можно различить. Волосы у него светло-каштановые, очень жирные и короткие, и он их расчесывает только пальцами. Он садится без всяких церемоний на первый попавшийся в столовой стул... Ест быстро, никогда не остается за столом дольше четверти часа и не говорит за обедом ни слова... Пиво – единственный, употребляемый им напиток... Он не признает ни простынь, ни пологов над кроватью; перина, лежащая под ним, служит ему и одеялом: он прикрывается ею... Рядом с постелью у него лежит прекрасная покрытая позолотой Библия, – единственная представительная вещь из всей его обстановки».

На этот раз получается хорошо обрисованная дикая, суровая, мощная фигура.

Высадка в Зеландии была смелым юношеским шагом, и Гюискар, найдя предприятие дерзким, не отговаривал от него государя, даже сам бросился вместе с ним в воду, чтобы скорее достичь берега:

– Ваше величество не пожелает, чтобы я покинул ваш двор в самый прекрасный его день!

Высадка в Лифляндии, куда плохая погода помешала доставить часть полков, даже в глазах неустрашимого дипломата показалась безумием. «Очень страшно, что королю не уцелеть», – писал он. Чтобы добраться до Нарвы со своим восьмитысячным отрядом, Карлу надо было пройти по пустыне, миновать в Пихайоги узкую долину, пересеченную ручьем, которая, будучи укреплена, могла послужить для него непреодолимым препятствием. Гордон подумывал об этом, Петр его не слушал и только в последнюю минуту послал туда Шереметева, который застал шведов выступавшими из долины и, получив несколько залпов картечи, в беспорядке отступил. Безумие восторжествовало. Карл, продолжая идти вперед, сделал крупную ставку. Солдаты были истощены, лошади два дня не ели. Но его ничто не останавливало. И вот он под Нарвой. Не успев прийти, он выстроил своих шведов в колонны к атаке, сам вел одну из таких колонн, воспользовался метелью, залеплявшей снегом глаза его противников, пробился в их лагерь и в полчаса овладел им совершенно. Только два гвардейских полка оказали некоторое сопротивление. Несколько русских солдат потонули в Нарве. Все остальное бежало или сдалось в плен. «Если был бы лед на реке, – насмешливо говорил Карл, – не думаю, чтобы нам удалось хотя кого-нибудь убить».

Разгром был полный. Не существовало больше ни армии, ни артиллерии, погибла честь и даже не было государя. Честь была опозорена среди издевательств Европы, приветствовавшей это поражение без битвы, а государь бежал! Планы о победах, мечты об общении с Европой, о плавании по Северным морям и просветительной миссии, – все исчезло, все рушилось вокруг Петра. И он сам потерялся среди окружавших его развалин. Он продолжал бежать. Разве шведы не следовали за ним по пятам? Он плакал и хотел заключить мир, – мир поскорее, какой угодно ценой! Он обращался с жалобными мольбами к Голландским Штатам, к Англии, к императору австрийскому, упрощая о посредничестве.

Но как быстро снова воспрянул царь духом! Он поднял голову и вскоре сквозь позлащенный туман, каким несовершенно воспитание, самомнение еще полувосточного государя и неопытность окутывали его, как сквозь завесу, разодранную этой ужасной катастрофой, этим страшным уроком, он увидел и понял наконец действительность. Он понял, что ему надо делать, чтобы добиться того, чего он хочет. Не играть больше в солдаты

или моряки, не забавляться комедией могущества и славы, выставляя при этом себя напоказ, не стремиться впредь наудачу, не желая считаться ни с пространством, ни с временем, но трудиться действительно, двигаясь шаг за шагом, соразмеряя усилия каждого дня, обдумывая работу на завтра, давая созреть плоду, не протягивая к нему преждевременно руки, чтобы его сорвать; быть благоразумным, выжидать, терпеть. И он проделал все это, черпая в самом себе и в окружающей среде силы для осуществления такой задачи. Сильный народ, к которому он принадлежал, стойкий в страданиях и бедствиях, доставил ему необходимую поддержку, неисчерпаемый источник преданности, преодолевающей все испытания, беспредельное проявление самопожертвования. После десяти разбитых армий он выставил десять новых. Какой ценой – безразлично! Его народ пошел за ним, пожертвовав собой до последнего человека, до последнего куска хлеба, вырванного из голодного рта. Меньше чем через месяц нарвский беглец принадлежал прошлому, миновавшему, забытому, почти невероятному. Появился будущий победитель при Полтаве.

II

Из армии, двинутой в поход, осталось всего около двадцати трех тысяч человек: отряд Шереметева, конница, которую имели возможность спасти, и дивизия Репнина. Петр приказал произвести новый набор. Для отливки пушек он взял церковные колокола. Напрасно духовенство кричало о святотатстве! В Петре не осталось никаких следов малодушия. Он распоряжался, действовал, поспевал повсюду, подгоняя одних, подбадривая других, сообщая всем частицу своей энергии, закаленной несчастьем. Он старался также – еще слишком глубоко проникнутый духом Византии, чтобы от того отказаться, – дать другое направление общественному мнению. Матвееву было поручено изложить по-своему для читателей голландской газеты и меморий, посылаемых им Штатам, описание битвы при Нарве и ее последствий. Матвеев писал: «Окруженные в русском лагере превосходными силами шведы принуждены были сдаться; тогда несколько русских офицеров пожелали представиться королю Швеции, и последний вероломно воспользовался этим обстоятельством, чтобы захватить их в плен». Европа только посмеялась над таким объяснением; но эта вымышленная капитуляция, будто бы нарушенная шведами, послужила впоследствии Петру предлогом для нарушения условий сдачи, признанных им самим. В Вене граф Кауниц тоже улыбался, выслушивая заявление князя Голицына, что «царь для доказательства своей военной славы не нуждается в победах». Спрошенный вице-канцлером относительно условий, какие его государь желал бы предъявить своему победоносному противнику, русский дипломат без колебаний потребовал большую часть Лифляндии с Нарвой, Иван-городом, Колыванью, Копорьем, Дерптом, и будущее доказало, что он не просил ничего лишнего!

Будущее недолго медлило с вознаграждением за столь блестящее мужество. Прежде всего, Карл XII отказался от намерения немедленно пожать в России плоды одержанной победы. Петр с восторгом увидал его удаляющимся в глубь польских равнин. Решение короля Швеции, говорят, шедшее наперекор мнению его генералов, подверглось сильному осуждению. Но Гюискар находил его совершенно основательным, так как король еще не покончил дела с Августом посредством мира, на который тот изъявлял полную готовность через того же самого Гюискара. Но в этом отношении Карл оставался глух к убеждениям и

мольбам французского дипломата. Почему? «Боялся, что не останется у него врагов», – говорил Гюискар. И так как он не мог углубиться в Россию, обратившись тылом к Саксонии и Польше, то он решил сначала, и совершенно справедливо, обеспечить себе пути отступления и сообщения. Таким образом, он сам укреплял и восстанавливал союз, потрясенный уже всеобщим поражением. Оттолкнутый Карлом, Август снова бросился в объятия Петра, и в феврале 1701 года в замке Бирже, близ Динабурга, снова съехались царь и король польский, чтобы новым договором связать свою судьбу.

Собственность молодой жены графа-палатина Нейбургского, урожденной княжны Радзивилл, этот замок, теперь обратившийся в развалины, представлял собой в то время роскошное жилище. Оба союзника начали с возобновления развлечений Равы. Побитый днем как артиллерист, Петр одержал победу вечером; Август так сильно напился, что не представлялось никакой возможности разбудить его на следующий день и поднять на ноги, чтобы идти в церковь. Петр отправился один. Он набожно прослушал обедню – конечно, католическую, потому что действие происходило в Польше, – и со своей обычной любознательностью расспрашивал о подробностях службы. Потом, когда Август проспал свой хмель, оргия снова началась и длилась три дня. Но все-таки друзья нашли возможность беседовать о политике даже за столом, продолжая состязания в ловкости и силе, начатые стрельбой в цель. Заметив, что одна из поставленных перед ним серебряных тарелок недостаточно чиста. Август перебросил ее за спину, предварительно свернув пальцами, словно лист бумаги. Петр сейчас же проделал то же, и всему сервизу грозила та же участь; но царь первый остановился на размышлении, что следует подумать о том, чтобы так же расправиться со шпагой короля шведского, и на четвертый день он начал переговоры с вице-канцлером польским Шукой по поводу участия республики в предстоящей войне. Соглашение не состоялось, и республика осталась в стороне, но личный союз обоих государей закреплен был 26 февраля.

1701 год был еще тяжелым для Петра. Соединение, происшедшее между его армией, кое-как пополненной, и саксонской армией Августа привело лишь к общему поражению под Ригой (3 июля). В июне загорелся Московский Кремль. Приказы с архивом, провиантские склады, дворцы стали добычей пламени. Колокола срывались с колокольни Ивана Великого, и самый большой весом в 8000 пудов разбился при падении. Но зимой Шереметеву удалось захватить Шлиппенбаха с превосходными силами и разбить его при Эрестфере (29 декабря). Можно себе представить ликование Петра и бесконечный ряд торжественных празднеств, затеянных им по этому поводу. Он не удовольствовался только выставлением напоказ в Москве, среди вновь воскресшей роскоши, доставшихся ему редких пленников-шведов. Его практический ум внушил ему мысль воспользоваться ими еще иным способом, и Корнелиус фон Брюин, уже освоившийся с местными нравами, спокойно рассказывает, что цена пленников, продававшихся раньше по три-четыре флорина за человека, поднялась до двадцати-тридцати флоринов. Даже иностранцы решились принять участие в торге и наперебой расхватывали товар.

18 июля 1702 года – новая победа Шереметева над Шлиппенбахом. Тридцать тысяч русских одолели восемь тысяч шведов. В бюллетене, выпущенном Петром, говорится, что пять тысяч пятьсот вражеских тел полегло на поле брани, Шереметев же потерял всего четыреста человек. Такое сообщение опять рассмешило всю Европу; но Лифляндии было уже не до смеха. Вольмар и Мариенбург достались победителям, немилосердно опустошавшим страну. Русские еще не научились иначе воевать, а Петр, без сомнения, не мог

себе пока представить, что этой области суждено впоследствии стать его владениями. Кроме того, он был поглощен иными делами. Прежние заботы, старые причуды опять всецело завладели им, и он предоставлял Апраксину свирепствовать в Ингрии, на берегах Невы, на месте своей будущей столицы, а сам наблюдал в Архангельске за постройкой нескольких несчастных барок. Только в сентябре, гонимый льдами, уже затянувшими северный порт, он возвратился на запад и нашел свой настоящий путь. Вот он на Ладожском озере. Туда призывает он Шереметева, и наконец в его подвижном уме обрисовывается цель, к которой он будет стремиться долгие годы: он начинает осаду Нотебурга – древнего Орешка, где находился гарнизон всего из четырехсот пятидесяти человек, и 11 декабря 1702 года переименовывает сдавшуюся крепость новым, символическим именем Шлиссельбург – «город-ключ»: ключ к морю! Петр был в восторге.

В апреле 1703 года произошло взятие Ниеншанца у самого устья Невы. Это уже был личный успех бомбардира Петра Михайлова, пустившего здесь в ход свои батареи. Месяц спустя артиллерист преобразился в моряка и подарил России первую морскую победу: два гвардейских полка, посаженные на тридцать шлюпок, окружили два маленьких шведских судна, еще не знавших о сдаче Ниеншанца и плывших по направлению к этому городу, взяли их в плен и перебили команду. Безумная, детская радость брызжет в письмах, отосланных победителем своим друзьям. И нельзя отрицать, что торжество Петра было основательно: он вернул исторический путь, послуживший в IX веке для первых варягов дорогой к югу, к солнцу Греции, и с 16 мая на одном из прибрежных островков начали появляться деревянные домики, стали множиться, превращаться в дворцы и называться Петербургом!

Карл XII несколько не обеспокоился этими победами и воздвигающимся городом. «Пусть себе строит города, больше нам достанется». Таким образом, Петру и его войскам предстояли с этой стороны лишь стычки с отрядами мелкими и как бы заранее обреченными. Этим он воспользовался, чтобы извлечь наибольшую выгоду из такого положения, распространяясь и укрепляясь в Ингрии и Лифляндии. В июле 1704 года Петр присутствовал при взятии Дерпта; в августе вознаградил себя под Нарвой, взяв город после смертоносного штурма, и уже в ноябре 1703 года в устьях Невы появился так нетерпеливо жданный гость: иностранный коммерческий корабль с грузом водки и соли. Губернатор Петербурга Меншиков устроил в честь капитана банкет и поднес ему подарок в виде пятисот гульденов, а каждому матросу – по тридцати талеров.

Карл XII продолжал оставаться в Польше, где дела Августа шли все хуже и хуже. Сейм, собравшийся в феврале в Варшаве, объявил его низложенным. После кандидатуры Яна Собеского, уstraшенного ловушкой, в которую свергнутый король поймал сына освободителя Вены, Карл выдвинул Станислава Лещинского. Он теперь был хозяином положения и не заботился пока ни о России, ни о ее государе, а последний уже начинал беспокоиться о последствиях, какие мог иметь для него такой захват власти в Польше и в Саксонии. Очевидно, Карл, в конце концов, должен был вернуться обратно, а встреча Шереметева с Левенгауптом при Гемауерторфе (в Курляндии 15 июля 1705 г.) подтвердила тот факт, что помимо громадной разницы в силах, участвовавших с обеих сторон, русская армия не в состоянии выдержать натиска шведских войск под начальством хорошего вождя. Сам тяжело раненный, Шереметев на этот раз лишился всей своей пехоты.

Что теперь делать? Продолжать работать, накапливать силы и опыт, видя, что полководцам, подобным Шереметеву, не справиться с такой задачей, искать за границей генералов, инструкторов, техников; затем опять ждать терпеливо, уклоняясь от всяких

сомнительных стычек; стараться заключить мир, сохранив за собой часть захваченных владений; вести переговоры. Годы 1705–1707 были заполнены для Петра внутри государства беспримерными усилиями организации военной и экономической, извне – неустанной дипломатической кампанией во всех четырех концах Европы. Мы перейдем к первой части этой трудной работы, лишь мимоходом коснувшись второй.

III

Задача русской дипломатии в это время еще оставалась весьма неблагоприятной. Европейские кабинеты все еще смотрели на Россию под впечатлением постыдного поражения под Нарвой в 1700 году. В Вене князь Петр Голицын, преследуемый оскорблениями, как милости просил отозвания; Матвеев, бедствовавший в Гааге, получая всего две тысячи рублей в год на представительство, имел поручение устроить заем в обмен на вспомогательный отряд против Франции. Его спрашивали: предлагаемые им войска не те ли это самые, что взяли в плен шведского короля? Голландцы, люди практичные и предусмотрительные, недоброжелательным взором следили за новыми приобретениями России на Балтийском побережье. В 1705 году Матвеев решился предпринять путешествие в Париж, где у царя с 1703 года был только резидент без определенного характера, Постников. Он наивно признавался, что его никто не принимает всерьез. Дмитрий Голицын добивался с 1701 года утверждения договора, заключенного Украинцевым, требуя, сверх того, свободного плавания по Черному морю. Увы! Турки не хотели даже допустить прибытия послов в Стамбул водным путем, «их водами»!.. Однако впервые они согласились на постоянное пребывание русского посланника в Андрианополе; но Петр Толстой, назначенный на этот пост, напрасно старался склонить их на диверсию в сторону Германии. Все же Петр чувствовал себя в настоящую минуту в безопасности, по крайней мере, с этой стороны.

В конце 1705 года он решил обратиться к третьему союзнику, указанному ему Паткулем в его соображениях, и послал лифляндца в Берлин. Поэзия обратила внимание на эту загадочную и беспокойную личность: трагедия Гуцкова превратила этого Landjunkera в героического борца за латышскую народность; история же, по нашему мнению, еще не отдала ему должной справедливости. При своем появлении на сцене Паткуль действительно выступал в качестве защитника прав своей страны или, по крайней мере, прав своего сословия, против посягательств Карла XII, но и тогда уже он скорее разыгрывал роль, чем исполнял возложенное на него поручение. Доверителей не было видно. Правда, он вел переговоры с Августом от имени лифляндского дворянства, но его полномочия не имели вида особенно достоверного, и в изгнании он оставался одиноким. В апогее своей короткой политической карьеры он сохранял все признаки авантюриста. Впрочем, злой рок тяготел над его предприятием: призыв к Польше принадлежал к традициям его родины, но при современном состоянии республики, разъединенной, растерзанной на клочки противными партиями, к ней обратиться можно было только через избранного ею государя, а государь этот был, несмотря на обаятельную внешность, человек, пожалуй, самый низкий, самый испорченный во всей Европе. Нравственность Паткуля, не стоявшая на особенной высоте, не могла не пострадать от такого общения, как не могло оно не отразиться также на самой миссии, вскоре искаженной и униженной. Патриот превратился в заурядного интригана, и защита Лифляндии в его руках приняла вид преступного торга жизненными интересами

страны.

К сожалению, эпоха вполне благоприветствовала подобным превращениям. Историю Паткуля почти повторяют Гёрц и Струэнзе. Совершенно неспособный владеть собой, беспокойный, нетерпеливый, вспыльчивый и колкий, наконец, поверхностный и легкомысленный, несмотря на незаурядный ум и знания, лифляндец не обладал качествами, необходимыми для его новой роли. Неспособный сдерживать свой язык и еще менее перо, он восстал против себя польских магнатов, с которыми обращался пренебрежительно, и стал в дурные отношения с саксонскими генералами и сановниками, на которых, посредством старательно распространяемых брошюр, взваливал ответственность за личные или, по крайней мере, общие ошибки. Неспособный, однако, прибавим к чести его памяти, всецело воплотиться в принятой им на себя роли, он отправился в 1704 году в Берлин с предложением дележа польских областей между Пруссией и Россией и в том же году в письме, адресованном канцлеру Головину, сетовал на национальные традиции, направленные против России в сторону Польши. Таким образом, он играл впустую. Наперник Августа, презиравший характер короля, и доверенный советчик Петра, деспотизм которого, по его словам, был ему бесконечно неприятен, Паткуль сновал между Дрезденом и Москвой, запутывая сложный узел интриг и попыток, одна другой рискованнее. В 1709 году он подкатывался под саксонского канцлера графа Бейхлингена и его падением создал себе только несколько лишних врагов. Начальствуя в 1704 году вспомогательными войсками царя, высланными в Саксонию, он был вместе с ними разбит под стенами Торна. Отправленный в Берлин для переговоров о заключении мира и вернувшись с полной неудачей, он затеял переписку с прусскими министрами, сообщая им, «что ему надоели дела польского короля и он склоняется к миру с королем Швеции».

Наконец, утомившись беспрерывными хлопотами и увидев, что, не приводя ни к чему, они вырыли бездну у него под ногами, разочарованный и преследуемый, он основался в Дрездене, где намеревался жениться на красавице-вдове, графине Эйнзидель, урожденной Софье фон Румор, самой богатой невесте в Саксонии. Второй раз женщина роковым образом вмешалась в его судьбу и привела его к трагическому концу.

Известие об этой свадьбе разожгло зависть и ненависть врагов Паткуля. 15 декабря 1705 года, пользуясь полномочиями, предоставленными ему Петром, не нарушая их, но, доходя до последней возможной границы, Паткуль подписал с графом Стратманом договор, отдававший на жалованье «цесарю» русский вспомогательный, отряд, находившийся под начальством Паткуля. Договор не заключал в себе ничего противоречившего интересам польского короля: император обязывался не признавать Станислава при жизни Августа, даже поддерживать в Польше саксонскую партию. Все равно, воспользовались предложением, что Паткуль превысил свои полномочия, и четыре дня спустя после подписания договора царского комиссара арестовали.

Петр вступился за него, но вяло; его советник Меншиков был подкуплен саксонскими министрами. Долгие месяцы прошли в переговорах, слабых возражениях со стороны царя, более настойчивых со стороны Паткуля, поддерживаемых также брошюрами, которые он умудрялся издавать и распространять из глубины своей тюрьмы; а тем временем Август, всюду разбитый, окруженный, приведенный в отчаяние на поле брани Карлом, преследуемый на дипломатической почве, склонился 24 сентября 1706 года к подписанию унижающего Альтранштадтского договора, одиннадцатый пункт которого требовал выдачи Паткуля. Королю польскому приписывалось намерение дать узнику возможность бежать

после подписания договора. Слишком великодушное предположение! В дрезденских архивах нет ни малейшего намека по этому поводу. В виде указаний там встречается только записка государя, приказывающая передать графине Эйнзидель обручальное кольцо, найденное у заключенного, следовательно, последний окончательно погиб, по мнению короля. Напрасно великий казначей Польши Пржебендовский осмеливался напоминать ему, что после мира при Карловицах даже турки отказались выдать Ракоци.

Поведение Августа в данном случае соответствовало всей его жизни, поведение же Петра набрасывает тень на его славу. Выданного Швеции в ночь с 5 на 6 апреля 1707 года Паткуля некоторое время возили вслед за Карлом XII, затем предали военному суду и приговорили к смертной казни. Паткуль был колесован 10 октября в Казимирове в Польше. Перевернутый пятнадцать раз на неокованном колесе крестьянином, исполнявшим обязанность палача, он все еще кричал: «Иисус! Иисус!» После четырех следующих поворотов стоны замолкли, но у Паткуля еще хватило силы, чтобы доползти до плахи, приготовленной для казни другого преступника, и прошептать: «Kopf ab!» (срубите голову). Полковник Валдов, распорядившийся казнью, исполнил эту последнюю просьбу, но для того потребовалось четыре взмаха топора.

Таким образом, дипломатия плохо содействовала успехам Петра, и торжество Арведа Горна над Паткулем, завершленное изменой Августа, поставило царские войска в опасное положение. В начале 1706 года, запертое в Гродно, где Меншиков и Огильви оспаривали друг у друга начальство, войско уже чуть не попало в плен к Карлу. Только неожиданный разлив Немана, помешавший шведскому королю перейти реку, помог русским совершить поспешное отступление, покинув артиллерию и обозы. Не разделявший на этот раз участи своих войск, Петр открыл в Кроншлоте пушечную пальбу в честь этой победы. Правда, в октябре более действенная победа подняла престиж его оружия и, по-видимому, увенчала первым успехом его союз с польским королем. В неведении того, что произошло пять дней тому назад под Альтранштадтом, сопровождаемый вероломным союзником, скрывавшим свою измену, Меншиков разбил вместе с ним под стенами Капиша шведский отряд Мардефельда. Но сейчас же вслед за тем разнеслась весть об отступничестве. Петр остался один лицом к лицу со своим грозным противником, которому войска Меншикова совершенно не в силах были оказать сопротивления.

В сношениях с польским королем царь положительно обнаружил сначала недостаток прозорливости, а впоследствии такта. Уже много лет как исчезло очарование, связывавшее этих двух людей, столь мало созданных для взаимного понимания. Петр увидел все нравственное убожество, скрывавшееся под блестящей внешностью польского короля, а Август сообразил, что, приняв ценой своего союза ежегодную субсидию, равняющуюся в 1703 году 30 000 рублей, он совершил невыгодную сделку. Через два дня после подписания договора, обеспечивавшего ему такое вознаграждение (12 октября). Карл завладел Эльбингом и только за одну эту победу потребовал контрибуцию в размере 20 000 талеров! Наконец субсидия, всегда неаккуратно выплачивавшаяся, совсем прекратилась. У Петра не хватало денег. Поэтому с 1702 года со своим обычным легкомыслием и вероломством Август вступил на путь самостоятельных переговоров. В январе его бывшая любовница, Аврора фон Кенигсмарк, мать великого Морица, появилась в лагере Карла XII, на границе Курляндии и Самогитии. Правда, ее путешествие не увенчалось успехом, так как герой упорно отказывался от свидания, и ей пришлось утешиться, сложив следующий стих:

Отчего это, юный государь, при стольких заслугах
Вы истинного счастья не знаете...

После чего, тоже в стихах, она обратилась с утешением к самому Августу, уверяя его, что дружба государя, столь добродетельного, как король шведский, стоит дороже польской короны.

Петру сделалась известна эта попытка, сопровождавшаяся многими другими, и он счел себя вправе на подобные же шаги со своей стороны. В Польше, после предложения короны Яну Собескому, он ухватился за Ракоци, с которым его уполномоченные заключили даже формальный договор. Потом, через посредничество Голландии, от того уклонившейся, и затем Англии, он пытался заключить самостоятельный мир со шведом. В 1706 году Матвеев отправился из Гааги в Лондон с поручением подкупить Мальбору и Годольфина. Первый отказался от предложенных денег, может быть из недоверия к платежным способностям царя, и выказал предпочтение к вознаграждению землей; ему были предложены на выбор Киев, Владимир или Сибирь с ручательством в доходе в 50 000 талеров. Соглашение не состоялось благодаря условиям, выставленным при заключении мира Петром, требовавшим устья Невы и прилегающих областей. Тогда наступил черед Франции, а позднее Австрии. В Версале – Дезаллье, французский агент в Трансильвании, в Вене – барон Генрих Руиссен, бывший воспитатель царевича Алексея, приняли на себя посредничество, предлагая: первый целую армию в распоряжение всехристианнейшего короля, второй – отряд казаков против венгерских мятежников. Но всюду требования царя казались чрезмерными, и, кроме того, соприкосновение казаков с сербами, соседями Венгрии, не особенно восхитило императора. Две последующих попытки – в Берлине, где посол Петр Измайлов искушал добродетель графа Вартемберга обещанием 100 000 талеров, и в Копенгагене, где ему было поручено предложить датчанам Нарву и Дерпт, к сожалению, потерпели такую же неудачу.

Но, поступая таким образом и компрометируя себя по примеру союзника целым рядом переговоров, клонившихся к нарушению союза, Петр в то же время настаивал на сохранении союза и учитывал проистекающие от того выгоды для России. Альтранштадт его поразил и застал врасплох.

Он искупил ошибку, быстро приняв решение и подчинившись выходу, обеспечивавшему ему безусловную победу в будущем. Он очистил Польшу, отступил, еще ускорив приготовления, быстро подвигавшиеся благодаря долговременному пребыванию Карла в Саксонии, решил принять битву только у себя, в своих владениях, и в надлежащий час. Он вооружился новым запасом терпения, стал выжидать, изнуряя противника, продолжая отступать и оставляя за собой пустыню; он заставил Карла углубиться в необъятные равнины, систематически разоряемые, подвергнуться ужасному испытанию, всегда обращавшему в бегство исконных врагов Московии, турок, татар и поляков, – зимовке в сердце Русского государства. Предстояла решительная игра, когда царь, по его выражению, мог располагать десятью русскими против каждого шведа, имея союзниками время, пространство, холод и голод.

Карл, самый скрытный из всех полководцев, никому не поведал тайны своих соображений, заставивших его в январе 1708 года сыграть в руку своему противнику новым походом на Гродно. В течение предшествовавшего года в своем саксонском лагере он казался властителем Европы. Победенная при Гохштедте и при Рамильи, Франция обращала к нему умоляющие взоры, и глава победоносной коалиции Мальбору являлся ходатаем в его штаб-квартиру. Трудно допустить, чтобы великий полководец думал воспользоваться возмущением башкир, отвлекавшим внимание Петра в эту минуту. В феврале 1708 года они уже находились в тридцати верстах от Казани! Но Казань далеко, а Петр располагал с той стороны значительными силами. Ему удалось поссорить этих мятежников с их соседями, калмыками. Также счастливо справился он на Дону, где почти одновременно появился новый Разин. В 1707 году князь Юрий Долгорукий, посланный туда, чтобы приостановить тревожное переселение местного населения, стремившегося в Запорожье – обетованную землю, притаившуюся среди Днепровских порогов, наткнулся на казаков, находившихся под начальством Булавина, и погиб со своим отрядом. Но победители, вслед за тем разъединившиеся, дали себя разбить по частям. Булавин застрелился.

Может быть, Карл предполагал основать в Гродно свой оперативный базис для движения с наступлением весны на север, по направлению новых завоеваний царя. По-видимому, Петр допускал такой план, если судить по отданным им приказаниям позаботиться о безопасности Лифляндии и Ингрии, завершая их опустошение. И эти самые приказания могли побудить шведского короля изменить свое первоначальное намерение на другое, оценка которого является спорным вопросом для специалистов, хотя отрицать величия замысла невозможно. Против союзников, природой отданных в России в распоряжение царя, Карл нашел себе также сообщника в той же стране – это был Мазепа.

Полная приключений судьба гетмана, драма историческая и драма личной жизни, начиная со столкновения с паном Фальбовским, так наивно переданного Пасеком, до романа с Матреной Кочубей, связанного с последними трагическими перипетиями его жизни, слишком хорошо известна, чтобы хотя бы мимоходом к ним возвращаться. Малороссия переживала в это время мучительный кризис – следствие освободительного движения, начатого Хмельницким, принцип которого был нарушен вмешательством России. Прежних польских магнатов, притеснителей края, заменили казаки, угнетавшие, в свою очередь, местное население. Гетманы и казачество находились в открытой вражде; гетманы, стремясь к усилению своего значения, мечтали о преемственной власти, казачество отстаивало свое древнее демократическое устройство. Шведская война еще усилила затруднительное положение Мазепы. Ему приходилось совсем плохо от требований царя иметь казаков на всех полях брани – в Польше, России и Лифляндии и от сопротивления казаков, отказывавшихся трогаться с места.

По происхождению польский дворянин, воспитанник иезуитов, находившийся на службе у короля польского, присягнувший в верности султану, Мазепа не имел никаких оснований пожертвовать для Петра собственными интересами, тем менее жизнью. Приближение Карла XII заставляло его опасаться, что сторонники покинут его и выдадут полякам, как сделали с его предшественником Наливайко. В 1705 году он еще отказался от предложения Лещинского, не упустив случая при том напомнить царю, что это искушение, честно отклоненное, было «четвертым»; но с тех пор он передумал. Жалобы казаков усиливались.

Петр выразил намерение отправить два казачьих полка в Германию для обучения

немецкому языку.

Приглашенный князем Вишневецким, польским магнатом Вольни, в крестные отцы к своей дочери, Мазепа сошелся в его доме с матерью князя, бывшей вторично замужем за князем Дольским. Возраст – Прокопович ему дает пятьдесят четыре года, Энгель – шестьдесят, а Нордберг – семьдесят шесть – не утишил его страстей. Пани Фальбовская, пострадавшая не меньше его от безумно ревнивого мужа (по рассказу Пасека, пан Фальбовский, войдя к жене через окно, оставленное Мазепой открытым при уходе, набросился на нее «со шпорами, привязанными для этой цели на коленях»), имела много заместительниц. Княгиня Дольская вначале сделала вид, что только ходатайствует за Лещинского, для которого хочет заручиться поддержкой царя. Потом она сбросила маску: дело шло о помощи Лещинскому и его победоносному покровителю даже против Петра. Мазепа сначала вспылал против «бабы»; но то была женщина изворотливая; вскользь брошенные ею слова заставили его насторожиться: «Будучи во Львове, она встретила с русскими генералами Шереметевым и Рёном и слышала от них предсказание о скором смещении гетмана и его замещении Меншиковым». В таком предположении для Мазепы не было ничего невероятного. Мысль о введении на Украине русского бюрократизма, как ему было известно, смущала умы сподвижников Петра. Напившись однажды в Киеве, сам временщик отчасти проговорился по этому поводу и уже приобрел замашку располагать казачьими полками, не предупреждая о том гетмана. За княгиней Дольской стоял иезуит Заленский, посланец Лещинского и Карла, и Мазепа уже ни одним словом не обмолвился царю об этом новом искушении.

Известен рассказ, каким образом благодаря последней любовной истории до сведения Петра дошли переговоры, возникшие между сторонами. Казачий атаман Кочубей, дочь которого Мазепа соблазнил, решил отомстить за свою честь доносом. К несчастью для себя, он не мог представить достаточных доказательств. Рассчитывая на милости, какими он беспрестанно осыпал гетмана, кроме того, упорствуя видеть в нем представителя собственной власти, столкнувшегося с вековой непокорностью казаков, Петр поддался обману: он поверил негодующим оправданиям Мазепы и выдал ему доносчика. Двадцать доносов поступало на Мазепу за двадцать лет, и всегда ему удавалось оправдаться! Он велел отрубить головы Кочубею и его товарищу Искре, однако не мог успокоиться, опасаясь возврата устраненной опасности. Появление Карла на границах России заставило его принять окончательное решение. Весной 1708 года его посланцы появились в Радожковицах, на юго-востоке от Гродно, где Карл поместил свою штаб-квартиру.

Воспользоваться услугами гетмана, чтобы проникнуть в сердце России, опираясь на богатые южные области; поднять с помощью Мазепы донских казаков, астраханских татар и даже, может быть, самих турок и взять таким образом российскую державу с тылу; загнать Петра в его последние оплоты, в Москву или даже далее, пока генерал Любекер, находившийся в Финляндии с сорокатысячной армией, обрушится на Ингрию и Петербург, пока польские приверженцы Лещинского, соединившись со шведами генерала Крассова, будут охранять Польшу, – вот, по-видимому, план, на котором остановился король шведский в эту решительную минуту.

Без сомнения, план был широко задуман, но он рушился при первом препятствии. Мазепа предался на известных условиях, и Карл находил его чересчур требовательным. Соглашаясь уступить Польше Украину и Белоруссию, шведам – крепости Мглин, Стародуб и Новгород-Северский, но требуя для себя Полоцк, Витебск и Курляндию, обращенную в

ленное владение, гетман затягивал переговоры. В то же время, имея недостаточную численность войск для движения вперед. Карл решился призвать к себе Левенгаупта, находившегося в Лифляндии. Этот генерал должен был предоставить ему шестнадцать тысяч человек и припасы. Но шведский герой плохо рассчитал время и пространство. Драгоценные дни – лето – прошли раньше, чем приказание короля было исполнено, и впервые неуверенность и нерешительность закрались в его ум, сейчас же сообщаясь окружающим. Левенгаупт не проявлял обычной быстроты, Любекер действовал вяло, а Мазепа возвратился к двойной игре: он осторожно подготовлял казаков к восстанию во имя прежних традиций, национальных привилегий и церковных законов, затронутых преобразованиями Петра, укреплял свою резиденцию Батурич, устраивал там обширные склады, но продолжал угождать царю вплоть до согласия носить немецкое платье, льстя деспотическим наклонностям государя планами, клонившимися к уничтожению последних признаков местной независимости, и принимая подарки от Меншикова.

Таким образом прошло лето, предвещая зимнюю кампанию, и разверзлась бездна, куда Петр уже устремил свой пронизательный взор.

V

Карл решился покинуть Радожковицы только в июне, направляясь на восток к Борисову, где перешел через Березину. 3 июля Шереметев и Мельгунов пытались преградить ему путь у маленькой речки Бобич близ Головчина. Ночной обход и бешеная атака в штыки под начальством самого короля лишней раз доставили ему победу. Могилев раскрыл ворота победителю; но Карлу пришлось там остановиться, теряя время на ожидание Левенгаупта. Он снова выступил в поход в начале августа, направляя свое движение на юг, и уже его солдатам приходилось сталкиваться с одним из союзников Петра: чтобы питаться, они принуждены были собирать колосья и растирать их между двумя камнями. Болезни начали опустошать их ряды, «сраженные, – как говорили суровые воины, – тремя лекарями: водкой, чесноком и смертью». Левенгаупт находился теперь в Шклове, отделенный от главной армии наводнением двух разлившихся рек – Сожи и Днепра, между которыми укрепился Петр. Удачно переправившись через Днепр, шведский генерал был настигнут при Лесной (9 октября) неприятелем, втрое сильнейшим, и на следующий день Петр мог отправить своим друзьям сообщение о полной победе: «Восемь с половиной тысяч положено на месте, не говоря о тех, что калмыки преследовали в лесах; семьсот пленных». По этому подсчету Левенгаупт, выставивший не более одиннадцати тысяч человек, лишился почти всего своего отряда. Однако он привел еще к Карлу шесть тысяч семьсот человек, пройдя фланговым маршем, возбуждающим восхищение знатоков; но, не найдя моста на Соже, он принужден был бросить всю артиллерию, весь свой обоз и ввел полчище голодных в лагерь, осаждаемый голодом.

В то же время плохие известия приходили из Ингрии, где Любекер был разбит, потеряв также обоз и три тысячи превосходнейших солдат, и Карл настолько растерялся, что, говорят, поведал своему квартирмейстеру Голленкрооку, что действует наугад, без определенного плана. Подойдя 22 октября к Максошину на Десне у начала Украины, он рассчитывал встретиться там с Мазепой; но старый гетман не явился на условленное место свидания; он еще выжидал, уклонялся от решительного шага. Чтобы принудить его к тому, понадобилось

вмешательство его приближенных казаков, опасавшихся вторжения в Украину русских, преследовавших шведов. Выгоднее было соединиться с последними и преградить дорогу первым. Один из казаков, Войнаровский, отправленный гетманом к Меншикову, возвратился с грозными вестями: он слышал, как немецкие офицеры штаба временщика, разговаривая о Мазепе и его приверженцах, говорили: «Помилуй, Боже, бедных людей, завтра их закуют в кандалы». Услышав такое донесение, Мазепа вскочил, как вихрь, и поспешил в Батурин, чтобы поднять тревогу, затем, перейдя через Десну, присоединился к шведской армии.

Слишком поздно! Среди затяжек и уклончивых поступков гетмана народное чувство, на которое он рассчитывал вместе с Карлом, чтобы поднять мятежное восстание, заглохло и потеряло всякую сплоченность. За Мазепой последовал лишь двухтысячный отряд приверженцев, недостаточный даже чтобы захватить Батурин, где спустя несколько дней Мазепу опередил Меншиков, отняв таким образом у шведской армии последнюю надежду на пополнение ее запасов. Вместе с крепостями Стародубом и Новгородом-Северском, замкнувшими свои ворота, вся Украина ускользнула от своего вождя-перебежчика и его новых союзников. Изображение Мазепы влекли по улицам Глухова в присутствии Петра; на его место был назначен новый гетман Скоропадский, а между тем наступила зима, ужасная зима, когда птицы мерзнут на лету.

В начале 1709 года наличные силы Карла сократились почти до двадцати тысяч человек. Не смея еще напасть, русские окружали его кольцом, с каждым днем суживавшимся, захватывая выдвинутые вперед посты, прерывая коммуникационную линию. Чтобы получить некоторую свободу, шведский король принужден был выступить в поход в январе месяце. Он бесполезно потерял тысячу человек и сорок восемь офицеров при взятии Веспжика, небольшой крепостцы (6 января). В это время Мазепа уже считал дело проигранным. Он пытался еще раз переменить фронт, предлагая Петру выдать Карла за возвращение ему прежней должности. Торг был заключен. К несчастью, в руки царя попало письмо, посланное одновременно старым изменником Лещинскому. Петр отказался от своего решения: положительно нельзя было доверять такому вероломному человеку. В марте месяце приближение шведов, подходивших к Полтаве, заставило запорожских казаков к ним присоединиться. Но это было лишь частное восстание против военных экзекуций, беспощадно чинимых Меншиковым, и манифестация против чужеземцев-еретиков, «отрицающих догматы истинной веры и плюющих на образ Богоматери». Петр быстро справился с бунтом. Взятие Полтавы оставалось последней надеждой Карла. Необходимо было завладеть ей, иначе грозила голодная смерть.

Город был плохо укреплен: но армия, осадившая его, уже не та, что сражалась под стенами Нарвы. Она слишком избаловалась долговременным пребыванием на вольных хлебах в Саксонии и Польше, чтобы переносить испытания этого ужасного похода, полного лишений.

Еще до наступления решительной битвы она, подобно русской армии под Нарвой, была побеждена деморализацией. Даже в главном штабе и среди приближенных Карла исчезла вера в его гений и его звезду. Его лучшие генералы – Реншельд, Гилленкрок, канцлер Пипер, – сам Мазепа высказывались против продолжения осады, грозившей затянуться. Карл упорствовал: «Пошли мне Господь своего ангела, чтобы уговорить последовать вашему совету, и то бы я его не послушал».

Неискоренимое заблуждение – результат слишком легких первоначальных побед, – заставляло его оценивать слишком низко силы противника. Он не знал, не желал ничего

знать о новой России – великане, вставшем наконец на ноги, выпрямившемся перед ним во весь свой рост благодаря усилиям Петра. Некоторые утверждают, что Мазепа поддерживал в Карле роковую решимость, надеясь приобрести в Полтаве личное достоинство, второй Батурин.

Петр долго колебался с наступлением, все еще не доверяя себе, усердно стягивая силы, увеличивая свои шансы на победу. Даже со стороны его противников все тому содействовало: в конце июня у шведов истощились последние боевые снаряды, и они остались без артиллерии, почти без всяких огнестрельных припасов, принужденные в случае битвы драться холодным оружием. Накануне решительного сражения шведы оказались без вождя: во время рекогносцировки на берегах Ворсклы, разделяющей враждебные армии. Карл, по обыкновению смелый и без нужды собой рисковавший, был ранен пулей. «Только в ноги», – заявил он, улыбаясь, и продолжал осмотр местности. Но, вернувшись в лагерь, он лишился чувств, и немедленно, учитывая моральное воздействие случая, Петр решил перейти через Ворсклу. Действительно, в шведском лагере разнесся слух, что, считая положение безнадежным, король добровольно искал смерти.

Однако еще десять дней прошли в ожидании нападения, на которое русские все-таки еще не решались, и наконец Карл сам сделал первый шаг, объявив вечером 26 июня (7 июля) своим генералам, что на завтра им назначен бой. Все еще сильно страдая, он передал командование Рёншёльду, храброму солдату, но вождю посредственному, не пользовавшемуся доверием армии и скрывавшему, по словам Лундблада, «свой недостаток знаний и стратегических способностей под вечно нахмуренным челом и суровым взглядом». После поражения на него пало обвинение в измене. То обыкновенная участь побежденных. Истина, по-видимому, заключается в том, что всегдашняя скрытность Карла, его привычка не доверять никому своих предположений и планов сражения постепенно лишали его сподвижников всякой инициативы. В его присутствии они становились безгласными, даже как будто лишались способности соображения. Рёншёльд только ворчал и на всех раздражался. А Петр, между тем, не упускал ничего для обеспечения себе победы, вплоть до переодевания одного из лучших своих полков, Новгородского, в мундиры из сермяги, предназначенные для новобранцев, чтобы таким образом ввести в заблуждение врага. Уловка, впрочем, не увенчалась успехом. Полк в самом начале битвы был изрублен в куски обрушившимся на него Рёншёльдом. Центр армии Петр поручил Шереметеву, правое крыло – генералу Рённу, левое – Меншикову, артиллерию – Брюсу и, по обыкновению, сам ступался, взяв на себя командование полком. Но это лишь условность. В действительности он везде сражался в первых рядах, носясь по полю битвы, не щадя жизни. Пуля пробила его шляпу, другая, говорят, поразила его прямо в грудь. Ее чудесным образом задержал золотой крест, украшенный драгоценными камнями, который царь всегда носил на себе. Поднесенный монахами с Афонской горы царю Федору Михайловичу, крест этот, действительно носящий следы пули, сохраняется в Успенском соборе в Москве.

Лишенный возможности сесть на лошадь, Карл приказал вынести себя на носилках; когда они были разбиты в щепы ядрами, он, проявляя свой обычный героизм и полное презрение к смерти, пересел на другие, наскоро устроенные из перекрещенных копий. Но он остался лишь живым штандартом, величественным и бесполезным. Вождя не было. Сражение представляло собой бешеную схватку, где вокруг него, лишенного возможности владеть оружием, без руководства, без надежды на победу, вскоре окруженные и подавленные численностью, бились некоторое время славные остатки одной из самых

замечательных среди когда-либо существовавших армий, – бились, чтобы не покинуть своего короля. Часа через два сам Карл бежал с поля сражения, взобравшись на старую лошадь, служившую еще его отцу. Прозванный Брандклеппером, потому что всегда стоял оседланным на случай пожара (*brand*) в городе, конь этот последовал за побежденным героем в Турцию; взятый турками под Бендерами, он был возвращен хозяину; снова взятый в 1715 году в Штральзунде и снова возвращенный, он пал в 1718 году сорока двух лет от роду, в год смерти короля. Понятовский, отец будущего короля польского, совершавший поход в качестве волонтера, так как Карл отказался взять с собой польские войска вследствие отсутствия у них дисциплины, собрал эскадрон полковника Горна, чтобы конвоировать короля, и, прикрывая его отступление, получил семнадцать пуль в свой кожаный кафтан. Фельдмаршал Рёншёльд, канцлер Пипер со всей своей канцелярией, более полутора ста офицеров и две тысячи солдат сдались в плен победителям.

Радость последних была настолько велика, что они забыли о преследовании побежденных. Начались пиршества; Петр приглашал к столу знатных пленников, и пили за здоровье «своих учителей военного искусства».

Шведы, оставшиеся в количестве тридцати тысяч, имели возможность на минуту приостановиться у себя в лагере, и, призвав к себе Левенгаупта, Карл в первый раз в жизни спрашивал совета: «Что делать?» – «Сжечь фургоны, посадить пехотинцев на упряжных лошадях и отступать к Днепру», – таково было мнение, высказанное генералом. Настигнутый лишь 30 июля у Переволочной, он сдался, так как его войско отказывалось драться, но король успел переправиться на другой берег. Его карету, нескольких офицеров и военную казну, накопленную в Саксонии, перевезли на двух барках, связанных вместе. Мазепа также достал в свое распоряжение барку и поставил на нее два бочонка с золотом.

В Киеве, куда из Полтавы направился Петр, в Софийском соборе происходило торжественное благодарственное богослужение, и, прославляя одержанную победу, монах-малоросс Феофан Прокопович дал красивый образец своего красноречия. «Услышат ближние и соседи их и рекут, яко не в землю нашу, но в некое море внидоша силы свейския, погрузившася бо яко слово в воде. Не возвратится вестник к отечеству своему».

Швеция Густава Адольфа действительно погибла. Карл XII вскоре появился под Бендерами просто в качестве искателя приключений. Независимость казачества тоже отжила свой век. Ее последний, слишком вероломный, представитель умер через несколько месяцев в Турции – от отчаяния, как утверждают русские источники; от добровольно принятого яда, полагают шведские историки. Петр предложил обменять его на Пипера, поэтому яд кажется вполне вероятным. Наконец умерло дело Лещинского, поднятое впоследствии Францией исключительно в своих личных интересах, а с ним умерла уже и самая Польша: она превратилась в труп, над которым скоро начали кружиться коршуны. На этих развалинах создалось могущество России, ее гегемония на севере, ее новое положение в Европе, ее сила, разрастающаяся до беспредельности, принимающая невероятные размеры. Европа была приглашена принять участие в празднествах, сопровождавших спустя несколько месяцев возвращение победителей в Москву. Европейские мысли, обычаи, привычки там разделяли их торжество, служа украшением трофеям победы. Петр в наряде Геркулеса, побеждающий шведскую Юнону среди процессии марсов, фурий и фавнов, символизировал союз Руси с греко-латинской цивилизацией Запада. Восточная и азиатская Московия отошла в вечность.

Полтавская победа окружила Петра, его войско и народ сиянием славы, блеск которой пролился за пределы великого царствования и века; но победитель не получил от нее благоденствия, которому справедливо придавал больше всего цены: мира. Чтобы добиться его, ему предстояло еще ждать двенадцать лет, напрягая все свои усилия и принося новые жертвы. Вина, по-видимому, в значительной степени падала на самого Петра, на пробелы в его сообразительности и припадки малодушия. Его будущее поведение совершенно ясно обрисовывалось в данную минуту, логически, естественно, властно заявляя свои права его воле. За невозможностью соглашения с побежденным он должен был расширять и упрочивать свои приобретения; закончить покорение Лифляндии, укрепиться в Финляндии и, извлекая таким образом из борьбы всевозможные Выгоды, не беспокоиться и не отвлекаться ничем посторонним – ни союзником-саксонцем, изменившим ему, ни союзником-датчанином, первым покинувшим поле битвы. Но логика, сила вещей, власть обстоятельств были бессильны в его уме против натиска необдуманных влечений, которыми он не умел владеть. Без веского основания, вероятно, даже без определенного и заранее обдуманного намерения он бросился очертя голову в погоню за приключениями. В порыве ко всестороннему распространению, когда России оставалось только следовать за ним, он, очевидно, руководился исключительно слепой и бессознательной потребностью движения, ища применения, выхода для своих сил. Восточное побережье Балтийского моря его не удовлетворяло; он протянул руку к Мекленбургу. Он взялся управлять Польшей и водворить там порядок, стоя на страже анархической конституции страны. Он предвосхитил славянофильскую и панславистскую политику будущего, призывая сербов и черногорцев под сень своего протектората, посылая им за свой счет книги и учителей, хотя этим учителям было бы гораздо больше дела в Москве, но там не было школ, не нашлось и денег на их содержание. В этой игре он рисковал потерять на берегах Прута все плоды своих усилий и своих успехов и, более того, ввергнуть свою участь и судьбу всего народа в бездну более глубокую, чем та, что поглотила Карла XII. Чудом избавившись от такой катастрофы, Петр сейчас же принялся за прежнее; без всякой надобности, побуждаемый исключительно желанием быть на виду у Европы, он вмешивался во все ее дела, вставляя свое слово повсюду, запутываясь в лабиринте подозрительных интриг, двусмысленных комбинаций, трактуя, торгуясь, политиканствуя вкривь и вкось, опять-таки рискуя завязнуть в этом болоте, где он в течение десяти лет только топтался на одном месте между Берлином, Копенгагеном и Амстердамом, в постоянной борьбе с честолюбием, вожделениями соперников, насторожившихся благодаря его собственной неловкости.

Чтобы действовать и заставить с собой считаться на обширной арене, куда Петр отважно пустился со своим новым военным могуществом и дипломатией, только что получившей европейский склад, у него не было никаких ресурсов, ни достаточного понимания разнообразных, сталкивавшихся там интересов, ни сноровки в делах, ни такта, ни чувства меры. Повсюду, на каждом шагу он наталкивался на препятствия, попадал в ловушки, застревал на мелях, которых не умел ни замечать, ни обходить. Он удивлялся ссоре

с королем английским после того, как Россия вступила в союз с курфюрстом Ганноверским; изумлялся, что Австрия оскорбилась, когда, содействуя округлению владений Пруссии за счет Швеции, он воображал, что служит интересам Германии. Он выдал дочь замуж в Данциг, чтобы доставить удовольствие своим польским друзьям, требовал по этому случаю с города контрибуцию в полтораста тысяч талеров и поражался, что тот оказывается более чувствительным к просимым деньгам, чем к оказываемой чести. Вмешавшись в распри между польскими католиками, униатами и православными, Петр добился лишь того, чтобы православные монахи в Орше побили русского комиссара Рудаковского, приехавшего с епископом белорусским для ревизии монастыря, о котором ходили плохие слухи. Игумен монастыря собрал множество шляхты и черни, которые бросились на епископа и комиссара с криками: «Бей, руби москалей и попа-схизматика!»

В то время как Петр добивался заключения займа в Голландии, контр-адмирал Крюйс, командир одной из эскадр, сжег в Гельсингфорсской гавани пять голландских купеческих кораблей, перебив часть команды и захватив остальную в плен. В данном по этому поводу объяснении вся вина сваливалась на шведов, занимавших Гельсингфорс и своей сильной артиллерией не дозволивших адмиралу предпринять никаких шагов против них. Тогда, чтобы не удалиться, не обогатив своей военной славы, он обрушился на голландцев.

Сподвижники царя, его послы при иностранных державах, стояли на той же высоте, постоянно переходя от излишка угодливости к непомерной надменности. Мы читаем в дневнике датского резидента в 1710 году: «Победа наполнила такой гордостью сердца здешних жителей, что они не чувствуют под собой ног и помышляют лишь о воздаянии им почестей, не думая об оплате тем же». И они с таким же наслаждением купаются в грязи, эти по большей части профессиональные искатели приключений, без прошлого, без школы, выгнанные из конюшни или людской, как Меншиков и Ягужинский, или, как Куракин, оторванные от усад патриархальной жизни, привычек домостроя и терема. Они совершают бесконечные промахи, неловкости, непристойности, то попадая в тюрьму за неуплату долгов, то добиваясь того, что их вышвыривают за дверь, как лакеев, но повсюду успевая еще запутать и без того сложный узел, концы которого держат в руках. Политическая история царствования, начиная с Полтавской победы и до Ништадтского мира, представляется сплошным хаосом и кутерьмой. Счастье России, героическое долготерпенье ее народа и, надо также добавить, настойчивость и энергия ее вождя, наконец, помогли ей в том разобраться; но просвет обошелся дорого и оказался бесполезным!

После Полтавы Петр отправился в Киев, а оттуда в Польшу, где местные магнаты, с гетманом Синявским во главе, готовили ему торжественную встречу как победоносному защитнику польской свободы! В октябре царь встретился в Торне с Августом, уже давно принесшим покаяние. Вероломный король не стал ожидать окончательного поражения Карла, чтобы стараться примириться с его противником. После походов, не покрывших его вящей славой и приведших его вместе с сыном Морицем под стены Лилля в качестве наемников, выступивших с десятитысячным отрядом, нанятым у союзников против Франции, он одумался, послал генерала Гольца в Петербург, пригласил короля датского Фридриха IV в Дрезден и самолично совершил путешествие в Берлин. В начале июля 1709 года он уже снова заручился тремя союзниками. Союз с Россией, оборонительный и наступательный против Швеции обеспечил ему польский престол, а папская грамота в то же время освободила от обязательств, взятых Августом на себя по Альтранштадтскому договору, между прочим и от долга повиновения Лещинскому. Последнему пришлось с тех

пор разделять судьбу шведского оружия и удалиться в Померанию с отрядом Крассова.

Таким образом осуществилась, наконец, четверная коалиция, о которой мечтал Паткуль, и Петр сделался ее естественным главой. Уже в Торне Дания предлагала ему прямой союз через посредство чрезвычайного посла графа Ранцау. Этого союза недавно добивался царский посланник в Копенгагене Долгорукий путем крупных субсидий: триста тысяч талеров для начала, но сто тысяч в последующие годы, строительные материалы для флота, матросов, еще разные добавления. Теперь не было уже речи ни о чем подобном. Дружба России поднялась в цене на европейском рынке. «Я не дал ничего, ни одного человека, ни одного гроша», – писал Долгорукий в октябре, извещая о заключении договора.

На поприще военных действий Петр также сначала переходил от успеха к успеху. Правда, Рига, которую он осаждал сам в ноябре и куда собственноручно бросил первые три бомбы, сопротивлялась; но в следующем году, в июне, Выборг, атакованный одновременно с суши и с моря, причем царь исправлял должность вице-адмирала, принужден был сдаться, а в июле Шереметев одолел наконец и Ригу. Кексгольм, Пернов, Аренсбург, Ревель постепенно открывали свои ворота или брались приступом; Карелия, Лифляндия, Эстония были покорены, а Курляндия сама отдалась победителям: правящий герцог Фридрих Вильгельм просил руки племянницы царя Анны Иоанновны.

Но вдруг тревожные вести пришли с юга. В Турции дипломатия Карла при помощи звонких доказательств одержала верх над Толстым. После смерти Мазепы побежденный герой сделался богатым. Войнаровский одолжил ему восемьдесят тысяч червонцев, находившихся в бочонках, сопровождавших гетмана во время его бегства; сто тысяч талеров Карл получил, кроме того, из Голштинии, двести тысяч – благодаря займу у братьев Кук, Английской Восточной Компании; четыреста тысяч дал великий визирь Нуман Куприоли. Таким образом, Карл мог снабдить, деньгами в достаточном размере своих двух агентов, Понятовского и Нейгебауера, последнего – перебежчика, бывшего воспитателя Алексея, вынужденного скрываться от преследований. Царский посол, требуя выдачи или, по крайней мере, задержания шведского короля, имел в своем распоряжении всего двадцать тысяч червонцев и несколько собольих шкурок для соблазна добродетели муфтия! Толстой наконец рискнул на ультиматум, и сейчас же вслед за тем, 20 ноября 1710 года, в торжественном заседании дивана была решена война. Русский посланник очутился пленником в Семибашенном замке.

Всецело поглощенный соображениями высшей политики, ареной для которых служила Центральная Европа, Петр не предвидел такого удара и, застигнутый врасплох, не в силах был его отразить. Набранные им союзники не могли в данном случае принести ему никакой пользы. Датчане уже снова были выведены из строя после полного поражения, стоившего им шести тысяч человек (февраль 1710 г.), и Англия воспользовалась этим обстоятельством, чтобы возобновить прежние попытки соглашения между ними и Швецией. А Петр не имел в настоящую минуту даже посла в Лондоне: Матвеев был выгнан оттуда кредитором после весьма компрометирующей истории (июль 1708 г.). Весной 1710 года Куракину удалось войти в соглашение с курфюрстом ганноверским Георгом Людовиком относительно оборонительного союза; но этот договор, по которому царь отказывался от права нападать на шведов в Германии, пока они сами там не затронут его союзников, можно считать полуизменой. Поляки, подданные Августа, также были недовольны новым сближением своего короля с победителем при Полтаве. В начале 1711 года Валлович явился в Москву и жаловался от их имени на произвол и насилия, какие им приходилось терпеть от русских

войск. Он требовал немедленного отозвания расположенных в Польше отрядов, вознаграждения за причиненные обиды, возвращения Лифляндии и польских владений на Украине, в Литве, на правом берегу Днепра.

Все вместе взятое создало весьма опасное положение, и с такой обстановкой приходилось мириться у себя в тылу, на севере и западе Европы, чтобы направить свои силы на юг. Весьма неискusный в рассматривании вещей издали, Петр прекрасно видел их вблизи, и перед горизонтом, внезапно затянувшимся такими грозными тучами, его душой вновь овладели смущение и растерянность. Покидая Петербург в апреле 1711 года, он заботился об обеспечении судьбы Екатерины и прижитых с ней детей и ответил Апраксину, находившемуся на Дону и спрашивавшему указаний (24 апреля 1711 г.), что, «больной и в отчаянии», он не может ему дать никаких приказаний. В таком настроении духа он начал Молдавскую кампанию, где настал его черед испытать, что значит вести наступательную войну в малознакомой стране, с недостаточными силами и против врага, слишком низко оцененного.

II

План кампании, на котором Петр на этот раз остановился, явился, по-видимому, плодом его собственного вдохновения. Не будучи большим специалистом, легко заметить главную погрешность этого плана. Предшественники великого мужа прекрасно знали, что делали, когда, обязавшись воевать против Турции совместно с поляками или имперскими войсками, они неизменно обрушивались на одних татар. Грозный остаток великого монгольского владычества, Крымское ханство составляло тогда авангард Оттоманской империи, и авангард, так расположенный, что, преграждая с одной стороны – с востока – путь к Константинополю, он, прочно основавшийся и словно сидящий в засаде в природной крепости Перекопского перешейка, должен был неминуемо напасть с тыла на врага, приближавшегося с запада вдоль областей по Дунаю, и отрезать ему пути сообщения и отступления. Великая Екатерина поняла это впоследствии и упорно стремилась покорить ханство, и сам Петр, по-видимому, это сознавал, напав на Турцию со стороны Азова, где линия отступления была для него обеспечена водным путем. Но нападение со стороны Азова требовало помощи флота, а построенный с этой целью флот в Воронеже не мог сдвинуться с места вследствие недостаточного подъема воды. Поэтому Петр остановился на Яссах, рассчитывая на господарей молдавского и валахского Кантемира и Бранкована и на богатства их страны; как Карл рассчитывал на Мазепу и Украину. Царь вел сорокапятитысячную армию и громаднейший обоз, переполненный бесполезными ртами. Екатерина сопровождала его с многочисленным гинееем, и большинство офицеров, в особенности иностранцы, везли с собой жен и детей. Женщины эти ежедневно собирались вокруг будущей царицы, причем забывались заботы войны.

Однако забывать о них пришлось недолго. Кантемир принял гостей с распростертыми объятиями, но кормить их ему было нечем. Бранкован сначала колебался, затем принял сторону турок. Провиантские склады, устройством которых распорядился Петр, остались на бумаге благодаря стремительности похода, и не было более возможности наверстать в этом отношении потерянное время: татары исполняли свою роль, появляясь в тылу у русских, сообщение с севером было отрезано; царю сообщили о складе запасов и снарядов,

устроенном турками в Браилове, на Сунже; и, уже менее заботясь о сражениях, чем о способах прокормить свои войска, он послал в Браилов генерала Рённа с отрядом кавалерии, назначая ему свидание на берегах Прута, вдоль течения которого он сам намеревался двинуться в том же направлении. Его предупредила другая неизбежная встреча, неожиданная только для него одного, потому что его штаб, говорят, ее предвидел и предупреждал о ней: 7 (18) июля 1711 года вечером его армию, сократившуюся до тридцати восьми тысяч благодаря уходу Рённа, окружили татары и турки, занявшие оба берега реки с силами, в пять или семь раз большими, и сильной артиллерией, расставленной на высотах. Отступление было невозможно. Не видно было другого исхода, кроме плена или смерти.

Если верить словам очевидца, Петр и на этот раз подумывал о спасении среди общего бедствия собственной жизни. Он обратился с этой целью к казаку Ивану Некульжу, надеясь, что тот сумеет провести его и Екатерину сквозь вражеский стан. Другие свидетели, весьма многочисленные и вполне между собой согласные, хотя также оспариваемые, рассказывают, что, охваченный отчаянием, совершенно упав духом, он заперся у себя в палатке, отказываясь отдавать приказания или выслушивать советы и предоставляя Екатерине заботу о последних попытках к общему спасению. Известно, наконец, знаменитое письмо, будто бы адресованное государем Сенату в этот трагический час:

«Господа Сенат! Извещаю вас, что я со всем своим войском без вины или погрешности нашей, единственно только по полученным ложным известиям, в семь крат сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я, без особливья Божией помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, хотя бы и по собственному повелению от нас было требуемо, покамест я сам не явлюсь между вами в лице моем, но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собой достойнейшего мне в наследники».

Хотя впоследствии это письмо было помещено среди официальных документов, однако подлинность его весьма сомнительна. Оригинала не существует. Каким образом мог он исчезнуть? Первая известная передача текста встречается в анекдотах Штехлина, придерживавшегося устного рассказа Шереметева. Редакция «Полного Сборника Законов», т. IV, стр. 712, очевидно, почерпнута из этого источника. Стиль действительно напоминает Петра, а также радикальный способ разрешения без околичностей сложных вопросов, какие могут возникнуть благодаря возможному плену или исчезновению. Но забвение законного наследника в то время, как его разрыв с Алексеем еще был далек от своей развязки? Ведь как раз в эту минуту Петр помышлял о женитьбе сына для обеспечения наследника престола! Но избрание «достойнейшего» из среды сенаторов, тогда как любимые сподвижники царя, Апраксин, Головкин, Меншиков, не состояли членами Сената? И еще невероятная подробность: в остальных письмах, написанных несколько дней спустя, Петр ничего не упоминал об этом послании такой государственной важности. В одном из них он откровенно признавался в ошибках, «поставивших его и всю армию в безвыходное положение».

Что касается роли, приписываемой Екатерине, нам приходится выбирать между довольно сомнительным свидетельством самого Петра и словами некоторых второстепенных актеров драмы в двух лагерях. Последним совершенно неизвестно, чтобы она проявляла какое-нибудь деятельное участие. Понятовский просто упоминает, что Петр

решил послать парламентаря в турецкий лагерь. Брасей де Лион, который служил в это время бригадиром в русской армии, а жена его, весьма «ценяемая и любимая в свите царя», по свидетельству Вебера, находилась в непосредственной близости к будущей царице, дает следующие точные подробности: «Его царское величество (Петр), генерал Янус, генерал-лейтенант барон фон Остен и фельдмаршал (Шереметев) имели продолжительное частное совещание. Все они подошли к генералу барону фон Халларту, находившемуся в карете по случаю раны, и там, между каретой генерала и каретой баронессы фон Остен, где находилась г-жа Буш (жена генерал-майора), было решено, что фельдмаршал напишет письмо великому визирю, прося у него перемирия». Дневник Халларта, подтверждаемый датским министром Юэлем, которому генерал сообщил эти же сведения, повторяет тот же рассказ. По словам Юэля, даже неверно, что Екатерина пожертвовала своими драгоценностями, чтобы содействовать подкупу великого визиря, она ограничилась их раздачей гвардейским офицерам, надеясь таким образом вернее сохранить эти драгоценности, и затем потребовала их обратно.

Тем или иным способом опасность была устранена. Отослав без ответа первого парламентаря, визирь наконец согласился вступить в переговоры. Шафиров отправился к нему с условиями, находившимися в зависимости от взаимного положения обеих армий: возвращение Турции всех завоеваний предшествовавших войн, возвращение Швеции Лифляндии и даже других областей побережья, за исключением Ингрии и Петербурга (за Петербург Петр соглашался в случае надобности уступить Псков и другие города, даже в самом центре России!); возведение на престол Лещинского, уплата военных издержек, подарки султану. Шафиров возвратился и принес мир, доставшийся почти даром: очищение Азова, уничтожение некоторых соседних укреплений, обязательство не вмешиваться больше в польские дела, свободное возвращение шведского короля в его владения. По сведениям Х. Хаммера, сверявшегося с турецкими источниками, и размер бакшиша, поднесенного по этому случаю визирю и разделенному им с кияей, не превышал 200 000 рублей. Немецкий историк верит во вмешательство Екатерины и действие, произведенное ее бриллиантами. Перстень, принадлежавший будущей царице, был впоследствии найден в имуществе кияя. Но визирь и кияя могли бы завладеть всем – Петром, его женой и всей его армией!

Подобная развязка может быть объяснена только общей историей турецких войн. Сыны Оттоманской империи, как явствует из этой истории, всегда торопились вернуться домой и склонны были удовлетвориться небольшими выгодами, чтобы избежать необходимости дальнейших усилий. Их лучшие войска, с янычарами во главе, были своенравны и недисциплинированы. При настоящих обстоятельствах они вообразили, что победитель при Полтаве намеревается дорого продать свою жизнь или свою свободу, и Шафиров своим поведением и речами укреплял их в этом мнении. Почерпнутое в византийской школе, развившееся в школе бедствий, искусство притворства прочно привилось в России. Нисколько не заботясь о торжестве более полном, чем то, каким они могут воспользоваться, не пошевелив ни одним пальцем, вполне равнодушные к участи Лещинского или Карла XII, турецкие войска не выразили ни малейшего желания драться. Зная по опыту, что значит им противоречить, визирь исполнил их желание. Мир был заключен.

Петр необычайно быстро, по обыкновению, стряхнул с себя пережитую тревогу и воодушевился надеждой на будущее. В письме, написанном в тот же день Апраксину, он сознается, что «николи б не хотел к вам писать о такой материи, о которой ныне принужден есмь, однако ж понеже так воля Божия благоволила и грехи христианские не допустили. Ибо

мы в 8 день сего месяца с турками сошлись и с самого того дня даже до 10 числа полуден, в превеликом огне не точию дни, но и ночи, были и прав да никогда, как я начал служить, в такой дисперации не были». Однако тотчас же добавляет: «Однако ж Господь Бог так наших людей ободрил, что хотя неприятели вяще 100 000 нас числом превосходили, но однако ж всегда выбиты были и потом, когда оным зело надокучил наш трактамент, а нам вышереченный, то в вышереченный день учинено штильштанд, а потом сгодились и на совершенный мир, на котором положено все города у турок взятые отдать, а новопостроенные разорить... Сие дело хотя есть и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однако ж чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительною прибылью нам есть».

В то же время Петр нисколько не желал отказываться от способов, основанных на недобросовестности, чтобы загладить жестокий удар судьбы. Приказывая скрыть Таганрог, он не велел трогать фундаментов, «потому что обстоятельства могут измениться», и, не желал слышать об очищении Азова или эвакуации Польши до отъезда Карла XII из Турции. Напрасно ему указывали, что в этом отношении Порты не брала на себя никаких обязательств. Шафиров и сын Шереметева, которых ему пришлось отправить в Константинополь в качестве заложников, оказались благодаря этому в опасном положении, но царь о том нисколько не заботился и с октября 1712 года допустил их заточение в Семибашенном замке вместе с самим Толстым. И только уступая наполовину перед прямой угрозой возобновления враждебных действий, он очистил наконец Азов и согласился на новую ратификацию границы, потребованную турками, но упорно старался ввести последних в обман ложными сведениями относительно количества войск, содержимых им по соседству с Варшавой, и достиг наконец, того, чего более всего добивался: удаления Карла из Бендер. Карл, после известной безрассудной попытки, был взят и заключен в замок Тимурташ, имение султана в окрестностях Демотики. Герой-рубака потерял в этом приключении четыре пальца, кончик уха, кончик носа и возможность продолжать в Турции свою пропаганду.

III

Петр находил, что теперь настал самый удобный момент для быстрого завершения войны со Швецией. Этого настоятельно требовало истощение страны и беспорядок в финансовых делах. К сожалению, царь не принимал в расчет добровольно навязанных себе союзников. В сентябре 1712 года осада Штральзунда, предпринятая общими силами, только привела к возбуждению общественного мнения Европы; русские, датчане, саксонцы потратили только время на взаимные ссоры и опустошение окрестностей. Конец войны из-за испанского наследства заставлял опасаться вмешательства Англии, Голландии и Австрии в дела Севера, поэтому Петр отправил князя Куракина в Гаагу, чтобы заручиться признанием его побед над Швецией в обмен на помощь против Франции. Его посла ожидал довольно холодный прием; поведение союзников в Померании не могло внушить желания вести с ними сообща какие-либо дела. Год заканчивался полным поражением датско-саксонской армии, преследовавшей у Мекленбурга последний шведский отряд под начальством Стенбока.

Следующий год был не лучше. На Утрехском конгрессе выяснилось сближение между

Англией и Францией. Петр отправился в Ганновер и пытался склонить на свою сторону курфюрста. Тот отделялся одними обещаниями. Тогда царь обратился к Пруссии, где только что умер король Фридрих I. Пруссия до сих пор придерживалась системы, которую можно выразить следующим образом: ничего не делать и все-таки стараться что-нибудь получить; предоставлять другим драться, чтобы под шумок воспользоваться частицей добычи. Она устраивалась так, что ей предлагали Эльбинг взамен довольно туманных обещаний. За дальнейшие шаги она требовала ни более ни менее как заблаговременного свершения дела великого Фридриха: немедленного раздела Польши. Посещение нового короля Фридриха Вильгельма заставило Петра убедиться, что перемена государя несколько не отразилась в этом отношении на политических принципах Пруссии.

Вернувшись в Петербург в марте 1713 года, Петр решил лично нанести окончательный удар, напав на Финляндию, эту «кормилицу Швеции», по его выражению. События доказали, что для него самое лучшее было действовать самостоятельно. Або, главный город страны, был взят в августе почти без сопротивления! В октябре Апраксин и Михаил Голицын разбили шведов при Таммерфорсе. Наоборот, в Германии кампания 1713 года была удачной только для Пруссии, принимавшей в ней участие лишь своими вождениями. Окруженный в Теннингене, Стенбок принужден был сдаться 4 мая Меншикову с союзниками, после чего последовала капитуляция Штеттина; но победители спорили о дележе добычи, а Пруссия, отказавшаяся дать свою артиллерию для осады города, великодушно взялась их примирить, введя гарнизон в Штеттин, и в договор о секвестре, подаривший ей этот лакомый кусочек, включены были также Рюген, Штральзунд, Висмар, вся Померания! За это, правда, король Вильгельм объявил, что «готов пролить кровь свою за царя и его наследников».

Не удовлетворенная таким результатом Дания протестовала, требовала гарантии против алчности прусской, голландской или русской и выразила свое неудовольствие отказом от соглашения с Ганновером, чем Петр, после смерти королевы Анны и восшествия на английский престол курфюрста Георга, надеялся достичь поддержки последней державы.

В 1714 году царю приходилось одному вести войну морскую и сухопутную, и счастье продолжало улыбаться Петру. После взятия Нейшлота, завершившего покорение Финляндии, он лично разбил шведский флот 25 июля между Гельсингфорсом и Або, взял в плен контр-адмирала Эреншельда, овладел Аландскими островами и, вернувшись в свой «парадиз» среди нового взрыва торжествующих ликований, получил в виде награды чин вице-адмирала, дарованный ему Сенатом.

Но в ноябре Карл неожиданно явился в Штральзунд. Там к нему присоединился правитель Любека, правивший также герцогством Голштинским во время несовершеннолетия герцога Карла Фридриха. Сын сестры Карла VII Карл Фридрих считался теперь наследником шведской короны. Но пока датчане завладели ей и голштинским наследием, с которыми, по-видимому, не желали расстаться. Очевидно, один Карл XII мог им в том воспрепятствовать. И в Штральзунде произошло неожиданное событие, еще более осложнившее и без того запутанную нить длинного и бесконечного северного кризиса. Правителя Любеке сопровождал его министр, вдруг сделавшийся любимцем и самым веским советником шведского героя. Как и почему – трудно сказать, так как в министре не было ничего к себе располагающего. Вид у него был зловещий, и его считали виновным в самых ужасных злодеяниях или способным на них. Впоследствии, когда он принял участие в обширных переговорах, имевших целью умиротворение Европы, Шатонёф, французский

посол в Гааге, жаловался, что ему приходится иметь дело с «человеком, чья порядочность может казаться весьма сомнительной»... Стэнхоп считает его мошенником и обвиняет в том, что он продался императору. Антипатичный и для всех подозрительный, он всюду возбуждал недоверие и ужас. Звали этого человека барон фон Гёрц.

В начале 1715 года дела союзников как будто начали принимать лучший оборот. Дания соглашалась уступить Ганноверу Бремен и Верден. Пруссия, по-видимому, готова была принять посредничество Франции между собой и Швецией, и королю Георгу приходилось объявить войну шведам в качестве курфюрста Ганноверского. Но вскоре все опять спуталось, и наступил прежний сумбур. Дания требовала содействия английского флота, чего не хотел и не мог обещать ей курфюрст, и, видя, что английский флот не выходит из рейда, датская армия не покидала своих стоянок. В мае Пруссия присоединилась к союзу с целью завладеть Штральзундом, откуда Карл скрылся до капитуляции (12 декабря). Сильно было неудовольствие Петра, задержавшегося в Польше и не принимавшего участия в осаде. Он надеялся наверстать потерянное, водворив в Германии свою племянницу Екатерину Ивановну, которую выдал замуж за герцога Мекленбургского Карла Леопольда, назначая ей в приданое мекленбургские города Висмар и Варнемюнде, которые намеревался отобрать у шведов. В апреле 1716 года Висмар действительно сдался союзникам; но последние отказались впустить туда Репнина, командовавшего русским отрядом. Опять Петр потрудился для короля Пруссии!

Лестное удовлетворение самолюбия ожидало Петра в Печение будущего лета. В августе на корабле собственной постройки «Ингерманландия» он произвел смотр эскадр: русской, датской, голландской и английской, собравшимся на рейде в Копенгагене под его начальством. Англия и Голландия участвовали только на параде, но произошло соглашение относительно совместного действия флотов русского и датского в Шонии, и присутствие двух других флотов, хотя и чисто демонстративное, дало, однако, союзникам могущественную моральную поддержку. К несчастью, соглашение расстроилось в ту самую минуту, когда должна была начаться действительно общая работа. С той и другой стороны возникли взаимные подозрения, обвинение в намерениях, чуждых предполагаемому предприятию. Напрасно Петр напрягал всю свою изобретательность и энергию, спеша в Штральзунд, чтобы поторопить прибытие запоздавших датских транспортов, пускаясь в опасные рекогносцировки под огнем неприятельских батарей. Его шлюпку «Княжна» пронзило ядро. Сентябрь приближался, а дело еще не подвинулось вперед ни на шаг, и русский штаб единогласно заявлял, что следует отложить экспедицию до будущего лета. Союзники негодовали. Петр сбросил маску; он вошел в соглашение со шведами относительно раздела Померании и Мекленбурга! Только с этой целью он и прибыл в Германию! Может быть, он даже подумывал о Копенгагене! Столица приводилась в оборонительное положение. Гражданам раздавалось оружие. Ганновер, настолько недоброжелательно отнесшийся к водворению русской царевны в немецких землях, что предлагал даже царю союз с Англией и содействие английского флота за отказ от мекленбургского замужества, проявил наибольшее раздражение. Утверждают, что король Георг даже хотел послать приказ адмиралу Норрису, командиру отряда английских судов в датских водах, завладеть особой русского государя и потопить его эскадру. Стэнхоп, на которого было возложено такое поручение, указал на необходимость посоветоваться со своими коллегами и дал время государю успокоиться, но Петру его союзники сделались противны. Он приказал своим войскам очистить Данию, двинувшись в Ростов. Шереметев

водворился с большей частью своих отрядов в Мекленбурге, а сам царь направился в Амстердам, куда привлекал его Гёрц, раскрывая перед ним новые перспективы.

IV

Гёрц, бывший министром герцога Голштинского, прежде чем сделаться доверенным лицом Карла, сначала старался спасти интересы своего повелителя от кризиса, грозившего им гибелью, связав их с судьбою короля шведского. Он вел переговоры с Пруссией, Ганновером, королем польским, чтобы выговорить себе долю из добычи после побежденного героя; с царем – чтобы выдать замуж русскую царевну за герцога Голштинского и затем возвести последнего на шведский престол. Таким образом, он заранее изменял своему будущему повелителю и подобными поступками приобрел себе в Европе самую плохую дипломатическую славу. Однако, отвергнутый союзниками, видя, что датчане заняли герцогство Голштинское без всякого сопротивления с чьей-либо стороны, он с полной искренностью обратился к шведскому герою, вернувшемуся из Турции. Искать спасения герцогства Голштинского в торжестве Карла; сократить для того число его врагов; отделить Данию; поставить претендента в зависимость от Георга Ганноверского и тогда начать переговоры непосредственно с царем, даже с Пруссией, если окажется возможным, пользуясь посредничеством Франции, – вот план, на котором теперь остановился Гёрц.

Прибыв в Голландию, где Гёрц находился с мая месяца 1716 года, Петр благосклонно выслушал его соблазнительные речи. Сторонник претендента, шведский врач Эрескинс, которого Гёрцу удалось поместить около царя, подготовлял для того почву. Что касается содействия Франции, оно казалось обеспеченным: план Гёрца, в сущности, только возобновил руководящую мысль последнего франко-шведского договора 13 апреля 1715 года. Франция обязалась тогда поддерживать Карла XII в его стремлениях вернуть свои забалтийские владения и герцога Голштин-Готторпского в его притязаниях. Как уже сказано, мысль Гёрца – французского происхождения, и происхождения хорошего: она принадлежала Людовику XIV и Торси. Великий король и его министр заботились о предохранении от полного разрушения системы союзов, обеспечивавшей Франции на многие века ее положение в Центральной Европе наряду с империей. Ослабление Турции и Польши, удар, нанесенный Швеции Россией, подточили это здание у самого основания. Мысль о поддержании его при помощи других материалов, обратившись к самой России, еще не созрела, и понадобилось много времени, чтобы восторжествовать ей над духом рутины и более законной приверженности к старым, уважаемым традициям. Мысль Гёрца, за неимением лучшего, явилась довольно сносным исходом.

С июля по ноябрь 1716 года Гаага сделалась центром необыкновенно оживленных переговоров. Гёрц, шведский посол в Париже барон Шпарре, генерал Ранк, швед, состоящий на службе у Гессена, Понятовский, преданный друг Карла XII, толковали с Куракиным, с Дюбуа, присланным регентом из Парижа, с Гейнзиусом. Петр все сильнее раздражался против своих германских союзников. Екатерина, которая должна была сопровождать его в Амстердам, принуждена была остановиться в Везеле, где 2 января 1717 года произвела на свет сына, царевича Павла, прожившего всего несколько дней. Такой неблагоприятный исход родов приписывался ее супругом плохому обращению, какое ей пришлось испытать, проезжая через Ганновер. Дело дошло до того, что побили ее кучера. К несчастью, Дюбуа

прибыл в Голландию с совершенно иными планами, чем поддержка Гёрца. Людовика XIV уже не стало, направление французской политики не зависело более от Торси, и регент прислал Дюбуа, чтобы встретиться со Стэнхопом и войти в соглашение с Англией относительно вопроса, которому жертвовал некоторое время всеми остальными политическими соображениями и расчетами: он страстно желал стать преемником великого короля!

Неудача Гёрца зависела от такого фатального совпадения. Видя, что Франция уклоняется, Петр стремился к сближению с Англией. Но в феврале 1717 года шведский министр в Лондоне Гилленбург был арестован под предлогом сношений с претендентом, и русский резидент Веселовский оказался тоже замешанным в обвинении. Он пытался всеми силами оправдаться, и Петр торопил Куракина ему на помощь с предложением выгодного торгового договора как предварительной ступени к договору политическому. Но от посла сейчас же потребовали второй предварительной статьи: эвакуации Мекленбурга. Петр вынужден был сознаться, что с этой стороны ему ничего не добиться: король английский и курфюрст Ганноверский действовали заодно, чтобы удалить его из Германии и от Балтийского моря. Он снова обратился к Франции и в марте 1717 года решил лично отправиться туда попытать счастья. Из Берлина приходили благоприятные вести: Пруссия, по-видимому, не прочь была взять на себя посредничество для достижения соглашения и даже самой принять в нем участие. Ниже мы более подробно остановимся на пребывании царя на берегах Сены и успехах, ожидавших его личное дипломатическое вмешательство. Они окажутся посредственными. Однако, вернувшись в Амстердам из Парижа, куда сопровождали государя его послы Головкин, Шафиров и Куракин, подписали с Шатонёфом, представителем Франции, и Книпгаузенем, представителем Пруссии, договор, отличительной чертой которого являлось признание французского вмешательства для окончания Северной войны. И таким образом опять-таки восторжествовала идея Гёрца.

Антипатичный дипломат завоевал личное расположение царя; Петр соглашался на тайное свидание с ним в замке Лоо и вполне вошел в его планы. Поручив ему дело улаживания самостоятельного мира с Карлом, он дал обязательство ничего не предпринимать в течение трех месяцев, и Гёрц прибыл с пропуском русского государя в Ревель, чтобы оттуда направиться к своему повелителю в Швецию. Последствия этой новой дипломатической путаницы обнаружились быстро. В январе 1718 года внимание политических кругов Петербурга было встревожено неожиданным отъездом генерала Брюса, генерал-фельдцейхмейстера, и канцлера Остермана. Куда они отправились? Голландский резидент де Би замечает, что Брюс приказал уложить «новые богатые одежды и серебряную посуду». Так как всем известна была его бережливость, то такая пышность казалась подозрительной. «Резкие слова и вспыльчивость», с какой Остерман отвечал на осторожные вопросы ганноверского резидента Вебера, утверждая, что отправляется в инспекторский объезд, несколько того не успокоили. В мае всей Европе уже было известно, в чем дело: Брюс и Остерман – со стороны России, Гёрц и Гилленберг – со стороны Швеции съехались в Аланде для заключения мира. Ввиду предупреждения споров о старшинстве была снята перегородка, разделявшая две комнаты, и предназначенный для конференции стол ставился посередине, наполовину в одном, наполовину в другом помещении. Труднее было достигнуть соглашения относительно самого повода к совещаниям. Гёрц требовал *status quo ante* – возврата к прежнему положению дел: возвращения всех владений, отнятых у Швеции; а Петр соглашался уступить только Финляндию, и дело плохо подвигалось вперед. Правда,

царь проявлял большую щедрость в других отношениях, предлагая Швеции какое угодно вознаграждение за счет германских владений английского короля, конечно, с условием, что она сама позаботится обеспечить за собой свои новые приобретения. Но в том Петр обещал свою помощь, даже, в случае надобности, поддержку притязаниям претендента в Англии. Шведы, по-видимому, не придавали особой цены таким обещаниям; тогда Петр советовал своим уполномоченным сделать попытку подкупа. Гилленборг, без сомнения, был не такой человек, чтобы отказаться от хорошего участка земли в России. Но ему сказали, что ганноверцы, со своей стороны, подкупили шведского посла Миллера. И он наивно этим оскорблялся. В то же время разнесся слух о народном восстании, вызванном в России процессом царевича Алексея, и этот слух вместе с упрямством Карла XII, у которого благодаря этому снова пробудилась надежда, и трудностью отобрания от Пруссии Штеттина, от которого шведский король не желал уже отказаться, создал еще более серьезное препятствие к быстрому соглашению. Наконец наступила фридрихсгальская катастрофа, окончательно прервавшая переговоры. Карл был убит (10 декабря 1718 года). Обвиненный в соучастии с Россией в ущерб шведским интересам, преданный суду по приказу Ульрики Элеоноры, которая, будучи замужем за наследным принцем Гессен-Кассельским Фридрихом, наследовала брату, Гёрц взошел на эшафот. Великий северный кризис вступил в новую фазу.

V

Аландские переговоры снова возобновились, барон Лилиенштедт заменил Гёрца, а Петр отправил туда Ягужинского с предложениями более уступчивыми, вплоть до очищения Лифляндии. Но так как и этого оказалось мало, то царь пустил в ход крайние средства для понуждения к соглашению: в июле 1719 года громадный русский флот из 30 кораблей, 130 галер, 100 мелких судов произвел высадку на шведском берегу, и, проникнув в глубь страны, генерал-майор Лесси сжег сто тридцать пять селений и бесконечное множество мельниц, складов и фабрик. Отряд казаков приблизился на расстояние полутора мили к столице. Но героическая тень Карла парила над его родиной. Правительство и народ мужественно переносили испытание. Когда Остерман явился в Стокгольм в качестве парламентаря, принц Гессен-Кассельский и президент Сената Кронхельм объявили ему, что готовы содействовать высадке русских войск ввиду решительного сражения, которым спор должен был решен. Бремен и Верден, уступленные наконец Ганноверу, в то же время обеспечивали Ульрике Элеоноре поддержку Англии. Венский двор, рассорившийся с Петербургом благодаря процессу царевича Алексея, подтверждал свои прежние намерения, клонившиеся в пользу Швеции, из опасения Пруссии. В июне 1720 года влиянию лондонского кабинета Швеция была обязана своим примирением с Данией при уплате вознаграждения в шестьсот тысяч дукатов и уступке зундских пошлин в обмен на возвращение всех датских завоеваний в Померании и Норвегии. В Гааге Куракин принужден был искать поддержки у Испании! И французский резидент ла Ви писал из Петербурга:

«Беспокойные движения царя вместе с обуревающими его порывами, которым он подвержен, служит доказательством силы волнующих его страстей... Естественные отправления нарушены бессонницей, не дающей ему покоя, и его приближенные, желая скрыть действительную причину его беспокойства, слишком очевидную, распространяют

слух, что его беспокоят привидения».

Эта «очевидная причина» – гибель на глазах у Петра результата двадцатилетних усилий благодаря измене союзников, неразумно связанных им со своей победоносной судьбой и думавших лишь о том, чтобы отбить у него плоды его побед. И в ночных кошмарах государя вставали душа и тело целого народа; измученного, истощенного бесконечной войной. Вот к чему привели его связи с великими европейскими державами, его опыты политика широкого размаха в их обществе и весь блеск пышной дипломатии, заимствованный из их традиций!

Великие державы, к счастью для Петра, имели больше желания заставить его дорого поплатиться за неблагоразумие и самонадеянность, чем возможности сделать это. В мае 1720 года английская эскадра под начальством Норриса появилась с угрожающим видом вблизи Ревеля. Она соединилась со шведским флотом, но после нескольких попыток устрашения ограничилась тем, что сожгла избу и баню, выстроенные рабочими на соседнем острове. Тем временем русский отряд под начальством бригадира Менгдена произвел новую высадку в Швеции и сжег тысячу двадцать шесть крестьянских домов. «Конечно, потеря чувствительная, – пишет по этому поводу Меншиков, – которую два соединенных флота причинили Вашему Величеству на острове Нарген, но, хорошенько все взвесив, можно, пожалуй, на то махнуть рукой, предоставив избу шведскому флоту, а баню английскому».

Теперь наступил черед выступления Франции, но ее вмешательство, более действенное, носило совершенно мирный характер и проявлялось в смысле благотворном для интересов обеих держав, одинаково жаждавших мира. Оно привело в апреле 1721 года к новой встрече уполномоченных, русских и шведских, в Ништадте. Кампредон, недавно совершивший поездку из Петербурга в Стокгольм с согласия царя, подготовил для них путь. Швеция настаивала только на отстранении герцога Голштинского, относительно которого Петр взял также смелые обязательства. Действительно, этот принц после смерти своего дяди сделался законным наследником шведской короны, и у Петра зародилась мысль выставить и обратиться на пользу русской политики его непризнанные права. В июне 1720 года Карл Фридрих по приглашению царя прибыл в Петербург, где ожидал его самый радушный прием и была ему обещана, почти предложена, рука цесаревны Анны, дочери Петра. Екатерина, говорят, объявила ему всенародно, «что будет готова сделаться тещей принца, подданной которого могла бы быть, если бы счастье не изменило Швеции».

Правда, относительно обещаний, руководясь традициями византийской западной школы, царь несколько не стеснялся: он, не задумываясь, выбросил за борт несчастного принца с его правами, честолюбием и надеждами. 3 сентября 1721 года в Выборг прибыл курьер и привез царю весть, что мир заключен. Лифляндия, Эстония, Ингрия, часть Карелии с Выборгом, часть Финляндии окончательно отошли к России за вознаграждение в два миллиона талеров. Польша со стороны России, Англия со стороны Швеции участвовали в договоре. Вопрос о герцоге Голштинском даже не был затронут.

Великая эволюция Московского государства завершилась: настал конец периода восточного и континентального в его истории и начинается период западного, когда Россия становится морской державой. Политическая Европа, бесспорно, обогатилась новым фактором, все более и более приобретающим влияние на ее будущие судьбы. И Петр завершил свой тяжелый труд, свою ужасную науку. Он мог наслаждаться ликованием своего народа, измученного, истощенного, запуганного до последней степени и все-таки не

покинувшего до самого конца своего царя и теперь разделявшего с ним его безмерную радость, его несказанное облегчение. Петр возвратился сейчас же в Петербург. Плывая по Неве, он приказал безумолчно играть на трубах и дать три пушечных залпа со своей яхты. Народ толпился у Троицкой пристани. Издали всем виден был царь, стоявший на носу судна, махавший платком и восклицавший: «Мир! Мир!» Он соскочил на землю, легкий и проворный, как в дни молодости, и сейчас же поспешил в церковь Св. Троицы, где приказал отслужить благодарственный молебен. Тем временем на площади перед храмом поспешно воздвигалась деревянная эстрада, подвозились бочонки водки и пива. Воздав дань благодарности Богу, Петр взошел на подмости, говорил прочувствованными словами о великом событии, затем, осушив стакан водки, подал сигнал к праздничному угощению. Флотские офицеры явились к нему с поздравлениями и просили его принять чин адмирала, как бы освящение новой роли и нового положения, приобретенного для народа и его вождя на Балтийском море. Он охотно согласился. Сенат, в свою очередь, поднес ему три новых титула: отца отечества, Петра Великого и императора. Тут он колебался. Его предшественников и его самого уже искушал этот вопрос. В XVI веке в России зародилось желание заставить признать в слове «царь» равнозначащее «цезарю» или «kaiser»'у, одновременно со стремлением отвергнуть азиатское происхождение властителя, готового приобщиться к Европе. Служившее первоначально для обозначения казанских татарских князей, слово это соответствовало персидскому «сар», английскому «сэр» и французскому «сир», имея равносильное значение. В договоре, заключенном между императором Максимилианом и великим князем Василием Ивановичем, императорский титул, отчасти по недоразумению, был присвоен московскому князю. С тех пор эта двусмысленность оставалась невыясненной, но в 1711 году Куракину пришлось еще «подчищать» в письмах, адресованных королевой Анной его государю, титул «царское», присовокупленный к «Его Величеству», победителю под Полтавой. Петр оставался до сих пор довольно равнодушным к такой замене, даже скорее относился враждебно, объясняя энергичным и образным выражением причину своего внутреннего отвращения: «Это пахнет плесенью». Теперь он уступил, но с поправкой: он будет «императором всея России», но не «императором Востока», как было предположено сначала. И он не скрывал от себя трудностей, с которыми придется бороться, чтобы заставить Европу признать этот новый титул. Действительно, вначале на это согласились только Голландия и Франция. Швеция признала его только в 1723 году, Турция – на десять лет позже, Англия и Австрия – в 1742 году, Германия и Испания – в 1745 году, а Польша, непосредственно в том заинтересованная, – только в 1764 году при воцарении Понятовского и накануне первого раздела.

«Вся Россия», заключающая все области, в течение пяти веков приобщенные к европейской цивилизации польской гегемонией, совершает свое окончательное вступление в историю.

На празднестве, сопровождавшем провозглашение нового титула, новый император собственноручно пускал фейерверк, так как мастер, которому была поручена эта забота, оказался мертвецки пьяным. Царь сам пил изрядно и веселился больше всех своих подданных, вместе взятых. Но на следующий день, встав рано, как всегда, принялся за работу. Для него мир не означал отдыха. Наряду с материальными выгодами, составлявшими его прямую пользу, он рассчитывал извлечь из него для своего народа пользу моральную, более отдаленную, но безграничную. Он желал, чтобы эта двадцатилетняя война была главным образом школой, хотя бы и «трехвременной с жестокой длительностью ученья», как

он выражался в письме, отосланном уполномоченным (Брюсу и Остерману) с выражением своего удовольствия по поводу счастливого события.^[25] И знание само по себе не дает еще ничего; надо пользоваться – и немедленно – тем, чему выучился. Как? Опять начинать войну. Отчего же нет? Не чувствуя себя усталым, Петр быстро забывает об усталости других. И вот его манит уже новое военное предприятие с горизонтами еще более обширными, чем те, которые открыли перед ним «окно, прорубленное в Европу» со стороны Балтийского моря.

VI

В борьбе за расширение границ своего государства и своего влияния в сторону Запада Петр не упускал из вида и восточных границ. С 1691 года бургомистр Амстердама Николай Витзен через голландского резидента в Москве обратил внимание царя на важность установления торговых сношений между Россией и Персией. В 1692 году путешествие датчанина Избранда в Китай явилось эпохой в ознакомлении с этой страной. Один из наиболее деятельных сотрудников Петра по постройке кораблей и проведению каналов, англичанин Джон Перри, со своей стороны, занялся прилежным изучением побережья Каспийского моря, где уже с половины XVII века Астрахань являлась важным центром армянской и персидской торговли. Несколько раз возобновленные попытки завоевать пекинский рынок – в то же время в Пекине была основана русская церковь – не увенчались успехом. Отправленный туда в 1719 году послом полковник Измайлов наткнулся на сопротивление иезуитов, там уже более прочно основавшихся. Но эта неудача только укрепила Петра в намерении пробить себе в ином месте путь на Дальний Восток. Вместо Китая пусть будет Индия. Мысль встретиться там с Англией и нанести ей урон, бесспорно, еще не мелькала в голове Петра. Он имел в виду лишь воспользоваться своей долей в неистощимой сокровищнице богатств, откуда черпали свои средства большинство европейских держав. Вначале он остановился на Хиве и Бухаре, первых этапах на великом пути Амударьи, который, как он надеялся, проведет его в Дели, откуда еще англичане не выгнали Великого Могола. Русским купцам эта дорога уже была знакома. После неудачного похода 1711 года стремление вознаградить себя на востоке, на побережьях Каспийского моря, за потери, понесенные на юге, у Черного моря, становится более настойчивым. В 1713 году сведения, сообщенные туркменским хаджи, завлеченным в Москву, еще сильнее возбудили алчность государя: на берегах Амударьи (Oxus) есть золото, и эта река, впадавшая раньше в Каспийское море и будто бы отведенная хивинцами в Аральское море из боязни русских, могла быть возвращена в свое прежнее русло. Шведская война помешала отправить в Азию сколько-нибудь значительную экспедицию; но Петр не мог совсем отказаться от своего проекта и изобрел систему мелких отрядов, оказавшуюся гибельной впоследствии для других покорителей далекой страны и не сослужившую лучшей службы и ему. Первый очень слабый отряд, выступивший в поход в 1714 году под начальством немца Берхгольца, направился по сибирскому пути, но путь оказался прегражденным калмыками, и Берхголец принужден был отступить. В 1717 году князь Александр Бекович-Черкасский, лучше снаряженный, с четырьмя тысячами человек пехоты и двумя тысячами казаков, дошел до самой Хивы, то сражаясь, то ведя переговоры; но, в конце концов, он и весь его отряд были перебиты.

Более счастливыми оказались попытки, одновременно направленные в сторону Персии.

В 1715 году Артемий Петрович Вольнский, посол при дворе шаха, прибыл оттуда с торговым договором и проектом экспедиции в широких размерах. Назначенный в 1720 году астраханским губернатором, он не переставал подготавливать эту кампанию. И сейчас же после Ништадтского мира именно его план привел Петра в воинственное настроение и оторвал от усад «парадиза». В эту минуту самое положение Персии как будто взывало к вмешательству с оружием в руках. После лезгин и казыкумыков, набеги которых на страну в течение 1721 года разорили русские склады и одному только купцу Евреинову причинили убытков на сто семьдесят тысяч рублей, афганцы доходили до самой Испании. Если бы Россия не поспешила предупредить, Турция намеревалась водворить порядок у соседей. И Петр принял решение: чтобы воспользоваться такими выгодными обстоятельствами, он, следуя настоятельному зову астраханского губернатора, двинул в поход всю свою армию и повел ее лично.

13 мая 1722 года он покинул Москву в сопровождении Толстого, Апраксина и неразлучной Екатерины и 18 июля сел на суда в Астрахани с двадцатью тремя тысячами пехоты. Конница в составе девяти тысяч лошадей отправилась сухим путем вместе с многочисленным иррегулярным войском из двадцати тысяч казаков, двадцати тысяч калмыков, тридцати тысяч татар. Местом встречи назначен был Дербент. Что предполагал сделать царь с этой стотысячной армией? Его планы остались загадкой. Возможно, что в противовес прежним военным демонстрациям слишком слабой наличностью сил он еще раз, по своему обыкновению, впал в обратную крайность. Также лишний раз обнаружил он странное легкомыслие, сочетавшееся в нем с самыми положительными качествами ума и характера. 23 августа после не особенно кровопролитной стычки с войсками султана Утешимского он совершил торжественное вступление в Дербент, куда сенаторы слали ему поздравления, желая «шествовать вперед по стопам Александра». Но новому Александру быстро пришлось обратиться вспять. Как и одиннадцать лет тому назад в Молдавии, его войскам грозила голодная смерть. Транспорты с припасами, предназначенными для их питания, затонули на Каспийском море. В несколько дней кавалерия Петра принуждена была спешиться благодаря отсутствию фуража; лошади падали тысячами. Петр оставил в Дербенте небольшой гарнизон, водрузил на слиянии Сулака и Астрахани первый камень будущей крепости, которой дано было имя Св. Креста, и торжественно, но с плачевными результатами возвратился в Астрахань.

Но еще раз Петр искупает сделанную ошибку главным качеством своего гения: настойчивостью. Возвратившись в сфере военных действий к системе мелких отрядов, послав в течение следующего года полковника Шилова во главе небольшого отряда, захватившего несколько персидских городов, а генерал-майора Матюшкина с другим отрядом, овладевшим Баку, который русский штаб считал ключом к занятию этой области, Петр одновременно пустил в ход дипломатию. В Испагани полковник Абрамов изощрялся по его приказанию в уверениях персов, что царь имеет лишь в виду оказание им помощи против непокорных племен. 12 сентября 1723 года Исман-бей подписал в Петербурге от имени шаха договор, уступавший России все желанное побережье Каспийского моря с Дербентом, Баку, областями Гилан, Мазандеран и Астрабад в обмен на туманные обещания помощи против мятежников. В мае месяце следующего года Петр уже намеревался заняться и извлечением пользы из своих новых приобретений: он посылал Матюшкину подробное наставление о доставке в Петербург местных произведений: керосина, сахара, сушеных фруктов, лимонов.

Шаги оказались чересчур поспешными. Князь Борис Мещерский, отправившийся в Испань в апреле 1724 года, был встречен ружейными выстрелами! Побуждаемая Англией, Турция тоже выражала протест, требовала немедленной эвакуации занятых областей или, по крайней мере, уделения себе известной части из них и просила французского посла маркиза де Бонак определить свою долю. Стараясь уладить несогласия, Бонак ссорился с русским послом Неплюевым, обвинявшим его в измене русским интересам, получив две тысячи червонцев за то, чтобы их защищать. Бонак выгнал от себя дерзновенного. Но настойчивость все-таки восторжествовала: в июне 1724 года в Константинополе был подписан договор о разделе, но определенные им границы оставались спорными и призрачными. Россия все-таки окончательно упрочилась в этих краях и тем или иным способом, немного раньше или немного позже утвердила там свое влияние.

Посланный в Константинополь для обмена ратификациями Александр Румянцев по дороге встретился с армянской депутацией, отправлявшейся в Петербург просить защиты царя против Порты и позволения перейти на жительство во вновь приобретенные персидские провинции. Уже так скоро!

Создалось движение, которому не суждено было замереть, и возникла задача, над разрешением которой Европе пришлось трудиться еще в конце следующего века.

Легко себе представить, что депутаты 1724 года были встречены с распростертыми объятиями. С удивительным политическим чутьем Петр сейчас же решил из покровительства местным христианским племенам, армянам и грузинам, создать базис для своих действий в краях, оспариваемых у турок и персов. Увы, он не успел осуществить этой программы. Его дни уже были сочтены, а после него его преемники испортили начатое дело, упуская на время из виду даже путь в Индию, только что проложенный. Но вежи уже были расставлены. Восточный вопрос остался открытым в тех самых пределах, в которые заключил его гений Петра. Петр наложил на него свою печать. До самой смерти он неусыпно заботился о судьбе своей новой христианской паствы. И в то же время, по обыкновению нетерпеливый, будучи не в силах ждать, принялся искать, почти ощупью, иного пути, другой дороги к далекому и таинственному Востоку.

В течение 1723 года на рейде Рогервика поспешно и в глубочайшей тайне трудились над снаряжением двух фрегатов, предназначенных к отплытию в ближайшем времени с неизвестным назначением. 12 (23) декабря они распустили паруса, но попали в шторм и принуждены были укрыться в Ревельской гавани. Разнесся слух, что им предстояло отправиться на Мадагаскар, чтобы завладеть этим островом, которому в течение двух последующих столетий суждено было возбуждать колонизаторские стремления европейских держав. Подобно многим из своих замыслов, Петр и эту мысль заимствовал у Швеции. Незадолго до своей смерти Карл XII вошел в сношения с авантюристом по имени Морган, вероятно, сыном знаменитого вождя английских флибустьеров Генриха Джона Моргана (1637–1690), умершего на Ямайке после бурной жизни, в течение которой он завладел Панамским перешейком, где некоторое время пользовался правами неограниченного самодержца. Морган брался открыть шведам доступ на остров, где, по его словам, неисчислимы богатства ожидали только желающих ими завладеть. Переговоры возобновились с королевой Ульрикой Элеонорой в 1719 году, и начались уже приготовления к предполагаемой экспедиции, когда Петр, поставленный об этом в известность своими стокгольмскими агентами, решил предупредить своих соседей. Заняв остров и водворив там русский протекторат, адмирал Вильстер должен был продолжать свой путь на восток, вплоть

до сказочной страны, находившейся под властью Великого Могола.

То была простая греза. Со своей всегдашней поспешностью и лихорадочностью Петр даже не дал себе времени, чтобы собрать сведения, самые элементарные, относительно своих будущих завоеваний. Он не читал документов, выкраденных для него из стокгольмской канцелярии, и наудачу написал письмо королю, который, по его соображениям, царствовал на острове, объясняя ему, что в настоящее время протекторат России выгоднее протектората Швеции. Шведы были лучше осведомлены. Петр остановил свой выбор на первых попавшихся двух фрегатах, не заботясь о том, пригодны ли они для такого далекого путешествия. Гнев его не знал границ при известии о плохом поведении утлых суденьшек. Царь обрушился на Вильстера и его подчиненных, метал гром и молнии, грозил, не желал слышать об отказе от своего проекта, придумывал броню из войлока и теса для обшивки подводных частей судна, чтобы возместить плохие качества кузова, приказывал адмиралу скрываться в Рогервике под чужим именем в ожидании близкого отъезда. Напрасный труд! Фрегаты отказывались исполнять свое назначение, войлочных броней не было в Ревеле. В начале 1724 года решено было отложить экспедицию на неопределенное время. При жизни великого государя вопрос о том больше не поднимался. После него очнувшаяся от своего мореплавательного опьянения Россия должна была и сумела лучше понять средства, направления и естественные границы своей колонизаторской мощи. Она нашла себе завидную долю.

Глава 3

На вершине славы. Во Франции

I

Следуя за величественным появлением на Копенгагенском рейде во главе четырех соединенных под командой царя эскадр, путешествие Петра во Францию совпало с апогеем славы его царствования. Позднейшие события, политические разочарования и внутренние неурядицы, разрыв с чересчур дорого стоившими союзниками, процесс царевича, дело Монса, несмотря даже на ништадтское торжество, кажутся поворотом судьбы. Это уже закат.

С 1701 года Петр не провел ни одного года, не покидая границ своего государства. Он постоянно разъезжал по Европе, то для посещения поочередно своих союзников в их столицах, то направляясь в Карлсбад или Пирмонт для укрепления на водах своего все более расшатывавшегося здоровья. Париж манил его еще в 1698 году, во время первого большого путешествия. Петр ждал, пытался даже вызвать приглашение, но его не последовало. В этом царь утешился довольно скоро. «Русскому, – говорил он, – нужен голландец на море, немец на суше, а француз совсем ни к чему». Сношения между обеими странами находились лишь в зачаточном состоянии, но, тем не менее, на них отразилась обида, нанесенная самолюбью русского государя, и интересы французской торговли на севере потерпели от этого.

Во Франции к таким последствиям отнеслись с равнодушием, по крайней мере, равным пренебрежению, оказанному царем. Все умы были слишком поглощены войной за испанское наследство. В представлении всехристианнейшего короля, так же как в воображении большинства его подданных, Московия оставалась страной далекой и совершенно неинтересной, ее монарх сохранил облик властелина экзотического, странного, темного, но,

в общем, малолюбопытного. До 1716 года имя победителя при Полтаве даже не значилось в списке европейских государей, напечатанном в Париже!

Однако в Биржах в 1701 году Петр имел беседу с французским послом, сопровождавшим туда короля польского, и разговор, начатый с дю Героном, продолжался через русского посла при дворе Августа, через вмешательство Паткуля и еще других посредников. К сожалению, сейчас же выяснилось крупное недоразумение: в Версале полагали, что имеют дело с новым клиентом второстепенной важности, само собой разумеется, нетребовательным, – с другой Польшей, более далекой, более варварской и еще более пригодной для поступления на службу к королю за небольшое вознаграждение, приправленное известной любезностью. В Москве же хотели себя держать как равные с равными. Существенная сила современной России, а именно высокое мнение, всегда питаемое ей относительно своего значения и могущества, даже еще ничем не оправданное, прекрасно выразилось в данном случае. Когда дю Герон коснулся сближения между обоими дворами, вот какой ответ получил он от своего русского собеседник: «Сближение и тесный союз между этими двумя героями века, – то есть Людовиком XIV и Петром, – послужило бы, наверное, предметом удивления всей Европы». Сейчас же вслед за Нарвой такой комплимент навряд ли пришелся по вкусу Франции!

В 1703 году преемник дю Герона в Польше Балюз предпринял путешествие в Москву и вернулся оттуда довольно сконфуженным: он ожидал получить «предложения», а его сухо попросили их сделать. До 1705 года Россия имела в Париже лишь агента без определенного характера Постникова, уже нам знакомого и занятого главным образом переводом и обнаружением сообщений о победах, более или менее достоверных, одержанных его государем над шведами. Надо сознаться, что странные московские посольства оставили после себя на берегах Сены плохие воспоминания. Пребывание князей Долгорукого и Мещерского в 1667 году чуть не окончилось кровавым столкновением: намереваясь везти беспошлинно целый груз товаров, предназначенных для продажи, послы схватились за кинжалы, чтобы избавиться от королевских таможенных досмотрщиков.

В 1705 году Матвеев прибыл из Гааги в Париж, и прежде всего ему пришлось защищаться от предубеждений, по-видимому, глубоко укоренившихся в общественное мнение, против русских и их государя. «Правда ли, – спрашивали Матвеева, – что во время пребывания в Голландии царь разбил свой стакан, заметив, что туда налили французского вина?» – «Его величество обожает шампанское». – «Правда ли, что однажды он приказал Меншикову повесить сына?» – «Но это история из времен Ивана Грозного». Такие попытки оправдания не имели большого успеха, и у бедного дипломата, кроме того, имелось про запас поручение не из особенно приятных: дело шло о двух русских судах, захваченных дюнкирхенскими каперами. Посол ничего не добился. Его сетования выслушивались вежливо, так же как и исторические поправки, но о возврате кораблей не могло быть и речи.

Новая попытка сближения произошла после Полтавы, но тут Петр отплатил за прежнюю обиду. Роли, по-видимому, переменились; теперь первые шаги сделала Франция, а царь отвечал на них с кислым видом. Балюзу трудно было настигнуть его в его постоянных скитаниях; наконец ему удастся добиться свидания в мае 1711 года, перед началом Прутской кампании, и предложить посредничество Франции между Россией и Швецией, на что получили иронический ответ: «Царь охотно примет посредничество, но лишь для примирения с Турцией». С Балюзом обращались пренебрежительно, его систематически отстраняли от особы государя, принуждали выслеживать последнего украдкой в садах

Яворова. Когда по возвращении Петра из злополучного похода он возобновил свою попытку, к нему без стеснений поворачивались спиной.

События шли, державы, с которыми Петр заключил союз против Швеции, из-за войны за испанское наследство стали во враждебные отношения к Франции. И желание вырвать у Франции «самое могущественное орудие, каким она располагала в Германии», то есть поддержку Швеции, привело их к естественному сближению между собой. «Пока этого не будет достигнуто, – писал в то время Куракин, – ничто не поможет взять – у короля Аррас, каков он ни на есть».

Сам лично Куракин ни в коем случае не относился враждебно к Франции. Его склонности вельможи и быстро усвоенные привычки светского человека делали слишком близким его сердцу Париж, и в особенности Версаль. Одно время он даже потихоньку вступил в переговоры, довольно темные и двусмысленные, с Ракоци, вождем венгерских повстанцев, и решился поведать тайну их царю посредством переписки, зашифрованной особой азбукой. Предметом депеш служит прекращение войны за испанское наследство в ущерб Австрии, причем Россия брала на себя в пользу Франции уже тогда изобретенную роль «честного маклера». В апреле 1712 года Ракоци сам появился в Утрехте, чтобы попытаться быстрее подвинуть дело. Увы, там он встретился с курьером от Шафирово, возвещавшим из Константинополя о заключении выгодного мира, которого ему удалось добиться, несмотря на интриги французского посла, «оказавшегося для России хуже, чем шведы и польские изменники или казаки...» Куракин сразу понял, что почва ускользает у него из-под ног, и не стал настаивать.

Однако незаметно, единственно силой вещей, пропасть, разлучавшая оба народа, начала постепенно заполняться. Войдя в европейскую семью, Россия, какого бы она ни держалась мнения, сделала крупный шаг, чтобы перешагнуть через пропасть. Поток сношений естественных, неизбежных медленно возник и развивался между двумя народами, хотя правительства их и не сходились между собой. Несколько русских прибыли во Францию и там поселились; много французов избрало своим местом жительства Россию. Уже Постникову было дано поручение набрать в Париже художников, архитекторов, инженеров, хирургов. Сначала это оказалось трудным. Французы требовательны: «Просят по тысяче экю в год и думают, что, отправляясь в Москву, едут на край света». Но постепенно переселенческое движение устанавливалось. Бретонец Гилльемот де Вильбуа, которого Петр сам пригласил на службу во время пребывания в Голландии в 1688 году, гасконец Балтазар де Лозиер, который уже в 1695 году сражался под Азовом в рядах русской армии, положив основание французской колонии, призывали туда своих соотечественников. При осадах Нотебурга и Ниеншанца мы видим в весьма деятельной роли военного инженера Иосифа Гаспара Ламбер де Герэна, который впоследствии дал царю совет относительно выбора местоположения для будущего Петербурга.

После Полтавы приток усилился. Два французских архитектора, Мери и де ла Скри, трудились в 1712 году над сооружением новой столицы. В 1715 году Петр воспользовался смертью Людовика XIV, чтобы пригласить за недорогую плату целый штат художников, оставшихся без занятий: Растрелли, Лежандра, Леблана, Дювилэ, Людовика Каравака. В том же году заведование морскими кораблестроительными верфями, устроенными на Неве, было возложено на барона де Сент-Илера. Граф де Лоней значился среди камер-юнкеров государя; его супруга была первой статс-дамой молодых царевен, дочерей Петра. В Петербурге на Васильевском острове была основана французская церковь, и ее настоятель,

отец Калльо, францисканец, принял титул духовника французского народа. Надо отдать долг справедливости, что сведения, сохранившиеся о нем и его приходе, дают о них представление не особенно выгодное. Этот францисканец был священником, отрешенным от своей должности и перед отъездом из Франции обманным образом добывшим себе место духовника в полку Марсильяка, откуда был выгнан за порочное поведение. Он постоянно ссорился со своей петербургской паствой. Однажды он силой ворвался в дом Франсуа Вассона, литейщика, состоявшего на службе у Царя, и когда г-жа Вассон преградила ему дорогу, обозвал ее воровкой, потаскушкой и, наконец, так сильно избил, что ей пришлось слечь в постель. Он всенародно метал громы на художника Каравака, отлучил его от церкви и объявил его брак с девицей Симон недействительным, потому что церковное оглашение происходило в ином месте, а не в часовне на Васильевском острове, приказал новобрачной уйти от мужа и на ее отказ преследовал ее сборником непристойных и позорных песен, послуживших поводом к процессу, переданному на суд французского консульства. В своей защитительной речи францисканец заявлял, что мог с достоверностью говорить о тайных недостатках девицы Симон, «превосходно их изучив до ее незаконного замужества».

Но и кроме таких внушительных раздоров судьба колонии была незавидна во многих отношениях. После трех лет службы, награжденный крестом Андрея Первозванного без всякой денежной субсидии. Ламбер де Герэн принужден был продать все свое имущество, чтобы избежать нищеты и выручить необходимую сумму для возвращения во Францию. В 1717 году он писал герцогу Орлеанскому: «Я весьма счастлив, что мне удалось целым и невредимым выбраться из пределов владений этого государя (Петра) и очутиться в самом цветущем королевстве вселенной, где сухой хлеб да вода стоят всей Московии». И его случай не единственный, потому что в донесении, отправленном в 1718 году торговым агентом ла Ви к Дюбуа, мы читаем следующие строки: «Положение большинства французов, поселившихся в этой стране (России), мне кажется столь печальным, что я считаю себя вынужденным уведомить о том ваше преосвященство. Двадцати пяти человекам, приглашенным на службу царем, отказано от места, несмотря на условия, заключенные ими в Париже с Лефортом, агентом здешнего государя... Еще большее число остальных, не состоящих вовсе на жалованье, но соблазненных данным в Париже обещанием помочь устроиться, находятся в полной нищете». Один офицер, по имени де ла Мотт, даже считал нужным, вернувшись на родину, обнародовать по этому случаю «Предостережение к обществу», возбуждившее много толков.

Но толчок был дан, и число эмигрантов со дня на день увеличивалось в новой северной столице, так что дипломатические агенты других держав начали тревожиться. Голландский резидент де Би бил тревогу. А в Париже в это время Лефорт, племянник сотоварища юности Петра, при помощи канцлера Поншартрена стремился образовать Франко-русскую торговую Компанию. К сожалению, дело расстроилось в ту минуту, как уже все казалось улаженным: учредитель был арестован за долги. В этом отношении словно злой рок преследовал скромные начинания соглашения, которому предстояла такая блестящая будущность. Преемником Лефорта является господин Гюгетон, величавший себя бароном д'Одик, в котором французское министерство при ближайшем знакомстве признало кандидата на виселицу. Гюгетона, лондонского банкрота, французский король по справедливости мог бы повесить, если бы английский король принял во внимание настояния, с какими к нему обращались о выдаче этого негодяя, искавшего убежища в Лондоне. Потом сама уже Франция сделала попытку прочного сближения, но ее постигла неудача. Графу де ла Марку,

получившему от герцога Орлеанского секретное поручение свидеться с царем на Пирмонтских водах и разузнать, насколько прочны узы, связывающие его с врагами короля, пришлось напрасно потратить много времени на дипломатические приготовления, докладные записки, предварительные проекты и т. д.; когда все было закончено, Петр уже покинул Пирмонт.

По-видимому, при таком стечении обстоятельств не оставалось надежды на возможность союза; однако логика событий сама содействовала сближению обеих стран и восторжествовала над непоследовательностью и малодушием их дипломатии. По мере того, как во Франции начали сознавать ошибку в расчете, совершенную при оценке нового фактора, которым обогатилась европейская политика, Петр также начал яснее понимать неудобства и опасности положения, созданного им своими необдуманно поступками в центре Германии. В начале 1717 года Пруссия, интересам которой он более всего служил, грозила покинуть на произвол судьбы чересчур предприимчивого государя. Встревоженная нетвердым положением коалиции, в которой с самого начала принимала весьма осторожное участие, обеспокоенная переговорами царя с Гёрцом, о которых ей стало известно, она решила, что настала наиболее подходящая минута, чтобы огородить себя секретным договором, подписанным с Францией 14 сентября 1716 года. В этом договоре Пруссия признала посредничество этой последней державы и обязывалась прекратить враждебные действия, очистив Штеттин. Петру оставалось только последовать ее примеру, и путешествие во Францию было решено. В 1717 году двадцать представителей знатнейших русских фамилий – Жеребцов, Волконский, Римский-Корсаков, Юсупов, Салтыков, Пушкин. Барятинский, Безобразов, Белосельский – опередили там своего государя. Они получили разрешение поступить в королевские гардемарины. Пробил час для России и ее царя сделать новый шаг, и наиболее значительный из всех, в деле соприкосновения с европейским миром, соприкосновения, которому уже не суждено было никогда порваться.

II

Екатерина не сопровождала царя в этом путешествии, и уже один этот факт говорит о важности события. Петр редко разлучался со своей любимой подругой. Все германские дворы видели ее рядом с ним, и он нисколько не заботился о производимом ею там впечатлении. Однако он счел уместным не возобновлять опыта в Париже. Очевидно, он сознавал, что там ему предстоит очутиться среди новых элементов культуры и утонченности жизни, предъявляющих иные требования благопристойности и приличий.

В пути не обошлось без недоразумений, Петр прибыл в Дюнкирхен в сопровождении свиты из пятидесяти семи человек. Такая многочисленность гостей явилась для хозяев первым и довольно неприятным затруднением. Царь заявлял о своем намерении путешествовать под строжайшим инкогнито, и расходы по приему были вычислены сообразно этому обстоятельству. Злым роком было суждено, чтобы первые столкновения между министрами августейшего путешественника и де Либуа, камергером королевского дома, высланным ему навстречу, произошли на жалкой почве грошовых интересов! Не согласится ли его царское величество принять определенную сумму на свое содержание во время предполагаемого пребывания во Франции? На это можно отпустить до полутора тысяч ливров в день. Такой способ возмещения расходов по гостеприимству в то время был

общеупотребительным относительно иностранных послов, прибывавших в Россию, так что в самом предложении не заключалось ничего особенно странного. Однако Куракин восстал против этого и довел де Либуа до молчания, но также и до отчаяния, потому что кредиты злосчастного агента были ограниченные и в доме его величества он заметил громадное «расхищение». Под предлогом двух или трех блюд, ежедневно подаваемых государю, повар тратил стоимость стола человек на восемь, не только в кушаньях, но и в винах! Либуа старался нагнать экономию, «прекратить ужины». Общее негодование русских вельмож и их слуг! А число их все увеличивалось и доходило теперь до восьмидесяти! К счастью, в Версале одумались, и новые инструкции регента развязали руки представителю Франции. «В расходах не следует стесняться, лишь бы царь остался доволен». Но удовлетворить царя было делом нелегким. Де Либуа обнаружил «в его характере задатки доблести», но «в диком состоянии». «Царь встает рано утром, обедает в десять часов, слегка ужинает, когда хорошо пообедал, и ложится спать в девять часов; но между обедом и ужином поглощает невероятное количество анисовой водки, пива, вина, фруктов и всевозможной еды. У него всегда под рукой два-три блюда, изготовленных его поваром; он встает из-за роскошно сервированного стола, чтобы поесть у себя в комнате; приказывает варить пиво своему человеку, находя отвратительным то, которое подается ему, жалуется на все... Это обжора, ворчун. Вельможи его свиты не менее требовательны, любят все хорошее и знают в том толк», из чего можно заключить, что это уже не дикари.

Но заботы о столе были пустяками в сравнении с затруднениями по передвижению. Царь выразил желание доехать до Парижа в четыре дня. Это казалось невозможным при существующей наличности упряжек. Куракин окидывал презрительным взором предоставленные в его распоряжение экипажи, говоря, «что еще никогда не видано, чтобы дворянин путешествовал в катафалке». Он требовал «берлин». Что касается царя, то он вдруг объявил, что не желает мириться ни с каретой, ни с «берлиной». Ему нужна была двуколка вроде тех, что служили в Петербурге. Такой не оказалось ни в Дюнкирхене, ни в Калэ, а когда употреблены были все усилия, чтобы ему угодить, он уже переменял фантазию. Либуа с горечью принужден был сознаться, что этот маленький двор весьма переменчив, неустойчив и весь – от трона до конюшни – легко поддается гневу. «Воля и планы его царского величества меняются ежечасно. Никакой возможности составить заранее программу или какой-либо распорядок».

В Калэ, где произошла остановка на несколько дней, государь сделался более обходительным. Он произвел смотр полку, посещал крепость, даже присутствовал на охоте, устроенной в его честь, и настроение его духа становилось таким обаятельным, что Либуа начинал опасаться за добродетель г-жи президентши, на которую возложена была забота по приему гостей. Но вопрос о передвижении снова всплыл и обострился до такой степени, что Либуа уже считал путешествие оконченным. Никому не было известно, сколько времени царь намеревался пробыть в Калэ и предполагал ли вообще продолжать путь. Наступило уже 2 мая, и Либуа получил помощника в лице маркиза де Майи-Нель. В Париже говорили, что этот юный вельможа отправился навстречу русскому государю, не имея на то никаких приказаний, а сослался «на старинную прерогативу своего рода встречать всех иноземных государей, если они въезжают во Францию со стороны Пикардии», и, несмотря на свое полное разорение, ухитрился занять тысячу пистолей для поддержания традиции. Корреспондент герцога Лотарингского, повторяющий эти толки, прибавляет к ним другие черты, где любопытно сказывается представление, распространенное в столице

относительно ожидаемого гостя: рассказывали, будто де Майи собирался сесть в карету вместе с царем, а тот выгнал его ударом кулака; будто русский государь отвечал на замечания пощечинами и т. д.

В действительности же маркиз исполнял формальное поручение регента, и общественное злословие напрасно изощрялось по поводу молодого человека; тем не менее, его роль оказалась довольно неблагодарной. Прежде всего он явился не вовремя, потому что наступила русская пасха, и приближенные царя не могли маркиза принять, как он того ожидал: все были мертвецки пьяны. «Один государь держался на ногах и находился почти в обычном состоянии, хотя выходил инкогнито в восемь часов вечера, – рассказывает Либуа, – отправляясь пить к своим музыкантам, помещенным в трактире»... Но трактир и компания, окружавшая там Петра, по-видимому, не располагали его к выслушиванию приветствий маркиза. Даже в последующие дни, трезвый, Петр находил француза чересчур изящным. На этот раз он осыпал маркиза не ударами кулака, но насмешками, удивляясь, что тот ежедневно меняет костюм. «Видно, молодой человек никак не может найти портного, который одел бы его вполне по вкусу». Вообще настроение царя снова омрачилось. Наконец он выразил желание пуститься в дальнейший путь, но выбрал новый способ передвижения: выдумал особые носилки, на которые желал поставить кузов старого фаэтона, найденного средихлама негодных карет, и затем этот паланкин должен быть укреплен на спине лошади. Напрасно старались объяснить царю опасность, грозящую такому странному экипажу, к которому лошади не приучены. «Люди, – пишет по этому поводу де Майи, – обыкновенно руководствуются рассудком, но этот человек, если можно назвать человеком того, в ком нет ничего человеческого, не признает вовсе рассудка. Носилки укрепили насколько возможно лучше; для отъезда не представлялось больше затруднений». В этом отношении де Майи шел дальше Либуа, добавляя: «Я еще не знаю, остановится ли царь на ночлег в Булони и Монтрейле, но и то уже много значит, что он наконец двинулся в путь. Я желал бы от всего сердца, чтобы он прибыл в Париж и даже оттуда уже выехал. Когда Его Величество король его увидит и проведет с ним несколько дней, я убежден, если смею так выразиться, что королю будет приятно от него избавиться. Министры не говорят по-французски, за исключением князя Куракина, которого я сегодня не видал... и нет возможности передать гримасы остальных, представляющих собой действительно что-то необыкновенное».

Итак, 4 мая тронулись в путь; царь слез со своих носилок при въезде в город и пересел временно в карету, чтобы миновать город, снова усесться в экипаж собственного изобретения. Ему удобно было оттуда присматриваться к стране, по которой он проезжал. Подобно другому путешественнику, посетившему Францию полвека спустя – Артуру Ионгу, Петр был поражен видом нищеты встречавшегося ему простонародья. Двенадцать лет тому назад Матвеев получил совершенно иное впечатление. Последние годы разорительного царствования успели с тех пор дать себя знать.

На ночь остановились в Булони и на следующий день пустились в дальнейший путь с расчетом переночевать в Амьене, но на полдороге царь переменял решение и выразил желание ехать до Бовэ. Подставных лошадей не было приготовлено, и когда ему о том доложили, он ответил бранью. Наскоро предупрежденный городской интендант Бовэ дю Бернаж сделал невозможное, чтобы собрать шестьдесят необходимых лошадей. С согласия епископа были приготовлены в епископском доме ужин, концерт, иллюминация и фейерверк. Интендант украсил дворец вензелями царя, а его спальню портретами, вероятно не особенно схожими, московских великих князей, его предков. Вдруг разнеслась весть, что

в карете заботливого интенданта царь быстро промчался через город, затем пересел в свой паланкин и остановился на расстоянии четверти мили в убогом трактире, где истратил всего восемнадцать франков на обед свой и всей свиты в количестве около тридцати человек, вытащив из собственного кармана салфетку и расстелив ее вместо скатерти. Бедняга дю Бернаж принужден был устроить импровизированный бал, который его супруга дала во дворце епископа и где утешались в отсутствии царя мыслью, что приготовления, сделанные для его приема, не пропали даром.

Наконец 10 мая, вечером, царь совершил свой въезд в Париж в сопровождении трехсот конных гренадер. Ему предложили апартаменты королевы-матери в Лувре. Он выразил свое согласие, и до последней минуты там ожидали его.

Койпелю было поручено освежить картины и позолоту. Приготовили, сообщает Сержант, «прекрасную постель, заказанную г-жой Ментенон для короля, самую богатую и великолепную вещь на свете». В большой зале дворца накрыт был роскошный стол на шестьдесят приборов. В то же время, так как Лувр показался все-таки слишком тесным, чтобы поместить всю свиту государя, сочли уместным отвести еще... залу заседаний Французской Академии! Предупрежденное 5 мая запиской герцога д'Актен, смотрителя королевских зданий, славное общество поблагодарило его «за любезность» и поспешило перейти в соседнюю залу Академии надписей, где и оставалось до 24-го.

На всякий случай, по совету графа Толстого, опередившего прибытие своего государя в столицу, озаботились устройством второго помещения, менее роскошного, в отеле «Ледигиер». Выстроенный Себастьяном Замет, затем купленный у наследников знаменитого финансиста, Франсуа де Бонна, герцогом де Ледигиер, этот красивый дом на улице Серизэ принадлежал в то время маршалу де Виллерау, проживавшему в Тюильри и согласившемуся его уступить. В отеле также были сделаны большие приготовления, употреблены в дело принадлежащие государству ковры. Кроме того, были сняты все дома по улице для добавочных помещений. Точно желая нарушить всякие предположения, Петр по прибытии отправился в Лувр, вошел в залу, где был приготовлен ужин, бросил рассеянный взгляд на великолепие, для него предназначенное, спросил кусок хлеба и редиски, отведал шесть сортов вина, выпил два стакана пива, приказал потушить свечи, изобилие которых оскорбляло его склонность к бережливости, и ушел. Свой выбор он остановил на отеле «Ледигиер».

И там он нашел предназначенные для него апартаменты чересчур великолепными, а главное, обширными, и приказал расставить для себя походную кровать в гардеробной. Новые злоключения ожидали тех, кто был призван замещать теперь Либуа и Майи при особе государя. Сен-Симон говорит, что указал регенту для исполнения этой обязанности маршала де Тессе, «как человека, ничем не занятого, хорошо знающего язык и обычаи света, привыкшего к иностранцам благодаря общению с ними во время своих путешествий... Дело вполне в его духе». Однако симпатии царя сразу остановились на помощнике, данном маршалу, графе де Вертоне, метрдотеле короля, «малом свободомыслящем, человеке известного круга, любящем широко пожить». Царь причинил немало забот и хлопот обоим.

Прежде всего, на целых три дня он устроил для себя добровольное заключение в отеле. Легко себе представить его любопытство перед лишь мельком виденными чудесами новой столицы, нетерпение человека, так необычайно подвижного и не любящего терять время зря. Он себя принуждал, насиловал; он хотел дожидаться посещения короля. Такой претензии никто не предвидел. Все привыкли его видеть более обходительным, или, вернее,

нетребовательным, относящимся беззаботно к вопросам этикета. В Берлине в 1712 году он прямо отправился в замок и застал короля еще в постели. В Копенгагене в 1716 году он силой ворвался к Фридриху IV сквозь двойной ряд царедворцев, преграждавших ему дорогу ввиду раннего часа, выбранного им для такого вторжения. Но в обеих столицах все его манеры соответствовали первому появлению – были просты, свободны и часто довольно неприличны. Очевидно, он усвоил себе мысль о глубокой разнице между этими дворами, часто им посещаемыми, и тем, куда он явился теперь, и здесь держался совершенно иначе: очень осторожно, подозрительно, строго и неуклонно придерживаясь этикета, законы которого сам предписывал в иных местах.

На следующий день по его прибытии к нему явился с визитом регент. «Царь сделал несколько шагов навстречу посетителю, поцеловал его с важным видом превосходства, – говорит Сен-Симон, – указал ему на дверь кабинета, прошел туда первый без дальнейших любезностей и сел»

Свидание продолжалось час; Куракин исполнял обязанности переводчика; происходило оно в субботу, и только в понедельник было принято решение удовлетворить требования его царского величества и прислать к нему маленького короля. На этот раз Петр вышел на двор, встретил царственного ребенка у дверец доставившей его кареты и пошел рядом с ним, по левую руку, до своей комнаты, где были приготовлены два одинаковых кресла, и правое предназначалось для короля. Произошел обмен приветствий в течение четверти часа, все при посредстве Куракина; затем король удалился, и тогда резким движением, забывая этикет и возвращаясь к природной простоте, царь схватил ребенка, поднял его своими сильными руками и поцеловал. Если верить Сен-Симону, «король несколько не испугался и вел себя прекрасно». Петр писал, в свою очередь, жене: «Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешний *карлице*, который пальца на два более Луки нашего (любимого карлика), дитя зело изрядная образом и станом, по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет»

Визит был отдан на следующий день с тем же церемониалом, заранее тщательно оговоренным и установленным. И вот царь был на свободе. Он широко ей воспользовался: сейчас же отправился осматривать город в качестве простого туриста и в самом простом наряде – «одетый, – сообщает Бюва, – в сюртук из серого довольно толстого баракана, совершенно гладкого, с жилеткой из серой шерстяной материи с брильянтовыми пуговицами, без галстука, без манжет, без кружев у обшлагов рубашки. Кроме того, на нем – темный парик по испанской моде, который он приказал сзади подрезать, потому что парик показался ему слишком длинным. Он не велел пудрить его... Маленький воротник на сюртуке, как у путешественника, и... португеза, отделанная серебряным позументом, поверх сюртука, на котором висит кинжал, по восточному обычаю». После отъезда государя костюм этот на некоторое время сделался модным под названием «одежды царя» или «дикаря». Петр посещал общественные учреждения и ходил по лавкам, иногда поражая тех, кому приходилось с ним сталкиваться простотой своего обращения не исключаящего величавости, резкостью движений, ненасытной любознательностью ума, подозрительностью, полной бесцеремонностью и крайней невежливостью. Часто он уходил, никого не предупредив, садился в первую попавшуюся карету и отправлялся куда вздумается. Таким образом он однажды уехал в Булонский лес в экипаже г-жи де Матиньон, подъехавшей к отелю «Ледигиер», чтобы «поглазеть», по выражению Сен-Симона, и вынужденной возвратиться домой пешком. Бедный де Тессе проводил время в погоне за

государем, не зная, где его искать.

14 мая царь отправился в оперу, где регент предоставил в его распоряжение ложу. Во время представления он спросил пива и находил вполне естественным, что регент прислуживал ему сам, стоя с подносом в руках. Не торопясь осушил он бокал, окончив, попросил салфетку и принял ее «с любезной улыбкой и легким кивком головы». Публика, по сообщению Сен-Симона, была немало удивлена зрелищем. На следующий день, сев в наемную карету, царь отправился осматривать мастерские, посетил фабрику гобеленов, закидывал рабочих вопросами и, уезжая, подарил им один экю. В зверинце 19 мая он дал двадцать пять копеек фонтанщику; в Медоне наградил лакея бумажным экю, служившим ему, по уверению Бюва, для надобности интимной и нечистоплотной. Он рассчитывался наличными с купцами, толпившимися в отеле «Ледигьер», но сильно торговался и, переделав, как выше сказано, великолепный парик – произведение искусства первого парижского парикмахера, дал семь ливров десять су вместо стоимости, по крайней, мере, в двадцать пять экю.

«Он нисколько не считался ни с титулами, ни с чьим-либо старшинством, не больше церемонился с принцами и принцессами крови, чем с первыми царедворцами, и не делал между ними никакого различия», – говорит тот же Сен-Симон. Когда принцы отказывались сделать ему визит, не имея уверенности, что он ответит той же вежливостью принцессам, он велел им передать, чтобы они не трудились к нему являться. Герцогини Беррийская и Орлеанская послали ему приветствия через своих шталмейстеров. Он согласился посетить их в Люксембурге и Пале-Рояле, но везде «держался с чувством превосходства». Остальные принцессы видели его только издали «зрительницами», а из принцев ему представлен был лишь принц Тулузский, и то в качестве обер-егермейстера в Фонтенбло, где на него возложен был прием. Герцог дю Мен во главе швейцарцев и принц Субиз во главе жандармов принимали участие на параде, на который был приглашен царь и где три тысячи карет, переполненных «зрителями и зрительницами», окружали плац; но Петр не выказал относительно принцев никакой учтивости так же, как и относительно присутствовавших офицеров.

21 мая он отправился в Гран-Берси, к Пажо д'Онсанбрэ, директору почты, провел там целый день, рассматривая любопытные коллекции в сопровождении знаменитого отца Себастьяна, действительное имя которого было Жан Трюше, выдающегося физика и механика. Петр обращался с ученым кармелитским монахом с величайшей предупредительностью, но герцогиня де Роган, находившаяся в своем доме в Пти-Берси и пожелавшая посмотреть на высокого посетителя, возвратилась в слезах и жаловалась мужу, что царь не оказал ей никакой учтивости.

– А какой же учтивости могли вы ожидать от такого животного? – спросил герцог настолько громко, что его слова слышал один из русских вельмож, случайно понимавший по-французски. Русский остановил герцога довольно энергичным образом.

Сен-Симон видел государя у герцога д'Антен и на досуге рассмотрел его, получив разрешение не представляться. Он нашел, что царь довольно разговорчив и повсюду чувствует себя хозяином. Сен-Симон заметил также нервный тик, иногда передергивавший лицо и изменявший его выражение. Де Тессе ему сказал, что такое подергиванье повторяется по несколько раз ежедневно. Герцогиня д'Антен и ее дочери были также представлены, но царь «гордо прошел мимо, только слегка кивнув головой». Портрет царицы, весьма схожий, раздобытый герцогом д'Антен и повешенный над камином, по-

видимому, доставил Петру большое удовольствие. Он по этому поводу наговорил много любезностей, и вообще его недостаток вежливости зависел от робости и застенчивости, потому что постепенно в нем этот недостаток сгладился; к концу своего пребывания, переходя из дома в дом, принимая все приглашения, царь научился прекрасно держать себя даже с дамами. В Сен-Уэне, у герцога де Трем, где оказалось большое количество «прелестных зрительниц», он забыл свою «гордость» и старался быть учтивым. Ему назвали одну из присутствовавших, маркизу де Бэтен, дочь хозяина, и он просил ее занять место за столом рядом с собой.

Париж сделал свое дело.

Петр был вполне приличен, что бы ни говорили, если и не чересчур любезен в Сен-Сире с г-жой де Ментенон, Известен рассказ Сен-Симона, повторенный бесчисленное число раз, ставший классическим: неожиданное вторжение в комнату, молчаливый и грубый осмотр. В биографии, добавленной к изданию писем г-жи де Ментенон, опубликованных Сантро де Марси, Оже подтверждает эти подробности и даже говорит, что любопытство и непочтительность царя распространились и на племянницу бывшей супруги великого короля: «Увидав однажды г-жу де Кайлюс в обществе и узнав, кто она такая, он подошел прямо к ней, взял ее за руку и стал пристально осматривать». Легенды самые невероятные не могут поразить историка; удивительно лишь то, что Оже не читал следующего письма г-жи де Ментенон, включенного в его сборник: «В эту минуту, – письмо адресовано г-же де Кайлюс, – входит г. Габриель и говорит, что г. Беллагард просит мне передать о его желании привезти сюда после обеда, если я найду это возможным, царя. Я не решилась дать отрицательного ответа и буду ожидать его в постели. Больше мне ничего не сказали. Не знаю, следует ли его принять церемониально, хочет ли он видеть дом, девиц, пойдет ли на хоры; предоставляю все на волю случая... Царь прибыл в семь часов вечера, сел у изголовья моей кровати, спросил у меня, не больна ли я. Я отвечала, что да. Он спросил, в чем заключается моя болезнь. Я отвечала: „В глубокой старости при довольно слабом здоровье“. Он не знал, что еще сказать, а его переводчик, по-видимому, плохо меня слышал. Посещение царя было весьма короткое. Он еще в доме, но мне неизвестно где. Он приказал раскрыть полог постели, чтобы меня увидеть. Можете себе представить, насколько он остался доволен».

11 июня, когда состоялось свидание, после месячного пребывания в Париже, Петр не был уже человеком, способным на неприличие, которое ему безосновательно приписывали в данном случае. Без сомнения, он чувствовал себя еще лучше за пределами изысканности и церемоний двора и гостиной. Вполне хорошо в Доме инвалидов, где обращался с хозяевами по-товарищески, пробуя их суп, и запросто обласкав их; на Монетном дворе, где при нем вычеканили медаль в память его пребывания во Франции; в королевской типографии, в колледже четырех наций, в Сорбонне, где воспользовались его присутствием, чтобы поднять вопрос о соединении церквей; в обсерватории, у географа Делиля, у английского окулиста Вульгауса, пригласившего его присутствовать при операции снятия катаракты. Он являлся посетителем немного нервным и страшно любопытным, но быстро схватывающим, жаждущим знаний и в достаточной степени обходительным. Сорбоннским докторам он ответил вежливо и скромно, что недостаточно осведомлен в затронутом ими вопросе, что с него достаточно забот по управлению государством и окончанию войны со Швецией, но что он будет счастлив, если они войдут по этому поводу в переписку с епископами его церкви. Он благосклонно принял записку, врученную ими позднее и вызвавшую три года спустя

довольно любопытный ответ русского духовенства. Начинаясь панегириком Сорбонне, этот ответ заканчивается признанием собственного бессилия: «Лишенная главы с уничтожением патриаршества – реформой Петра, – русская церковь не в состоянии принимать участия в обсуждении вопроса».

Искусства менее интересовали государя, а хранившиеся в Лувре королевские драгоценности, стоимость которых исчислялась в тридцать миллионов, вызвали у него гримасу: он находил деньги выброшенными зря. Маршал де Виллеруа, показывавший ему эту выставку, предлагал затем пойти взглянуть на «величайшее сокровище Франции», и Петр с трудом понял, что речь идет о маленьком короле.

Петр посетил Институт только 19 июня, накануне своего отъезда. Французская Академия не была о том предупреждена – что, однако, следовало бы сделать! – и царя встретили всего два-три из ее членов, оказавшихся налицо. Они провели его в залу заседаний, чуть не обратившуюся в спальню для его офицеров, объяснили порядок своих работ, остановили его внимание на портрете короля... и все. Лучший прием ожидал Петра в Академии наук, при большей наличности членов, о чем позаботился, кажется, отчасти сам государь. Достопримечательности словаря представляли для него лишь посредственный интерес. В Академии наук он рассматривал *машину для подъема воды* ла Файе, *Древо Марса* Лемери, *Домкрат* Далесса, *карету* ле Камюза и благодарил общество за прием письмом, написанным по-русски.

В тот же день он присутствовал в закрытой ложе на торжественном заседании парламента, причем все были в красных мантиях, и присутствие царя помешало герцогу дю Мен и графу Тулузскому настоять на принятии их возражений против решений комиссаров регентства, посягавших на их права.

Все вместе составляло программу не особенно разнообразную, даже почти скучную, и, добросовестно ее исполняя, Петр не упускал ни одной подробности, стараясь из всего извлечь возможную пользу, закидывая вопросами и испещряя заметками свою записную книжку, которую открывал ежеминутно и безо всяких стеснений, где бы ни находился – в Лувре, в церкви или на улице. Прodelывая все это, Петр не отказывался, однако, ни от развлечений, ни от сумасбродств, ни от излишеств привычного ему разгула. В этом заключалась некрасивая сторона его пребывания в Париже. В Трианоне он удивил окружающих французов только тем, что, забавляясь, залил водой фонтанов весь парк. Но в Марли он не ограничился проказами, недостойными государя. «Это место он избрал, – рассказывает один современник, – чтобы запереться со взятой им тут же любовницей, которой он доказал свою удаль в апартаментах г-жи де Ментенон». Затем он отослал ее, подарив ей два экю, и хвастался герцогу Орлеанскому своим поведением в выражениях, которые современник решается привести только по-латыни: «*Dixit ei se salutavisse quemdam meretricem decies nocte in una, et, huic datis pro tanto labore tantum duobus nummis, tunc illam exstamarisse: Sane, Domine, ut vir magnifice, sed parcissime ut imperator mecum egisti*». Слух об оргиях, свидетелями которых он делал королевские дворцы, достиг г-жи де Ментенон в ее глубоком уединении. Она сообщала о том племяннице: «Мне передают, что царь повсюду таскает за собой публичную женщину, к великому скандалу Версаля, Трианона и Марли». Пришлось вызывать парижских докторов в Трианон. В Фонтенбло царь принимал мало участия в охоте, но поужинал настолько плотно, что на обратном пути герцог д'Антен счел более благоразумным отказаться от его общества и пересесть в другую карету. И он оказался прав, «потому что, – передает Сен-Симон, – царь оставил в своей карете следы того, что

слишком много съел и выпил». В Пти-Бур, где он остановился для ночлега, пришлось позвать двух женщин из деревни для очистки помещения, которое он занимал.

Общественное мнение, на котором подобные случаи, без сомнения, отразились, преувеличенные молвой, после отъезда государя осталось неопределенным, но скорее неблагоприятным. «Помню, – пишет Вольтер в одном из своих писем, – как кардинал Дюбуа говорил мне, что царь был просто чудачком, рожденным, чтобы быть боцманом на голландском корабле». Это почти буквально мнение, высказанное Бёрнетом двадцать лет до того, во время пребывания царя в Лондоне. Обыкновенно столь определенно выражающий свое отрицание или одобрение, сам Сен-Симон на этот раз колеблется. Автор «Мемуаров» противоречит автору «Дополнений» к журналу Данжо. Более непосредственный тон «Мемуаров» кажется также более искренним и не клонящимся к похвале, и даже в «Дополнениях», где чувствуются условность и принужденность, упоминается о «непристойных оргиях» и указывается также на «неизгладившуюся печать прежнего варварства».

Расставаясь с королем, Петр принял от него лишь два великолепных гобелена. Опять-таки по соображениям этикета он отказался от «прекрасной бриллиантовой шпаги» и совершенно неожиданно изменил привычкам скупости, содействовавшим в значительной степени недоброжелательному мнению о нем столицы. Мы читаем в письме Sergent: «Царь, которого упрекали во время пребывания здесь в недостатке щедрости, блестящим образом проявил, свое великодушие в день отъезда, пожертвовав 50 000 ливров для раздачи мундкахам, служившим ему со дня его приезда во Францию, 30 000 охране, 30 000 ливров для раздачи королевским фабрикам и заводам, которые он посещал. Королю он подарил свой портрет, украшенный бриллиантами; также маршалу де Тессе, герцогу д'Антен, маршалу д'Эстре, г-ну де Ливри и еще один, стоимостью в 6000 ливров, сопровождавшему его метрдотелю короля. Также он роздал много золотых и серебряных медалей в память важнейших событий своей жизни и своих битв».

Вообще Петр по-царски расплатился по своему счету, проявив лишний раз странность своего ума и характера. Скучные «на чай», раздаваемые им во время его пребывания, исходили от частного человека, каким он себя считал, хотя забывал иногда про свое инкогнито. Государь расплачивался при отъезде.

Париж, как мы видели, не принимал всерьез его инкогнито и оказывал ему царский прием с начала и до конца. На обратном пути в Спа, где ожидала его Екатерина, так же поступала провинция, соперничая со столицей в торжественности гостеприимства. В Реймсе, где Петр остановился всего на несколько часов и интересовался только знаменитой славянской книгой «Евангелие», городское управление истратило 455 ливров 13 соль на банкет. Городу Шарлевиллю стало 4327 ливров приютить у себя государя на ночь. Судно, богато разукрашенное, расцвеченное флагами цветов царя, ожидало его на Маасе, чтобы доставить в Льеж, и туда же был отправлен большой запас провизии: 170 фунтов мяса по 5 соль, 1 косуля, 35 цыплят и кур, 6 откормленных индеек по 30 соль, 83 фунта майнцской ветчины по 10 соль, 200 раков, 200 яиц по 30 соль за сотню, 1 лосось в 15 фунтов по 25 соль, 2 крупные черепахи, 3 бочонка пива.

Регент проявил такую любезность, что заказал два портрета государя кисти Риго и Наттье. Остается лишь обследовать практические результаты этого первого и последнего появления победителя при Полтаве среди близившегося к закату блеска французской монархии.

Две главные причины противодействовали союзу политическому и торговому, для заключения которого Петр прибыл в Париж: договор о субсидии (150 000 талеров в треть), подписанный в апреле 1715 года и связывавший Францию со Швецией до 1718 года, и личные связи регента с королем Англии. Правда, переговоры начались сейчас же после прибытия царя; но маршал де Тессе, на которого возложено было их ведение совместно с маршалом д'Юксель, сейчас же понял, что они представлялись в воззрениях его правительства простой «вольтижировкой», предназначенной забавлять государя вплоть до его отъезда, заставляя в то же время держаться настороже Англию и тем обеспечивая ее дружбу, беспокоя Швецию и тем смягчая ее политику. Напрасно Петр шел навстречу с большой решительностью и полной искренностью, откровенно предлагая заменить собой Швецию в системе союзов, до сих пор обеспечивавшей европейское равновесие. Подобно ей, он брал на себя за известную субсидию «диверсии». Все это прекрасно, но предстояло столкнуться о размерах, и целые недели тянулся спор относительно этого предварительного пункта. Когда он был исчерпан, выступила Пруссия, выказывая желание через посредство своего посла барона фон Книпгаузена принять участие в договоре. Отлично, ей будет предоставлена гарантия Франции и России относительно обладания Штеттином; но приходилось изменить редакцию договора, ранее заключенного. Петр снова торопил своих уполномоченных и секретарей, а регент ему не препятствовал: он получил из Берлина сведения, позволявшие ему не тревожиться о последствиях такой траты чернил. Когда все вопросы были уже улажены и остановка была только за подписями, труды оказались потраченными совершенно напрасно: у Книпгаузена не было полномочий! И царю пришлось уехать с пустыми руками.

Регент позабавился над русским государем; но де Тессе испытывал некоторое беспокойство относительно более отдаленных последствий таких обманутых ожиданий. Не увидит ли себя оскорбленный и разочарованный царь вынужденным броситься в объятия императора или вступить в непосредственные переговоры со Швецией? Но нет! Его удерживала Пруссия – единственная его опора в Германии. И благодаря настойчивым требованиям царя в течение следующего месяца в Амстердаме собрался конгресс для продолжения переговоров. Регент согласился на это, но непоколебимый в своем решении не относиться к делу серьезно, он только изменил тактику; теперь у Книпгаузена имелись полномочия, но Франция возбудила другие требования. Когда благодаря неустанным хлопотам царя 2 сентября удалось создать новый договор с секретными пунктами, как и подобает дипломатическому акту, над которым трудились представители трех могущественных держав, им достигалось только соглашение о надежде – о платоническом «*desideratum*». Главные пункты признавали посредничество короля в заключении Северного мира, но ставя и его в зависимость от окончательного разрыва обязательств, связывавших в это время всехристианнейшего короля со Швецией; а секретные пункты обуславливали оборонительный союз на основании трактатов Баденского и Утрехтского, но откладывали до дальнейших переговоров определение взаимных обязательств, проистекавших отсюда для союзников. Франция обещала не возобновлять по истечении срока своего договора о субсидиях со Швецией, но это обещание было только устное, и так как уполномоченный короля усиленно настаивал, чтобы оно таким и оставалось, то Петр ему не доверял и оказался прав.

В общем, ничего не было сделано, и даже не было положено начала установлению правильных дипломатических сношений между обоими государствами. С той и с другой стороны неудача зависела от выбора лиц, предназначенных для этой цели. Петр выражал желание видеть в Петербурге в качестве французского посланника г-на де Вертон, понравившегося ему складом ума и характера; де Вертон получил назначение и нужные указания. Он приготовлялся к отъезду, когда его арестовали; кредиторы заключили его в тюрьму. Представительство на берегах Невы было поручено де ла Ви, которому нечем было заплатить за отправку писем! А представителем России в Париже являлся теперь барон Шлейниц, которому тоже предстояло пережить тяжкие испытания.

Вообще недейственность договора 2 сентября скоро стала для всех очевидной. В следующем. 1718 году, когда Шлейниц затеял переговоры с Селламарэ, Франция вошла вместе с Англией, императором и Голландией в четверной союз против Испании; и четыре державы обещали друг другу взаимную помощь до окончания Северной войны. В Берлине французский посол граф де Ротамбур работал над заключением союза между Пруссией и Англией, последствием чего должен был быть самостоятельный мир между Пруссией и Швецией благодаря уступке Штеттина. Наконец, в Стокгольме Кампредон спокойно приступил к обсуждению вопроса о возобновлении договора 1715 года.

Таким образом, Россия и Франция, очевидно, оказались в противных лагерях. Правда, с той и с другой стороны отказывались от мысли признать положение началом открытых враждебных действий. Обращались друг с другом вежливо, даже обменивались любезностями. Петр думал о Константинополе, где посол императора предлагал Порте союз против России, а регент, помышляя, со своей стороны, о возможности осуществления планов Гёрца помимо Франции, позволил де Бонаку, который пользовался большим значением в глазах Порты, оказать содействие Дашкову. Царь просил короля быть крестным отцом его дочери Натальи, а регент отвечал на эту любезность уверением, данным Шлейницу, что Кампредону будет выражено неудовольствие.

Раскрытие заговора Селламарэ, обнаружение переписки Шлейница в бумагах предприимчивого посла снова обдало эти отношения как ушатом холодной воды. Регент выражал тем более склонность возмущаться таким действительно оскорбительным соучастием со стороны русского посланника, что уже нечего было опасаться замыслов Гёрца. Палач положил им конец. Однако мир, вскоре заключенный с Испанией, и дружелюбное настроение царя постепенно привели дело к прежнему положению. Петр упорно стремился выйти из своего одиночества, и в январе 1720 года Шлейниц снова осаждал регента просьбами о посредничестве Франции. Он требовал теперь только письменного заявления, подтверждающего, что у короля не имеется никаких обязательств, не совместимых с беспристрастностью, желательной со стороны посредника. Но герцог Орлеанский обнаружил большое высокомерие: «Ведь он заявил, что Кампредону будет выражено неудовольствие, разве его слово не значит более всяких письменных обязательств?» И царь наконец уступил. Он сделал уступки во всех пунктах, соглашаясь даже на присоединение Англии к посредничеству Франции, хотя, с этой стороны, затаил в сердце кровную обиду.

Такая податливость и предвзятая уступчивость имели еще иное, тайное основание, руководившее политикой государя в течение его дальнейших переговоров с регентом и Францией. В июле 1719 года бедняга де ла Ви героически черпал в своем дырявом кошельке средства для отправки депеши с целью немедленного уведомления Парижа о сенсационной

новости: царь забрал в голову мысль выдать замуж за короля свою младшую дочь. «Очень красивую и прекрасно сложенную, которая могла бы считаться полной красавицей, если бы не чересчур огненный цвет волос». Дело шло о цесаревне Елизавете. Сначала Петр остановил для нее свой выбор на внучке короля английского. Потерпев в этом направлении неудачу, он, со своей обычной быстротой и страстностью, ухватился за мысль союза с Францией. Но его дипломатия снова потерпела крушение на берегах Сены: регент обвинил Шлейница, едва выпутавшегося из затруднительного положения, в которое его поставили связи с Селламарэ, в выдаче тайны переговоров, в которых он принимал участие. С ним больше не желали иметь дела. Его отзывали, но он не мог уехать: подобно Вертону, его не пускали кредиторы, и, рискнув всем своим состоянием в спекуляциях Ло, он скоро дошел до последних пределов нищеты. Петру приходилось ограничиваться услугами ла Ви. И сообщения бедного торгового агента встретили в Версале довольно холодный прием. Прежде всего царю необходимо было заключить мир со Швецией. Царь желал этого всеми силами; он принял содействие Кампредона, путешествовавшего весной 1721 года между Стокгольмом и Петербургом. Но когда искусный дипломат довел свою умиротворительную миссию до благополучного конца, употребив для этого все свои ухищрения, вплоть до целования руки царя и обещания червонцев, возвещенного на ухо его министрам, и Ништадтский мир был наконец подписан, Дюбуа, теперешний руководитель французской политики, выставил новое требование: прежде чем перейти к дальнейшему обсуждению вопроса, Франция требовала признания Россией ее посредничества для примирения с Англией. Дело это весьма интересовало регента и его министра. От личных переговоров по этому поводу не отказывались, но у царя, в свою очередь, имелась другая тема для обсуждения, приступить к которой он горел желанием, не зная, каким образом за нее взяться. Легко догадаться, какая именно это была тема. Его планы тем временем изменились. Долгорукому, заменившему Шлейница в Париже, было сказано, что король обручен с испанской принцессой. Что же делать; но Франция достаточно богата принцами, чтобы для цесаревны, во всяком случае, нашлась там подходящая партия. В ноябре 1721 года изобретательный Толстой придумал наконец способ для начала разговора. Со смущенным видом он показывал Кампредону номер «Голландской газеты», где сообщалось о назначении маркиза де Бельиля чрезвычайным посланником в Петербург с поручением просить там руки старшей дочери царя для герцога Шартрского. Кампредон был достаточно сведущ в своем искусстве, чтобы не ошибиться относительно значения этого ложного известия, таким образом сообщенного; но некоторое время его смущала обширность комбинаций, связанных в мыслях царя с этим новым проектом. Россия предлагала «в случае положительном» гарантировать отказ короля испанского от короны Франции в пользу регента; Франция, со своей стороны, гарантировала престолонаследие в России будущей герцогине Шартрской, а пока избрание герцога Шартрского королем польским... Все это – и еще многое другое – заключалось в записке, составленной в январе 1722 года, и так как для вручения ее версальскому кабинету слишком официальное вмешательство Долгорукого казалось неудобным, то прибегли к помощи злосчастного Шлейница, выкупленного ради такого обстоятельства из заключения ценой нескольких тысяч рублей. Кампредону, в свою очередь, было поручено передать эти предложения и сообщения и просить соответствующих инструкций для ответа.

Инструкции не получались; но, по нашему мнению, напрасно ставили в вину Дюбуа молчание, которое он хранил долгие месяцы; толковали о конфликте, возникшем по этому

поводу между кардиналом и его представителем при русском дворе. Последний был в отчаянии от задержки, губительной для успеха его переговоров и интересов его родины, а первый был поглощен личными заботами, заставлявшими его безразлично относиться ко всему остальному. Инциденту был придан драматический характер с живописными подробностями: «пятнадцать курьеров», скачущих один за другим из Петербурга в Париж и напрасно ожидающих своей обратной отсылки в передних Версаля; доблестный Кампредон, запершийся у себя дома и сказавшийся больным; наконец, де Бонак в Константинополе, по собственной инициативе вмешивающийся в несогласия между Россией и Турцией и спасающий таким образом гибнущее будущее нецененного союза. История, как наука, во Франции находится в вековом раздоре с правительством регентства, и, может быть, неудобно вмешиваться в эту распрю писателю-иностранцу с возражением историкам – хозяевам положения. Но да будет ему разрешено только указать факт. Кампредон не отсылал пятнадцати курьеров кардиналу Дюбуа: ему бы ни в коем случае этого не разрешили. Путешествие курьера из Петербурга в Версаль составляло в то время расход от пяти до шести тысяч ливров, а в данную минуту французский дипломат, не получавши целый год жалованья, запершись дома, преследовал главным образом цели экономии. Для обслуживания чрезвычайных депеш между обеими столицами за все время его миссии он пользовался «единственной парой курьеров», путешествовавших вместе для большей безопасности. Маркизу де Бонак тоже не пришлось руководиться исключительно своим патриотизмом и проницательностью, чтобы исправить в Константинополе личным вмешательством промахи французской дипломатии на берегах Невы: он, в общем, лишь повиновался инструкциям, весьма точным, уже давнишним, но постоянно возобновлявшимся вплоть до января 1723 года. Наконец, послав Кампредону в конце 1723 года приказания, призывавшие внешнюю политику Франции на путь новый, чреватый трудностями, кардинал не мог быть в 1724 году, как его обвиняли, «всецело поглощенным заботами внутреннего управления и личного положения, вплоть до оставления своего агента почти в течение целого года без новых инструкций: в 1724 году кардинала Дюбуа уже не было в живых!

Действительно, кардинал оставлял без ответа ровно в *течение шести месяцев* депеши Кампредона, записки барона Шлейница и князя Долгорукого. Но это долгое молчание не последовало, как себе представляли, за отсылкой *первых* инструкций, касавшихся дипломатических предложений со стороны царя, столь исключительного характера, дошедших до кардинала в это время различными путями, оно *предшествовало* этой отправке и в данную минуту было совершенно обоснованно. Инцидент происходил между весной и осенью 1722 года. Заключив мир со Швецией, Петр внезапно изменил свой взгляд на союз с Францией. До сих пор он видел в нем лишь средство к прекращению войны; теперь он превратил его в основание целого политического здания, включавшего в себя на двух разных концах Европы Польшу и Испанию. И царь пожелал увенчать это здание семейным торжеством, обольстительным замужеством. В сущности, вся постройка затевалась лишь для такого венца. Затем, забросив эту удочку, Петр покинул свою столицу, отправляясь в поход, довольно рискованный и с неопределенным исходом. Он начал Персидскую кампанию. Отсутствие его длилось полгода. Столько же времени продолжалось и молчание Дюбуа. Нам кажется, что при существующих обстоятельствах Дюбуа избрал благую честь, и можно добавить, что подобное мнение разделял сам Кампредон. Он также не посылал несуществовавших курьеров, не горел нетерпением, жажда разве только

присылки денег; но от этого страдала лишь его заведомая склонность к расточительности и пышности.

В октябре 1722 года в Версале были одновременно получены известия об относительных успехах Персидского похода, возможности нового конфликта между Россией и Турцией и об отправке в Вену Ягужинского, как предполагали, с важным поручением. Дюбуа немедленно решил, что настал час для возобновления переговоров, и насколько бы его мысли ни были заняты исходом борьбы его с Виллеруа, в то время разразившейся над правительством регентства, «он не опоздал». Выехав из Версаля 25 октября 1722 года, два единственных существовавших курьера, Массин и Пюилоран, прибыли в Москву 5 декабря, еще до отъезда Ягужинского. Зная, что они уже находятся в пути, Кампредон, не дожидаясь их прибытия, шутливым образом постарался узнать от Ягужинского истину. Русский дипломат только что разошелся с женой, заставив ее постричься в монастырь. «Не собираетесь ли вы Вену, чтобы заключить там новый союз?» – «Приятнее было бы заключить его в Париже, – отвечал в том же тоне Ягужинский, – но вы заставили нас слишком долго ждать». – «Так подождите еще несколько дней».

И Массин с Пюилораном привезли все, чего мог желать французский посол: точные указания, подобные тем, какие давались Бонаку, деньги для поправки обстоятельств посла и еще деньги для предстоявших раздач. Присылка была вполне достаточной, а приказания, в общем, довольно благоразумными. В Версале не хотели смешивать двух дел: франко-русский союз было одно, а брак герцога Шартрского с цесаревной – другое. Первый основывался на вопросе субсидий, уплачиваемых Францией, и услуг, оказываемых Россией: «Во Франции согласны уплачивать четыреста тысяч экю ежегодно; согласна ли дать Россия положительное обещание выставить армию в случае войны с Германией?» Второй вопрос зависел от условия: если приданое Елизаветы заключается в короне польской, то следует «позаботиться об осуществлении такого обещания». Что касается побочных условий, то затруднений не предвиделось. Даже выражалось согласие на признание императорского титула, недавно принятого царем, но, очевидно, за известное вознаграждение, и немалое.

По-видимому, переговоры вступили на надежный путь. Почему они не привели к желательному концу? Каким образом возникла новая задержка, довольно значительная? Надо сознаться, что кардинал тут ни при чем. Сначала затруднения происходили вследствие организации русского правительства и уже указанных нами приемов его дипломатии. Эта дипломатия действовала точно в потемках и двигалась только ощупью. Всякая беседа обставлялась излишком предосторожностей, страшно тормозивших ход дела. Министры беспокойные, всегда настороже, неприступные у себя в кабинетах. Для разговоров с ними украдкой приходилось соглашаться на свидания даже в остерии «Четырех фрегатов», излюбленном месте сборища матросов. Царь, недоверчивый, подозрительный, изыскивал предлоги, чтобы пригласить к себе для беседы иностранного дипломата и таким образом замаскировать действительный повод свидания. Так, в феврале 1723 года он воспользовался извещением о смерти *madame*, которое поручено было передать Кампредону, чтобы позвать последнего к себе в Преображенское и там, при тщательно запертых дверях, с помощью Екатерины, служившей переводчицей, откровенно поговорить о делах. И тут обнаружилось полное разногласие. Руководясь инструкциями, не изменившимися и не подлежавшими изменению даже после смерти Дюбуа, кончины самого регента и перехода дел в руки герцога Бурбонского, Кампредон строго придерживался принципов, обещавших, по-видимому, привести к легкому соглашению; но мысли русского государя приняли иной

оборот. Он все еще мечтал выдать дочь замуж во Францию и наделил ее в приданое Польшею, «где будет достаточно найти новую любовницу, остроумную и ловкую, чтобы освободить престол». Но в речах, как и в действиях, он, по-видимому, не желал политического союза между обоими государствами. То он толковал о разрыве с Турцией, у которой намеревался отобрать Азов, то как будто замышлял поход на Швецию для водворения там герцога Голштинского при помощи народного восстания. Поднимался даже вопрос о высадке русских войск в Англии вместе с претендентом. И в августе 1723 года, сейчас же после смерти Дюбуа, вступивший в управление делами внешней политики новый государственный секретарь де Морвилль принужден был написать Кампредону: «Ваши депеши все более и более обнаруживают невозможность вести переговоры с царем, пока не выяснятся окончательно его мысли и планы... Следует выждать, пока время и обстоятельства укажут, может ли король с уверенностью входить в обязательства относительно этого государя и их исполнять».

Ожидание оставалось тщетным до самой кончины Петра. Все ограничивалось лишь топтанием на одном месте. Был момент, когда Кампредон как будто мог себя поздравить с благополучной развязкой. В начале августа 1724 года мирный исход конфликта с Турцией, чему так усердно содействовал де Бонак, привел царя в радостное настроение духа. При выходе из церкви после благодарственного богослужения он обнял французского посла и сказал ему следующие многозначительные слова: «Вы всегда были для меня ангелом мира; я не хочу оказаться неблагодарным, и скоро вы это почувствуете». Действительно, в продолжение нескольких дней двери французского посольства осаждались русскими министрами, появлявшимися с блаженными лицами: государь согласен на уступки по всем пунктам, даже на участие Англии в договоре, заключаемом с Францией, что до сих пор служило главнейшим камнем преткновения при переговорах. Союз улажен. Увы, преждевременная радость. Прежде всего наступили новые промедления в обмене подписями. До конца ноября Петр и его приближенные настолько были поглощены делом Монса, что не было никакой возможности к ним приступить. Кроме того, чтобы повидаться с Остерманом, Кампредону приходилось каждый раз рисковать жизнью, переправляясь через Неву: моста не было, а на реке шел лед. Когда же сообщение восстановилось и можно было наконец собраться на конференцию, оказалось, что ничего еще не сделано. Царь снова изменил свое мнение и не желал более слышать о включении Англии в договор. Что случилось? Вещь очень простая: Куракину, посланному в Париж для замещения Долгорукого, понравился его новый пост, и, чтобы на нем удержаться, он приписал себе воображаемые дипломатические успехи, вызвавшие излишние восторги Петра относительно Кампредона и уступчивое настроение. Куракин даже подал царю надежду на возможность брака цесаревны с самим Людовиком XV, который отказался от своей испанки. Затем пришлось вернуться к истине. Вынужденный объясниться, Куракин должен был сознаться, что брак цесаревны даже с кем-либо из принцев крови казался французским министрам «вопросом, слишком отдаленным», чтобы примешивать его к настоящим переговорам.

Судьба этих переговоров с тех пор заранее была предрешена. После восшествия на престол Екатерины I они как будто временно ожили и подали некоторую надежду, но затем сейчас же канули в вечность. Договор остался без подписей, цесаревна Елизавета – без супруга. Для своего осуществления союзу, преждевременно задуманному, пришлось пробивать себе путь в течение еще полутора столетия испытаний и глубоких потрясений на всем Европейском континенте. Неудачный исход попыток, предпринятых на пороге XVII

века, мы признаем легко понятным и объяснимым, и не возлагая за то ответственность ни во Франции, ни в России на правительства, которым предстояло сводить иные счета с историей. Прежде всего, не удалось достигнуть соглашения потому, что путь, разделявший обе страны, был слишком долог, а также вследствие того, что, идя как будто навстречу такому соглашению, в действительности обе стороны с начала до конца поворачивались друг к другу спиной: сразу выяснилось даже различное отношение к самому стремлению заключить союз, и Петр первое время один только относился к этому вопросу серьезно. Затем, когда стремление сделалось обоюдным, одно правительство видело в его осуществлении одну цель, а другое – другую: Франция – союз политический, а Петр – союз родственный; оба желательные лишь для того, кто питал такое желание. Что во Франции отказывались ввести на ложе французского короля дочь, узаконенную поздним и тайным браком; что в России не особенно стремились за скромное вознаграждение надеть на себя ярмо политического рабства, истершееся на плечах покровительствуемых Польши и Швеции, в том нет ничего ни странного, ни оскорбительного. Почвы, созданной судьбой для сближения обоих народов и слияния их интересов, не существовало: она явилась позднее благодаря перевороту, отразившемуся на всей системе европейских группировок.

КНИГА ВТОРАЯ

БОРЬБА ВНУТРИ ГОСУДАРСТВА. РЕФОРМЫ

Глава 1

Новое направление. Конец стрельцов. Петербург

I

Мы не могли бы ожидать снисхождения от своих русских читателей, если бы перешли к этой части своего обзора, не коснувшись предварительно вопроса, который, даже помимо исторической критики, остается для России неисчерпаемой темой страстных споров: бросив Россию в объятия европейской цивилизации, не совершил ли Петр насилия над ее историей, не проглядел ли коренных элементов самобытной культуры, пригодной для высшего развития и во всяком случае более соответствующей народному духу, и не пренебрегли ими?

То предмет великих прений между славянофилами и западниками.

Нам кажется возможным отбросить в сторону вопрос о происхождении этническом, в настоящее время уже исчерпанный и преданный забвению вместе со старыми разногласиями. Россия занимает и сохраняет даже против воли физиологически совершенно определенное место в семье индоевропейских народов, а духовно обладает цивилизацией, созданной из тех же материалов, как цивилизация прочих народов. Только известные географические и исторические условия могли придать некоторым из этих источников своеобразный характер, откуда развились нравы и склад мыслей особенный, понятия и привычки различные, в смысле взглядов, например, на собственность, семью, власть государя. Отрешился ли Петр всецело от старины и был ли он вправе так поступить?

В том-то и заключается спорный вопрос.

Исследование, предпринятое нами, если не послужит полному разрешению вопроса, то все-таки, надеемся, прольет на него некоторый свет. Прежде всего, обнаружится двойная картина, с одной стороны, указывающая на бессвязность, состояние рудиментарное, зачаточное, разрозненность большинства элементов, сосредоточивших на себе работу Преобразователя; с другой стороны, на постоянство, наоборот, известных черт, отчасти пребывающих неприкосновенными под видом изменения, чисто внешнего, обманчивого, а отчасти ускользающих совершенно от влияния преобразований.

Отречение от старины не было таким всеобъемлющим, как это принято думать. Во многих отношениях она потеряла свою жизнеспособность задолго до Петра оба устоя, на которые она главным образом опиралась, *православие* и *самодержавие*, уже пошатнулись с четверть века тому назад, – первое благодаря внутренним недостаткам организации, зависевшим от происхождения, второе – благодаря преувеличению своего принципа, проистекавшему отчасти из политических соперничеств, от которых царствованию Петра помог освободиться лишь государственный переворот. С восстановлением московской гегемонии на развалинах древних соперничавших независимостей личная власть государя приняла форму восточную с частным правом в своем основании. Исчезла верховная власть с феодальным складом; остался взгляд на личность подданных и на их имущество как на

собственность. Не существует никаких прав за пределами этого единственного права, и исключение сделано только для церкви. Нет законного наследия, переходящего от отца к сыну, а только простое распределение имущества, иногда наследственное (*вотчина*), чаще же пожизненное (*поместье*), но всегда самовластное: имение жалуется государем в виде вознаграждения за оказанные услуги. Нет или почти нет торговли или промышленности, находящейся в частных руках: торговля и промышленность принадлежат царю подобно всему остальному. Его монополия, почти всеобъемлющая, признает только посредников. Государь закупает оптом и продает в розницу все вплоть до съестных припасов, мяса, фруктов овощей. Прежние независимые князья Рюриковичи, тверские, ярославские, смоленские, черниговские, рязанские, вяземские, ростовские образуют лишь аристократию вокруг общего властелина, имея в своем распоряжении крестьян, обращенных в рабство с 1600 года (за исключением некоторой части крестьян на юге), и вымещая на них свое унижение. Нет других классов, других сословий, общественной жизни. Новгородский торговый союз, содействовавший в древности процветанию города, исчез вместе с остальными следами норманнской организации и культуры. Для борьбы с монгольским могуществом Москва позаимствовала у него же принципы и приемы управления, и, чтобы принудить соседние города признать свое главенство, она довела применение этих принципов и приемов до крайних пределов.

Следовательно, царь не только повелитель, но в буквальном смысле слова собственник государства и народа; однако власти его и правам, стоявшим так высоко, не хватает точек опоры: под ними пустота, заполненная зыбким прахом рабов. Никакой социальной группировки, никакой иерархии, никакой органической связи между этими разобщенными единицами. Беспорядочное движение в зависимости от воли случая и пробуждения стихийных инстинктов. Глухой рокот диких страстей, грубых вожделий, устремляющихся на ближайшую приманку, перекидывающихся от Петра к Софье и от Софьи к Петру с бессознательностью темных масс. Хаос в настоящем и мрак в будущем.

Что касается церкви, она перешла из Византии в Киев уже ослабленной и разрушенной, потеряв свою моральную силу в лоне греческого упадка. Дух веры ее был поглощен обрядностью, а сущность религии заключена в условную рамку бесконечных проявлений благочестия. Вскоре разбогатевшая, получившая большое влияние благодаря обширной сети монастырей, покрывших всю страну, она пользовалась своим влиянием лишь наподобие Рима во времена упадка папства, для понижения умственного уровня народа, никогда не трудясь, по примеру Рима, над его духовным или экономическим возвышением. Когда при царе Алексее Михайловиче она задумала проявить самостоятельность в простом вопросе обрядности, сейчас же сказалось ее внутреннее бессилие: она наткнулась на возмущение и схизму. Произошел раскол.

Петр стал у власти благодаря государственному перевороту; подстрекаемые Софьей стрельцы пытались устроить новый переворот для его низвержения. Таким образом, царь весьма скоро ощутил головокружительное чувство пустоты, на которой зиждилось его всемогущество, и когда, став главой обширного государства, он вздумал применить за пределами его предполагаемые силы, еще до Нарвы, уже под стенами Азова, все рушилось у него под ногами: войска рассеялись в несколько часов, казна опустела в несколько дней, административные учреждения беспомощно прекратили работу.

Предшественники великого Преобразователя прекрасно сознавали такое положение и пытались найти из него выход. Путем замыслов, в известных отношениях довольно смутных,

попыток или стремлений нерешительных, но в иных случаях даже путем решительных действий они начертали программу преобразований, преследовавшую, конечно, цель не полного изменения, но лишь исправления существующего режима, его приспособления к новым требованиям политического учреждения с возрастающим значением и честолюбием.

Преобразования должны были коснуться реорганизации вооруженных сил и, как условие этого постулата, улучшения финансов, развития экономической производительности страны, поощрения внешней торговли. Была признана необходимость соприкосновения, более непосредственного, с границей и обращения к ней за помощью. Имелось в виду начало социальной реформы посредством предоставления самоуправления городскому населению и даже отмены крепостного права. Наконец, при помощи Никона коснулись церкви, а следовательно, и образования, так как церковь одна заботилась о деле просвещения.

Вернемся теперь к Петру. Что сделал он *иного, нового*? В сущности, ничего или немного. Он принял уже имевшуюся программу, только немного расширил затронутую ей область: добавил реформу нравов, изменил образ сношений, уже установленных с западным миром; но оставил неприкосновенными основы политического здания, доставшегося ему по наследству, а с социальной точки даже не выполнил планов, составленных или подготовленных его предшественниками. Его творение, на что не обращали достаточного внимания, остается довольно ограниченным в своих общих пределах, несмотря на видимую разносторонность усилий, приложенных его творцом, весьма поверхностную даже в этих пределах. Это главным образом, как сказано нами выше, работа *наклейки* и *оштукатуривания*, но не работа *заново*. Она была начата до него. С ним изменились лишь условия, в каких эта работа должна была впредь продолжаться. Новостью является прежде всего бесконечная война, в течение двадцати лет вдохновлявшая, руководившая и повелевавшая работником, и следствием было, с одной стороны, ускорение хода ранее начатой эволюции, а с другой – нарушение естественного порядка политических и социальных изменений, в нее входящих, ради требований мимолетных, не всегда соответствовавших самым безотлагательным нуждам народной жизни. Затем следовали вкусы, свойства ума, мании и дурные привычки, укоренившиеся у этого работника, гениального, но со странностями, усвоенные благодаря воспитанию, посещениям слободы, общению с Европой, возведенных им в принцип и занимавших в его творении место, не соответствующее их действительному значению. Именно эти-то новшества приняли в глазах его подданных наиболее оскорбительный вид, особенно благодаря личному темпераменту Преобразователя, сообщавшему всем его мероприятиям характер насилия, натиска, порывистости, одинаково оскорблявших и смущавших лиц, которых касались эти мероприятия. Таким образом, мирная эволюция прошлого превратилась в *революцию*. Поэтому те же стремления и попытки, которые в царствование Федора и Алексея почти не встречали сопротивления, теперь вызывали бунт, вначале почти всеобщий, и Петр, со своей стороны, принужден был прибегать к мерам суровости и принуждению. В зависимости от воли государя реформы обрушивались на его подданных неожиданно, всегда с размаху, без порядка, без видимой между собой связи, словно град или гроза. Раздражаемый войной, увлекаемый ее волной, обольщенный горизонтами, раскрывшимися ему в Германии, Англии и Голландии, Петр не имел возможности систематизировать свои намерения, обдуманно готовить их выполнение, обнаруживать терпение при их применении; он вихрем пронесся над своей родиной и своим народом. Он изобретал, творил и наводил ужас.

Но именно все это вместе взятое – мы совершенно не намерены оспаривать этого – придало движению обновления, создавшему современную Россию, полноту и в особенности быстроту, которую совершенно не могли ему сообщить робкие попытки Федора и Алексея. В несколько лет Петр совершил дело нескольких столетий. Остается лишь проверить, привел ли такой резкий скачок через пространство и время ко благу. Вот другая точка зрения, изучению которой, по нашему мнению, должен предшествовать обзор фактов, говорящих сами за себя, то есть достигнутых результатов.

Проследить за этими результатами по мере их возникновения в истории великого царствования было бы задачей неблагодарной и привело бы лишь к осознанию хаоса. До известной степени их осуществление происходило в порядке, predetermined великим стихийным двигателем, нами указанным. Естественным образом война выдвинула в первую очередь реформы военные, а те вызвали меры финансовые, потребовавшие мероприятий экономических. Но в этом порядке нет ничего безусловного. В него трудно было бы включить реорганизацию городского управления, предпринятую в самом начале царствования. При обследовании мы будем придерживаться относительной важности вопросов. Во всяком случае, чтобы освободить поле, довольно обширное и сильно загроможденное, составляющее предмет этого обследования, и в то же время пролить на него яркий свет, мы намерены извлечь из него некоторые черты, игравшие в общей картине дела преобразования роль побочную и вполне второстепенную, но, тем не менее, казавшиеся в глазах общества его сущностью и силой. Общество, естественно одностороннее в своем понимании вещей, впрочем, ошибалось лишь наполовину. Эти черты, малозначительные сами по себе, имеют весьма большую ценность как *выразители* общего направления. Благодаря им новый *режим* принял свой облик, и они служат ему видимым символом. Вот почему всего красноречивее говорили они воображению толпы. К числу таких черт принадлежали обрезание бород, казни стрельцов и создание Петербурга.

II

Вернувшись из первого путешествия по Европе, царь показался своим подданным в одеянии Августа польского, в платье жителя Запада, в каком его еще не видывали. Несколько дней спустя на банкете, устроенном генералом Шейным, он схватил ножницы и стал отрезать бороды присутствующим. Ему подражал его дурак Тургенев. Свидетели такой сцены могли ее счесть за простую фантазию деспота. Петр от природы был почти безбородым: борода у него была редкая и усы жидкие; он много пил на пиру у Шеина и мог выбрать такой способ для проявления своего веселья. Но нет! Через несколько дней работа ножниц уже была санкционирована путем указа, и таким образом шутовское приключение на пирушке между двух стаканов вина возвестило реформу духовную, умственную и экономическую! Мы укажем ниже на ее серьезные элементы. Затем последовало уничтожение стрельцов. Это последствие неожиданное, но, в сущности, естественное, первое последствие воинственных замыслов, неотразимо пленивших воображение молодого царя после свидания его с польско-саксонским другом. Под стенами Азова Петр испытал ценность своих милиционеров, и опыт этот ему доказал, что вооруженная сила, какую он надеялся в них найти, не существовала. Тогда он громко заявил о своем намерении приступить к реформированию войска на европейский лад, в сравнительном превосходстве которого он

мог в то же время убедиться, и два своих потешных полка он сделал ядром новой организации. Очевидно, он воспользовался путешествием за границу для изучения этого дела.

Таким образом старинное войско Московии – стрельцы – было осуждено на уничтожение. Их уже заставляли играть неблагодарную роль. В маневрах, предшествовавших походу на Азов, им всегда приходилось изображать побежденных. После взятия Азова потешные полки отправились в Москву и совершили торжественное вступление в нее. Их встречали ликованием, осыпали наградами, а стрельцы остались в завоеванном городе для починки укреплений.

Их унижали, над ними издевались, прежде чем их уничтожить. Они подняли бунт. В марте 1698 года, во время пребывания Петра в Англии, они послали из Азова в Москву депутацию с изложением своих сетований. Депутация возвратилась, не получив удовлетворения и принося возбуждающие известия: Петр душой и телом предался чужеземцам, и заключенная в Девичьем монастыре царевна Софья, его сестра, призывала своих прежних сторонников на защиту трона и алтаря против государя, мятежного и нечестивого. По рукам ходили письма бывшей правительницы, верные или подложные – неизвестно; стрельцы привыкли в мирное время сидеть дома, а теперь отряд около двух тысяч человек, отделенный от Азовского гарнизона, был послан в Великие Луки для охраны польской границы. Разлука с товарищами, утомительный переход с одного края государства до другого довели этот отряд до отчаяния. Он первым поднял знамя бунта и двинулся на Москву. Генерал Шеин выступил против него с силами превосходными и пушками, встретился с ним 17 июня поблизости Воскресенского монастыря. Несколько человек было убито, остальные забраны. Шеин приказал повесить нескольких пленных, предварительно подвергнув их пытке, и вопрос казался исчерпанным.

Но нет! Петр, предупрежденный, торопился с возвращением и немедленно решил воспользоваться обстоятельствами, чтобы нанести окончательный удар. С детства стрельцы вечно становились ему поперек дороги; они умертвили его родственников и друзей; они поддерживали против него власть похитительницы престола; еще теперь, ведя с Шеиным переговоры перед погубившим их сражением, они осмеливались яростно нападать на Лефорта и остальных иноземцев, его окружавших. Довольно! Пора с ними покончить и вырвать из родной земли семя вечного мятежа, затопить в крови кровавые видения, которыми с колыбели окружили Петра эти люди. Его не могли удовлетворить кнут и несколько виселиц. Ему нужен был широкий размах, по собственному мерилу. Розыск, наскоро произведенный и законченный Шеиным и Ромодановским, снова был возобновлен и в размерах, никогда еще не встречавшихся, насколько известно, в истории человечества: четырнадцать застенков были устроены в Преображенском и работали денно и нощно со всей обстановкой геенны обыкновенной и необыкновенной, вплоть до костров, над которыми должны были корчиться тела пытаемых. Один из них был подвергнут пытке семь раз и получил девяносто девять ударов кнутом, хотя довольно пятнадцати, чтобы убить человека. Подполковник Корпаков ножом перерезал себе горло, чтобы положить конец мучениям, но ему удалось только ранить себя, и допрос продолжался. Женщины – жены, сестры или родственницы стрельцов, служанки или приближенные Софьи – также подвергались допросу. Одна из них родила во время пыток. Добивались главным образом сведений относительно участия царевны и ее сестер в подготовке мятежного движения. Петр убежден был в их виновности, но он хотел доказательств, а допрос их не давал. «Они

могут умереть за нас», – наивно пишет одна из царевен, говоря о нескольких служанках, которых ожидали пытки, но на молчание которых она рассчитывала. Один стрелец был поднят на дыбу, получил тридцать ударов кнутом, медленно поджаривался на огне и все-таки не проронил ни слова. Если удавалось вырвать полупризнание или смутное указание, то едва пытаемый успевал перевести дух, как возвращался к своим первоначальным показаниям или снова замыкался в прежнем молчании. И Софья, допрошенная и подвергнутая, как говорят, пытке самим Петром, осталась непоколебимой в своем отрицании. Ее младшая сестра Мария созналась лишь в том, что уведомила бывшую правительницу о скором приближении стрельцов и их желании видеть восстановление ее власти.

В этом отношении допрос не дал никаких результатов. Текст весьма компрометирующего письма, будто бы посланного Софьей стрельцам, по признанию его издателя, вообще хорошо осведомленного, является просто документом, составленным из отрывков признаний, добытых в застенке, бессвязных и, вероятно, затем опровергнутых. В заключении в Новодевичьем монастыре за царевной был учрежден строгий надзор; отряд в сто человек охранял монастырь. Однако она имела возможность поддерживать сношения с внешним миром, вести ежедневную переписку с двором, остальными царевнами, всеми своими друзьями. Она могла даже продолжать в широких размерах гостеприимство; ей ежедневно отпускалось двором десять стерлядей, две щуки, два бочонка икры, два бочонка сельдей, печенье, ореховое масло, ведро меда, ведро мартовского пива, четыре ведра пива обыкновенного, всевозможные яства и напитки с добавлением в праздничные дни бочонков анисовой водки и бочек водки обыкновенной. Ромодановский разрешил сестрам прибавлять к тому лакомства, постоянная присылка которых, как надо полагать, содействовала обмену тайной перепиской. Что касается приверженцев бывшей правительницы, они всегда имели свободный доступ в монастырь в толпе нищих и нищенок, составлявших в Москве привилегированную касту. В известное время года крупные обители принимали и давали кров ежедневно целым их сотням, причем вдовы стрельцов составляли значительную долю и занимали первое место среди этого бродячего населения, укрывавшего обыкновенно в своей среде недовольных. Движение пропаганды в пользу бывшей правительницы безусловно возникло при содействии этих посредников. Стрельчиха Офимка Кондратьева, вдова после трех стрельцов, между прочим, принимала в том деятельное участие. Но не было обнаружено никакого заговора в буквальном смысле этого слова.

Розыск ничего не подтвердил, он только раздражил склонность к насилию молодого царя, закалил его бесчувственность. Петр сам присутствовал при допросах и пытках, наслаждался, как утверждали многие, прикосновением к истерзанному телу, видом длительных агоний, страданий и смерти. Мы такого мнения не разделяем; скорее мы приписываем это любопытству человека, жаждавшего ощущений и неукословно стремившегося все видеть, до всего касаться самому, причем, конечно, его душа ожесточалась и воображение распалось среди этой оргии верховного правосудия. По окончании розыска ему потребовались бесчисленные казни, головы, падавшие в кучу под топором палача, леса виселиц, гекатомбы человеческих жизней...

30 сентября 1698 года первая партия из двухсот осужденных была выслана на место казни. Пятерым отрубили головы по дороге, перед домом царя, в Преображенском, и Петр сам исполнял обязанность палача. Факт этот подтверждается многочисленными свидетелями, признан мнением современников и допускается большинством историков. Сам Лейбниц, так расположенный к русскому государю, возмущается и негодует по этому

поводу. И Петр не довольствовался тем, что сам рубил головы, он требовал того же от окружающих. Голицын оказался очень неловким, и его жертвам приходилось долго страдать; Меншиков и Ромодановский проявляли больше искусства. Только иностранцы, Лефорт и Бломберг, – последний полковник Преображенского полка, – отказались от исполнения ужасной обязанности. В Москве, на Красной площади, куда осужденных привозили по двое в санях, с зажженными свечами в руках, их клали рядами по пятидесяти человек вдоль бревна, заменяющего плаху. 11 октября снова 144 казни, 12-го – 205; 13-го – 141; 17-го – 109; 18-го – 65; 19-го – 106. Двести стрельцов были повешены под окнами Софьи, перед Новодевичьим монастырем, и трое из них держали в руках прошения, обращенные к царевне. Сама она отделалась сравнительно дешево: лишенная титула, до сих пор за ней сохранявшегося, заключенная в узкую келью, она превратилась отныне в монахиню Сусанну. Ее сестру Марию постигла та же участь в Успенском монастыре, в теперешней Владимирской губернии, где она, царевна, приняла имя Маргариты. Обе умерли в монастыре, первая в 1704 году, вторая в 1707 году.

Другие розыски, сопровождавшиеся массовыми казнями, происходили одновременно в Азове и разных местах государства. Это было поголовное истребление. Прекращенные на несколько недель вследствие пребывания Петра в Воронеже с ноября по декабрь, допросы и казни возобновились в самой Москве в январе 1699 года. Тысячами убирали трупы, загромождавшие площади, довольствуясь, впрочем, тем, что их отвозили на соседние поля, где они продолжали гнить на открытом воздухе, а топор палача снова работал. И в ограде, возвышающейся среди Красной площади, зловещего места казней в Москве, обыкновенно предназначенной для палача, но оказавшейся слишком тесной в данном случае, на *Лобном месте*, каменном помосте, окруженном деревянным забором, – отрубленные головы на пиках и виселицы, отягощенные человеческими телами, оставались до 1727 года.

Лобное место! Это место, орошенное кровью, имеет особенный характер, странную историю, с которой надо познакомиться, потому что ей объясняется, – не смеем сказать, оправдывается, – и эта кровавая оргия, в которой Петр сам хотел быть участником, и самое это участие, каким оно ни кажется неизвинительным. Происхождение названия точно не известно; по мнению некоторых, оно происходит от латинского корня *lobium* — место возвышенное, по убеждению других, от русского слова «лоб», «голова», синоним Голгофы. Предание говорит также, что здесь был похоронен Адам, и вот выясняется своеобразное, причудливое смешение понятий и чувств, связанных в народном представлении с этим зловещим возвышением. Это место казней, но в то же время место святое. Помещенное, наподобие иерусалимского «*литострота*», перед одним из шести ворот, ведущих в Кремль, оно имело значение религиозное и национальное. Здесь сначала ставились мощи и образа, привозимые в Москву; здесь в торжественных случаях и в настоящее время происходит богослужение; отсюда патриарх раздавал благословения богомольцам; отсюда, наконец, читались важные указы и объявлялось народу о перемене царствования. Отсюда в 1550 году царь Грозный приносил всенародное покаяние и умолял о прощении. Лжедмитрий отсюда возвестил манифест о своем восшествии на престол, а через несколько месяцев здесь же был выставлен его труп с маской на лице и вольнкой в руках на поругание толпы.

Таким образом, орудия казни и трупы казненных, вся гнетущая обстановка человеческого возмездия не имела здесь того, что в иных местах составляет предмет отвращения и ужаса; она сопряжена с наиболее торжественными проявлениями общественной жизни. Вследствие этого Петр, появлявшийся тут с топором в руках, не

унижал величия своего сана и не совершал гнусного деяния, он лишь продолжал исполнять свою обязанность верховного судьи. При случае всякий мог быть палачом. Когда дело не терпело, по улицам собирали добавочных исполнителей кровавой обязанности, и находилось их сколько угодно. Петр мог сделаться палачом, не переставая быть царем, как он бывал барабанщиком или матросом. Он здесь работал собственноручно, как при оснастке своих кораблей. Никого это не оскорбляло, никем не ставилось ему в упрек. Скорее находили его за то достойным похвалы!

Это существенные черты в понимании людей и обстоятельств для исторической среды, где часто приходится отказываться от всякого истолкования или вывода заключения по аналогии с примерами европейской истории.

Петр решил уничтожить стрельцов и сделал все нужное для достижения этой цели. Употребленные средства были ужасны, но наводить ужас давно уже сделалось на родине царя обычным приемом правительства. Стрельцы исчезли. Все захваченные им в Москве погибли или были сосланы в отдаленнейшие места Сибири. Их жены и дети должны были покинуть столицу. Запрещено было давать им работу или милостыню. Они, следовательно, были осуждены на голодную смерть. Самое имя ненавистного войска должно было исчезнуть. Стрельцы провинциальные, смягчившие своей покорностью гнев царя, были разжалованы в простые солдаты. Так что и с этой стороны получилась пустота, и создание новой армии, которая положила бы почин и придала бы европейский отпечаток новому творению Петра, потому что такова его точка отправления, – это создание сделалось не только возможным, но и необходимым в кратчайший срок. Не было больше стрельцов, но не было также и войска. Спустя три месяца Петр заметил, что чересчур поторопился и слишком далеко зашел, и он принужден был возвращать к жизни умерших. В 1700 году в битве под Нарвой принимали участие стрелецкие полки: это стрельцы провинциальные, лишенные по указу от 11 сентября 1698 года своего имени и организации. Указом от 20 января 1699 года им было возвращено и то и другое. В 1702 году Преобразователь сам распорядился сформированием в Дорогобуже четырех московских стрелецких полков по образцу прежних. В 1704 году – новый приказ в том же смысле. То жертвы, принесенные шведской войне. Только в 1705 году, после Астраханского бунта, в котором принимали участие остатки старых недисциплинированных полчищ, решено было о полном и окончательном уничтожении стрельцов. Новые партии осужденных по дороге в Москву, новые казни сотнями на Красной площади завершили дело искоренения.

III

Перспектива Великой Северной войны принудила Петра покрыть Красную площадь трупами казненных стрельцов; случайности той же войны привели его к Петербургу. Прежде всего, бросив перчатку Швеции, он наметил Лифляндию, Нарву и Ригу. Лифляндия, слишком хорошо защищенная, отбросила его на север, в сторону Ингрии. Он направился туда нехотя, послав сначала Апраксина, превратившего в пустыню легко покоренный край. Лишь спустя продолжительное время и словно двигаясь ощупью, молодой государь заинтересовался этой областью и остановил свое внимание и вожделение на устьях Невы. Густав Адольф уже понял стратегическое значение этого пункта, не представлявшего в глазах его теперешнего преемника никакой цены, и сам пожелал изучить его окрестности.

Кроме значения военного и торгового, уже признанного, Петр обнаружил в крае еще неотразимую привлекательность. Он больше не желал удаляться отсюда. Здесь он чувствовал себя вполне дома. Он с волнением ссылался на исторические воспоминания, делавшие из этого уголка русскую землю. Может быть, он находил в этих болотистых лощинах отдаленное сходство с низменностями Голландии? Может быть, в нем заговорил голос наследственных инстинктов? Трудно сказать, что им руководило. Предание, повторяемое Нестором, говорит, что первые норманнские завоеватели страны отсюда пускались в плавания «до самого Рима по морю варягов, – их морю»! И Петр как будто старался восстановить нить девятисотлетней древности, сам эпический, легендарный герой в своей роли основателя города. Народный рассказ изображает его выхватившим алебарду у одного из солдат и вырезавшим ею две полосы дерна, которые он сложил крестообразно со словами: «Здесь должен быть город». Так как не имелось под руками камня для закладки, то его место заступил дерн. Оставив алебарду, Петр берется за лопату и кладет почин земляным работам. В эту минуту появляется орел и парит над царем. Сраженный выстрелом, он падает. Петр поднимает раненую птицу, сажает ее на руку и отправляется в челноке осматривать окрестности. Происходит это 16 мая 1703 года.

История добавляет, что впоследствии над работами трудились шведские пленники и умирали тут тысячами. Не хватало самых необходимых инструментов. За неимением тачек носили землю в полах одежды! Сначала воздвиглась деревянная крепость на острове, носящем название Яннисаари (Заячий остров): это будущая Петропавловская крепость; затем деревянная церковь и скромный домик, послуживший Петру его первым дворцом. В следующем году поблизости возникла лютеранская кирка, впоследствии перенесенная на левый берег реки, на Литейную, и харчевня, знаменитая остерия «Четырех фрегатов», долгое время служившая городской думой, раньше чем сделаться местом свидания дипломатов. Наконец, к этой группе скромных построек присоединился базар. Сподвижники царя стали селиться вокруг в домиках наподобие его домика. Город был создан.

Однако до Полтавской битвы Петр не думал еще превращать его в свою новую столицу. Он удовлетворялся постройкой там крепости и устройством гавани. Он еще не чувствовал себя вполне хозяином местностей, прилегающих к этому завоеванному уголку, не имел достаточной уверенности в том, что сможет удержать за собой эти владения, и поэтому не решался сосредоточить здесь свое правительство и перенести сюда свою резиденцию. На этой мысли он остановился окончательно только после великой победы. Его решение, в особенности со стороны иностранных критиков, подверглось ожесточенным нападкам; его судили строго и осудили бесповоротно. Раньше чем высказать собственное мнение по этому поводу, мы напомним в кратком перечне соображения, вызвавшие такой неблагоприятный приговор.

Говорили, что именно великая победа уменьшила стратегическое значение Петербурга и свела почти к нулю его значение как гавани; превращение же его в столицу всегда было безумием. Сделавшись неоспоримым властелином всего Балтийского побережья, Петр мог не опасаться более нападения шведов со стороны Финского залива: они прежде постарались бы овладеть Ригой или Нарвой. Если затем они и направятся на Петербург, то это будет лишь следствием приобретения этим городом политического значения, приданного ему совершенно напрасно. Против такого значения налицо все данные, потому что, представляя собой превосходный пункт для нападения, город не обладает средствами обороны; здесь

невозможно сосредоточить войска, потому что на сорок верст в окружности местность представляет собой бесплодную пустыню. В 1788 году Екатерина II жаловалась, что чувствует себя слишком близко от шведской границы и слишком беззащитной от неожиданного нападения, чуть было не удавшегося Густаву III. Так дело обстояло с военной точки зрения.

С точки зрения торговой Петербург владел системой водных сообщений, представляющих известную ценность. Но Рига владела другой, гораздо более значительной. На расстоянии, одинаковом от Москвы и Петербурга и значительно меньшем от коммерческих центров Германии, обладая климатом более мягким, гавани Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. Рига, Либава и Ревель, являлись после покорения этих областей естественными пунктами сношения России с Западом. Они красноречиво подтверждают это в наши дни, из года в год увеличивая свою торговлю в ущерб Петербургу, торговля которого, искусственным образом развитая и поддерживаемая, клонится к упадку. Впрочем, как гавань Петербург при жизни своего основателя оставался еще в виде предположения или приблизительно так. Морские учреждения Петра перешли из Кроншлота в Кронштадт. Нева до самого устья имела в то время не более восьми футов глубины; корабли, выстроенные в Петербурге, приходилось, по свидетельству Манштейна, переводить в Кронштадт посредством канатных приспособлений, раньше чем приступать к их вооружению. Снаряженные, они не в состоянии были подняться по реке.

Кронштадтский порт был заперт льдами в течение полугода и обладал той особенностью, что суда могли выходить из него только при восточном ветре. Вода настолько пресная, что дерево гниет там весьма быстро. Кроме того, в соседних лесах не растет дуб; его приходится привозить из-за Казани! Петр быстро сообразил все эти неудобства. Он начал искать и нашел для верфей место, более подходящее, в Рогервике, в Эстляндии, в четырех верстах от Ревеля. Но здесь он наткнулся на трудность защиты рейда от штормов и нападения врагов. Ему казалось, что это неудобство удастся устранить, выдвинув в море два мола, устроенных на кессонах из елового дерева, выложенных внутри камнями. На эту затею ушли леса Лифляндии и Эстонии, и дважды снесенную бурями работу пришлось прекратить. С другой стороны, в Петербурге столица с самого начала стесняла торговый город. Присутствие двора делало жизнь дорогой, удорожая, следовательно, и рабочие руки, что отражалось на ценах предметов вывоза, вообще очень объемистых и требующих больших издержек для своего сохранения. По свидетельству современника, голландского резидента, деревянный домик, много худший, чем убогая лачуга нидерландского крестьянина, стоил в Петербурге от восьмисот до тысячи флоринов в год; в Архангельске купец имел возможность прилично жить на четверть этой суммы. Цены за провоз от Москвы до Архангельска стоили от девяти до десяти копеек за пуд; от Ярославля до Архангельска – от пяти до шести копеек, от Вологды до Архангельска – от трех до четырех копеек; между этими местностями и Петербургом они возрастают до восемнадцати, двадцати, тридцати копеек с пуда. Отсюда сопротивление иностранных купцов, поселившихся в Архангельске, когда им предлагали перебраться в Петербург. Петр принимал к тому, по своему обыкновению, решительные меры, запретив торговлю пенькой, льком, кожами и хлебом через посредство Архангельска. Запрещение, слегка ослабленное в 1714 году благодаря настояниям Голландских Штатов, оставалось в силе в продолжение всего царствования. В 1718 году был разрешен вывоз пеньки и некоторых других продуктов через Архангельск, но с тем ограничением, что две трети всех экспортируемых товаров должны были идти через

Петербург. Так дело обстояло с точки зрения мореходства и торговли.

Сама столица была стеснена на берегах Невы причинами вышеуказанными и всеми остальными условиями, географическими, этнографическими и климатическими, по сие время создающими из нее противоречие здравому смыслу. «Странная идея для русского, – говорит Кюстин, – создать столицу славян у финнов, против Швеции, сосредоточить администрацию обширнейшей империи на самой отдаленной оконечности этой империи: выражать намерение приблизиться к Европе, удаляясь от Польши и Германии; и заставлять всех окружающих, чиновников, двор, дипломатический корпус жить под небом, самым немилосердным, одного из самых негостеприимных уголков земли, какой себе можно представить. Место болотистое. Нева значит по-фински „грязь“. В окрестных лесах водятся одни волки. В 1714 году они съели двух солдат, стоявших на часах у пушечно-литейной мастерской. И теперь взорам по выходе из города представляется пустыня. Перед вами расстилается бесконечная равнина, не видно ни колоколен, ни деревьев, ни скота, никаких признаков жизни человеческой или даже животной. Нет пастбищ, невозможна никакая культура». Овощи, плоды, даже хлеб доставлялись издалека. Край этот служил только посредником между морем и сушей, и вплоть до царствования Екатерины наводнения составляли в столице хроническое явление. 11 сентября 1706 года Петр, вынужденный из кармана всегда находившийся при нем прибор для измерений, убедился, что вода стоит на двадцать один дюйм выше пола в его домике. Вокруг него плавали мужчины, женщины, дети, уцепившись за обломки строений, снесенных рекой. Он делился впечатлениями с Меншиковым: «Зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и деревьям будто во время потопа сидели, не точию мужики, но и бабы». Письмо помечено: «Из парадиза [из рая]». Можно усомниться, чтобы у Петра нашлось много единомышленников, разделявших такое восхищение. Облегченные теперь устройством железных дорог, пути сообщения были во времена великого царствования не только затруднительными, но и опасными. Отправляясь из Москвы в Петербург в апреле 1723 года, Кампредон истратил тысячу двести рублей, потопил восемь лошадей и часть багажа, употребил месяц на переезд и доехал больным. Сам Петр, опередивший дипломата, принужден был сделать верхом часть дороги, переправляясь через реки вплавь.

И все-таки, несмотря на все эти соображения, вескость которых отрицать невозможно, нам кажется, что Петр был прав. Как не понять, что ему не хотелось оставлять столицу в Москве? В этой среде, открыто враждебной, упорно реакционной даже до сих пор, его дело влачило бы существование ненадежное, вечно подвергаясь опасности, завися от случая, если не при жизни Петра, то после смерти, – от одного из тех народных мятежей, против которых государственная власть, сосредоточившаяся в Кремле, так часто оказывалась бессильной. Нарушив строй прежней жизни Московии, перешагнув через ее границы, Петр логически должен был стремиться перенести в иное место резиденцию своего правительства. Вид и характер его нового создания, кроме того, вполне соответствуют требованиям похода и сражения; это был клин, острием направленный на Запад; место вождя и его штаб-квартира намечены были во главе колонны. Установив это положение и признав принцип необходимости перемещения столицы на западную оконечность вновь приобретенных владений империи, мы увидим, что Ингрия действительно представляла для этой цели преимущества, по нашему мнению, сглаживающие все вышеуказанные неудобства. В те времена здесь была девственная земля, с редким населением финского племени, без связи, без исторической сплоченности, вследствие этого покорным и легко поддающимся

ассимиляции. Везде в иных местах, по побережью Балтийского моря, в Эстляндии, Карелии, Курляндии, после изгнания шведов оставались немцы, пустившие прочные корни, черпавшие в соседстве германской культуры непреодолимую силу сопротивления. После двух веков русского владычества Рига до сих пор остается городом немецким. В Петербурге Россия сделалась европейской и космополитической, но город чисто русским, а финский элемент окрестностей в счет не идет.

В этом отношении Петр руководился, без сомнения, если не ясным и обдуманном сознанием, то могучим и верным инстинктом, подтверждающим его гений. Конечно, можно допустить, что, по обыкновению, он дал здесь отчасти волю своей фантазии, с ребяческим легкомыслием вздумав, например, подражать Амстердаму. Также приходится сознаться, что он нарушил чувство меры в выполнении своего намерения. Двести тысяч рабочих, говорят, нашли смерть, трудясь над созданием нового города, а вельможи разорялись, строя там дворцы, вскоре делавшиеся необитаемыми. Но пропасть была вырыта между осужденным на гибель прошлым и будущим, к которому стремился Преобразователь, и насильно сосредоточенная в этом новом центре народная жизнь получила сначала поверхностный, а затем усваиваемый ею все глубже и глубже отпечаток западный, европейский, какой стремился ей придать Петр. Москва до сих пор сохраняет внешность благочестивую, почти монашескую. На всех перекрестках взорам прохожих представляются церкви. Торопящийся по делам народ постоянно крестится и преклоняется перед святынями, всюду побуждающими его к проявлению набожности. Петербург принял и сохранил вид мирской, совершенно иной. В Москве была запрещена светская музыка на гуляньях. В Петербурге Петр мог ежедневно заставлять немецких музыкантов играть перед балконом своей «остерии». В середине столетия в Петербург уже появились французский театр и итальянская опера, Шлёцер замечает, что богослужение там происходит на четырнадцати языках. Россия, современная, просвещенная сравнительно эмансипированная умственно и сравнительно либеральная, могла возникнуть и развиваться только здесь.

И Петр мог, в общем, совершить это перемещение без особого насилия над историческими заветами своей родины. Столица в России была кочевой издревле. Она переходила из Новгорода в Киев, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву. Подобное странное явление обуславливалось обширностью страны и отсутствием сплоченности народной жизни. В продолжение вековой эволюции старой Руси силы, разрозненные, рассеянные, неустойчивые, перемещали свой центр тяжести. Создание Петербурга является, таким образом, только решением задачи динамики. Борьба со Швецией, завоевание Балтийского побережья и еще более важное завоевание места среди европейского мира естественным образом направили поток народной жизни со всей его мощью к месту основания нового города. Петр захотел навеки упрочить такое стремление. И нам кажется, что он был прав.

Глава 2

Реформа моральная. Приобщение умственное

I

Славянофильские писатели охотно рисуют теперь нравы Древней Руси светлыми

пленительными красками, ярко выступающими на темном фоне современной жизни западных народов. Это одно из последних прибежищ тезиса, не устоявшего ни на одном из остальных полей брани. Вообще довольно затруднительно изобретать все элементы самобытной культуры, какими должна была обладать в области просвещения, науки, искусства Московия XVI и XVII веков, чтобы соответствовать идеалу, составленному ее почитателями. Она не умела читать! Но ей принадлежит торжество в нравственности. Избегнув тройной испорченности Средневековья, эпохи Возрождения и современности, она оставалась чистой. Она была святой. Посмотрим.

Прежде всего кажется странным, каким образом никто из свидетелей и даже участников этой идиллии не сознавал ее прелести. Свидетельства иностранцев, Олеария, Маржерета, Флетчера, могут показаться сомнительными, но что думать о показаниях записок современника Желябужского, о которых мы уже упоминали и где текущая хроника ограничивается перечнем уголовного судопроизводства?

В ноябре 1699 года князь Федор Хотетовский наказан кнутом на одной из торговых площадей Москвы за продажу одного и того же поместья нескольким покупателям. В декабре двое владимирских судей, Димитрий Дивов и Яков Колычев, наказаны плетью за подлог. Колычев был подкуплен двадцатью рублями и бочонком водки. В том же году некий дворянин Зубов преследуется как грабитель по большим дорогам. Воевода царицынский Иван Бартенев берет взятки и похищает замужних женщин и молодых девушек, превращая их в своих наложниц. Князь Иван Шайдаков уличен в разбое и убийствах.

Вооруженный грабеж настолько вкоренился в нравы того времени, что сам Петр, приложивший к его уничтожению всю свою энергию, оказался бессильным. В 1710 году еще приходилось посылать дозор для охраны непосредственных окрестностей столицы. В 1719 году судебная коллегия была уведомлена о присутствии в Новгородском и Можайском уездах шаек от ста до двухсот хорошо вооруженных разбойников. Саксонский резидент Лефорт писал в 1723 году: «Шайка из девяти тысяч разбойников, с атаманом, отставным полковником, забрала в голову сжечь адмиралтейство и другие учреждения Петербурга и избить иностранцев. Из них тридцать шесть были захвачены, посажены на кол и повешены за бок... Мы накануне какой-нибудь неприятной катастрофы; нищета увеличивается с каждым днем; улицы полны родителей, стремящихся продать своих детей. Приказано не подавать ничего нищим; куда же им деваться, как не идти грабить по большим дорогам».

Эти разбойники, вооруженные против иностранцев, подлинные представители Древней Руси, и трудно видеть в них что-либо идиллическое. Отличительные, характерные черты прошлого, свойственные им, тоже не блещут привлекательностью. Дикость и грубость. Немец, воспитатель царевича Алексея, Нейгебауер в 1702 году отставлен от должности, потому что осмелился найти неприличным поведение своего воспитанника, выгружавшего содержимое своей тарелки в блюда, предназначенные для остальных гостей. Между Нейгебауером, воспитанником Лейпцигского университета, и русскими, находившимися при царевиче, происходили постоянные столкновения, доходившие чуть не до драки. Свидетель, доктор Клюм, сидевший за обедом, рассказывает следующую сцену: «Во время стола, как принесли на стол жаркие куры, которые тот иноземец, разрушив, положил на блюде, и государь царевич изволил взять от той ествы, сперва одну куречью ножку и покушать несколько, положил на тарелку и хотел взять еще иную часть. И Алексей Иванович Нарышкин говорит, чтоб он, царевич, те части, которые кушал, для очистки тарелки положил на то ж блюдо. О сем услыша, Мартын говорил, что царевич лучше, нежели он, в

том знает, понеже необыкновенно объединенные кости на блюдо класть, а мечут собакам. Потом царевич изволил нечто молвить Алексею Ивановичу тайно на ухо, а Алексей Иванович, измешкав немного, тоже молвил тайно на ухо учителю Микифору (Вяземскому). Мартын (Нейгебауер) говорил: „Непристойно за столом друг другу на ухо говорить при иных людях“... После того началась у Мартына с Микифором брань, и Мартын бросил пред царевичем нож и вилку и хватился за шпагу, крича: „Ничего вы не знаете, и у вас все варвары! Собаки вы! Гунеефоты!“

Царь указал: отказать Нейгебауеру от службы за то, что писался самовольно гофмейстером и ближних людей называл варварами и бранил всякою жестокою бранью.

Никакой общественности в народной среде, находящейся под гнетом византийского аскетизма и считающей науку за ересь, искусство – за неприличие, музыку, пение, танцы – за согрешение против Господа. Любовь, даже благословенная церковью, кажется соблазном. Проникнувшись духом «Домостроя», Посошков советует новобрачным проводить первые две ночи в молитве: первую – чтобы отогнать злого духа; вторую – чтобы почтить патриархов. В кругах аристократических женщины прозябают за запертыми дверями теремов; мужчины развлекаются в мужском обществе бедных дворян, то обласканных, то избитых палкой, забавляются с дураками, шутовские выходки которых по преимуществу отличаются непристойным характером; с *бохарами*, или сказочниками, рассказчиками бессмысленных сказаний; с *домрачеями* — игроками на домре, подобие гитары, и певцами божественных псалмопений; реже со скоморохами, потому что на них уже косо глядят, их даже преследуют; а власть светская протягивает руку власти духовной для искоренения мирских удовольствий. Настоящим развлечением как боярина, так и крестьянина является пьянство. Всякие сборища сопровождаются пьянством, заканчиваются шумными, часто кровопролитными драками.

Вверху, как и внизу социальной лестницы полное отсутствие всякого духовного идеала, всякого чувства самоуважения, чести, долга. «Люди свободные, – утверждает Корб, – не дорожат своей свободой, легко делаясь рабами. Ремесло доносчика, – говорит он, – также практикуется во всех сословиях. Всюду праздность, нерадивость и подлость». Посланный в 1705 году в Астрахань для усмирения бунта, грозящего затронуть, распространяясь, и погубить живые силы народа, лучший из русских генералов, имевшихся в распоряжении Петра, Шереметев, остановился по пути в Казани и думал только об одном: вернуться в Москву, чтобы провести там зиму и праздник пасхи.

Он решился двинуться дальше только под давлением угрозы. Честь, долг, самолюбие, мужество – новые понятия. Которые Петру приходится насаждать среди своих подданных. Этим он хвалился. Ему приходилось употреблять много усилий, чтобы искоренить из их ума и сердца унизительное нравоучение народной пословицы: «Бежок хоть не честен, да здоров». Конечно, для достижения своей цели, насколько ему удалось ее достигнуть, недостаточно было одних приемов устрашения и быстрого возмездия, вроде приказания повесить под стенами Нотебурга целую партию беглецов. Петру удалось разбудить известные нравственные задатки, таившиеся в этих темных, опустившихся людях: страстную любовь к родному очагу, выносливость, безграничное долготерпение, беспредельную самоотверженность. Но этим все и ограничивается. Остальное – дело его рук.

Дело это нельзя назвать безупречным. На нем отразились все недостатки, все недочеты его руководителя. Начав с бритья бород и реформы одежды. Преобразователь, конечно, взялся не за самое спешное и важное. Русское платье конца XVII века безусловно не

обладало ни красотой, ни удобством. Однако его отличительные черты: ширина и большое количество надеваемых друг на друга одежд – имели свое оправдание в климате. На вышитую рубашку и шаровары, заправленные в сапоги, русский дворянин надевал сначала жупан, или жилет, из цветного шелка, затем кафтан в талию, доходивший до колен и заканчивавшийся наверху прямым воротником, бархатным, атласным или парчовым. Рукава, длинные и широкие, застегивались на запястьях пуговицами из камней, более или менее драгоценных.

То была домашняя одежда. Для выхода полагался еще пояс из персидской материи, затем сверх кафтана еще ферязь, длинная и широкая одежда из бархата, свободная и без воротника, застегнутая спереди сверху донизу, и всегда с длинными и широкими рукавами. Поверх ферязи надевался летом опашень, или охабень, – широкий плащ из драгоценной материи, достигающий до земли, с длинными рукавами и квадратным воротником; осенью – однорядка, одежда более теплая, из шерстяной или суконной материи; зимой – шуба, опушенная мехом. Окладистая борода была природным украшением такого наряда, драгоценным с климатической точки зрения. Что касается точки зрения эстетической, то, по-видимому, разногласий о том быть не может. Во все времена и подо всеми широтами мода стремилась избавиться от излишних одежд, а между тем петербургские кучера до сих пор прибавляют себе толщины подушками, что кажется желанным добавлением к их специальной красоте.

Подобно большинству реформ, связанных с именем Петра, та, о которой здесь идет речь, имеет примеры в историческом прошлом, проистекая из общей эволюции, направленной со времен Бориса Годунова Россию с Востока на Запад. При царе Алексее Михайловиче Аввакум отказался благословить сына боярина Шереметева, потому что тот явился к нему в блудоносном образе, то есть с выбритым подбородком, а патриарх Иоаким прибегал к громам отлучения от церкви, чтобы приостановить движение. К этому вопросу, по-видимому, примешивалась религиозная подкладка: в православной иконографии Бог Отец и Бог Сын изображаются с бородами и в длинных одеяниях, а по народному верованию, поддерживаемому учением духовенства, человек, сотворенный по подобию Божьему, совершает святотатство, посягая на это священное сходство. Светской власти приходилось считаться с такими взглядами и идти на компромисс: указ Алексея Михайловича подтверждает требования патриарха относительно бороды; но в 1681 году царь Федор Алексеевич предписывает мужскому придворному штату и приказным ношение укороченного платья.

Теперь подобные распри могут показаться смешными; однако не мешает вспомнить, что ношение бороды, введенное Франциском I, отрастившим себе бороду вследствие шрама на лице, послужило даже во Франции предметом ожесточенных споров.

Петр разрешил вопрос со своей обычной прямолинейностью: долой бороду, и пусть все носят европейское платье, французское или венгерское. Указ был издан 29 августа 1699 года. Образцы установленного платья были расклеены по улицам. Бедным людям давалась временная отсрочка для донашивания старой одежды, но с 1705 года все были обязаны носить новое платье под страхом штрафа или даже более сурового наказания.

Так резко введенная реформа должна была наткнуться на упорное сопротивление, в особенности со стороны низших классов. Бояре по большей части подчинились довольно легко: они привыкли одеваться по-польски во времена Лжедмитрия, а одежда по французской моде прельщала их своим изяществом. В марте 1703 года Витворт не видел уже

ни одного знатного русского, одетого по-старинному. Но простонародье уперлось и было отчасти право. Под этим градусом широты короткие брюки и открытые чулки являлись безрассудством. Старинная русская одежда, говорили, была одеждой лентяев. Но самый климат способствовал развитию лени у людей Севера, принуждая их к невольному безделью в длинные зимы. Сбрасывая длинную шубу; конечно, они становились более подвижными, но с риском отморозить себе руки и ноги. Петр сам умер от простуды.

Принужденный расстаться со своей длинной бородой, согревавшей ему щеки в тридцатиградусный мороз, бедный мужик завещал ее положить с собой в гроб, чтобы он мог после смерти в благообразном виде предстать перед святителем Николаем. Подобно многим из народных предрассудков, и этот проистекал из совершенно обоснованного инстинкта пользы.

Петр об этом не заботился. В 1704 году, производя в Москве обзор штата своих крупных и мелких чиновников, он велел наказывать плетью Ивана Наумова, отказавшегося обрить бороду. В 1706 году губернатор астраханский приставил к церковным дверям солдат, чтобы они не пропускали мятежных бород и беспощадно их вырывали. В то же время царь решил укоротить женские одежды, и если юбка превышала установленную длину, ее всенародно обрезали, нисколько не щадя стыдливости. Борода составляла для Петра предмет особой, отчасти личной ненависти. Она олицетворяла в его глазах все привычки, заветы, предрассудки, предназначенные им к искоренению. В упреках, с какими он обрушивался на несчастного Алексея, в манифесте, выпущенном в 1718 году против этого мятежного сына, выражение «длинные бороды» повторяется несколько раз, обозначая собой всю реакционную партию, которую манифест клеймит ядовитой бранью: «Все допускается этими людьми с развратными нравами, quorum Deus venter est». Петр прибегал к латинским цитатам немного наугад. Если в течение своего царствования он доходил до разрешения сохранять волосатое украшение за уплату известного налога, то лишь благодаря финансовым затруднениям, заставлявшим его повсюду искать денежные источники. Раскольникам приходилось уплачивать в год до ста рублей за такое право, нося на виду выдававшуюся при взносе денег бляху с надписью «Борода – лишняя тягота».

И вот русский человек был выбрит и переодет на европейский лад. Преобразователь поспешил еще всунуть ему в рот трубку. До приезда за границу в 1697 году он уже разрешил продажу табака, до сих пор запрещенную в России, не особенно беспокоясь о народных предрассудках, оскорбленных такой мерой. Во время своего пребывания в Англии царь, как известно, заключил с маркизом Комартеном договор относительно монополии на эту торговлю. Петр сам курил; все должны курить. Надо сознаться, что все это было неоригинально, а пожалуй, и нездорово. Таким образом началась просветительная деятельность великого человека в области моральной. Впоследствии Петр принес много пользы, но начало было, бесспорно, неудачное.

20 декабря 1699 года издан был указ, оповещавший об изменении календаря. Русский календарь придерживался византийского образца; новый год начинался 1 сентября – предполагаемый день сотворения мира за 5508 лет до Рождества Христова. Впредь он должен был начинаться по-европейски, с 1 января. Всем приказано было присутствовать в этот день на богослужении в церквах и по выходе обмениваться общепринятыми поздравлениями и пожеланиями. Преобразователь охотно пошел бы еще дальше, приняв григорианский календарь, но так как последний римского и папского происхождения, то он встретил в то время сопротивление даже в Англии, где был введен только с 1752 года. Но и в

таким виде реформа вызывала сильное неудовольствие: «Разве Бог мог сотворить мир зимою?..» Но Петр не обращал на это никакого внимания, и был вполне прав; на этот раз он вступил на верный путь. И с него больше не сбился. В новом, 1700 году издан был указ об учреждении в Москве первых аптек, в числе восьми; другим указом воспрещалось под страхом кнута или ссылки ношение ножей, слишком часто игравших зловещую роль в ссорах, ежедневно происходивших на улицах Москвы. В следующем году либеральный дух нового царствования выразился рядом приказов, возбранявших падать на колени при появлении государя и обнажать голову зимой при проходе мимо дворца. Наконец, в 1702 году наступил черед великой реформы семейной жизни; двери терема раскрылись, сделаны были попытки внести в брак более прочные нравственные гарантии. Петр простирал над русской семьей руку покровительственную и милосердную. В 1704 году он обрушился на ужасную черту нравов: постоянно практиковавшееся уничтожение детей уродливых и внебрачных. Он обратил внимание на судьбу несчастных подкидышей и в 1715 году принял решительные меры для разрешения этой печальной задачи, приказав учредить «госпитали для зазорных младенцев» во всех больших городах империи по примеру преосвященного Иова, митрополита новгородского, «учинившего такое благотщательное и душеспасительное осмотрение».

Все это было прекрасно, но еще слишком отрывочно, неполно. Для придания всему гармонической связи Преобразователю необходимо было больше досуга. Война все еще поглощала его и отвлекала его мысли. Он вывел женщину из терема; прекрасно, но куда же ей деваться? Он предполагал, что она вступит «в свет», как женщины Франции и Англии; но светской жизни не существовало. До 1718 года Петру некогда было подумать об этом затруднении; наконец мир дал ему несколько свободных минут, и он разрешил вопрос по-своему путем указа. Под названием ассамблей предписывалось поочередно устраивать собрания в некоторых частных домах и точным регламентом устанавливались одежда, времяпрепровождение и мельчайшие подробности. Петр, не следует забывать, побывал во Франции и, очевидно, вдохновлялся и руководился воспоминаниями, оставшимися от французских гостиных, но с добавлениями собственного изобретения. Ассамблеи происходили с четырех часов пополудни до десяти часов вечера. Под страхом штрафа воспрещалось хозяевам встречать гостей или их провожать. Они должны были довольствоваться оказанием гостеприимства, более или менее роскошного: приготовить освещение, напитки, игры. Вообще приглашения не бывали личными: составлялся общий список приглашенных и в день каждого собрания издавался петербургским полицеймейстером или московским комендантом. Возбранялись азартные игры; специальный указ от 28 июня 1718 года воспрещал карты и кости под страхом кнута. Отдельная комната предназначалась для игроков в шахматы, она же должна была служить курительной комнатой, но в действительности курили повсюду, чему сам Петр подавал примеры; кожаные кисеты, наполненные табаком, лежали на всех столах; голландские купцы с трубкой в зубах разгуливали среди щеголей, одетых по последней парижской моде. Танцы занимали первое место среди развлечений на ассамблеях, и так как подданные Петра не умели танцевать, то он сам принялся за обучение их этому искусству. Берхгольц рисует его образцовым учителем: он проделывал «па» во главе шеренги кавалеров, и те должны были в точности повторять каждое его движение. Это немного напоминало плац-парад, но подобное сходство могло только нравиться государю. Характерная статья регламента указывает место в прихожих для челяди, весьма многочисленной во всех русских домах,

воспрещая ей доступ в гостиные. Помимо этого полное равенство: каждый гость имел право пригласить танцевать саму государыню.

Подобно всем нововведениям Петра, вначале и это новшество наткнулось на сильное сопротивление, в особенности в Москве. В 1722 году Петр прибыл туда для празднования Ништадтского мира. Специальным указом была назначена ассамблея, на которую было приказано явиться всем дамам «старше десяти лет», под угрозой «жестокого наказания». И все-таки собралось всего семьдесят. В Петербурге в течение трех лет, по-видимому, удалось привить этот обычай. Нам предстоит теперь взвесить его значение. Петр преследовал три главные цели: приобщение русской женщины к совместной общественной жизни, по примеру западных стран, приучение высших классов русского общества к формам обхождения, распространенным в этих странах, наконец, слияние классов и их смешение с иностранными элементами. Последняя цель, пожалуй, самая важная в его глазах, не была достигнута, по свидетельству всех современников. Русские дамы упорно стремились выбирать своими кавалерами только соотечественников и повиновались в этом отношении лишь общему лозунгу. Для достижения двух остальных целей Петру не хватало необходимых качеств, требовавшихся взятой им на себя ролью: ему самому следовало бы быть более светским человеком, менее матросом и плотником. Все подражали его манерам, как его пируэтам, а манеры его не отличались ни особой вежливостью, ни обходительностью, со светской точки зрения. В промежутках между танцами танцующим не о чем было разговаривать друг с другом, они расходились в разные стороны, и водворялось упорное молчание. Чтобы лед растаял, государь не придумал ничего лучшего, как танец с фигурами, заставлявшими дам «подставлять губы для поцелуев своим кавалерам». Вообще этим дамам было нелегко добиться сходства со своими парижскими соперницами; правда, они появлялись на ассамблеях в платьях с обручами, но чернили себе зубы!

В Петербурге, как в Париже, двор был призван давать тон обществу, но тон, царивший среди приближенных Петра и Екатерины, нисколько не напоминал Версаль. На банкете, устроенном в царском дворце по случаю крестин сына Екатерины, за столом мужчин карлица, а за дамским столом – карлик вылезли совершенно голыми из огромного пирога, красовавшегося посередине стола. 24 ноября 1724 года, в день именин государыни, во время обеда их величеств в Сенате, в многочисленном обществе, среди которого находились герцогиня Мекленбургская и царица Прасковья, один из сенаторов взобрался на стол и прошелся от одного конца до другого, в буквальном смысле ступая по блюдам. На всех придворных празднествах важная роль принадлежала шести гвардейским гренадерам, вносившим ушат с хлебной водкой, сильно сдобренной перцем; деревянной ложкой Петр оделял содержимым всех присутствующих, в том числе и женщин. Мы читаем в депеше Кампредона от 8 декабря 1721 года: «Последнее празднество в честь именин царицы было великолепно по местным нравам: дамы пили очень много».

Впрочем, у Петра, как известно, не было двора в собственном смысле этого слова. Одним из его первых мероприятий было ассигнование на общие нужды государства средств, предназначавшихся раньше на содержание государя и его дома. Различные службы, составлявшие часть этого дома, были вследствие этого уничтожены вместе с целым штатом придворных чинов и служителей. Ничего не осталось от трех тысяч выездных лошадей, сорока тысяч упряжных лошадей, стоявших на конюшнях его предшественников, от трехсот поваров и поваренков, готовивших ежедневно по три тысячи кушаний на кухне. Только под конец царствования было создано несколько новых придворных должностей на европейский

лад, но заместители их несли свою обязанность всего несколько раз в год, в торжественные дни. В обыкновенные праздники, возвращаясь из церкви обедать, Петр шел в сопровождении своих министров и толпы офицеров; но у него стол был накрыт всего на шестнадцать приборов. Все старались опередить друг друга, чтобы занять место за столом, а Петр просто говорил запоздавшим: «Ступайте утешьте жен, пообедав с ними». Известно также, что во дворце никогда не бывало больших приемов, даже когда у Петра появился наконец настоящий дворец. В последнее время почтамт заменил для этого назначения дворец Меншикова, и когда царь собирался там со своим обществом, то получался вид самого низкоразрядного кабака.

Берхгольц заставляет нас присутствовать на банкете, данном там в мае 1721 года по случаю спуска корабля. К половине обеда женщины были пьяны настолько же, как мужчины. К вину была подмешана водка. Старый адмирал Апраксин заливался слезами; князь Меншиков скатился под стол; его жена и сестра старались привести его в чувство. Потом разгорелись споры, раздалась пощечины, пришлось разнимать генерала, подравшегося с поручиком. Добавим, что в течение этих оргий, продолжавшихся по шести часов и более, все выходы были накрепко заперты, и легко угадать неопрятные последствия такой меры. Полнейшее презрение, выказываемое Петром к вопросам благопристойности и благоприличия, таким образом, получало всенародное подтверждение. В январе 1723 года издан был приказ о трауре при дворе по случаю смерти регента. На первой ассамблее большинство дам появилось в цветных платьях. Оправдались тем, что других у них не было. Петр отправил их по домам, но сейчас вслед за этим, осушив несколько стаканов водки, сам подал сигнал к танцам.

Летом собрания и банкеты переносились в Летний сад и имели вид шумных ярмарок. Запах хлебного вина доносился до соседних улиц. Громкий смех пьяных, крики женщин, которых силой заставляли осушать положенное количество спиртных напитков, шутовское пение шутейших кардиналов забавляли тысячи зрителей. Танцевали на чистом воздухе, в открытой галерее на берегу Невы. В летних резиденциях в окрестностях Москвы или Петербурга государь и его приближенные давали еще более свободы грубости своих привычек и склонностей. Прочтем следующий рассказ о путешествии в Петергоф, в котором принимал участие дипломатический корпус, в мае 1705 года:

«9-го царь отправился в Кроншлот, куда мы последовали за ним в галере; но вдруг поднявшаяся буря заставила нас провести два дня и три ночи на этом открытом судне, без огня, без постелей и без провизии. Прибыв наконец в Петербург, мы угостились там по обыкновению, потому что нас заставляли пить столько токайского вина за обедом, что когда настала пора расходиться, мы едва были в состоянии держаться на ногах. Это не помешало царице поднести еще каждому из нас по стакану водки, приблизительно с кружку вместительностью, которую нам пришлось выпить. Это окончательно помутило наши рассудки, и мы предались сну, кто в саду, кто в лесу, кто, наконец, где попало на земле. В четыре часа пополудни нас разбудили и привели во дворец, где царь раздал каждому по топору с приказанием следовать за собой. Он привел нас в лес и пометил вдоль моря аллею шагов в сто, где следовало срубить деревья. Он первый принялся за работу, и хотя мы не привыкли к такому тяжелому труду, однако часа через три справились со своей задачей всемером, сколько нас было, за исключением его величества. Винные пары за это время уже успели в значительной степени улечься, и с нами не произошло никакого случая, только одного посла, работавшего со слишком большим усердием, задело при падении дерево и

слегка ранило. Царь нас поблагодарил за исполненную нами работу, а вечером нас угостили по обыкновению и поднесли еще такую обильную порцию питания, что мы повалились совершенно без чувств. Мы не проспали и полутора часов, когда около полуночи пришел нас разбудить один из любимцев царя, чтобы отвести насильно к князю Черкасскому, спавшему с женой. Нам пришлось до четырех часов утра провести у их постели и все время пить вино и водку, так что под конец мы не знали, как добраться до дому. В восемь часов нас пригласили завтракать во дворец; но вместо кофе или чая, на который мы рассчитывали, нам подали по большому стакану водки, после чего отправили подышать свежим воздухом на высокий холм, у подножия которого мы нашли крестьянина с восемью несчастными клячами, без седел и стремян, стоимыми все вместе не больше четырех талеров. Всякий сел на своего коня, и в таком комичном виде мы проехали перед их высочествами царевнами, любовавшимися в окно».

Заметим, кроме того, что подобное дикое времяпрепровождение сочеталось с развращенностью и цинизмом нравов, чему Петр также первый подавал пример. Готовясь жениться на дочери государя, герцог Голштинский показывался повсюду в Петербурге с общепризнанной своей любовницей, мужу которой покровительствовал, не получая замечания от своего будущего тестя.

Во многих отношениях Петр в действительности добился только наслоения одной развращенности на другую. Тезис славянофилов здесь отчасти находит себе оправдание. Также относительно внешности он достиг лишь эффекта переряживания, удовлетворявшего его страсти к маскарадам: одетые по французской моде русские оставались почти такими же дикарями, какими были раньше, сделавшись еще вдобавок смешными. В 1729 году французский монах-капуцин, поселившийся в Москве, так передавал свои впечатления по этому поводу: «Мы начинает понемногу узнавать дух русского народа. Говорят, что за двадцать лет его царское величество произвел среди русских большие перемены; так как ум у них восприимчивый, то действительно можно бы еще сделать их похожими на людей, но благодаря упорству большинство предпочитает оставаться скотами, чем принять образ человеческий. Кроме того, они недоверчиво относятся к иностранцам, плутоваты и вороваты в высшей степени. Правда, наказания ужасны, но этим их не устроишь. Они способны убить человека за несколько грошей, что делает опасным позднее хождение по улицам».

Перемена была главным образом внешняя. При каждом более сильном порыве духа или тела, под влиянием вина или гнева, маска спадала. В день торжества въезда Петра в Москву после Персидского похода (в декабре 1722-го) князь Григорий Долгорукий, сенатор и дипломат, и князь-кесарь Иван Ромодановский вцепились друг другу в волосы в присутствии многочисленного общества и дрались на кулачках с добрых полчаса, и никому не приходило в голову их разнять. Иностранцев окружали почетом, за ними ухаживали в присутствии государя; но как только он поворачивался спиной, с них срывали парики. Герцогу Голштинскому стоило немалых усилий защитить свою прическу. Понятия о чести, честности, долге, настойчиво, энергично проповедуемые Петром и в том его величайшая заслуга перед историей, с трудом проникали в глубь сознаний, скользя по неподатливым душам, как плохо прилаженная одежда. Сам Татищев, отозванный с Урала, где Демидов обвинял его во взяточничестве, в свою защиту выставлял довод нравственного мировоззрения, совершенно не похожего на европейское: «Я беру, но этим ни перед Богом, ни перед вашим величеством не погрешаю. Почему упрекать судью, если получил

благодарность, когда дела решал честно и как следует? Вооружаться против такой благодарности вредно, потому что тогда в судьях уничтожается побуждение посвящать делам время сверх узаконенного и произойдет медленность, тяжкая для судящихся». В 1715 году было возбуждено громаднейшее дело о злоупотреблениях, обнаруженных в поставках в армию, и подсудимых звали: Меншиков, адмирал Апраксин, петербургский вице-губернатор Корсаков, генерал-адмирал Кикин, первый комиссар адмиралтейства Сенявин, генерал-фельдцейхмейстер Брюс, сенаторы Волконский и Лопухин!

Неутомимому работнику Петру не удавалось также победить вполне у своих подданных укоренившихся привычек лени, бездеятельности, физической и духовной.

Здоровые люди тысячами бродили по улицам, предпочитая выпрашивать милостыню, чем работать. Некоторые, надев на ноги кандалы, выдавали себя за арестантов, посланных по улицам (по обычаю, действительно практиковавшемуся в те времена) за сбором подаяний от народных щедрот. Беззаботная праздность, мать ужасной бедности, продолжала царить в деревнях. «Когда крестьянин спит, – говорит Посошков, – надо его дому загореться, чтобы заставить его проснуться; но он не потрудится встать, чтобы потушить дом своего соседа». Пожары, уничтожавшие целые деревни, были очень часты, и легка работа шаек разбойников, грабивших то, что пощадил огонь; а жители не догадывались соединиться, чтобы дать отпор злодеям. Последние являлись в избу, «подогревали» мужика и его бабу, чтобы выпытать у них, где спрятаны деньги, грабили, нагружали на повозки и спокойно увозили все имущество; соседи равнодушно на это смотрели и не двигались с места. Чтобы избежать воинской повинности, молодые люди укрывались в монастыри; другие поступали в школы, основанные Петром, и ухитрялись там ничему не учиться.

И все-таки великий духовный переворот совершился, Петр посеял в родную почву семена наудачу, пожалуй, неправильно и отчасти руководясь личной фантазией, но они взошли и принесли плод. Сверх того, он дал своему народу пример жизни, где прискорбные пороки – результаты наследственных недостатков – сочетались с самыми доблестными, благородными добродетелями; и история показала с тех пор, какая чаша весов перетянула. Стомиллионный народ развернул перед взорами старого европейского мира, удивленного, вскоре встревоженного, силу, элементы которой, бесспорно, не исключительно материальные. Эту силу современная Россия почерпнула из души своего героя. Ему обязана она также своими умственными успехами, хотя учебные заведения великого царствования небезосновательно считаются не вполне удовлетворительными.

II

Славянофилы имеют особое представление, и представление преувеличенное, о просвещении, каким обладала Россия до Петра Великого. По их утверждению, Преобразователь даже в этом отношении скорее отодвинул свою Родину назад, чем подвинул ее вперед, заменив обучение «общеобразовательное», в школах первоначальных или средних и в Славяно-греко-латинской Академии в Москве, системой воспитания «профессионального», уже отвергнутого на Западе. Прежде всего следует разобраться, что собой представляли и эти школы, и общеобразовательность их обучения. Школы? Их было всего-навсего несколько, при некоторых монастырях. Общеобразовательность обучения? Она ограничивалась, насколько известно, чтением Священного писания, элементарными

начатками географии и истории. Над могилой Преобразователя Феофан Прокопович, которого нельзя заподозрить в предвзятости, в ущерб такому духовному образованию, напоминал, что в те времена, когда Россия не знала иного, трудно было бы найти в ней *компас!* Азбуки того времени заключали упражнения в вопросах и ответах, любопытно рисующие соответствующий умственный уровень. Вопрос: «Что такое высота неба, ширина земли, глубина моря?» Ответ: «Высота – это Отец! Ширина земли – это Сын! Глубина моря – это Дух Святой!» Вопрос: «Кому было дано первое писание Христа?» Ответ: «Апостолу Кайиафе» (подлинная выписка).

В действительности периода «воспитания» не существовало у русских людей того времени. Переход из детства в юношеский возраст совершался незаметно. Поэтому умы до зрелых лет сохраняли известную свежесть, но также и ребяческую наивность. Это светотень утренней зари, полная неясных, смутных очертаний, – смешение языческих суеверий и причудливо извращенных христианских преданий. Перун, бог грома, лишь замещен пророком Ильей, разъезжающим на колеснице по облакам. Редкие явления мира физического и явления мира духовного считаются одинаково действием сил таинственных и страшных, перед которыми человек чувствует себя беззащитным и жалко-беспомощным.

Петр рассчитывал победить, главным образом воспитанием, эти химерические воззрения на жизненную действительность, приспособленные для склонности к лени.

Его личные взгляды шли в этом направлении весьма далеко: до введения обучения обязательного и бесплатного, проповедуемого Посошковым. Принцип подтверждался даже указом от 28 февраля 1714 года, но его применение ограничилось сыновьями дьяков (служащих в административных присутственных местах) и духовенства. Сенат отказался идти дальше. Отнять у торговли и промышленности мальчиков-учеников – разве не значит разорить торговлю и промышленность? Преобразователь уступил и ограничился тем, что со своей обычной настойчивостью и суровостью следил за применением новых правил: сын дьяка Петр Ижорин отказывался учиться в школе математики, основанной в Олонецке; по царскому указу его привезли в Петербург в кандалах. «Школы повсюду и школы всех родов» – таков стал лозунг.

Но какие школы? В этом отношении, к сожалению, в представлении Петра долго царил неустойчивость. Вначале он как будто склонялся к типу ложнообразовательному, с литературной тенденцией, до сих пор преобладавшей благодаря влиянию польскому и малороссийскому. По возвращении из первого путешествия за границу он еще думал только о расширении программы Московской Академии.

После встречи с Глюком его мысли приняли другое направление, но в том же духе. Бывший учитель Екатерины Трубачевой сразу был назначен директором учебного заведения, где должны были преподаваться география, этика, политика, латинская риторика, картезианская философия, языки греческий, еврейский, сирийский, халдейский, французский и английский, танцы и верховая езда. Недалекий Глюк окончательно растерялся. И вдруг, со своей обычной резкостью. Преобразователь изменил мнение; он нашел свой путь. Ему нужны были школы профессиональные, какие он видел в Германии, Голландии и Англии. Но он не давал себе времени выработать общий план, начав с начала, то есть со школ первоначальных и средних; он сразу сделал скачок к образованию высшему: инженерному искусству, мореплаванию, высшей математике, и это потому, что он заботился сейчас не столько о распространении просвещения, сколько о подготовке офицеров, необходимых ему для армии и флота. Такая материалистическая точка зрения, согласная с

нуждами правительства, долго имела преобладающее влияние на создания Петра. Скоро в Петербурге появилась Морская Академия, в Москве – военно-хирургическая школа, где немецкие и английские профессора занимали щедро оплачиваемые кафедры. Не хватало только учеников. Чтобы приняться за изучение высшей математики, сыновьям дьяков и попов, имевшимся в распоряжении царя, недоставало умения читать и писать! Петр легкомысленно взобрался на вершину лестницы, не заботясь о промежуточных ступенях. В 1714 году, правда, был издан указ с планом школ провинциальных, низших и средних, при епархиях и монастырях; но в 1719 году Григорий Скорняков-Писарев, на которого возложено было заведование этими училищами, докладывал государю, что единственная школа, где удалось собрать двадцать шесть учеников, могла быть открыта в Ярославле. В 1723 году сорок семь учителей были разосланы по провинции из Петербурга и Москвы; восемнадцать возвратились обратно, не найдя занятий. В том же году поднимался вопрос о соединении предполагаемых провинциальных школ с училищами духовными, восстановленными только что изданным приказом; Синод ответил, что единственное учреждение такого рода существует в Новгороде.

В Инженерном училище насчитывалось до 1713 года всего двадцать три ученика. Наконец Петр насильно поместил туда семьдесят семь молодых людей, набранных из детей дворцовых служителей, которым их ученым профессорам приходилось прежде всего преподавать азбуку!

Преобразователь сознавал бедность достигнутых результатов; он старался возместить ее посылкой большого числа молодых людей в учебные заведения за границей. Но и тут возникли затруднения: Англия защищала свои учебные заведения против вторжения пришельцев; также не хватало денег. Двое молодых людей, посланных в Париж в 1716 и 1717 году, – один из них араб Ибрагим, – жаловались на нищету: вдвоем они не имели даже одного экю в день! Часто молодым людям мешала лень, а также беспутное поведение. В 1717 году князь Репнин умолял государя о возвращении двух своих сыновей, которые вместо того, чтобы изучать в Германии военное дело, запутались в долгах.

В Тулоне в это же время администрации пришлось прибегнуть к дисциплинарным мерам относительно русских молодых людей, принятых в состав гардемарин. По донесению агента Зотова, они ссорились, бранились, «как здесь не делают люди самого плохого поведения», и дело даже доходило до убийств «не на дуэли». Пришлось отобрать у них шпаги.

В общем, Россия оставалась данницей Европы в пополнении кадров своих деятелей военных, научных, художественных и промышленных, и если ей удавалось с грехом пополам заполнить свои казармы, то все же досадная пустота царила в иных местах, среди таким способом набранных рядов. Однако Петр не отчаивался и продолжал идти вперед. После посещения Парижа он горел желанием обладать в Петербурге Академией наук.

Благодаря бесчисленным проектам, появляющимся по инициативе Петра, замечаниям, выслушиваемым им со всех сторон, и собственным измышлениям он наконец составил себе об этом учреждении представление столь же высокое, сколь и неясное. Академия, как ему казалось, сможет сразу заполнить все обидные пробелы – и в школьной организации, пробудить которую к жизни он прилагал все усилия, и в деятельности умственной, какую он надеялся создать вокруг нового учреждения. До известной степени он сознавал недостаточность имевшихся в его распоряжении материалов, чтобы осуществить свою затею, и вот почему, против обыкновения, долго колебался, обдумывал, пропускал целые

годы. Только в 1724 году, за год до смерти, он решил дело, по своему обычаю, одним росчерком пера. Под докладом Фика о необходимости привлечения в «Россию способных чиновников» он написал: «Сделать Академию».

В маленьких провинциальных городах, даже в столицах на окраинах, существуют лавки неопределенного назначения, не то мелочные, не то табачные, где продаются вместе марки, бакалейные товары, сигары, домашняя утварь, газеты и даже книги. Это тип первобытных базаров, к которому начинают возвращаться современные большие универсальные магазины по круговороту, часто встречающемуся в истории цивилизаций. Разница заключается в смешении, царящем там, и методическом распределении здесь. Академия, созданная по указу Петра, – первобытный базар; в нем мы находим странное сочетание и смешение трех классических форм; немецкой гимназии, немецкого университета и французской академии. Эта школа, но в то же время ученое общество и художественный кружок. И, в сущности, такая пестрота вполне объяснима: как в лавках, где пачки спичек лежат рядом с книжками в желтых обложках, они соответствуют низкой степени развития потребителей. Академия, основанная в Москве до воцарения Преобразователя, тоже имела характер полудуховный-полусветский. Учреждение, однако, вызвало ожесточенную критику, отчасти справедливую. Как учебное заведение, Академия никогда серьезно не существовала за отсутствием аудитории, которая была бы в состоянии слушать лекции, читавшиеся профессорами вроде Германа, Делиля, Бернулли, обсуждавшими самые сложные задачи наук умозрительных, рассуждавшими о высших математических науках, изучавшими древности греческие и латинские. Как ученое общество, она, конечно, служила общим интересам науки и даже, в частности, России. Практическая ценность изысканий Делиля по русской картографии неоспорима настолько же, как работа Байера по изучению греческих и римских древностей. Остается лишь убедиться, не нашлось ли бы для 24 912 рублей, ассигнованных на содержание этого учреждения из доходов Нарвы, Дерпта и Пернова, лучшего употребления в такой стране и в такое время, где умственная роскошь, по справедливости, могла показаться несвоевременной и где, прежде чем обзаводиться книгами по умозрительным наукам, следовало бы позаботиться о создании круга читателей для сочинений, гораздо более элементарных.

Но истинная школа великого царствования, единственная неуклонно исполнившая свою программу и свою задачу, была, в смысле знания и в смысле нравственности, та, где Петр тридцать лет сам состоял учителем, – школа великого примера, нами вышеуказанная. Да его всеобъемлющая любознательность, его лихорадочная жажда всему научиться, общительная по своей сущности и общившаяся все-таки до известной степени его подданным. И кроме того, его также нельзя упрекнуть и в пренебрежении к необходимым основам умственного приобщения, какое он стремился создать.

III

Прежде всего Петр не только научил своих подданных читать, он даже дал им новый язык, созданный из всего понемногу, как все остальное. Уже в 1700 году в бытность свою в Амстердаме он поручил голландцу Ивану Тессингу при помощи поляка Копьевского, или Копьевича, основать там русскую типографию. Таким образом был напечатан первый выпуск книги, касавшейся предметов самых разнообразных: истории, географии,

лингвистики, арифметики, военного искусства, мореплавательного искусства. По большей части это были переводы или изложения без всякой научной ценности, но весьма пригодные для популяризации. В 1707 году эта типография открыла второе отделение, послав в Москву наборщика и словолитчика, принесших в Россию русскую азбуку нового типа. То был «гражданский шрифт», названный так в противоположность старой славяно-сербской азбуке, сохраненной церковью. Петр его применил сейчас же в первой напечатанной книге – учебнике геометрии и во второй – руководстве для приветствий, переводе с немецкого. Затем следовали переводы сочинений по военному искусству, причем царь сам исправлял корректуры. Новая азбука не удовлетворяла творческое вдохновение Преобразователя. Если королева Виктория добровольно сделала язык своих верноподданных «языком королевы», то в России, наоборот, «язык царя» стал языком страны. В 1721 году Петр поручил Святейшему Синоду, только что созданному им, перевод части сочинений Пуффендорфа. По этому поводу среди почтенного собрания возгорелся спор: подобает ли для названной работы употреблять древнеславянский церковный язык или следует остановиться на разговорном языке, с течением времени сильно изменившемся? Государь, вмешавшись в спор, положил конец разногласиям самым неожиданным образом: «Будет применен особый язык, до сих пор употреблявшийся только в дипломатической канцелярии царя», носивший на себе следы своего космополитического происхождения, весь испещренный иностранными словами и неологизмами, – лепет варвара, читающего по складам европейскую цивилизацию. С тех пор этот язык сделался языком официальным; теперь на нем говорит и пишет стомиллионный народ.

Заставить переводить Пуффендорфа духовное собрание может показаться мыслью довольно странной, но, как известно, в привычках Петра было не пренебрегать никакими средствами для достижения намеченной цели. Ему нужны были книги, он обратился к заведующему своей типографией Поликарпову для составления истории и географии России и, не удовлетворившись выполнением им задачи, возложил ее на служащих своей канцелярии, язык которой он принял и сделал обиходным. Для создания музея Петр прибег к усердию всех своих подданных и принимал без строгого разбора все диковинки, какие ему предлагали: телят с двумя головами или уродов-детей, стараясь в то же время привить убеждение, что «монстры» вовсе не порождение дьявола, как принято было думать. И разве не трогательно, в сущности, видеть, как он все свои усилия, хотя бы иногда и неверно рассчитанные, неловкие, неудачные, но неутомимо и непреклонно направляет к цели, горевшей светочем прогресса, манившей его взоры? И, в конце концов, он ее достигает! В 1719 году два его флотских офицера, Иван Евреинов и Федор Лужин, отправились в экспедицию для исследования берегов Камчатки. На них было возложено разрешение вопроса, поставленного Лейбницем: соприкасаются ли здесь Азия и Америка или они разделены морем? Результатом экспедиции явилась только карта Курильских островов; но, настойчиво преследуя свою мысль, Петр снова в 1725 году возобновил попытку с Берингом, и был открыт пролив, увековечивший имя смелого исследователя.

В мемуарах Парижской Академии Делиль-старший говорит о карте Каспийского моря и смежных областей, показанной ему Петром в 1717 году, которая, не будучи вполне точной, исправляла имеющиеся на Западе сведения об этих странах. В 1721 году тридцать картографов, работая по разным местам, уже были заняты в различных областях России. Петр дал им указание, несколько краткое, по своему обычаю: «В каждом городе определить широту по циферблату и затем двигаться по прямой линии в различных направлениях

компасной картушки до границ каждого округа». Все-таки картографы исполнили до известной степени свою задачу. Кроме того, посланы были специальные исследователи: лейтенант Гербер на север Каспийского моря; доктор Мессершмид и шведский пленник Табберт, больше известный под именем Штраленберга, – в Сибирь; итальянец Флорио Гневени – в Персию, Хиву и Бухару; лейтенант Бухгольц и майор Лихарев – на Иртыш. При посредстве полученных таким образом сведений секретарь Сената Иван Кириллов составил географический атлас, представляющий собой ценный труд, над которым работал до 1734 года.

В 1720 году из хранилищ бесчисленных монастырей были истребованы грамоты, старинные рукописи и книги. Таким образом положено было начало архиву. Книги, захваченные в Митаве во время Северной войны и сложенные первоначально в с. – петербургском Летнем дворце, образовали основу библиотеки – непосредственный плод победы. Оставалось еще создать художественный музей. Поэтому в 1717 году Петр обратился к содействию флорентийских художников, между прочим к Боначчи, которому заказал две статуи, изображающие Адама и Еву. В 1713 году он сделал покупки в Риме. Его агент Кологривов сообщал: «На сих днях купил я статую мраморную Венуса, старинная, найдена с месяц... Не разнит ничем против Флоренской славной, но еще лучше тем, что сие целое, а Флоренская изломана во многих местах; у неизвестных людей попалась, и ради того заплатил 196 ефимков, а как купить бы инако, скульптор говорит, тысяч десять и больше стоит». Школа живописи и ваяния присоединяется к музею в Удивительном сочетании с оружейной канцелярией. Вход в музей был даровой. Напрасно возбуждая вопрос, часто поднимающийся в наше время, советники царя убеждали его установить небольшую плату за вход, употребив ее на обогащение коллекции, но Петр не разделял такого мнения: по его приказанию посетителям даром раздавались прохладительные питья! Обычай этот существовал вплоть до царствования Анны Иоанновны и составлял ежегодный расход в четыреста рублей. В садах, окружающих Летний дворец, шестьдесят скульптурных групп, украшающих фонтаны, знакомили петербургскую публику с баснями Эзопа, Текст басен был напечатан рядом. Статуи из позолоченного свинца не отличались красотой, но дидактическое намерение – превосходно.

Как средство умственной пропаганды, Петром не забыт был и театр. История театра до великого царствования мало известна. В некоторых монастырях Киева и Москвы, впоследствии в госпитале древней столицы происходили периодические представления, следуя примеру школ, учрежденных иезуитами. Сюжеты пьес были религиозные, актерами – семинаристы и студенты. Обстановка самая несложная, слог весьма грубый. Говорят, что в пьесе, изображавшей Благовещение, Богородица отвечала Ангелу: «Что же ты меня принимаешь за...?» В 1672 году, год рождения Петра, театр впервые был допущен при дворе. Придерживавшаяся заветов византийского аскетизма и наставлений «Домостроя», первая жена Алексея Михайловича, Милославская, враждебно относилась к театральным представлениям; вторая, характера веселого и более развитая, распахнула им ворота Кремля. Труппа была немецкая, но было условлено, что в обучение к ней поступят русские ученики из подьячих. Раньше всего была поставлена история Агасфера и Эсфири, в которой видели намеки на Алексея и Наталью. Смерть Алексея Михайловича и последующие смутные годы прекратили эти развлечения. Правда, говорят, Софья около 1680 года устроила театр даже в тереме, где давались пьесы в ее обработке, между прочим перевод «Лекаря поневоле» Мольера. Говорили, будто бы даже она сама выступала на сцене. Характер правительницы и

беспокойное время ее правления делают такое предположение маловероятным. Может быть, смешивали ее со старшей сестрой Петра, царевной Натальей, имевшей тогда от роду семнадцать лет и обнаружившей впоследствии дарования природной актрисы.

Во всяком случае, эти спектакли происходили в тесном кругу приближенных. Петр отбросил такое стеснение. Он перенес театр на Красную площадь, а зрителями созывал простонародье. Он захотел также иметь русскую труппу, которая исполняла бы русские пьесы, и добился этого. В 1714 году в обширном дворце в Петербурге, только что выстроенном и уже покинутом, царевна Наталья поместила русских актеров, игравших трагедии и комедии. Она сама занималась постановкой и машинами, рисовала декорации и писала пьесы, где преобладали политические намеки с нравоучительной тенденцией. Оркестр также состоял из русских музыкантов, хотя «батоги там часто заменяли дирижерскую палочку», по свидетельству Вебера. Петр был большим любителем музыки, в особенности духовной. У него был довольно хорошо подобранный хор церковных певчих, и он часто присоединял свой голос к их пению. Имелись у него также светские трубачи и игроки на польских волынках. С 1720 года он часто приказывал играть при дворе оркестру герцога Голштинского, впервые услаждавшему русский слух сонатами, соло, трио и концертами знаменитых в то время немецких композиторов, как Телеман, Кейзер, Хейнишен, Шульц, Фукс, или итальянских, как Корелли, Тартини и Порпора.

Наконец, значение и влияние периодической печати не ускользали от пытливого взора великого мужа. В 1702 году на барона Гюнесена была возложена обязанность, посредством денежных субсидий, поддерживать хорошие отношения между царем и общественным мнением. Барон переводил, печатал и распространял намерения государя, относившиеся к военной организации его империи, приглашал ученых всех стран посвящать свои произведения его величеству и даже писать сочинения, клонящиеся к его похвале. Он наводнял Голландию и Германию брошюрами, в которых задолго до Полтавы Карл XII был разбит и поставлен в безвыходное положение; он субсидировал в Лейпциге журнал «Europaeische Fama», добросовестно за то отплачивавший царю восхвалением и лестью. В 1703 году в Москве появилась первая русская газета. Это второе окно к просвещению и к Западу. До сих пор царь один, или почти один, знал, что творится в чужих краях. Выдержки из иностранных газет (*куранты*), составлявшиеся в приказе внешних сношений, предназначались только для государя и его приближенных. Новости внутренней жизни страны передавались исключительно из уст в уста, искаженные, сея заблуждения в наивных душах. Первый номер новой газеты содержал сообщение о качествах пушек, только что отлитых в Москве, и числе учеников, посещавших недавно основанные школы.

Современной русской периодической прессе еще далеко не удалось сравняться с европейской, и вообще, если для того, чтобы судить о деле Петра в этом отношении, придерживаться результатов видимых и непосредственных, то успех, им достигнутый, покажется незначительным. Несколько довольно слабых переводов, записки государственного секретаря Шафирова относительно причин, вооруживших царя против Швеции, составленные по-русски с французскими словами; историческая компиляция Петра Крекшина; другая – князя Хилкова, написанная тем же дурным языком, как труд Шафирова; еще одна, пожалуй, лучшая, – Василия Татищева, – вот и все из области литературы. Единственный хороший поэт того времени – Антиох Кантемир, сын молдавского господаря, дружба которого едва не оказалась роковой для Петра. Он оставил восемь сатир в силлабических стихах, изданных только после смерти великого царя. В

области науки – посредственный учебник арифметики и несколько географических карт. В области искусств – несколько статуй, вывезенных из Италии, и три художника, там проходивших свое обучение: Никитин, Меркульев и Матвеев. Портрет Петра кисти последнего нельзя назвать особенно удачным. Пространство, пройденное великим наставником и его народом по его стопам, не может быть оценено таким образом. Определить его можно только посредством явлений из области более сокровенной – общего движения умов, вызванного реформой, посредством изменения в мыслях и чувствах, явившегося ее последствием. И если нужны точные документы, то вот два, относящиеся к противоположным моментам царствования, подобно двум краеугольным камням: завещание Посошкова в начале царствования и завещание Татищева в конце его, обращенные не столько к прямым наследникам завещателей, сколько к их умственному потомству. Посошков – восторженный поклонник Преобразователя и его дела. Он его безусловный последователь во взглядах и принципах правительственного и административного характера, но в области религии и науки он остается замкнутым в монашеском миросозерцании XV века. Татищев является позднее, а заколдованный круг, по-видимому, пройден. Перед нами современный русский человек, чутко прислушивающийся к веянию, доносящемуся из далеких стран, не опасющийся течений открытого моря, скорее чересчур склонный ему отдаться, восприимчивый ко всякому прогрессу и готовый даже на все смелые шаги, напоминающий немного в этом отношении американца и эксцентричный. И это – дело рук Петра Великого.

Отвлечь умы от интересов религиозных, заинтересовав их вопросами мирскими, человеческими, было великим делом. И тут является обстоятельство странное, не находящее себе объяснения в положении вещей: сподвижником, оказавшим наиболее содействия Петру в этой эволюции, был монах Феофан Прокопович. Он говорил лишь с церковного амвона, писал только о вопросах богословия или духовной дисциплины, но ему случалось превращать свои проповеди в политические памфлеты и свои остроумные уставы в сатиры. Он обмирщил даже духовенство! Просто потому, что создавшееся вокруг движение, ища избранных, кому могло бы сообщиться, не находя пищи, передалось этому пастырю и вынесло его за пределы монастыря. Внезапный вихрь новых мыслей и чувствований, оторвав умы от их привычек, предрассудков, святынь, вековой праздности и бросив в воцарившуюся суету кипучей умственной и духовной жизни, создал современную Россию. Это также, и прежде всего, дело Петра Великого.

Родившийся в Киеве в 1681 году, Феофан Прокопович принадлежал по своему происхождению к сфере польских влияний, а по воспитанию – к католической церкви. Первоначальное образование он получил в униатской школе, затем побывал в Риме. Оттуда он вынес ненависть к католицизму, ум, доступный мыслям и идеям века, философии, науке, политике, до лютеранских тенденций включительно. Еще не зная Петра, простым профессором богословия, он уже оказывался проникнутым духом протеста, сторонником нововведений, смелого почину. Движение, поднятое Петром, проникшее уже, как мы видели, до глубины алтарей, захватило Прокоповича. Самый духовный облик этого пастыря является новостью для России. Он олицетворяет собой тип, доселе неведомый и теперь почти исчезнувший, западного прелата: разностороннее образование, вкусы литературные и художественные, честолюбие, склонность к интригам, дух скептицизма и задатки сибаритства – все налицо. Прокопович обладал библиотекой в 3000 томов и держал открытый дом. Он круглый год воздерживался от мясной пищи, но на стол у него ежегодно шло 1500 штук семги, 21 000 сигов, 11 пудов икры, 11 бочек всякой копченой рыбы и т. д. Он жил широко и так же широко творил милостыню. В 1721 году он учредил в одном из своих петербургских домов школу, лучшую из всех существовавших, написал для этого училища наказ, под которым обеими руками подписался бы всякий иезуит, и пригласил преподавателями иностранцев-лютеран. Он сочинял стихи и писал пьесы, которые разыгрывались учениками его школы. На смертном одре в 1736 году он восклицает: «О, голова, голова, ты упивалась знанием; куда придется приклонить тебя теперь?»

Захватившее его движение, как мы уже указывали, развилось главным образом в киевской польско-малороссийской среде, взрастившей целое поколение людей с умом светлым и просвещенным. Для умственной реформы, как для реформы духовенства, Петр в этой среде нашел главнейшие источники и своих главнейших сотрудников. До Прокоповича Дмитрий, тоже монах малороссийский, назначенный епископом ростовским, служил делу Преобразователя словом и пером. «Владыко святой, как ты велишь? Велят нам по указу бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить; лучше пусть нам отсекут головы, чем бороды обреют», – говорили ему. А он отвечал: «Что, отрастет голова ли отсеченная или борода обритая?» Еще более энергичный Феофан содействовал другой цели; Петр им пользовался как тараном, чтобы пробить брешь в старомосковской церкви.

Этот оплот великая реформа не могла оставить незатронутым. И помимо того, сам по себе, без постороннего вмешательства, он грозил падением. Священники и монахи, духовенство белое и черное составляли собой мир, многочисленный, влиятельный, этой среды, богатой и нравственно опустившейся. Богатства были громадные. Монастыри владели девятьюстами тысячами крепостных. Одной Троице-Сергиевской лавре принадлежало девяносто две тысячи душ и рыбные ловли, мельницы, луга, необозримые леса. Архимандриты, настоятели этих монастырей, носили на башмаках бриллиантовые пряжки. Жизнь была повсюду вольная, во многих местах соблазнительно роскошная. На духовенство был большой спрос. Отличительной чертой семейной жизни России тех времен

было уединение. Каждый держался особняком и, как имел собственный дом, желал иметь собственную церковь, собственного духовника. За неимением лучшего в общую церковь приносили свой образ и молились только перед ним. Не имея средств содержать священника круглый год, нанимали одного или нескольких для отдельных богослужений. На площадях всегда можно было найти свободных священников, ожидавших приглашения.

В государстве духовенство занимало исключительное место. С 1619 по 1633 год прадед Петра, патриарх Филарет, управлял страной от имени сына своего Михаила, первого из Романовых. Патриарх Никон не хотел уступать царю Алексею Михайловичу, и, чтобы сломить его упорство, государю пришлось прибегнуть к помощи патриархов-соперников, антиохийского и александрийского. Влияние католичества содействовало слабости гражданского правительства для придания духовному правительству сходства с папством. Но, как уже было сказано, ни доблести, ни духовные силы в этом сословии не соответствовали столь высокому материальному положению. Пользовавшиеся таким уважением священнослужители хорошо знали только обрядность, но совершенно отвыкли от управления душами. Они были слишком упитанны, а также слишком невежественны. Славяно-греко-латинская Академия в Москве насчитывала в 1700 году всего полтораста учеников, ничему не обучавшихся в заведении, которое само было чуть живо. Кроме того, обозначив независимость своей церкви окончательным разрывом уз, связывавших ее с константинопольским вселенским патриархом, Годунов оказал ей в 1599 году спорную услугу. Теперь эта церковь сделалась автокефалической, но, можно сказать, обезглавленной. Ее глава, патриарх московский, сохранил лишь власть административную. Собственно духовная власть от него ускользнула. Он не мог даже путем толкований затрагивать вопросов веры, догмата. Последние остаются достоянием Вселенского собора, созыв которого представлялся невероятным, чтобы не сказать – невозможным. И с лишением права касаться этой области отделившаяся церковь потеряла свою жизненную и двигательную силу. Она была осуждена на неподвижность. Когда она захотела выйти из такого состояния, то наткнулась на раскол. Желанием внести изменение только в ограниченной области наружных проявлений благочестия, в формулах молитв, Никон вызвал крик возмущения от одного края страны до другого. Даже как орган административный патриаршество представляло собой власть обесцененную, обессиленную.

И тут необходимость реформы была очевидна для Преобразователя. Конечно, он был очень доволен, что потребовалось его вмешательство. В новом государстве, к созданию которого он приступал, наследие Филарета и Никона представляло слишком много неудобств. Посещение юным государем Немецкой слободы, пребывание в Голландии и Англии подготовили плохую почву для восприятия мысли о разделе власти или даже схоластического принципа о двух светилах, озаряющих народы независимым блеском. Когда патриарх Адриан неодобрительно отнесся к договору, то получил резкое возражение: «Разве патриарх заведует моими таможенями?» Однако в данном случае Петр поступал с большой осторожностью. При своей склонности насиловать волю Петр как будто задумывался перед насилием совести. Он не затрагивал патриарха на его престоле, терпеливо переносил, что в его отсутствие, а иногда и в присутствии, этому духовному владыке в Москве как будто принадлежало главенство в делах гражданского управления. Но известие о его смерти в 1700 году царь принял как уведомление о победе.

Говорят, что, следуя советам Курбатова, Петр решил не назначать непосредственного заместителя усопшему. Не закралась ли уже с этих пор в его ум мысль об упразднении патриаршества? Нет, это маловероятно. Лишить освободившийся престол части присвоенных ему полномочий и возложить затем этот сан, обставленный уже меньшим почетом и властью, на избранника более покорного; воспользоваться в то же время отсутствием хозяина, чтобы вымести сор из дома и произвести неотложные поправки – вот в чем, по-видимому, заключался первоначальный план Преобразователя. Указом от 16 декабря 1700 года было образовано временное управление духовными делами в коллегиальной форме, с распределением различных категорий дел между известными отделами и предоставлением, в принципе, «наиболее важных на усмотрение временного блюстителя патриаршего престола».

И снова выбор государя пал на малоросса. Епископ рязанский и московский Стефан Яворский – также дитя Киева и воспитанник иностранных школ. С заранее обдуманной целью Петр отобрал у него заведование монастырями и вручил последнее приказу под председательством мирянина Мусина-Пушкина. Преобразователь решил направить в эту сторону первые взмахи метлы. Монастырь давал приют громадному бродячему населению мужчин и женщин, большая часть которого не приносила никаких обетов. Лжемонахи и лжемонахини, надевшие рясу благодаря случайностям жизни, полной приключений, иди желанию избежать тяжелых обязанностей, часто просто привлекаемые вечной праздностью, странствовали по монастырям, заходя по пути в города и селения и повсюду внося соблазн непристойным поведением. Немедленно были приняты две радикальные меры: общая проверка иноческого состава с подчинением позднейших поступлений и выходов контролю государя; косвенная конфискация доходов. Одежда впредь не должна была делать монаха, а доходы, сосредоточенные в приказе под заведованием Мусина-Пушкина, предполагалось распределять по монастырям согласно их нуждам, излишек же отдавать на содержание богаделен.

Реформа имела следствия, не предвиденные Петром. Предоставленное самому себе, духовенство приняло бы ее без всякого сопротивления. В области вопросов материальных неограниченная власть царя являлась законом для самой церкви. На отказ священнослужителей принять участие в расходах по войне с татарами Иван Васильевич приказал схватить двадцать человек духовных лиц и вывести на единоборство с таким же количеством медведей, устроив подобие цирка. Петр не намеревался заходить так далеко, но Прокопович – его передаточная инстанция – объявлял папистом всякого священника или монаха, который вздумал бы проявлять какие-либо стремления к самостоятельности против царя. Но призыв к сопротивлению доходил до монахов извне. Почти беспрекословно признанные ими притеснения подхватывались другими недовольными и переносились на почву чисто религиозную. Раскольники подняли знамя бунта. Петр был совершенно справедливо этим удивлен. До раскола ему не было никакого дела. Его еще не было на свете, когда в 1666 году возникло это брожение душ, вызванное мероприятиями Никона, и он относился совершенно безразлично к вопросам обрядности, составлявшим основу этого великого спора. Чувство презрения, смешанного с жалостью, проглядывает в его отзывах о несчастных сектантах, преследуемых правящей церковью. В окрестностях Олонца, на берегах Выга, близ недавно возникшего завода, поселилось довольно большое количество раскольников, и в 1700 году они уже здесь основались и соединились в религиозную общину. От царя в Выговскую общину пришел указ: «Ведомо его царскому величеству учинилось, что

живут для староверства разных городов люди в Выговской пустыни и службу свою к Богу отправляют по старопечатным книгам; а ныне его царскому величеству для войны шведской и для умножения ружья и всяких воинских материалов ставятся два завода; так чтоб они в работе к Повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение по возможности своей, и за то царское величество дал им свободу жить в той Выговской пустыни и по старопечатным книгам службы свои к Богу отправлять».

К сожалению, сами раскольники не проявляли такой терпимости. Друг Лефорта и Гордона, кальвиниста и католика, казался подозрительным их суровой вере. Очевидно, он соучастник, если не зачинщик, нечестивых новшеств, возмущавших совесть истинно верующих. Не антихрист ли он? Вообще защита религии обязательное связующее средство, и ее защитники – драгоценные союзники. Как все преследуемые, раскольники были людьми мужественными и постепенно сделались людьми выдающимися. Трудлюбивые, бережливые и трезвые, относительно образованные или, по крайней мере, научившиеся читать из любви к текстам – предметам ожесточенных споров, они быстро приобрели богатство, влияние, почет; они подкупали чиновников, заручились высоким покровительством, издевались над невежеством правительственного духовенства, превратились в силу. С ними заискивали, дорожили их поддержкой, и таким образом их сопротивление реформе обрядностей постепенно слилось и смешалось с общим сопротивлением, вызванным преобразованиями. В легенде, рисующей Петра незаконным сыном Никона, такое сочетание нашло себе яркое выражение, и Притеснение монахов явилось для них благодарной почвой.

Итак, Преобразователю приходилось начинать борьбу с раскольниками. Но как к этому приступить, соединившись с правящей церковью, преимущества которой, грозившие соперничеством его власти, он только что стремился уничтожить? Такой исход был неизбежен, хотя и очень нежелателен. Петр старался уклониться от этого, переместив вопрос. Как и с монахами, он надеялся сначала на их поддержку, и только в 1716 году, после переписи, преследовавшей цели фиска, их обложили двойной податью. Эти люди, имея состояние, отказывались исполнять общественные обязанности; их нельзя было сделать ни чиновниками, ни солдатами, за преимущество стоять особняком они должны были платить. Конечно, они отказались, и борьба началась. Петр сейчас же увлекся ей. В сентябре 1718 года Георгий Ржевский в сопровождении монаха Питирима, обращенного бывшего раскольника, отправился в Нижний Новгород – один из главных центров раскола – и работал там с кнутом в руке над восстановлением порядка; в это же время Стефан Яворский, следуя данному примеру, пользовался тем же оружием в борьбе с кальвинистской и лютеранской ересью. В 1717 году, замеченная в склонности к протестантизму, жена маленького чиновника областного приказа Наталья Зима получила 85 ударов кнутом в три приема и спасла свою жизнь, лишь отказавшись от своих заблуждений. Других, менее покорных, казнили. Петр собственноручно подписывал приговоры.

Это являлось отрицанием идей и принципов, которые предполагалось проводить Петру при помощи самого Яворского. Но «временный хранитель патриаршего престола» изменил свои взгляды, вступив в эту должность. Заботы о сохранении рождающейся популярности или сознание новой принятой на себя ответственности заставляли его с каждым годом обнаруживать все большие склонности превратиться не только в представителя древнего православия с его непримиримым и неуклонным фанатизмом, но всей старой Руси, с ее духом, восстававшим против всякого нововведения. В 1712 году он решился уже обрушиться

на новый режим вплоть до области его реформ административных, грома с высоты кафедры непопулярное учреждение фискалов!

Положительно Петр сделал неудачный выбор сотрудника. Признание им своей ошибки, перед которым он по обыкновению не остановился, послужило началом новой судьбы для правящей церкви и ее главы.

И сначала, даже до последнего испытания общей борьбы против раскола и неприятностей, из того для него возникнувших, Преобразователь стремился оградить себя и свое дело от этого враждебного владыки, постепенно убавляя уделенные ему полномочия и власть, и без того уже сокращенные. Даже в делах, оставленных под его ведением, Яворский был ограничен прежде всего совещанием епископов, периодически собиравшихся в Москве, затем все возрастающим вмешательством Мусина-Пушкина. С созданием Сената в 1711 году блюститель патриаршего престола потерял последнюю тень независимости. Дела церкви, подобно другим, были отныне подчинены высшему руководству нового собрания. Заместитель патриарха не мог более назначить архиерея в епархию без согласия сенаторов. Если он пытался вмешиваться в споры, где так произвольно распоряжались вверенными ему интересами, и предъявлял на то свои права, его резко обрывали, и он в слезах удалялся из заседания. В 1718 году, заподозрив своего бывшего сотрудника в сочувствии Алексею, Петр удалил его из Москвы, поселил в Петербурге, чтобы иметь, всегда на глазах, и создал ему соперника в лице Прокоповича, назначенного епископом псковским и облеченного все возрастающим доверием.

В 1720 году от прежней власти и прежнего почета патриаршества не осталось почти никакого следа. Яворский не сохранил ничего. Но Преобразователь сознавал, что такое положение вещей: подчинение духовной власти даже не государю (византийская традиция с тем примирялась), но простому органу его управления – было неестественным. Бесспорно, духовенство проявило покорность; но можно ли было его назвать духовенством? Скорее полком, подчиненным военной дисциплине, только без чести знамени. Игумен сек монахов, архиерей сек своих игумнов, правительство лишало сана и ссылало архиерея, наказав его плетью. Покоряясь такому порядку, все, от мала до велика, на всех низших и высших ступенях разделявшей их лестницы – все одинаково опустились, предавались праздности, пьянству, невежеству, худшим порокам. Так не могло продолжаться. Следовало найти выход. Под давлением столь неотложной необходимости, под влиянием друзей Прокоповича, почерпнувшего большую часть своей премудрости у протестантских богословов, Квенштедта и Герхарда, возникло пресвитерианское учреждение духовной коллегии, или Святейшего Синода, призванного с 1721 года извлечь Россию из бездны, грозившей поглотить ее религиозное и духовное будущее.

III

Мысль о нем занимала Петра уже с 1718 года, и можно предположить, что соучастие духовенства в возмущении царевича не было чуждым такому решению. Но нам кажется, что царь смотрел на вещи с более высокой точки зрения. В следующем году он при сотрудничестве Прокоповича работал над редакцией «Регламента», предназначенного оправдать новую реформу и определить ее основы. «Регламент» – это любопытное произведение с интересным изображением нравов духовенства того времени, где проявился

сатирический дар псковского епископа, обнаруживает в то же время причудливое смешение идей и догматов, почерпнутых со всех четырех сторон религиозного, философского и политического мира Западной Европы. Преимущества коллективной власти выставлены с большой силой и странной бессознательностью аргументов, какие можно бы почерпнуть оттуда против личной и индивидуальной власти самого государя. Неспособность Петра к восприятию отвлеченных понятий не нуждается в лучшем доказательстве.

Прочитанный в собрании Сената в присутствии созванных епископов, разосланный по всем епархиям для отобрания подписей епископа и главнейших архимандритов, «Регламент» поднял бурю негодования. Его приняли за то, что он есть, то есть за памфлет. Авторы в нем выступают врачевателями души и, прежде чем указать избранное ими лекарство, с ужасной настойчивостью описывают болезнь. Они намереваются удалить из среды духовенства множество лиц, поступающих туда не по призванию, а по расчету. Этого предполагалось достигнуть посредством епископских школ, через которые впредь предстояло проходить кандидатам, а до учреждения таких школ посредством строгих экзаменов перед компетентными властями. Эти экзамены должны были касаться не только знаний, но и духовных качеств будущих пастырей. Священник, по мнению Петра и Прокоповича, не должен быть ни мистиком, ни фанатиком. Следует удостовериться, не имеет ли он «видений» или «смущающих снов». Будут опрашиваться и допытываться с особой строгостью домашние духовники, «обычные орудия, – говорит „Регламент“, – темных интриг, создатели незаконных браков». Что касается священнослужителей церквей, «содержимых вдовами», то они попросту уничтожались. Такое же упразднение ожидало места чудесных явлений, не признанных таковыми святейшим Синодом. Сокращались посторонние доходы, которые должны были ограничиваться добротным приношением и осуждением «налога на смерть», так «Регламент» называет взимавшееся священниками вознаграждение за поминовение усопших в течение сорока дней. Налог, взимаемый с прихожан, должен был один идти на удовлетворение духовенства.

Но сильнее всего обрушивается «Регламент» на черное духовенство: мужчинам запрещается поступать в монастырь до тридцатилетнего возраста; монахам вменяется в обязанность исповедоваться и причащаться, по крайней мере, четыре раза в год; во всех монастырях вводится обязательный труд; монахам запрещается посещать женские монастыри и даже частные дома; монахиням, с другой стороны, запрещается давать окончательные обеты до пятидесятилетнего возраста, и послушничество, продолжавшееся до тех пор, не может служить препятствием для вступления в брак.

На этот раз неудовольствие было всеобщим, но оно не остановило Преобразователя. Обнародование «Регламента» произошло 25 января 1721 года, а 11 февраля последовало открытие Духовной коллегии, названной затем Святейшим Синодом, из-за запоздалого возврата к византийским традициям. Патриаршество было упразднено. На постоянное собрание, где простые священники заседали наравне с епископами, возложено было охранение гражданских и религиозных церковных интересов, а также вся власть – законодательная, судебная, административная, необходимая для их соблюдения под высоким надзором представителя от правительства. Синод был поставлен на равных правах с Сенатом, выше всех остальных коллегий и административных органов.

Не следует забывать, что замена административными коллегиями отдельных представителей администрации составляла в то время часть системы, весьма распространенной в западных странах. Во Франции министры Людовика XIV уступили

место советам регентства, а Петр только что вернулся из Парижа. С другой стороны, переворот, им произведенный, может быть рассматриваем как последствие постепенной эволюции, насчитывающей за собой уже два столетия, изменившей внутреннее устройство восточных церквей. Святейший Синод должен до известной степени заменять и упраздненное патриаршество, и отсутствующий Собор. Это настолько верно, что все шесть церквей Востока постепенно принимают за образец своего переустройства один и тот же пример. Наконец, противодействие характеру папства, принятое патриаршеством, проявилось в духе демократическом, явно пресвитерианском, преобладающем в основе учреждения, призванного его заместить.

Наиболее оспариваемая, пожалуй, из реформ великого царствования получила с тех пор двойное освящение прочности внутренней и распространения внешнего. Мы не беремся здесь судить о достоинствах реформы. Учреждение привилось. Святейший Синод и поныне существует в Петербурге. Оправдало ли оно ожидания его создателя? Вернуло ли оно с достоинством, независимостью, властью или сообщило ли русской церкви умение управлять душами и нужные для того свойства? На эти вопросы трудно дать ответ, не переходя на жгучую почву современного положения вещей, от чего мы заранее обещали воздержаться. Кроме того, Преобразователь более всего был озабочен мыслью сделать все необходимое, чтобы помешать церкви быть или сделаться помехой в новом, созданном им государстве, и в этом отношении, надо сознаться, он вполне достиг своей цели.

Глава 4

Реформа. Табель о рангах

I

Был ли Петр преобразователем общественным? За ним отрицали такой титул. Утверждали, что важные изменения, происшедшие в течение его царствования в строении различных общественных классов, были лишь косвенными последствиями, вполне непредвиденными, иногда вовсе нежелательными его законодательной деятельности. Подобный аргумент нас не касается. И нам уже приходилось замечать, что большинство реформ Петра носило отпечаток некоторой случайности.

Петр ничего не изменил в строении общественных подразделений, так же как в их правах и взаимных обязанностях; он просто переименовал распределение должностей и привилегий. Но он также если не ввел, то выдвинул вперед в этом переустройстве энергичным и положительным образом принцип великого значения, политического и общественного. Но не будем спорить о названиях, а перейдем к фактам.

Опускаясь в глубь веков до татарского нашествия, мы видим на почве Древней Руси следы трех сословий, смутно соответствующих общественным подразделениям времен Каролингов и Меровингов на Западе. Вверху *мужи*, или знать, имеют некоторое сходство с *gachimbourgs*, или *bonshommes*, той эпохи, они напоминают смешанный, неопределенный характер галло-франкской аристократии; ниже – *люди*, образующие здесь, как там *homines*, – плотную группу, заключающую всех свободных людей страны. На последней ступени стоит население рабское. Такое сходство находит себе достаточное объяснение в норманнском происхождении Русского государства. Монгольское иго изгладило почти совершенно такой

строй под однообразным уровнем общего рабства. Только во второй половине XV столетия медленно всплывают из этих замерзших глубин начатки органической жизни. Преследуя с жестокой энергией дело объединения страны, Иван III образовал вокруг себя новую группу: класс людей служащих, *служилых*, являющихся в то же время единственными земельными собственниками. Действительно, государь раздавал им земли в наследственное или пожизненное владение взамен обязательства служить ему во время мира и во время войны. Таким образом, в военном, экономическом и административном отношениях эта группа играла в государстве важную роль: она сражалась на поле брани, она помогала государю управлять страной, и ею поглощалась сполна, или почти сполна, вся общественная сущность. Но до воцарения Петра ей не удавалось сплотиться в правильно организованное сословие. Это не было ни сословие, ни аристократия. Петр первый придал ей такой характер, пожаловав ей родовое имя, заимствованное из польской терминологии: *шляхетство*, или дворянство. До тех пор эта группа сохраняла отпечаток какой-то неопределенности, неясности, вид зачаточности, не вполне изглаженный даже новым переименованием.

Преобразование военной и гражданской службы, предпринятое Петром, прежде всего затронуло положение этих *служилых людей*, или *дворян*. Военная служба в областных ополчениях, собиравшихся на время войны, была заменена постоянной службой в полках. Таким образом, вновь возникшая аристократия отделена была от своей природной среды. Сословный дух, начавший развиваться в провинциальных центрах, был перемещен, перенесен в ряды полков и армии, где получил специальный отпечаток. В то же время гражданская служба отделилась от службы военной. *Дворяне* прежде исполняли двоякую обязанность, были одновременно солдатами и должностными лицами; опоясанные мечом, они несли службу чиновников. Теперь на каждого возлагался отдельный труд. Но самый труд становился тяжелее. Военная или гражданская службы похищала служащего с пятнадцати лет и не выпускала до самой смерти. И это еще не все. До пятнадцатилетнего возраста дворянин должен был подготавливаться, чтобы с достоинством занять свое место. Он обязан был учиться, и у него спрашивали строго отчета в его учении. Петр желал иметь в своем дворянстве рассадник офицеров и гражданских чиновников. Он надеялся образовать из них кадры своей армии и администрации. Для пополнения кадров он брал людей низшего сословия, относительно которых дворяне сохраняли свои преимущества. Но от этой уступки, сделанной сохраненному принципу и иерархической группировке общественных классов. Преобразователь сейчас же удался. Верный стремлению, уже проявившемуся в попытках реформ, предшествовавших его воцарению, он желал, чтобы в распределении чинов аристократический коэффициент происхождения был бы уравновешен демократическим коэффициентом выслуги. Крестьянин мог получить чин офицера и, сделавшись офицером, становился дворянином. Это прекрасно, но это несомненный конец всякого *автономного* распределения общественных слоев. Остается лишь всеобщее зачисление всех имеющих в распоряжении единиц в ряды «правительственной» иерархии. Знаменитая *табель о рангах*, изданная в 1721 году, служила только официальным выражением и подтверждением таким образом установившегося порядка. Служба государю являлась теперь разделенной на три отдела: армия, государство и двор; но состав служащих был один. Он основывался на одинаковом чиновничестве, при помощи четырнадцати классов, или чинов, соотносящихся между собой в каждом отделе, как ступени тройной лестницы. Фельдмаршал в мире военном, канцлер в мире гражданском стоят рядом на вершине ее. Непосредственно ниже –

генерал соответствует тайному советнику и так далее, вплоть до прапорщика и коллежского регистратора, одинаково поставленных на нижней ступени сооружения. Иерархическая градация распространяется и на семью: жена носит чин мужа; дочь сановника первого класса, пока не вышла замуж, стоит в уровень с женой чиновника четвертого класса.

Такая искусственная классификация, очевидно, не имеет ничего общего с естественно развивавшимися среди остальных европейских обществ. Но, может быть, это единственный строй, соответствовавший стране, где был применен? Действительные статские советники и коллежские регистраторы, изобретенные Петром, в сущности, под своими немецкими или французскими названиями, лишь воспроизведение «служилых людей» Ивана III в первый период их существования. Такая специальная группировка принадлежит истории, преданию, может быть, также она вылилась из духа и плоти народа, который искони проявлял одинаково мало склонности к образованию свободной демократии или сильной аристократии. Вместо того чтобы предоставить дело беспорядочному течению, Петр ввел его в определенные рамки, назначил каждому его место и занятие и при этом, как главный принцип, подчинил идею права или интереса отдельных личностей, то есть *корпоративную* идею права или интереса *коллективного*, закону государственному. Один писатель по этому поводу ставил Петру в заслугу, что он опередил на целый век свое время. Мы склонны срок этот увеличить вдвое. Не является ли формула Петра почти точным выражением современного коллективизма? Остается убедиться, составлял ли принцип, утвердившийся уже в законодательстве Ивана III, *прогресс*.

Распределив таким образом и расчленив своих дворян, Петр все-таки не считал себя удовлетворенным, в смысле того, что они могли ему дать в качестве земельных собственников. Он изобрел для них странную роль сельских управителей на пользу государства. Таков смысл указа от 23 марта 1714 года о наследии единоличном – *единонаследии*, – который ошибочно был истолкован в виде закона, устанавливающего *майорат*. Прежде чем приступить к этой реформе, Петр, правда, изучал образцы, какие могли ему представить для ее осуществления иностранные законодательства. Но, поручив Брюсу составить целую библиотеку сочинений, касающихся порядка наследования, принятого в Англии, Франции и Венеции, Петр, в конце концов, вернулся к основам, более близким к нраву и обычаям местным. Он просто слил в своем указе два вида собственности, существовавшие в стране, – *вотчину* и *поместье*, а также принципы, применявшиеся при передаче того и другого. Таким образом придумал он право наследия единоличного, соединенного со свободой завещания. Дворянин мог оставить свою землю только одному из детей, но волен выбирать, которому. Это не в духе майората; это дух самодержавия, перенесенного в круг домашнего очага. Во всяком случае, это не майорат. Петра, без сомнения, озабочивало обеднение дворянства, и он надеялся этому помочь, прекратив раздробление имущества. Конечно, он заботился о том с точки зрения личного интереса, то есть интереса государства. Чтобы нести службу, какой он требует, проводить свою жизнь в армии или в канцеляриях без всякого вознаграждения и, кроме того, строить дворцы в Петербурге, дворяне должны были обладать большими средствами. А они, в общем, были разорены. Рюриковичи принуждены были зарабатывать себе пропитание у незнатных лиц: князь Белосельский служил дворецким в доме купца; князь Вяземский управлял имением темных выскочек.

Законодатель имел также в виду образование группы младших членов семейства, кадетов, в которой видел прекрасный рассадник для пополнения рядов купцов и

промышленников. Сыновья дворян, лишённые наследства, не теряли дворянства, взявшись за ремесло; и после семилетней службы в войсках, десятилетней гражданской и пятнадцатилетней по торговой или промышленной части – все-таки службы! – они могли приобретать земельную собственность и таким образом возвращаться в число «высшего дворянства», откуда их удалило неполучение наследства. Кто желал ничего не делать, не имел права ничем владеть, а тот, кто не хотел ничему учиться, не смел даже жениться!

Наконец, Петр надеялся улучшить положение крепостных. Он полагал, что, становясь богатыми, собственники сделаются более доступными жалости. Все упоминается в его указе, и есть даже фраза о «славе знатных фамилий», которую законодатель стремился оградить. Но, в сущности, забота его заключалась совершенно не в том. Закон общий, единоличное наследие распространялось на все виды недвижимой собственности, от имения земледельца до лавки суконщика, и Петр прежде всего заботился о создании как в деревне, так и в городе поручителей за правильное поступление податей и исполнение обязанностей, требуемых государством от всех своих подданных. Единственные наследники должны быть «главными приказчиками» царя, и закон его по преимуществу был фискальный.

Успеха Петр не достиг. Семнадцать лет спустя, отменяя закон, императрица Анна объясняла свое решение тем, что его положения не привели к желанным последствиям: большинству земельных собственников удавалось при помощи различных обходов уклоняться от исполнения воли законодателя. Таким образом были созданы только два состояния: князей Шереметевых и князей Кантемиров. Даже настоящие майораты английского типа не привились в России. В настоящее время их насчитывается не больше сорока во всей обширной империи.

II

При воцарении Петра сельское население состояло, кроме земельных собственников, из двух главных разрядов крестьян, положение которых представляло, с точки зрения политической, юридической и экономической, глубокое различие, из крестьян и холопов. Класс свободных людей, обрабатывавших землю и не принадлежавших к этим разрядам, начинал исчезать. У крестьян было двое хозяев: государство и их собственники. Они уплачивали оброк и отбывали барщину и той и другой стороне, были закрепощены навеки и могли быть продаваемы вместе или отдельно от земли, ими возделываемой. Холопы (по крайней мере кабальные, другой категории холопов полных, то есть крестьян, поработанных окончательно, почти не существовало в это время) ничем не были обязаны государству и были связаны с собственниками земли, ими обрабатываемой, узами личными – кабалой, простиравшейся на их личности и прекращавшейся со смертью владельца. Их никоим образом нельзя было передавать. Относительно части населения политика Петра была двояка: прямо она клонилась к улучшению положения этого класса целым рядом распоряжений, составленных в духе либеральном и гуманном: указы, разрешающие продажу крепостных лишь в случаях крайней необходимости и при этом вменяющие в обязательное условие передачу целых семейств; специальные комиссары для расследования злоупотреблений и т. д. Косвенное действие его законодательства было совсем иное; оно неизменно клонилось к смешению обеих категорий крестьян, затягивая все туже вокруг их

шей путы рабства. С политической точки зрения, слияние совершилось в 1705 году указом, распространявшим на холопов обязательство воинской повинности. С юридической и экономической точки зрения общая народная перепись 1717 года и ряд указов, изданных в 1719 и 1720 годах, относительно составления листов переписи, закончили работу уравнивания. Поземельный налог в то время заменила подушная подать, и для государя было необходимо найти как можно больше платежных голов, или *душ*. Как этого достигнуть? Земельные собственники, призванные играть роль представителей фиска, ответственных сборщиков нового налога, могли отвечать только за *души*, им принадлежащие, находившиеся в полном их распоряжении. Конечно, они старались уменьшить их количество на переписных листах. Государство, напротив, стремилось заполнить эти листы. Таким образом, возгорелась война, из которой государство вышло победителем, только приняв на себя соучастие во всеобщем и полном закрепощении всего земледельческого населения. Всякий крестьянин, вошедший в перепись, стал считаться крепостным своего поручителя, иначе отказывавшегося за него поручиться, и постепенно такая участь ждала всех крестьян.

Это дело рук Петра. Оно было завершено сначала рядом других указов, стремившихся прекратить переселение крестьян, убежавших от новых тягот своего положения, искавших толпами убежища за пределами русской границы, селившихся в смежных польских областях. Эти указы были запорами, положенными на темницу общего порабощения. Затем наступил черед создания новой категории рабов. Не хватало рабочих рук, чтобы пустить в ход заводы, устроенные Преобразователем. Откуда их взять? Единственные работники, имевшиеся в стране, были рабы. Свободной работы не существовало. Отлично! У заводов будут свои рабы, как у земли имеются свои. Промышленники получили право путем покупок приобретать нужную им рабочую силу.

Петра нельзя назвать государем негуманным. Учреждение в 1701 году шестидесяти богаделен, основанных в Москве при церквях, служит тому красноречивым доказательством. Но олицетворяемые им требования государства – закон суровый, даже жестокий. За все величие и славу, какие они сулят России, он требует тяжелого выкупа. И до 1861 года русский крестьянин выносит его главным образом на своих плечах.

III

Впрочем, если верить защитникам Петра, то, выбросив из программы реформ, завещанной ему предшественниками, освобождение крестьян, он не имел в виду сузить ее. Он только подчинил разрешение этой задачи предварительному завершению другого дела: эмансипации городского населения. Город, возрожденный из нищеты и упадка, должен был бы освободить деревню. Но нигде, ни в каких документах, ни в письмах великого мужа не сквозит подобной мысли. Он, бесспорно, употреблял много усилий, чтобы создать горожан в возникающих городах своей империи и сделать их достойными своего естественного призвания. Самоуправление по английскому образцу, французский цех и сословие присяжных, немецкие гильдии – все было им испробовано, сразу и, по обыкновению, вперемешку. Успех не соответствовал его ожиданиям. В истории прогрессивного развития торговых и промышленных центров современной России его царствование, без сомнения, составляет эпоху, но в достигнутых результатах попытка организации торгового и промышленного класса ни при чем. Города развивались вследствие успехов политических и

побед экономических, приобретения гаваней и появления новых путей сообщения, давших торговле и промышленности страны новый толчок. В прибалтийских провинциях Петр застал уже вполне сформировавшееся местное городское сословие. В других местах он даром потратил свои труды, стремясь его создать из ничего. Русский народ нам не кажется настолько невосприимчивым к корпоративному духу, как утверждали. Могут быть различные виды корпораций, и артель, народное демократическое товарищество, столь распространенное в России, в сущности, такая же корпорация, более свободная, следовательно, более соответствующая основному принципу сотоварищества, испорченному в корпорациях Запада деспотическим духом Рима. Нам кажется, и пример Петра подтверждает такое мнение, что невозможно создать общественные силы путем законов и регламентов. Петр без всякой пользы издавал их большое количество. И, по своему обыкновению, обнаруживал при том большую непоследовательность. Составив в 1699 году обширный план городского самоуправления общественного характера, он закончил в 1724 году созданием заурядного городского положения бюрократического типа. Также не позаботился он проверить, не окажутся ли чужеземные формы, навязанные сразу торговой и промышленной жизни, одеянием, для нее не подходящим. Он не заметил того, что это одеяние изнашивается на плечах европейских соседей, приготовлявшихся его сбросить, и одевал своих подданных в старые лохмотья. Также изъявляя намерение поощрять развитие торговли и промышленности, он не отказался от фискальной политики своих предшественников, видевших в городском населении главным образом платежную, оброчную силу. Он только еще усилил такой порядок несоразмерной эксплуатацией. Наконец, установив, как указано выше, что его дворяне не теряли дворянства, отдаваясь занятиям горожан, он в то же время признал переход кого-либо из членов этого высшего сословия в мещане уголовным преступлением, бесчестием, и трудно разделить восхищение, вызванное этой мыслью у Вольтера.

Петр был бессознательным общественным преобразователем. Это его лучшее оправдание. В городе, как и в деревне, великий муж, страдавший близорукостью, коснулся лишь мимоходом и не обращая на то особого внимания, великих задач, разумение которых в этой сфере потребовало бы от него иного ознакомления при другом поле зрения, или ощупью набрел на некоторые из них.

Однако, с известной стороны, все так же бессознательно и косвенно, он совершил в этой самой сфере дело чрезвычайной важности. Он ввел, или, вернее, заставил войти, в общественную организацию новый элемент – ассимиляцию, который можно считать переходом к более гармоническому состоянию всех частей целого. Церковь до него жила независимо от общества. Со своими правами и привилегиями, соревновавшимся с государством и равными ему, со своими неисчислимыми богатствами, управляющимися вне всякого правительственного надзора, с собственными преданными слугами, с собственным судом, отнюдь не ограничивавшимся духовными делами, – она составляла особое государство. Петр, как нам уже известно, все это изменил. В его царствование белое и черное духовенство стало в определенные рамки. Если он не сделал из них граждан, то, во всяком случае, превратил их в подданных. То было начало.

Глава 5

Экономическая деятельность

При воцарении Петра русской промышленности, собственно говоря, не существовало, и в России был только один крупный негодьянт: царь. Во времена дуумвирата Петра и Ивана крупное вознаграждение было обещано капитану французского корабля за ввоз в страну белой бумаги, вина и еще некоторых других товаров, которые трудно было получить иным способом. Тогда же первый русский экономист Посошков написал книгу – свое «Завещание», где провозглашал презрение к богатству. Двадцать лет спустя тот же автор написал уже на белой бумаге, *изготовленной в России*. «Рассуждение о бедности и богатстве», где пытается придумать средства увеличить богатство государства и частных лиц и, раньше Смита и Тюрго, выясняет выгоду работы сдельной перед работой поденной. Петр совершил свое дело.

Дело это весьма значительное. По напряженности усилий, разнообразию и изобретательности примененных средств, логическому сцеплению руководящих нитей, несмотря на некоторую непоследовательность, оно заслуживает почетного места в истории гениального работника. Увеличить благосостояние частных лиц, усиливая в то же время доходы государства, создать одновременно новые источники обложения и новые источники производства, заменить привозные товары произведениями отечественной промышленности; возбудить деятельность народа и его дух предприимчивости; принудить праздный люд, монахов, монахинь, нищих занять место в рядах трудящегося населения; устранить равнодушие и даже враждебность администрации к силам производительным, внести изменение в неудовлетворительное правосудие, устранить недостаточное развитие кредита, отсутствие общественной безопасности, создать третье сословие, ввести, наконец, Россию в современное экономическое движение – всего этого Петр желал и всего добивался.

Успех его предприятия был отчасти испорчен досадным совпадением и коренной ошибкой. Совпадением была война с ее последствиями и неизбежными требованиями. Она превратила Петра, убежденного противника монополии, в создателя новых монополий, разрушавшего одной рукой то, что творила другая. Ошибкой была его уверенность в возможности создать жизнь торговую и промышленную, снабдить это создание органами, соответствующими его нуждам, придать ему плоть и кровь, затем управлять его движениями, поворачивать его направо и налево, как создаваемыми и командуемыми полками, путем указов и под угрозой палки. Компании торговые и промышленные явились в 1699 году первой попыткой такого рода. Голландцы вначале этого испугались, но, в конце концов, стали смеяться.

Война требовала денег; содержание постоянных войск дало на Западе толчок духу меркантилизма, и вот Петр является рьяным подражателем Кольбера. Правда, национальные заветы тоже были на стороне Кольбера. Уже при Алексее Михайловиче, а может быть, и раньше, право ввоза оплачивалось на русской таможне венгерскими червонцами или голландскими талерами. Петр сохранил, усилив ее, эту систему, удержавшуюся до наших дней. Он воспретил вывоз драгоценных металлов, не обращая внимания на предостережения Бодэна и Чайльда об опасности такого приема. Никогда не читавший Клока, Шредера или Декера, Петр зашел дальше их, запрещая своим подданным принимать отечественную монету в уплату за свои товары. По Марпергеру, около 1723 года Россия зарабатывала несколько бочек золота ежегодно разменом с границей. Петр верил и в благодетельность

протекционизма. Повелитель страны, до наших дней оставшейся почти исключительно, в смысле внешней торговли, производительницей сырых продуктов, запретил вывоз некоторых из этих продуктов, например, льна, и настолько ограничил право вывоза остальных, что оно являлось почти запрещением. В ожидании возможности одеть всю армию в сукно местного производства он сам не признавал иного для своего платья и сделал его обязательным для ливрей. Когда француз, по имени Маморон, основал в Москве фабрику чулок, москвичам было запрещено покупать их в ином месте. Промышленники, находившиеся под покровительством царя, колебались употреблять на шляпы выработанный ими войлок: появился указ, придавший им храбрость: им разрешалось продавать свой товар, только выпустив на рынок известное количество головных уборов своего производства.

Такая настойчивость убеждений, такое обилие мер поощрительных и принудительных, поддержки нравственной и денежной, постепенно делали свое дело. Возникали заводы, некоторые субсидируемые, другие эксплуатируемые непосредственно государем, остальные, наконец, существовавшие собственными средствами. Императрица содержала фабрику тюля и фабрику крахмала в Екатерингофе. Петр, ограничивший сначала свою деятельность производством предметов, относящихся к мореплаванию: парусного полотна, селитры, серы, кожи, оружия, постепенно и отчасти помимо воли тоже расширил ее сферу. Мы видим его фабрикантом коломянки в Петербурге, бумаги – в Дудергофе, сукна – почти повсеместно.

К несчастью, все эти учреждения далеко не процветали. Напрасно государь продавал коломянку с убытком, отдавая по пяти копеек за аршин материи, обходившуюся ему в пятнадцать. Но он, по обыкновению, продолжал упорствовать, даже расширял дело, стремясь ввести в своем государстве производство предметов роскоши. Россия вырабатывала ковры и гобелены, не имея еще бумагопрядильной фабрики! И, как всегда, царь не ограничивался побуждением, он разил с плеча. В 1718 году указом было предписано употреблять сало вместо дегтя при обработке юфти. Давался срок два года «для обучения сему, после чего, если кто будет делать юфти по-прежнему, тот будет сослан в каторгу и лишен всего имения».

Но, разбрасываясь таким образом во все стороны, Петр наконец наткнулся на почву благодарную, непосредственно производительную, неисчерпаемо богатую, и сейчас же его стремительность, горячность, созидательное увлечение начали творить чудеса. Он занялся рудниками. Уже при Алексее Михайловиче голландец и датчанин добывали руду и в окрестностях Москвы построили заводы и отливали пушки. При вмешательстве Петра дело приняло грандиозные размеры. Надо сказать, что война в этом случае вдохновляла, руководила и побуждала творца. Повелев указом с 1697 года устройство железоделательных заводов в Верхотурье и Тобольске, царь имел в виду исключительно военные цели: ему нужны были пушки и ружья; но раз принявшись, он шел все дальше и дальше, и современное широкое развитие горной промышленности России обязано своим возникновением ему.

Государь начал с добывания и обработки железной руды; позднее его охватила лихорадка золота, как того следовало ожидать. Он увлекался еще больше, собирал все указания, исследовал все пути. Правда, многочисленные организованные им экспедиции: Бековича-Черкасского в Персию в 1717 году, Лихарева в Сибирь в 1719 году – остались без результатов. До 1720 года открыты были единственные серебряные рудники. Но попутно была найдена медь, опять железо и в 1722 году каменный уголь. Тридцать шесть литейных заводов было устроено в Казанской губернии и тридцать девять – в Московской.

Частная инициатива – за исключением единичного случая Демидова – долго

бездействовала. Указ, изданный в 1719 году, дает в этом отношении характерные указания: он объявляет свободным и общедоступным изыскание и добывание всевозможных металлов на всех без различия землях. Собственники рудоносных земель имеют лишь право первенства. Тем хуже для них, если они замедлили им воспользоваться. «Если они не могут или не захотят того, то право на построение заводов предоставляется другим, с уплатою землевладельцу 32-й доли прибыли, дабы Божье благословение под землей втуне не оставалось». Кто утаит руду или будет мешать ее добыванию, тот подвергается телесному наказанию и смертной казни. В 1723 году законодатель сделал, еще шаг: он намеревался окончательно прекратить систему коронной промышленной монополии. К уставу, выработанному мануфактур-коллегией, он присоединил манифест, приглашавший частных лиц заменить государство в эксплуатации учреждений всякого рода, им созданных, предлагая выгодные условия. И столь разносторонние настойчивые усилия не остались бесплодными; созидательное движение жизни разрасталось, расширялось, и отечественная промышленность сделалась действительностью.

II

История торговли при Петре почти целиком история отечественной торговли. При восшествии на престол Петр имел сильное желание отказаться от царских прав, превращавших его в самого крупного и даже единственного крупного купца государства. Но ему пришлось покориться закону войны: он остался купцом, чтобы зарабатывать деньги, ничего не делая наполовину, он увеличил количество своих дел, монополизировав более чем прежде, поглотив окончательно, всецело весь рынок, внутренний и внешний. Создавая новые отрасли торговли, он лишь увеличивал список монополий. Оптовый покупатель, мелочной торговец, он торговал в Москве даже венгерским вином! Одно время, поглощенный заботами управления и разочарованный неопределенностью доходов, извлекаемых из торговых предприятий, он решил сдавать последние на откуп. Меншиков взял архангельскую рыбную ловлю, ворвань и тюленьи кожи. Потом надежда на близкий мир уменьшила финансовые затруднения государя, и он вернулся к своим природным, либеральным стремлениям. В 1717 году торговля хлебом была объявлена свободной, а в 1719 году были уничтожены все монополии. В то же время торговая коллегия, существовавшая с 1715 года, стала проявлять плодотворную деятельность, занимаясь между прочим коммерческим образованием торгового класса, посылая десятками за границу, в Голландию и в Италию, молодых людей, избранных среди сыновей крупных московских купцов, число которых быстро увеличивалось. Дипломатия государя работала, в свою очередь, над расширением международных сношений. Война ранее привела в этом отношении к досадным компромиссам, например, к продаже в 1713 году городу Любеку чрезвычайных прав и привилегий за тридцать с чем-то тысяч талеров и к подобным же условиям с Данцигом и Гамбургом. С 1717 года Петр решительно стремился покончить с этими заблуждениями и в переговорах, начатых в это время с Францией, уже не затрагивал подобного вопроса, так же, как в инструкциях, данных консульствам, учрежденным одновременно в Тулоне, Лиссабоне и Лондоне.

Иногда Петр поддавался еще искушению управлять довольно произвольно судьбами этих нарождавшихся сношений. Доказательством тому служит история С.-Петербургского

порта, так же как форменные сражения великого мужа с иностранными и русскими купцами, упорно предпочитавшими Архангельский порт. Когда царь истощил средства миролюбивого убеждения, когда он увидел, что ни создание обширного Гостиного двора, ни специальная магистратура, составленная по большей части из иностранцев, ни труды, им потраченные, для сосредоточения в своей новой столице их излюбленного товара, конопли, по дешевым ценам и в изобилии, не могли их туда привлечь, он решительно прибегнул к заветам предков. Он не произвел прямой насильственной перевозки архангельцев в Петербург, как великий князь Василий поступил с псковичами, переселив их в Москву; но повелел архангельцам впредь покупать или продавать коноплю не иначе, как в Петербурге.

Мера принесла плоды, каких и следовало ожидать. Новая столица еще представляла собой отвратительный пакгауз. Система каналов, предназначенная соединить Волгу с Невой посредством Ладожского озера, еще оставалась в проекте. Выдающийся английский инженер Перри, на которого было возложено исполнение работ, недовольный дурным обращением, которое ему пришлось перенести, отказался от них в самом начале. Второй канал, придуманный Петром для избежания опасного плавания по Ладожскому озеру, оставался незаконченным до 1732 года. Третья система, основанная на использовании рек связующих, послужила лишь к обогащению мельника Сердюкова, предложившего и воспользовавшегося слишком поспешно ему предоставленной концессией, чтобы застроить берега Уны и Шлины мельницами и кабаками, никакого отношения к Петербургскому порту не имеющими. Поэтому конопля, кожи и остальные товары, так как с 1717 года две трети всех продуктов обязательно направлялись в Петербург, доставлялись с большим трудом, обремененные громадными издержками за провоз, и, не находя здесь себе покупателей, нагромождались горами, обесценивались благодаря большому скоплению и, наконец, портились, в особенности конопля.

Все равно! Добром или силой Петербург должен был сделаться торговым портом. В 1774 году туда пришло только шестнадцать иностранных кораблей, год спустя уже пятьдесят, сто девятнадцать в 1722 году, сто восемьдесят в 1724 году. Петр положил основание системе водных сообщений, которую его преемники, в том числе и Екатерина II, старались закончить и усовершенствовать и которая, соединяя бассейн Волги с бассейнами Невы и Двины, то есть море Каспийское с морем Балтийским и Белым, заключала на занятом каналами пространстве в триста две версты семьдесят шесть озер и сто шесть рек. Здесь произошла громадная затрата богатств, труда и даже человеческих жизней; но сила России и тайна ее судьбы всегда по большей части заключались в желании и возможности не задумываться над жертвами для достижения намеченной цели. Долготерпеливые мужики, десятками тысяч погребенные в финских болотах, и на этот раз покорялись довольно безропотно.

Петр не придавал такого же значения развитию сухопутных сообщений и не обращал никакого внимания на них. Он не проводил дорог. Это до сих пор одна из слабых сторон России с экономической точки зрения, а недостаточное количество существующих шоссе исключительно дело рук инженеров института путей сообщения, основанного только в 1809 году. Однако великий муж относился с должной заботливостью к караванной торговле, организованной его предками. Он сам ей занимался, закупая в Венгрии сборы токайского винограда, перевозя полученное из него вино в Москву на сотнях подвод и отправляя на них обратно в Венгрию произведения Сибири. Направляя на Балтийское море и на Запад наибольшее напряжение усилий, он не терял из виду, как мы указывали, своей юго-восточной границы и торговые интересы, требовавшие его вмешательства. Возможно, что,

достигнув Бухары, он завязал бы впоследствии торговлю с Индией. В Астрахань уже прибывали отдельные караваны, привозившие не только шелковые и бумажные материи бухарского производства, но также товары из Индии; драгоценные камни, золотые и серебряные изделия. Во всяком случае, Петру удалось завладеть сначала течением Иртыша, обладание которым ограждали от калмыков и киргизов границы Сибири, потом Кольванскими горами, где открытые позднее сокровища осуществили греческую сказку о золотых россыпях, охраняемых гномами. Удержавшись в Азове, Петр также продолжал бы и, может быть, достиг бы восстановления древнего торгового пути венецианцев и генуэзцев. Отброшенный к Каспийскому морю, он, понятно, сделал попытку переместить этот путь, направив его из Астрахани в Петербург. Великая экспедиция 1722 года, предположенная и начатая закладка большого города – складочного пункта – при устьях Куры, где пять тысяч человек татар, черемисов, чувашей работали в минуту смерти царя, по-видимому, указывают на существование подобной мысли.

Можно сказать, что план был отчасти фантастический, даже безумный, причем совершенно отсутствовал какой-либо расчет возможностей, расстояний, расходов по перевозке. Но, несмотря на несоразмерную отважности предприятия и забвение, какому предали его ближайшие преемники, некоторый результат был достигнут: намеченный путь к рынкам Персии и Индии составляет часть наследия, колоссальным активом которого Россия продолжает пользоваться и в настоящее время.

III

Такой разносторонний, почти всеобъемлющий человек не мог не быть земледельцем. И действительно, он был им, и даже страстным. В истории сельского хозяйства России царствование Петра также составляет эпоху. Он не довольствовался тем, чтобы научить своих крестьян сажать картофель, как позднее Фридрих; крестьянам подмосковным он показывал с серпом в руках, как надо убирать хлеб, под Петербургом – как плести лапти. Он считал крестьян учениками, а себя воспитателем, запрещал им носить подошвы, подбитые большими гвоздями, потому что от этого портились полы, определял ширину грубого холста, какой они ткали на своих бердах. Восхитившись во Франции садом сельского священника, он сейчас же по возвращении в Россию распек свое духовенство: «Почему они у себя не заводят таких огородов!» Он занимался выбором семян для посева, разведением скота, удобрением полей и применением орудий и способов усовершенствованного хозяйства; пробовал развести виноград на земле донских казаков и заботился о его более успешной культуре в окрестностях Дербента, где приказал испробовать лозы персидские и венгерские. В 1712 году им были устроены первые конские заводы, в 1706 году заведены первые стада баранов в теперешних губерниях Харьковской, Полтавской и Екатеринославской, где в настоящее время бараны разводятся в громадном количестве. Петр был также первым лесничим своей Родины. Первым он встал на защиту лесов против господствовавшего безрассудного истребления. Для этого, правда, он употреблял способы, навряд ли применимые в настоящее время даже в России: вдоль берегов Невы и Финляндского залива, на пятиверстных промежутках были поставлены виселицы для назидания опустошителям. Даже в черте теперешнего Петербурга, на месте, занятом теперь таможней, тогда возвышался еловый лес. Так как порубки в нем все-таки не прекращались, то Петр приказал

сделать облаву, повесить каждого десятого из пойманных ослушников и наказать кнутом остальных.

Вообще на почве экономического прогресса стремление Преобразователя натолкнулось на двойное препятствие: нравственного и политического свойства. Помеченный 13 марта 1706 года указ, обращенный к Сенату, карал смертной казнью местных купцов, которые, придерживаясь усвоенной ими привычки, на что сильно жаловались их английские покупатели, примешивали к кипам конопли испорченное волокно или даже камни для увеличения веса. Поднятие нравственного уровня торговли и промышленности, тем не менее, осталось задачей, завещанной будущему. Под конец царствования элементы деятельности торговой и промышленной, созданные, вызванные почти из небытия великим творцом, пребывали еще в диком состоянии. В 1722 году Бестужев сообщал из Стокгольма о прибытии туда нескольких русских купцов из Або и Ревеля: «Они привезли небольшое количество грубого холста, деревянных ложек, орехов и продают эти товары по улицам в санях, варя себе кашу на открытом воздухе; отказываются повиноваться требованиям полиции, напиваются, ссорятся, дерутся и представляют постыдное зрелище отвратительной нечистоплотности».

Политическим препятствием были финансы. В истории великого царствования финансовая политика составляет темное пятно. Из всех отраслей создания Петра эта отрасль, по-видимому, наиболее непосредственно внушена, вызвана войной, что на ней и отразилось. Прежде всего она вовсе не имеет преобразовательного характера, кроме того, она почти всегда откровенна и отвратительна. Мы лишь вкратце дадим ее обзор.

IV

Денежные средства, какими располагал Петр при своем восшествии на престол, не могут быть поставлены и прямую параллель со средствами остальных европейских государств. По сообщению Голикова, они не превышали 1 750 000 руб. Основываясь на бюджете, настолько тощем, материальное существование Русского государства приняло бы, даже касаясь только внутренней стороны, независимо от всяких усилий, устремленных за его пределы, вид неразрешимой загадки, если не считаться с совершенно особыми условиями, в каких оно тогда находилось. Прежде всего, помимо содержания армии на самом государстве не лежало почти никаких повинностей. Оно не платило своим служащим: они были обязаны ему служить взамен раздаваемых им привилегий или получали жалованье косвенным образом, путем *кормления*. Оно не поддерживало дорог, тогда не существовавших, и так далее. Вот, например, бюджет расходов 1710 года. Он весьма поучителен в этом отношении.

Содержание армии 1 252 525 р.

« артиллерии 221 799»

« флота 444 288»

« гарнизонов 977 896»

Расходы по набору 30 000»

« закупке оружия 84 104»

Содержание дипломатии 148 031»

Остальные расходы (включая жалованье

фельдцейхмейстерам) 675 755».

До воцарения Петра в 1679 году была принята весьма важная благотворительная мера в этой первобытной организации, а именно – централизация доходов в приказе большой казны, замененном в 1699 году *ратушей*. Великий муж своим вмешательством только уничтожал все сделанное. Ему было слишком некогда, чтобы следовать программе, обещавшей дать удовлетворительные результаты только через долгий срок. Нуждаясь в больших деньгах и немедленно, он поступал подобно запутавшимся сыновьям богатых родителей. Вместо того чтобы продолжать централизацию и таким образом постепенно уничтожать отдельные управления, местные, высасывавшие и поглощавшие народное богатство, он придумывал новые органы для выжимания соков: «военно-финансовые комиссии», возложив на них сбор налогов, созданных для войны. Вместо того чтобы стремиться увеличить производительность источников дохода, уже существовавших и соответствовавших производительным силам страны, он принял политику финансового грабительства, обременяя наудачу налогами все, что ему казалось пригодным для обложения, до бород своих подданных включительно. Он приказывал отбирать у столяров дубовые *гробы*, чтобы, перенеся в монастыри, продавать «вчетверо дороже» в пользу казны. В 1700 году присвоил сборы, взимаемые с торговцев частными лицами, собственниками площадей, где происходили базары; в 1704 году наложил руку на кабаки; в 1705 году захватил монополию на продажу соли и табака; в 1707 году распространил этот прием на целый ряд продуктов, составлявших главнейшие отрасли вывоза. Между прочим, по совету Котошихина он сделал опыт переплавки монеты, но этим лишь достиг большого обеднения, уменьшив почти наполовину стоимость рубля.

Лучше удалась попытка более разумной эксплуатации оброчных статей созданием в 1704 году специального приказа, помещенного в доме Меншикова (Ижорской канцелярии). Эта мера подняла доходы, получившиеся из этого источника, с 299 000 до 569 000 рублей. Но так как расходы увеличивались одновременно с этим, то царская казна оставалась пустой. Между *ратушей* и новыми учреждениями по сбору податей с первой минуты возгорелась борьба, поддерживая неурядицы и расхищения. Великая реформа, административная и финансовая, 1708 года внесла в такое положение дел лишь новую путаницу и беспорядок. Именно – взаимное вспомоществование доходами между различными канцеляриями. В 1711 году в бюджете Московской губернии оказывается дефицит; приказывают передать туда доходы артиллерийского приказа, в сущности никаких доходов не имеющего и поддерживаемого субсидиями, выдававшимися ему остальными ведомствами. Начались споры, взаимные упреки и вообще замешательство.

В 1710 году в беспрерывных войнах и постоянной нужде в деньгах Петр схватился за мысль о ревизии кадастра или списков обитаемых домов и обрабатываемых земель, на чем основано было взимание главных, искони принятых и чисто народных податей. Результат получился плачевный: с 1678 года – года последней переписки – оказалось уменьшение на пятую часть подлежащих обложению собственности. На севере сокращение доходило до сорока процентов на сто. Таковы были последствия рекрутских наборов – бегства плательщиков податей. Петр не задумался над выбором средств, чтобы помочь беде, и принятый им способ, вероятно, соответствовал народному духу, потому что применение его сохранилось до нашего времени относительно некоторых разрядов плательщиков: оказывающиеся налицо платят за отсутствующих. Общий доход, получавшийся в 1678 году,

должен был быть снова восстановлен. Но, очевидно, такое мероприятие не могло содействовать приостановлению переселенческого движения, и действительно, положение дела принимало все более опасный оборот. С 1704 года до 1709 года, хотя бюджеты постоянно заканчивались с видимым дефицитом, однако перерасходы покрывались остатками от предыдущих лет:

1701	1702	1703	1704	1705	1706	1707	1708	1709 г.	
Доходы	2,86	3,15	2,73	2,49	2,64	2,52	2,41	2,02	2,76
Расходы	2,25	2,47	3,34	3,24	3,34	2,71	2,45	2,22	2,70

Но в 1710 году появился настоящий дефицит и, конечно, стал с каждым годом увеличиваться. Попытки сделать заем за границей окончились неудачей. Имевшихся в распоряжении сумм едва хватало на ведение войны; решились употреблять их исключительно для этой цели; остальным общественным учреждениям предоставлялось справляться, как знают. Наконец, средств, не хватало даже для войны, и только тогда сознание бедственного положения проникло в душу Петра, а в уме зародилась одновременно мысль о применении принципов более рациональных и приемов более разумных. Вскоре вслед за тем пребывание во Франции познакомило царя более непосредственно с экономическими доктринами, начинавшими распространяться в западных странах, и, окончательно отказавшись от приемов насилия и грабежа, он, с одной стороны, пытался увеличить средства страны, а следовательно, и платежную способность, учреждением торговой коллегии: с другой стороны – улучшить эксплуатацию ресурсов с фискальной точки зрения общей реформой податей, производившейся с 1718 по 1722 год.

Реформе этой давалась разнообразная оценка. Бесспорно, замена подати поземельной поголовною, установление вместо подати подворной с обитаемого жилья и посошной – с обрабатываемой земли, подати подушной – с каждого человека, – придало фискальной системе Русского государства характер искусственный и не соответствующий народному духу, что сохранилось и до настоящего времени. Из числа современников им возмущался Посошков: «Душа величина неосязаемая и неоценимая, как может подлежать обложению?» Позднее красноречивый историк финансовых установлений России, граф Дмитриий Толстой ярко обрисовывал пагубное влияние нововведения на экономическое развитие страны. Среди русских государственных людей только граф Канкрин, правда, один из лучших министров финансов, какими обладала Россия за два столетия, пытался выступить в защиту этой системы. Немедленные и ощутимые результаты реформы говорят в ее пользу. Приход единственного прямого налога, получаемого царем, возрос более чем вдвое, поднявшись сразу с 1,8 до 4,6 миллиона, и бюджет последних лет царствования улучшился, по крайней мере, в смысле поступающих доходов. В 1725 году баланс, по сообщению Голикова, равнялся 9 776 554 рублям. И в то же время новый дух, положенный в основу управления финансами, принес свои плоды: в рубрике расходов мы видим кредит в 47 371 рубль на школы, 35 417 рублей на содержание госпиталей и приютов. Однако прогресс был очень незначителен и скорее внешний, чем действительный.

Что касается прежде всего доходов, а затем расходов, бюджеты, таким образом составляемые, продолжали оставаться зрительным обманом. В действительности государство получало и тратило гораздо больше, чем то было показано; доходы его увеличивались многочисленными арендными статьями, выплачивавшимися натурой и даже

деньгами: даровой доставкой съестных припасов и фуража – для войск во время похода, полбочки ячменя и полбочки овса, доставляемых каждым крестьянином для содержания гражданских властей; уплатой пенсий, возлагавшейся казной на частных лиц. Такой пенсией пользовалась княгиня Анастасия Голицына, получавшая ее от Алексея Милославского взамен освобождения его от воинской повинности. То же самое относительно расходов в 1713 году. Подьячие секретного приказа сенатской канцелярии пожаловались на недостаточность своего содержания и получили в виде усиления его ассигновку на доходы всех иностранных и всех строгановских дел, за исключением архангельских товаров.

Таким образом повторялись ошибки прошлого, и сохранение их при неполном и неисклюном применении новых методов представляло препятствие для более удачного восприятия благодетельных сторон нового строя. Содержание армии – предмет наибольшей заботы и наибольшего обременения для казны – являлось также яблоком раздора между управлением финансов, наскоро преобразованным в 1708 году, и военной коллегией, расстраивавшей его работу стремлением подражать обычаю, принятому в Швеции. В Швеции обыкновенно население заботилось о пропитании войска посредством контрактов, заключенных с правительством и являвшихся скорее пользой, чем обременением. Здесь армия и народонаселение относились друг к другу как заимодавец и должник, а вмешательство правительства ограничивалось подтверждением долгового обязательства всей силой авторитета. Такая система заключала в себе все неудобства вечного билета на постой.

И всегда главная причина – недостаточность нравственного воспитания – присоединялась к остальным, чтобы испортить в принципе наиболее разумные и плодотворные мероприятия и уничтожить их последствия. Взятничество фискальных чиновников и легкая возможность для плательщиков благодаря тому избавиться от части своих обязательств вошли в пословицу. Мы читаем в документе, по-видимому, вполне искреннем: «Если бы нашелся неподкупный комиссар, что оказалось бы чудом в России, то у помещика имеется другой способ его обмануть, соединив на время вместе несколько домов, которые легко потом разобрать и возвратить на старое место в несколько часов, потому что они состоят из сложенных бревен и приспособлены для переноски».

В 1722 году благодаря Персидскому походу снова появился дефицит в угрожающих размерах. В 1723 году указ повелевает выплачивать жалованье гражданским и военным служащим производствами Сибири за неимением другой монеты; после чего в том же году было приказано сделать вычеты из этого содержания для пополнения неотложных нужд казны, причем чиновникам приходилось устраиваться любым способом для возвращения денег, ими не полученных. В 1724 году, по сообщению саксонского резидента Лефорта, не платят ни войскам, ни флоту, ни коллегиям, «ни кому бы то ни было», и все жаловались на нищету. Перед смертью Петра дипломатический корпус считал себя в опасности вместе со всеми иностранцами, проживавшими в столице, ожидая насилий со стороны простонародья, умиравшего с голода, и солдат, не получавших жалованья за шестнадцать месяцев.

Вызванная потребностями войны, постоянно приспособлявшаяся к ее нуждам и надобностям, финансовая политика великого царствования обанкротилась даже перед армией.

Глава 6

Реформа политическая

С точки зрения развития экономического, социального и умственного Россия и теперь еще отстала от своих соседей и соперников Западной Европы, но уже представляет собой одно из наивысших проявлений человеческого могущества, знакомых миру. Архаическое и азиатское по своей внутренней структуре и по духу, вполне современное и европейское по своему применению и внешнему виду, это могущество, со своими слабыми сторонами и со своими источниками силы, обязано своим происхождением непосредственно Петру. Это завершение его творения.

Общее преобразование учреждений, составлявших часть правительства или элементов его могущества, как мы уже говорили, никогда не входило в планы Преобразователя. Даже довольно долгое время – в течение всей Северной войны – его усилия и заботы ограничивались в этом направлении разрешением задачи сравнительно несложной: стремлением иметь армию, способную разбить шведов, флот, пригодный для плавания по Северным морям, и достаточное количество денег на их содержание. Лишь между прочим, случайно и непоследовательно, он обращал внимание и энергию на отправление главнейших обязательств своего самодержавия – власть исполнительную, юридическую, законодательную, стремясь одновременно изменить ее характер и исправить слабые стороны и недостатки под влиянием соображений, часто недостаточно обдуманных. Он управлял – и преобразовал администрацию; судил – и устроил суды; в изобилии, как нам известно, создавал законы и, придерживаясь в основании своего управления принципа личного и деспотического, зависевшего от происхождения, изменил в некоторых отношениях его внешнюю архитектуру по новому рисунку, который мы постараемся определить.

Не следует искать, само собой разумеется, очертания вполне ясных и линий вполне законченных. Здесь, как и везде, художник рисовал широкими штрихами карандаша, разбросанными идущими зигзагами, с пропусками задержками, несвязностью отмечающими его деятельность. Не следует даже искать предвзятого намерения. Отречение от старых форм и замена их новыми являются по большей части в этом труде последствием самопроизвольной работы разрушения, подготавливающей путь для нового органического устройства, даже его вызывающей. И в этой работе воля работника ни при чем. Труд являлся косвенным плодом войны. Старые, обветшалые органы, не пригодные для дальнейшего употребления благодаря слишком долгому применению, умирали, и жизнь перешла в новые органы, вызванные из небытия настоятельными потребностями данной минуты. Атрофия, молекулярное размельчение, с одной стороны, соответствует развитию, с другой. Несколько швов тут и там, и вот одной реформой больше. Но ход явления прихотливый, и первыми шагами вызывается создание сочетаний несоответствующих, неподходящих, друг другу мешающих и вредящих. Старые и новые категории чиновников и административных учреждений, наложенные друг на друга, соперничали между собой. Одетые, снаряженные и поставленные на европейский лад, новые сподвижники Петра, министры, канцлеры, советники, стояли рядом с окольными, кравчими, постельничими старины. Последние должности, главное назначение которых было питать лиц, занимавших их, исчезли лишь с упразднением самого принципа, вызвавшего их основание. Старые приказы красовались рядом с учреждениями новейшего образования: коллегиями морской, артиллерийской, провиантской, горной, и последние возникли и начали действовать только под влиянием резкого побуждения неожиданно возникшей потребности. Исполнение следовало

немедленно за появлением плана, но далеко не так быстро совершалось практическое применение.

Наконец, и это самое важное, новые учреждения заимствовали у западных образцов только *форму*. Дух оставался чуждым для них. Он слишком сильно противоречил бы сущности, душе политической организации, продолжавшей действовать и, как мы уже говорили, сохранявшей свой принцип. Вот что вообще не было достаточно понято; вот что с очевидной ясностью выступает в истории первого по счету из великих законодательных актов царствования: указ от 30 января 1699 года относительно организации городского управления. Историки, обыкновенно более проницательные, видели в том опыт административного самоуправления в стиле английском или немецком, следовательно, мероприятие великого значения политического, экономического и социального. Основанные на принципе избирательном, новые магистратуры – *земские избы* в провинции, *бурмистерская палата* в Москве – были будто бы предназначены, по мысли законодателя, сделаться школой общественной жизни, первой в России. Научить действовать сообща для защиты общих интересов, отучить от разъединенности, дозволявшей до сих пор царить среди них праву сильного, освободить купцов и промышленников от гнета воевод-притеснителей – такова была их задача. Но, присмотревшись поближе, невозможно приписать Петру честь столь обширной программы. И даже трудно сказать, была ли бы в том честь. На тридцать лет раньше сотрудник Алексея Михайловича Ордын-Нащокин, будучи воеводой в Пскове, действительно пытался применить там принцип городского самоуправления при пятнадцати *старостах*, избранных горожанами, возложившими на них управление общественными делами. Он наткнулся на трудность согласования этого установления с общим духом господствующего направления, с принципом самодержавия, и его затея просуществовала очень недолго. В 1699 году Петр был уже, без сомнения, знаком с этим опытом и никоим образом не имел намерения его повторять. Он просто хотел придать английскую или немецкую внешность старинным *приказным избам*, существовавшим в городах и ведавшим не интересами обывателей, а *интересами государя*. Он стремился создать сборщиков податей, более энергичных и снабженных лучшими средствами, и его обычная вера, несколько наивная, в значение одеяния, внешнего облика побуждала его к такой подделке автономного управления. Но помимо избирательного принципа, вложенного в их организацию (и применение этого принципа не было новостью для России), новые магистратуры во всех отношениях напоминали старые. Их назначение было делать то же, что делалось раньше, только более строго. Лица, заинтересованные в том, не ошибались. Только под угрозой штрафов и кнута удавалось загонять избирателей к избирательным ящикам и удерживать избранников на их местах. А что касается воевод, то они продолжали бить бурмистров, как имели привычку бить их предшественников.

Это мнимо великое дело было лишь фискальной мерой.

Создание в 1708 году восьми крупных административных центров, названных губернаторствами, составляет другую такую меру, явившуюся последствием войны, как все в ту эпоху было ее последствием. Создание воронежского флота и учреждение Азовского порта положили начало первому центру, военному и финансовому; покорение Ингрии и Карелии привело к образованию первого губернаторства в побежденной стране, вверенной Меншикову; поход Карла XII, направленный в сердце России, сосредоточил военные и финансовые средства народной обороны в руках воевод смоленского и киевского; подавление мятежного движения на берегах Волги послужило к выделению Астрахани.

Сколько новых административных единиц, столько ядер для новой организации, осуществленной накануне Полтавской битвы. Последняя только дополнила согласование таким образом подготовленных элементов, обобщая тип администрации, принятой в губернаторстве Ингрии по шведскому образцу. С точки зрения территориальной, восемь губернаторств соответствовали отчасти старинным военным и финансовым округам, созданным для местных нужд, даже слово «губернатор» было лишь переводом русского названия начальников таких округов – *воевод*. Уже в 1694 году, обращаясь к воеводе архангельскому, Петр называл его по-голландски: «Min Heir Gubernog».

В этом отношении реформа 1708 года не подлежит часто обрушивавшейся на нее критике, указывавшей на ее характер, «случайный и механический». Без сомнения, существовавшие военные и финансовые округа, территориальное подразделение которых она отчасти приняла, сами по себе представляли нечто искусственное и произвольное; но русская история не создала *провинции* в европейском смысле слова, обозначающем понятие «органической единицы». Петр принял свое создание к тому, что застал уже – хорошо ли, дурно ли – сорганизованным на зыбкой почве своей Родины.

Создание это вызывает и другие упреки, более обоснованные.

Прежде всего по своей мысли, как было указано, оно было не столько орудием управления, как изощрением казначейства. Объявив себя решительным противником новых подразделений, временный министр финансов, назначенный Петром, Курбатов, встал на защиту правильных принципов своей администрации, которым эти подразделения наносили ущерб. Он стоял за административную централизацию, принимая ратушу за центр. Но у царя были свои планы: сосредоточенные в ратуше доходы неминуемо распределялись бы между различными общественными учреждениями, имевшими своих представителей в городском управлении; а он именно намеревался большую часть их употреблять на единственную надобность: продолжение войны. Разъединенные, без иной непосредственной связи с государством, кроме воли главы, губернаторства должны были ему в том помогать. Для этого он их придумал. Для этого порвал он со стремлением к централизации XVII века, создавшим единство страны. Напрасно выставлял он перед своими сподвижниками побочные преимущества, какие надеялся извлечь из такого разрыва: облегчение контроля, более удобное собирание податей. На самом деле он действовал не как политик, но как военачальник. Также тут сказывались и его личные вкусы; находясь беспрестанно в путешествии, он не видел надобности в правительственном центре или, вернее, допускал, чтобы последний перемещался вместе с ним. Что касается согласования преимуществ централизации с выгодами местного самоуправления, то он был слишком несведущ, особенно в 1708 году, чтобы об этом думать. Прежде всего, ему даже не пришло в голову точно определить обязанности вновь учрежденных административных органов. Для начала он удовлетворяло, распределением областей и городов между восемью губернаторствами, после чего, поглощенный заботами войны, по-видимому, о них забыл, даже удерживал при себе в лагерях большинство из вновь назначенных губернаторов, бывших также его генералами. Только весной 1709 года, во время распутицы, предоставлявшей ему некоторый отдых, Петр собрался им вручить штаты вверенных им округов, рекомендуя в то же время заботливо следить за поступлением податей и всеми государственными интересами. Вот и все, что он им сказал относительно их новых обязанностей.

У них самих, как легко себе представить, имелось в этом отношении весьма смутное представление; они, не зная, как в действительности приступить к своей новой службе, не

знали даже, в сущности, что именно от них требовалось, и, к несчастью, государь, заваленный грудями официальной переписки с различными запросами, совершенно не был в состоянии дать нужные указания. Каким образом, прежде всего, извлечь администрацию из ратуши, куда она была включена, и перевести ее в губернские канцелярии, где ей надлежало быть? Ни губернаторы, ни царь совершенно не знали, как приняться за дело. Пришлось прибегнуть к советам самого Курбатова. Затем, каким образом согласовать административные обязанности губернатора с их постоянным присутствием во главе армии, находившейся под их начальством? В этом случае нашли исход, назначив им заместителей под названием *ландрихтеров*. Как, наконец, втолковать этим губернаторам, что главная их роль заключалась в заботах о положении военной казны?

Таким образом выяснилось противоречие между видимой целью новой организации и ее действительным назначением и привело с самого начала к острым столкновениям. Петр думал исключительно об извлечении денег у провинциальной администрации, а последняя считала себя обязанной защищать интересы населения, вверенного ее попечению. Возгорелась война, как между неисправным должником и требовательным кредитором. С обеих сторон пускались в ход всевозможные ухищрения, пользовались всякими уловками: здесь – чтобы все забрать в свои руки, там – чтобы отстоять свои права. Петру, конечно, принадлежало последнее слово, и он прибегнул наконец к своему обычному приему: указом от 6 июня 1712 года были просто отобраны от петербургского губернаторства и переданы адмиралтейству доходы с известных местностей; в тот же день десять тысяч рублей были самовольно взяты в кассе того же губернаторства для уплаты задержанного жалованья французам и венгерцам, служившим в армии. И средство показалось настолько удачным, что стало применяться постоянно, в особенности с перенесением Сената в Петербург. Местная касса превратилась в запасный *капитал*, к заимствованиям из которого постоянно прибегали. Никто не думал согласоваться с росписью расходов и доходов, составленной на 1711 год. Царил полнейший беспорядок.

Добавим, что Петр намеревался, по обычаю, принятому, как ему сказали, в Швеции, распределить между губернаторствами содержание своих полков. Последние постоянно находились в походе, и комиссары, назначенные от соответствующих губернаторств, были обязаны заботиться об их прокормлении и снаряжении, что составляло новую систему колес, лишнее осложнение в механизме, и без того уже весьма запутанном.

В заключение, наиболее непосредственным результатом реформы получилось создание лакомых доходных мест, оспариваемых между собой фаворитами государя; Эти места сделались предметом торговли, и обладание ими, дорого доставшееся, побуждало сановников покрывать свои расходы за счет подчиненного им населения. Если на них поступал донос, что случалось редко, так как торгующими принимались все меры предосторожности, то они выпутывались из беды, предложив, по-турецки, взятку за свое лихоимство. Система, принятая Петром, вообще клонилась к тому, чтобы сделать из своих губернаторов повсеместных арендаторов, снабженных почти безграничными полномочиями для добывания средств, из которых они могли бы уплачивать громадные военные налоги, от них требуемые. Плохо обдуманная, еще хуже приведенная в исполнение, новая организация начала принимать вид благопристойный, правильный и систематический только под конец царствования, пользуясь благодеяниями мира и войдя в соприкосновение в прибалтийских провинциях, окончательно покоренных, с военной и административной системой Швеции.

Учреждение Сената в 1711 году является другим важным шагом на пути постепенного

уничтожения прежних административных органов или их внешнего приспособления к типу западному. Однако напрасно Петра восхваляли за замену новым собранием старинной Боярской Думы. Хотя, действительно, не установлено точно времени исчезновения этого ветхого пережитка Древнего Русского государства, однако достоверно известно, что в 1711 году его больше не существовало. Уже в 1700 году оно было заменено Советом Министров, заседавшим в *Ближней канцелярии* и часто с ней смешиваемым. Петр, во всяком случае, изъял из ведома этого совещательного присутствия и оставил за собой весьма важный отдел: эксплуатацию целого ряда коронных прав, которыми намеревался распорядиться по собственному усмотрению при помощи специальных чиновников, *прибыльщиков*. Перед отправлением в Прутский поход он не знал, что делать с этой администрацией, достигшей значительного развития, и на Сенат вначале только возлагалось поручение избавить от нее государя. И это тоже было лишь требование войны. Указ, призывающий к жизни новое учреждение, был издан в тот же день, как объявлена война с Турцией, и, заимствовав у Швеции и Польши общую мысль и название своего создания, создатель таким образом придал ему своеобразный характер, без сомнения, не предвидя иной важной роли, ожидавшей его впоследствии.

Эта роль прежде всего, естественно, заключалась в замещении отсутствовавших центральных органов, уничтоженных вышеуказанной работой разрушения. Реформа 1708–1710 годов ничего не придумала для согласования новой провинциальной организации со старой администрацией, сосредоточенной в Москве; она лишь содействовала ее уничтожению. *Ближняя канцелярия* сделалась, таким образом, единственной центральной властью и оказалась явно неспособной выполнять свою задачу. Но лишь в 1714 году из нового собрания выделилась постоянная комиссия, обязанная, по-видимому, служить подмогой при такой несостоятельности в рассмотрении текущих дел. С 1711 по 1718 год взаимные полномочия обоих органов, канцелярии и Сената, оставались неопределенными. Не зная, к которому из двух обращаться с донесениями и просьбами, остальные общественные учреждения предпочитали держаться в стороне. Обязанности Сената выяснялись лишь постепенно, путем указов, из года в год, а иногда из месяца в месяц расширяясь и заполняясь. Наконец, в особенности до введения коллегии, он захватывал все поле правительственной деятельности: собственно администрацию, правосудие, полицию, финансы, армию, торговлю, внешнюю политику. Сенат взял на себя заботу о воинах, находящихся в походе, о продаже товаров за счет государства, о проведении каналов, об очистке с. – петербургских улиц. До учреждения Святейшего Синода и даже после Сенат вмешивался в дела духовные. В 1722 году он вел в Польше переговоры, имевшие целью дать перевес русскому влиянию. Он, наконец, являлся последней инстанцией в делах гражданского и уголовного судопроизводства. В 1724 году, приказав, чтобы указы, выработанные Собранием, печатались наряду с его собственными, Петр лишь подтвердил законодательную власть, признанную за Сенатом уже в течение нескольких лет. Таким образом, он весьма легко отнесся к принципу разделения власти и, собственно говоря, заимствовал у европейских государств для своего Сената только название. Но он оправдывался в этом перед самим собой тем, что все это лишь меры временные. Впоследствии будет приступлено к более правильной организации дела.

Пока же все было в руках *сенаторов*. Таково подлинное выражение царя. Но он строго относился к исполнению ими обязанности и к ответственности, на них возложенной. Много дав, он многого и требовал. Упреки, выговоры, угрозы градом сыпались на злосчастных

представителей государственной власти. Он писал им: «Все, что вы тут сделали, это насмех, или вы получили взятку, так я призову вас сюда (в Ингрию) и допрошу иным манером». И, к сожалению, упреки были вполне справедливы. Голландский резидент де Би пишет, со своей стороны, в ноябре 1714 года: «Самое большое неудобство заключается в том, что все дела направляются в Сенат, ничего не решающий».

С самого начала Петр считал нужным дополнить созданное им учреждение органом контроля. Вначале он приказал присутствовать на заседаниях нового собрания штаб-офицерам от гвардии, переменяясь ежемесячно. «Офицер должен смотреть, дабы Сенат должность свою исправлял по данной им инструкции». Затем были учреждены *фискалы*. Но и на этот раз из Швеции было заимствовано только название; облеченная им должность была вполне местного происхождения; из шведских *контролеров* инквизиторская политика царя сделала *шпионов* в худшем смысле слова. До 1714 года никакой донос, даже признанный ложным и клеветническим, не влек за собой для *фискала* никакой ответственности, и он разделял с казной штрафы, благодаря ему наложенные. Понадобился смелый голос Стефана Яворского, обрушившегося в 1712 году в Успенском соборе на ужасные злоупотребления власти, таким образом происходившие, чтобы вызвать их запоздалое ограничение. Указом от 17 марта 1714 года были объявлены, по крайней мере, наказуемыми впредь *намеренные* ошибки агентов.

Обер-фискал, или главный контролер, был приставлен к Сенату. Его должность, замененная в 1722 году должностью прокурора государственного контроля, представляла собой действительный залог успеха, поскольку она содействовала согласованию отдельных проявлений власти, долго действовавших без всякой внутренней связи между собой: царя, Сената и различных исполнительных органов. Прокурор государственного контроля, сносясь с этими последними через посредство прокуроров, состоявших под его начальством, и служа сам посредником между царем и Сенатом, являлся связующим звеном. Петр, без сомнения, взял пример со шведского *Ombutsmann*, представителя правительства в высшей судебной инстанции. Не имея, однако, кресла в высоком собрании, главный контролер Петра более походил на современного французского прокурора государственного контроля, состоящего при парламенте. Подобно последнему, он имел право деятельного вмешательства в отправление обязанностей, наблюдение за которыми было на него возложено, и имел право почина даже законодательного. При нем состоял товарищ, под названием *обер-прокурора*. Ягужинский был назначен первым на этот пост.

Прокуроры, также назначенные при различных органах власти в виде агентов контроля, с успехом заменяли *фискалов*, деятельность которых касалась внешних сторон, нося неприятный характер тайной полиции.

До 1718 года Сенат оставался в России учреждением неопределенным, плохо уравновешенным. Он не занимал первенствующего места во главе административных органов, как в Швеции, потому что этих органов не существовало; его не составляли, как там, президенты *коллегий*, потому что не было *коллегий*.

Петр очень рано оценил преимущества коллегиальной формы и даже придавал ей преувеличенное значение. Лейбниц расхваливал ему механизм, «похожий вполне на часовой». Царь с удовольствием сделался бы часовщиком, но у него не хватило колес. Старинные приказы были колесами, уже зазубрившимися. Трудно сказать, когда именно мысль о замещении приказов коллегиями зародилась и определилась в уме Петра. Вероятно, он поддался в этом отношении целому ряду воздействий: уже в 1698 году, во время его

пребывания в Англии, Франциск Ли представил ему по его просьбе план правительства с семью комитетами, или коллегиями. В 1702 году Паткуль в докладе советовал ему об учреждении *Geheimes Kriegs Collegium*. В 1711 году саксонский инженер Блюер указывал на необходимость организации горной коллегии. Но в то время мысль Преобразователя оставалась еще прикованной к необдуманному уничтожению всех установлений централизации. Только в 1712 году сообщение анонимного автора, доказывавшего пользу торговой коллегии, дало иное направление мыслям царя, отличавшимся, как нам известно, своим непостоянством. С обычной быстротой решения государь дал на это сообщение неожиданный ответ: то был номинальный указ от 12 февраля 1712 года, повелевавший об учреждении вышеуказанной коллегии, хотя надо сказать, что на этот раз решение ограничилось только намерением. До 1715 года разговора о том больше не поднималось. В это время так же неожиданно возникло в Петербурге новое учреждение, которое сначала предполагалось основать в Москве. У него имелся уже начальник в лице П. М. Апраксина, но это было почти все, чем оно обладало. И с этих пор впервые в *журналах* – записных книжках Петра – являются доказательства тому, что мысль эта его занимала и он с ней освоился. Она еще оставалась туманной, колеблясь между *горным приказом, трибуналом при Сенате*, заменяющим коллегию юстиции, и *торговой коллегией*. Но несколько позднее собственноручная заметка уже рисует одно органическое целое в виде шести коллегий по шведскому типу. Генрих Фик, находившийся в это время на службе у царя, без сомнения, не оставался этому чужд. Первый подобный проект, относящийся к данному вопросу, может быть, принадлежит ему.

Фик даже посетил Швецию в декабре 1712 года для изучения на месте организации, с которой предполагалось взять пример; но еще два года протекли в полном бездействии. Петр путешествовал. В конце 1712 года он получил через посредство Бёттихера, своего резидента в Гамбурге, «*Reflexions über des Russischen Reiches Staats-Economie*» («Размышления о политико-экономическом состоянии Русского государства») барона Христиана фон Любераса, сын которого служил в России, и сейчас же Люберасу было поручено составить окончательный проект.

Таким образом, здесь, как и всюду, не существовало никакой руководящей нити, послужившей точкой отправления подготовляющейся реформы, а в ее основание легли частичные обзоры иностранного происхождения. Пустились в путь, не зная твердо, куда приведет он, и горизонты расширились уже по дороге. Жизнь ставила задачи, но искать пути для их разрешения поручалось чужеземцам: они трудились над проектами, Петр схватывал их налету и извлекал из них все существенное, затем наступал черед вмешательства его русских сподвижников, приспособлявших на практике эту сущность к условиям местной среды. Затем издавался указ, по большей части все-таки слишком рано. Применения на практике обнаруживали недостатки замысла, и Петр всегда проявлял большую проницательность, а также большую искренность в признании ошибок. Все сделанное приходилось переделывать и начинать снова на других основаниях.

Вот почему, несмотря на все указы, в 1717 году коллегии еще находятся в подготовительном состоянии. В этом году ограничились определением их количества и свойств и назначением председателей. После чего продолжительное отсутствие государя приостановило дальнейшее движение дела. Если Голиков и сам Петр в своем журнале упоминают о коллегиях, то это относится к канцеляриям – военной, адмиралтейской и иностранных дел, уже принявшим такое название в обиходном языке. Но камер-коллегия,

или канцелярия казенных сборов, осуществилась окончательно только в 1722 году; остальные коллегии лишь подготавливали свою организацию с 1720 по 1721 год. И Петр сам в этой работе не принимал почти никакого участия. Только в 1722 году он вмешался в нее более подробно по поводу коллегии адмиралтейства, регламент которой пожелал лично составить. Тогда обнаружилось, что он находился в полном неведении всего сделанного и что его представления в этом отношении оставались весьма первобытными, совершенно поверхностными. 11 мая 1722 года он издал указ, повелевавший всем коллегиям принять редакцию регламента, списанную с регламента адмиралтейства, *ограничиваясь лишь изменением названий, где то окажется необходимым*. Не только у остальных коллегий уже были собственные составленные регламенты, но единственная из них, решившая исполнить буквально волю государя, *восточная коллегия*, применяя его, попала в смешной просак.

Результаты реформы при жизни Петра обнаружились лишь частично. Один из них оказался непосредственно благотворительным, а именно: восстановление *единства казны*, уничтоженного разрушением административной централизации после создания губернаторств. Вскоре за тем последовало восстановление бюджетного равновесия, пошатнувшегося с 1704 года. И все-таки эта благотворительная сторона была сейчас же испорчена быстрым возвращением в области практического применения к народным заветам, отрицательно относившимся в данном случае к восприятию западного метода. После *обобщения* в принципе приступили к *специализации* доходов и расходов, предназначая известный источник доходности на определенный расход. И беспорядок распространился на администрацию. Подчинив коллегии Сенату, для трех из них сделали исключение, а именно для воинской, адмиралтейской и иностранных дел, получивших право непосредственного сношения с государем, занимая таким образом иерархически положение выше Высокого Собрания. И децентрализация снова появилась вместе с отсутствием дисциплины и беспорядком.

И это еще не все. Организация коллегии была дополнена присоединением шведских финансовых провинций. Мысль превосходная; только провинции эти оказались двойниками губернаторств, представлявших уже округа одновременно финансовые и административные и продолжавших свое существование. Сами коллегии во многих отношениях являлись двойниками Сената. Теперь был избыток колесных систем, но ощущался недостаток в людях, чтобы пустить их в ход. Для заполнения бесконечно размножившихся канцелярий пришлось прибегнуть к услугам шведских пленников! Обстановка была заведена сразу слишком роскошная. Настроили дворцов, которые, подобно домам новой столицы, угрожали остаться пустыми. Трудно было даже подобрать достаточное число приличных сенаторов. Один из первых назначенных, Михаил Владимирович Долгорукий, не умел писать! Все были совершенно неопытны в делах, не имели никакого представления об истинной цели своих полномочий, никакого желания честно их выполнить и в большинстве люди совершенно недобросовестные. «В коллегиях они тратили время, – говорил указ Петра, – на болтовню и перебранку», словно уличные торговки. В Сенате князь Волконский, директор Монетного двора, и Апухтин были уличены во взяточничестве в 1715 году, «биты кнутом и языки прижжены раскаленным железом». Но наказание, наложенное на недостойного чиновника, по большей части не влекло за собой его устранения от должности. Слишком трудно было бы найти ему заместителя. В 1723 году Скорняков-Писарев потерял свое место прокурора государственного контроля, чины и имущество, но, разжалованный в солдаты, получил приказание наблюдать за работами Ладожского канала.

Подобно армии, Петру удалось создать администрацию, по внешности напоминающую европейскую. Но ему легче было набрать солдат, чем администраторов. Заимствовав у Европы форму коллегии, Преобразователь не сумел, да и не старался, усвоить также ее живительного духа: принципа работы сообща, разделения ответственности – «плода слишком экзотического, чтобы привиться в России», как недавно выразился один русский писатель. Только создалась новая бюрократия.

II

Нравственное основание, на котором архитектору пришлось созидать свое сооружение, в значительной степени служит причиной недостатков этого сооружения. Как на администрации, это отразилось и на полиции великого царствования. Главнейшей заботой последней было преследование разбойничества, этой общественной язвы, поддерживаемой и питаемой грубостью нравов, народной склонностью к бродячей жизни, политическими смутами XVI и XVII веков. Тщетно государь клеймил преступников раскаленным железом; в этом отношении все классы общества вступили с ним в борьбу. В 1695 году князь Ухтомский и два брата Шереметевы были захвачены в Москве, когда среди белого дня грабили дом и убивали его обитателей. Предшественники Петра содействовали увеличению зла, колеблясь между двумя способами его искоренения, поочередно применявшимися: чрезмерной суровостью и чрезмерной снисходительностью. Теперь не было больше вопроса о колебании и нетрудно догадаться, в какую сторону склонился выбор царя. Один указ повелевал отрезать носы *до кости* разбойникам, почему-либо не повешенным, другой приказывал немедленно и без исключения вешать всех попавшихся в руки. Последствия сказались плачевными. По мнению Посошкова и по признанию самого Петра, число ослушников увеличивалось. Таковы были результаты общего строя правления чересчур сурового, чересчур требовательного, Разбойники и мятежные казаки были по большей части лишь бунтовщиками, воздавались *артели* злодеев, как в иных местах клубы революционеров. В С.-Петербурге полиция предъявляла требования бесконечные, мелочные, чрезмерные: в стране, где нищенство в течение веков представляло обыденное условие общественной жизни, милостыня наказывалась штрафом, а протянувшему руку на улице грозило наказание кнутом или каторжные работы. Это служит достаточным доказательством тому, что принятые меры ни к чему не приводили. Так же бессильны оставались старания полиции сократить количество пожаров, «борьба против Вулканусовой силы», по выражению Петра, – этого второго местного бедствия. В Москве в 1712 году пламенем было уничтожено в один день девять монастырей; восемьдесят шесть церквей, тридцать пять богаделен, тридцать два общественных учреждения, четыре тысячи частных домов, причем погибло сто тридцать шесть жертв.

Обществу трудно было освободиться от своего дикого состояния, а содействие, оказываемое администрации и полиции правосудием, не клонилось в пользу ускорения эволюции.

III

Петру в этом отношении приходилось бороться с представлением, укоренившимся, неизгладимым до весьма недавнего времени, превращавшим в глазах всей России всякую административную или судебную должность не в обязанность, но в доходное место. В том отражалась и надолго запечатлелась старинная система *кормления*. Место кормит лицо, его занимающее, и только для этого и предназначено. «В России правосудие – предмет торговли», – писал сербский публицист Крижанич, современник Лока. И Посошков подтверждает такое заявление. Все иностранцы, Герберштейн, Флетчер, Олеарий, Маскиевич, указывают на это зло. Петру не удалось с ним справиться. В 1724 году ему снова пришлось издавать указы против взяточничества судей.

Князья московские добились своего главенства не столько мечом, как подарками, раздаваемыми татарским должностным лицам; Россия вышла из этой школы и сохранила ее отпечаток. Зло въелось в ее плоть и кровь. Впрочем, Петр слишком поздно спохватывается относительно этой части своей задачи. За исключением указа 1714 года против лихоимства, дополненного указом 1724 года, и некоторых мер, принятых в 1716 году для устранения медленности уголовного судопроизводства и очищения тюрем, вплоть до 1718 года он воздерживался от всякой попытки общей реформы. Наконец его внимание устремилось в эту сторону, и, как всегда, он намеревался все сделать сразу, одним взмахом поставить дело на европейский лад. Снова образцом послужила Швеция, и в Стокгольме сняты были копии со множества документов, могущих дать нужные указания. Воеводы лишены были своих судебных прав, а в провинции учреждены суды первой и второй инстанции, судебные палаты в столицах и главнейших городах.

Преобразователь здесь, как и всюду, проявил громадное напряжение усилий и удивительное сознание собственного долга. К нему обратился жалобщик; он отказался его выслушать и принять от него письменное заявление. «Жалоба на вас», – возразил проситель. «Давай». И государь был присужден Сенатом, которому передал дело, к возмещению убытков, что исполнил без малейшего возражения. У него бывали удачные мысли, вроде указа 1716 года, запрещающего подвергать пытке беременных женщин, за исключением, увы, дел, касающихся государственной безопасности; или отмены в 1718 году варварского обычая правежа. Но общий результат все-таки оставался неудовлетворительным. В 1723 году после процесса Шафирова во всех судах империи появилось на столе, где заседают судьи, трехликое изображение из позолоченного дерева, увенчанное двуглавым орлом, сохранившееся там и поныне. Петр приказал начертать на этом *зерцале* текст трех приказов, изданных тогда же, и эти приказы не что иное, как жестокое изобличение современных судебных нравов: судей, вооружающихся всем своим искусством, чтобы, прикрывшись мантией правосудия, удобнее его нарушать, извращая его смысл, чего не встречается ни в каких иных странах, тех, кто не стыдится не знать или не понимать установлений, применение которых на них возложено; наконец, тех, кто, подобно Шафирову, не боится пренебрегать и преступать открыто закон, блюстителем которого поставлен.

Две причины составляли главное препятствие к достижению непосредственного успеха в области правосудия: первое препятствие, и наиболее важное, заключалось в невозможности придать настоящее значение самому понятию о законности при общем строе, являвшемся прямым его отрицанием. Освобождение этого понятия от грубого, невежественного представления, затемнявшего его смысл в глазах населения, составляет, без сомнения, одну из великих заслуг Петра. Он первый сумел отличить здесь принцип, не зависимый до известной степени от воли государя и стоящий выше ее. Раз закон установлен,

все должны ему подчиняться, начиная с царя. И Петр подавал пример. К несчастью, едва ему удалось преодолеть господствовавшее бесправие, как он подорвал значение этого благодеяния применением и злоупотреблением власти, которую забывал сдерживать. Правда, он преклонялся перед законом, но закон был только его личной волей, – часто весьма своенравной, всегда очень изменчивой, выраженной посредством указа! Великий поэт, задумавший сделаться историком, чтобы лучше воспеть народного героя, различает в его законодательной деятельности характерную разницу между *установлениями* и *приказами*. Первые указывают на ум ясный, полный мудрости, вторые, созданные минутной вспышкой, часто отличаются жестокостью, «словно написаны кнутом».

«Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые – нередко жестокие, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые – дела для вечности, вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика». История учреждений, созданных Петром, основанных, разрушенных и переделанных много Раз им самим, позволяет признать за таким утверждением лишь ограниченную долю правды. Ни в одном из его законодательных актов нет ничего постоянного, без сомнения, он старался добиться лучшего. Замечательной чертой является забота, с какой он неизменно сообщает с несколько излишним многословием основание каждого из своих решений и в чем последующее лучше предыдущего. Следы такого дидактического направления до сих пор сохранились в русском законодательстве. Но часто это «лучше» только кажется таким в данную минуту. Надо заметить, что все законодательство Петра резко отличает понятие о законе от всякого нравственного сознания. Закон при нем *не то, что справедливо*, но *то, что должно или не должно делаться* по причинам, часто совершенно чуждым этике. Человек виновный, подлежащий наказанию, не тот, кто *дурно поступает*, но просто тот, кто *нарушает постановление указа*. Способ применения наказаний является в этом отношении любопытным указанием. В январе 1724 года французскому ремесленнику по имени Гильом Белэн, присужденному к каторжным работам за убийство, наказание было смягчено: его отправили на судостроительные верфи, чтобы он занимался там своим слесарным ремеслом и обучал ему местных рабочих. Деспотизм и утилитаризм – вот два полюса, между которыми колеблется судебный дух той эпохи. Случалось также, что наложенная кара заменялась принятием виновного в лоно православной церкви. Крещение вместо плетей!

Перейдем ко второму препятствию. Петр много законодательствовал, но самое изобилие и продолжительность законодательной деятельности помешали ее кодификации. Первый по времени русский свод законов, «Судебник» Ивана Васильевича (1542 г.), остановился на судебных поединках в случае недостаточности улик. *Уложение* Алексея Михайловича (1649 г.) – скорее перечень судебной практики, установленной обычаями страны. В 1695 году, во время двойного царствования Ивана и Петра уже чувствовалась потребность новой кодификации, и приказом было велено приступить к подготовительным работам.

Очевидно, не проявили слишком большого усердия, потому что в 1700 году дело было передано в Боярскую Думу. Дума обратилась к приказам с просьбой о доставке материалов, и тем ограничилось. Вскоре за тем она сама была упразднена, а Петр долгое время был поглощен иными заботами. Только в 1714 году снова был поднят вопрос о кодификации, и, конечно, поручение было возложено на Сенат. Он начал тем же, чем начала Дума; приказы

ответили тем же, чем отвечали в 1700 году, то есть полным молчанием, и работа снова замерла.

Общая несостоятельность имела веское оправдание: как составлять свод законов, с одной стороны, когда, с другой, продолжалось непрерывное законодательство? Деятельность Петра ежеминутно изменяла условия задачи; все менялось, делалось и переделывалось изо дня в день; одна волна уносила то, что приносила другая. В 1719 году Преобразователь решил прибегнуть к одному из героических средств, излюбленных его гением. Чем составлять свод законов, почему не позаимствовать готовое уложение? Год тому назад царя уже прельщала мысль о судебной антологии, где законы шведские и датские сочетались бы с выборкой из обычаев отечественного судопроизводства. Теперь он пришел к намерению поступить более просто, применив целиком шведский свод законов, заменив положения, совершенно не применимые в России, заимствованиями из Уложения 1649 года. Чтобы привести в исполнение эту программу. Сенат назначил из своей среды в 1720 году специальную комиссию, к которой были присоединены иностранные юристы. Но в 1722 году ее работы привели только к признанию полной непригодности шведского кодекса в применении к местным нуждам. А прилив указов все возрастал!

В 1724 году Петр, при всем своем упорстве, по-видимому, сам отказался от повторения попыток в таком направлении; указом от 11 марта он решил, что законы, которые будут впредь издаваться, за неимением иного свода законов послужат продолжением Соборного Уложения 1649 года.

Нельзя лично на него возлагать ответственность за эту неудачу. Для достижения большего успеха в его распоряжении не имелось ни юридических принципов, в достаточной степени проникнувших в понимание и сознание хотя бы избранного общества, ни юристов, способных поддержать его усилия. Политическое и общественное здание, наскоро им воздвигнутое, долго еще представляло с этой стороны неприятное зрелище: вид старой стены, наспех оштукатуренной, с трещинами, мхом и грибами, пробивающимися сквозь слой известки. И таков почти повсюду облик всего здания. Нельзя за двадцать лет, даже работая огнем и железом, выполнить работу тысячелетия.

Глава 7

Армия и флот

I

Петр не создал в России хорошо устроенных финансов; он оставил ей военную организацию, доказавшую свои блестящие качества и составляющую одну из наиболее бесспорных и славных заслуг Преобразователя. Но его дело, даже в этом отношении, не имеет характера *личного создания*, обыкновенно ему приписываемого, и, с другой стороны, не является вполне безупречным. Не входя по этому поводу в спор, превышающий нашу компетенцию, мы ограничимся кратким изложением фактов, наиболее выдающихся, и мнений, наиболее авторитетных.

О предшественниках великого мужа можно сказать, что у них было двести тысяч вооруженных людей и ни одного солдата. Весьма живописный вид этой армии не имел ничего воинственного. Наряду со средневековым рыцарем, закованным с ног до головы в

латы, красовался всадник на неоседланной худой кляче, с палкой в руках вместо всякого оружия и мешком ржи за плечами в виде воинского снаряжения. Не существовало никакого правильного набора для такого разношерстного войска; просто сборище вооруженных людей, принадлежащих все к одному классу – земельных собственников. Никакой подготовки в военном искусстве; военные упражнения в мирное время были вещью незнакомой. Не было организованного начальства, предводительство над войсками принадлежало по праву представителям местной аристократии – боярам, окольниковым. Не было интендантства: люди снаряжались и питались как хотели и как могли. Наконец, эта армия состояла почти исключительно из кавалерии и, следовательно, совершенно не соответствовала требованиям современного ведения войны.

Но такое положение вещей не оставалось неизменным до воцарения Петра. С XVI века царь Федор Иванович (1584–1598) уже имел некоторое количество регулярных войск, обученных и одетых по-европейски. Француз Маржерет и лифляндец фон Розен, находясь у него на службе, командовали отрядом в две тысячи пятьсот человек, состоявшим преимущественно из поляков, лифляндцев, немногих шотландцев, датчан, шведов, французов и греков. Непосредственные предшественники Петра, Алексей и Федор Алексеевич, пошли далее. Они завещали своему преемнику первую попытку общей реформы командования, рекрутского набора и даже преобразования армии в духе демократическом, сообразно требованиям того времени. Комиссия, учрежденная в 1681 году под председательством князя Василия Голицына, постановила в выборе военачальников руководствоваться проявленным дарованием. Вместе с тем личная служба земельных собственников была отчасти заменена поставкой рекрутов *даточных* соразмерно с обширностью владений. Наконец, появились *постоянные* регулярные войска, иностранные и даже местные, состоявшие из полков пехоты.

Личная заслуга Петра заключалась в развитии, надо сознаться, довольно непоследовательном и фантастичном, по крайней мере вначале, этого почина. 30 января 1683 года Сергей Бухвостов, придворный конюший, приставленный к царским конюшням, был первым завербован в *потешный полк* — затею юного царя. Впоследствии он был первым солдатом Преображенского полка. Затем туда были зачислены остальные конюхи, а потом постепенно и боярские дети, принадлежавшие к партии, враждебной правительству Софьи. В 1684 году уже имелся наличный состав в триста человек и ядро военного образования в Преображенском. В следующем году Петр решил произвести рекрутский набор. Число ополченцев достигло тысячи, и второй *потешный полк* был создан в Семеновском, откуда произошло название второго гвардейского полка. В 1690 и 1691 годах происходили первые маневры этого войска под названием Семеновской кампании. В 1692 году *потешные полки* получили свою окончательную организацию. Петр значился сержантом в Преображенском полку. В 1694 году во время *Кожуховской кампании* — вторых маневров – оба полка принимали участие как правильно организованные тактические единицы, уже потеряв качества и название *потешных полков*. Прекратилась игра в солдаты, подготовлялось серьезное дело. В том же году была сформирована рота бомбардиров, и царь был в нее зачислен под именем Петра Алексева.

Это было ядро будущей армии, не имевшей уже ничего общего в смысле устройства, дисциплины и обучения с древней *ратью* или ополчением разного рода оружия. Только Лефортовский полк – недавнего происхождения – и Бутырский полк, возникший в 1642 году при Михаиле Федоровиче, до известной степени имели сходство с новой организацией.

Она доказала свое сравнительное превосходство под стенами Азова в 1695 году. Однако до 1699 года Петр ничего не предпринимал для распространения и обобщения принципа, положенного в основу этой организации. Он ограничился уничтожением стрельцов, чем разрушил прежнюю армию, не создав на ее место новой. Для возбуждения творческой деятельности великого мужа понадобилась шведская война. Но тут последовал взрыв: мощный поток соображений и приказаний, не считавшихся ни со временем, ни с пространством, ни со средствами, ни с благоразумием.

Приказания дышали бесподобной отвагой и смелостью, соображения часто отличались оригинальностью. Прежде всего Преобразователь отказался от способа вербовки, принятого в большинстве современных армий; он остановился на системе рекрутского набора, отличавшейся от теперешнего обязательного отбывания воинской повинности только своим характером, не индивидуальным, но коллективным. Надо сознаться, что в этом различии заключается коренной недостаток всей системы. Обязательство каждого сословия представить соответствующее количество рекрутов привело к прискорбным уловкам замещения и освобождения посредством наемных ставленников. Петр добавил к этому службу *пожизненную*, что противоречило принятому принципу общего управления, так как не могли же все служить в армии, ряды которой опустошались только смертью, кроме того, это отделяло армию от народа, придавая ей характер замкнутой касты, и, наконец, создавало из нее армию инвалидов.

Таким образом, опередив Европу в некоторых отношениях, план страдал отсутствием уравновешенности. Вначале все дело сводилось к созданию материальному. Дух военных установлений Запада, составляющий их главную силу, по-видимому, отсутствовал. Доказательством тому вскоре явилась осада Нарвы. Из тридцатидвухтысячного состава регулярных войск, уже находившихся в распоряжении Петра, только полки Преображенский и Семеновский оказались способными на некоторое сопротивление; но, разрядив до двадцати раз свои ружья, по свидетельству Посошкова, они не убили никого.

Это второе испытание наконец открыло молодому государю значение нравственного элемента, с которым он до сих пор совершенно не считался в своих быстро выполненных преобразованиях, и направило его на верный путь. Не забывая об остальных элементах действительного могущества, он стал относиться впредь с особой заботливостью к воспитанию души солдата. В этом главным образом заключается его заслуга, более важная, чем учреждение пушечных заводов на Охте и в Туле, пороховых фабрик, основанных в Петербурге и на Охте, военно-инженерного училища, открытого в Москве, и даже первого, приписываемого Петру опыта конной артиллерии. К концу царствования у него уже имелось сорок полков пехоты, тридцать три драгунских полка, пятьдесят семь тысяч девятьсот пятьдесят шесть пехотинцев и тридцать шесть тысяч триста тридцать три лошади в постоянной армии, не считая войск иррегулярных, казаков, калмыков и т. д. Но самая численность, при всей своей внушительности, является лишь вопросом второстепенной важности в совершенном подвиге. Последний, прежде всего, велик могучим духом, каким творец сумел проникнуть и оживить свое создание. Воспитанный Петром, русский солдат из простого полубессознательного животного превратился в существо мыслящее, повинующееся, что бы ни говорили, также иным побуждениям, кроме страха наказания. У него есть идеал и душевное мужество, сознательная храбрость, не внушенная палкой. Возражая против оценки, слишком легко признанной в этом случае, мы приведем лишь одну черту: в то время как на Западе война из-за испанского наследства привела к

окончательному признанию превосходства механического строя в боевых построениях, Петр упорно отстаивал у себя принцип действия, органически независимого, – отдельных тактических единиц, и его военные инструкции и регламенты неизменно проникнуты тем же духом: заботой развить и предоставить свободу личной инициативе сражающихся.

Военное законодательство Петра, хотя весьма тщательно изученное и в виде исключения поддавшееся кодификации, не во всех отношениях заслуживает подобной похвалы. С точки зрения дисциплины и наказания оно идет совершенно вразрез с принципами, положенными в основу организации и воспитания вооруженной силы, является полным нарушением здравого смысла. В защиту его приводился тот аргумент, что в суровости мер, варварстве способов наказания – отрубании голов, казней через повешение, четвертовании, отрезании носов и ушей – оно лишь подражало иностранным образцам, именно французскому военному кодексу, даже смягчая в некоторых случаях его строгость в смысле большей гуманности. Но слова защиты малоубедительны. Законодательство не сообразовалось с различием между составом русской армии и прочих западных армий. Русский солдат, современник великого царствования, не был, по крайней мере в принципе, *рекрутом* в немецком или французском значении этого слова; он не принадлежал, как очень часто случалось там, к подонкам черни. Скорее, опять-таки в принципе, он являлся представителем лучших сил народа, даже на самом деле по большей части представлял элемент значительно высший. Этого не сумел понять сам Петр. Поэтому он только достиг всеобщего повального бегства, красноречиво выразившегося в количестве его указов, касающихся преследования *нетчиков*, *рекрутов*, уклонившихся от набора, ослушников, бежавших от службы, превращенной в безжалостное, бесчеловечное рабство.

С другой стороны, всей энергии и умению Петра не удалось справиться с некоторыми причинами отрицательного качества, еще в недавнее время губительно отражавшихся на успехе русского оружия: с недостатками администрации, неудовлетворительностью высшего начальства. Нам кажется, что опыт в достаточной степени освещает это второе различие, часто отрицаемое, между природными свойствами и качествами человека, так сказать, инстинктивными, и теми, которые являются последствием долгой и кропотливой культуры. Петр в этом отношении не мог переступить вечных законов мира умственного и нравственного. Храбрость и даже честь – явления элементарного порядка и встречаются даже в состоянии диком.

Другое дело знание или честность. Древняя *Московия* не отличалась воинственностью; победы князей московских над татарами были плодом политики коварства и терпения; современная Россия могла быстро сделаться воинственной и геройской; Петр легко разбудил инстинкты, способствовавшие такому превращению, такому возврату к далеким заветам норманнской эпохи. Но он напрасно старался подняться выше этого. Однако, подарив государству полтавскую армию, он создал из нее прекрасное орудие, средство осязательного могущества и в то же время нравственного прогресса. Настоящее величие России возникло при его помощи.

II

В том, что касается мореплавания, – флота военного или флота торгового, современников великого царствования, – мы отважимся выставить иные оговорки. В

поспешности и неумеренности, здесь обнаруженной, по нашему мнению, сказалось проявление атавистического инстинкта, сделавшегося нерациональным, принимая в расчет местные условия, и обратившегося в каприз безудержного самовластия. Примеры прошлого, потому что и в этом направлении были примеры, должны были бы предостеречь Петра против увлечений воображения. В царствование Михаила Федоровича, желая использовать течение Волги для сношений с Персией, голштинские купцы испросили разрешения выстроить в Нижнем Новгороде известное количество судов; позднее Алексей Михайлович сам принялся за судостроительство в Дединове, при слиянии Москвы с Окой. Все эти попытки окончились неудачей: гибелью голландских кораблей на Каспийском море, захватом и уничтожением остальных Стенькой Разиным в Астрахани. Сама природа в этой стране, не имевшей морских берегов, казалось, возмутилась против учиненного над ней насилия.

Пустившись в плавание по бурным волнам Белого моря на яхте, наскоро выстроенной на астраханских верфях, только что созданных, Петр подвергся сам и подверг своих спутников большой опасности. Прибегнув к содействию голландских кораблестроителей, он уже обладал в 1694 году тремя судами: кораблями, одинаково пригодными для двух целей – военной и торговой, выстроенными по типу, выработанному первыми судохозяевами из опасения волжских разбойников и надолго сохранившемуся в отечественном судостроительстве; но эта эскадра являлась просто забавой, и молодой государь понимал это настолько хорошо, что в 1695 году неожиданно бросил свой северный порт и все старания, там потраченные, а также увеселительные прогулки. Он снова возвратился к тихим водам Яузы, где прежде всего обнаружились его мореплавательные фантазии. Там он принялся, взяв за образец остов голландской галеры, привезенной к месту строительства на санях, за подготовку флотилии, перевезенной затем – все сухим путем – в Воронеж, спустившейся по Днепру и содействовавшей взятию Азова.

Нам уже пришлось говорить о сомнительном успехе этой второй попытки. В следующем году военная флотилия, в свою очередь, оказалась в ряду игрушек, переставших нравиться. Теперь Петр стремился прежде всего иметь торговый флот, и, верный своей манере добиваться намеченной цели, он допускал возможность приобрести его сразу, превратив свое желание в повеление и прибегнув к властным приемам. 4 ноября 1696 года, собрав в Преображенском совет, он решил, что все собственники, миряне и духовенство, обладающие сотней домов и больше, должны были в течение месяца явиться в Москву в поместный приказ для корабельной раскладки, кому с кем быть в *кумпанстве* для постройки торговых судов. Архимандриты, владевшие недвижимостью в монастырских имениях, не составляли исключения, и патриарх обязан был соорудить два пятидесятипушечных фрегата! Количество снаряженных таким образом судов также было определено. Их приказано было выстроить восемьдесят, а еще восемьдесят государство предполагало построить на своих верфях. Их формы и вооружение были также точно обозначены.

Постройка должна была окончиться в два года. Смертная казнь для запоздавших! Все повиновались, и к назначенному сроку все было готово; только 20 апреля 1700 года вышел новый указ, повелевавший упразднить кумпанства, исполнившие волю государя, организовавшие и создавшие флот, но положительно не умевшие им пользоваться.

Вся эта громадная затрата времени, энергии и денег снова привела лишь к морской демонстрации, имевшей, однако, известное значение. В августе 1699 года русский корабль

переплыл Черное море и вошел в Константинопольский рейд, конечно, с мирными намерениями, доставив двух царских уполномоченных, имевших поручение приступить к заключению окончательного договора. Но все же появление корабля вызвало сильнейшее волнение среди турок. Дипломатические аргументы, просьбы и угрозы – все было пущено в ход, чтобы преградить дорогу этому посетителю. Но Петр настоял на своем. И, в сущности, такой демонстративный характер остался связанным со всей будущностью русского военного флота. Он действовал и достигал цели главным образом нравственным воздействием. Что касается донской флотилии, засевшей в Воронеже благодаря мелководью Дона, ей нельзя было воспользоваться в 1711 году при возобновлении враждебных действий с Турцией. После же потери Азова она сделалась совершенно неприменимой. Часть ее была уступлена тем же туркам, а остальная предоставлена разрушению.

Более серьезным казалось создание северного флота, вызванное войной со Швецией. Первые шаги его были геройскими. Захваченные шведами и принужденные служить лодчанами при нападении на Архангельск, в июне 1701 года два русских матроса, Иван Рябов и Дмитрий Боринов, привели неприятельские корабли под крепостные пушки, где те были разбиты и взяты в плен. Избитые, герои притворились мертвыми и наконец все-таки спаслись. Затем последовало несколько удачных сражений на Ладожском озере, обладание которым осталось за русскими. В 1703 году, после победы у устья Невы, в Олонеке на Олонке были устроены кораблестроительные верфи. Год спустя было основано С.-Петербургское адмиралтейство, а при взятии Дерпта и Нарвы молодой балтийский флот уже помогал в перевозке войск и провианта. В 1705 году он отразил нападение шведов на остров Котлин, в 1706 году захватил в плен под стенами Выборга большое шведское судно, в 1710 году принимал участие во взятии Выборга. Но все-таки еще Финский залив, державший в осадном положении все побережье Балтийского моря, оставался в руках Швеции. Одно только численное превосходство ее войска обеспечивало ей такое выгодное положение. Правда, уже в 1701 году, при свидании с Августом в Биржах, Петр похвалялся своему царственному другу, что обладает восьмьюдесятью шестидесяти- и восьмидесятипушечными кораблями, из которых один, построенный по его собственному чертежу, называется «Божье Предвидение». «У этого корабля на носу находится изображение св. Петра; над аллегорическим изображением, также нарисованным самим Петром, лодка, на которой дети пускаются плавать по морю». Петр, бесспорно, составлял чертежи и рисунки, но эскадра, с которой двенадцать лет спустя он предпринял победоносную осаду Гельсингфорса и Боргё, состояла всего из семи линейных кораблей и четырех фрегатов, из числа которых три корабля и два фрегата были куплены за границей.

Эта самая эскадра, сопровождавшая флотилию из двухсот галер и других мелких суденышек, участвовала в первой значительной морской победе, какой могут гордиться летописи русского флота, – в сражении при Гангуде (Ганго-Удд), где 25 июля 1714 года шведский адмирал Эреншёльд отдал свою шпагу Петру Михайлову. Эскадра опустошила в 1719 году берега Швеции, а в 1721 году, дозволив генералу Лесси совершить высадку на шведский берег, сильно содействовала ускорению Ништадтского мира. Но победоносными делами эти выступления, по большей части сохранявшие характер *демонстраций*, численность и качество *войск*, находившихся на флотилии. Так, Апраксин имел при себе в 1719 году двадцать семь тысяч человек пехоты. Битвы, происходившие неизменно в очень близком соседстве от берегов, тоже не были похожи на настоящие морские сражения. Там господствовал элемент сухопутный и обеспечивал успех.

В общем, как с точки зрения военной, так и с точки зрения торговой, Петр приложил много бесплодных стараний, чтобы обратить русский народ в мореплавателей. Жители обширного пространства, окаймленного морями, далеко не гостеприимными, не были виноваты, что не сумели приспособиться к фантазии своего царя. В торговом отношении Россия до сих пор остается данницей иностранных флотов. Военный флот Дона со своими подражаниями галерам голландским, английским, венецианским оказался затеей дорогой и неудачной. Необходимость уменьшить осадку даже не позволила воспроизвести основные мореходные качества взятых образцов. Благодаря более благоприятным местным условиям и опыту, приобретенному государем, его северные верфи удались лучше. Они даже внушили некоторое беспокойство Англии, однако, как доказали последствия, забившей тревогу слишком рано. Неумеренность и поспешность – два недостатка, свойственные всем созданиям великого мужа, – здесь, как и в других случаях, помешали успеху стараний. Лес, употребленный в дело, был слишком сыр, оснастка плохого качества, матросы не были обучены. Течь, потеря мачт, неопытность и неподготовленность команды, наскоро набранной, уносимой болезнями, – ежедневные явления в истории Петровского флота. Число судов всякого рода, линейных кораблей, фрегатов или галер, построенных в эпоху великого царствования, достигало почти тысячи; но когда в 1734 году, девять лет спустя после смерти Петра, для предполагаемой осады Штеттина понадобились их услуги, то налицо с трудом оказалось пятнадцать, способных держаться на воде, и ни одного офицера, чтобы ими командовать.

Петр пошел слишком быстрыми шагами, а главное, хотел зайти слишком далеко. Создать в России флот было прекрасной мыслью, превратить Россию в Голландию – безрассудным намерением. Учреждая в двадцати пяти местах своей империи, иногда очень далеких от моря, верфи, последовательно заброшенные, заменяя канцелярию мореплавательных сооружений во Владимире адмиралтейской канцелярией в Москве, причем оба пункта находятся от моря на расстоянии более шестисот километров, Петр придал своему созданию характер искусственности, сохранившейся и по сие время. Перенесенные позднее в С.-Петербург вместе с канцелярией военного флота (1712 г.), сосредоточенные окончательно в новой столице совместно с коллегией адмиралтейства (1719 г.) предприятия могут показаться предназначенными главным образом для доставления царю развлечения и иллюзии. Без сомнения, они содействовали если не обоснованности, то предоставлению некоторых веских аргументов оппозиции, с какой пришлось столкнуться всей деятельности Преобразователя, к чему мы вернемся в заключении.

Деятельность великого преобразователя и трудности, с какими ему приходилось бороться, плохо оценены были даже людьми, равными ему по положению. «Он обрабатывал свой народ, как крепкая водка железо», – сказал великий Фридрих, может быть, не без чувства зависти. Сравнение несправедливо. Перед жестоким и внезапным нападением на свои привычки, понятия, чувства, напоминающим удары молота и топора скорее, чем медленное действие кислоты, русский народ не оставался совершенно пассивным. В наиболее резких проявлениях своего гнева и мстительности Петр часто только противопоставлял насилие насилию. То доказывается протоколами Преображенского приказа. «Разве это царь? – воскликнул в 1698 году узник, подвергнутый допросу. – Это турок! Он ест мясо по средам и пятницам и приказывает жарить себе лягушек! Он заточил свою жену и живет с чужестранкой! Разве это царь?» Крик удивления, смешанный с негодованием, чаще всего выражал возмущение оскорбленной совести. И следует рассуждение: «Не может быть, чтобы этот человек, для которого не существует ничего заветного из того, что в течение веков составляло веру и жизнь святой Руси, родился от русских людей. Это, наверное, сын немца. Это сын Лефорта и немки, подложенный в колыбель вместо сына Алексея и Натальи. Настоящий Петр Алексеевич остался за границей в 1697 году. Немцы его не пустили, а на его место прислали самозванца. А может быть, это сам антихрист». «В 1701 г. писатель, по имени Талицкий, был присужден к смерти за печатное распространение последнего предположения, и позднее Стефан Яворский сочинил книгу, которая должна была доказать ложность такого утверждения цитатами из Апокалипсиса». В 1718 году, проезжая через деревню по дороге в Петербург, один иностранец увидел толпу в триста или четыреста человек. Священник, к которому он обратился с вопросом, что такое здесь происходит, ему отвечал: «Наши отцы и наши братья лишились бород; наши алтари – своих слуг; самые святыя наши законы нарушены, и мы стоим под игом иностранцев!» Таким образом подготавливалось восстание.

Кара, постигая стрельцов, правда, разбила дружные попытки мятежа; но единичные случаи возмущения и даже сопротивления все-таки повторялись часто. Они проявлялись иногда наивным и трогательным образом. Бедный дворянин принес в церковь и положил перед образом в присутствии царя писаную жалобу, обращенную к Богу. Но чаще всего пораженный в самое больное место, фанатичный последователь «Домостроя» подымал руку и пытался ударом ответить на удар. Покушения на особу царя повторялись из года в год. В 1718 году ла Ви сообщает о новом покушении, *двадцать девятом* по счету с начала царствования. «Нет никакого сомнения, – пишет Кампредон в 1721 году, – что сейчас же после смерти царя это государство вернется к прежнему образу правления, о котором все его подданные *втайне вздыхают*».

Конечно, оппозиция не была настолько всеобщей, чему вскоре получились доказательства. Все более робкая и слабеющая по мере того, как новый строй упрочивался в силе и крепости, она была бессильна серьезно воспрепятствовать его развитию, но окончательно все-таки не исчезала. Элементы, ее составлявшие, побуждения, ее

вдохновлявшие, способы действий, ей свойственные, ее дух и характер ясно обрисовываются и вполне высказываются в мрачной истории, печальным героем которой был старший сын Петра. И, желая высказаться так же ясно, мы остановим главное свое внимание на этом элементе движения, составляющем предмет обзора этой последней главы.

Задача наша в этом отношении облегчается и усложняется одновременно многочисленностью трудов, опередивших нас на этом пути. Целая литература – история, роман, драма, поэзия – пыталась во всех странах и на всех языках воскресить трагический образ несчастного царевича. Во Франции блестящий писатель придал несколько сухой работе русских историков личное очарование ярко-образного языка. Нам хотелось бы избежать повторений. Однако нам кажется, что облик событий и действующих лиц не выяснился до сих пор среди обрисовки, часто обаятельной, со всей желательной определенностью и возможно большей долей истины. Мы не берем на себя смелость утверждать, что наша задача удалась, как мы того желали, и просим у читателя снисхождения ввиду приложенного нами старания.

II

Алексей родился 19 февраля 1690 года. На портретах, дошедших до нас, он кажется человеком, вполне соответствующим своей истории и своему трагическому процессу: не красив, не дурен, с выпуклым лбом, круглыми беспокойными глазами, видом тщедушным и упрямым. Ни в физическом, ни в духовном отношении он ничего не унаследовал от отца; однако нет в нем также той непривлекательности, какую ему часто приписывают. Здоровьем он обладал, по-видимому, слабым и вскоре подорванным всякого рода излишествами; но он не болел определенной болезнью; он был одарен умом, от природы любознательным, любовью к чтению, способностями, свойственными всем славянам, к изучению иностранных языков и стремлением к знаниям, по крайней мере, к некоторым знаниям. Любимым его занятием, как его дяди Федора, было чтение богословских книг. В том сказался дух старой Московии, но также и «*Methodus instructionis*», учебника, составленного для молодого царевича одним из его воспитателей, бароном Гюиссенем, бывшим, по-видимому, человеком очень набожным. В делах процесса, начатого Петром против сына, находят выдержки из Борониуса, выставленные как улики против обвиняемого. В них сквозят черты иные, чем изобличаемые отцовской суровостью, – признаки души возвышенной, нежной. Алексею нравилось, что Феодосий и Валентиниан имели обыкновение освобождать узников в праздник пасхи, отменяли казни во время поста и запрещали отбирать у бедных людей топливо и постель. Правда, также ему нравилось, что один из государей с особой строгостью соблюдал пост, а другой был убит за посягательство на права церкви. В этом сыне и внуке полуазиатских деспотов видны некоторые свойства, принадлежащие, по современным воззрениям, человеку либеральному; но есть и другие – изобличающие в нем ярого фанатика. Он не был тупым и ограниченным. Иногда ему случалось бывать остроумным. Его спрашивают во время допроса, как осмеливается он предсказывать, что в один прекрасный день Петербург будет потерян, и он отвечает: «Ведь сумели же потерять Азов!..» Если он был невоспитан, груб, жесток – это прежде всего потому, что его с раннего возраста приучили пить через меру и он часто бывал пьян. И если ему случалось вцепиться в волосы своему второму воспитателю или даже схватить за бороду

своего духовника, протопопа Игнатьева, то такие вспышки кажутся невинными в сравнении с выходками его отца, ежедневно служившего ему примером. Невоспитанным, грубым, жестоким было все общество, среди которого жил царевич.

В Алексее, пожалуй, даже не было предвзятой враждебности к преобразовательному движению. Мы видели, как он интересовался пребыванием за границей и занятиями там сына одного из служителей и настаивал, чтобы юношу обучали латыни, немецкому и даже французскому языкам. Его пугало и беспокоило в стремлении Петра ускорить преобразовательное движение слишком большое усилие, слишком сильный толчок, слишком резкая перемена. И он был не единственный, оказавший сопротивление на такой почве: отвращение, вызвавшее его столкновение с отцом, разделяла с ним добрая половина России.

До девяти лет Алексей оставался при матери. На последней первые проявления реформ отразились далеко не благоприятно, и, вероятно, ребенку о том кое-что было известно. В 1699 году несчастную Евдокию заточили в Суздальский монастырь; сына это, без сомнения, повергло в отчаяние и послужило причиной его раннего озлобления. Мать заменяли наставники. Отец, постоянно отсутствовавший, поглощенный заботами войны, спохватился и вмешался в воспитание своего наследника довольно поздно. И тут произошло первое столкновение. Прежде всего, побежденный под Нарвой будущий победитель под Полтавой считал необходимым сделать своего наследника солдатом. Алексей не обладал воинственным духом. Напрасно Петр ему говорил великолепным языком об обязанностях, лежащих на государе. Да, конечно, долг его находиться в первых рядах, когда его подданные бьются; но зачем им биться? Не проще ли сидеть смиренно у себя дома и не трогать шведов? У ученика не хватало покорности, у учителя – терпения. После нескольких бесплодных попыток с одной стороны внушить другой любовь к суровому ремеслу, предмету споров, Алексей был предоставлен самому себе. Царь оставил его в Москве как ненужную вещь. Конечно, его дом стал там сборным местом всех недовольных, которых было немало вокруг стен Кремля, – всех тех, кого раздражали и смущали новые порядки с их непрерывными потрясениями, постоянной лихорадочной деятельностью, громадной затратой сил. Юноша и древний город друг другу подходили. Он его любил, а тот платил ему взаимностью. Царевич любил то, что есть действительно самого лучшего, самого привлекательного в древней столице, – ее бесчисленные святыни, соборы и часовни, разукрашенные золотом, драгоценными камнями и таинственными легендами, благоухающие тайной и наивной поэзией. «Думаете ли вы, – спросили у него впоследствии, – что ваша невеста согласится переменить религию?» Он отвечал с доверчивой улыбкой: «Я ее теперь не принуждаю к нашей православной вере; но когда мы приедем с нею в Москву и она увидит нашу святую соборную и апостольскую церковь и церковное святым иконам украшение, архиерейское, архимандричье и иерейское ризное облачение и украшение и всякое церковное благолепие и благочиние, тогда, думаю, и сама без принуждения возжелает соединиться с православной Христовой церковью».

И вот преобразовательное движение коснулось своей святотатственной рукой величия и красоты этих святынь! Оно лишило столицу патриарха; оно опустошило монастыри! Алексей беседовал о том со своим духовником. В своей опочивальне в Преображенском, при первой исповеди, он поклялся ему в вечном повиновении, обещал всегда видеть в нем «своего ангела-хранителя, судью всех своих поступков, апостола Иисуса Христа». И вот дрожащий голос пастыря ответил как эхо на его сокровенные мысли, возбуждая и раздражая их еще сильнее. Он говорил о негодовании духовенства, угнетении народа, а также о

надеждах, таящихся в наболевших сердцах, о благодетельной и целительной перемене царствования. Он вызывал воспоминание о матери, этой первой и столь трогательной жертве заблуждений и крайностей, от которых всем приходится страдать.

«Перемена царствования». Значит, сама церковь не видит иного средства к спасению! Вначале пораженный, ум юноши постепенно освоился с этой мыслью. После речей сурового пастыря московская знать старалась его к ней приучить. И знать горела негодованием и нетерпением, в особенности горько оскорбленная видом иностранцев-сподвижников, какими почти исключительно окружил себя Петр. Не захватил ли Меншиков около него собственное место царевича? «Перемена царствования?» Подготовить низвержение отца! Да, но также освобождение матери, избавление ее от незаслуженной опалы. Отца этого, впрочем, Алексей видел лишь изредка и всегда в роли наставника, сурового и раздраженного. Петр допрашивал его, как он проводит свое время, чему выучился. Никогда ни одного ласкового слова; все одни упреки, угрозы, иногда побои. И такие несправедливые в некоторых случаях, как в 1707 году, за посещение бедной суздальской затворницы!

В 1708 году Петром снова неожиданно овладело желание видеть своего наследника за делом, «заставить его служить», как он выражался. Он послал его в Смоленск в качестве комиссара по продовольственной части, затем в Москву с поручением укрепить город против ожидаемого нападения шведов. Опыт не удался. Гнев отца; письмо сына к наиболее влиятельным лицам из приближенных царя с просьбой о заступничестве, между прочим, к новой фаворитке, будущей мачехе, которую пока и будущий пасынок называл просто Екатериной Алексеевной. В следующем году, командуя подкреплением, потребованным царем, царевич простудился и не мог присутствовать при Полтавской битве. Очевидно, он был слишком хил для изучения великого ремесла. Чтобы сделать из него удовлетворительного преемника, надо было попытаться что-либо другое. Петр решился послать сына в Германию для усовершенствования в науках. Может быть, там удастся развить в нем склонность к цивилизации, элементы которой остаются ему слишком чуждыми? Наконец, там изберет он себе супругу, влияние которой поможет изменить направление его мыслей.

Алексей пришел в восторг от такого решения, первым последствием которого было увеличение пространства, отделявшего его от отца. Он направился в Дрезден, где занялся или сделал вид, что занялся, изучением геометрии и искусства фортификации, продолжая поддерживать деятельную переписку с Игнатьевым, приславшим ему младшего духовника, переодетого лакеем, и с остальными московскими друзьями, сообщавшими ему о своих обычных горестях и надеждах. Он также позволял себе некоторые развлечения и заботился столько же о спасении души, как о замещении любовных связей, покинутых в древней столице. Крайняя набожность в византийском духе хорошо уживалась с известной развращенностью нравов. Но Петр окружил сына целой свитой доверенных агентов, обязанных если не охранять его добродетель, то, по крайней мере, женить его как можно скорее. Неожиданно царевич уступил их настояниям, остановив свой выбор на принцессе Шарлотте Вольфенбюттельской, сестра которой вышла замуж за будущего императора Карла VI. Партия была весьма приличная. Свадьбу отпраздновали 14 октября 1711 года в Торгау, во дворце польской королевы, курфюрстины Саксонской. Шарлотта получила воспитание у нее.

Петр имел счастливую мысль, испорченную, увы, как слишком часто с ним случалось, чересчур большой нетерпеливостью в исполнении. Некрасивая, с лицом, изрытым оспой,

длинной и плоской талией, Шарлотта была прелестной женщиной, несмотря на такие физические несовершенства, но совершенно не такой женой, о какой мечтал для Алексея его отец. Бедное, слабое, грациозное создание, на которое жалко было смотреть, как оно запуталось, словно птица в западне, охваченное мрачной подготавливающейся драмой, неспособное защищаться и даже понять, что случилось, Шарлотта умела лишь страдать и умереть.

Вначале брак обещал быть счастливым; Алексей, по-видимому, нашел себе жену по вкусу. Он сильно возмутился неодобрительным отзывом Меншикова на ее счет; Шарлотта была ему за то благодарна и это высказывала. Тихая, мечтательная душа, она только жаждала любви. Экспедиция на остров Рюген, в которой должен был принять участие царевич, наполняла ее беспокойством. Она была бы «бесконечно несчастлива, – писала она, – если бы ей пришлось потерять своего дорогого супруга». Мысль последовать за ним в Петербург сначала ее пугала, но затем она объявила, что готова отправиться хоть на край света, чтобы не расставаться с мужем. И опять Петр постарался испортить дело, употребляя все усилия в течение последующих лет, чтобы разрушить создание своих рук. Его снова охватило желание заставить царевича «служить». С 1711 по 1713 год Алексей почти все время проводил в дороге между Торном, где опять заготавливал продовольствие, Померанией, куда ездил курьером с секретными приказаниями Меншикову, на берегах Ладожского озера, где занимался судостроительством. В то же время чете, таким образом разъединенной, приходилось еще испытывать жестокие лишения, недостаток в деньгах. Часто царевич и его жена оставались безо всяких средств. В апреле 1712 года принцесса принуждена была прибегнуть к щедрости Меншикова, своего оскорбителя, чтобы сделать заем в пять тысяч рублей; в 1713 году, боясь умереть с голода, Шарлотта вернулась к родителям.

Супружеское счастье не в состоянии было выдержать такие испытания. Письма Шарлотты к родным вскоре указывают на смятение ума, томление сердца. Птица бьется в клетке. В ноябре 1712 года она в отчаянии; ее положение «ужасное»; она видит, что вышла замуж за человека, «никогда ее не любившего». Потом луч солнца: все как будто изменилось; царевич «ее любит страстно», а она «его любит до безумия». Но это лишь минутный просвет. Следующее письмо рисует ее «более несчастной, чем себе можно представить». До сих пор она старалась видеть характер своего мужа сквозь розовую дымку, но «теперь маска спала».

Возможно, что небезопасность признаний, доверенных случайностям почты, сыграла известную роль в видимых несогласиях. Но, бесспорно, никакого прочного сближения, никакого действительного понимания не могло возникнуть между этими молодыми людьми, так мало созданными друг для друга. К влиянию почти постоянной разлуки прибавилось Препятствие более важного свойства – морального. Шарлотта осталась лютеранкой; московские церкви не убедили ее своим красноречием. Также захватила она с собой маленький немецкий двор, составлявший ее постоянное общество. Алексей остался православным фанатиком и, по-видимому, все сильнее замыкался в узком круге московского мировоззрения. Своими требованиями и насилием Петр только сделал из него более убежденного и закоренелого противника нового строя. Между отцом и сыном разгорелась открытая борьба, резко обнаруживая природный склад обоих: странно-энергичную деятельность, с одной стороны, упорно-пассивное бездействие, с другой; деспотическое принуждение и предвзятое глухое сопротивление. В 1713 году, чтобы уклониться от экзамена для проверки его успехов в рисовании, Алексей прострелил себе из пистолета

правую руку.

Царевич тем более укрепился в таком положении, что вокруг него начинала расти все увеличивающаяся оппозиция. Не думая о том и даже того не замечая, он сделался вождем партии. Среди духовенства сам Стефан Яворский питал к нему симпатию, обнаружившуюся в знаменитой проповеди 12 марта 1712 года, а представители древних знатных фамилий. Долгорукие и Голицыны, обращали к нему боязливые взоры. И все, что сближало его с ними, отдаляло не только от отца, но и от жены. Она, еретичка, иностранка, не имеет места в грезах будущего, питаемых ими для себя и для него. Она тоже олицетворение ненавистного строя!

В 1714 году, получив разрешение отправиться для лечения в Карлсбад, Алексей расстался с женой без сожаления, хотя она была беременна на девятом месяце, а она приняла его отъезд без огорчения. Ей самой приходилось теперь страдать от его природной грубости, тем более что угодливость окружающих привела его к разгулу, составлявшему принадлежность национальных традиций, восстановить которые он стремился сообщая со своими приближенными. Он посещал публичных женщин и предавался неумеренному пьянству. «Он почти всегда пьян», – писала принцесса. Она даже опасалась беды, какую может навлечь на него невоздержанность языка, связанная со злоупотреблениями спиртными напитками. Под влиянием вина ему случалось мечтать вслух: «Когда случится то, что должно случиться, – друзей его отца и мачеху на кол! Флот будет сожжен, а Петербург исчезнет в своих болотах»...

По возвращении из Карлсбада он выбрал минуту, когда Шарлотта сделала его отцом дочери, чтобы нанести ей самое тяжелое оскорбление: около него в качестве общепризнанной любовницы появилась знаменитая Евфросинья, сыгравшая зловещую роль в его судьбе. В следующем году его жена снова забеременела, и он ухаживал за ней довольно заботливо в течение ее трудной беременности. Она умерла родами 22 октября 1715 года, надломленная горем, проявляя удивительную покорность в последние минуты своей жизни, а он *три раза* *падал в обморок* у ее постели. Горесть или угрызения совести? Может быть, он просто сознавал, насколько событие это усложнило его положение. Впоследствии он признавался, что в эту минуту ощутил чувство новой, грозящей ему опасности. Действительно, у бедной Шарлотты родился сын. Теперь государство имело второго наследника, значит, неспособного отца можно отстранить от престола. И последствия такого события, смутно предвиденные мятежным сыном, не заставили себя долго ждать.

Шесть дней спустя письмо отца, помеченное нарочно задним числом, как будто написанное *11 октября*, принесло ему подтверждение его опасений. Все элементы драмы, главным героем и жертвой которой ему суждено сделаться, были уже готовы, и занавес поднялся.

Письмо это было увещанием – «последним увещанием», говорил государь, подтверждая, что не имеет привычки угрожать даром.

Упоминая о победе над шведами и обо всем достигнутом благодаря его личным трудам, Петр с горечью добавляет: «Егда же сию Богом данную, нашему отечеству радость разсмотря, обозрюся на линию наследства, едва не равная радости горесть меня съедает, видя тебя, наследника весьма на правление дел государственных непотребного (ибо Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял, хотя не весьма крепкой природы, но и не весьма слабой). К тому же не имея охоты ни в чем обучаться и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оным

можешь и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть... Сие все представляя, обращусь паки на первое, о тебе разсуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное, с помощью Вышнего насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что Бог дал, бросил). Еще же и сие помяну, какова злого нрава и упрямого ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранил, но и бивал, к тому же столько лет почитай не говорю с тобой, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только бы дома жить и веселиться, хотя от другой половины и все противно идет... что все я с горестью размышляю и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало подождать, аще нелицемерно обратишься. Если же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд ганренный, и не мни себе, что я сие только в острастку чиню и пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный!» («Дело царевича», Соловьев).

Великое слово было произнесено, а на следующий день после вручения письма другое событие укрепило значение дилеммы, в нем поставленной. Екатерина, в свою очередь, родила сына.

Каким чувством руководствовался Петр в эту минуту? С точки зрения исторической ответственности эта загадка является наиболее важным вопросом в этом печальном процессе. Восхвалители великого мужа выставляли *причину государственную*. Петр заботился и должен был позаботиться об обеспечении будущности своего создания, о предохранении своего наследия от опасности со стороны наследника, неспособного и недостойного. По причинам вышеуказанным, по остальным соображениям, явствующим из продолжения нашего рассказа, мы не можем согласиться с таким выводом.

Государь проявил слишком много энергии и последовательности в применении своей отцовской власти и слишком большую вялость и непоследовательность позднее в разрешении вопроса о престолонаследии, чтобы допустить, что между этими двумя вопросами в его уме могла существовать тесная связь. Нам кажется, все взвесив, что в первом случае он действовал как деспот. Он требовал послушания.

Может быть, также подчинялся он неизбежным последствиям своей второй женитьбы. Независимо от прямого воздействия Екатерины ребенок, рожденный – этой любимой женой, должен был стать для него дороже сына той, сосланной. Алексей стоял перед ним живым укором, а ведь известно, каким способом обращался Петр с людьми и обстоятельствами, его сменявшими. Нам предстоит еще вернуться к этому спорному вопросу.

По совету своих наиболее близких друзей, Вяземского, Кикина, Игнатьева, Алексей смело отразил прямо нанесенный ему удар: признавая себя неспособным нести тяжелое бремя короны, чувствуя себя больным, слабым телом и душой, наконец, видя брата, способного его заместить, он добровольно предлагал отказаться от своих прав и просил только разрешения удалиться в деревню, чтобы иметь возможность жить там мирно. Петр не ожидал, что сын поймает его на слове, и такая поспешность отречения показалась ему подозрительной. Он дал себе время на размышление до 19 января 1716 года, затем возобновил попытку. Раньше он ссылался на Людовика XIV и даже на героев греческой

истории, чтобы доказать сыну необходимость более мужественного поведения; теперь он обращается к царю Давиду. Царь Давид возвестил ту истину, что всякий человек создан из лжи. Удаление царевича в деревню – вещь неподобающая и коварная. Оттуда можно возвратиться. Наследник престола, не царствующий, но и не лишившийся своего сана, – ни рыба ни мясо. Следует выбирать между тронem и уединением более надежным. Оказаться способным и царствовать или постричься в монахи – такова альтернатива.

Монастырь – «глубокая темница, смертоносный приют, убивающий бесшумно», по выражению поэта-историка! Алексей содрогается от ужаса. Совецается опять со своими друзьями. «Ну что ж, – отвечает Кикин, – оттуда тоже можно вернуться; ведь клобук не прибит к голове гвоздями, можно его и снять». В трех строчках готов ответ сына отцу: «Милостивейший Государь батюшка! Письмо ваше я получил, на которое больше писать за болезнью своею не могу. Желая монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения. Раб ваш и непотребной сын, Алексей». Но, отправляя это послание отцу, он объясняет его смысл в двух письмах, одновременно переданных Евфросинье для вручения двум наиболее влиятельным членам ретроградной партии, Кикину и Игнатьеву; в этих письмах значилось: «Я иду в монастырь, к тому принужденный».

И Петр опять был застигнут врасплох. Вскоре за тем, уехав за границу, он оставил дело в прежнем положении. Очевидно, у него было сознание, что он зашел слишком далеко, надеясь испугать сына и добиться его покорности, Ему слишком хорошо была известна роль монахов, даже близко стоявших к престолу, в истории его Родины. К несчастью для Алексея, его друзья давали ему теперь другие советы, менее мудрые. Всегда покорный их внушению, он, в свою очередь, предпринял решительные шаги. Теряя всю выгоду своего внешнего повиновения, он возвратил отцу приобретенные над ним преимущества и устремился в бездну.

Но, прежде чем последовать за ним по этому роковому наклонному пути, мы должны сказать несколько слов о легенде, весьма странной и весьма распространенной одно время и дополнившей осложнения, – загадки и романические черты мрачной трагедии.

III

Принцесса Шарлотта будто бы пережила своего мужа. Страдая от жестокого обращения, перенося пинки ногами в живот во время беременности, она решила представиться мертвой и при помощи одной из своих придворных дам, графини Варбек, перебралась сначала во Францию, а оттуда в Луизиану, где вышла замуж за французского офицера, шевалье д'Обана, от которого имела дочь. Десять лет спустя после этого брака она оказалась в Париже, куда муж ее приехал посоветоваться с докторами и делать себе операцию. Она была узнана в саду Тюильри гулявшим там будущим маршалом Саксонским, видевшим ее в Петербурге. Тот хотел заявить королю об этой встрече, но Шарлотта взяла с него обещание молчать в продолжение трех месяцев, а по окончании этого срока она исчезла. Она уехала на остров Бурбон, где ее муж снова поступил на службу. Извещенный об этом, король сообщил эту новость императрице Марии-Терезии, о родной племяннице, восставшей из мертвых, и императрица предложила ей приют в своем государстве с условием разлуки с тем, чье имя она носила. Шарлотта отказалась и вернулась во Францию только после смерти шевалье в 1760 году. Она жила весьма уединенно в Витри, в доме,

проданном ей маршалом Фейдо за сто двенадцать тысяч франков. Подробности, как видно, очень точные. Там получала она пенсию в сорок пять тысяч ливров, выплачиваемую императрицей, ее теткой, но три четверти ее раздавала на благотворительность. Случай этот был многим известен в Париже, так что, занимаясь в то время своей историей России времени Петра Великого, Вольтер обратился к герцогу Шуазёлю за разъяснениями по поводу его. Министр отвечал, что эта история ему знакома настолько же, как всем, но ручаться за ее подлинность он не может.

Предполагаемая принцесса умерла в 1771 году, и парижские газеты напечатали по этому случаю странный некролог, вкратце переданный нами. Екатерина II, царствовавшая тогда в России, этим взволновалась и отвечала аргументацией из шести пунктов. «Всем известно, – утверждала она, – что принцесса умерла чахоткой в 1715 году, и никогда ей не приходилось страдать от дурного обращения». – «Всем известно, – возразил один из затронутых журналистов, – что Петр III умер от удара». Австрийский посланник – это исторический факт – присутствовал при похоронах отшельницы Витри, а аббат Сувестр, придворный духовник, совершал богослужение по приказанию короля. Во всяком случае, Вольтер был, по-видимому, уже раньше осведомлен насчет загадочной личности: в письме к г-же Фонтан, помеченном сентябрем 1700 года, он смеется над доверчивостью парижан, а в другом, к г-же Бассевиц, утверждает немного позднее, что шевалье д'Обан женился на польской авантюристке. В 1781 году один парижанин полюбопытствовал взглянуть в приходе Витри на свидетельство о смерти покойной. Там она значилась под именем Дороти. Марии Елизаветы Данильсон.

Мы воздерживаемся от более определенного суждения.

IV

28 августа 1716 года после полугодового молчания Петр, покинувший Петербург в начале года, прислал сыну новое требование: «Ныне по получении сего письма немедленно резолюцию возьми (время на размышление довольно имел), или то или другое и буде первую возьмешь, то более недели не мешкай, ибо еще можешь к действиям поспеть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куды, и в которое время и день, дабы я покой имел в своей совести, чего от тебя ожидать могу. А сего доносителя пришли с окончанием: буде по первому, что когда выедешь из Петербурга, буде же другое, то когда совершишь. О чем паки подтверждаем, чтоб сие конечно утверждено было, ибо я вижу, что только время проводишь в обыкновенном своем неплодии».

Если верить некоторым свидетельствам, царь предупредил решение царевича, остановив свой выбор на Тверской обители и приказав приготовить там келью, которой принятыми мерами вполне был придан вид тюрьмы. Известны ли сделались друзьям царевича эти подробности? Это послужило бы в их оправдание. Во всяком случае, решение, к которому они единодушно толкали несчастного Алексея, было чересчур поспешно. Царевич извещал Меншикова, что отправляется в путь, чтобы присоединиться к отцу, просит тысячу червонцев на путешествие и разрешения захватить с собой Евфросинью. Получив еще две тысячи рублей от Сената, он пустился в дорогу по направлению к Риге 26 сентября 1716 года. Но своего камердинера Афанасьева, остающегося в Петербурге, он предупредил в последнюю минуту о своих тайных замыслах: он вовсе не думал присоединиться к отцу, а

направится в Вену, чтобы отдаться под покровительство императора. Кикин уехал туда несколько месяцев тому назад, чтобы разведать почву, и прислал успокоительные вести: император не выдаст своего зятя и обещает выплачивать ему по три тысячи флоринов ежемесячно на прожитие.

В Либаве беглец встретил свою тетку Марию Алексеевну и также посвятил ее в свои планы. Она ужаснулась: «Где думаешь ты скрыться? Тебя везде разыщут», – говорила она, не одобряя его намерения. Она была нерасположена к Петру из-за его второй женитьбы, но запугана представлением о его всемогуществе. Алексей старался ее успокоить, успокаивал себя надеждами, поданными Кикиным, и продолжал свой путь.

Петр довольно долго не имел никаких сведений о том, что случилось с его сыном. При первом известии о его исчезновении он отправил для его розысков наиболее искусных сыщиков: Веселовского, своего резидента в Вене, Румянцева, затем Толстого, и началась настоящая травля. «Мы напали на след, скоро мы нагоним зверя» – выражения, которые постоянно встречаются в донесениях преследователей. Погоня продолжалась почти целый год.

Вечером 10 ноября 1716 года царевич неожиданно появился в Вене у вице-канцлера графа Шёнборна и, «жестиколируя очень сильно, бросая налево и направо испуганные взгляды, бегая по комнате из угла в угол», просил защиты императора для спасения своей жизни; обвинял своих наставников в том, что они плохо его воспитали, Меншикова – в том, что он расстроил ему здоровье, приучив к пьянству, отца – в желании его погубить, обременяя непосильной работой, и кончил просьбой подать себе пива. Смущенные император и его советники решили попытаться уладить несогласия между отцом и сыном, а до тех пор последнего спрятать. Старая башня в долине Леша, разрушенная впоследствии в 1800 году солдатами Массены, замок Эренберг, показался им убежищем достаточно надежным, и Алексей был туда доставлен и там водворен под строжайшим инкогнито, как государственный узник.

Пребывание его было открыто только в марте следующего года. В сопровождении нескольких офицеров Румянцев появился в окрестностях маленькой крепостцы. Разнесся слух, что ему приказано овладеть беглецом во что бы то ни стало. Тогда решили перевезти Алексея в Неаполь, уступленный, как известно, австрийскому императорскому дому Утрехтским договором. Но ему предложили расстаться с русскими слугами, неудобными благодаря своему постоянному пьянству. Царевич настоял на том, чтобы при нем оставили одного пажа, на что было дано согласие по причинам, следующим образом объясненным графом Шёнборном в письме, адресованном Евгению Савойскому: «Наш маленький паж, между прочим, оказался женщиной, но без свадебного гимна, по-видимому, также без девства, потому что объявлен любовницей, необходимой для здоровья».

Нетрудно догадаться, что этим пажом была Евфросинья. Крестьянка-финка, крепостная Вяземского или пленница победоносного генерала, подобно Екатерине: свидетельства в этом отношении очень разноречивы. Высокая, крупная, с толстыми губами, рыжая, по словам Румянцева, маленького роста, по сообщению Веселовского, – «во всяком случае дочь простонародья, вполне заурядная». Как удалось ей приобрести над сердцем Алексея такую безграничную власть, составляющую обычную основу человеческих трагедий? То вечная тайна. Несчастный царевич, по-видимому, наследовал от отца, за исключением ума и воли, очень грубую чувственность, соединенную, однако, с сентиментальностью, просвечивавшей в большинстве любовных связей великого мужа. В Неаполе Евфросинья сыграла

решительную роль в судьбе царевича.

Румянцев вначале последовал за ним в Неаполь, затем, вернувшись в Вену, присоединился к Толстому, требуя официальным образом от императора выдачи Алексея. Дело было важное. Царь, по-видимому, решил прибегнуть к крайним мерам. Имея в своем распоряжении армию, находившуюся в Польше, он казался вполне способным осуществить угрозы, сквозившие в высокомерных речах его агентов. Силезия находилась у него под руками, а также Богемия, где его ожидал, без сомнения, радушный прием среди славянского народонаселения страны. Карл VI старался все-таки оттянуть время. Он писал королю английскому Георгу, надеясь заинтересовать его судьбой преследуемого сына, и ожидал конца текущей кампании, принимавшей, по-видимому, оборот, неблагоприятный для царя; пока же убеждал обоих русских агентов самостоятельно справиться со своим делом в Неаполе. Может быть, царевич согласится добровольно отдаться в их руки? Они отправились туда, и возгорелась борьба, в которой граф Даун, вице-король, играл неблагоприятную роль. Ему был прислан из Вены приказ облегчить агентам русского государя свидание с царевичем, а в случае надобности даже принудить последнего дать свое согласие на свидание. Граф Даун широко распахнул им дверь Сент-Эльмского замка, где скрывался беглец. Он понял, что его повелителю очень хочется развязаться с царевичем, отдавшимся под его покровительство, и не ошибся в этом отношении. Толстой и Румянцев старались понудить его оправдать такое предположение.

Алексею пришлось выдержать настоящую осаду. Сначала ему показали письмо отца, грозное и в то же время милостивое, обещавшее ему прощение за все его вины взамен быстрой покорности. Иначе царь грозил объявить войну императору и завладеть сыном силою. Алексей остался непоколебим. Тогда секретарь графа Дауна, Вейнхарт, подкупленный несколькими червонцами, шепнул ему на ухо тайное признание: император намеревается от него отказаться. Затем Толстой в разговоре уронил слова об ожидаемом вскоре приезде Петра в Италию. Уже запуганный, Алексей трепетал. Наконец, заходя за пределы полученных инструкций, Даун выступил с угрозой немедленного воздействия. Если царевич желает оставаться в Сент-Эльме, он должен подчиниться разлуке с Евфросиньей. Подкупленная подарками и обещаниями, она тоже вмешалась в дело, взяв сторону отца против сына, чем впоследствии сама похвалялась. Она поддерживала все просьбы слезами и мольбами. Алексей склонялся к повиновению.

Он поставил только два условия своего послушания: чтобы ему позволили спокойно жить в своих поместьях и не возбуждали больше вопроса о разлуке с любовницей. Толстой и Румянцев на это согласились и даже обязались получить согласие царя на брак царевича с этой девушкой. Он написал отцу письмо очень смиренное, выражая раскаяние за прошлое и просьбу относительно высказанных им последних желаний; затем, после поездки в Бари, на поклонение мощам св. Николая, он отдался в руки своих преследователей. Ответ Петра, полученный в пути, восхитил доверчивого царевича: царь разрешал сыну жениться на Евфросинье и настаивал единственно на том, чтобы венчание происходило в России, в Риге или другом городе, «а чтоб в чужих краях жениться, то больше стыда принесет». Евфросинья оказалась беременной, пришлось оставить ее в Италии, но она должна была вернуться после родов, и царевич поручил ее брату охрану «своего сокровища». Он писал этому человеку: «Иван Федорович, здравствуй! Прошу вас для Бога, сестры своей, а моей (хотя еще несовершеннолетней, однако ж повеление уже имею) жены беречь, чтобы не печалилась, понеже ничто иное, которому окончанию, только ее бремя, что дай Боже

благополучно освободиться. Я к ней писал, чтобы она осталась в Берлине, или, буде сможет, доехать до Гданска, и послал к ней бабу отсюда, которая может ей служить до приезде наших». Письмо содержит приписку по адресу одного из слуг возлюбленной, где сказывается вся заботливость, а также вся грубость любовника: «Петр Михайлович! Сука, б..., забавляй Евфросинью как можешь, чтобы не печалилась, понеже все хорошо, только за брюхом ее скоро совершить нельзя, а даст Бог, по милости своей, и совершение».

Евфросинью, по-видимому, нетрудно было развлекать; по пути, который вел к пыткам на смерть выданного ею человека, она думала только об удовольствиях, тратя полученные ценой крови деньги. В Венеции она купила тринадцать локтей парчи за сто шестьдесят семь дукатов, крест, серьги, кольцо с рубином, побывала на концерте и сожалела, что нет ни оперы, ни комедии. Думала ли она о будущем, о грезах беззаботной любви, о спокойном счастье уединения, разделенного с Евфросиньюшкой, о котором говорили ей все письма Алексея? Ее банальные ответы, продиктованные секретарю, ничего о том не говорят. Она прибавляла к ним всего несколько собственноручных слов, крупным, неустойчивым почерком, с просьбой о присылке какого-нибудь народного лакомства, икры или каши.

Одна надежда на спасение оставалась у несчастного Алексея. Неапольские происшествия взволновали императора и отчасти встревожили его совесть. Не употребили ли насилия над царевичем? Он рассчитывал повидаться со своим зятем при его проезде и с ним поговорить. Неожиданно он узнал, что царевич находится уже в Брюсселе, в Моравии. Толстой и Румянцев провезли его через Вену ночью. Они берегли свою добычу. Карл VI благородно исполнил свой долг: губернатор области граф Коллоредо получил приказание остановить путешественников, повидаться с царевичем *без свидетелей*, спросить у него, возвращается ли он в Россию *по своей доброй воле*, и в случае отрицательного ответа предоставить ему возможность остаться в Австрии и принять необходимые меры, чтобы обеспечить ему безопасность. Увы, приказание не было исполнено. В гостинице, где Алексей остановился со своими провожатыми, произошла сцена, обнаружившая всю власть нравственной силы, уже приобретенной царствованием Петра и его школой. В центре империи царские агенты преградили путь представителю императора. Они готовы были со шпагой в руках преградить доступ к царевичу. Коллоредо спрашивал новых приказаний. Увы, имперский совет опять высказался за невмешательство. Судьба царевича была решена 31 января 1718 года. Петру дано было испытать мрачную радость при известии, что сын его прибыл в Москву.

V

В Европе никто не подозревал, что ожидает на родине несчастного, и малодушие имперских советников в том находит себе известное оправдание. «Голландская газета» даже возвещала о предстоящем браке царевича со своей двоюродной сестрой, Анной Иоанновной. В России, наоборот, господствовало сильное волнение. Во время долгого отсутствия царевича ходили самые разноречивые слухи; говорили, что он женился на немецкой принцессе; заточен в монастыре; умерщвлен по приказанию отца; скрывается под вымышленным именем в рядах имперской армии. Наконец, обнаружившаяся истина вызвала между явными и тайными сторонниками его страшную тревогу. Все были убеждены, что Петр не удовлетворится возвращением сына. Предстояли допросы, розыски соучастников,

пытки в застенках Преображенского. Наиболее замечательный соучастник, Кикин, даже старался подкупить Афанасьева, камердинера царевича, чтобы тот отправился навстречу царевичу и его предупредил; но, боясь возбудить подозрение, Афанасьев отказался тронуться с места. Никто из лиц, причастных к делу, ни минуты не верил в искренность прощения, дарованного царем виновному. И Петр, действительно, не замедлил оправдать в этом отношении общее мнение.

Прежде всего 3 февраля 1718 года в Кремле было созвано собрание высшего духовенства и гражданских сановников. Алексей появился перед ними в качестве обвиняемого, без шпаги. При виде его Петра охватил гнев, он осыпал его упреками, бранью. Царевич упал на колени, заливаясь слезами, лепетал извинения, снова умолял о прощении, поверив которому согласился возвратиться сюда. Царь обещал прощение; но раньше царевич ставил условия, теперь царь поставил свои. Виновный и недостойный царевич должен торжественно отказаться от престола и выдать соучастников своей вины, всех, кто советовал ему преступное бегство или в нем помогал. Началось то, чего все ожидали: допрос, как обычно сопровождавшийся пытками и казнями. В Успенском соборе, на том самом месте, где предстояло ему возложить на себя царский венец, Алексей отказался от престола, признавая наследником своего младшего брата Петра, сына Екатерины, а в кремлевских палатах, где отец запирался с ним с глазу на глаз, он выдал всех тех, кого мог вспомнить, – всех, представление о ком связано было в его смущенной памяти с воспоминанием об одобрении, выражении сочувствия, просто ласковом слове, сказанном в минуту тяжелого нравственного перелома, приведшего к бегству.

Царевич получил предупреждение, что единственный пропуск, единственное умолчание погубят весь результат признаний.

Кикин выдан был первым, затем Вяземский, Василий Долгорукий, Афанасьев, множество других, даже царевна Мария по поводу встречи в Либаве, где, однако, она выказала большую сдержанность. Петр краснел от гнева при каждом имени. Кикин считался до 1714 года одним из самых близких к нему лиц. Вебера не раз царь держал в объятиях *больше чем по четверть часа*. Долгорукий был единственным представителем старой аристократии, к которому государь относился с большим доверием. Обоих привезли в Москву с железной цепью на шее, и допрос начался.

Быстро обнаружилось, что между Алексеем и его друзьями не существовало никакого соглашения относительно преследования определенной цели, никакой тени заговора в буквальном смысле этого слова. В этом отношении иностранная дипломатия, сообщения которой довольно единодушны в противоречивом смысле, была введена в заблуждение видимостью или повинувалась чувству низкого угодничества. *За Алексея могли стоять*, как утверждал голландский резидент, униженное дворянство, обиженное духовенство, народ, подавленный тройным бременем крепостного права, податей и пожизненной военной службы. Это были сторонники, но не заговорщики. То была просто партия, без всякого следа организации. Де Би говорит даже о двух заговорах, преследовавших одновременно и самостоятельно одинаковую цель: воцарение Алексея, изгнание всех иностранцев и заключение во что бы то ни стало мира со Швецией. Это чистое воображение; застенки Преображенского ничего о том не поведали. Призванный принести присягу новому наследнику престола, чиновник артиллерийской канцелярии Докукин вместо установленной формулы выразил горячее возмущение. Это был политический мученик, но не заговорщик.

В Вене, где Кикин провел несколько недель, он вошел в сношение с некоторыми беглецами – остатками древней политической партии: несколькими старыми стрельцами, чудом спасшимися от бойни 1698 года. С другой стороны, он поддерживал дружбу с приближенными царя, связь с Поклановским, любимым денщиком государя, одним из тех, в чьих объятиях Петр имел привычку спать. Перед самым бегством Алексей имел свидание с Абрамом Лопухиным, братом Евдокии, сообщившим ему сведения о затворнице. Бедный царевич был так далек от заговора с ней, что даже не знал, находится ли она еще в живых! Услыхав, что она терпит большую нужду, он поручил Лопухину передать ей пятьсот рублей. Вот все, что вместе с некоторыми невоздержанными речами царевича, вырвавшимися в минуты гнева или опьянения, удалось обнаружить допросом относительно пунктов обвинения. Говоря о своем браке с Шарлоттой, он жаловался на советников отца, навязавших ему «чертовку», и клялся за то отомстить.

Он говорил, подразумевая их: «Я плюю на всех них, здорова бы мне была чернь. Когда будет мне время без батюшки, тогда я шепну архиереям, архиереи – приходским священникам, а священники – прихожанам, тогда они и нехотя меня владельцем учинят».

Во всем не было ничего ни особенно злонамеренного, ни серьезного, тем более что, покидая Родину, Алексей принял искреннее решение добровольного отречения, внушенное последними посягательствами отца на его независимость. Его утверждения в этом отношении остаются неизменными, даже когда для него не представляло больше никакого смысла лгать или что-нибудь скрывать. Его план, не доведенный им до конца благодаря слабых характерности, состоял в том, чтобы дождаться за границей смерти отца и потом завладеть регентством впредь до совершеннолетия младшего брата.

Чего же хотел добиться царь, приведя в движение все пружины судебного механизма? Вероятно, он сам того хорошо не знал. Существование широко задуманного плана, ему приписываемого, желание запутать Алексея в целую систему зубчатых колес, где, в конце концов, переходя от ошибки к ошибке, от малодушия к малодушию, он рисковал бы головой, не подтверждается никакими достоверными данными и противоречит всему, что нам известно о характере Петра. Он не способен был на подобные комбинации. Вероятно, он поддался стечению обстоятельств, приноравливая их к своим страстям. Впрочем, пока он ограничивался жертвами, предоставленными его мстительности признаниями сына и следствием, проникшим даже за стены Суздальского монастыря. Кикин был колесован, получив за четыре раза сто ударов кнутом. Несчастному Афанасьеву, виновному лишь в выслушивании признаний царевича, отрубили голову. Судьба Евдокии и Глебова известна. Сильно обвиненные Алексеем, Долгорукий и Вяземский, вероятно, обязаны такой настойчивости царевича тем, что отделались конфискацией имущества, потерей должностей и ссылкой. Выданный Глебовым как поощрявший надежды Евдокии, подвергнутый пытке Досифей, епископ ростовский, сознался, что предсказывал бывшей царице близкую смерть Петра и воцарение Алексея. Но, обращаясь к собранию архиереев, созванному, чтобы лишить его сана, он сказал следующие знаменательные слова: «Только я один в сем деле попался. Посмотрите и у всех что на сердцах. Извольте пустить уши в народ: что в народе говорят?» Он также был колесован вместе с одним из своих священников. Головы казненных были вздеты на кол, внутренности их сожжены. Поклановскому отрезали язык, уши и нос. Княгиня Троекурова, две монахини, большое число дворян, в том числе Лопухин, недавно вернувшийся из Англии, подвергнуты наказанию кнутом. Княгиня Анастасия Голицына, веселая кумушка, предупрежденная суздальской игуменьей о

сношениях Евдокии с Глебовым и о том промолчавшая, избегла кнута, но наказана батогами. Петр заставил сына присутствовать при казнях, длившихся три часа, затем увез его в Петербург.

Алексей думал, что теперь все кончено, и, по-видимому, был вполне доволен своей судьбой. Несчастье сделало его бесчувственным. У него осталась привязанность только к его Евфросинье. Он ей писал, сообщая, что отец теперь с ним в хороших отношениях и приглашает к себе за стол; говорил, что очень доволен, избавившись от титула наследника: «Мы всегда думали лишь о том, как тебе хорошо известно, чтобы спокойно жить в Рождествене. Быть с тобой и в миру до самой смерти мое единственное желание». Может быть, его письмо предназначалось для читателей черного кабинета, но действительно он мечтал сильнее, чем когда-либо, о женитьбе на финке. Перед отъездом из Москвы он бросился к ногам Екатерины, умоляя ее помочь этому союзу.

VI

Евфросинья прибыла в Петербург 15 апреля 1718 года и вызвала всеобщее любопытство, сейчас же перешедшее в изумление. Все удивлялись, что в ней нашел царевич. Ее заключили в крепость, несколько раз подвергали допросу, и вдруг разнеслось известие, что царевич арестован. До сих пор он находился на свободе, жил в доме по соседству с дворцом, получая содержание в сорок тысяч рублей.

Обнаружили ли какие-нибудь новые факты показания этой девушки? Нет, насколько известно. Будучи в Эренберге, царевич писал своим друзьям в Россию: в Сенат, епископам, чтобы напомнить о себе, также императору с просьбой о покровительстве. Он говорил о возмущении в русской армии, расположенной в Мекленбурге, о смутах в окрестностях Москвы и радовался подтверждению этих известий газетными сообщениями. В Неаполе царевич продолжал свою переписку и «непристойные речи говаривал: „Я старых всех переведу и изберу себе новых по своей воле; когда буду государем, буду жить зиму в Москве, а лето в Ярославле, Петербург оставлю простым городом. Корабли держать не буду, войско стану держать только для обороны“. Услыхав о болезни маленького Петра Петровича, Алексей сказал своей возлюбленной: „Вот видишь, что Бог делает; батюшка делает свое, а Бог свое“. Наконец, видя себя покинутым императором, он намеревался отдаться под покровительство папы. Все это повторения. И Петр сам сначала был настолько в том уверен, что арест цесаревича состоялся только *спустя два месяца*. В течение этого времени цесаревича, конечно, допрашивали о подробностях, сообщенных его любовницей, может быть, даже прибегали к средствам понуждения, столь привычным его отцу. В мае Алексей сопровождал царя в Петергоф, и, без сомнения, то была не увеселительная прогулка. Впоследствии крестьянин графа Мусина-Пушкина был осужден на каторгу за то, что рассказывал, как царевича, сопровождавшего государя в загородной поездке, отвели в отдаленный сарай и оттуда раздавались крики и стоны. Но до 14 июня Алексей оставался на свободе.

Накануне этого дня Петр снова созвал собрание представителей духовенства и гражданских чинов и вручил им записку, в которой, взывая к их правосудию, просил их решить между ним и сыном, который, утаив долю правды, нарушил договор милосердия, ему оказанного. Очевидно, государь наконец нашел в показаниях Евфросиньи предлог к

возобновлению процесса, конченного в Москве. Но для чего искал он этого предлога? Может быть, он убедился в опасности, созданной новым положением бывшего наследника. Это положение вначале он считал неприемлемым. Но, может быть, просто он поддался ужасному влечению притягательности смертоносного судопроизводства, снова им приведенного в движение. Нам кажется, что скорее он захвачен был сцеплением зубчатых колес. Его инстинкты инквизитора, деспота, неумолимого судьи раздражены были до крайних пределов. Он пылал неукротимым гневом.

В собрании, к которому Петр обратился за решительным словом, духовенство весьма затруднялось высказаться определенно. Через пять дней оно дало уклончивый ответ, делая ссылки то на Ветхий, то на Новый завет: в первом имеются примеры, позволяющие отцу наказывать сына; во втором имеются другие, более милосердные, относительно блудного сына и грешницы. Сенат требовал дополнения следствия – это, без сомнения, желание Петра и неминуемая гибель Алексея. Ужасный механизм страданий и смерти уже не выпустил своей добычи.

После нового появления перед высоким собранием, имевшего следствием лишь подтверждение прежних признаний, опять однообразной и незначительной истории о связях, поддерживаемых со сторонниками старого уклада, о надеждах, питаемых сообщая, 19 июня царевич впервые был подвергнут пытке. Двадцать пять ударов кнутом – и новое признание: Алексей желал смерти отца. Он в том открылся своему духовнику и получил следующий ответ: «Бог тебя простит, мы и все желаем ему смерти для того, что в народе тягости много». Допрошенный, в свою очередь, Игнатьев подтвердил показание. Но, в общем, оно изобличало лишь преступную мысль. Этого было мало. Три дня спустя царевичу предложили три вопросных пункта: 1) «Что за причина, что не слушал меня и нимало ни в чем не хотел делать того, что мне надобно? 2) Отчего так бесстрашен был и не опасался за непослушание наказания? 3) Для чего иною дорогою, а не послушанием хотел достигнуть наследства?» Алексей уже не чувствовал под собой почвы в бездне, куда видел, что вовлечен. У него осталась одна забота: выгородить Евфросинью. Говорят, у него была с ней очная ставка, когда он услышал из ее лживых уст слова его обвинения. Но он ее любил и продолжал любить до самой смерти. Он обвинял всех, обвинял самого себя, упорно стремясь ее оправдать. «Она ничего не знала, ничего не делала, только давала ему добрые советы, которых он имел несчастье не слушаться». Составленные под влиянием этой заботы его ответы на вопросные пункты изобличают всю жалкую агонию его души: «С младенчества моего жил я с мамою и девками, где ничему иному не обучился, кроме избных забав, и больше научился ханжить, чему я и от природы склонен. Отец, имея о мне попечение, чтоб я обучился тем делам, которые пристойны царскому сыну, также велел мне учиться немецкому языку и другим наукам, что мне зело противно, и чинил то с великолепностью, только чтоб время в том проходило, а охоты к нему не имел. Вяземский и Нарышкин, видя мою склонность ни к чему иному, только чтоб ханжить и конверсацию иметь с попами и чернецами и к ним часто ездить и подливать, и в том мне не только претили, но и сами тоже со мной охотно делали. Один Меншиков вел меня к добру. А понеже от младенчества моего при мне были, я обык их слушать и бояться и всегда им угодное делал, а они меня больше отводили от отца моего и утешали вышеупомянутыми забавами, и помалу не токмо дела воинские и прочие от отца моего, но и самая его особа зело мне омерзела и для того всегда желал быть от него в отлучении. А для чего я иной дорогою, а не послушанием хотел наследство, то может всяк легко рассудить, что я уж тогда от прямой дороги вовсе

отбился»...

Толстой, исполнявший обязанности следователя, не удовлетворился таким отречением. Ему нужно было что-нибудь более определенное, факт, на котором можно было бы основать обвинение. Продолжая допытываться, он наконец вырвал у несчастного новое признание, «что он *принял бы* помощь императора, чтобы захватить престол вооруженной силой». Но была ли ему предложена такая помощь? Нет. И допрос возвратился к своей точке отправления. Опять преступные намерения, зловерные мысли и ни одного действия! Необходимы были новые усилия, чтобы подвинуться вперед. 24 июня новый допрос в застенке. Пятнадцать ударов. В результате – ничего. Обвиняемый возлагал надежды на Стефана Яворского, непокорного епископа, про которого ему говорили: «Рязанский к тебе добр и твоей стороны и весь он твой», но никогда Алексей не имел случая с ним беседовать. Кончено. Кнут и дыба не дадут больше ничего. Пришлось перейти к заключению драмы.

Каково оно будет? Сомнения в том быть не может. Нельзя допустить, чтобы все труды пропали даром. Нельзя допустить, чтобы царевич, преданный в руки палача, вышел оправданным из своего процесса и тюрьмы и вынес бы наружу на своей спине, истерзанной, окровавленной ремнями, жестокое свидетельство отцовского беззакония. Но дерзнет ли Петр?

Герой легенды X века Василий Буслаевич в борьбе с новгородцами заносит меч на родного отца. Чтобы удержать его руку, мать сзади хватает его за полы одежды, и герой ей говорит: «Ты хитра, старуха! Ты сумела совладать с моей силой. Подойди ко мне ты спереду, я бы тебя не пощадил, матушка; убил бы тебя, как мужика новгородского!» Петр принадлежал к той же породе; он последний представитель эпического цикла грозных рубак, и нет позади него никого, чтобы его остановить. Несмотря на легковесность улик, собранных против него, Алексей все-таки олицетворял в глазах Преобразователя враждебную партию, против которой он вел борьбу уже двадцать лет. Это не сын, это противник, мятежник, «новгородский мужик», с которым он очутился лицом к лицу. Между Москвой и Петербургом, вокруг главного обвиняемого, допрос уже разлил целые моря крови. Двадцать шесть женщин и много мужчин стонали под плетью, корчились в мучениях над раскаленными жаровнями! Несчастных слуг, сопровождавших Алексея за границу, не подозревавших, что они исполняют нечто иное, чем свой долг, пытали кнутом, дыбой, сослали в Сибирь, «потому что неудобно было, – говорит приговор, – оставлять их жить в Петербурге». Столица долгие месяцы задыхалась под гнетом свирепствовавшего террора. «Город этот, – писал ла Ви в январе 1718 года, – сделался зловещим благодаря такому количеству обвинений; все живут, словно охваченные общей заразой, остались только обвинители и обвиняемые». Петр также поддался заразе. Пролитая кровь бросилась ему в голову.

Верховный суд, состоявший из сенаторов, министров, высших военных чинов, гвардейских штаб-офицеров, – участие духовенства, показавшегося ненадежным, было отклонено, – должен был произнести приговор. Сто двадцать семь судей. Каждому известно решение, от него ожидаемое, и никто не имеет смелости отказать в своем голосе воле повелителя, о которой все догадывались. Единственный гвардейский офицер уклонился от подписи: он не умеет писать. И процесс подошел к своему роковому концу. 24 июня вынесен был приговор: смерть.

Однако драма еще не кончилась. Она осложнилась последним эпизодом, самым мрачным, загадкой, наиболее темной из известных истории. Приговор не был приведен в

исполнение. Алексей умер раньше, чем отец его решился предоставить правосудие его течению или помиловать сына Как он умер?

VII

Вот официальное сообщение. Петр в рескриптах к иностранным министрам своим писал: «Мы, яко отец, боримы были натуральным милосердием, с одной стороны, попечением же должным о целости и впредь будущей безопасности государства нашего – с другой, и не могли еще взять в сем многотрудном и важном деле свою резолюцию. Но Всемогущий Бог, восхотев через собственную волю и праведным Своим Судом по милости Своей нас от такого сумнения и дом наш и государство от опасности и стыда свободити, пресек вчерашнего дня его, сына нашего Алексея, живот, по приключившейся ему по объявлении оной сентенции и обличении его в толь великих против нас и всего государства преступлениях жестокой болезни, которая вначале была подобна апоплексии. Но хотя он потом паки в чистую память пришел и по должности христианской исповедался и причастился Св. Тайн и нас к себе просил, к которому мы, презрев все досады его, со всеми нашими зде сущими министрами и сенаторами пришли, и он чистое исповедание нам принес и у нас в том прощения просил, которое мы ему по христианской и родительской должности и дали, и тако от сего июня 26, около 6 ч. пополудни жизнь свою христиански окончил».

Тело царевича, кроме того, было выставлено в течение трех дней. «Каждый мог видеть его и убедиться, что он умер естественной смертью».

Следовательно, существовали сомнения в «естественной» смерти царевича. Не только сомнение, но категорическое утверждение другой развязки встречаем мы во всех остальных сообщениях современников о случившемся. Существуют только разногласия в способе насильственной смерти. Имперский резидент Плейер утверждает, что царевичу была отрублена голова в тюрьме, а Шерер даже указывает палача: то был генерал Вейде. Девушка Крамер, дочь нарвского горожанина, будто бы, по словам, пришила голову к телу казненного, изгладив следы убийства, что не помешало ей впоследствии сделаться гофмейстериной великой княжны Натальи, дочери казненного. Штехлину известно лишь, что ей было поручено одеть тело покойного царевича, и других объяснений для ее вмешательства у него не имеется. Но Генрих Брюс рассказывает историю о микстуре, за которой генерал Вейде явился к дрогисту Беру, побледневшему, прочитав рецепт. В сборнике анекдотов, напечатанном в Англии, также находится рассказ о яде, которым была пропитана бумага, врученная царевичу, с приговором суда. Письмо Алексея Румянцева, многочисленные рукописные копии которого ходили по рукам, казалось бы, достаточно убедительно. Автор рассказывает одному из своих друзей, Дмитрию Титову, что царевич погиб по приказу государя, задушенный подушками. Исполнителями царской воли были Бутурлин, Толстой, Ушаков и он сам. Но подлинность документа оспаривается (между прочим, Устряловым) и кажется сомнительной. Де Би и Вилльбуа передают, что царевич умер от «растворения» жил, но они повторяют лишь чужие разговоры. Наиболее подробные рассказы принадлежат Лефорту, позднее советнику саксонского посольства, состоявшему в то время на службе у царя, и графу Рабутину, заместившему впоследствии Плейера на резидентском посту. У них разногласия встречаются лишь относительно совершенно второстепенных пунктов. «В день

смерти царевича, – повествует Лефорт, – царь в четыре часа утра в сопровождении Толстого отправился в крепость, где в сводчатом подземелье находилась кобыла и остальные приспособления для наказания кнутом. Туда привели несчастного и, подняв его, дали ему несколько ударов, причем, за что не могу ручаться, хотя меня в том уверяли, отец нанес первые удары. В десять часов утра повторилась та же история, и к четырем часам царевич был настолько истерзан, что умер под кнутом». Рабутин говорит более утвердительно и указывает также на причастность к делу Екатерины. Петр ударил и, «не умея хорошо управлять (кнутом), нанес так удар, что несчастный сейчас же упал без сознания, и министры сочли его мертвым. Но Алексей лежал только в обмороке, и, видя, что он приходит в себя, Петр сказал с досадой, удаляясь: „Еще черт не взял его“. Очевидно, он предполагал возобновить свою работу. Екатерина избавила его от этого труда. Узнав, что царевичу лучше, и посоветовавшись с Толстым, она послала к узнику придворного хирурга Хобби, открывшего ему вены. Петр, предупрежденный, пришел взглянуть на труп, покачал головой, словно догадываясь о случившемся, и ничего не сказал».

Эти свидетельства имеют заслугу ужасного согласования с документом бесспорной правдивости – с записной книгой с. – петербургской гарнизонной канцелярии, в которой велась изо дня в день запись всего происходившего в крепости, где разыгралась драма. Там мы читаем следующие подробности: «14 июня привезен в гарнизон под караул царевич Алексей Петрович и посажен в раскат Трубецкой, в палату, в которой был учинен застенок. 19-е – в этом помещении дважды происходили пытки, с полудня до часа и с шести часов вечера до девяти; на следующий день снова пытки от восьми часов до одиннадцати; 24-е – пытки происходили дважды, первый раз с десяти часов утра до полудня, второй с шести до десяти часов вечера. 26-е – снова пытки в присутствии царя, с восьми до одиннадцати, и в тот же день в шесть часов вечера царевич скончался».

Таким образом, в этом отношении установлена полная достоверность: даже после осуждения Алексей подвергался пыткам, в чем, впрочем, его палачи только следовали обычным приемам уголовного судопроизводства того времени. Но, допустив это, трудно понять, с одной стороны, для чего понадобилось Петру или Екатерине прибегать к другим способам, чтобы ускорить конец своей жертвы: достаточно было бы кнута; а с другой – предположение о смерти, вызванной неумеренным применением пытки, получает большую долю правдоподобия. Аналогичные случаи насчитывались тысячами в судебных летописях той эпохи, а Алексей, как известно, не отличался особенно крепким телосложением. Уже в 1714 году, по свидетельству де Би, с ним был удар, поразивший правую сторону тела. Наконец, резкий характер развязки, при вероятном вмешательстве какого-то насилия – топора, яда или чрезмерных пыток, – по-видимому, вполне подтверждается весьма знаменательным случаем. Перехваченное, подобно донесению Плейера, донесение де Би навлекло на его автора жестокую немилость; произведено было дерзкое вторжение в его жилище в нарушение общепринятых дипломатических обычаев. Свидетельства, им собранные, послужили предметом особого следствия, главным образом направленного на следующий факт: плотник по имени Болесс, зять голландской повивальной бабки Марии фон Хуссе, работал в крепости, когда туда заключен был царевич. Кушанья, подававшиеся Алексею, готовились у него в доме. На следующий день после смерти Алексея жена этого плотника рассказывала матери, повторившей этот рассказ жене резидента, что накануне в полдень обед был подан царевичу по обыкновению. Она видела, что блюда возвращались початыми, и этому обстоятельству не придавала никакого значения, но

следствие обратило на него особое, настойчивое внимание. Допрошенные, вероятно с пристрастием, бедные женщины могли лишь подтвердить, за исключением некоторых противоречий, свои слова, и так как впоследствии они были выпущены на свободу, то правдивость их не подлежит сомнению. Если же за несколько часов до смерти Алексей был в состоянии еще принимать пищу, следовательно, смерть его была насильственной.

Мы не будем касаться многочисленных легенд, вызванных ужасной драмой. Среди крестьян долго сохранялась уверенность, что царевич жив, спасшись чудесным образом от своих палачей. В 1723 году в Пскове даже появился самозванный Алексей, а также другой в 1736 году в Ярославле. И, в сущности, нам кажется довольно безразличной, с исторической точки зрения, действительная причина, повлекшая исчезновение несчастного царевича. Нравственно Петр, во всяком случае, остается за нее ответственным. В этом процессе, где были судимы одни намерения, планы царя не подлежат сомнению: он хотел во что бы то ни стало избавиться от сына, и эта зловещая черта наложила на него свой отпечаток навеки. Его поведение после события также останавливает всякую попытку извинения. В журнале с. – петербургского гарнизона и в частных записках Меншикова мы находим подробности времяпрепровождения первых дней после трагической развязки, заставляющие содрогнуться:

«27 июня (следующий день после смерти царевича): после обедни у церкви Св. Троицы и благодарного молебна о Полтавской баталии пополудни во 2 часу была пущена для сигнала ракета, по которой палили с крепости первый раз из 33 пушек, потом после из 43 пушек, дали залп из ружей, а после с крепости третий раз из 53 пушек. Молебен служили за церковью на площади, где изволил быть и его величество и прочие гг. министры и сенаторы. И того числа кушали на почтовом дворе все. Того же числа в девять часов пополудни тело царевича из Трубецкого раскату вынесено в губернаторский дом, что в гарнизоне.

25 июня. Тело царевича пополудни в 10 часов вынесли к Троице, где и поставлено.

29 июня. В тезоименитство Его Величества (после обычного богослужения и пальбы) спущен в адмиралтействе новопостроенный корабль «Лесной», который построен Его Величеством собственным тщанием, где изволил быть и Его Величество и прочие господа сенаторы и министры, и веселились довольно».

В депешах от 4 и 8 июля Петр также сообщает об обеде, данном по этому случаю в Летнем дворце, о ночном празднестве и фейерверке. Спрошенный членами дипломатического корпуса относительно ношения траура, канцлер дал отрицательный ответ, потому что *царевич умер, как преступник*. И имперский резидент утверждает, что если Екатерина выказывала некоторую печаль среди этих кощунственных развлечений, то Петр казался веселым, как всегда. Даже от этого высшего оскорбления не была избавлена печальная участь сына Евдокии, являющаяся, как легко себе представить, для живописи и поэзии неисчерпаемым источником вдохновения. К весьма любопытному очерку Костомарова приложено воспроизведение картины русского художника, француза по происхождению (Ге): «Петр, предъявляющий сыну показания Евфросиньи».

Что случилось с ней? Что бы ни говорили, она получила цену своего предательства, хотя из имущества царевича, при описи которого присутствовала, она наследовала немного. По сообщению Плейера, царь и царица относились к ней с большой благосклонностью, а по свидетельству других современников, она вышла замуж за офицера с. – петербургского гарнизона, с которым прожила еще тридцать лет в спокойствии и довольстве.

Петр сохранил свое хорошее расположение духа. Месяц спустя после катастрофы, 1

августа 1718 года, в письме к Екатерине из Ревеля веселым тоном, с видимым удовольствием переживая воспоминание, он утверждает, что собрал улики, еще более важные, чем все остальные, до сих пор полученные, изобличающие того, кого уже нет на свете. Алексей будто бы пытался вступить в соглашение с Карлом XII. В конце года по приказанию государя была выбита медаль с изображением царской короны, парящей в воздухе и освещенной лучами солнца, пробивающимися сквозь тучи. Внизу надпись «Горизонт очистился».

Да, Петр очистил себе горизонт громовым ударом; обезглавил гидру оппозиции; подавил умы своих подданных ужасом, еще сильнее поразившим их, чем дело стрельцов, и бодро продолжал свой путь. Но все же, хотя мрачный процесс не оторвал его от обычных занятий и развлечений, заметна небольшая приостановка: с 21 апреля по 21 июня появился всего двадцать один указ, и ни одного с 9 по 25 мая, тогда как обыкновенно они появлялись почти ежедневно. После смерти сына количество их удвоилось. Царь мог законодательствовать: его ожидало еще большее повиновение, чем раньше.

Но Петр возбудил общественное мнение, по крайней мере, за пределами своего государства; и, несмотря на все усилия официального восхваления: манифесты, *сообщения подлинны и достоверны* и заметки в газетах, щедро оплачиваемые, ему не удалось дать иного направления. Сорок лет спустя совесть наименее застенчивого из европейских публицистов еще подверглась сильному искушению. Вольтер писал конфиденциально д'Аламберу: «Царь Петр меня смущает; не знаю, как отнестись к его сыну; не нахожу, чтобы царевич заслуживал смерти за то, что, в свою очередь, отправился путешествовать, когда отец его также разъезжал, и за то, что любил простую девицу, когда у отца его была гоноррея». Менее откровенный с графом Шуваловым, он ручался за то, что опровергнет Ламберти при помощи известных благоприятных документов, выставленных вместо других, дающих менее выгодное освещение, однако заявлял, что не может выступить против Алексея из опасения прослыть историком «низкопристрастным». Увлеченный своей полемической жилкой, он пишет следующую горячую защитительную речь:

«После четырех месяцев судебного следствия заставляют несчастного царевича написать, что, если бы нашлись могущественные мятежники, которые бы восстали и его призвали, то он стал бы во главе их. Если подобному заявлению придавалась какая-нибудь цена, как могло оно считаться существенным доказательством в процессе? Как судить мысль, гипотезу, предположение случая, не имевшего места? Где эти мятежники? Кто поднял восстание? Кто предлагал царевичу стать во главе бунтовщиков? С кем он о том говорил? С кем была ему предложена очная ставка по столь важному вопросу?.. Не будем себя обманывать! Я готовлюсь предстать перед Европой с отчетом об этой истории. Будьте вполне уверены, что нет в Европе ни одного человека, верящего, что царевич умер естественной смертью. Все пожимают плечами, слыша уверения о том, что двадцатитрехлетний наследник престола умер от удара при чтении приговора, на отмену которого он мог рассчитывать. Поэтому из Петербурга поостереглись сообщить мне какие-либо сведения об этом роковом происшествии».

Несчастный Алексей через долгое время после своей смерти нашел себе самого красноречивого защитника, а Петр – грозного обвинителя. Чтение «Истории России» доказывает неудачно, что граф Шувалов нашел впоследствии, без сомнения, в ином месте, чем в с. – петербургских архивах, доказательства, способные поколебать уверенность защитника и заставить его переменить мнение. Но защитительная речь и обвинение остались; они будут служить вечно, относительно этого процесса, выражением

общественного мнения, а на Петре навеки лег его гнет.

Мы должны сознаться, что царь в состоянии был его выдержать.

Он убил своего сына. Нет этому оправдания. Мы отвергли и отвергаем необходимость политическую, вызванную предосторожностью. Факты говорят сами за себя; но кому же, не пожелав иметь такого сына наследником, Петр оставил свое наследие? Неизвестно. Екатерина овладела им благодаря придворной интриге. В продолжение полстолетия Россия предоставлена на волю случая и авантюристов. Вот ради какого результата Петр заставил работать своих палачей. Но он был велик и создал величие России. В том его единственное оправдание.

Глава 9

Завещание Петра Великого. Заключение

I

Петр легко отнесся к посмертному отмщению истории. Алексей нашел более быстрого мстителя в лице судьбы. Мы не думаем, чтобы, обрекая на смерть старшего сына, государь подражал жертвоприношению Авраама, приносившему в жертву свою плоть ради будущности своей страны и преуспевания своего дела. В своем понимании вещей, могучем, но близоруком, и в особенности в самоудовлетворенности, в какой он жил, не заботясь о том, что будет дальше, и даже не пытаясь представить себе такое будущее без себя, после себя, он в этом отношении проявлял слишком большую беспечность, причины которой мы уже выяснили. Но, выбрав себе наследника по душе, он, конечно, должен был радоваться мысли, что, воспользовавшись досугом, предоставленным ему теперь войной, может воспитать по своему желанию тело и душу этого сына любви. Он нежно любил своего младшего сына. 16 апреля 1719 года, меньше чем год спустя после смерти Алексея, злой рок постучался у его двери: маленький Петр Петрович, сын Екатерины, в несколько дней был унесен болезнью, и наследником впредь становился другой Петр, сын Шарлотты и убитого!

Петр вначале как будто возмутился против такого приговора рока, отвечавшего на произнесенный им приговор. Приближенные его, начиная с Екатерины и Меншикова, без сомнения, также не чувствовали желания покориться судьбе. Однако два года прошли, прежде чем государь остановился на каком-либо решении. Только 11 февраля 1722 года манифест присвоил царю, ссылаясь на авторитет Ивана Васильевича, право произвольного выбора наследника престола. Этот принцип «правды воли монаршей» был в то же время догматически изложен в знаменитом сочинении Феофана Прокоповича. Но тщетно в последующие годы ожидали его практического применения. Ничего не последовало в этом отношении, если не считать указания смутного и различно истолкованного – коронавания Екатерины.

А между тем здоровье государя начало внушать опасения близким к нему людям. Уже в мае 1721 года Лефорт говорил об астме, от которой царь очень страдал. Кроме того, думали, что у него внутри нарыв. «Помимо этих недомоганий, – прибавляет дипломат, – был случай в Риге, который мог скоро всему положить конец, и весьма не своевременный. Богу известна причина, но заметили, что один из неряшливых пажей этого героя имел счастье заболеть одновременно со своим государем. Царь находился в агонии семнадцать часов и, едва

поправившись, совершенно не думал беречься. Обратили лишь внимание на то, что он говел более усердно, чем обыкновенно, с коленопреклонениями и частым целованием земли».

Одаренный здоровьем необыкновенно крепким, Петр предъявлял всегда к нему чрезмерные требования. Он жил двойной и тройной жизнью. В 1722 году во время Персидского похода появились первые признаки задержания мочи и приняли более тяжелую форму зимой 1723 года. Он совершенно не желал лечиться и положительно отказывался дать себе отдых. Дело Монса, затем Меншикова, которого ему пришлось отстранить от председательства в военной коллегии ввиду его хищений, ускорили ход болезни, раздражая больного. А он продолжал нисколько не беречься, обзывал невеждами и прогонял дубинкой врачей – немца Блументроста и англичанина Паульсона, проповедовавших ему об умеренности. В сентябре 1724 года диагноз его болезни выяснился: это был песок в почках, осложненный следами венерического заболевания, плохо вылеченного, Царь страдал сильными болями в пояснице, у него вышел «довольно большой камень», а через несколько дней «куски гноя». На бедрах появились гнойные опухоли. Это не помешало ему в следующем месяце отправиться на осмотр работ по прорытию Ладожского канала. Там проводил он очень холодные ночи в палатке, погружался в воду, ездя верхом по замерзшим болотам. По окончании осмотра он посетил Олонецкие железоделательные заводы, затем заводы Старой Руссы, где работал в качестве простого рабочего, наконец, упорно настоял на желании вернуться в Петербург водою, хотя уже был ноябрь. Дорогой, около маленького городка Лахты, он увидел севшее на мель судно, а на нем солдат в опасном положении и, спеша им на помощь, вошел в воду по пояс. Команда была спасена, но царь вернулся в свою столицу в жестокой лихорадке и слег, чтобы больше не вставать. Прокол, посоветованный итальянским врачом Лазаротти, был отложен до 23 января и, наконец произведенный английским хирургом Хорном, только убедил в безнадежном состоянии этого больного.

Петр умер, как жил, погибнув от трудов, но еще раз принесся в жертву свой сан государя страсти собственноручной работы. Все, что было геройски-чрезмерного, необдуманного и несоразмерного в вездесущности его усилий, лишний раз обнаружилось на склоне его жизни. Всегда он упускал из виду ту истину, что героизм матроса и главы государства не могут быть одинакового свойства.

Он спас лодку и, может быть, жизнь нескольких человек, но подверг опасности большой корабль и многочисленную команду, начальство над которыми ему было вручено. Кто заменит его у кормила? Никому не известно. Он ничего не предвидел, ничего не устроил и перед смертью оказался неспособным на высшее проявление воли и сознания, какого вправе были от него ожидать. Недавно мы видели матроса за работой, теперь это был просто умирающий человек. Кончина его – смерть набожного сына православной церкви, но не государя. С 22 по 28 января он трижды исповедовался и причащался; обнаруживал раскаяние; приказал растворить двери тюрем. Последний раз принимая святые дары, он с сокрушением повторял несколько раз: «Я верю и уповаю», но молчал о грозной задаче, смущавшей все умы вокруг его смертного ложа, не осуществил принципа, провозглашенного в манифесте, – принципа своего всемогущества, так громогласно заявленного, так страстно защищаемого всю жизнь; не исполнил самого главного своего долга: не оставил завещания. Нравственное смятение и малодушие, обнаруженные им неоднократно в трагических обстоятельствах жизни, по-видимому, теперь, перед последним испытанием, смутили его мужество и ум. Кампредон говорит о проявленной им большой трусости. 27-го в два часа пополудни он просил дать ему принадлежности для письма, но успел только написать слова:

«Передайте все...». Фраза осталась недоконченной и доказала лишний раз манеру быстро и попросту разрешать вопросы наиболее щекотливые и сложные, слишком часто характеризовавшие деятельность Преобразователя. Немного позже он велел позвать дочь Анну и выразил намерение продиктовать ей свою последнюю волю, но не мог больше произнести ни слова. А пока он лежал в агонии, Екатерина, заливавшаяся слезами у его изголовья, время от времени осушала глаза и спешила в соседнюю комнату, где обсуждала с Меншиковым, Толстым и Бутурлиным способы и условия государственного переворота, обеспечивавшего за ними власть. На следующий день, 28 января, в шесть часов утра Петр испустил последний вздох, и через несколько часов в России водворилось смешанное правление женодержавия и военной олигархии под властью бывшей лифляндской служанки. Царство женщин продолжалось до конца столетия, и не от Петра зависело, что его дело и даже самое существование его родины не погибли в столь долгом испытании. Счастье современной нам России оказалось выше гения ее создателя.

Кончина великого мужа, впрочем, не вызвала сразу ни особенно горячих, ни всеобщих сожалений. В обществе скорее почувствовалось что-то вроде того впечатления, какое произвел впоследствии своим исчезновением Наполеон. Россия также вздохнула: ух! Граф Рабутин говорит даже о *всеобщем удовольствии*. Феофан Прокопович произнес великолепное надгробное слово, но народное чувство вылилось более искренно в лубочной картинке, представляющей и язвительном и карикатурном виде, «как мыши кота хоронили».

Народному чувству свойственны также бессознательность и мимолетная, неблагодарность, и Россия с тех пор уплатила свой долг памяти наиболее достойному и славному из своих сынов. Легко себе представить, почему слезы, более искренние, чем слезы Екатерины, не проливались над могилой в ту минуту, когда она разверзлась: вокруг было слишком много крови.

II

Петр не оставил завещания. Мы не упускаем из вида документа, столь распространенного и тщательно изученного, под названием «тестамент». Но, помимо того, что последний не имеет непосредственного практического значения (в нем заключается обширная программа завоевания Европы Россией и никакого распоряжения относительно престолонаследия), – это простая мистификация. Мы не принадлежим к числу ревностных сторонников его исторической достоверности. Слишком часто нашей уверенности приходилось пошатнуться при соприкосновении с элементами, на которых она зиждилась. Но здесь очевидность создается общностью доказательств, по-видимому стоящих вне всякого сомнения.

Прежде всего доказательства нравственного свойства.

Можно ли себе представить, чтобы этот человек, умирающий, не подумав и не обеспечив непосредственной будущности своего тяжелого наследия, заботился, что станет с Европой и Россией через сто лет после его смерти, и отмечал не в смутных грезах или неясных мечтах, на что он, пожалуй, был способен, но с последовательностью и точностью все этапы предстоящего пути? И какие этапы на этом странном маршруте, с такой точкой отправления! Не следует забывать, что в то время Россия победила Швецию *при помощи доброй половины Европы* — Саксонии и Пруссии, Дании и Англии – и ценой

восемнадцатилетних отчаянных усилий. Она не добилась управления Польшей, столкнулась с Турцией и потерпела поражение. Вот и все. Можно ли после того представить себе, чтобы в воображении Петра, насколько бы оно ни казалось пылким, мог существовать план побед над Европой, логически, почти математически проистекающий из такой наличной действительности?

А кавалер, или *кавалерственная дама*, д'Эон? Ведь известно, что от него, или от нее, исходило в виде копии, сообщенной версальскому кабинету, первое уведомление о грозной рукописи. Мемуары загадочной личности, изданные в 1836 году Галльярдэ, познакомили широкую публику с поразительным открытием. Откуда взял Галльярдэ эти мемуары? В 1836 году ему было двадцать пять лет, и он сотрудничал с Дюма в «Tour de Nesle». Подлинные мемуары д'Эона хранятся в архиве на набережной д'Орсэ. Надо ли говорить, что в них нет ничего общего с теми, что ему были приписаны, и не имеется ни малейшего следа какого-либо *завещания*? Наоборот, у автора встречаются весьма ясные указания, что он даже не подозревал о существовании подобного документа. Д'Эон высказывается против сближения между Францией и Россией. Потому, что последняя держава кажется ему опасной? Вовсе нет! Потому, что он считает ее величиной, недостойной внимания!

Нам неизвестно, откуда взял Галльярдэ «Мемуары», приписанные им д'Эону, но догадаться об этом нетрудно. Известно, откуда он взял пресловутый *тестament*. Здесь мы переходим к вещественным доказательствам. Первое изложение документа встречается в сочинении Лезюра «De la politique des progrès de la puissance russe», изданном в Париже в 1811 году. Время его появления в свете достаточно определяет его характер; а вот еще более знаменательная подробность: сэр Роберт Вильсон, представитель английского правительства при русском дворе во время кампании следующего года, говорит о большом количестве экземпляров этого сочинения, найденном в вещах герцога де Бассано, министра иностранных дел. «Завещание» еще не значит там как «резюме секретных нот, сохраняющихся в частном архиве русских государей». Труд Лезюра был забыт довольно скоро, и до 1836 года ни один из европейских литераторов не упоминает о пророческом документе. Сравнивая некоторые места из «Souvenirs contemporains» Вилльмана, «Memoires» графа Малмена, «Message au Sénat» и «Mémorial de Sainte Hélène», Берхгольц пришел к заключению, что автором «Резюме», слегка исправленного Галльярдэ и превращенного в «Завещание», был не кто иной, как Наполеон I. Остается добавить еще несколько слов. При возникновении полемики относительно подлинности документа отрицали присутствие в архиве на набережной д'Орсэ его копии, доставленной ли или нет самим д'Эоном. Напрасно. Он там находится, но на таком месте и с такими внешними признаками, что исчезает всякая возможность ошибки в определении эпохи ее происхождения. Она – современница Второй империи и Крымской кампании.

Признаемся, что в наших глазах спор этот, имеющий значение совершенно второстепенное, представляет известный интерес в том, что касается личной характеристики Петра, но безусловно лишен всякой ценности в смысле заключений, какие из него можно извлечь с точки зрения более общей о русском могуществе и политике. Петр не написал ни одной строчки из текста, сделавшегося знаменитым под его именем. Это утверждение нам кажется удостоверенным историей, но царь сделал нечто большее и лучшее. Одиннадцать первых параграфов «Резюме», изданного в 1811 году, были вообще признаны довольно точным изложением политики, преследуемой Россией с 1725 года, и успехов могущества этой державы. Вот истинное «Завещание» великого мужа, не таившееся

в секретных архивах, но начертанное на виду у всех, отпечатанное на облике современного мира при всей Европе, служившей свидетельницей. Вот его дело, общий обзор которого нам остается сделать.

III

Не без смущения приступаем мы к этой дополнительной части своего труда. У подножия мавзолея, где в день погребения упокоился прах человека, величайшего врага отдыха, когда-либо попиравшего землю, остроумное вдохновение поместило символическое изображение ваятеля и недоконченной фигуры, высеченной его резцом из глыбы мрамора. Латинская надпись добавила следующий комментарий, проникнутый наивной искренностью:

«Пусть древность умолкнет, пусть Александр и Цезарь ему уступят первенство. Победа легко доставалась вождям героев, предводителям непобедимых войск; но тот, кто обрел покой лишь в смерти, нашел в своих подданных не людей, жаждавших славы или искусных в воинском деле и не боявшихся смерти, но дикарей, едва достойных имени человека, и их он превратил в существа цивилизованные, хотя они походили на медведей, своих соотечественников, и сопротивлялись его намерению их образовать и просветить».

Десять лет спустя первый приговор потомства был изречен бесспорно компетентным судьей. Наследник прусского престола, будущий Фридрих Великий, писал Вольтеру: «Счастливые стечение обстоятельств, благоприятные события и невежество иностранцев создали из царя призрак героя; мудрый историк, отчасти свидетель его жизни, приподнимает нескромной рукой завесу и показывает нам этого государя со всеми человеческими недостатками и небольшим запасом добродетелей. Это больше не всеобъемлющий ум, всезнающий и стремящийся все проникнуть, – это человек, руководившийся фантазиями достаточно новыми, чтобы придать известный блеск и ослепить; это больше не неустрашимый воин, презирающий и не знающий опасности, но государь малодушный и робкий, которого грубость покидает в беде. Жестокий в мирное время, слабый во время войны...».

Довольно. Так рано начались и так далеко зашли вокруг священной памяти вечные споры, нарушающие могильный покой великих усопших. За границей, во Франции, в особенности в Англии и даже в Германии, преобладало отрицательное отношение, начиная от Бернета и Руссо, Фридриха и Кондилляка до Леруа Болье, пройдя через де Местра и Кюстина. В России общественное мнение и историческая критика, отчасти под чужеземным влиянием, пережили различные течения. Прежде всего обрисовалось первое движение резкой реакции в смысле страстного преклонения перед прошлым, уничтоженным реформой, и выразилось в книге Болтина. Царствование Елизаветы и в особенности Екатерины II дало сильный толчок в обратную сторону, и в книге Голикова звучит эхо всеобщего энтузиазма, вызванного продолжательницей великого царствования. В начале XIX столетия – возврат реакционных идей под двойным влиянием французской революции и наполеоновской гегемонии: революционные попытки внушают ужас, национальное чувство пробуждается в России и в Германии; с одной стороны, нарождается славянофильство, а с другой – германофильство. Петр и его творение осуждены. Затем новый поворот. Мнения возвращаются к прежнему. Даже среди представителей славянофильской школы некоторые

изменяют смысл своего неодобрительного приговора. Смягчая его, Петру больше не ставят в вину, что он отвратил Россию от естественного и более счастливого предназначения, бросив ее в объятия чужеземной, извращенной цивилизации. Он был не прав лишь в том, что ускорил и испортил поспешностью и насилием, явившимися неизбежным следствием, эволюцию, которая более медленно, но целесообразно протекла бы без него. Такой приблизительно взгляд разделял и Карамзин в последние годы. Если бы Петр не обрушился на свою Родину словно вихрь, безжалостно вырывая из отечественной почвы все семена местной культуры и заменяя их без разбора клочками, собранными со всех четырех углов Европы, – обрывками ее речи, обносками ее одежды, осколками ее учреждений, урывками ее нравов, крошками с ее стола, его дело не могло бы возбудить ни в одном русском сердце ни страха, ни неприязни. Но, резкий и порывистый, грубый и циничный, намеревавшийся цивилизовать свой народ пудовой дубинкой, он мог внушить стремление к образованию, любовь к науке лишь немногим. Он только запугал и ошеломил остальных и надолго приковал их к одному месту в оцепенении и страхе.

Сравнительно недавно один высокий сановник возымел мысль вознаградить хорошее поведение своих крестьян, построив им школу. Заведение оставалось пустым. Настаивая на посещении школы, жертвователю добился лишь коллективного ходатайства благодетельствованных: «Мы всегда исполняли свой долг; за что, милостивец, хочешь ты нас наказать?»

Вот какое стремление к цивилизации Петр насадил в душах своих мужиков.

Придя к такому выводу, славянофильский тезис заметно приближается к взгляду, почти общепринятому критикой Западной Европы. Мы готовы признать его справедливость, но сняв с Петра личную ответственность или, во всяком случае, сократив ее надлежащим образом. И все-таки нам кажется, что к ней в значительной степени должны быть применены смягчающие вину обстоятельства. Представление о человеке, ниспосланном провидением, или роковым, имеющем на ход событий и естественное развитие народов воздействие произвольно-решительное, теперь, кажется, окончательно оставлено историей-наукой и отнесено к области романических фикций. Действительность коллективных сил, окружающих и увлекающих великих героев человеческой драмы, предстала перед духовными очами современного мира. Она сказала достаточно ясно в жизни и деятельности Петра. Его программа преобразований исходит не от него. Один ли он приводит ее в исполнение? Мы знаем, что он поставлен у власти партией; мы видим его затем окруженным группой людей, вдохновляющих его и руководящих его первыми шагами: Лефортом, Виниусом. Этих иностранцев даже не он лично вызвал из Швейцарии или Голландии. Он застал их уже на месте, предрасположенными играть роль, соответствующую их происхождению и природным склонностям, готовыми вступить на сцену. И не только одни иностранцы! Курбатов, Меншиков, Демидов – русские... А Северная война и ее влияние на ход преобразовательного движения? Мы его признали. Должны были также признать, что захваченный ею Петр следовал течению. Стремление к Балтийскому морю возникло задолго до него. Тогда же началось вооружение. Следовательно, было намерение вести войну. Но темперамент, характер, личное воспитание великого мужа? Мы приняли их в расчет, но постарались также указать, откуда они проистекали. Мы подробно остановились на слободе, первой воспитательнице юного царя. Разве Петр основал ее здесь, у порога древней столицы? Мы обратили внимание читателей на основу суровости, дикой энергии, столь явственных в духе и плоти народа, из среды которого вышел великий муж. Один ли

вышел он оттуда в эту минуту? Не напоминает ли его Меншиков во многих отношениях? Иногда последний представляется настоящим двойником Петра. А Ромодановский с его кровожадными порывами, Шереметев с его геройским упорством? Наконец, предположим царя все-таки одиноким и единственным, обособленным феноменом, точно упавшим с неба аэролитом, увлекшим окружающие элементы быстротой своего падения и тяжестью своей массы. Тогда следует призвать на суд истории дух народа, способный подчиниться подобным случайностям, а также все его прошлое и прежде всего на них возложить ответственность за катастрофу. Но в истории русской народности совершенно не видно, чтобы ее так легко было подвинуть и направить в сторону, для нее не подходящую. После Петра ей суждено было два раза находиться под властью безумцев или вроде того. Однако она не поддалась их безумию, лишь едва отклонилась от своего пути. Путь этот был предначертан до Петра; направление не изменилось после него. Дело Преобразователя не приостановилось с прекращением его существования, оно продолжало развиваться, несмотря на безличность или недостойность его прямых наследников, сохранило все тот же характер: всегда резкий, чрезмерный и поверхностный. Нужно ли еще иное доказательство для признания его происхождения и родственной связи, для провозглашения его порождением всей России?

Петр вполне сын своего народа и своего века. Он пришел в свое время. Народная песнь той эпохи поет о кручине безвестного героя, томящегося избытком чувствуемых в себе сил, не находящих применения. То изображение и жалоба всего народа. Россия того времени изобилует таким избытком энергии физической и нравственной, обреченной на бездействие благодаря отсутствию общественной жизни. Богатырские времена миновали, богатыри остались. Петр явился вовремя, чтобы дать им работу. Он резок и груб, но не следует забывать, что ему приходилось иметь дело с правами иными, чем те, к которым мы привыкли, с выносливостью и крепостью, о которых мы с трудом можем составить себе представление. В бытность свою в Москве в 1722 году Берхгольц присутствовал при казни трех разбойников, приговоренных к колесованию. Самый старый умер после пяти- или шестичасовой пытки; два других, более молодых, еще живы, один из них с трудом поднял руку, сломанную поворотами колеса. Чтобы высморкаться тыльной стороной ладони; потом, заметив, что этим движением запачкал несколькими каплями крови колесо, к которому привязан, снова протянул искалеченную руку, чтобы их стереть. С молодцами такого закала можно на многое рискнуть, можно также многое на них взвалить; но если приходится противоречить их природным склонностям, инстинктам или предрассудкам, то очевидно, что здесь мерами кротости ничего не поделаешь.

Петр – циник и развратник. Изобличаемое отрицателями его дела смещение отечественной дикости с западной испорченностью прежде всего бросается в нем в глаза своей отталкивающей внешностью. Откуда оно взялось? Мы видим Петра проникнутым им задолго до его первой поездки за границу. Супружеские злоключения Евдокии и торжество Анны Монс предшествовали великому путешествию. Для юноши было достаточно перешагнуть ручей, чтобы, наткнуться у ворот древнего Московского Кремля на почти завершившееся уже в пределах Немецкой слободы прискорбное слияние порочных элементов. С ним оно еще усилилось, пусть будет так. Но разве, с другой стороны, примером благороднейших доблестей он не дал своим подданным Возможности встать выше этого, как сделал это сам?

Наконец, Петр был нетерпелив и вспыльчив. Мы убеждены, что в этом отношении его ум, характер, темперамент опять-таки являлись отражением всеобщего душевного

состояния; его деятельность – резкая, стремительная и лихорадочная – выражением общераспространенного явления. Нет ничего удивительного в том, что он сам не отдавал себе ясного отчета в своей роли волны морского прилива, увлекающей за собой другие волны, но, в свою очередь, гонимой приливом под давлением сил далеких и неизмеримых. Его ошибку разделяли знаменитые соревнователи, и в ту минуту свидетели, даже прозорливые, могли впасть в заблуждение. На расстоянии удобнее восстановить общую картину. Прилив бросается в глаза, и течение явления обрисовывается вполне ясно.

Это течение мы можем проследить в продолжение нескольких веков. Долго ход его замедлялся, но потом оно сразу двинулось вперед, ускоренное сочетанием причин, совершенно не зависимых от воли одного или нескольких людей. Вот на каком основании ответственности личной или родовой, по нашему мнению, существовать почти не может.

Эволюция, введшая, или, вернее, возвратившая, Россию в европейскую семью, приняла резкий оборот после медленного приготовления, потому что того требовали условия исторической жизни страны. Резко приостановленное в XIII веке движение цивилизации только в конце XVII столетия встретилось с условиями, благоприятными для возобновления своего завоевательного шествия, и, наткнувшись на пути, уже проторенные, оно, само собой разумеется, ускорило свой ход, следуя, конечно, по уже проложенному фарватеру и отказавшись от стремления найти пути новые и самостоятельные. Известное явление столкновения речного течения с морским приливом дает точное изображение события.

Что произошло в этом отношении с Россией в области моральной, происходит теперь перед нашими глазами в области материальной. Все здесь совершается сразу. Период растительной жизнедеятельности тут гораздо ограниченнее, чем в соседних странах, что отзывается на приемах культуры. Плуг должен ожидать майского солнца, чтобы взрыхлить землю, а меньше чем через три месяца урожай уже должен быть снят.

Эволюция должна была по этой же причине иметь характер насильственный. Ломающая ее преграда победоносного потока, падающая лавина, стремительность движения всегда сопряжены с известной резкостью толчка. Последние реформы в России, совершившиеся в течение этого века, имели такой же характер, хотя в более умеренной степени.

Отмена крепостного права в некоторых областях государства приняла вид общественного крушения. Страны, которым дано было достигнуть состояния высшей цивилизации без больших потрясений, так же как и без вмешательства извне, посредством долгой внутренней работы и мирного шествия по пути прогресса, – благословенные уголки земного шара. Победа эта была стремительной в Америке; нельзя ожидать, чтобы она совершилась безо всякого насилия в Африке или Азии.

Бесспорно, для народа сопряжено с большими неприятностями такое безудержное стремление вперед, вдогонку за более счастливыми соседями. Но также неприятно родиться кафром или полинезийцем.

Изучая последствия, какие имело для России поспешное дело Петра, талантливый писатель различает четыре дурные стороны: зло нравственное, умственное, общественное и политическое. Не будем касаться числа, но нельзя не согласиться, что, приведя в соприкосновение с примененной им быстротой старую русскую грубость со скептической развращенностью Запада, Преобразователь содействовал народжению цинизма, одинаково отталкивающего как для русских старого закала, так и для их европейских соседей; что, угнетая своих подданных суровостью законов, навязчивостью регламентов, жестокостью

наказаний, он научил их лицемерию и низости и что таким полным пренебрежением, не пощадив традиций прошлого, установлений и даже народных предубеждений, он создал настроение, может быть, давшее начало современному нигилизму. Такова сторона моральная. Следует также сознаться, что чрезмерное и поспешное развитие способностей ассимиляции с интеллектуальной точки зрения лишь подчеркнуло отсутствие в его народе оригинальности, самобытности, заложенное в него самой природой, и уничтожило в нем всякий дух инициативы; что с точки зрения общественной неизбежно поверхностный результат стремительной культуры вызвал опасный разрыв между высшими и низшими слоями общества, причем только первые прониклись идеями и нравами Запада, а последние для них остались непроницаемыми; что, наконец, с точки зрения политической крутое введение иноземных форм правления не позволило организации, таким образом навязанной стране, приспособиться к ее природным склонностям и стремлениям. Признаем все это и еще многое другое. Признаем вместе с Кюстином, имевшим в этом отношении редкую удачу сойтись во мнении с русским писателем, отказавшимся впоследствии от своего первоначального оптимизма, – поэтом и историком Сумароковым, что превратить «людей ненапудренных в животных, обсыпанных мукой» или «медведей в обезьян» не было особенно блестящей победой. Признаем с Левеком, что желание согласовать прогресс промышленный, торговый и умственный с расширением прав крепостничества было мыслью неудачной. «К науке добираются ползком, – сказал также Джозеф де Местр, – но не летят». Допустим и это. «Нума, – говорит он далее, – никогда не думал обрезать тоги римлян, и забота о поднятии нравственного уровня народа, не оказывая ему уважения, – бессмыслица и худшее из заблуждений». Нельзя с этим не согласиться. Даже сам Костомаров, при всем своем энтузиазме, признает, что средства, к которым прибегал народный герой, чтобы осуществить свою реформу, – кнут, топор, вырывание ноздрей, – были не особенно удачно избраны для пробуждения в умах и сердцах его мыслей и чувств, необходимых для того, чтобы дело его могло привиться в России: гражданского мужества, чести, сознания долга. И мы против Петра вместе с Костомаровым.

Но, в общем, не сводятся ли все эти возражения к признанию, что лучше было бы, если бы Россия не подверглась в XIII столетии татарскому нашествию и имела бы возможность на свободе цивилизоваться сообразно своим вкусам и склонностям в течение следующих веков?

Что касается «семян самобытной культуры», оставленных реформой Петра, – по мнению его хулителей, в полном пренебрежении и даже уничтоженных, – о них может быть столько же речи, как о русском искусстве в архитектурных памятниках Кремля. Спор между археологами и эстетиками наталкивается на трудность определить в этих памятниках оригинальные черты архитектуры или орнаментации, за исключением заимствований в более или менее измененном виде из искусства византийского или римского, древнегреческого, немецкого Средневековья или итальянского Возрождения. Одним словом, нам не кажется, чтобы Преобразователем была допущена значительная потеря действительно драгоценных материалов. Один из историков вменяет Петру в вину отказ от административной автономии – Ордын-Нащокин. И кроме того, как обвинять Петра в том, что он отказался от этого наследия недавнего прошлого? Ведь он с самого начала сделал его краеугольным камнем воздвигаемого им здания. Конечно, он не взял у него всего того, что желательно было бы взять. Имел ли он шансы на успех? Пример Нащокина не указывает на это. От чего же существенного отрекся еще Петр или что существенное он уничтожил? Он

не коснулся самодержавия, а только одел по-европейски своих чиновников. Ту цену, в которую обошлись реформы Петра России, также преувеличивают. Обошлись они ей дорого, это правда. В стране, где средняя заработная плата не превышала четырех копеек в день, или, скажем, 12 рублей в год, население вдруг увидело себя вынужденным с введением реформ платить ежегодный налог по одному рублю с человека... И эта тяжесть была еще наименьшей среди всех остальных. В 1708 году работы, предпринятые в Петербурге, потребовали 40 000 человек рабочих, которые, видимо, все, или почти все, погибли при постройке города. Так что в следующем году пришлось набрать такое же число рабочих. В 1710 году понадобилось только 3000 человек; но зато в 1711 году понадобилось сначала 6000, потом 40 000 человек, еще столько же потребовалось в 1713 году. Эти рабочие, прежде чем погибнуть в смертоносных болотах, окружавших новую столицу, получали по полтиннику в месяц заработной платы и жили на счет населения, одни нищенствуя, другие занимаясь грабежами. В то же время армия, в свою очередь, поглощала человеческие жизни. В 1701 году несостоятельные должники были объявлены рекрутами, поступающими в распоряжение офицеров, заведующих набором. Кредиторы теряли деньги, но государство приобретало солдат. В 1703 году чиновники и купцы обязаны были выставить каждого пятого человека из своих крепостных. В 1705 году, в январе происходил рекрутский набор в двадцати местах, новый в феврале, еще раз в декабре и, кроме того, набор драгун среди родственников чиновников канцелярии. Одним словом, увеличение податей втрое соответствовало во время великого царствования уменьшению народонаселения до двадцати на сто, не считая ужасных жертв, принесенных цивилизации в тюрьмах и застенках Преображенского, на Красной площади Москвы, в казематах Петропавловской крепости.

Но Россия, в общем, все заплатила, и, принимая во внимание достигнутые результаты, кто из русских теперь пожелал бы уничтожить сделку, кровавый договор, заключенный его предками с их грозным деспотом? Россия уплатила и не обеднела по переписи 1725 года. Наследники великого расточителя в течение сорока лет, до восшествия на престол Екатерины II, жили за счет наследия Петра Великого, а вдова Петра III, воспользовавшись остатком, как известно, не ударила перед Европой лицом в грязь.

Мы должны признать также, – и изо всех критик, порицающих творение Петра, этот взгляд нам кажется наиболее веским, – что творение это основалось на точке зрения исключительно утилитарной, пренебрегающей остальными, наиболее благородными элементами культуры и цивилизации. Россия Петра Великого – лагерь, фабрика. У нее нет ни очага искусств и наук, ни очага тепла, откуда вместе с благородными тружениками науки, блестящими ревнителями искусств сиял бы над миром свет великодушных идей, составляющих высшую и лучшую славу других исторических стран. Нам кажется, что славянофильский пессимизм исходит именно из этого соображения, явившегося уже в 1761 году у Бецкого, артистического сподвижника Екатерины, и взвешенного затем Щербатовым. Петр превратил русских в народ чиновников, рабочих или солдат, но не в народ мыслителей и художников. Практичный, положительный, не признававший никаких возвышенных стремлений, он научил или старался научить пользованию усовершенствованным оружием, чтению, счету, но не благородным порывам ума и сердца, преследованию гуманитарного идеала, культу прекрасного, а также доброты и жалости. Может быть, если хорошенько вдуматься, обстоятельство покажется естественным и, следовательно, заслуживающим оправдания. Условия исторические, географические и климатические, нами уже указанные и сопряженные с возникновением и развитием России, обратили ее существование в

постоянную войну. Без естественных границ, под неблагодарным небом она находилась и теперь находится в борьбе с особой коалицией враждебных элементов, с людьми и обстоятельствами – с соседями и с самой природой. В ней развился инстинкт самосохранения, наиболее несложный из всех инстинктов; материальные заботы получили легко объяснимое преобладание. Наклонности к лени тела и оцепенению души здесь сочетались с резким пробуждением страстного стремления к борьбе под влиянием долгих периодов вынужденного бездействия. Вот горн, из которого вышли Петр и его творение. Он был великим идеалистом по-своему, подчинив все представлению, мечте о России, способной не только защитить и расширить свои материальные владения, но и со временем воспользоваться умственным наследием Греции и Италии. То была лишь мечта. Действительность ее сейчас же опровергла и вернула в первобытный горн – к борьбе за существование, и он остался борцом, невольно занятым прежде всего заботой о развитии у себя и у своего народа мускулов и орудий для работы и борьбы.

Может ли быть разбит этот горн? Предсказатели наиболее прозорливые потерпели слишком большую неудачу в прорицании судеб великого государства, чтобы у нас могло явиться желание следовать по их стопам. Европа пока не республика и не достояние казаков. Прежде чем она сделается таковой, Россия, может быть, осуществит завет своего творца, заимствовав у Запада его истинные, неразрушенные элементы могущества и величия.

notes

Примечания

Эта коллекция есть дар Петра Великого графу Каппони в благодарность за его участие при составлении торгового договора с Генуей.

Этот взгляд довел некоторых историков до парадоксальных преувеличений.

Еще же, да никак же они, государи, попустят кому христианом православным в своей державе с еретиками-иноверцами, с Латины, Лютеры, Кальвина, безбожными Татари (их же гнушается Господь и церковь Божия с богомерзкими прелестями их проклиняет) общение в содружестве творити, но яко врагов Божиих тех удалятися... и молбищные бы по прелестям их соборищ еретических строити не давати места всеконечно, которые zde и близ или между христианских домов и те разорити годно и должно, яко дьявольския сонмища...

Все письма Лефорта писаны ломаным русским языком, латинскими буквами. Письмо приведено с сохранением его орфографии.

16 апреля 1605 г. Федору Матвеевичу Апраксину.

†

Min Her Guverneur Archangel.

О корабле будет писать Франц Тиммерман. Яхту прикажи по прежнему для кораблей вывезть. Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем. Генералиссимусы оба остаются, а с войском посылают генералов, и с ними 31 000, 60 полкортауп, 110 мортиров, 2000 бомб, и о достальном впредь писать буду.

Piter.

Федор Матвеевич, многолетно здравствуй, и на многия лета!

А мы, Юрий Иванович, Василий Иванович, про твое здоровье пьем водку и ренское, а паче пиво.

Преосвященный митрополит Кииевский Гедеон благословение присылаю.

Преображенского полку капитан Васька Соймонов челом бьет.

Смирный диакон Петр, сержант Преображенского полку, Федька Плещеев, Петрушка Гутман много челом бьют.

Надпись на обороте: Поднести великому государю генералиссимусу князю Федору Юрьевичу. Все письмо, кроме первого и последнего слов (Min Her Kenich и Piter), писано рукою Шафирова, также и все прочие письма из обоих Азовских походов.

На письме приписка по-голландски: «Г. капитан! Все добрые друзья и подруги приветствуют тебя покорнейше. Остаюсь слуга твой навсегда Лефорт». Адрес на обороте: Den Herr Capitain Petrus. Voronets (Воронеж).

Я не умею говорить.

Вольтер сам себе отчасти противоречит в этом отношении.

Счастье души в деятельности.

В стремлении к деятельности заключался его истинный гений.

Однажды маленький арап, сопровождавший Петра в его прогулке, остановился за некоторой нуждой и вдруг закричал в испуге: государь, из меня кишка ползет. Петр подошел к нему и, увидав в чем дело, сказал: Врешь, это не кишка, а глиста!.. И выдернул глисту своими пальцами. (Пушкин, историч. анекдот).

А мы сей день (т. е. день рождения маленького Петра), благодаря Всевышнего Бога, сей бесценный маргарит нам даровавшего, надеемся равным же образом повеселиться, как было и в самый первый день его рождения. Государь царевич между прочим за лучшую забаву ныне изволит употреблять экзерцицию солдатскую: чего ради караульные бомбардирской роты солдаты непрестанно в большой палате перед его величеством оную экзерцицию отправляют и правда, что хотя сие он изволит чинить по своей должности сержантской, однакож зело из того изволит тешиться; речь же его: «папа, мама, солдат». Дай, Всемилостивейший Боже, самим вам вскоре его видеть: то надеюсь, что ничего того в нем увидеть не изволите, чем бы не довольно можно повеселиться.

Собственноручное показание Степана Глебова 20 февраля 1718 г. (хранится в Секретном архиве министерства иностранных дел). «Как был я в Суздале у набора солдатского, тому лет с восемь или девять, а в то время привел меня в келью к бывшей царице, старице Елене, духовник ее Федор Пустынный, и подарков к ней через одного духовника прислал я два меха песцовых, да пару соболей, косяк байберка немецкого, и от пищи посылал. И сошелся с нею в любовь через старицу Каптелину и жил с ней блудно. И после того, тому года с два, приехал я к ней и видел ее. А она в тех временах ходила в мирском платье... А которые письма у меня вынуты, те письма от нее, Елены, рукой старицы Каптелины, в том числе от нее, Каптелиной, некоторые. А что в тех письмах упоминается о перстнях, и те перстни один золотой с печатью, на котором вырезан цветок под короною, а другой с лазоревым яхонтом; из того же числа с цветком, отдала она, бывшая царица мне, Степану, а другой велела отдать дочери моей; а против того, взяла она, бывшая царица, перстень же с лазоревым яхонтом».

Показания бывшей царицы, старицы Елены, «Февраля в 21 день, я, бывшая царица, старица Елена, привожена на Генеральный двор и с Степаном Глебовым на этой ставки сказала, что я с ним блудно жила в то время, как он был у рекрутского набору; и в том я виновата. Писала своею рукою я, Елена». (Подлинное показание в Секретном архиве министерства иностранных дел).

Слова «и с девочкою» означают Екатерину Петровну. Она родилась 28 декабря 1706 г., умерла 27 июня 1708 г.

В ведомости о расходе 55 тысяч из Казанских доходов за 1710 г. между прочим показана статья расхода: «Екатерине Алексеевне 2 500 р.». (В том числе за алмаз 1000 р.).

23 мая 1711 г. «Madame, слышал я, что Государь-батюшка изволил Вашу милость объявить себе супругою, и с сим вашу милость поздравляю, и прошу вас, дабы и в милости вашей ко мне прежней содержан был, в чем имею надежду. Алексей.

«Государю-батюшке с своим поздравлением не смел ныне для того, что ни от кого письменного ведения не имею».

«1 августа 1718. Я здесь остригся и хотя неприятно будет однакож обрезанные свои волосищи посылаю к тебе».

«Генваря 29-го 1708. Тетка и матка сама друга! (а скоро будет и сама третья!) Здравствуй, а мы, слава Богу, здоровы. Письмо ваше купно с презентом принял, и за оные благодарствую, а что пишешь, чтоб к вам всегда добрые ведомости писать и то я от сердца рад, да какое Бог даст. Еще ж объявляю свою нужду здешнюю: ошить и обмыть некому, а вам ныне вскоре быть, сами знаете, что нельзя.

P. S. При сем посылаю вам презент: тетке – лимонную материю, матке – по желтой земле, да кольцо, маленькой – полосатую, дай Боже, носить на здоровье!

1708, мая 5. Матка и тетка, здравствуйте и с маленькими! Письмо я ваше получил, из которого не горазда добро видал; дай Боже здоровье! А что пишете, что некому чесать гладко, – приезжайте скорее, старый гребнишка същем.

1711, сентября 14. Катеринушка, друг мой, здравствуй! Посылаю при сем презент тебе часы новой моды: для пыли внутри стекла, да печатку, да четверной лапушке втраиом; больше за скоростию достать не мог, ибо в Дрездене только один день был».

Этими немногими словами, крупно написанными собственной рукою Петра I, он – следуя обычаю – обманывает Государыню 1-го апреля. Подлинник был запечатан красною сургучною печатью с изображением государственного герба. На обороте надпись: Ее Величеству Государыне Царице Екатерине Алексеевне.

1717, апреля 7. Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй. Посылаю к тебе кружево на фантанжу (головной убор), и на агажanty (манжеты на груди и рукава); а понеже здесь славные кружевы из всей Эуропы и не делают без заказа, того для пришли образец, каше имена или гербы во оных делать. Хотя мы сего дня и отъезжаем отсель; однакож где мы ни будем, а когда получю от вас образцы, то по почте пошлю сюды.

1717, августа 26. При отпуске лишних людей, посылаю к тебе 2 пары голубей – да лисицу; голуби гораздо хороши, а лисица зело смирна и игрелива; а паче всего, что духу от нее нет, как от других бывает, что гораздо дивно.

Кабинет Петра. 1714 г. Посылаю к вашей милости полпива и эльбиру несколько дюжин, также и огурчиков свежепросольных. Дай Боже, вам батюшка, кушать на здоровье.

В 1715. Посылаю к вашей милости венгерского вина и полпива несколько бутылок, також винные ягоды и дын из нашего огорода. Дай Боже вам и тем, кто вам верно служит, кушать на здоровье!

А что пишешь, что скучно гулять одной, хотя и хорош огород, верю тому, ибо те же вести и за мной; только моли Бога, чтобы уж сие лето было последнее в разлучении, а вперед бы быть вместе.

1719 г. июля 19. Письмо Петра о прибытии своем в Ревель и о тамошнем саде.

«Посылаю при сем цветок да мяты той, что ты сама садила. Слава Богу, все весело здесь; только когда на загородный двор придешь, а тебя нет, то очень скучно».

С корабля Ингермонландии в 19 д. 7 ч. поутру, от Ревеля.

При письме приложены засохший цветок, мята и записка: «В прошлом 1718 г. октября 11, прибыли в Англию, в Лонден из провинции Момут два человека, которые по женитьбе своей жили 110 лет, а от рождения мужеска пола – 126 лет, а женска 125».

1717 июля 3. Что же изволите писать, что вы Метресишку свою отпустили сюда для своего воздержания, что при водах невозможно с нею веселитца, и тому я верю; однакож больше мню, что вы оную изволили отпустить за ея болезнью, в которой она и ныне пребывает, и для лечения изволила поехать в Гагу; и не желала бы я (от чего Боже сохрани), чтобы и галан (любовник) той Метресишки таков здоров приехал, какова она приехала.

Объяснение выражения «трехвременная» школа находим в письме Петра к Василию Лукичу Долгорукому в Париж: «Все ученики наши в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время была (21 год); однако ж, слава Богу, так хорошо, окончилась, как лучше быть невозможно».